ОКТАВИАН АВГУСТ

Адриан ГОЛДСУОРТИ

Революционер, ставший императором

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гай Октавиан Август, создатель самого мощного государства Древнего мира… Он не щадил никого - и в первую очередь себя - ради достижения великой цели. Но как он стал "отцом отечества" - основателем великой Римской империи? В поисках ответа на это вопрос Адриан Голдсуорти привлекает самые современные находки исследователей истории Древнего Рима – свидетельства как документальные, так и археологические.

- Адриан Голдсуорти
  - Благодарности
  - Введение
  - Часть первая
  - Часть вторая
  - Часть третья
  - Часть четвертая
  - Приложения
  - Словарь терминов
  - Персоналии
  - Библиография
  - Примечания
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152

- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196

- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240

Адриан Голдсуорти
Октавиан Август. Революционер, ставший императором

Благодарности

Многие идеи, изложенные в этой книге, вынашивались не один год. В конце первого года моего обучения в Оксфорде я начал посещать курс по истории Рима эпохи Августа. Его блестяще вел мой преподаватель Николас Перселл. Он впервые познакомил меня с внушительным «Топографическим словарем Древнего Рима» Платнера и Эшби (1929). В последующие годы я посещал лекции, семинары и консультации таких ученых, как Алан Боуман, Мириам Гриффин, Фергюс Миллар, Барбара Левик, Эндрю Линтотт и Дэвид Стоктон, и все они помогали мне лучше понять Древний мир вообще, а также Августа и его эпоху в частности. Ссылки на труды всех этих исследователей можно найти в примечаниях в конце книги, и я считаю себя в большом долгу перед многими другими учеными, чьими книгами и статьями я пользовался.

Если же говорить о более конкретных вещах, то я должен поблагодарить тех, кто помогал мне при написании предлагаемой биографии. Это мой старый оксфордский друг Филип Матышак с его интересными идеями касательно работы римского сената. Он постоянно отрывался от своей писательской деятельности, находил время прочитать мою рукопись и сделать полезные замечания. Аналогичным образом и Ян Хьюгс взял на себя огромную работу по просмотру текста книги редакторским глазом и также сделал замечания, способствующие его лучшему пониманию. Кевин Пауэлл внимательно прочитал весь текст, обращая внимание как на детали, так и на общую картину. Другой мой большой друг, Дороти Кинг, выслушала немало соображений в то время, как я их вынашивал, неизменно сопровождая их остроумными и проницательными комментариями, а также помогла мне, предоставив некоторые фотографии. Я должен также поблагодарить мою матушку за ее профессионализм корректора и мою жену за вычитку некоторых разделов. Они и все другие члены моей семьи и друзья последние несколько лет жили вместе с Августом, и я особенно благодарен им за их поддержку.

Как всегда, я должен поблагодарить и своего агента Джорджину Кэйпел за то, что у меня появилось время как следует заняться написанием этой книги и за ее неизменный энтузиазм при работе над данным проектом. Нужно также сказать спасибо моим издателям Алану Симсону в Великобритании и Кристоферу Роджерсу в США за выпуск столь красиво оформленного издания.

Наконец, я весьма обязан Дэвиду Бризу за составление

родословных древ в этой книге. Основываясь на стеммах[1] из работы «Эпоха Августа» под редакцией М. Кули (2003), он не только предложил создать более подробные стеммы семейства на разных этапах, но и немало потрудился, чтобы составить их для меня. Фамильные связи родственников Августа и их современников до крайности запутанны, но эти схемы сильно облегчают их понимание.

Введение

В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею. И пошли все записываться, каждый в свой город.

Евангелие от Луки. 2:1–3

Это краткое упоминание в истории о Рождестве Христовом было первым, что я услышал об Августе, и хотя трудно быть точным, когда речь идет о моем раннем возрасте, я наверняка был еще очень юн. Подобно большинству других людей, которые слышали или читали этот пассаж, сомневаюсь, что я особенно задумывался над ним. Лишь позднее, когда выросла моя любовь к истории, я стал испытывать особый интерес ко всему, что связано с Древним Римом. Невозможно изучать историю Древнего Рима, не столкнувшись с Августом и его наследием. Это был первый император, человек, который, наконец, заменил замаскированной монархией республику, существовавшую почти полтысячелетия. Созданная им система обеспечила империи примерно 250 лет стабильности – наиболее длительный и благополучный период, чем когда-либо. В III в. н. э. эта система пережила кризис, продолжавшийся несколько десятилетий, и выжила лишь в результате широкомасштабных реформ, однако даже теперь «римские» императоры, которые управляли из Константинополя, чувствовали себя полноправными преемниками власти и авторитета Августа.

История Августа сколь важна, столь и драматична. Преподавая ее студентам не один год, я всегда напоминаю им, что ему не было и девятнадцати, когда он пустился по волнам безжалостной политической борьбы в Риме, и был моложе любого другого начинающего политика на тот момент. Зачастую это упускается из виду, если рассказывается о том, как искусно и неразборчиво он действовал, ловко маневрируя с помощью временных союзов в годы гражданской войны. Он был внучатым племянником убитого Юлия Цезаря, который сделал его главным наследником в завещании и дал ему свое имя, что Октавиан истолковал как полноценное усыновление. В Риме не приветствовалось наследование власти, но, пользуясь своим именем, будущий принцепс объединил сторонников покойного

диктатора и объявил о своем намерении унаследовать все должности и статус отца. Затем он стал упорно добиваться этого вопреки всяческим неожиданностям и противодействию более опытных противников. Последним из них оказался Марк Антоний. Он потерпел поражение и погиб в 30 г. до н. э. Молодой кровожадный полководец эпохи гражданских войн сумел стать любимым всеми защитником государства, взяв себе имя Августа со всеми связанными с ним религиозными коннотациями, и в конце концов получил прозвище «отца отечества», превратившись скорее в объединяющую, нежели разъединяющую граждан персону. Август сохранял в своих руках высшую власть в течение сорока четырех лет – весьма долго для любого монарха, – и когда он умер в весьма почтенном возрасте, ни у кого не вызывало сомнений, что место принцепса займет его наследник. Однако, несмотря на свою неординарную биографию и огромное влияние на историю империи, которая сформировала культуру западного мира, Цезарь Август не обрел своего места в массовом сознании. Для большинства людей он остается лишь тем, кто упоминается во время рождественских служб или во время школьных инсценировок на ту же тему, и ничем более. Мало кому есть дело до того, что месяц июль назван в честь Юлия Цезаря, но еще меньше тех, кто знает, что август носит имя императора Августа. Юлий Цезарь знаменит, то же можно сказать об Антонии и Клеопатре, Нероне, Александре Великом, Ганнибале, возможно, Адриане, некоторых философах, но не об Августе. Одна из причин этого состоит в том, что Шекспир не написал пьесы о нем – возможно, потому, что в жизни этого человека, дожившего до преклонных лет и умершего в своей постели, не было чего-то особенно трагического. Он появляется под именем Октавия в «Юлии Цезаре» и как Цезарь в «Антонии и Клеопатре», но ни в одной из пьес в его характере нет ничего особенно привлекательного, в отличие от Брута, Антония, или даже менее важных персонажей вроде Агенобарба. Его образ нужен преимущественно для контраста Антонию – слабый, даже малодушный, но хладнокровный и ловкий, тогда как последний храбр, силен физически, простодушен и горяч. Этот контраст был подмечен уже в античных источниках, и восходит он еще к пропаганде времен гражданской войны. В современных трактовках эти тенденции только усилились – мысль о хладнокровных, с оттенком садизма поступках владела Родди Макдауэллом при создании эпической кинокартины «Клеопатра» (1963).[2]

Расчетливый, хитрый, совершенно безжалостный – таков Август, и он заставляет зрителей симпатизировать Антонию

и Клеопатре, а их смерть кажется еще более трагической, поскольку в конечном счете это история о них. Ни один спектакль, фильм или роман, где одним из главных персонажей является Август, не захватывает воображение публики. А в романе Роберта Грейвза «Я, Клавдий» и его прекрасной инсценировке на Би-би-си, которая теперь многим известна, он просто выделяется среди второстепенных персонажей, не более того. Эта трактовка вызывает куда больше сочувствия к Августу, и здесь он играет иную роль. Это простой, живой, эмоциональный и в общем почти всегда приятный пожилой человек, игрушка в руках Ливии, его жестокой жены-интриганки. Подобные сюжеты весьма увлекательны и захватывающи, однако сами по себе они не позволяют разобраться, почему Август был значительной фигурой и почему в молодости он манипулировал другими, а в старости позволил манипулировать собой.

Жизнь Августа этим отнюдь не исчерпывается, и ее длинную историю никак не назовешь скучной. Одной из самых больших ошибок было бы считать неизбежным конечный успех наследника Цезаря исходя из его политического гения или (это устаревшая точка зрения) общих тенденций, которые рано или поздно должны были привести к созданию монархии. Кого-то долголетие Августа, как и его успех (особенно в ранние годы), удивляет. Чаще мы видим в нем азартного игрока, нежели осторожного любителя строить планы. Август не раз шел на риск, особенно во время гражданских войн, и не всегда этот риск оправдывался. В нем было больше от Цезаря, нежели порой считается – не в последнюю очередь это касается его умения выпутываться из ситуаций, которые он сам же создавал. Кстати, нет никаких свидетельств того, что у него имелся продуманный план создания нового политического режима; вместо этого мы видим импровизацию, эксперименты, формирование новой системы методом проб и ошибок, где случай играл почти такую же роль, как и планы. Образ холодного манипулятора быстро исчезает, как только мы взглянем на человека, который старался, и не всегда успешно, сдержать свои страсти и унять горячий темперамент. Таков был Август, когда имел связь с замужней и беременной Ливией, которую сделал своей женой, разведя ее с супругом, а затем велел этому человеку председательствовать на их свадьбе всего через несколько дней после того, как она разрешилась от бремени. Такого можно было бы ожидать скорее от Антония или даже, скорее, от Нерона, правнука Марка Антония и сестры Августа.

Наряду с любовными страстями известна и его невероятная жестокость. И Август,[3] и Антоний, и их сотоварищ по

триумвирату Лепид – все они были виновны в массовых убийствах во времена проскрипций – «все, что отмечены, умрут», как сказано у Шекспира[4] – и во многих других случаях. То, что другие военачальники того времени редко вели себя более милосердно, не оправдывает их свирепости. Зачастую трудно симпатизировать молодому Августу несмотря на его умеренность в последующие года, примирить эти его качества многим современным биографам очень нелегко. Зачастую эффективным решением является разделение его жизни на две части. Возвышение до битвы при Акции представляет собой отличный материал для изложения – сражения, интриги, хорошо известные персонажи – Цицерон, Брут, Секст Помпей, Клеопатра. Многие биографы хотят побыстрее «проскочить» эти годы и перейти к более позднему времени, к темным интригам, связанным с вопросом о выборе наследников, и не случайно, что эти две примечательные истории отражают темы, избранные Шекспиром и Грейвзом. Другие авторы, обычно из академической среды, также заканчивают изложение на 30 г. до н. э., а применительно к остальной части его жизни обсуждают более общие вопросы – например, «Август и сенат», «Август и провинции», «Август и религия».

В академической среде есть не так много любителей писать биографии несмотря на то – а отчасти, возможно, именно потому, – что они рассчитаны на гораздо более широкий круг читателей. Я написал свою биографию Юлия Цезаря потому, что прежние книги о нем не были вполне удовлетворительными – им либо недоставало детальности, либо они затрагивали только один аспект его жизни. Каждый рассматривал либо его политическую, либо военную карьеру, но никогда и то, и другое – разделение, которое озадачило бы римлян. Именно в процессе работы над той книгой я понял, что однажды мне придется написать книжку с таким же охватом материала об Августе: ведь никто еще не создал такого жизнеописания, какого он заслуживает. Существуют удачные трактовки различных аспектов жизни императора, отдельные блестящие краткие обзоры, однако нет работ, где была бы изложена вся его биография с должной подробностью. Серьезным недостатком тематического подхода является то, что в ходе дискуссий о политике, идеях или зрительных образах, использовавшихся режимом в своей пропаганде, может потеряться сам человек. В итоге слишком легко происходит переход от биографии молодого Августа к его зрелым годам, а потому остается непонятным, почему вначале он был одним человеком, а позднее становится другим. В случае с книгой «Цезарь: жизнь колосса» целью было написание такой

работы, как если бы речь шла о современном государственном деятеле, в ней ставились те же вопросы, даже если источники с трудом могли дать ответы на них, и попытаться, насколько возможно, понять суть этого человека.

Меняющийся образ императора

Между тем понять, каким был подлинный Август, нелегко, и не в последнюю очередь из-за того, что в течение жизни он постоянно заботился об обновлении своего имиджа. В середине IV в. н. э. император Юлиан, позднее сам присвоивший силой высший титул *августа* после того, как несколько лет носил титул цезаря, младший в рамках тогдашней императорской системы, написал сатиру, где изображал пиршество, во время которого боги приветствуют обожествленных правителей Рима. Среди них мы видим и Августа, однако последний изображен как человек странного, неестественного поведения, постоянно меняющий окраску подобно хамелеону в зависимости от позиции окружающих. Лишь под влиянием философии он становится добрым и мудрым правителем.[5]

Август знал о том, какой репутацией пользуется в обществе, однако все римские политики при каждом удобном случае рекламировали заслуги и достижения – как собственные, так и своих фамилий. Марк Антоний до сих пор пользуется репутацией опытного и способного военачальника, которой гораздо более обязан пропаганде, нежели действительному боевому опыту и способностям. В этом смысле Август выделяется на общем фоне, поскольку он имел гораздо больше времени для того, чтобы распространять представления о себе и видоизменять их, а также намного больше возможностей для этого, нежели кто-либо другой. От Августа до нас дошло больше изображений, чем какого-либо иного персонажа древней истории. После битвы при Акции стало особенно трудно проницать взором созданный им образ и понимать, что же он за человек на самом деле. Тем не менее в нашем распоряжении достаточно рассказов о его семейных делах и образе жизни, немало историй бытового характера, а также целая коллекция острот, изреченных им самим или относившихся на его счет. Материала такого рода об Августе гораздо больше, нежели о Цезаре или почти любом другом персонаже римской истории. Однако стоит соблюдать осторожность, поскольку такие с виду «естественные» моменты давали возможность для игры на публику, ибо общественная жизнь в Риме носила во многом театрализованный характер. Жизнь римских политиков протекала у всех на виду, и Август

страстно желал казаться образцом надлежащего поведения в частной жизни так же, как и при исполнении общественных обязанностей. То, что связано с ним, как правило, не следует воспринимать за чистую монету.

Возможно, нам следует начать с основополагающего вопроса о том, как называть его, учитывая, что даже Шекспир использует для него различные имена в своей пьесе. Сейчас нашего героя принято называть Октавианом применительно к периоду до 27 г. до н. э., а после этого – Августом, избегая имени Цезаря, чтобы не спутать его с Юлием Цезарем. Между тем, очевидно, что это серьезная ошибка, из-за которой усиливается разделение между кровожадным триумвиром и выдающимся государственным деятелем и правителем. Имена много значили в римском мире, да и в более позднее время, если мы вспомним о живучести имени Цезаря в титулах «кайзер» и «царь». Марк Антоний насмехался над юным Августом как над «мальчишкой, у которого только и есть, что имя» именно потому, что благодаря имени Цезаря юнец обретал вес, которого никаким другим способом добиться не мог. Именно поэтому Август никогда не называл себя Октавианом, и если мы называем его так, а не Цезарем, то это затрудняет понимание событий тех лет. Важно знать, как он называл себя на каждом этапе жизни, поэтому в следующих главах я всегда буду именовать его соответствующим образом (само деление книги на главы проведено с опорой на тот же принцип). Диктатора я всегда буду называть Юлием Цезарем, и во всех случаях, где в тексте упоминается Цезарь, имеется в виду Август.

Сложности порождает не только его имя. Латинское слово *imperator*, от которого происходит наше «император», имело во времена Августа другой смысл, нежели в наши. Сам он называл себя *princeps*, что подразумевает первого или указующего путь гражданина, и именно так воспринимали его другие римляне. Если мы будем называть его императором, то привнесем понятие, чужеродное его режиму – понятие, порожденное ретроспективной оценкой событий, знанием того, что в течение многих столетий Рим будет монархией. Поэтому кроме как во введении и заключении я нигде не буду называть Августа императором, хотя иногда и использую этот термин в отношении его преемников. Аналогичным образом я называю созданный им режим не империей (поскольку под властью республики также находилась заморская империя), а принципатом – термином, близким ученым, но редко встречающимся за пределами академической среды.

Еще одно непростое слово с латинскими корнями –

республика, происходящее от *res publica*, «общее дело» или «держава». Именно так называли свое государство римляне, однако оно не несет специфического оттенка, присущего нашему термину «республика». Стоит ли совершенно избегать его? Но как тогда нам называть политическую систему, с помощью которой управлялся Рим до тех пор, пока она не рухнула в I в. до н. э.? Однако я попытался избежать современной тенденции называть республиканцами противников Юлия Цезаря и триумвиров, поскольку это ошибочно превращает в нечто единое то, что в действительности распадалось на различные группы с неодинаковыми взглядами и целями. Этот термин также придает легитимность многому из того, что ее не заслуживает – во многом подобно тому, как использование имени «Октавиан» дарует посмертную победу Марку Антонию. (В вопросах точности существуют пределы, а потому я использую слова «июль» и «август» даже применительно к тем временам, когда они еще не вошли в обиход, поскольку лишь немногие читатели знают, что эти месяцы назывались квинтилием и секстилием.)

При обсуждении различных вопросов я буду стремиться к объективности, которая может показаться излишней, когда речь идет о конфликтах и спорах двухтысячелетней давности, однако история легко возбуждает эмоции и даже наиболее трезвые и серьезные ученые от них не свободны. Юлий Цезарь часто вызывал подобострастное поклонение и жгучее отвращение, примерно то же самое можно сказать и об Августе. В XIX столетии (и не только) его нередко восхваляли за исцеление недугов, которыми страдала агонизировавшая республика, и дарование римлянам мира, стабильности и процветания щедрым монархом. В эпоху, когда короли и империи господствовали в Европе и большей части мира, такие представления доминировали. Ситуация изменилась в XX в., когда мир охватили потрясения, а старые истины поблекли. Наиболее авторитетная трактовка содержалась в фундаментальной книге Рональда Сайма «Римская революция», впервые увидевшей свет перед самым началом Второй мировой войны. Вполне сознательно отказавшись рассматривать приход к власти Августа как нечто положительное и новаторски применяя просопографический метод – исследование видных фамилий и отношений внутри аристократии, – он изобразил эту эпоху как время возвышения нового вождя и его группировки, подавляющих старую элиту. За всем этим вырисовывались призраки диктаторов того времени – более всего Муссолини, который сознательно подражал *dux'y*[6] Августу, называя себя *Il Duce*, а своих сторонников – фашистами (от латинского слова *fasces* – связки прутьев вокруг топора,

символизировавшего власть римского магистрата). Сегодняшний читатель скорее вспомнит приход к власти куда более зловещего национал-социализма в Германии или тоталитарного режима Сталина.[7]

Современный мир стал относиться с большим подозрением к диктаторам любых политических оттенков, а потому не склонен снисходительно оценивать сопровождавшееся немалыми жестокостями возвышение Августа, оправдывая его миром, который тот в конце концов установил. Однако нам следует проявлять осторожность и не смотреть на прошлое слишком просто, автоматически считая, что все диктаторы, все империи или действительно все государства по существу одинаковы. Август убил много людей, но он не принес страданий, подобных тем, которые мир претерпел от Гитлера или Сталина, и мы должны, как всегда, рассматривать его поведение в контексте времени. В своем стремлении убивать своих недругов он был не лучше и не хуже других военачальников, действовавших в то время. Юлий Цезарь поступил иначе: он помиловал Брута, Кассия и нескольких других людей, которые позднее предали его смерти, – факт, которым прежде всего руководствовались Август, Антоний и Лепид при составлении списков своих врагов, подлежавших уничтожению.

Если вы скажете о ком-то: «Ну, он был не так уж плох по сравнению с Гитлером…», то вряд ли это будет означать большую похвалу. Если вы скажете, что некто был не хуже своих соперников, оценка окажется лишь немногим выше. Но знание о том, что добившийся успехов политик имел недостатки, не должно побуждать нас закрывать глаза на недостатки этих самых соперников. Сайм был слишком хорошим ученым, чтобы допустить подобный просчет, хотя по отношению к Антонию он проявлял излишнюю снисходительность, а по отношению к сторонникам Августа – намеренную строгость; в особенности это касается тех, кто не принадлежал к традиционной аристократии (таких было большинство).

Сайм также прекрасно знал, что родственные связи внутри римской элиты были весьма запутанными и сами по себе не обеспечивали лояльности, которая могла быстро исчезнуть или зависела от многих других факторов. Хотя со времени выхода в свет «Римской революции» прошло три четверти столетия, эта книга наряду с другими работами Сайма продолжает задавать тон в дискуссиях об Августе и его эпохе, особенно в англоязычном научном мире. Появилось немало новых подходов, изменились многие акценты, однако в основном речь шла о частных темах и о деталях. Столь всеобъемлющее исследование этого периода,

которое пользовалось бы хотя бы отчасти таким же большим влиянием, и во многих отношениях это время – насколько я изучил его еще будучи студентом, а затем касался его в качестве лектора – по-прежнему воспринимается через призму представлений, сформировавшихся в середине XX в.

Структурирование материала, неизбежное при преподавании, всегда несет в себе риск искажения прошлого. Курс истории поздней республики заканчивается, как правило, на Юлии Цезаре. Эпоха Августа обычно начинается с битвы при Акции и либо стоит особняком, либо перетекает в историю принципата, в то время как годы второго триумвирата, 44–31 гг. до н. э., привлекают мало внимания, помогая усилить разницу между Октавианом и Августом. Куда реже Август и его деятельность рассматриваются как продолжение истории республики, вместо этого внимание чаще обращают на очевидные различия. Август не знал, что создает новую систему, которая просуществует несколько столетий, и ее изучение под таким углом зрения приводит к тому, что различия между республикой и принципатом преувеличиваются, между тем как в то время они были не настолько очевидны. Это также подпитывает современное употребление таких терминов, как «республика» и «республиканизм», которые могут использоваться при характеристике сенаторской оппозиции, будто бы вынуждавшей Августа скрывать сущность своей власти за республиканским фасадом.

Отношение к Юлию Цезарю также влияет на наше восприятие его преемника. За то, что диктатор навеки облек себя верховной властью, он поплатился жизнью. Августу, добившемуся такой же власти, удалось прожить долгий век. Естественная логика для большинства ученых состоит в том, что Август должен был вести себя совершенно иначе, нежели его «отец», не выставляя свою власть напоказ в тех случаях, где Цезарь демонстрировал ее слишком уж откровенно. Такая предпосылка подогревает нежелание называть Августа в современных текстах Цезарем. Как мы видели, многие ученые следуют за Саймом и развивают его точку зрения, утверждая, что Август сознательно дистанцировался от Юлия Цезаря как человек (противопоставление божественному Юлию) после того, как разбил Антония и стал властелином государства.

На первый взгляд эта идея удачно объясняет разницу в судьбах, ее повторяют все снова и снова, однако свидетельств в ее пользу нет. Прежде всего «хромает» само сравнение, поскольку неизбежно отсылает нас к ситуации, в которой оказался Юлий Цезарь в конце 45 г. до н. э., а Август – после битвы при Акции.

Кажется, никто не обратил внимания на то, что первый из них только что одержал окончательную победу в тяжелой гражданской войне и в течение пяти лет, которые она продолжалась, очень мало времени провел в Риме. При всей энергии Юлия Цезаря существовали пределы того, чего он мог достичь в короткий и часто прерывавшийся период своего господства. Август же, напротив, ко времени победы над Антонием уже более десяти лет обладал неограниченной властью триумвира и бóльшую часть этого времени провел в Риме и Италии в отсутствие коллег. В эти годы также ослабело влияние старых аристократических фамилий, а поражение Брута и Кассия едва ли вдохновляло кого-то на то, чтобы идти по их стопам. Таким образом, предположение о том, что Цезарь столкнулся с сопротивлением (и не смог его одолеть) убежденных сторонников традиционного сенаторского мировоззрения, и Августу затем пришлось иметь дело и справляться с аналогичной оппозицией, необоснованно. Ситуации, в которых оказались оба этих политика, слишком сильно отличались во многих отношениях. В действительности нет убедительных свидетельств сенаторской оппозиции Августу, о которой так любят писать многие современные ученые. По сути, они демонстрируют более глубокую преданность республиканской системе, чем ее когда-либо выказывала римская аристократия. Если присмотреться, то мы увидим, что разница между Юлием Цезарем и Цезарем Августом была намного меньше, чем кажется.

Таким образом, стоит отказаться от обобщений, сделанных в ходе научных споров, и попытаться заново рассказать историю Августа. Поскольку мы пишем не историю как таковую, а биографию, нас будут интересовать прежде всего те исторические события, которые так или иначе касались самого Августа. Важно знать, где он был (и, по возможности, что он делал) на каждом этапе своего жизненного пути. В числе прочего это знание позволяет установить, что значительную часть жизни Август провел в путешествиях по Италии или провинциям – не самое популярное занятие среди его преемников вплоть до Адриана во II в. н. э. Это демонстрирует, насколько тяжелая нагрузка ложилась на него даже в пожилом возрасте. Его деятельность основывалась не только на реформах и законодательстве, основное внимание он уделял деталям и повседневным заботам управления, которые могут легко ускользнуть от внимания в кратких обзорах его деятельности и достижений. Значение происшедших в самом Риме и в империи в целом перемен институционального, социального, экономического характера или облика столицы может быть оценено нами в полной мере, если у

нас сложится ощущение темпа их наступления и развития.

Получилась достаточно большая книга, однако она могла бы быть в два или три раза больше. Я попытался вкратце показать, какое влияние оказала деятельность Августа на Италию и империю в целом, так, чтобы не только проследить судьбу аристократических родов в Риме, но ограничения по объему не позволяют нам вдаваться в подробности. Об этом можно написать целые книги, многие темы затронуты лишь слегка – увы, «Энеиде» Вергилия отведена лишь пара страниц, всего несколько слов сказано об Овидии и некоторых других поэтах. Одним из самых больших удовольствий при написании этой книги была необходимость перечитать поэтические и иные литературные произведения той эпохи – многие из них впервые после студенческих лет. Я сделал все возможное, чтобы передать всю их прелесть, но не упуская из виду центральной фигуры – Августа, поскольку именно ему посвящена книга. Для тех, у кого есть интерес к этому человеку и его времени, в конце ее имеются ссылки и большая библиография, благодаря которой можно получить представление о поистине необъятной литературе по данной тематике.

Рассказывая историю: источники по биографии Августа

До нашего времени сохранилась лишь незначительная часть литературы, официальной документации и частной переписки римского мира. Это было время, когда еще не существовало печатных станков и все тексты копировались вручную, что, помимо трудоемкости и обусловленной ею дороговизны, было чревато многочисленными ошибками. Многие тексты оказались утрачены из-за того, что никто не озаботился достаточным количеством копий. Особенно много их погибло при падении Римской империи, на смену которой пришел мир, где грамотность встречалась гораздо реже, а богатства, необходимого для распространения копий, стало меньше. В эпоху Средних веков церковники сохранили некоторые античные тексты, подойдя к этому очень избирательно, да и отобранные тексты дошли до нас не все, так как пострадали от огня, несчастных случаев и небрежения. Отсюда следует, что многого об античном мире мы знать не можем, и на каждом этапе нам стоит учитывать неполноту и противоречивость источников.

Наиболее подробные повествования о том времени были составлены через много лет после описываемых событий. Аппиан, в «Гражданских войнах» излагающий события до поражения Секста Помпея в 36 г. до н. э., писал в начале II в. н. э. Дион

Кассий, в чьей «Римской истории» с величайшей подробностью освещен весь этот период (в ней не хватает лишь немногих фрагментов, относящихся к жизни Августа),[8] писал в начале III в. н. э.[9] Оба названных автора были греками, хотя Дион являлся также сенатором и старшим магистратом, и писали на родном языке, поэтому порой трудно с уверенностью судить, какие именно латинские понятия они передают по-гречески. Оба писали в эпоху, когда принципат был вполне устойчив и власть императоров не вызывала никаких вопросов, а потому они были склонны переносить порядки своего времени на более ранние периоды. Веллей Патеркул начал свою карьеру при Августе, и его небольшой исторический труд имеет то преимущество, что хронологически он куда ближе к описываемым событиям, однако проигрывает из-за лести в адрес Тиберия. Таковы наши наиболее подробные нарративные источники; они не охватывают весь материал. А потому иногда приходится обращаться к более поздним авторам, таким как Флор и Орозий, особенно когда речь идет о событиях в провинциях и на границе. Конечно, это лучше, чем ничего, но использовать такие источники необходимо с величайшею осторожностью. Историк Ливий являлся современником интересующих нас событий, однако соответствующие книги его труда, в которых изложение доводится до 9 г. до н. э., сохранились лишь в виде кратких резюме, составленных намного позже.

Современные происходящему и очень подробные – но, очевидно, и весьма пристрастные – описания событий мы находим в письмах и речах Цицерона (вплоть до его убийства, совершенного по приказу Августа, Антония и Лепида в 43 г. до н. э.). Переписка оратора тем более интересна, что в нее включены послания ему других людей, она донесла до нас необоснованные зачастую слухи, которые ходили в то страшное время и, принимаемые за истину, могли оказывать влияние на действия тех или иных лиц. К несчастью, мы располагаем лишь некоторыми сочинениями Цицерона, и мы знаем о других, включая переписку оратора с Августом, которая была доступна античным писателям, но до нашего времени, увы, не дошла.

Автобиография самого Августа охватывает период до 25 г. до н. э., однако и она утрачена, хотя кое-какие данные из нее сохранены в кратком жизнеописании принцепса, составленном его современником Николаем Дамасским. В нашем распоряжении есть «Деяния божественного Августа» – текст, подготовленный в последние годы его жизни и выбитый при входе в мавзолей императора (и скопированный в других местах) после его смерти. Это преимущественно перечисление успехов и почестей, т. е. нам

сообщается то, что он хотел бы видеть в качестве официальной версии своего правления. Более полную и носящую куда более личностный характер биографию написал Светоний в конце I и начале II в. н. э. Поскольку она основана на различных источниках, часть которых глубоко враждебна Августу и восходит по большей части к пропаганде эпохи гражданских войн 44–30 гг. до н. э., то в ней сообщаются обильные и многообразные сведения. Особенно интересны выдержки из частных писем членов его семьи, некоторые из них используются в биографиях Тиберия и Клавдия. Огорчает, однако, отсутствие каких-либо точных датировок или иных привязок применительно ко многим упоминающимся там событиям.

В других источниках содержатся лишь обрывки нужного нам материала. Кое-что есть в биографиях Брута, Цицерона и Марка Антония, принадлежащих перу Плутарха, а также в других трудах этого автора, писавшего примерно в то же время, что Светоний и Аппиан. Тацит был современником и римским сенатором, но он не писал о времени Августа в своих исторических трудах, и сведения о нем встречаются у него лишь фрагментарно. Некоторые интересные подробности сообщают Сенеки, старший и младший, которые творили несколько раньше, в I в. н. э. Писатель Макробий, живший намного позже, в начале V в. н. э., но основывавшийся на источниках куда более раннего времени, составил подборку анекдотов, в которых упоминался Август. Имея дело с подобными сочинениями, мы не можем знать, на какие источники опирались их авторы, что делает невозможной их верификацию. Однако, возможно, самое важное то, что существует так много анекдотов об Августе, откуда мы узнаем, что люди думали о нем и каким он, в свою очередь, хотел выглядеть в их глазах.[10]

Надписи, вырезанные на камнях или на монетах в виде лозунгов, являют собой заранее продуманные послания той эпохи, так же как изображения и скульптуры. Многие из них обладают немалым преимуществом в силу того, что они относятся непосредственно к этому времени, особенно если ясна их датировка, и могут таким образом как отражать приоритеты текущего момента, так и быть нацелены на дальнюю перспективу.

При раскопках зданий и других построек также могут обнаружиться смены приоритетов, однако здесь требуется бóльшая осторожность, поскольку находки, обнаруженные при раскопках, нуждаются в особенно тщательном осмыслении и редко достаточно полны или настолько понятны, чтобы их интерпретация не вызывала сомнений. Контекст подразумевает немалое количество таких материальных свидетельств, однако

объяснить их, как правило, отнюдь не так легко, как нам хотелось бы, и в прежнее время раскопки проводились с меньшей осторожностью и тщательностью, нежели это стало делаться позднее. Легче избежать субъективизма, когда мы имеем дело с произведениями искусства и памятниками архитектуры, и добиться того, чтобы не видеть слишком много или слишком мало во второстепенных деталях. Долго ли римляне раздумывали над изображениями и надписями на монетах, которыми они пользовались? Однако постоянно продолжается работа по увеличению числа материальных свидетельств об эпохе Августа (чего не скажешь о литературных источниках), и это способствует намного лучшему пониманию его мира.

Понять Августа непросто, и необходима осторожность при работе с каждым видом источников. Очень важно также учитывать пределы их возможностей. Есть вещи, которых мы просто не можем знать и, вероятно, не узнаем никогда. Гораздо больше существует того, в отношении чего мы можем лишь строить догадки, и опять-таки мы должны помнить о той основе, на которой наши догадки строятся. Нам не следует настаивать на истинности своих утверждений там, где возможно все. Абсолютная истина зыбка, возможно, недостижима вообще, однако это не означает, что мы не должны пытаться приблизиться к ней по мере наших сил. Мы можем сказать об Августе многое, и мы можем привлекать всевозможные свидетельства, коль скоро стремимся понять человека и его мир.

Часть первая
Гай Октавий (Фурин)
63–44 гг. до н. э

Во младенчестве он был прозван Фурийцем в память о происхождении предков, а может быть, о победе, вскоре после его рождения одержанной его отцом Октавием над беглыми рабами в Фурийском округе. (…) Впрочем, и Марк Антоний часто называет его в письмах Фурийцем, стараясь этим оскорбить; но Август в ответ на это только удивляется, что его попрекают его же детским именем.

Светоний. Божественный Август. 7.1 [11]

I «Отец отечества»

В день его рождения, когда в сенате шли речи о заговоре Катилины, Октавий из-за родов жены явился с опозданием; и тогда, как всем известно, Публий Нигидий, узнав о причине задержки и спросив о часе рождения, объявил, что родился повелитель всего земного круга.

Светоний. Божественный Август. 94.5

В 63 г. до н. э. Рим был одним из самых крупных городов известного тогда мира. Его население насчитывало как минимум три четверти миллиона человек и выросло до более чем миллиона к концу столетия. Большинство его обитателей проживало в убогих перенаселенных сдававшихся внаем домах, или инсулах (*insulae*, досл. «острова»), легко горевших и отличавшихся антисанитарными условиями. В местах, где находилось так много народу, ежедневно множество людей рождалось и умирало. Поэтому ничего особенно примечательного не было в том, что у женщины по имени Атия начались родовые схватки и перед рассветом 23 сентября она родила своему супругу сына.

Атия оказалась счастливее многих матерей, поскольку

принадлежала к аристократии, а ее муж Гай Октавий являлся сенатором и мог обеспечить отменный по тем временам уход, владея комфортабельным домом на восточном склоне Палатинского холма. Когда настало время разрешиться от бремени, рядом были женщины из ее семьи, рабыни, вольноотпущенницы из домашней прислуги, а также опытная повивальная бабка. Обычай не допускал присутствия мужчин в помещении, где происходили роды, и мужчина-врач допускался лишь в случае серьезных осложнений, хотя, в сущности, он мало что мог сделать при таких обстоятельствах. Атия знала, что ее ждет, ибо несколько лет назад уже подарила своему супругу дочь.

Ни опыт, ни комфорт не гарантировали Атии безопасности. Деторождение было делом опасным и для матери, и для ребенка, и многие дети, родившиеся в тот день, появились на свет мертвыми или умерли через несколько дней. Скончались и многие из матерей. Девять лет спустя двоюродная сестра Атии, Юлия, умрет после родов, разделив через несколько дней судьбу своего ребенка – и это несмотря на то, что ее муж был одним из самых богатых и могущественных людей в Риме. Детородные годы были, вероятно, наиболее опасными в жизни женщины.

С Атией все обошлось благополучно. Она удачно разрешилась от бремени, и ребенок родился здоровым. Когда повивальная бабка положила мальчика на пол, чтобы осмотреть его, признаков уродства или других проблем не обнаружилось. Затем новорожденного передали отцу. Римская традиция давала отцу, *paterfamilias*, право жизни и смерти над всеми домочадцами, хотя в крайней форме оно применялось в это время редко. Тем не менее во власти Гая Октавия было принимать или не принимать нового ребенка в семью. Он сделал это с готовностью, показав мальчика родственникам и друзьям, собравшимся в ожидании, или тем, кто явился с визитом, как только узнал о рождении младенца. Гай Октавий уже имел двух дочерей (старшая из них – от первого брака). Дочери были полезны для честолюбивого политика, поскольку брачные союзы, осуществлявшиеся с их помощью, помогали приобрести и политических союзников. Однако только сын мог сделать карьеру в публичной сфере, следуя по стопам отца, или даже суметь превзойти его и увеличить славу родового имени.

На домашних алтарях зажгли огонь, были принесены жертвы богам семьи и домашнего очага – ларам (*lares*) и пенатам (*penates*), а также иным божествам, особо почитавшимся семьей. Когда гости возвратились в свои дома, они совершили тот же самый ритуал. Одним из визитеров был, несомненно, тридцатисемилетний дядя Атии, Гай Юлий Цезарь, честолюбивый

сенатор, который уже успел приобрести известность. Недавно он одержал победу в ходе отчаянной борьбы на выборах на наиболее высокий и престижный жреческий пост великого понтифика (*pontifex maximus*). Эта должность носила прежде всего политический характер, и Юлий Цезарь не демонстрировал глубоких религиозных чувств. Тем не менее, подобно многим римлянам, он придавал большое значение традиционным обрядам. Ритуал окружал римских аристократов в течение всей их жизни, и благополучное рождение ребенка было удачей для сенаторской фамилии и ее связей.[12]

В сущности, у широкой общественности не было особых оснований уделять много внимания случившемуся, поскольку Гай Октавий принадлежал к числу малозначительных сенаторов. Лишь много позднее, когда мальчик вырос и стал Августом, получили хождение рассказы о знамениях и даже прямых предсказаниях о будущем величии новорожденного. Светоний приводит немалое число подобного рода историй, многие из них невероятны, а некоторые откровенно абсурдны. Среди таковых – утверждение о том, будто одно из пророчеств предсказывало рождение царя Рима, побудившее сенат издать запрет выкармливать мальчиков, которые родятся в этом году, чтобы не позволить им выжить. Закон, как утверждается, заблокировала в техническом смысле группа сенаторов, чьи жены были тогда беременны.[13] Однако дело только в том, что законодательная система при республике функционировала по-другому – было бы удивительно, если бы Цицерон не упомянул о такой жестокой и спорной мере, а потому ее можно считать романтической выдумкой. Не более правдивы и истории, явно восходящие к легендам об Александре и других героях, которым не подобало иметь отцов-людей. Так, уверяли, будто Атия пришла в храм Аполлона для совершения ночных ритуалов и осталась там спать в своих носилках. Появился змей, всполз на нее и оставил на ее бедре пятно, подобное змеиной коже. Проснувшись, она почувствовала необходимость совершить очищение, словно только что вступала в соитие, ибо только физически очистившись, можно было входить в храм. Не в силах удалить пятно с кожи, она перестала посещать общественные бани, а через девять месяцев родила сына.

Гай Октавий чувствовал себя счастливым и без этой мистики. Дни рождения играли важную роль в римской культуре и праздновались на протяжении всей жизни человека. Сентябрь был седьмым из десяти названий месяцев римского лунного календаря, поскольку в архаическую эпоху год начинался в марте, месяце бога войны Марса, когда легионы выступали в поход.

23 сентября было для римлян девятым днем до октябрьских календ, поскольку они использовали систему, основывавшуюся на днях до или после трех ежемесячных праздников – календ (первый день месяца), нон (седьмой) и ид (тринадцатый или пятнадцатый в зависимости от месяца). В отсутствие числа «ноль» сами календы считались нулевым днем, а 23 сентября включалось в последние девять дней.

Для римлян это был шестьсот девяносто первый год от основания города (ab urbe condita) Ромулом, если более конкретно – время консульства Марка Туллия Цицерона и Гая Антония. Два консула были высшими магистратами с равною властью и пребывавшими в должности двенадцать месяцев. Республиканская система имела целью предотвратить сосредоточение в руках одного человека высшей или постоянной власти, поскольку никто не мог добиваться переизбрания на одну и ту же должность раньше, чем через десять лет. Кандидат, чье имя стояло первым в избирательном бюллетене, упоминался первым, когда упоминались консулы при обозначении года. Консулов обычно выбирали из представителей очень небольшого числа влиятельных фамилий, таких как Антонии. Случай же с Цицероном был необычным, поскольку он являлся первым человеком в своем роду, который стал римским политиком, и первым «новым человеком» (*homo novus*), добившимся консулата более чем за поколение.

Гай Октавий тоже был «новым человеком» и надеялся повторить успех Цицерона.

Консулы обладали старшинством в отношении полномочий в чередующиеся месяцы, и так случилось, что 23 сентября в сенате председательствовал Цицерон. Светоний утверждает, что Гай Октавий прибыл туда с опозданием из-за рождения сына, хотя, так как при этом задается время и место действия другой истории, в которой предсказывается рождение повелителя мира, нам стоит относиться к этому рассказу с осторожностью. Возможно, этот инцидент является полностью вымышленным, хотя нет ничего невозможного в опоздании Гая Октавия или в том, что сенаторы обсуждали слухи о заговоре, связанные с одним из их товарищей, Луцием Сергием Катилиной. Повсюду ходили слухи о мятеже, и в центре многих из них фигурировал Катилина, который летом проиграл консульские выборы на следующий год. Если в сенате действительно обсуждался этот вопрос, то в тот момент он все равно не предпринял никаких мер, и потребовалось какое-то время, прежде чем это пришло сенаторам в голову.[14]

Между тем жизнь шла своим чередом, и ночь на 30 сентября

Гай Октавий и Атия провели в бдении в своем доме. Они совершили ритуалы, кульминацией которых являлись жертвоприношение и очистительная церемония – *lustratio* на следующий день, в октябрьские календы и на девятый день после рождения сына. Целью их является избавление ребенка от дурных духов или каких-либо сверхъестественных воздействий, которые он мог испытать на себе при рождении. Ему давали амулет, или *bulla*, обычно из золота, он надевался на шею, и мальчики носили его до наступления совершеннолетия. После этого один из жрецов коллегии, известной под названием авгуров, наблюдал за полетом птиц, чтобы прояснить будущее ребенка. Родителям, вероятно, сказали, что знамения благоприятны.[15]

Только теперь мальчику официально давали имя и регистрировали в списке граждан. Его назвали именем отца. И он стал Гаем Октавием, сыном Гая. В семьях существовала традиция использовать одни и те же имена из поколения в поколение, хотя в эти годы некоторые из наиболее могущественных аристократических фамилий начали отступать от этого правила, отделяя себя тем самым от остальных сенаторов. Фамильное имя, или *nomen* – в данном случае Октавий, – давалось автоматически, и выбор существовал лишь в случае с личным именем, *praenomen*. Виднейшие из граждан носили три имени, или *tria nomina*. Поэтому дядю Атии звали Гаем Юлием Цезарем. Род Юлиев был весьма разветвленным, и третье имя, или *cognomen*, носили представители лишь этой ветви. Система имен не носила универсального характера даже в среде наиболее влиятельных семейств, поскольку некоторые из них были не особенно многочисленными или просто потому, что они и так не сомневались в уважении к ним. Октавии не нуждались в специальном различении ветвей их рода.

Римляне не видели необходимости в том, чтобы особо идентифицировать женщин, поскольку те не принимали участия в голосовании и не могли занимать должности. «Атия» было единственным именем матери Августа, женский род от номена ее отца Марка Атия Бальба. Значение имели лишь идентификация с ее отцом и связь с собственным семейством. Имя сохранялось за римской женщиной всю жизнь, и она не меняла его даже после вступления в брак. Дочь Атии звалась Октавией, так же, как и ее падчерица, родившаяся от первого брака отца Августа. Если бы у него были и другие дочери, их тоже звали бы Октавиями. В некоторых случаях девочек для официальных целей в семьях «нумеровали».[16]

Младенцы нуждались в тщательном уходе, однако роль Атии в этом смысле сводилась к более или менее общему надзору. На

ней лежало немало забот по наблюдению за домашним хозяйством, а также поддержке мужа в его карьере. Кое-кто считал, что мать должна сама кормить своего ребенка, однако на практике такое встречалось редко, и этим занимались рабыни-кормилицы. Эта женщина или другая рабыня являлась для дитяти кормилицей в более общем смысле. (Одной из причин, по которой, как утверждал кое-кто из философов, мать должна сама вскармливать младенца, было опасение, что вместе с молоком последний впитает и некоторые рабские качества.) Сколько времени проводить с детьми каждому из родителей, было делом личного выбора. В некоторых случаях они делали это очень мало, однако бывали и исключения. Говорят, что во II в. до н. э. Катона Старшего, известного суровостью нравов, поклонника старинных обычаев, борца за истинную добродетель, лишь самые важные государственные дела отвлекали от того, чтобы постоять рядом с сыном, когда того купали. Жена Катона была одной из тех женщин, которые сами кормили своих сыновей, и иногда кормила грудью даже детей своих домашних рабов.[17]

Наши источники почти не сообщают о детстве Октавия, хотя у Светония есть еще одна история о знамениях грядущего величия Августа – менее драматичная, нежели большинство подобных сюжетов, и, возможно, содержащая зерно истины. В ней рассказывается, как кормилица оставила его на ночь в комнате на первом этаже. Мальчик, очевидно, уже умевший ползать, исчез, и его стали повсюду искать. Нашли ребенка на следующее утро, на рассвете, в наиболее высоко расположенной комнате дома, с лицом, обращенным к восходящему солнцу (Suetonius, *Augustus* 94.6).

Неспокойный мир

Если все это и случилось, то позже, а в последние месяцы 63 г. до н. э. происходило много другого, что могло обеспокоить родителей, – обстановка в Риме была тревожной. Римская республика господствовала в Средиземноморье с середины II в. до н. э. Карфаген был разрушен, царства на Востоке завоеваны или ослаблены, и теперь их судьба зависела от доброй воли римлян, а сами по себе эти государства не представляли угрозы. Митридат VI Понтийский в Малой Азии вел войну с Римом на протяжении жизни целого поколения, но был наголову разгромлен наиболее удачливым и популярным римским военачальником Помпеем Великим. Царь, сочтя, что постоянный прием противоядий в течение всей жизни сделал его невосприимчивым к отраве, приказал одному из своих телохранителей убить его еще до

окончания 63 г. до н. э. В октябре того же года легионы Помпея после трехмесячной осады приступом взяли Иерусалим, поддержав одну из сторон в гражданской войне между соперничавшими членами иудейского царского дома. Казалось, никто не может противостоять военной мощи республики.[18]

Рим был гораздо сильнее, нежели кто-либо из его соседей и потенциальных врагов, но огромные выгоды от завоеваний и провинций угрожали хрупкому политическому, социальному и экономическому равновесию. Соперничество аристократов в борьбе за высшие должности и положение в государстве отличалось остротой, однако в прошлом оно велось в строгих рамках традиции и закона. Теперь же многие из основ этой системы оказались под угрозой, поскольку сенаторы тратили невероятные суммы для достижения популярности, а среди населения появились группы, считавшие свое положение отчаянным и готовые сплотиться вокруг любого, кто стал бы бороться за их дело. Это открывало для некоторых людей возможности возвыситься намного больше, чем это было возможно в прошлом, и люди одного с ними статуса возмущались и сопротивлялись этому.

В 133 г. до н. э. аристократ по имени Тиберий Семпроний Гракх стал одним из десяти ежегодно избиравшихся плебейских трибунов и выдвинул законодательную программу, направленную на оказание помощи сельской бедноте. Он добился значительной поддержки, однако его обвинили в стремлении к царской власти, а затем Гракха забила насмерть группа сенаторов под предводительством его кузена. В 122 г. до н. э. младший брат Тиберия Гай был убит вместе с несколькими сотнями своих сторонников после того, как принялся осуществлять еще более радикальную программу реформ.[19] На этот раз борьба велась продуманно и между организованными силами. Политическое соперничество приобрело насильственные формы, и подобные сцены повторились и в 100 г. до н. э. Десятилетие спустя недовольство населения Италии переросло в восстание, когда плебейский трибун, предлагавший даровать италийцам права римского гражданства, был убит.[20] Римляне одержали победу в этой войне после тяжелой борьбы – в значительной степени потому, что в конце концов дали, пусть и без всякой охоты, италийским общинам то, чего те хотели. Число римских граждан чрезвычайно возросло, и у политиков появились новые избиратели, за голоса которых предстояло бороться. Баланс политических сил опять изменился.

Почти сразу же после этого разгорается борьба, вызванная деятельностью плебейского трибуна.[21] Она имела тяжелейшие

последствия, поскольку впервые римский военачальник повел свою армию на Рим. Его имя – Сулла, и в основе конфликта лежало соперничество между ним и стареющим народным героем Марием. Одна резня следовала за другой, борьба становилась все более жестокой, пока Сулла не победил в гражданской войне и не стал диктатором, превратив редко использовавшуюся экстренную меру в институт постоянной верховной власти для себя. Через несколько лет он ушел в частную жизнь и спустя несколько месяцев умер. В республике вновь вспыхнула гражданская война, когда Марк Эмилий Лепид, один из консулов 78 г. до н. э., возмутил армию и попытался захватить власть в государстве. Он потерпел поражение, с его сторонниками расправились, однако многие из врагов Суллы продолжали борьбу в Испании.[22]

Угроза гражданской войны продолжала нависать над республикой в 63 г. до н. э. Каждый сенатор пережил жестокую войну между Суллой и марианцами и в ходе нее потерял кого-либо из близких родственников или друзей. Тетка Юлия Цезаря была замужем за Марием, первая жена которого являлась дочерью одного из его главных союзников,[23] и, вероятно, лишь юный возраст спас его от рук победителей-сулланцев. Тем не менее какое-то время ему пришлось скрываться от преследований, пока мать не добилась его помилования, задействовав свои связи с сулланцами. Потомки людей, казненных Суллой, были исключены из политической жизни и активно добивались восстановления своих прав. Сулла ушел, однако все видные сенаторы являлись его креатурами или, по крайней мере, устраивали его. Какие-либо препятствия для того, чтобы в любой момент вспыхнула новая гражданская война с ее хаосом, опасностями и новыми возможностями, отсутствовали. Многие сторонники Суллы создали свои состояния за счет имущества убитых врагов. Перспектива новой революции воодушевляла тех, кто оказался на обочине тогдашней системы.

Катилина был одним из таких сторонников Суллы, однако новоприобретенное им богатство оказалось недостаточным для роскошного образа жизни и политических амбиций, которые побуждали его щедро одаривать своих потенциальных сторонников. Сулла удвоил число сенаторов и довел число преторов (следующее по старшинству должностное лицо после консулов) до восьми, однако ежегодно избираемых консулов оставалось по-прежнему двое, и борьба за этот высший пост становилась все более острой. Кандидатов стало еще больше за счет десятков исключенных из сената в 70 г. до н. э. во время неожиданной и необычно широкой чистки от наиболее коррумпированных и явно непригодных лиц. Некоторые из них

оказались достаточно богаты и честолюбивы, чтобы восстановить свое положение за счет успехов на выборах.

Успехи в политической карьере обходились все дороже. Сенаторы должны были обладать обширными земельными владениями просто для того, чтобы соответствовать своему статусу, и люди занимали все больше денег для участия в предвыборной борьбе. Катилина занимал особенно много, так же поступал и Юлий Цезарь. Во время выборов в великие понтифики его главный соперник был куда старше и влиятельнее,[24] и оба направо и налево раздавали взятки голосующим трибам. Если бы Юлий Цезарь проиграл, то у него не оказалось бы возможности расплатиться с кредиторами, и он знал об этом. Вместо этого он полагался на победу, не сомневаясь в том, что его успех убедит заимодавцев: он сделал правильное вложение средств, его влияние будет и дальше укрепляться, а посему связи с ним полезны, и рано или поздно он сможет с ними расплатиться. Уходя из дома утром в день выборов, Юлий Цезарь сказал своей матери, что вернется победителем или не вернется вообще. На тот момент он выиграл, и ростовщики продолжали оказывать ему поддержку.[25]

Катилина оказался менее удачлив. Подобно Юлию Цезарю, он принадлежал к числу патрициев, его род был одним из самых древних в Риме. Плебеи, включая Гая Октавия и, соответственно, его сына, были куда более многочисленны, и в течение столетий многим из них пришлось с немалыми трудами пробиваться в элиту. Несколько патрицианских родов утратили влияние и ушли в тень. Предки ни Катилины, ни Юлия Цезаря не добивались особых успехов в течение нескольких столетий. И тот, и другой горели решимостью изменить свое положение, оба были харизматичны, талантливы, оба имели репутацию развратников, так что имена их были на слуху, пусть только и в досужих сплетнях. Тем не менее Юлий Цезарь добивался все бóльших успехов, в то время как карьера Катилины катилась под гору.[26]

Судебное преследование за злоупотребления на посту наместника провинции Африка помешало Катилине баллотироваться на выборах в консулы на 65 и 64 гг. до н. э. Во время следующих выборов все более чудовищные слухи оттолкнули от него слишком многих влиятельных людей, и над ним взял верх в ходе искусно проведенной предвыборной кампании Цицерон. Поражение от «нового человека» было особенно унизительно для аристократа со столь древней родословной. Катилина третировал Цицерона как «пришельца» в Риме.[27] Другим победителем стал Гай Антоний, один из тех, кого изгнали из сената в 70 г. до н. э., и теперь таким образом он

стремился вернуться на политический олимп. Хотя он и Катилина прежде помогали друг другу в предвыборных кампаниях, на этот раз Антоний занял нейтральную позицию, когда Цицерон добровольно отказался в его пользу от провинции Македонии, наместничество в которой после консулата досталось ему по жребию. Оно сулило немалые барыши, и нечистый на руку наместник мог без труда обогатиться.[28]

Однако в июле 63 г. до н. э. Катилина вновь решил попытать счастья на выборах, где как консул председательствовал Цицерон. Подкуп активно применялся обеими сторонами, кандидатам оказывали поддержку группы их сторонников, так что Цицерон прибыл на выборы в окружении приверженцев и с панцирем под тогой, который он как бы невзначай показал собравшимся, чтобы продемонстрировать свою решимость. Имело место запугивание, но до применения насилия всерьез не дошло, Катилина потерпел поражение уже во второй раз.[29]

Катилина пришел в отчаяние, как и многие другие честолюбивые люди в таких ситуациях. Если сенатор продавал свои земли для уплаты долгов, то делал это себе в убыток, поскольку рынок был узок, однако куда большее значение имело то, что он терял один из главных признаков своего статуса и шансы на политическое будущее. Некоторые видели перед собой выбор: либо политическая смерть, либо революция. В сельских районах Этрурии сторонник Катилины Манлий, служивший центурионом в легионах Суллы, набрал разношерстную армию из бедняков и отчаявшихся. К сулланским ветеранам, у которых не получилось стать преуспевающими сельскими хозяевами на участках, полученных после того, как они ушли из армии – из-за плохой земли, неразвитости экономики или просто собственных ошибок, – присоединились бывшие марианцы и прочие, кто видел единственный для себя выход в революции, – они двинулись на врага, неся орла одного из Мариевых легионов, но не времен гражданской войны, а одного из тех великих походов, во время которых он спас Италию от варварских орд. Однако поначалу не было ясно, начнется ли открытое восстание, и если начнется, то когда.[30]

21 октября сенат издал декрет о введении чрезвычайного положения – *senatus consultum ultimum*, в соответствии с которым консулы призывались принять все меры, необходимые для защиты res publica. Итак, соответствующее решение было принято, однако мнения по поводу, в какой степени можно в этой ситуации пренебречь законами, разделились. Те же самые меры принимались против Гая Гракха в 122 г. до н. э., а затем в 100, 88 и 78 гг. до н. э.[31] Во многих отношениях это было признанием

того, что традиционные республиканские механизмы не срабатывали, когда возникала серьезная внутренняя угроза.

Катилина все еще находился в Риме, продолжая посещать заседания даже после того, как Манлий в октябре открыто поднял восстание. Обвинения со стороны Цицерона становились все более яростными, однако попытка заговорщиков убить его провалилась. В конце концов в ночь на 8 ноября Катилина бежал из Рима, чтобы присоединиться к Манлию. Его сторонники, оставшиеся в Риме, оказались поразительно неловки, неблагоразумно вступив в переговоры с послами галльского племени аллоброгов в надежде получить от них конные отряды для повстанческой армии, но галлы вместо помощи заговорщикам отправились к властям, и сторонники Катилины были застигнуты с поличным и арестованы.

Среди схваченных оказалось четверо сенаторов, наиболее высокопоставленный из них – Публий Корнелий Лентул, претор того года и один из людей, изгнанных из сената в 70 г. до н. э.[32] Он состоял в браке с Юлией, троюродной сестрой Юлия Цезаря, которая уже успела побывать вдовой. Какое-то время Лентул и его товарищи утверждали, что они невиновны, а затем предстали перед сенаторами. Однако под тяжестью улик они утратили самоуверенность, и каждый из них признался, осталось решить вопрос о том, как с ними поступить.[33] Их судьба решилась 5 декабря на заседании сената в храме Конкордии (согласия) – место, несомненно, выбрали сознательно, подразумевая призыв к единству, однако, возможно, также как напоминание о жестокой акции, предпринятой в прошлом, поскольку это святилище построил человек, который возглавил расправу с Гаем Гракхом.[34]

Во время последовавшей дискуссии один оратор за другим выступали за смертную казнь. Гай Октавий занимал среди сенаторов не то положение, чтобы его точкой зрения интересовались, однако Юлий Цезарь был претором-десигнатом (избранным, но еще не вступившим в должность) на следующий год, а также великим понтификом, и Цицерон вскоре спросил его мнение. Ходили слухи, что дядюшка Атии принадлежал к числу заговорщиков, а потому теперь, вместо того чтобы доказать свою преданность республике, согласившись с остальными, смело выступил против казни заговорщиков. Он был прав, утверждая, что предавать их смерти без суда – антиконституционно, хотя его собственное предложение разослать обвиняемых по различным городам Италии и держать там под стражей вообще не имело прецедента. У римлян не существовало тюрем для содержания там преступников сколь-либо длительное время и уж тем более

постоянно.

Достижение согласия оказалось под угрозой, и казалось, что честолюбивый Юлий Цезарь обретет славу человека, который в одиночку сумел изменить умонастроение сенаторов. Тогда другой энергичный политик, трибун-десигнат Катон Младший, произнес сильную речь, выступив за немедленную казнь обвиняемых. Остальные поддержали его и выразили серьезное сомнение в целесообразности содержания сторонников Катилины под стражей. Когда началось голосование, подавляющее большинство сенаторов высказалось за смертный приговор. Мы не знаем, как голосовал Гай Октавий, однако наиболее вероятно, что он поддержал общую точку зрения, а не разделил мнение Цезаря. Один из старейших и самых уважаемых деятелей сената назвал Цицерона «отцом отечества» (*parentem patriae*).[35]

Лентула отрешили от должности претора, но, блюдя этикет, Цицерон лично сопроводил его к месту казни, где заключенных задушили. После этого Цицерон лаконично объявил: «Они прожили!» – по-латински это всего лишь одно слово, *vixerunt*. В Риме поговаривали о резне и поджогах, которые собирались устроить заговорщики, чтобы в городе начался хаос, и теперь люди вздохнули с облегчением, увидев, что опасность миновала. Республика избежала непосредственной угрозы, хотя Катилина и его армия еще не были побеждены. Куда труднее было предсказать долгосрочные последствия пренебрежения законами. Хотя Рим являлся господином мира, его политика по-прежнему носила агрессивный характер, будучи источником насилия и нестабильности. Однако высокая степень риска искупалась немалыми выгодами в случае успеха, и когда год окончился, Гай Октавий был полон решимости продолжать карьеру.[36]

II
«Человек честный и богатый»

Отец его Г. Октавий происходил хотя и не из патрицианской, но достаточно видной всаднической фамилии, – человек основательный, безупречный, честный, богатый.

Веллей Патеркул. II. 59. 1–2
Пер. А. И. Немировского

Мы не знаем, насколько был богат Гай Октавий, муж Атии. Наши источники сообщают о его солидном состоянии, хотя не приводят примеров, которые позволили бы сравнить его богатство с тем, что имели другие сенаторы. Он владел домом на

одном из участков Палатинского холма, известном как «Бычьи головы», и другим домом в Ноле – городе в двадцати милях к востоку от Неаполя, который Сулла сделал колонией для своих ветеранов. Здесь находилось также фамильное поместье в городе вольсков Велитрах и вокруг него, что к югу от Альбанских гор. Упорные враги Рима в прежние времена, вольски были побеждены и поглощены римлянами в IV в. до н. э.[37]

Свое состояние Гай Октавий получил по наследству, и это считалось у римлян лучшим видом богатства. Октавии принадлежали к избранному обществу Велитр, где одна из старейших улиц носила их имя. Существовала также легенда об Октавии, который второпях закончил жертвоприношение Марсу и успел повести в бой сограждан, чтобы отразить нападение соседей. Этот эпизод имел место, очевидно, еще до римского завоевания и привлекался для объяснения местных особенностей жертвоприношения Марсу. Позднее, в 205 г. до н. э., дед Гая Октавия служил военным трибуном в римской армии во время войны с Ганнибалом. Он не пытался занять общественные должности после окончания Второй Пунической войны – вероятно, он, подобно многим другим, просто принял участие в общей борьбе, когда республика оказалась перед лицом страшной угрозы (Suetonius, *Augustus*. 1–2).

Его сын, отец Гая Октавия, также в течение всей своей жизни участвовал лишь в политической жизни родного города и занимал должности только в Велитрах. Его семья уже процветала, однако это благосостояние основывалось на том, что ее глава нашел успешное применение своим деньгам, давая их в рост, т. е. стал банкиром – куда менее почтенный источник прибыли, как считалось, нежели доходы от земельных владений. Позднее Марк Антоний насмехался над ним как над обыкновенным ростовщиком, а другие уверяли, что Гай Октавий занимался тем же ремеслом, что и его отец, участвуя в раздаче взяток трибам во время выборов в Риме. Обвинения личного характера были обычным делом в римской политике, и воспринимать их надо *cum grano salis*.[38] Даже Светоний, охотно рассказывающий множество малоприятных для Августа историй, в данном случае высказывает сомнения.[39]

Сын италийского аристократа и удачливого предпринимателя, Гай Октавий был не только гражданином, но и представителем всаднического сословия, высшего имущественного класса, предусмотренного римским цензом. Всадники должны были обладать имуществом не менее чем на 400 тысяч сестерциев, хотя к началу I в. до н. э. это представляло собой довольно умеренную сумму, и они, как правило, имели

гораздо больше. В более ранние времена римская армия комплектовалась в зависимости от имущественного положения воинов, чтобы те могли приобретать соответствующие их статусу оружие и снаряжение. Наиболее богатые могли купить коня и потому служили в коннице, т. е. были всадниками, *equites*. И хотя эта их роль ушла в прошлое (легионы набирались теперь из беднейших слоев,[40] а солдаты экипировались за счет государства), такое наименование за ними сохранилось. Статус сенатора не основывался на имущественном цензе – его получали люди, которых избирали магистратами или просто включали в списки членов сената, но все они являлись всадниками. Сенаторов насчитывалось примерно 600 человек, а всадников – несколько тысяч, и, согласно данным последнего с начала десятилетия ценза, 900 тысяч римских граждан.[41]

Богатейшим сенатором этого времени являлся, вероятно, Помпей Великий, а победы, одержанные им на Востоке, сделали его, вероятно, еще богаче. Главным соперником полководца в сенате и коллегой по консулату 70 г. до н. э. был Марк Лициний Красс, иногда называвшийся Богатым (*dives*). Оба сражались бок о бок с Суллой и неплохо нажились за счет конфискованной собственности казненных врагов. Красс, кроме того, был ловким и энергичным предпринимателем. Он содержал множество рабов – ремесленников и строителей, а также других, обученных тушить пожары. Одним из его трюков была покупка задешево недвижимости, лежавшей на пути одного из многочисленных пожаров. Лишь после этого он отправлял туда рабов, которые разрушали здания, чтобы создать противопожарную зону. Красс со временем восстанавливал дома и сдавал их в аренду, в конце концов став владельцем значительной части города. Его поместья в других местах в какой-то момент оценивали в 200 миллионов сестерциев – это всаднический минимум для 500 человек. Он же объявил, что никто не может считать себя богатым, если не в состоянии содержать армию. А Помпей сделал именно это во время гражданской войны, набрав три легиона и выплатив им жалованье за счет доходов от своих поместий.[42]

Гай Октавий вряд ли успел побывать в одной компании с такими состоятельными людьми, как Красс и Помпей, однако наверняка знал, как первый из этих двоих тратит деньги. Красс не хотел быть богатым просто ради богатства, но с помощью денег он добивался политических преимуществ, давая в долг многим сенаторам либо под очень низкие проценты, либо вообще без таковых. Ходили слухи, что большинство сенаторов в долгу перед Крассом. Когда его обвинили в связях с Катилиной, страх перед требованием немедленно выплатить долги стал причиной того,

что вопрос быстро отпал. Он также имел широкие деловые связи с компаниями публиканами (откупщиками), которые заключали с государством контракты, например, на сбор налогов в провинциях. Многое из этого делалось за кулисами, поскольку сенаторы не имели права заниматься коммерцией, хотя многие все же так поступали. Красс в этой сфере, видимо, добился наибольших успехов. Он торговал не только деньгами, но и услугами. Способный и удачливый адвокат, он усердно представлял интересы других людей в судебных процессах, чтобы они потом чувствовали себя обязанными.[43]

Гай Октавий, чей отец занимался ростовщичеством, несомненно, знал, что многие видные люди или были должны ему, или брали взаймы у него раньше. Весьма вероятно, что он продолжил семейный бизнес, весьма способствовавший осуществлению его политических амбиций.

В отличие от многих других сенаторов, основная часть состояния Октавия не была вложена в поместья и могла использоваться в политических целях. Вероятно, именно желание умножить богатство побудило его жениться на Атии. Мы не знаем, чем закончился его брак с женщиной по имени Анхея – смертью супруги или разводом, когда муж увидел возможность заключить более выгодный для него союз. Для римской элиты брак был политическим инструментом (Suetonius, *Augustus*. 4.1).

Юлий Цезарь, сам первоначально обрученный с дочерью богатого всадника, выдал одну из своих сестер за Марка Атия Бальба, другого италийского аристократа из фамилии, во многом сходной по положению с Октавиями. Он был родом из Арриции, находившейся недалеко от Рима, в Альбанских горах, и принадлежал к высшему классу, являясь родственником Помпею по материнской линии. Его отец женился явно на представительнице сенатской фамилии, что помогло его сыну при достижении должностей в Риме. Другая сестра Юлия Цезаря была поочередно замужем за двумя не очень значительными людьми из италийских верхов, чье честолюбие побуждало их делать карьеру в самом Риме. Благодаря этим брачным альянсам Юлий Цезарь приобрел верных союзников, готовых сотрудничать с патрицием из столь древнего рода, и, весьма вероятно, вполне конкретную практическую помощь в финансировании собственной карьеры.[44]

В 62 г. до н. э. Гаю Октавию, видимо, уже перевалило за сорок, и он чувствовал в себе готовность принять участие в конкурсе на должность одного из восьми преторов на следующий год. Политическая карьера в Риме была тесно связана с возрастом, и Сулла постарался внести ясность в этот вопрос,

установив минимальный возраст для занятия определенных должностей (более подробно об официальной карьере, или *cursor honorum*, см. в приложении 1). Преторами избирались не ранее чем в тридцатидевятилетнем возрасте. Победа в конкурсе их была достаточно заманчивой, чтобы они добивались этой должности с первого же раза, а особенно чтобы стать консулом в «свой год» (*suo anno*). Цицерон сумел добиться этого высшего успеха – благосклонная фортуна в сочетании с его яркой карьерой в судах помогла ему одержать победу. У нас нет сведений о том, чтобы Октавий выступал в качестве адвоката, его таланты в этом отношении не проявились.[45]

Он дважды служил военным трибуном в 70-х гг. до н. э. и, таким образом, по крайней мере в начале своей карьеры он мог постараться заслужить репутацию хорошего воина, ибо последняя, как правило, производила на избирателей благоприятное впечатление. Каждый год избирались двадцать четыре военных трибуна – наследие тех времен, когда армия состояла только из четырех легионов, и каждым из них предводительствовали шесть трибунов. К I в. до н. э. число легионов достигало примерно двенадцати, и большинство их трибунов отбиралось и назначалось наместниками провинций. Мы не знаем, где служил Гай Октавий, но то, что он прослужил два срока, каждый длиною как минимум в год, позволяет думать, что эта должность его устраивала. В более ранние времена любой кандидат, добивавшийся должности, должен был принять участие в десяти кампаниях или отслужить в войсках десять лет. К I в. до н. э. это требование значительно смягчилось, хотя даже чуждый военному делу Цицерон какое-то время провел в армии. Молодой человек служил контуберналом (дословно «товарищ по палатке») наместников, успешно выполняя обязанности младшего штабного офицера и набираясь опыта.[46]

Гай Октавий затем был избран на самую младшую из римских должностей – квестора, являвшуюся первым шагом в политической карьере. Со времен Суллы тот, кто становился квестором, автоматически попадал в сенат. Каждый год избиралось двадцать квесторов, и одним из таковых на 73 г. до н. э. являлся Гай Тораний, с которым Октавий позднее оказался тесно связан, а потому, вероятно, должность они занимали в одном году. Обязанности этих магистратов относились прежде всего к финансовой сфере. Некоторые из них оставались в Риме, в то время как другие отправлялись помогать наместникам в надзоре за финансовыми делами в их провинциях. Мы не знаем, какой круг обязанностей достался Гаю Октавию. В отличие от него Тораний командовал войсками, сражавшимися против

мятежных рабов во время восстания Спартака, и был наголову разбит.[47]

В 64 г. до н. э. – датировка опять предположительна, но вполне вероятна – Гай Октавий и Гай Тораний стали плебейскими эдилами. Каждый год избиралось четыре эдила, два плебейских и два курульных – должности двух последних доставались патрициям. Их задачи состояли в организации публичных празднеств, особенно *ludi Ceriales*, справлявшихся в честь богини плодородия, и Плебейских игр, обеспечения нормального движения и проведения общественных работ в самом Риме. Это давало отличную возможность показать себя избирателям с лучшей стороны, особенно для человека, способного поддержать казенные траты собственными средствами. Игры включали в себя процессии и публичные зрелища – такие как травли зверей. На этом этапе римской истории гладиаторские бои проводились лишь во время погребальных игр. Ежегодно выбирали на незначительное число должностей, а эта магистратура не была обязательной.[48] Торанию она давала возможность реабилитироваться в глазах сограждан после понесенного поражения. Для Гая Октавия это был удобный случай, чтобы приобрести новых союзников и добиться известности среди избирателей.[49]

Он не был птицей высокого полета, как дядя Атии. Род Юлия Цезаря оттеснили с политического олимпа еще со времен ранней республики, однако удача начала возвращаться к его представителям, когда он был ребенком. Начало их возвышению положила другая ветвь этого многочисленного рода – по крайней мере, благодаря ей имя последнего вновь приобрело известность. Отец Цезаря, пользуясь выгодами брака своей сестры с народным героем Гаем Марием, легко достиг претуры, и только неожиданная смерть – он упал и умер, когда как-то утром надевал обувь, – помешала ему добиться дальнейшего возвышения.

Сам Юлий Цезарь получил высшую награду за храбрость, когда еще в возрасте около двадцати лет заслужил гражданский венок (*corona civica*), которого по традиции удостаивался человек, спасший согражданина в бою. Возможно, именно это, а возможно, еще и поддержка со стороны патрициев позволили ему добиваться каждой магистратуре на два года раньше минимально допустимого срока. Юлий Цезарь проявлял немалую активность в судах, был колоритен в одежде и стиле жизни, добросовестно исполнял обязанности магистрата, подкрепляя государственные средства своими, взятыми в долг. Он оказывался героем ярких историй с пиратами и чужеземными захватчиками, а также давал

поводы для сплетен о многочисленных романах с чужими женами. В те времена, как и во многие другие, дурная слава была для политика полезнее неизвестности. Тем не менее, карьера Юлия Цезаря оставалась достаточно традиционной.[50]

Карьера же Гая Октавия развивалась не столь быстро и ярко, но все же достаточно уверенно. Человек, добивавшийся должности, надевал особую беленую тогу, известную как *toga candida*, откуда происходит наше слово «кандидат». Во время предвыборной кампании важно было находиться на виду. В Риме не существовало политических партий в нашем смысле, как и предварительных обсуждений по поводу политических вопросов. Избиратели, разумеется, подавали свои голоса исходя из предполагаемой репутации и прежнего поведения кандидата, а не тех мнений, которые он высказывал. Когда римский народ не очень понимал, что представляет собой соискатель, то он обращал внимание на громкое имя, считая, что его носитель унаследовал доблесть и таланты предков. Поэтому если отец и дед последнего проявили себя на службе государству с лучшей стороны (или хотя бы не запятнали себя позором), предполагалось, что их сын или внук тоже обладает аналогичными достоинствами. Обычно он также наследовал прежние симпатии, обязательства и дружеские связи, обретенные предшествующими поколениями. Влиятельные аристократические роды не пренебрегали возможностью разрекламировать свои заслуги. Атрии их домов украшались символами былых побед, и когда кто-то попадал в них, то шел мимо бюстов предков, и каждый из их числа – с магистратскими инсигниями.[51]

Октавии не пользовались особой известностью. Тем не менее друзья, доброжелатели и просители считали нужным каждое утро являться с визитом к Гаю Октавию. Такая практика входила в распорядок дня всех сенаторов, начиная с утренних приветствий от тех, кто был перед ними в долгу или надеялся на милости, и других связанных с ними лиц или желавших такие связи завести. Для кандидата было особенно важно, чтобы его дом в эти предутренние часы, перед самым началом рабочего дня, заполняли посетители. В 64 г. до н. э. Квинт Цицерон написал памфлет о предвыборной кампании, представлявший собой советы брату во время консульских выборов, в чем Цицерон вряд ли нуждался – это был удобный литературный прием. Он отмечает, что многие люди ходят с визитами к нескольким кандидатам, чтобы выяснить, кто победит. Квинт советует кандидатам с видимым удовольствием воспринимать эти визиты в надежде лестью превратить их в своих сторонников.[52]

У кандидата не могло быть слишком много политических союзников, а тут как раз открылась возможность приобрести новых. Квинт Цицерон пишет по этому поводу: «Ты можешь без ущерба для своей чести, чего ты не смог бы сделать в обычных условиях, завязывать дружбу, с кем только захочешь; если бы ты в другое время стал вести переговоры с этими людьми, предлагая им свои услуги, то это показалось бы бессмысленным поступком; если же ты во время соискания не будешь вести переговоров об этом, и притом со многими и тщательно, то ты покажешься ничтожным искателем» (Краткое наставление о соискательстве консулата. 25. Пер. В. О. Горенштейна).

Это был удобный случай позволить людям проявить доброе отношение к кандидату, оказав ему поддержку и тем самым обязав его на будущее. Существовали вполне очевидные способы продемонстрировать свою поддержку кандидату, самый типичный – сопровождать его на Форуме. Было очень важно идти в сопровождении многих и влиятельных людей, причем чтобы дружба с ними не осталась незамеченной. Римские избиратели обычно симпатизировали тому, кого считали наиболее вероятным победителем, и потому многочисленность сопровождающих быстро росла по мере того, как все больше людей присоединялись к вероятным победителям.

Когда кандидат шествовал таким образом через центр города, то должен был приветствовать прохожих и опять-таки желал, чтобы как можно больше народу видело – многие видные люди с ним. Особый раб, называвшийся номенклатором, подсказывал своему хозяину на ухо имена встречных, чтобы тот мог поприветствовать их. Считалось неприличным слишком уж зависеть от подобных подсказок, однако и Катон Младший, открыто отказавшийся пользоваться услугами номенклатора и пытавшийся запретить это другим, выглядел необычно. Под общим давлением он смягчился, и номенклаторы продолжали играть важную роль.[53]

Существовали важные обстоятельства, способствовавшие приобретению политиком популярности у тех или иных слоев общества. Юлий Цезарь последовательно поддерживал законопроекты, направленные на перераспределение общественной земли между городскими бедняками и отставными солдатами, следуя по стопам Гракхов и других реформаторов. Он также боролся в сенате и судах за права жителей провинций. Еще больший для многих римлян резонанс имел вопрос о том, существуют ли ограничения для действий магистратов, когда сенат принимал *senatus consultum ultimum*. В 63 г. до н. э. Цезарь принимал участие в показательном процессе над человеком,

обвинявшимся в убийстве заключенных, взятых под стражу во время волнений тридцать семь лет назад, в 100 г. до н. э.[54] Суть этого процесса состояла в том, чтобы сформулировать точки зрения по важным политическим вопросам. Он проводился в соответствии с архаической процедурой и завершился без вынесения приговора. Речь шла не о том, нужно ли убивать граждан, выступивших с оружием в руках против республики, а отрицается ли за такими людьми право на формальный процесс после того, как они сдались и более не представляли прямой угрозы для государства. Тот же самый вопрос поднимался при обсуждении судьбы катилинариев, и прежде чем год закончился, Цицерона стали обвинять в убийстве этих людей.[55]

Вряд ли Гай Октавий активно участвовал в обсуждении столь спорных тем. В первые месяцы 62 г. до н. э. еще не побежденное войско Катилины создавало угрозу продолжения войны. В конце концов его сторонники начали разбредаться, и восстание не приобрело больших масштабов. Армия, которой номинально командовал Гай Антоний, а фактически – один из его более опытных подчиненных,[56] вскоре загнала повстанцев в угол. Учитывая огромный перевес неприятеля в силах, дело повстанцев было проиграно. Тем не менее Катилина и несколько тысяч упрямцев двинулись в бой, предпочтя смерть в битве капитуляции и последующей казни (см. Саллюстий. Заговор Катилины. 60–61).

По всей видимости, самым животрепещущим вопросом в общественной жизни Рима на протяжении большей части 62 г. до н. э. являлось возвращение Помпея из его восточных походов. Митридат был мертв, война закончена, и хотя еще несколько месяцев потребовалось на урегулирование дел в провинциях и союзных царствах в тех краях, полководец и его легионы в конце концов двинулись домой. Никто не знал точно, что они сделают, когда вернутся. Кое-кто опасался, что Помпей станет вторым Суллой. Особенно была ненавистна мысль о человеке, который обладает огромным богатством, авторитетом и может захватить власть в государстве. Помпей однажды уже нарушил все правила политической игры, когда собрал «частную» армию во время гражданской войны и затем отказался распустить ее, так что сенаторам пришлось вручить ему законные полномочия и поручить борьбу с мятежниками, а не превращать его в одного из них. Он не занимал ни одной официальной должности вплоть до 1 января 70 г. до н. э., когда, наконец, стал консулом и одновременно сенатором в возрасте тридцати шести лет. В годы гражданской войны он заслужил прозвище «молодого мясника» (*adulescentulus carnifex*) за ту активность, которую проявил в расправах с видными нобилями. Позднее его обвиняли в том, что

он похищал чужую славу, получая командование в тот момент, когда война была уже близка к завершению.[57]

Сенаторы самых различных взглядов – и такие как Красс, и такие так Катон – возмущались успехами Помпея, однако для большинства простых римлян он был великим героем. Юлий Цезарь с готовностью оказал поддержку законопроектам в его пользу, сохраняя при этом независимую политическую позицию. В начале 62 г. до н. э. он вступил в союз с одним плебейским трибуном, желавшим возвратить Помпея и его армию для борьбы с Катилиной и его войском. Оппозиция этому предложению оказалась весьма жесткой, и потому трибун почел за благо скрыться, а Цезаря на короткий срок даже лишили должности претора, пока тот принародно не покаялся.[58] Гай Октавий, скорее всего, держался в стороне от этой борьбы, стараясь выражать такие мнения, которые вызвали бы положительный отклик у публики.[59]

Умный кандидат стремился угодить как можно большему числу сограждан. От него и его друзей ожидали, что они будут хвалить и развлекать как отдельных людей, так и целые общественные группы – всадников, публиканов, а также менее обеспеченные слои, членов различных коллегий города и избирательных округов в комициях. Чрезвычайно важно было иметь репутацию человека великодушного и готового помочь, особенно в обмен на поддержку. Как пишет Квинт Цицерон, «люди хотят не просто обещаний, […] но чтобы их давали щедро и с почтением». Им также следовало добиваться благосклонности окружающих. «В том, чего ты не можешь сделать, [надо] либо отказывать мягко, либо вовсе не отказывать. Первое свойственно доброму человеку, второе – ловкому соискателю». Лучше всего обещать где только возможно, поскольку «если ты откажешь, то этим, конечно, оттолкнешь от себя, притом сразу и многих. […] На тех, кто отказывает, сердятся гораздо сильнее, чем на того, кого видят в затруднительном положении по той причине, что он хотел бы исполнить обещание, если бы только это было возможно».[60] О предвыборных обещаниях в I в. до н. э. помнили столь же мало, как и в наши дни, и избиратели были склонны к тому, чтобы их оптимизм брал верх над жизненным опытом.

Гай Октавий имел достаточно средств, чтобы тратиться на устройство зрелищ, делать подарки и давать взаймы, чтобы поддерживать уже существующие дружеские связи и заводить новые. Несомненно, помимо родственных (как с Юлием Цезарем, который выказывал ему внимание и демонстрировал поддержку) существовали также связи, возникшие в свое время в результате коммерческой деятельности членов фамилии. Благосклонность

можно было купить, и в большинстве случаев подношения и милости не подпадали под действие законов, направленных на борьбу с коррупцией. Действовать надо было осторожно, однако стоит отметить, что при всех своих огромных затратах на подкуп избирателей Цезарь никогда не привлекался к суду по обвинению во взяточничестве. Это было весьма хрупкое основание для возбуждения дела, и под суд в итоге попадали только самые явные нарушители.[61]

Существовало восемь преторских должностей, и с неизбежностью двенадцать человек из квесторов каждого года не имели возможности выиграть выборы в преторы. Тем не менее здесь шансы на победу были значительно выше, нежели во время борьбы за консульство. Преторов избирали после на том же собрании народа, именовавшемся центуриатными комициями (*Comitia centuriata*). На нем тридцать триб римских граждан делились на различные группы избирателей, или центурии, основывавшиеся на имущественном цензе и восходившие к древней структуре римского войска. Поскольку отрядам вооруженных граждан не позволялось пересекать священную границу города (померий), они собирались за ее пределами, на Марсовом поле, на пространстве, разгороженном в соответствии с избирательными округами и известном как *saepta*, или «овечьи загоны». В состав центурий более богатых граждан входило меньше людей, и они подавали голоса первыми, идя по деревянным переходам, или «мосткам» (*pontes*), и затем бросая таблички с инициалами угодных им кандидатов в корзину. Решение большинства каждой центурии предопределяло исход голосования всей группы. Кандидаты могли произнести речь на неформальных собраниях, проводившихся накануне центуриатных комиций, однако потом просто ожидали и смотрели с помоста в стороне. Каждый был одет в выбеленную до блеска тогу. Первый, кто набирал достаточное для победы простое большинство – 97 центурий из 193 от общего количества – считался избранным, за ним следующий и т. д. Процедура отличалась громоздкостью и занимала много времени, бывали случаи, когда всех восьмерых преторов не успевали избрать до заката, и тогда комиции распускались и выборы переносились на следующий дозволенный законом день.[62]

Гай Октавий оказался первым, кто в своем случае набрал большинство на выборах. Его тестю Марку Атию Бальбу вскоре также предстояло одержать победу на преторских выборах (вероятно, в следующем году), и это, надо думать, свидетельствовало о том, что имя и влияние Юлия Цезаря были ценным приобретением для его родственников. Основной

обязанностью преторов в течение года, когда они занимали свою должность, была деятельность в судах. Семеро из них председательствовали в судебных комиссиях, или *quaestiones*, учрежденных Суллой, восьмой же занимал престижный и связанный с широким кругом задач пост городского претора (*praetor urbanus*), чья власть была следующей после власти консулов. Гай Октавий работал в одном из судов.[63]

Судебные заседания проводились на возвышении на Форуме, где толпа могла собираться и наблюдать за ходом дела, если оно было важным, интересным или просто скандальным. Рассматривавший дело претор сидел в председательском кресле, окруженный шестью ликторами, которые держали фасции – пучки прутьев с воткнутыми в них топорами – символ власти над жизнью и смертью сограждан. Персонал, подобно ликторам, состоял, в отличие от преторов, которые менялись каждый год, из профессионалов, и в некоторых случаях благодаря приобретенному опыту они оказывали влияние на ход процесса. Председательство в суде представляло собой еще одну отличную возможность добиться немалой известности. Он мог расширить свои политические связи, ведя себя доброжелательно и обходительно с обвинителями и обвиняемыми, с их адвокатами, с присяжными, которые были сенаторами, всадниками и иными людьми с положением. В римской судебной системе не существовало института государственного обвинения, и таковое предъявляли один или несколько граждан – частных лиц. Обычно обвинители были молодыми честолюбивыми людьми, стремившимися таким образом создать себе имя, в то время как защитниками являлись уже люди более известные. Помочь другому сенатору, даже очевидно виновному, считалось более почетным, чем пытаться оборвать его карьеру. Таким образом, и здесь система благоприятствовала правящей элите. Многие процессы имели политическую окраску. Все они были очень важны для обеих сторон и представляли собой способ оказать услугу.

В конце 60-х годов до н. э. Цицерон с похвалой отзывался о деятельности Гая Октавия на посту претора, советуя брать с него пример брату Квинту во время наместничества в Азии: нужно проявлять «доступность при выслушивании, мягкость при вынесении решения, внимание при определении суммы денег и во время прений. Этим Г. Октавий снискал всеобщее расположение: у него первому ликтору нечего было делать, посыльный молчал, каждый говорил столько раз и так долго, как хотел. Вследствие этого он, возможно, мог бы показаться чересчур мягким, если бы за этой мягкостью не скрывалась его строгость.

Он заставлял сулланцев возвращать то, что они присвоили силой и запугиваниями. Тем, кто ранее как должностное лицо выносил несправедливые решения, пришлось самим как частным лицам подчиняться на основании тех же постановлений. Эта строгость его показалась бы горькой, если бы она не смягчалась многими приправами его доброты» (*Ad fr. Q.* I. 1. 21. Пер. В. О. Горенштейна).[64]

Разоблачения особенно алчных или порочных из числа бывших приспешников Суллы встречали широкий отклик, в разное время ими занимались и Юлий Цезарь, и Катон Младший. Гай Октавий являл собой образец римского судьи, сурового по отношению к одним, доброжелательного и великодушного по отношению к другим, к тем, кто этого заслуживал, преимущественно к людям хорошего рода и со связями. Если сенатор видел, что обвинительный приговор неизбежен, то ему разрешалось отказаться от дальнейшего рассмотрения дела и от своих прав гражданина, покинуть Рим с большей частью своего состояния и жить в изгнании в весьма комфортабельных условиях.[65] Это было одной из причин того, что Цицерон возражал против формального процесса над катилинариями, поскольку они наверняка предпочли бы изгнание казни.[66]

Дальнейшая карьера Гая Октавия развивалась вполне успешно для сенатора. С ростом числа провинций большинство преторов уезжало туда в качестве наместников по окончании года. Кандидаты отбирались сенатом, а затем распределялись по жребию. Гаю Октавию досталась богатая и важная в военном отношении провинция Македония и ранг проконсула. Проконсулы и пропреторы не избирались напрямую, а получали свое право на командование (*imperium*) от сената. По дороге в провинцию Октавию пришлось иметь дело с бандой разбойников, орудовавших в районе Фурий близ Тарента на юге Италии. По словам Светония (Август. 3.1), это были остатки отрядов Спартака и отбившиеся от армии Катилины, однако Гай Октавий быстро расправился с ними.

Наместник имел отличные возможности для наживы, и большинство римлян связывали службу за пределами Италии с обогащением. Как писал поэт Катулл примерно в это время, первое, о чем спросил его друг, когда он возвратился из Вифинии, где служил в свите наместника, было: «Хорошо ли ты там нажился?» Один весьма известный пропретор Сицилии говорил, что человеку нужно три года наместничества: первый – чтобы заплатить долги, второй – чтобы стать богатым, а третий – чтобы собрать денег для подкупа судей и присяжных, имея в виду неизбежный процесс по обвинению в коррупции по возвращении

в Рим.[67] Большинство было менее откровенно, однако в провинции проконсул обладал высшей военной и судебной властью, и здесь всегда было полно людей, жаждавших добиться его расположения. Наместники не получали зарплаты, хотя им возмещали расходы на себя и небольшую свиту.[68]

И вновь Октавий заслужил похвалу сенаторов за свои действия. Внутри провинции царил мир, а стычки на границе с бессами и другими фракийскими племенами позволили ему снискать славу военачальника. Он одержал победу в сражении, после которой воодушевленные воины провозгласили его императором, т. е. победоносным полководцем. Такая восторженная поддержка являлась необходимой прелюдией к дарованию сенатом права на триумф. Закон требовал, чтобы это была крупная победа, в результате которой погибло в бою не менее 5000 неприятелей, однако маловероятно, чтобы на практике кто-то беспокоился о точности подсчетов.[69] Получение военачальником права на триумф чаще зависело от степени влияния в сенате его друзей.[70]

Карьера Гая Октавия развивалась успешно. Триумф помог бы ему добиться консульства. Юлий Цезарь также был на коне, добившись консулата на 59 г. до н. э., и существовала возможность того, что муж его племянницы также вскоре достигнет вслед за ним высшей магистратуры. Однако на пути из Македонии в Рим Гай заболел и умер в своем доме в Ноле.[71]

III
Консульство Юлия и Цезаря

«А что, – говорит другой, – если он захочет и быть консулом и иметь войско?» А тот (Помпей) возможно мягче: «А что, если мой сын захочет ударить меня палкой?» Этими словами он достиг того, что люди полагают, будто между Помпеем и Цезарем трения.

Из письма Марка Целия Руфа Цицерону, октябрь 51 г. до н. э. [72]

Юному Октавию было всего четыре года, когда его отец скончался, завещав бóльшую часть состояния своему единственному сыну. Богатства рода предназначались для поддержки карьеры будущих его представителей. Браки в среде аристократии обычно обусловливались конкретными политическими и финансовыми преимуществами, с ними связанными, а потому разводы и новые свадьбы были в порядке вещей. Юлий Цезарь обручился в еще совсем юном возрасте, а

затем женился трижды. Помпей вступал в брак четыре раза. Подобно тому, как Атия не взяла имя мужа, когда вышла замуж за Октавия, ее имущество осталось обособленным, и им, исключая приданое, управлял ее отец в интересах дочери. Обычно жена не наследовала состояние мужа, предполагалось, что главными наследниками станут дети, прежде всего сыновья.

В завещании были назначены опекуны, чтобы осуществлять надзор за имуществом мальчика, пока он не достигнет совершеннолетия. Одним из них стал Гай Тораний, человек, который занимал должность эдила (и, возможно, квестора) вместе с его отцом. Имуществом нужно было управлять, а деньги вкладывать в какое-либо дело, чтобы сохранить, а в идеале приумножить наследство. Торания позднее обвиняли в том, что он потратил значительную часть состояния Октавия в своих целях. Вполне вероятно, что те, кто так говорил, просто ошибался, а не сознательно клеветал на него, однако когда Октавий станет взрослым, то посмотрит на это по-иному и потребует жестокой расправы с ним.[73]

Атия представляла собой ценный актив для ее отца. Пока она оставалась молода (вероятно, ей не исполнилось и тридцати) и могла рожать детей, было бы совершенно неразумным не попытаться выдать ее замуж снова. Римские законы предполагали десятимесячный срок, после которого овдовевшая или разведенная женщина имела право взять себе нового мужа, чтобы не возникало сомнений по поводу отцовства ребенка, который мог родиться за это время. Марк Атий Бальб неплохо устроил свои дела, женившись на сестре Юлия Цезаря и став таким образом тестем Октавия. Это отнюдь не означало, что он не может искать новых союзов с другими аристократическими семействами и завести новые связи в своих интересах. Атия вышла замуж во второй раз, на сей раз за Луция Марция Филиппа, который станет консулом в 56 г. до н. э. Филипп не принадлежал к числу близких друзей Юлия Цезаря, однако его фамилия пользовалась большим уважением и добилась немалых успехов на политическом поприще, поддерживая хорошие отношения с обеими сторонами. Новый брак мог также обеспечить долгожданное финансовое пополнение. У Филиппа уже был взрослый сын, начавший политическую карьеру, а также дочь, и если он надеялся иметь еще детей от нового брака, то ему пришлось разочароваться.[74]

Юный Октавий не отправился с матерью в ее новый дом. Вместо этого он и, вероятно, его сестра – остались жить с родителями Атии, которые взяли на себя заботы по уходу за ними и их начальному образованию. Со временем к няньке

присоединился и *paedogogus*; главного наставника Октавия звали Сфером. Обычно *paedogogus* был рабом греческого происхождения, и одна из его задач состояла в том, чтобы учить ребенка как греческому языку, так и латинскому. Римские аристократы I в. до н. э. свободно владели обоими этими языками. Помимо умения читать и писать и основ арифметики особый упор при преподавании делался на обычаях и истории Римской республики. Ибо, как говорил Цицерон, «в самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков?»[75] В рамках общей истории Римского государства особое внимание уделялось той роли, которую играли в нем его пращуры. Атия, вне всякого сомнения, могла быть уверена в том, что Октавий хорошо знал о великих деяниях и глубокой древности рода Юлиев в целом и фамилии Цезарей в частности. Бесспорно, что мальчик также гордился историей (пусть и менее яркой) рода Октавиев. Позднее Октавий просто напишет, не вдаваясь в детали, что это был «древний и богатый всаднический род».[76]

«Трехголовое чудовище» [77]

Помпей Великий возвратился в Италию со своей армией в конце 62 г. до н. э. Облеченный по решению комиций беспрецедентно широкими полномочиями и располагавший огромными ресурсами, он затмил своими победами римских военачальников прошлого. Помпей хорошо служил республике. Благодаря опыту и способностям в делах организации и планирования он вначале очистил Средиземное море от пиратов, а затем окончательно сокрушил Митридата Понтийского и осуществил полномасштабное переустройство Ближнего Востока. Немало сенаторов задавалось вопросом, не слишком ли свыкся человек с такой властью, чтобы согласиться вновь стать обычным сенатором. Многие опасались, что он использует свои легионы для того, чтобы силой утвердить свое господство над республикой, как это сделал Сулла.[78]

Помпей не был Суллой, да и ситуация у обоих сильно различалась, поскольку Сулла столкнулся с уже вооружившимися врагами, когда возвратился после войны с Митридатом. Бесконечная гражданская война просто продолжилась, когда он вернулся с Востока. Чтобы развеять людские страхи, Помпей в 62 г. до н. э. сделал широкий жест, распустив армию сразу по прибытии в Италию. Политические настроения в Риме изменились, как только люди перевели дух и почувствовали, что великий завоеватель теперь вполне уязвим. Помпей больше не обладал официальными полномочиями и не имел в своем распоряжении армию, хотя он по-прежнему оставался за пределами сакральной городской черты и сохранял *imperium* вплоть до празднования триумфа. Теперь ему приходилось полагаться на свое богатство, ловкость политика и то, что римляне называли не вполне переводимым словом *auctoritas* – нашего слова «авторитет» недостаточно для того, чтобы должным образом передать его смысл. *Auctoritas* сочетала в себе статус и уважение, коими человек был обязан как личным успехам и связям, так и достижениям и связям своего рода. По сути, auctoritas отражала значение того или иного лица в глазах всех и каждого.

Никто не сомневался в том, что Помпей – важная персона, и никто не обладал таким богатством и связями, как он, но у него не было монополии на них, и много еще кто также имел и то, и другое, хотя и в меньшей степени. Помпей провел всю юность и бóльшую часть своих зрелых лет в походах. Ему не хватало опыта лавирования в повседневной политической жизни, приобретения и использования политических выгод. Кроме того, он жаждал

преклонения толпы и одобрения со стороны сенаторов и тяжело переносил, когда все это заставляло себя ждать. Если говорить о практической стороне дела, то перед Помпеем стояли три задачи. Первая, наиболее простая, – добиться права на триумф и выставить напоказ перед всем городом свои успехи. Вторая – официальное утверждение мероприятий по реорганизации восточных провинций и царств, одобрение всех его решений. И, наконец, последняя – закон о даровании земельных участков его демобилизованным солдатам, чтобы они могли завести хозяйства, что обеспечило бы поддержку на будущее и им самим, и их семьям.

Все это было полезно для государства. Распоряжения Помпея на Востоке нельзя не признать разумными, и когда их окончательно утвердили, то многие из них сохраняли силу в течение нескольких столетий. Легионеры сражались хорошо и добились победы, и при этом республика платила им нищенское жалованье, и у большинства из них отсутствовали источники существования после того, как армия переставала нуждаться в них. Правда, Помпей получил бы благодарность и будущие голоса этих людей, что привело бы к значительному росту числа клиентов, обязанных поддерживать его. Римские аристократы того поколения сознавали, что непомерный престиж какого-либо другого лица вел к уменьшению их собственного статуса. Многие выражали недовольство Помпеем, помня о родственниках, казненных молодым мясником.[79]

Помпей добился триумфа не без борьбы. Это был его третий триумф, и праздновался он с большой пышностью, особо подчеркивалась беспримерность одержанных им побед. Толпы народа приветствовали шествовавших в процессии солдат, вереницы пленных, помосты, на которых несли трофеи, списки завоеванных стран, картины с изображением сцен кампаний. Сам Помпей ехал на колеснице, облаченный в пурпурную мантию полководца-триумфатора, на его голове был лавровый венок, лицо выкрашено красной терракотовой краской, так что он напоминал статую Юпитера Величайшего и Наилучшего, главного из римских богов. В этот день полководец принимал на себя роль бога. Месяцы и годы, последовавшие за торжествами, ясно продемонстрировали пределы влияния и богатства, когда они сталкиваются со сплоченной оппозицией. Как частное лицо Помпей не имел власти, он не мог созвать сенат или предложить законопроект народному собранию. В 61 и 60 гг. до н. э. благодаря поддержке полководца добился консульства его бывший подчиненный.[80] Однако ни тот, ни другой не проявили политического чутья и в итоге наткнулись на сопротивление

коллег или оказались просто проигнорированы ими.

Катон сыграл важную роль в кампании по противодействию Помпею, но и многие другие представители видных фамилий быстро прервали свое обычное соперничество в надежде сбить спесь с великого героя. Такие люди любили называть себя «порядочными» (*boni*) или «наилучшими» (*optimates*), когда они говорили о свободе и республике, то имели в виду интересы свои и своего класса. Они скорее предпочитали не трогать проблему, нежели позволить сопернику обрести влияние, чтобы решить ее. Это инерционное правило лежало в основе политической жизни. Законопроект о даровании земли ветеранам или другим малоимущим гражданам не стал законом, решения Помпея на Востоке по-прежнему ждали утверждения. Правители, провинциальные общины, союзные цари до сих пор пребывали в состоянии неопределенности, не зная, будет ли закреплено за ними дарованное Помпеем.

Красс участвовал во многих атаках на Помпея, однако вскоре и его постигло разочарование. Несколько крупных компаний публиканов взяли на себя слишком большие обязательства, чтобы получить право на сбор податей в Азии и других восточных провинциях, и теперь поняли, что не смогут покрыть издержки. Они настаивали на снижении первоначально установленной суммы, которую они должны были внести в казну. Вероятно, Красс инвестировал свои деньги в эти компании и имел с ними тесные деловые связи. Несмотря на множество друзей-политиков, обязанных ему, он не смог провести нужное решение вопроса, когда таковой подняли в сенате.

Было бы неверно рассматривать эти годы только через призму борьбы Помпея, Красса и их соперников. Ежегодные избирательные кампании по-прежнему порождали ожесточенную борьбу, зачастую сопровождавшуюся подкупом и угрозами, а в судах кипели политические баталии. Юлий Цезарь в 61–60 гг. до н. э. был наместником Дальней Испании, хотя его отъезд в провинцию едва не сорвался, когда кое-кто из кредиторов потребовал немедленной уплаты гигантских долгов. Вмешался Красс, выплативший некоторую часть долга и поручившийся за остальную. Восстание дало новому наместнику повод начать войну, снискать славу и получить немалую добычу. Ко времени своего возвращения в Рим Юлий Цезарь значительно улучшил свое финансовое положение и обрел шанс на триумф.

Он был исполнен решимости закрепить успех и стать консулом в 59 г. до н. э., т. е. *suo anno*. Чтобы добиться этого, Юлий Цезарь просил освободить его от действия закона, требовавшего от соискателя личного присутствия, когда он

выдвигал свою кандидатуру. Катон помешал ему, прибегнув к обструкции – когда во время обсуждения в сенате спросили его мнение, он стал говорить не умолкая и тем помешал провести голосование. В сенате не разрешалось продолжать дискуссию после заката, и участникам заседания пришлось разойтись, так ничего и не решив. Такой метод Катон использовал неоднократно, и это было одной из причин того, что он, несмотря на свой сравнительно молодой возраст, стал уже достаточно значительной фигурой в сенате. На сей раз его успех оказался эфемерным. Юлий Цезарь вступил в город и выдвинул свою кандидатуру, хотя для этого ему пришлось распустить свои войска и отказаться от триумфа.[81]

Отчасти вражда Катона была основана на неприязни сугубо личного характера, не помог здесь даже длительный роман между Юлием Цезарем и сводной сестрой Катона Сервилией. Тесть последнего Марк Кальпурний Бибул, который был старше его самого, также добивался консулата, и, возможно, Катон рассчитывал на избрание Бибула и какого-либо менее яркого персонажа. Возможно, он также надеялся на то, что провал на консульских выборах приведет к краху карьеры Цезаря, как это произошло с Катилиной. Однако если Катон так думал, то он жестоко ошибался. Все кандидаты изрядно потратились. Чтобы добиться поддержки избирателей, Юлий Цезарь без особого труда был избран первым, а затем с незначительным большинством голосов стал консулом и Бибул.[82]

Это то, что происходило у всех на глазах. Что же касается закулисных дел, то Цезарь заключил соглашение с Крассом и Помпеем, убедив обоих, что единственный для них способ добиться желаемого – отложить свою вражду и действовать совместно. Он также попытался наладить тесное сотрудничество с Цицероном, однако убедить его не смог. Современные ученые называют тот союз между двумя богатейшими людьми в Риме и честолюбивым новичком «первым триумвиратом». В тот момент это соглашение носило секретный характер, и только постепенно, в течение 59 г. до н. э. оно стало достоянием гласности (Cicero, *ad fam.* II. 3. 3–4).

В январе Юлий Цезарь ознаменовал свое вступление в должность тем, что внес в сенат проект земельного закона. Он был весьма умеренным, его автор вел себя примирительно, заявив, что изменит некоторые его положения, если услышит разумную критику. Он уже принял решение, что все дебаты в сенате должны предаваться гласности, а потому высказанные там мнения будут теперь известны народу. Только Катон проявил готовность выступить против и тут же затянул одну из своих

бесконечных речей. Он распалялся все более; Юлий Цезарь приказал ликторам увести его, однако Катон отлично умел играть роль жертвы тирана. По крайней мере один сенатор пошел с ним, заявив, «что скорее будет с Катоном в тюрьме, чем с Цезарем здесь». Заседание закончилось, а голосование так и не состоялось.[83]

То же самое повторялось каждый раз, когда Катон, Бибул и их сторонники пытались вставать на пути у Цезаря. Они не столько сдерживали его, сколько побуждали прибегать ко все более радикальным методам, чтобы в будущем возникли сомнения относительно законности всего, что он делал. Народное собрание приняло земельный закон, ветераны Помпея таким образом получили свои участки. Несколько месяцев спустя его дополнили вторым аграрным законом о распределении еще большего количества общественной земли между бывшими солдатами и 20 тысячами женатых мужчин из городской бедноты, у которых было не менее трех детей. Для надзора за распределением земли назначили комиссию из двадцати членов,[84] и одним из них оказался отец Атии. Распоряжения Помпея на Востоке были, наконец, утверждены в полном объеме. Примерно в то же время публиканы добились уменьшения откупной суммы, хотя при этом их предупредили, чтобы в будущем они проявляли бóльшую умеренность.[85]

Поддержка со стороны Помпея и Красса постепенно становилась все более явной по мере того, как Юлий Цезарь раз за разом обращался к народным сходкам и комициям, чтобы проводить свои законопроекты. Обе стороны прибегали к помощи своих приверженцев и запугиваниям, однако отряды сторонников триумвиров были более многочисленными и организованными. Во время сходок, где обсуждался земельный закон, ликторам Бибула сломали фасции, а ему самому вывалили на голову корзину навоза. После такого афронта он удалился к себе в дом на остаток года и объявил, что наблюдает за небом и узрел на нем молнии. Если председательствующий магистрат видел такой знак Юпитера, то общественные дела приостанавливались, однако предполагалось, что сам он при этом присутствует на сходке или на народном собрании, а не скрывается у себя дома. Тем не менее он продолжал мутить воду по поводу законодательства того года.[86]

После возвращения с Востока Помпей пытался наладить контакты с Катоном, в надежде жениться на одной из его племянниц, но встретил отпор. Теперь он женился на дочери Цезаря Юлии, тем самым открыто укрепив союз с ним. Отец последней был на шесть лет моложе Помпея, однако несмотря на

разницу в возрасте этот брак был большой удачей, и зрелый мужчина наслаждался преклонением перед ним со стороны юной и очаровательной невесты. Все теперь знали, что Красс и Помпей являлись союзниками честолюбивого консула, и люди начали говорить о господстве «трехголового чудовища» над государством. Другие острили, что живут в консульство «Юлия и Цезаря», поскольку Бибул нигде не появлялся и не пытался внести какой-либо законопроект или провести какое-либо мероприятие. Однако если не считать наблюдений за небесами, он писал бранные памфлеты против своего коллеги, которые вывешивал на Форуме для всеобщего обозрения. Другие подлили масла в огонь, называя Цезаря «мужем всех жен и женой всех мужей», припомнив старую историю о том, как его соблазнил стареющий царь Вифинии.[87]

Объединившись, Помпей, Красс и Юлий Цезарь могли продавить любой закон, хотя зачастую для этого приходилось прибегать к крайним средствам. Несмотря на то, что утверждали их критики, они не могли контролировать все стороны общественной жизни. Им удалось обеспечить избрание на 58 г. до н. э. дружественных им консулов – одним из них был Луций Кальпурний Пизон, тесть Юлия Цезаря. Однако они не смогли помешать избраться на другие должности весьма враждебным им лицам или долгое время контролировать выборы. В конце года Цезарь получил пятилетнее командование в провинции – оно давало ему возможность снискать славу и разбогатеть настолько, чтобы уплатить долги и добиться своих целей. Накануне комиции по инициативе трибуна[88] приняли закон о его назначении наместником Цизальпинской Галлии и Иллирии. Когда умер наместник Трансальпийской Галлии, Помпей предложил сенату и ее передать Цезарю, который таким образом получил три провинции, на этот раз декретом сената.

«Они хотели этого»

Наряду с формальным образованием сыновья сенаторов должны были также учиться, наблюдая за старшими. Начиная с семи лет они сопровождали своих отцов или других старших родственников-мужчин, когда те отправлялись по своим делам, и смотрели, как последних встречают и приветствуют клиенты, когда они каждый день возвращаются домой, следовали за ними через Форум на заседание сената. Мальчикам не позволяли входить в курию, однако двери ее оставляли открытыми, а потому они и сопровождавшие их люди собирались снаружи и слушали. Они также тренировались на Марсовом поле, учась ездить

верхом, метать копье, сражаться с мечом и щитом. С раннего возраста они находились в компании своих сверстников – людей, с которыми им придется позднее соперничать в борьбе за магистратуры и как с коллегами исполнять должностные обязанности.

Мы не знаем, когда умер отец Атии, Марк Атий Бальб, и его последняя известная нам должность – членство в аграрной комиссии 59 г. до н. э. Возможно, что юный Октавий начал постигать азы общественной жизни, сопровождая своего деда в последние годы его жизни, однако прямых свидетельств на сей счет нет. Его двоюродный дед был далеко, и он не появится в Риме. Примерно в то время, когда они начинали наблюдать общественную жизнь, мальчики приступали к занятиям с грамматиком – преподавателем литературы и языка. В Риме существовало примерно двадцать школ для тех, чьи родители могли оплачивать образование в них. Наиболее богатые из них обычно держали грамматика у себя дома, хотя они могли позволить детям своих друзей, родственников или клиентов присоединиться к их отпрыску во время занятий. На каком-то этапе обучения Октавий завел дружеские связи, которые сохранял всю жизнь.[89]

Юные римляне читали и запоминали классические тексты на латинском и греческом так, что могли их прокомментировать. Они также зазубривали такие вещи, как Законы Двенадцати Таблиц, являвшиеся основой римского права. Тем не менее именно практические наблюдения за функционированием институтов Римской республики и частными делами сенатора (а для девушек – за хлопотами их матери по дому) были тем, что позволяло лучше всего подготовить их к взрослой жизни. Общественная жизни республики 50-х годов до н. э. едва ли являла собой поучительное зрелище. Когда Юлий Цезарь перестал быть консулом, Помпей и Красс вновь обрели огромное влияние, однако они теперь меньше контролировали повседневные политические события, нежели когда Цезарь был высшим магистратом. Многие другие сенаторы обладали меньшим влиянием, чем эти могущественные люди, но некоторые вполне могли приводить дела в движение. Политическое соперничество продолжалось вовсю и помимо Помпея, Красса и Цезаря.

Публий Клодий Пульхр был харизматичным, неугомонным и решительным политиком, который стал одной из центральных фигур этого десятилетия. Его родовое имя было Клавдий Пульхр, однако в молодом возрасте он принял простонародную форму этого имени, «Клодий». В душе он оставался патрицием, со всеми

замашками древнего аристократического рода, который обладал немалым влиянием в течение нескольких столетий. Фамильное имя «Пульхр»[90] означает «красивый», и весьма многое показывает, как члены этого семейства смотрели на себя. Клавдии славились своей самоуверенностью и невероятным высокомерием. Во время Первой Пунической войны против Карфагена Клавдий Пульхр не стал дожидаться, пока священные куры начнут клевать и тем продемонстрируют, что гадания благоприятны для него и что он может вести флот в бой. В конце концов он приказал схватить клетки с птицами и выбросить за борт своего флагманского корабля, воскликнув: «Пусть пьют, если не хотят есть». Римляне напали на карфагенян и потерпели самое тяжелое поражение в морской битве за всю историю Пунических войн. Несколько лет спустя сестра Клавдия подверглась судебному преследованию за то, что, когда ее носилки застряли в запруженной народом римской улице, она громко воскликнула: «Ах, если бы мой брат был жив, он утопил бы побольше народу», чтобы очистить для нее дорогу.[91]

Клодий намного лучше чувствовал настроения народа, чем такие его предки, но он отличался такой же, как и они, несдержанностью, когда начинал делать или говорить все, что бы ни пришло ему на ум. Будучи патрицием, он не мог стать плебейским трибуном, а потому предпринял несколько попыток стать плебеем. Его глубокая ненависть к Цицерону была общеизвестна, и когда в 59 г. до н. э. оратор выступил с публичной критикой триумвирата, ответ последовал почти молниеносно. Через несколько часов Цезарь как консул, а Помпей как авгур уже председательствовали при церемонии официального усыновления Клодия плебеем, который был моложе его самого. Вся эта процедура носила чисто символический характер и больше походила на фарс, но с формальной точки зрения выглядела корректно. Клодий по-прежнему оставался аристократом с массой клиентов и политическими связями, его многие поддерживали, и он легко добился избрания в плебейские трибуны. Многие другие политики использовали толпу для запугивания оппонентов и даже нападения на них. Клодий вывел этот метод на новый уровень, превратив *collegia* (купеческие гильдии) в основу для организованных отрядов. Третируемые своими врагами, они, похоже, состояли из лавочников и ремесленников, во многом вольноотпущенников, подобно значительной части населения Рима.[92]

Цицерон вскоре стал объектом нападок, преимущественно за расправу с катилинариями. Через несколько месяцев он оказался

предоставлен собственной судьбе и отправился в изгнание. Клодий не был агентом Юлия Цезаря, Красса или еще кого бы то ни было, и сотрудничество с ними продолжалось лишь до тех пор, пока соответствовало его целям. Вскоре он стал угрожать, что поставит под вопрос законодательство 59 г. до н. э., а его «банды» обратились на Помпея, так что на некоторое время великий герой республики, испугавшись, покинул свой дом. В какой-то момент сенатор по имени Милон стал набирать шайки из собственных приверженцев, многие из которых были гладиаторами, чтобы вести борьбу с Клодием за улицы и общественное пространство. Насилие в политике набирало обороты, как и подкуп во время выборов.[93]

Старая вражда между Крассом и Помпеем возобновилась, и какое-то время казалось, что триумвирату пришел конец. Велись интенсивные переговоры, кульминацией которых стала встреча в Луке, что в Цизальпинской Галлии, поскольку Цезарь не мог покидать свою провинцию,[94] где они совместно обсудили различные проблемы. Помпей и Красс выдвинули свои кандидатуры и стали консулами в 55 г. до н. э. Каждый намеревался получить чрезвычайное командование в провинции в качестве проконсулов по окончании срока должности, а Цезарю на пять лет продлили наместничество в Галлии и Иллирии. Красс взял себе Сирию и сразу же стал открыто готовить поход на Парфию, последнее крупное царство Востока, не покорившееся римской власти. Помпей предпочел обе испанские провинции и стоявшие там легионы, однако он так и не отправился туда. Вместо этого он оставался жить на своей вилле в Альбанских горах, формально за чертой города, чтобы сохранять *imperium*. Он отправил своих легатов (подчиненных римского наместника, выполнявших его приказы в силу делегированного им империя) во вверенные ему провинции, зная, что в его распоряжении находятся легионы, которые он при необходимости может вызвать.[95]

Законы по всем этим вопросам принимались с применением насилия, и беспорядки в комициях стали теперь обычным делом, как и убийства во время оных. Однажды Помпей возвратился домой с чужою кровью на тоге и так напугал этим свою жену Юлию, что у нее случился выкидыш. Однако Помпею и Крассу не удавалось помешать сенаторам независимого образа мыслей, а зачастую и враждебным им, добиваться высших должностей. Когда Красс отправлялся в свою провинцию, на него пытался воздействовать плебейский трибун,[96] который принародно призвал гнев богов на его голову, проклиная проконсула и начатую им несправедливую войну.[97]

По причине этого проклятия или просто по небрежности вторжение Красса закончилось катастрофой. Его армия была разгромлена в 53 г. до н. э. при Каррах, ее воины за небольшим исключением погибли или попали в плен, когда пытались спастись от стремительной парфянской кавалерии. Красса во время переговоров о капитуляции убили и обезглавили. Его смерть серьезно ослабила союз между Помпеем и Юлием Цезарем. Еще более тяжелым ударом стала смерть Юлии при родах, случившаяся примерно в то же время.[98] Ее отец начал спешно разрабатывать новые брачные проекты, предложив в качестве невесты сестру Октавия. Предложение было отвергнуто. Вскоре Октавия вышла замуж за Марка Клавдия Марцелла, представителя одной из наиболее видных фамилий плебейской знати. Он не был другом Юлия Цезаря, который, возможно, не имел никакого отношения к этому браку, но в политическом отношении это представляло собой немалый успех для близких родственников девушки. Муж Атии Филипп являлся консулом 56 г. до н. э., а Марцелл занял эту должность в 50 г. до н. э.[99]

Сторонники Клодия и Милона продолжали сражаться на улицах города, в то время как другие политики играли куда меньшую роль. Беспорядки были столь значительные, что 53 г. до н. э. начался без консулов, и так продолжалось до самого лета, когда, наконец, выборы прошли и на эту должность выбрали двоих.[100] Насилие достигло высшей точки осенью этого года, на сей раз кандидатом в консулы был Милон, тогда как его злейший враг Клодий избирался в преторы. Вновь из-за волнений центуриатные комиции не смогли выполнить свою задачу, и год вновь начался без консулов. В январе 52 г. до н. э. случилось так, что Клодий и Милон столкнулись друг с другом за пределами города. В стычке Клодия ранили, и его отнесли в ближайшую таверну. Милон отправил вослед своих людей, которые ворвались туда и добили ненавистного соперника. Его сторонники и сочувствующие превратили похороны в своего рода акцию политического протеста, которую покойный трибун, вне сомнения, одобрил бы. Тело Клодия отнесли в курию и там кремировали, спалив при этом и само здание. Казалось, Рим окончательно впал в анархию. Там не существовало полиции, чтобы утихомирить толпу, и только войска могли выполнить такую задачу. Вопрос был лишь в том, кто обладает *imperium* и *auctoritas*, чтобы взять ситуацию под контроль.[101]

Катон и *boni* сумели удержать Помпея от того, чтобы он провозгласил себя диктатором. Вместо этого он стал единственным консулом – совершенно беспрецедентная магистратура. Позднее в течение года он взял себе в коллеги

Квинта Корнелия Метелла Пия Сципиона Назику, чье не в меру длинное имя свидетельствовало о видных предках, что не подкреплялось какими-либо талантами. Помпей женился на дочери Метелла Сципиона Корнелии, чтобы закрепить союз с одним из представителей аристократического истеблишмента. Порядок был восстановлен силой. Милон попал под суд, во время процесса место проведения суда окружили воины и враждебно настроенная толпа, и ему пришлось уйти в изгнание перед вынесением приговора, который неизбежно оказался бы обвинительным. Он, бесспорно, был виновен, однако едва ли этот суд, во время которого игнорировались процессуальные нормы, можно признать справедливым. При подобных же обстоятельствах осудили значительное число сторонников Клодия, и они бежали на север, чтобы укрыться в лагере Юлия Цезаря. Помпею продлили провинциальное командование, а в конце года он вновь занял это необычное положение, живя совсем рядом с городом. Иногда сенат собирался за пределами померия, так что Помпей мог участвовать в них, не слагая с себя империя и продолжая командовать своими армиями.[102]

К 51 г. до н. э. Юлий Цезарь закончил операции по очистке Галлии от неприятельских отрядов. Сомнительно, что кто-то – кроме него самого, конечно, – ожидал увидеть в нем столь талантливого полководца. Воспользовавшись миграцией галльского племени, которое угрожало Цизальпинской Галлии, а затем и союзникам Рима, чьи владения находились дальше,[103] он начал вторгаться на все новые и новые территории, завоевав (римляне предпочитали эвфемизм «умиротворение») все земли от Атлантики на западе до Рейна на востоке. Его победы были впечатляющими и превозносились им в его ежегодно публиковавшихся отчетах, знаменитых «Записках о галльской войне», которые даже Цицерон хвалил как один из лучших образцов латинского языка. Помпея почтили десятидневными общественными молебствиями, чтобы отметить его победы на Востоке – вдвое большее число дней, в которые когда-либо отмечались победы римского военачальника. Первые же успехи Юлия Цезаря удостоились пятнадцатидневных молебствий, а затем еще двадцати, когда он совершил рейд на неизвестный и таинственный остров Британия, а затем когда подавил восстание крупного союза племен. Римский народ получил нового героя-полководца.[104]

Юлий Цезарь хотел вернуться из Галлии, отпраздновать триумф, а затем стать консулом на 48 г. до н. э. после десятилетнего интервала, положенного по закону для тех, кто хотел вторично домогаться консульства. Он не хотел становиться

частным лицом, поскольку тогда оказался бы уязвим для судебного преследования. Некоторые его враги во всеуслышание заявляли, что привлекут его к ответственности, подобно Милону, а место проведения процесса будут окружать солдаты. Для достижения своей цели ему требовалось получить право выдвинуть свою кандидатуру *in absentia*, т. е. заочно. Это была незначительная уступка по сравнению с теми нарушениями правил, какие позволялись Помпею. Юлий Цезарь также хотел оставаться проконсулом, сохраняя империй до конца 49 г. до н. э., и доказывал, что имеет на это право, ибо обладает им вместе с командованием, врученным ему народным собранием. Его критики вспоминали о запугиваниях и насилиях, случавшихся во время его консулата (хотя с того времени происходили вещи и похуже), и предсказывали, что его второй срок окажется еще более бурным. Важнее другое – они понимали, что Юлий Цезарь станет уязвимым, и решили воспользоваться этой возможностью, как то имело место в конце 60-х годов до н. э. с Помпеем.

Решающую роль играла позиция Помпея, и долгое время никто не был уверен в том, какой она окажется. Цицерон давно уже допускал, что «римского Александра» трудно понять. Постепенно появились признаки того, что чем дальше, тем больше Помпей готов был выступить против своего бывшего тестя. Он оказывал ему все меньшую поддержку. Позднейшим поколениям это казалось очевидным – как резюмировал поэт Лукан в «Поэме о гражданской войне» (I. 125–126) столетие спустя,

> Цезарь не может признать кого бы то ни было первым,
> Равных не терпит Помпей.
>
> ***(Пер. Л. Е. Остроумова)***

Лишь признав, что он нуждается в помощи и поддержке со стороны Помпея, проконсул Галлии мог обеспечить себе достойное возвращение. Когда кто-то спросил, что Помпей сделает, если Юлий Цезарь откажется подчиняться сенату, Помпей самодовольно отвечал: «А что если мой сын захочет ударить меня палкой?» Заявления, подобные этому, вселяли бодрость во врагов Цезаря.[105]

Консулы постоянно предпринимали атаки на Юлия Цезаря, требуя его немедленного отзыва. Первый был кузеном и тезкой мужа Октавии, он стал консулом 51 г. до н. э. Сам Марцелл равным образом проявлял враждебность двоюродному деду своей жены во время консульства в 50 г. до н. э. Чтобы дать отпор этим нападкам, Цезарь потоком слал галльскую добычу в Рим, добывая

себе новых сторонников, особенно среди плебейских трибунов. 1 декабря 50 г. до н. э. один из них поставил в сенате на голосование требование, чтобы Цезарь и Помпей одновременно сложили командование.[106] Только 22 сенатора проголосовали против, 370 человек, напротив, эту инициативу поддержали. Подавляющее большинство не хотело идти на риск новой гражданской войны даже при том, что они не любили Цезаря и не желали его дальнейшего усиления.[107]

Распространился слух о том, что проконсул уже вторгся в Италию. Марцелл попытался убедить сенат действовать, однако ничего не вышло из-за вялой позиции его членов и трибунского вето. Не обращая на это внимания, он и его коллега в сопровождении друзей поспешили на виллу Помпея в Альбанских горах и вручили ему меч, призвав его защищать республику вместе со своими легионами. Помпей не выказывал нежелания поднять оружие против бывшего тестя и друга. Затем выяснилось, что слухи оказались ложными и ничего не произошло. 1 января 49 г. до н. э. консулом стал другой Марцелл, на сей раз младший брат консула 51 г. до н. э. Каждая сторона внесла свои предложения, но мало было доверия и желания идти на переговоры, в которых видели лишь проявление слабости. 7 января сенат принял *senatus consultum ultimum*,[108] призывая магистратов и проконсулов, находившихся близ города (очевидно, имелся в виду Помпей) сделать все необходимое для того, чтобы республика не потерпела ущерба. Марку Антонию и другому трибуну,[109] который держал сторону Юлия Цезаря, дали понять, что их безопасность отныне не гарантирована. Они бежали из города и направились на север.

Несколько дней спустя – вероятно, 10 января – Юлий Цезарь переправил единственный легион через реку Рубикон – границу, отделявшую его провинцию, где его империй сохранял силу, от Италии, где он ее терял. Человек, за свои победы заслуживший публичное выражение благодарности сограждан, теперь становился мятежником, которому предстояло либо победить, либо разделить участь Катилины. Мы не знаем, произносил ли он в действительности слова старого азартного игрока – «жребий брошен» – когда начинал гражданскую войну, однако нет сомнений в рискованности мероприятия или его уверенности в том, что выбора у него нет. Юлий Цезарь готов был ввергнуть республику в гражданскую войну, чтобы защитить свое положение и свое *dignitas* (достоинство). Помпей, так же, как и Катон, и другие враги Цезаря, равным образом хотели войны для того, чтобы лишить Цезаря и того, и другого.

IV
Исход кризиса

«Они хотели этого! Меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!»

Азиний Поллион в изложении Светония (Цезарь. 30.4)

Не стоит подробно задерживаться на гражданской войне, поскольку Октавий в свои тринадцать лет был слишком юн, чтобы участвовать в ней. Юлий Цезарь быстро двигался по Италии. Возможно, Помпей все еще ожидал, что его бывший союзник отступит или будет просто почивать на лаврах. За несколько месяцев до этого он хвастался, что стоит ему только топнуть ногой в Италии, как из-под земли появится пешее и конное войско. Вместо этого его сторонники, охваченные смятением, увидели, как он без борьбы покинул Рим и отступил в Брундизий. Один сенатор[110] с издевкой спросил его, не собирается ли он топнуть ногой. Вместо этого Помпей перевез их через Адриатику в Северную Грецию, где занялся созданием большой армии и флота, используя свои связи с восточными провинциями и союзными царствами. Помпей, которому уже было около шестидесяти, продемонстрировал немалые организаторские способности. «Сулла смог, почему я не смогу?» – не раз говорил он, поскольку Сулла вернулся из Греции и выиграл гражданскую войну. Однако это был не самый подходящий пример. Некоторые из его сторонников ворчали, что они воюют только для того, чтобы решить, какой диктатор будет править ими. Другие открыто критиковали все решения, какие он принимал. Помпей, чья карьера шла вразрез со всеми конституционными правилами, каким-то образом стал защитником свободной республики, предводителем многих *boni*, которые были его непримиримыми врагами в течение многих лет. Эта зловещая гримаса судьбы осложняла союз между ними.[111]

Его враги и большинство тех, кто хотел сохранить нейтралитет, опасались, что Юлий Цезарь окажется очень суровым властителем и перебьет своих врагов, как то сделали Марий и Сулла. Но вместо этого он демонстрировал свое милосердие, сражаясь только с теми, кто сражался с ним, и щадя всех, кто сдавался ему. В марте 49 г. до н. э. он заявил: «Попытаемся, не удастся ли таким образом восстановить всеобщее расположение и воспользоваться длительной победой, раз остальные, кроме одного Луция Суллы, которому я не

намерен подражать, жестокостью не смогли избегнуть ненависти и удержать победу на более долгий срок. Пусть это будет новый способ побеждать – укрепляться состраданием и великодушием». [112]

После Италии Цезарь направился в Испанию, где в ходе скоротечной кампании одолел легионы, оставленные здесь Помпеем, и принудил их к сдаче. Везде, куда приезжал Цезарь, ему сопутствовала победа, однако его подчиненные показали себя не столь способными и не раз терпели поражения. К началу 48 г. до н. э. он собрал достаточно кораблей чтобы переправить несколько легионов в Македонию, где Помпей до сих пор готовился повторить успех Суллы. В отношении численности и ресурсов перевес был на стороне Помпея, однако воины Цезаря были закалены годами войны и беззаветно преданы своему полководцу. Последний перешел в наступление и был близок к тому, чтобы блокадой вынудить противника к капитуляции под Диррахием, но Помпей сумел прорвать его позиции. Цезарианцы отступили, помпеянцы двинулись за ними, видные сенаторы требовали скорейшей победы и уже делили плоды будущего успеха. При Фарсале 9 августа 48 г. до н. э. Помпей дал битву, и Юлий Цезарь с благодарностью принял его вызов. Замысел Помпея был неплохим, хотя и не слишком тонким – вся ставка делалась на фланговую атаку своей кавалерии, которая численно, в семь раз, превосходила кавалерию Цезаря. Юлий Цезарь разгадал этот план, отразил натиск неприятеля, а затем его ветераны изрубили в куски неопытных легионеров Помпея и его иноземных союзников. [113]

Римским аристократам можно было простить их военную некомпетентность до тех пор пока они проявляли храбрость, отказываясь признавать поражение и собирая армии для новых сражений. У Помпея сдали нервы, и он бежал еще до окончания битвы, решив в конце концов плыть в Египет, где советники царя-мальчика Птолемея XIII приказали убить его в надежде на признательность победителя. Возможно, его смерть устраивала Юлия Цезаря, однако когда он в погоне за ним прибыл в Египет и ему поднесли голову бывшего тестя, он выказал отвращение и гнев. Сильно нуждаясь в средствах для выплаты жалованья армии, разросшейся теперь на несколько десятков тысяч человек за счет принятых им к себе на службу солдат Помпея, он вмешался в дела этого царства и вскоре оказался втянут в местную гражданскую войну, поскольку юный царь сражался за власть со своей сестрой Клеопатрой. Маленькое римское войско вскоре было осаждено и только после жестоких боев и прибытия подкреплений неприятеля удалось разбить. Юлий Цезарь

задержался здесь дольше, нежели многие считали это необходимым, совершив путешествие по Нилу со своей любовницей Клеопатрой. Тем временем помпеянцы перегруппировались, железная воля Катона помогла собрать новую армию в Африке. Покинув, наконец, Египет, Юлий Цезарь сокрушил армию сына Митридата в Азии,[114] быстро возвратился в Италию осенью и затем переправился в Африку. Помпеянцы были разгромлены при Тапсе 6 апреля 46 г. до н. э. Катон покончил с собой, не желая сдаваться и получать прощение от своего врага. Но война еще не закончилась. Старший сын Помпея Гней собрал армию в Испании, и Юлий Цезарь вновь покинул Рим и отправился на войну. Сражение при Мунде, последняя битва гражданской войны, состоялось 17 марта 45 г. до н. э. Схватка была жестокой и отчаянной, но в конце концов ветераны галльской войны взяли верх.[115]

Мир в пламени войны

Ко времени начала гражданской войны Октавий жил с матерью в доме своего отчима Филиппа. Его бабка Юлия скончалась в 51 г. до н. э., а ее муж, по-видимому, на несколько лет раньше. Хотя Октавию было только двенадцать лет, он произнес речь на похоронах и снискал похвалу за то, как сделал это. Похороны аристократов представляли собой общественное событие. Они начинались церемонией на Форуме, затем процессия следовала за пределы города, где и происходила кремация. Это давало возможность не только воздать хвалу почившему, но напомнить о достижениях его предков. На наиболее пышных похоронах нанятые актеры надевали регалии и несли погребальные маски всех покойных представителей этого рода, которые занимали высокие должности, что являло собой видимое напоминание об их прошлой славе. Произнесение похвального слова было обычным делом для молодого человека – это связывало его с предками и великими деяниями минувших времен и подразумевало, что и он со временем достигнет таких же успехов.[116]

Это был первый случай, когда Октавий оказался в центре внимания, еще более связавшего его со знаменитым, хотя и поныне вызывающим неоднозначные оценки двоюродным дедом. В других отношениях он был одним из юных аристократов, разгуливавших и тренировавшихся на глазах у публики, встречавшихся и соперничавших со своими сверстниками. Филипп, как говорят, давал много советов своему пасынку, и более чем вероятно, что Октавий начал сопровождать отчима,

когда тот занимался делами и посещал народные сходки или заседания сената. Филипп и Атия ежедневно спрашивали учителей мальчика о его занятиях и успехах. Впоследствии Атия воспринималась как идеал римской матери: «Некогда в каждой римской семье сын, родившийся от порядочной женщины, вырастал не в каморке на руках покупной кормилицы, а окруженный попечением рачительной матери, которую больше всего хвалили за образцовый порядок в доме и неустанную заботу о детях. […] В ее присутствии не дозволялось ни произнести, ни сделать ничего такого, что считается непристойным или бесчестным. И мать следила не только за тем, как дети учатся и как выполняют другие обязанности, но и за их развлечениями и забавами, внося в них благочестие и благопристойность. Мы знаем, что именно так руководили воспитанием сыновей и мать Гракхов Корнелия, и мать Цезаря Аврелия, и мать Августа Атия, взрастившие своих детей первыми гражданами Римского государства».[117]

Матери могли быть сдержанными и, несомненно, считались авторитетными фигурами, чье одобрение должен был заслужить ребенок, ведущий себя соответственно ожиданиям семьи и государства. Когда началась гражданская война, Атия и Филипп почувствовали, что в Риме, возможно, находиться будет опасно, и отправили юного Октавия на одну из вилл – мы знаем по крайней мере о двух из них, одна под Путеолами, другая – близ Астуры (на побережье недалеко от Рима), однако речь могла идти и о какой-либо еще. Филипп не захотел поддержать ни одну из сторон. Так же поступил и муж Октавии Марцелл – человек, который вручил меч Помпею всего несколько недель назад. Юлий Цезарь объявил, что уважает такой нейтралитет и сражается только с теми, кто сражается с ним самим. Помпеянцы, хвастливо говорившие, что защищают законы и республику, угрожали, что будут считать врагом всякого, кто не встанет на их сторону.[118]

Мы не знаем, когда родители сочли, что Октавий может безопасно вернуться в Рим, однако он там уже точно был в конце 47 г. до н. э., а 18 октября официально стал совершеннолетним. Для данной церемонии не существовало установленного возраста; обычно она проходила в 14–16 лет. Октавию уже несколько недель как исполнилось шестнадцать. Прелестную буллу, которую была на шее у ребенка, теперь, наконец, снимали, и юноша впервые брился. Его волосы также срезались. Мальчикам позволялись длинные и взъерошенные волосы, а вот взрослому гражданину подобали более короткие и аккуратно уложенные. Кроме того, мальчики носили так называемую *toga praetexta* с пурпурной каймой – такая была еще только на одежде

магистратов. Теперь в знак своего нового статуса Октавий надел мужскую тогу (*toga virilis*). В очередном рассказе о знамениях, предвещавших его будущую славу, Светоний сообщает, что когда юноша снимал детскую тогу, его туника порвалась и упала к ногам – предвестие того, что магистраты и сенат в свое время подчинятся ему. Как обычно, невозможно узнать, имел ли место такой случай на самом деле или это позднейший вымысел. После церемоний в домашнем кругу родственники-мужчины и друзья семьи шли с только что посвященным во взрослые через центр города, поднимались на Капитолийский холм и в храм Юпитера, чтобы совершить жертвоприношение Ювентуте, богине юности. [119]

Вполне возможно, что Юлий Цезарь был свидетелем этого важного этапа в жизни своего внучатого племянника. Он достиг Италии после своего возвращения с Востока в конце сентября, однако затем ему пришлось заняться организацией похода в Африку подавлять мятеж легионеров, которые стали проявлять все большее недовольство во время его долгого отсутствия, проводить выборы, а затем в середине декабря он отправился на Сицилию. Возможно, что Юлий Цезарь был слишком занят, чтобы присутствовать при описанных церемониях лично, однако он уже проявлял интерес к шестнадцатилетнему родственнику. Из-за гибели видного помпеянца в битве при Фарсале[120] образовалась вакансия в коллегии понтификов. Юлий Цезарь официально рекомендовал внучатого племянника в качестве кандидата, и участники выборов, как и полагалось, удовлетворили его желание.[121]

Хотя формально Октавий был уже взрослым и членом высшей жреческой коллегии в Риме, он продолжал жить под одной крышей с Филиппом, а Атия по-прежнему осуществляла контроль за жизнью и образованием сына. Его считали очень красивым парнем. Волосы у него слегка вились и были светлыми (*subflavum*), хотя такие описания могут подразумевать каштановый, но не черный цвет. У него были маленькие зубы, разделенные бóльшими промежутками, чем это бывает обычно, а впоследствии они стали гнить. Его лицо не было очень темным или очень белым, движения были изящными, тело и его члены – соразмерными, так что он казался выше, чем был. Позднее один из его вольноотпущенников утверждал, что во взрослом возрасте тот имел больше пяти футов и шести дюймов (пять футов девять дюймов роста по римским меркам). Однако это, вероятно, слишком лестная оценка – несомненно, Октавий считал себя низкорослым и бóльшую часть жизни носил обувь на толстой подошве, чтобы казаться выше (Suetonius, *Augustus* 79. 1–2).

Юлий Цезарь был высоким мужчиной с пронзительными глазами, и если в отношении роста его внучатый племянник соперничать с ним не мог, то ему нравилось думать, что уж по крайней мере его взгляд производит сильное впечатление. Римских аристократов отличало сознание собственной значимости, равно как и их рода. Октавий в высшей степени испытывал уверенность в собственных силах, и говорили, что еще с ранних лет он собрал вокруг себя дружеский кружок. Позднее его биограф Николай Дамасский утверждал, что он также привлекал внимание зрелых женщин. Желая скрыть свое обаяние, он реже появлялся на публике в дневные часы, когда его могли видеть, и даже храмы посещал в темное время суток. В Риме было немало скучающих жен сенаторов, получивших столь же хорошее образование, как и их братья, но отстраненных от участия в политической жизни, выходивших замуж и разводившихся для того, чтобы скреплять или разрывать политические альянсы, а мужья их либо отсутствовали, либо не интересовались ими. Сестры Клодия не раз становились предметом сплетен об их романах и разгульном образе жизни; об одной из них под именем Лесбии писал влюбленный в нее поэт Катулл, который потом возненавидел ее, но тосковал по ней, когда она покинула его. Мать одного из подчиненных Юлий Цезаря, Децима Юния Брута, весьма колоритно описывается одним из сенаторов: «Среди них была и Семпрония. […] Ввиду своего происхождения и внешности, как и благодаря своему мужу и детям, эта женщина была достаточно вознесена судьбой; она знала греческую и латинскую литературу, играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине; она знала еще многое из того, что связано с распущенностью. Ей всегда было дорого все, что угодно, но только не пристойность и стыдливость; что берегла она меньше – деньги ли или свое доброе имя, было трудно решить. Ее сжигала такая похоть, что она искала встречи с мужчинами чаще, чем они с ней. Она и в прошлом не раз нарушала слово, клятвенно отрицала долг, была сообщницей в убийстве; роскошь и отсутствие средств ускорили ее падение. Однако умом она отличалась тонким: умела сочинять стихи, шутить, говорить то скромно, то неясно, то лукаво; словом, в ней было много остроумия и привлекательности».[122]

Юный Октавий, судя по всему, сопротивлялся прелестям таких высокородных сирен. Однако юношам из аристократических семей, в отличие от их сестер, многое дозволялось, когда речь заходила о сексуальных подвигах. В Риме было полно борделей, а в них – множество высококлассных куртизанок, которые хотели, чтобы за ними ухаживали и

заботились о них не скупясь. Марк Антоний в то время имел роман с мимической актрисой по имени Киферида, и покровительствовал ей в то время, как Юлий Цезарь отсутствовал, а он выполнял функции его заместителя в Италии. Это было рабовладельческое общество, когда одни люди находились в собственности у других. Раб не имел права сопротивляться своему хозяину, если тот желал вступить с ним в сексуальную связь.[123]

Октавий отправился в Испанию для участия в кампании против Гнея Помпея, однако из-за болезни добрался туда слишком поздно, когда боевые действия уже закончились. Однако все равно Юлий Цезарь рад был видеть его и относился к нему очень заботливо. По возвращении в Рим он выехал из дома Филиппа и перебрался в жилище неподалеку. Во многих первоклассных инсулах имелись просторные комнаты, и их нередко сдавали внаем богатым молодым людям, жившим там до свадьбы и до обзаведения собственным домом. Семнадцатилетний Октавий по-прежнему немало времени проводил с родителями, однако время от времени устраивал обеды для своих друзей. Некоторые из них позднее утверждали, что он целый год воздерживался от любовных утех, считая это полезным для укрепления здоровья в целом и особенно для голоса. Человеку, желавшему сделать политическую карьеру, требовалось стать оратором хотя бы среднего уровня. Тем не менее, вне зависимости от причины, целый год сексуального воздержания рассматривался как нечто исключительное, и не просто для юного римского аристократа как такового, но и как достижение Октавия лично.[124]

Диктатор

Юлий Цезарь сделался диктатором в первые же дни 49 г. до н. э., а потому имел право проводить консульские выборы. Он стал консулом 48 г. до н. э., затем 46, 45 (когда он поначалу был консулом без коллеги, как и Помпей в 52 г.) и 44 гг. до н. э. Когда весть о битве при Фарсале достигла Рима, он сделал себя диктатором вновь и удерживал за собой эту должность в течение двенадцати месяцев – вдвое больше положенного срока диктатуры в прошлые времена, за исключением Суллы. В 46 г. до н. э. он принял должность диктатора на десять лет, хотя формально соответствующие полномочия следовало обновлять каждый год. В первые месяцы 44 г. до н. э. его диктатура стала пожизненной. К ней добавились и другие полномочия. Он стал осуществлять надзор за нравами и поведением сограждан

(*praefectura morum*), выполняя задачи, традиционно входившие в компетенцию цензоров, которые последнее десятилетие боролись за то, чтобы их деятельность была эффективной. В 45 г. до н. э. диктатору даровали право назначать консулов и половину остальных магистратов на следующие три года, поскольку он планировал экспедицию против Парфии, а потому ожидалось, что он будет отсутствовать достаточно долгое время.

Однако какой бы властью Юлий Цезарь ни обладал, важно помнить о том, как мало времени проводил он собственно в Риме: ему приходилось вести кампании каждый год, за исключением 44 г. до н. э., и даже накануне гибели он вновь собирался отправиться на войну. У него было слишком мало времени, и в последующие годы его истинные намерения оказались заслонены слухами и пропагандой. Так или иначе, диктатор продемонстрировал свою, как всегда, неукротимую энергию, проявившуюся в бурной деятельности в сфере законодательства и реформ, однако зачастую трудно сказать, что он успел сделать, а что только объявил или запланировал. Существовала, несомненно, программа наделения землей демобилизованных ветеранов из числа легионеров и городской бедноты в продолжение мероприятий, начатых им во времена консульства в 59 г. до н. э. Многих из них поселили на участках в Италии, зачастую выделенных из владений погибших помпеянцев или приобретенных вместе с трофеями. Существовали также колонии граждан, основанные в провинциях, наиболее известные из которых находились в Коринфе и Карфагене.

Число магистратов, за исключением консулов, выросло, так что теперь назначалось сорок квесторов и двадцать преторов в год. Новые должности были созданы отчасти из необходимости наградить верных сторонников или ставших лояльными помпеянцев, однако в этом присутствовал и практический аспект. Империя постоянно увеличивалась, и работы для магистратов становилось все больше. Значительно увеличилось и число сенаторов, многие из которых происходили из городов Италии, однако некоторые – из испанских и галльских провинций. Сенат теперь насчитывал более 900 членов, и каждый год появлялись все новые, когда избирались квесторы, включавшиеся в его состав в соответствии со своим статусом.

Помпей построил в Риме первый каменный театр, являвшийся частью огромного комплекса, построенного на средства от военной добычи. Юлий Цезарь потратил деньги от галльской победы на реконструкцию участков для голосования на Марсовом поле. Старые *saepta*[125] предполагалось вымостить мрамором и обнести мраморной стеной, а также обеспечить

навесами, которые давали бы тень ожидающим гражданам. В свою диктатуру он продолжил осуществление этого проекта, восстановил здание сената и начал строить новый, Юлиев Форум, под углом к главному Форуму. Там находился храм его божественной прародительницы Венеры и значительное пространство для общественных дел и занятий торговлей. Благодаря строительным проектам безработные получали возможность трудиться за хорошие деньги, а возводимые сооружения стали памятником славы тому, кто организовал их строительство. Римские аристократы давно использовали такие сооружения для прославления своих успехов. Теперь дело было просто в том, что изменились масштабы.[126]

Новые законы регулировали жизнь и коммерческую деятельность в самом Риме, в Италии и в провинциях, принеся некоторое облегчение должникам. Римский календарь основывался на лунном цикле и насчитывал 355 дней. Пытаясь привести его в некоторое соответствие с действительным течением года, коллегия понтификов прибавляла к некоторым годам дополнительные месяцы. Мотивировалось это политическими причинами, и к середине I в. до н. э. римский календарь уже совсем плохо сочетался с природным. Юлианский календарь, которым в целом мы пользуемся и по сей день, слегка измененный в XVI в., основывался на солнечном цикле и насчитывал 364 дня и еще один день добавлялся каждые четыре года. Три интеркалярных (вставных) месяца были добавлены понтификами в 46 г. до н. э., в число которых входил и юный Октавий, так что этот год имел 446 дней, и 1 января в новом году календарь начался в общем в подходящее время. Месяц, когда родился Юлий Цезарь, в его честь переименовали в юлий – наш июль.[127]

Эта была лишь одна из великого множества почестей и привилегий, дарованных диктатору. После возвращения с войны в Африке он отпраздновал четыре триумфа – на один больше, чем Помпей, и больше, чем любой полководец республики в прошлом. Во всех четырех случаях формально речь идет о победе над внешними врагами – Галлией, Египтом, Азией и Африкой. Однако во время африканского триумфа демонстрировались картины, на которых изображалась гибель видных помпеянцев. По возвращении из Испании в конце 45 г. до н. э. Юлий Цезарь открыто отпраздновал пятый триумф над согражданами-римлянами в гражданской войне.[128]

Однако его политика *clementia* (милосердия) продолжалась. Несмотря на страхи некоторых римлян, что после победы Юлий Цезарь даст волю скрываемой до той поры жестокости и станет

вторым Суллой, этого не произошло. Не позволил он и своим сторонникам вволю предаться грабежам и убийствам. Лояльные Цезарю люди не имели оснований жаловаться – он говорил, что готов наградить даже разбойника, если тот верно служил ему. Его приверженцы становились сенаторами, занимали высокие должности, получали командование в провинциях. У мертвых врагов имущество конфисковывалось, но оно не отдавалось сторонникам Юлия Цезаря просто так. Устраивались аукционы, и Марк Антоний был одним из тех, кто с удивлением обнаружил, что диктатор всерьез ожидает уплаты значительных сумм, предусмотренных условиями торгов. Подобным образом те, кто уповал на отмену долгов – популярным лозунгом римских политиков были *tabulae novae* (досл. новые расчетные книги), – оказались разочарованы теми умеренными послаблениями, сделанными диктатором.[129]

Октавий получил свою долю наград. Во время африканского триумфа он удостоился знаков за воинскую доблесть, хотя оставался в течение всей кампании в Италии. Юлий Цезарь также сделал его патрицием, введя в ряды древней аристократии, которые сильно поредели из-за упадка и гражданской войны. Диктатор охотно удовлетворил просьбы внучатого племянника помиловать сражавшихся на стороне помпеянцев родственников его друзей. Благодаря Юлию Цезарю Октавий получил несколько почетных постов и обрел определенное влияние в обществе. Как и его внучатый племянник, Юлий Цезарь имел двух племянников, сыновей своей сестры Юлии (не путать с матерью Атии). Квинт Педий, сын от ее первого брака, был старшим и служил с дядей в Галлии и во время гражданской войны.

Меньше сведений о ее сыне от второго брака, Луции Пинарии, и вполне возможно, что он только начинал свою карьеру. Нельзя сказать, являлись ли выдумками позднейшие утверждения об особой симпатии, выказанной Юлием Цезарем Октавию. В свои восемнадцать в конце 45 г. до н. э. он был еще слишком молод, чтобы считать себя видной фигурой в политической жизни.[130]

Не только преданные цезарианцы чувствовали себя в те годы вольготно. Двумя новыми преторами, вступившими в должность 1 января 44 г. до н. э., были Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин, оба служили Помпею и сдались только после Фарсала. Брут являлся сыном Сервилии, сводной сестры Катона и многолетней любовницы Юлия Цезаря, и теперь получил особенно престижный пост городского претора. Вероятно, обоим уже предназначалось консульство, когда они достигнут положенного возраста. В большинстве случаев просьбы о

возвращении из изгнания других помпеянцев удовлетворялись. В 46 г. до н. э. Цицерон произнес вдохновенную речь, когда Юлий Цезарь позволил вернуть из изгнания Марка Клавдия Марцелла, кузена Октавия и человека, который в качестве консула 51 г. до н. э. проявлял особую враждебность по отношению к Юлию Цезарю.

Мартовские иды

Правление диктатора не было суровым, его реформы и в практическом, и в более общем смысле шли на благо государству. Однако никому не полагалось иметь столь широкие полномочия, да еще пожизненно. Сулла был куда более жесток, однако он, по крайней мере, через несколько лет отказался от диктатуры[131] и ушел в частную жизнь. Юлий Цезарь заявил, что Сулла не знал азов политики, если сделал так, и не демонстрировал никаких признаков готовности отказаться от власти в государстве. Ему было пятьдесят шесть лет, и хотя его мучила эпилепсия,[132] он вполне мог прожить еще не одно десятилетие. Задуманная им война с Парфией обеспечила бы ему славу победы над внешним врагом и еще более увеличила бы его авторитет, когда он вернулся бы через три года или около того (Suetonius, *Iul.* 77).

Юлий Цезарь обладал *regnum*, по сути, царской властью. Почести, дарованные ему, не только сравнялись с теми, что оказывались выдающимся людям в прошлом, но и значительно превзошли их. Он восседал теперь на золотом курульном кресле, [133] носил тогу триумфатора и лавровый венок во время всех публичных мероприятий, имел право щеголять в высоких сапогах и тунике с длинными рукавами, в которую, по его словам, наряжались его отдаленные предки, цари Альбы Лонги – города неподалеку от Рима и его соперника в незапамятные времена. К его дому был добавлен фронтон, такой же, как и у храма. Другие почести, воздававшиеся Юлию Цезарю, сближали его с божеством, хотя трудно сказать, был ли он обожествлен при жизни. Эта идея куда меньше шокировала римлян с их политеистической традицией, нежели нас. Легенды рассказывали о героях, которые стали богами за свои деяния, и было обычным делом восхвалять великие свершения как «богоподобные».[134]

Имели хождение нелепые слухи – будто бы Юлий Цезарь собирается перенести столицу из Рима в Илион, на место Трои, откуда, как гласила легенда, римляне прибыли после разрушения ее греками; или что он хотел перебраться в Александрию и, вероятно, править оттуда и жить там с другой своей любовницей – Клеопатрой. Она приехала в Рим с визитом между 46 и 44 г. до

н. э., и оставалась со своей свитой на одной из вилл диктатора за городской чертой. Она родила ребенка мужского пола, отцом которого был, видимо, Юлий Цезарь. Позднее александрийцы прозвали его Цезарионом. Будучи незаконнорожденным и не гражданином, он не имел какого-либо статуса с точки зрения римского права, и свидетельства о том, что он пользовался вниманием со стороны Юлия Цезаря, полностью отсутствуют. Поэтому современные выкладки о большом влиянии Клеопатры на ее римского любовника являются чистейшей воды фантазией. Это не помешало распространению разного рода слухов – например, что один сенатор собирался предложить закон, разрешавший Юлию Цезарю иметь столько жен, сколько он пожелает, только бы у него появились дети. Цицерон не был другом диктатора, однако даже он не считал, что это правда. Проницательные наблюдатели, несомненно, относились к большинству подобных разговоров скептически, но суть не в этом, распространенность подобных слухов свидетельствует о страхах и тревогах того времени. Они выглядели достаточно правдоподобно, чтобы их всерьез повторяли, и отражали мрачное настроение элиты.

В центре многих из этих историй был вопрос о царской власти. «Я не царь (rex), но Цезарь», – ответил диктатор толпе, приветствовавшей его как царя – Rex было фамильным именем другой линии этого рода. Вопрос был деликатный. Когда плебейские трибуны[135] сняли венец с одной из его статуй, Юлий Цезарь отреагировал весьма резко, заявив, что они лишили его возможности отказаться самому и захотели очернить его имя, привлекши внимание ко всему этому делу. Наиболее знаменитый инцидент такого рода произошел во время праздника Луперкалий, справлявшегося 15 февраля 44 г. до н. э., в ходе которых группы жрецов, одетых только в набедренные повязки из козлиных шкур, бежали через центр города, слегка ударяя прохожих бичами. Диктатор председательствовал, восседая на трибунале, и возглавлявший жрецов Марк Антоний, завершая бег, приблизился к нему и увенчал его короной. К радости толпы Юлий Цезарь отказался, сделав это повторно, когда Антоний вновь увенчал его. Вероятнее всего, речь шла о заранее продуманном спектакле, имевшем целью раз и навсегда опровергнуть слухи о том, что он хочет принять царский титул. Если так, то цели достичь не удалось. Вскоре начали говорить о том, что это был зондаж и что Юлий Цезарь принял бы корону, если бы народ проявил энтузиазм. Имел хождение также и еще один слух, будто сенат сделает его царем над всеми землями за пределами собственно города Рима.[136]

Какова истина, вряд ли имело значение. В глубине души сенаторы знали, что все было не так, как должно быть. Царь или не царь, бог или не бог, Юлий Цезарь, каким бы он милостивым и деятельным ни являлся сам по себе, обладал высшей властью, по сути *regnum*, как бы он ни называл ее сам, и это означало, что о res publica – т. е. о государстве – говорить не приходится. Для римского аристократа больше не существовало истинной республики, при которой сенаторы осуществляли коллективный контроль, руководя магистратами, избранными в результате открытого соревнования, и сменяли друг друга, так что многие люди имели шанс получить высшее командование и различные выгоды. Это была свобода, и даже для многих цезарианцев она теперь умерла.

Поведение диктатора не способствовало тому, чтобы эти настроения рассеялись. В Риме, где за такой короткий период пришлось столько сделать, устав за годы войны, но привыкнув отдавать приказы, склонный раздражаться на тех, кто проявлял меньшую энергию, чем он сам, Цезарь зачастую вел себя бестактно. Он оставил консульство в 45 г. до н. э. и избрал двух преемников. Когда один 31 декабря умер,[137] он немедленно созвал народное собрание и избрал взамен почившего другого своего приверженца на остаток дня.[138] Цицерон острил, что «при консуле Канинии никто не позавтракал. Однако при этом консуле не сделано ничего дурного: ведь он проявил изумительную бдительность, раз он за все свое консульство не видел сна», но в узком кругу говорили, что этого достаточно, чтобы любого заставить плакать. Те, кто занимал дополнительные должности преторов и квесторов были благодарны, но при этом сетовали по поводу уменьшения важности своих магистратур.[139]

«Республика – ничто, пустое имя без тела и облика» – так, по слухам, говорил диктатор. Решения теперь принимались частным образом, имея дело с просьбами, доставшимися в наследство после гражданской войны и предшествовавших ей лет хаоса в управлении. Зачастую решения эти оказывались весьма разумными, однако дело было не в этом. Как правило, они оформлялись соответствующими процедурами, как будто речь шла об официальных постановлениях сената. Провинциальные общины даже благодарили Цицерона за дарование им привилегий на фиктивном заседании сената, в участниках голосования на котором он числился. Когда сенаторы, возглавляемые Марком Антонием, консулом 44 г. до н. э. вместе с Юлием Цезарем, подошли к последнему, чтобы сообщить ему о новых почестях, диктатор занимался делами и не встал, чтобы поприветствовать сенаторов. Формально его ранг подразумевал,

по-видимому, что он не обязан делать это, но все равно многие восприняли такой поступок как величайшее оскорбление. Во время общественных игр Цезарь также занимался делами, в своей обычной манере диктуя письма нескольким писцам одновременно. Публике это не нравилось, поскольку она желала, чтобы он вместе с нею разделял удовольствие от зрелищ. Создавалось впечатление, что Цезарь всегда торопится и не имеет достаточно времени, чтобы проявлять почтение к сенаторам и простонародью.[140]

Раздражение толпы вскоре улеглось, а вот многие нобили продолжали возмущаться. Диктатор знал это. Юлий Цезарь, как позднее вспоминал Цицерон, с печалью говорил: «Сомневаться ли мне в том, что меня глубоко ненавидят, когда сидит Марк Цицерон и не может поговорить со мной с удобством для себя. А ведь если есть сговорчивый человек, то это он. Однако не сомневаюсь, что он глубоко ненавидит меня». Сильно ощущается усталость и сознание неизбежности в следующих словах: «Я достаточно долго прожил и для законов природы, и для славы». Его решимость добиться эффективного функционирования Рима и империи оставалась непоколебимой, и, по-видимому, он ожидал от окружающих осознания, что ему необходимо этого добиться. Диктатор предсказывал, что в случае, если он неожиданно умрет или будет убит, начнется новая гражданская война, и считал, что у других достаточно здравого смысла, чтобы понимать это и видеть, что куда полезнее оставить его в живых. Желая продемонстрировать уверенность в себе или, возможно, просто расслабившись, он распустил свою испанскую охрану. Сенат голосовал за предоставление ему эскорта из сенаторов и всадников, однако это так и не было осуществлено на практике. Юлий Цезарь прогуливался или его несли в лектике[141] по улицам, занимался общественными делами и посещал сенат. Когда он находился в Риме, то отнюдь не был недоступен, хотя с его отбытием на войну с Парфией сразу все изменилось бы.[142]

Именно это и побудило группу сенаторов во главе с Брутом и Кассием действовать. Нет необходимости точно определять мощь Юлия Цезаря в эти месяцы, и еще меньше задаваться неразрешимыми вопросами о планах властителя на будущее. Его сила и положение были несовместимы с res publica, и восстановить ее без его устранения оказывалось невозможно. В число заговорщиков вошло несколько видных цезарианцев, так же как и бывших помпеянцев. Гай Требоний занимал должность консула в 45 г. до н. э., тогда как Децим Брут, кузен Марка Брута, служил с Юлием Цезарем в Галлии, являлся претором в 45 г. до н. э. и должен был стать консулом во время отсутствия диктатора.

(Он также был сыном Семпронии, чей характер столь ядовито описал Саллюстий.) Руководители заговора занимали неплохое положение при тогдашнем режиме, однако их возмущало господство одного человека, кто бы он ни был.

Эти политические мотивы имели первостепенное значение. Есть также основания считать, что заговорщики сохранили бы или даже улучшили свои позиции ведущих политиков в республике в случае смерти диктатора. Это были римские аристократы, люди, исполненные честолюбивых устремлений, а некоторых вдохновляли примеры прославленных греческих тираноубийц. Марк Юний Брут являлся племянником Катона, и тем не менее он сдался Юлию Цезарю и занял при нем высокое положение. Его дядя предпочел пронзить себя мечом, нежели принимать милость от победителя. Совершить такое самоубийство было нелегко, и Катон умер не сразу, позволив сыну привести врача и перевязать раны. Оставшись один, он разорвал швы, вытащил собственные внутренности и испустил дух, превратив свою гибель в ужасную и эффектную сцену, призванную обличить его врагов как жестоких угнетателей. Чувство личной вины, видимо, сочеталось с глубоким почтением к покойному дяде, поскольку он не только написал его хвалебную биографию, но и развелся со своей женой и вступил в брак с дочерью Катона, вдовой Бибула.[143]

Юлий Цезарь ответил на эту книгу, и другую, более умеренного характера, написанную Цицероном, сочинение с ядовитым названием «Антикатон», составленное в самых жестких традициях римской инвективы, но этим и ограничился. В начале 45 г. до н. э. Кассий называл его «старым добрым господином (veterem clementem dominum)», предпочитая ему агрессивного Гнея Помпея.[144] Снисходительный или нет, но он был их «господином», что само по себе уже не устраивало. Заговорщики не связывали друг друга взаимной клятвой. Тайные клятвы рассматривались как нечто зловещее – таковую приносили катилинарии – все сенаторы недавно принесли публичную клятву защищать Юлия Цезаря.[145]

В мартовские иды Юлий Цезарь направился на заседание сената, созванное в одном из храмов театрального комплекса Помпея. Децим Брут держал отряд гладиаторов, нанятых для предстоявших игр, – они ждали неподалеку. Диктатор был беззащитен. Требоний отозвал Антония в сторону и задержал его разговором за пределами курии. Как коллега Юлия Цезаря по консулату он должен был сидеть рядом, и, будучи человеком физически сильным и энергичным, Антоний мог оказать сопротивление. По настоянию Марка Брута заговорщики

планировали убийство только диктатора.

Участники комплота столпились вокруг Юлия Цезаря под предлогом обращения с просьбой, и один из них[146] ударил его сзади. Реакция оказалась неожиданной и резкой – диктатор схватил острый длинный стиль[147] и ударил нападавшего его острием. Окружив Юлия Цезаря, заговорщики стали яростно пронзать его кинжалами. Брут ранил властителя в бедро, а еще один пострадал от ножей своих товарищей. Хотя из двадцати трех ран лишь одна оказалась смертельной, умирающий Цезарь рухнул к подножию статуи Помпея. У него еще хватило сил накинуть тогу на лицо в последней попытке сохранить свое достоинство.[148]

Диктатор был мертв, и *res publica* опять могла стать свободной. Брут громко произнес имя Цицерона, а другие заговорщики начали кричать, что свобода восстановлена. Сенаторы, наблюдавшие это (а среди прочих и Цицерон), в панике бежали, боясь, что этим насилие не ограничится. Под защитой гладиаторов Децима Брута заговорщики взошли на Капитолийский холм. Город был ошеломлен происшедшим, однако они уже осознали, что настроение народа не в их пользу. Большинство простых людей по-прежнему оставались преданными Юлию Цезарю, который сделал для удовлетворения их нужд больше, чем поколения сенаторов. Республики, какой воображали ее себе заговорщики и какой хотели видеть, уже давно не существовало.

Через несколько недель сенатор по имени Матий, который был решительным сторонником Цезаря несмотря даже на то, что не одобрял диктатуру, в мрачном настроении написал Цицерону, что если Юлий Цезарь «при всем своем уме не находил выхода, то кто теперь его найдет?»[149]

Часть вторая
Гай Юлий Цезарь (Октавиан)
44–38 гг. до н. э

Впоследствии же он принял имя Гая Цезаря… по завещанию двоюродного деда.

Светоний. Август. 7.2

V
Наследник

У Октавиана… достаточно ума, достаточно присутствия духа, и он, казалось, будет относиться к нашим героям так, как мы хотели бы. Но насколько следует верить возрасту, насколько имени, насколько наследству, насколько воспитанию, – требует большого обсуждения. Отчим, по крайней мере, полагал, что – нисколько; его я видел в Астуре. Но все же его следует вскармливать и, самое главное, отвлекать от Антония.

Цицерон. Письма к Аттику. XV. 12. 2 (июнь 44 г. до н. э.)

Внучатый племянник Юлия Цезаря в мартовские иды находился далеко от Рима, поскольку в конце 45 г. до н. э. диктатор отослал его продолжать образование. Для молодых аристократов было обычным делом служить в качестве контуберналов, т. е. «товарищей по палатке», под началом какого-либо родственника или друга семьи, получившего командование в провинции. Они жили с наместником и членами его штаба, наблюдая за его действиями, так же как они делали это в Риме, сопровождая родственников на Форуме. Юлий Цезарь предполагал взять Октавия с собой в поход на Парфию, чтобы тот таким образом приобрел необходимый опыт. Молодому человеку предстояло отправиться в Македонию, где находилось шесть легионов и значительные вспомогательные силы, готовившиеся принять участие в войне на Востоке. Это была лишь одна часть огромной армии, которую Юлий Цезарь собрал, чтобы отомстить парфянам за Красса, однако наиболее крупные силы весьма кстати дислоцировались в Италии, что делало пребывание в Греции еще более выгодным. Во время подготовки к войне Октавий не забывал и об искусстве политика, покоившемся на двух столпах общественной жизни. Греческие преподаватели

риторики ценились особенно высоко, и молодые аристократы часто ездили в Грецию для обучения.[150]

В течение четырех месяцев Октавий, его друзья и сопровождающие лица жили в Аполлонии на западном побережье Македонии. Город был удачно расположен в стратегическом отношении на *via Egnatia* (Эгнациевой дороге), крупной магистрали, построенной во II в. до н. э., чтобы пересекать весь Балканский полуостров до самых берегов Эгейского моря. Город немало выиграл от щедрости Юлия Цезаря и тепло принял его внучатого племянника. Зимой Октавий занимался постановкой голоса, практиковался в ораторском искусстве, смотрел на тренировки и учения воинов и сам участвовал в них. Помимо легионов он тренировался и с конницей, состоявшей из неграждан – давать ее отряды под командование молодых аристократов было обычным делом. Эти конные части, по-видимому, должны были сыграть важнейшую роль в операциях против кавалерии парфянского царя.[151]

Чтобы новости из Италии достигли восточных берегов Адриатики, требовалось время, и письмо от матери Октавия попало туда не ранее конца марта, привезенное скорее всего одним из домочадцев или людей, как-то связанных с их семейством. Атия написала о событиях мартовских ид, по-видимому, сама, поскольку сообщила только о самом факте убийства. Письмо было лишь частью того, что следовало передать – посланцу нередко поручали сообщить дополнительные детали и трактовки, однако в данном случае он знал немногим больше. Доставивший письмо покинул Рим немедленно и спешно отправился в путь, а потому не знал о том, что произошло после мартовских ид. Как и Атия, он мог рассказать лишь о том шоке, который вызвало случившееся, состоянии неопределенности после этого, страхе перед новыми вспышками насилия, жертвами которых вполне могли стать родственники диктатора. Мать уговаривала Октавия возвратиться в Италию как можно скорее и как можно незаметнее.

Юноша отреагировал на новости в чисто римской манере и обратился за консультацией к своим товарищам, созвав по этому случаю совет (*consilium*), аналогичный тем, с которыми совещались магистраты и наместники провинций. Двое из членов *consilium*'а нам известны по именам – Квинт Сальвидиен Руф и Марк Випсаний Агриппа, и они еще не один год будут соратниками Октавия. Оба происходили из той же среды, что и отец Октавия, принадлежа к верхушке италийских городов. Возможно, Сальвидиен был несколько старше, тогда как Агриппа являлся практически сверстником Октавия и наверняка

воспитывался вместе с ним с ранних лет.[152]

Когда распространилась весть о гибели диктатора, военные трибуны и центурионы легионов, располагавшихся рядом, явились с визитом, выражая свои симпатии к Октавию, возмущение действиями убийц и предлагая помочь внучатому племяннику Цезаря. Утверждение, будто они готовы были передать себя под его командование и выступить маршем на Рим, вероятно, является преувеличением, однако в их благорасположении к Октавию сомневаться не приходится. Все шесть легионов, стоявших в Македонии, были сформированы Юлием Цезарем после битвы при Фарсале в 48 г. до н. э., и каждый командир в них получил свое назначение или одно-два повышения с одобрения диктатора. Возможно, некоторые служили прежде под его командованием в других легионах. Воспоминания о прежних милостях усиливались и жаждой щедрых наград в будущем. Войны на Востоке были известны тем, что давали возможность поживиться за счет огромной добычи в богатых царствах тех краев. Юлий Цезарь имел репутацию удачливого полководца, никогда не проигрывавшего войн, и чрезвычайно щедрого, когда дело доходило до раздела трофеев. Помимо воинов к Октавию явились представители города, также выразившие ему свое расположение и готовность обеспечить его безопасность.[153]

От римского аристократа ожидали, что он будет спрашивать совета от членов *consilium*'а, но затем, взвесив все уже самостоятельно, примет решение. Октавий решил плыть в Италию, а не ждать новых вестей, и озаботился относительно кораблей для переправы своей свиты и прочих сопровождающих лиц. Возможно, он зашел в какой-то малозначительный порт на побережье Калабрии, прежде чем высадиться в гавани Брундизия (нынешний Бриндизи). Вскоре стала проясняться ситуация в Риме.[154]

После первоначального шока, вызванного убийством, некоторые сенаторы начали восхвалять заговорщиков, однако простонародье в своей массе не проявило энтузиазма по этому поводу. Речи Брута и других особого впечатления не произвели, так же как и раздача денег – впоследствии историк Аппиан ехидно отметит такой парадокс: от избирателей, которых можно было подкупить, ждали, что они сплотятся в борьбе за свободу. Заговорщики вели себя пассивно и утратили инициативу, так что 17 марта именно Антоний как консул собрал сенат. Брут, Кассий и другие, не чувствуя себя в безопасности, на заседании не присутствовали и по-прежнему оставались на Капитолии. После долгих споров удалось прийти к определенному решению:

подавляющее большинство приняло предложение Цицерона о даровании заговорщикам амнистии, все решения и мероприятия Юлия Цезаря оставались в силе. Компромисс был сколь нелогичен, столь и необходим. Диктатор назначил большинство магистратов, и если бы его решения оказались отменены, то, вероятно, никто из назначенных не смог бы законно занимать свои должности – включая Брута, Кассия и Антония. Подобным же образом ни одно провинциальное командование не могло бы считаться легальным, так же, как и новые законы, так что земля, предназначенная ветеранам и другим поселенцам, им бы не досталась. Восстановление республики грозило немедленно погрузить государство в хаос до новых выборов, и каждый закон или постановление пришлось бы принимать заново.

Юлию Цезарю по предложению его внучатого племянника декретировали общественные похороны. Они состоялись в центре Форума – скорее всего 20 марта. Руководил всем Антоний, он же произнес надгробное слово. Наши источники расходятся в том, как долго и что именно он говорил, однако в отношении результата сомнений нет. Антоний показал толпе тогу диктатора, пронзенную кинжалами и забрызганную кровью, в то время как его восковую статую укрепили благодаря особому крану, подобному тем, что использовали в театрах, и поворачивали так, чтобы показать зрителям все двадцать три раны. Консул зачитал завещание диктатора, согласно которому обширные сады за Тибром становились общественным достоянием, а каждый гражданин должен был получить по 75 денариев (или 300 сестерциев) в дополнение ко многим благодеяниям в прошлом. Людей охватил гнев, когда они узнали, что наследником второй очереди объявлен Децим Брут. Ярость толпы дошла до того, что она стала нападать на дома заговорщиков и тех, кто им сочувствовал. Плебейский трибун и близкий друг Юлия Цезаря по имени Цинна был убит толпой, которая ошибочно приняла его за одного из заговорщиков с тем же когноменом. Подобно другому популярному персонажу, Клодию, Юлия Цезаря кремировали прямо на Форуме, скамейки и другие способные гореть предметы свалили в кучу, чтобы устроить погребальный костер. Заговорщики уже не чувствовали себя в Риме в безопасности и в ближайшие дни покинули город.[155]

В завещании также Гай Октавий назывался наследником трех четвертей огромного личного состояния диктатора с обычной в таких случаях оговоркой, что он как наследник примет также и имя Юлия Цезаря. Завещание было составлено 15 сентября 45 г. до н. э. по возвращении из испанского похода, и нет признаков того, что Октавий или кто-либо из его близких родственников

знал о его содержании. Молодой человек явно был в фаворе у двоюродного деда, который, несомненно, считал его более способным, нежели племянников. Однако важно помнить, что Юлий Цезарь отнюдь не собирался умирать так рано. Позднее Цицерон утверждал, что диктатор не вернулся бы из восточного похода, но нет оснований думать, что эта точка зрения получила распространение и может считаться правдоподобной. Не было уверенности, что Октавий переживет двоюродного деда, поскольку юноша страдал от сильных приступов болезни, которая и задержала его отъезд в Испанию в 45 г. до н. э., да и не похоже, что он обладал крепким здоровьем. Если бы молодой человек выжил в суровых условиях похода, под парфянскими стрелами, и подавал новые надежды, то Юлий Цезарь, возможно, выказывал бы ему более явные знаки внимания. Здесь мы опять попадаем в область предположений по поводу планов диктатора.[156]

Усыновление воспринималось римлянами очень серьезно, и усыновленный в отношении намерений и целей становился таким же, как и родной сын, поддерживая в дополнение к новым также и те полезные связи, которые доставались ему от его настоящей семьи. Такое усыновление могло произойти только при жизни отца. Это породило длительную научную дискуссию о том, какой именно статус получал Октавий по завещанию Юлия Цезаря. При этом в значительной степени упускается из виду главное. Октавий становился главным наследником имущества двоюродного деда и принимал его имя. Власть же, должности и почести последнего давались только лично и не передавались по наследству. Однако он был сенатором, который укрепил престиж своего рода и удерживал его на небывалой высоте. От молодого человека, наследовавшего богатства и имя Юлия Цезаря, неизбежно ожидали, что он приумножит успехи фамилии на политическом поприще. Разумеется, не обязательно было их добиваться немедленно, но со временем, по достижении соответствующего возраста ему бы просто надлежало вступить в политическую жизнь и показать себя достойным имени Цезаря.

Если Октавий принимал наследство, к чему его никто не принуждал, это было делом добровольным, то он тем самым обязывался соответствовать возлагавшимся на него политическим ожиданиям, связанным с его новым именем. Различие между основным наследником и сыном не отличалось ясностью, даже если речь не шла о полном усыновлении. Существенные различия возникали в силу некоторых технических деталей. Сын, родной или усыновленный, наследовал права отца надо всеми его вольноотпущенниками, а у Юлия Цезаря их было немало, причем зачастую весьма богатых, которым надлежало поддерживать его

как своего патрона, голосуя за него, предоставляя в его распоряжение имевшиеся у них средства. Без официального усыновления Октавий едва ли смог бы получить законные права, хотя это не означало, что некоторые или все вольноотпущенники диктатора не выбрали бы его своим патроном.[157]

В Брундизии Октавий получил одно письмо от Филиппа, а другое – от Атии, которые к тому времени уже знали об условиях завещания. Они также сообщали, что гнев народа против заговорщиков, несмотря на объявленную амнистию и сохранявшуюся поддержку со стороны многих сенаторов, по-прежнему велик. Однако кровавой бани не произошло, как и нападений на семью Юлия Цезаря с целью мести. Это, впрочем, отнюдь не значило, что молодой человек мог чувствовать себя в безопасности, вступая в политику как наследник Юлия Цезаря. Он был на десять с лишним лет моложе возраста, установленного для занятия должностей и вхождения в число сенаторов, однако имя Цезаря должно было притягивать внимание и наверняка навлекало на него вражду, с которой ему предстояло бороться, чтобы взять верх или просто хотя бы выжить. Его отчим уже подумывал о выборах своего сына в консулы на 41 г. до н. э., где ему пришлось бы соперничать с Брутом и Кассием, и не был заинтересован в том, чтобы Октавиан слишком рано начинал карьеру. Его мать проявляла меньше колебаний, но в целом тоже предпочитала осторожность. Наши источники могут преувеличивать, ибо относятся к более позднему времени и основываются преимущественно на воспоминаниях Августа. Образ молодого героя, отказавшегося следовать советам более опытных старших родственников, имел давнюю литературную традицию, начиная от Ахиллеса и кончая Александром Великим. У Аппиана Октавий даже цитирует, обращаясь к Атии, слова Ахиллеса к его матери Фетиде из «Илиады».[158]

Это отнюдь не означает, что не стоило быть осторожным, и по крайней мере в письмах Октавия призывали не спешить. Независимо от того, какие детали содержали эти рекомендации, решение принимал он сам. Во всем, что он предпринимал, он исходил из собственных честолюбивых помыслов, уверенности в своих силах и самомнения. Возможно, с самого начала Октавий был убежден, что сможет одолеть всех соперников, даже старше и опытнее его, хотя ни один опытный наблюдатель не мог предсказать того, как будут развиваться события в последующие годы и его участие в них.[159]

Если Октавий и колебался с принятием наследства и имени, то очень недолго. В восемнадцать лет он перестал быть Гаем Октавием и отныне назывался Гаем Юлием Цезарем. От него

ожидали, что он не забудет о своем первоначальном имени и добавит к Цезарю «Октавиан». Однако он не сделал этого, хотя время от времени враги называли его так, чтобы напомнить о темном происхождении его рода. Как говорилось во введении, мы будем называть его не Октавианом, как ныне делается, а Цезарем, поскольку это имя использовал он сам и так называют его в античных источниках. Власть этого имени весьма повлияла на дальнейшее развитие событий.[160]

Рим

Молодой Цезарь и его свита отправились из Брундизия в Рим. При обычных условиях такое путешествие заняло бы девять дней или более того. Друзья обращались к нему по новому имени, и уже, возможно, был отправлен гонец в провинцию Азия, чтобы завладеть частью военный казны, которую Юлий Цезарь приготовил для парфянского похода. Наследник диктатора и его свита достигли Рима в первой половине апреля – несомненно, продвигаясь в ускоренном темпе. Цицерон находился за пределами города, когда 10 апреля расспрашивал в письме, «каков был приезд Октавия – не было ли выезда навстречу ему, нет ли какого-либо подозрения насчет переворота?», однако ясно: оратор не ожидал, что произойдет нечто важное. Визит оказался кратким и не имел особого влияния на события. Антоний велел молодому Цезарю подождать какое-то время, прежде чем удостоил его короткой и прохладной аудиенции в садах у своего дома на Палатине – бывшего дома Помпея. Консула осаждали толпы просителей, и он был слишком занят их делами, чтобы рассматривать юношу как выгодную для него с политической точки зрения персону или даже просто значимую. Стремление молодого человека получить все состояние Юлия Цезаря совершенно не устраивало Антония, которому требовалось сделать очень много, и все доступные средства были совершенно необходимы ему для укрепления собственных позиций. 12 апреля Цицерон оценил запрашивавшееся сообщение о прибытии Цезаря как несущественное.[161]

Оставив Рим, восемнадцатилетний юноша поехал теперь в Кампанию, направляясь в Неаполь. По пути он нашел время поговорить кое с кем из многочисленных ветеранов диктатора, поселенных в этих краях. 18 апреля он встретился с Луцием Корнелием Бальбом, испанцем из Гадеса (нынешний Кадис), который стал римским гражданином, сражаясь под командованием Помпея,[162] а потом присоединился к штабу Юлия Цезаря. Он служил ему в Испании и Галлии, однако все

больше играл роль политического агента в самом Риме, сглаживая углы при закулисных сделках и действуя как советник. Установление контакта с таким влиятельным и богатым политиком и признание с его стороны обеспечивали ощутимое преимущество. Позднее в тот же самый день Бальб сказал Цицерону, что молодой человек полон решимости принять наследство.[163]

Несколько дней спустя Цицерон встретился с молодым Цезарем, который находился на вилле своего отчима под Путеолами на берегу Неаполитанского залива, рядом с загородным домом самого оратора. Он писал своему другу Аттику: «С нами здесь почтительнейший и дружественнейший Октавий, хотя его люди приветствуют его Цезарем, но Филипп этого не делает, и я тоже».

Это было второстепенное место в письме – оратор больше пишет об угрозе, нависшей над заговорщиками, и о презрении к решениям Антония как консула. Пока Цицерон просто не считал восемнадцатилетнего юнца важной фигурой. В отличие от супруга Атия называла своего сына Цезарем. Филипп не принимал открыто ни той, ни той другой стороны, однако явно не противодействовал пасынку в его честолюбивых помыслах и даже начал понемногу помогать ему. То же самое, видимо, можно сказать и о муже Октавии Марцелле, хотя он оставался в то время в добрых отношениях с заговорщиками. Годы гражданской войны добавили к естественным потерям новые, свою роль сыграли и многократные консульства сначала Помпея, а затем Юлия Цезаря, так что в живых осталось лишь семнадцать консуляров (бывших консулов) и некоторым из них недоставало сил и желания вести деятельную политику. Было всего несколько крупных политиков, способных управлять республикой и удерживать в своих руках связи патроната, которые позволяли сохранять римский мир как единое целое. Смерть Юлия Цезаря осложнила ситуацию, поскольку он занимал центральное место в гигантской системе патроната, и никто не мог заполнить образовавшуюся пустоту. Его сторонники были связаны с ним лично и не составляли группы связанных между собой лиц.[164]

Марк Антоний являлся консулом, хотя ему было только сорок лет – возраст, недостаточный для занятия этой должности. Суффектом, или консулом-заместителем, Юлий Цезарь назначил Публия Корнелия Долабеллу, чтобы передать ему полномочия после отъезда на войну с Парфией. Долабелле было тридцать или около того, что представляло собой даже более вопиющий пример нарушения традиции. Несмотря на это, никто не выразил недовольства, когда он появился со всеми знаками власти и

в сопровождении ликторов после мартовских ид. Оба консула поддерживали Юлия Цезаря, но то же можно сказать и о некоторых заговорщиках. Оба также имели репутацию людей безрассудных и экстравагантных. Более важно, что оба, как о том знали, ненавидели друг друга, – несмотря на желание Юлия Цезаря, Антоний попытался заблокировать избрание Долабеллы, прибегнув даже к манипуляциям религиозного характера и утверждая, будто слышал гром во время голосования, что делало его не имеющим юридической силы. В прошлом соперничество и вражда между магистратами помогали предотвратить сосредоточение в руках кого-либо из них слишком большой власти в республике.[165]

Марк Антоний вошел в историю как прямодушный, простой солдат и преданный военачальник Юлия Цезаря, а потому нелегко понять, что скрывается за этой карикатурой и каким человеком он был на самом деле. Он, несомненно, подавал себя прежде всего как воин, похваляясь своим происхождением от самодовольного полубога Геркулеса, так же как Цезарь – от Венеры. Антоний часто отращивал бороду, как у этого героя, в отличие от всклокоченной щетины у чуждых условностей молодых аристократов, многие из которых поддерживали Катилину, высоко подпоясывал тунику, чтобы выставить напоказ свои мускулистые ляжки, и носил меч даже в пределах города, где такое не считалось приличным. На монетах мы видим человека с бычьей шеей и тяжелыми чертами лица, что подтверждает описания дородного человека, изо всех сил демонстрировавшего свою агрессивную мужественность. Его красноречие отличалось энергичностью в процветавшем тогда азиатском стиле, не нравившемся Цицерону.[166]

Антонии являлись знатным плебейским родом. Дед Антония был одним из самых знаменитых ораторов своего времени, сделавшим блестящую карьеру, включая достижение консульства и цензуры. Видное положение недешево обходилось в то жестокое время, и его убили по приказу Мария во время гражданской войны. О его сыне римляне были куда менее высокого мнения, в лучшем случае в нем видели благонамеренного глупца, в худшем – неисправимого прожигателя жизни. Исходя из родового имени и, видимо, из уверенности в его безобидности, сенат в 73 г. до н. э. принял решение вручить Антонию особое командование для борьбы с пиратами, хотя ему не выделили и малой доли тех ресурсов, которые для этой цели шесть лет спустя получил Помпей. Результатом стала вполне предсказуемая неудача, и Антоний умер еще до возвращения домой. Его вдова позднее вышла замуж за Лентула, одного из катилинариев, казненных

в 63 г. до н. э., так что Антоний лишился и отца, и отчима в возрасте чуть более двадцати лет, и это отнюдь не побуждало его испытывать теплые чувства к республике.[167]

Аристократ до мозга костей, Антоний считал, что достоин славы и почестей, и не видел необходимости уважать общепринятые нормы поведения. Его отец оставил после себя огромные долги, значительная часть родового имущества оказалась настолько обременена ими, что Антоний отказался от нее. Не видя необходимости в благопристойном поведении, он провел молодость, услаждая себя вином и женщинами, не сдерживая своей склонности к роскоши, несмотря на такую прозаическую причину, как нехватка денег. Долги Антония были колоссальными, однако, как мы видели, стиль его жизни не являл собой чего-то необычного для того времени. Вступив в политическую жизнь необычно поздно, он служил в Сирии, Иудее и Египте, прежде чем присоединился к Юлию Цезарю в Галлии. Он не участвовал в большей части походов на ее территории, но зато сражался на заключительном этапе великого галльского восстания, кульминацией которого стала тяжелая осада Алезии летом 52 г. до н. э. Приняв сторону Юлия Цезаря в гражданской войне, Антоний был с ним во время италийской кампании, а также в заключительной фазе операций в Македонии, командуя левым крылом в битве при Фарсале. Более в битвах гражданской войны он не участвовал.[168]

Сообщения о военных достижениях Антония на самом деле не особенно впечатляют. Лично храбрый, он имел мало опыта самостоятельного командования в сколь-либо крупных масштабах, и в целом он провел в легионах времени меньше обычного. Тем не менее он изображал из себя великого воина и полководца – Геркулеса, предводительствовавшего армиями, равно как и совершителя более знаменитых подвигов, где являл свою силу, – и этот образ дожил до наших дней. Юлий Цезарь предпочитал использовать Антония скорее на политических ролях, оставив управлять Италией в 49 г. до н. э. и после сражения при Фарсале. Результат оказался не очень удачным. Антоний имел хорошие связи, происходил из лучшего рода, чем многие другие сторонники Юлия Цезаря, однако ему недоставало тонкости. Он объезжал Италию с караваном, в котором его сопровождали на глазах у всех его мать, любовница из числа мимических актрис, а также самая различная публика, которую считали неподходящей для свиты римского магистрата. Антонию нравилась компания актеров и актрис, которые, несомненно, переживали все те же страсти и эмоции, что и их коллеги позднейших времен, но при этом они оставались людьми более

низкого социального статуса, кого бы он из себя ни разыгрывал. Сенатору, по общему мнению, не пристало проводить время с людьми такого сорта (многие из них, включая его любовницу, являлись бывшими рабами), однако Антония и на сей раз не интересовали общепринятые нормы. Однажды он сел в свое курульное кресло на Форуме, чтобы начать рассмотрение прошений, однако невероятно мучился из-за сильнейшего похмелья. Антоний еще не успел закончить дело, как его, измученного тошнотой, вырвало, согласно одному рассказу, прямо себе на колени, согласно же другому, кто-то из друзей очень кстати подставил ему свой плащ. Уверяли даже, будто он проводил эксперименты с колесницей, запряженной львами вместо лошадей.[169]

Возможно, более серьезными, нежели такое бестактное злоупотребление властью, добытой в результате гражданской войны, стали беспорядки, приведшие к насилиям в Риме и его округе, когда несколько честолюбивых людей, включая Долабеллу, выступили в защиту интересов должников. Когда Юлий Цезарь возвратился, наконец, в Рим, он какое-то время не прибегал к услугам Антония в общественных делах и обратил внимание на Долабеллу, взяв его с собой в очередной поход. Диктатор вызвал Марка Антония в Испанию в конце кампании, закончившейся битвой при Мунде, и вновь стал демонстрировать расположение к нему. Антоний ездил с ним в его колеснице, в то время как молодой Октавий и Децим Брут следовали за ними во второй. К 44 г. до н. э. избрание Антония в качестве коллеги Юлия Цезаря по консулату, а Долабеллы – его заместителя стали знаками возвращенного доверия и расположения.[170]

Будучи консулами, оба обладали властью до конца года. Они поддерживали Юлия Цезаря, благодаря ему и преуспевали, однако оба были аристократами из почтенных семейств с собственными амбициями. Было бы ошибкой видеть в них просто приспешников Юлия Цезаря, а не людей, добивавшихся особого положения для себя, которые просто считали выгодным для себя поддерживать его. Говорили, что Требоний прощупывал настроения Антония, когда заговор только возник. «Освободители» убили диктатора, чтобы восстановить республику, в которой вновь набрало бы силу соперничество аристократов в борьбе за должности и влияние. Консулы, естественно, являлись частью этой системы, и их поведение оказывало огромное влияние на то, как это соперничество велось (Plut. *Ant.* 13).

Перемирие с заговорщиками было делом непростым. Антоний и Долабелла ничего не сделали для того, чтобы извлечь

выгоду из союза с ними или укрепления позиций Брута, Кассия и других. Независимо от того, что они думали о диктаторе и его убийстве, руководители заговора стали теперь соперниками в борьбе за должности и влияние. Все группировки думали о будущем, поскольку, хотя амнистия и сохранение в силе решений Юлия Цезаря были на тот момент необходимы, такая ситуация не могла продолжаться долго. В свое время и заговорщики, и решения диктатора наверняка стали бы объектом нападок в сенате, комициях или судах. Гражданская война началась в 49 г. до н. э. из-за угрозы преследований за действия десятилетней давности. Римская система подразумевала, что ни одно решение не является бесповоротным, и оно могло стать незаконным задним числом, из-за чего никто не мог чувствовать себя в безопасности. Нападки юридического характера могли привести к краху карьеры и делали насилие вполне осязаемой угрозой.

Хаос и его перерастание в конфликт в чьи-либо интересы не входили. Ни консулы, ни заговорщики не располагали войсками, которые находились бы под их непосредственным командованием. У Лепида, заместителя диктатора, или начальника конницы (*magister equitum*), был легион, стоявший у городской черты, и он привел группу воинов в город через несколько дней после мартовских ид, однако не имел ни сил, ни воли для того, чтобы добиться с их помощью постоянного преобладания, тем более что его империй формально закончился со смертью диктатора. Антоний сделал так, что Лепид заменил покойного Юлия Цезаря на должности великого понтифика еще до того, как бывший начальник конницы отбыл в Цизальпинскую Галлию и возглавил большую армию, обеспечив себе защиту от любых врагов на тот момент.[171]

Почти сразу же по окончании похорон Юлия Цезаря на месте погребального костра группа энтузиастов установила алтарь. Их предводителя звали Аматием. Он объявил себя внуком Мария и тем самым родственником диктатора по крови, если не по закону. Юлий Цезарь не признал его, и этот человек больше не имел успеха при попытках сближения с членами его обширной фамилии, включая юного Октавия. Ни Антоний, ни Долабелла не испытывали к нему никаких симпатий и приказали разогнать сторонников Аматия, а алтарь – снести. Позднее, в апреле, когда Антоний покинул Рим, чтобы обеспечить себе поддержку среди ветеранов Юлия Цезаря, ситуация обострилась. Долабелла приказал казнить Аматия и многих его сторонников, чем вызвал восторженную похвалу Цицерона. Тем не менее это свидетельствовало о том, что значительная часть населения оплакивала диктатора и возмущалась тем, что против убийц не

предпринималось никаких мер. Антоний был готов воспользоваться этим, чтобы ослабить заговорщиков и набрать ветеранов, прежде всего бывших центурионов, однако не хотел, чтобы недовольство приобрело такие масштабы, что он уже не смог бы повлиять на ситуацию. На тот момент у него были сильные позиции, чему способствовало то, что его братья в тот год занимали должности претора и плебейского трибуна, но это являлось лишь временным преимуществом. Антоний, как и все остальные, думал о будущем и стремился защитить себя и сохранять могущество в течение более длительного времени.[172]

Подтверждение решений Юлия Цезаря состоялось 17 марта. О некоторых формально не объявлялось, но о них было широко известно и все их признавали. Антоний в качестве консула, как предполагалось, проконсультируется с наиболее уважаемыми сенаторами, прежде чем каждое из этих решений будет подтверждено. Однако это сочли нецелесообразным, а сам он, вероятно, полагал такое и нежелательным. Слишком много вопросов требовало рассмотрения, и немало просителей со всей империи ждали, что им уделят внимание. Юлий Цезарь не успел разобрать завалы, накопившиеся за время бездействия сената и последующих потрясений гражданской войны, и если смотреть на дело с практической точки зрения, то нет особых сомнений, что Антоний сознавал срочность вопроса. Такая ситуация давала ему блестящую возможность явить свои милости, снискать признательность облагодетельствованных и позднее, возможно, превратить их в своих сторонников. После убийства диктатора Антоний завладел его бумагами и теперь объявил о многих ранее неизвестных решениях Юлия Цезаря, настаивая на их подтверждении. Некоторые выглядели противоречащими тому, что сделал диктатор при жизни. Цицерон заявил, что жена Антония, Фульвия (вдова Клодия), получила взятку от царя Галатии Дейотара, чтобы ее супруг закрепил за ним его властное положение. Позднее оратор метал громы и молнии в Антония за его измышления тех месяцев, а потому нелегко узнать, что же именно тот делал. Даже если Цицерон преувеличивал, все равно он не мог полностью выдумать эти истории.[173]

Антоний наращивал свои ресурсы и укреплял собственную репутацию, чтобы добиться успеха в будущем, а заодно чтобы обеспечить личную безопасность. В долгосрочной перспективе это зависело прежде всего от того, будет ли в его распоряжении большая и преданная армия. Требоний находился в Сирии, Децим Брут – в Цизальпинской Галлии. Брут и Кассий получили наконец под свое управление Сицилию и Азию – провинции, важные для государства, однако не соответствовавшие их достоинству и, что

гораздо важнее, не располагавшие военными ресурсами. Антоний и Долабелла совместными усилиями добились того, что Сирию получил последний, заменив Требония, которому поручили ответственность за мероприятия, связанные с Парфянской войной. Антоний прибрал к рукам Македонию с располагавшимися там шестью легионами, хотя один из них он соглашался передать коллеге. Затем он решил, что его брат Гай будет управлять Македонией вместо него, а он, заменив Децима Брута, примет власть над Цизальпинской Галлией, расположенной столь удобно, что обладание ею позволяло держать под контролем Италию, и объединить ее с «Косматой Галлией»[174] – страной, завоеванной Юлием Цезарем. Пять легионов и вспомогательные отряды надлежало передать ему, а его брату предстояло набрать свежие войска. Хотя диктатор ограничил срок пребывания наместников в должности двумя годами, Антоний провел через комиции решение, согласно которому провинция передавалась ему на пять лет, так же как Юлий Цезарь и Помпей получили свои чрезвычайные командования.[175]

Во многих отношениях ситуация напоминала ту, что сложилась в 49 г. до н. э., когда так же никто никому не доверял и вожди сторон сражались просто потому, что считали это необходимым. Брут и Кассий не могли перехватить инициативу, поскольку наблюдали за происходящим со стороны. На первом, занимавшем должность городского претора, лежали обязанности по организации *ludi Apollinares* – ежегодного празднества и игр, посвященных богу солнца Аполлону. Брут профинансировал мероприятие, выбрал программу и исполнителей, однако понял, что ему слишком опасно возвращаться в Рим, поэтому он отсутствовал. Брат Марка Антония Гай председательствовал во время игр, занимая его место, из-за чего становилось не очень понятно, к кому испытывает толпа благодарность. Игры прошли отлично, и кое-кто из публики усердно выкрикивал имя Брута, хотя другие, видимо, выступали против заговорщиков. Вскоре после этого Брут и Кассий покинули Италию и отправились в Восточное Средиземноморье. Со временем они также начали набирать войска. Брут, вероятно, делал это без особой охоты, но разжигал мятеж среди легионов римского народа и нелегально принял командование. Цицерон был склонен видеть в Антонии величайшую угрозу для них и восстановления чего-то близкого истинной *res publica*. Он продолжал сокрушаться об ошибке заговорщиков, которые не убили его вместе с диктатором. Оглядываясь в прошлое, он понимал, что «мы проявили отвагу мужей, разум же, верь мне, детей».[176]

Тем не менее Цицерон обращался теперь к молодому Цезарю по его новому имени, и кое-что из того, что начал делать и говорить восемнадцатилетний юнец, его беспокоило, но мысли оратора гораздо больше занимал Антоний. Он знал, что Долабелла – мошенник, поскольку тот был в недолгом браке с любимой дочерью Цицерона Туллией и после развода не вернул приданое, однако, как только он уехал в провинцию, перестал быть важной проблемой для Цицерона. Антоний представлял собой угрозу как человек, который более чем кто бы то ни было препятствовал восстановлению *res publica*. Цицерон жаждал мер, способных подорвать его могущество и позволить заговорщикам возвратиться и благоденствовать.[177]

VI
Похвала

Девятнадцати лет от роду по собственному решению и на собственные средства я подготовил войско, с помощью которого освободил государство, угнетенное господством клики.

Деяния Божественного Августа. 1.1
Пер. И. Ш. Шифмана

Молодой Цезарь возвратился в Рим в августе. В последующие годы говорили, что сияние окружало солнце в день его прибытия, иными словами, предзнаменование будущего величия. Брат Антония Луций занимал в тот год должность плебейского трибуна и разрешил молодому человеку говорить на народной сходке. Цицерона впечатлило сообщение о содержании его речи, однако он по-прежнему не придавал большого значения его персоне. Молодой Цезарь добивался формального признания и получения наследства в полном объеме. Вероятно, пока он не предпринимал прямых нападок на заговорщиков, сосредоточившись вместо этого на защите репутации и почестей отца. По крайней мере, однажды, вероятно, на играх, посвященных богине плодородия Церере, он попытался, в соответствии с постановлением сената, принятым при жизни Юлия Цезаря, выставить на обозрение курульное кресло диктатора и его лавровый венок. Венок был тем самым, который предлагали Цезарю на Луперкалиях и который он отверг; но Антоний этого не позволил.

Он оказался столь же бессилен, когда речь шла о других связанных с Цезарем запросах, особенно в том, что касалось имущества диктатора, и ему отдали совсем мало в монете или

вообще ничего. Консул постоянно давал понять, что воспринимает нового Цезаря как помеху. Другие считали его просто беззащитным. Вероятно, имела также место путаница между личным имуществом Юлия Цезаря и тем государственным имуществом, которое находилось под его контролем. Имело место несколько судебных процессов, во время которых оспаривались права собственности на личное имущество, иногда на основании незаконного его захвата во время гражданской войны, и в целом решения выносились не в пользу наследователя.[178]

Молодой человек занимал деньги. Много дали ему Матий и другой банкир, Рабирий Постум, часто ведший дела с Юлием Цезарем. Возможно, также оказали поддержку Оппий и Бальб, чтобы иметь звонкую монету, была продана или заложена часть его собственного имущества, а также имущество диктатора. Филипп и Атия также оказывали помощь, в то время как племянники диктатора, которым досталась четверть его состояния, более или менее добровольно передали ее главному наследнику. Неясно, как быстро удалось собрать деньги, когда прибыла военная казна Юлия Цезаря, приготовленная для парфянского похода. С нею привезли и подати за год с провинции Азия, однако молодой Цезарь утверждал, что передал все государственные средства в казну, а себе оставил лишь личное имущество диктатора.[179]

В следующие месяцы молодой человек много времени потратил на подготовку игр, посвященных победе Юлия Цезаря при Фарсале и его божественному предку Венере Прародительнице. Это была еще одна почесть, декретированная сенатом при жизни диктатора. На сей раз никто не пытался помешать наследнику провести игры. Цезарь решил сочетать это с погребальными играми, устроив гладиаторские бои, звериные травли, пиршества, театральные представления. Многое из этого должно было произойти на Форуме, временные помосты установили на некоторых общественных зданиях. Торжества провели на широкую ногу 20–28 июля. Еще больше заемных денег было использовано для того, чтобы начать выплаты каждому римскому гражданину согласно завещанию Юлия Цезаря.[180]

Во время игр в небе появилась комета. Такие «лохматые» звезды считались зловещими предзнаменованиями близких несчастий. Цезарь или один из его сторонников придумал более благоприятное толкование, объявив, что этот яркий свет – сам Юлий Цезарь, вознесшийся на небо, чтобы присоединиться к богам, и звезду прикрепили к голове статуи диктатора, стоявшей в храме Венеры в самом центре Форума. История прижилась,

особенно среди тех, кто чтил его память. Основой этого во многих отношениях являлись полубожественные почести, декретированные покойному сенатом еще при его жизни, и установление ему алтаря, позднее снесенного по приказу консулов. На сей раз не было официальных попыток воспрепятствовать почестям.[181]

Публичные представления и празднества в честь предков были организованы как следует и стали эффективным средством обретения популярности, хотя в данном случае масштабы игр и претензии на божественность далеко превосходили почести кому-либо в прошлом. Занятие должности плебейского трибуна представляло собой другой хорошо проверенный способ завоевания популярности, и в начале июля, накануне выборов на вакантное место трибуна взамен убитого Цинны, ходили нешуточные разговоры, что Цезарь выдвинет себя кандидатом. Учитывая, что Юлий Цезарь сделал его патрицием еще до того, как объявить наследником, это было незаконно. Конкретные детали случившегося реконструировать невозможно – некоторые историки предпочитают видеть в нем закончившуюся неудачей попытку провести в трибуны своего человека, нежели добиваться этой должности самому, – однако данный эпизод предполагает серьезный просчет в отличие от случая с искусным толкованием появления кометы. Хотя излишне говорить о восемнадцатилетнем возрасте нашего героя, стоит все же помнить, как молод и неопытен он был. Невероятная уверенность в своих силах, владевшая им при вступлении в политическую жизнь, легко переросла в безрассудство. В душе он не сомневался, что в действительности комета предвещает его собственный грядущий взлет. Публичная распродажа имущества и денежные займы не только позволили молодому Цезарю снискать благодарность за устройство игр, но и принесли славу покойному диктатору.[182]

Отношения с Антонием оставались натянутыми, а могущество консула все росло – в конце лета он набрал большой отряд телохранителей из ветеранов-поселенцев. Многие из них относились к числу бывших центурионов, от которых ожидали в бою решительных действий, а потому они обычно являлись грозными воинами. Опытные командиры должны были оказаться полезными для Антония, если бы тот решился сформировать новые легионы, поскольку эти люди умели организовывать, тренировать рекрутов и командовать ими. Еще более важным являлось их политическое значение. Некоторые центурионы имели всаднический ранг. Однако большинство принадлежало к центуриям высшего класса в *comitia centuriata*, так что их голоса были очень весомы и важны не меньше, чем сила в бою. Вероятно,

в надежде добиться расположения этих людей, а также в целях манипулирования судами, Антоний провел закон, согласно которому некоторые или даже все представители этого класса могли избираться в состав судейских комиссий, образуя теперь третье жюри помимо сенаторского и всаднического.[183]

В отличие от консула Цезарь не имел должности или каких-либо официальных полномочий. Пока явные сторонники могли субсидировать его, но он не обладал непосредственной политической властью. Матий говорил Цицерону, что лишь помогает мальчику из почтения к Юлию Цезарю. Имя и деньги были его единственными серьезными активами, и с самого начала он использовал и то, и другое, чтобы завоевать благосклонность бывших солдат и офицеров диктатора. Молодой Цезарь сразу начал предлагать по 500 денариев – больше, чем плата обычному солдату за два года, – тем, кто готов был служить ему, и обещал намного больше в будущем. Не приходится сомневаться, что награды центурионам или военным трибунам были значительно выше. Возможно, он также говорил о мести заговорщикам, хотя пока не осмеливался делать это публично. Люди начали брать его деньги и оказывать ему поддержку, однако в то время их было гораздо меньше, нежели у Антония. Все эти ветераны по-прежнему сохраняли глубокую преданность памяти Юлия Цезаря, за кем бы они ни следовали, и некоторые из бывших центурионов и военных трибунов просили вести себя более дружественно по отношению к наследнику диктатора. Молодой Цезарь стоял за пределами загородок (*saepta*), поощряя центурии принять закон, передававший контроль над Цизальпинской Галлией Антонию вместо Децима Брута. Тем не менее позднее отношения вновь оказались испорчены, поскольку Антоний заявил, что один ветеран из его охраны был подкуплен, чтобы убить его. Всего лишь немногих римских политиков (наиболее известен из них Помпей) охватил панический страх перед покушением. Хотя, возможно, он не имел под собой никаких оснований. Если смотреть на дело с практической точки зрения, то трудно понять, что именно молодой Цезарь выигрывал от устранения консула. Если он действительно создал заговор с целью убийства, то это только лишний раз свидетельствовало о том, насколько наивно еще он мыслил в этом возрасте.[184]

1 августа тесть Юлия Цезаря, Кальпурний Пизон, осмелился выступить с критикой Антония в сенате. Тон, которым он говорил, был скорее предостерегающим, нежели язвительным, и, что более важно, он не раз выступал в таком духе и раньше. Цицерон находился на пути в Грецию, куда поехал под предлогом помощи сыну с образованием, однако в действительности он

бежал от отчаяния и страха перед ситуацией, все более чреватой насилием. Все заговорщики и другие ключевые игроки – такие как Лепид, – покинули Италию. Долабелла вскоре сделал то же, и не осталось носителей империя, которые могли бы оспорить господство Антония над Италией. Многие чувствовали, что постепенно дело идет к гражданской войне, и так же как и в годы, предшествовавшие 49 г. до н. э., особого энтузиазма по этому поводу не наблюдалось. Пизон выступал за подтверждение амнистии, чтобы заговорщики смогли возвратиться и чтобы не пострадал авторитет ни их, ни бывших цезарианцев вроде Антония. Консул не стал отвечать на это выступление насилием, и Цицерон вдохновился надеждами на плоды вновь достигнутого им компромисса. Месяц спустя, 2 сентября, он произнес речь, которая позднее стала известна как первая «филиппика», по аналогии с несколькими речами знаменитого оратора Демосфена, предупреждавшего афинян об угрозе со стороны македонского царя Филиппа. Несмотря на критику недавних действий Антония, Цицерон убеждал его вернуться к духу примирения, который тот продемонстрировал в первые дни после мартовских ид.[185]

Как консул Антоний обладал полномочиями для соответствующих действий, тогда как даже наиболее почтенные сенаторы могли лишь увещевать и давать советы. Он также располагал отрядами вернувшихся на службу ветеранов, отряды которых в то время насчитывали примерно 6000 человек. Первый из македонских легионов высадился в Брундизии, а другие должны были вот-вот прибыть, так что вскоре в его распоряжении оказалась хорошо организованная армия. Он ответил на критику раздраженно, но не сделал попытки использовать имевшуюся в его распоряжении силу, хотя в частном письме Цицерон выражал уверенность в том, что консул готовит резню. Оратор на какое-то время опять предпочел держаться в стороне от Рима и народных сходок и начал писать вторую «филиппику» – язвительный памфлет, который так и не был произнесен в виде речи, в котором в пух и прах разносилась репутация Антония и его недавние мероприятия. Пока царило затишье, однако подготовка к войне продолжалась. В начале октября Антоний отправился на юг, к Брундизию, чтобы устроить смотр вновь прибывшим войскам.[186]

К началу сентября, когда он праздновал свое девятнадцатилетие, Цезарь находился в Кампании, набирая войска в поселениях ветеранов диктатора. За несколько недель он смог довести число своих людей до 3000 человек, но снаряжения остро не хватало. Солдаты относились к своим прежним войсковым частям, но к концу года их распределили по

воссозданным Седьмому и Восьмому легионам Юлия Цезаря. Во многом так же, как и в войске Катилины, основы структуры этих соединений были заложены на этом этапе в надежде, что новые солдаты со временем пополнят их ряды. Это также дало возможность назначить примерно 120 центурионов и 12 военных трибунов, подтвердив прежние чинопроизводства, а кого-то даже повысив в звании и тем самым увеличив их статус и жалованье. Этих людей сплотили на данном этапе как награды, так и имя Цезаря, поскольку сам юноша по-прежнему оставался, если можно так выразиться, неизвестной величиной. Юлий Цезарь вел их к победе и щедро награждал, с годами постепенно привязывая к себе. В полной мере и тем более сразу молодой человек унаследовать эту связь не мог, однако ветераны готовы были предоставить ему с его деньгами шанс. Осуществляя власть больших денег и обещая награды на будущее, молодой Цезарь отправил своих агентов в Брундизий для агитации в легионах Антония.[187]

Между тем в начале ноября девятнадцатилетний наследник диктатора во главе своих отрядов ветеранов, существование которых было явно незаконным, возвратился в Рим, введя в город своих вооруженных сторонников, чтобы решить вопрос об их юридическом статусе. Он планировал на проведение своей акции несколько недель, засыпая Цицерона – и, без сомнения, других видных сенаторов – просьбами об одобрении и открытой поддержке, когда он вступил в город. Цезарь льстил старому оратору, убеждая его «во второй раз спасти *res publica*», как это уже сделал в 63 г. до н. э. Цицерон признавал, что он ведет себя как те, кто

«Вызов стыдились отвергнуть, равно и принять ужасались.[188]

Однако он (Октавиан. – *Прим. пер.*) действовал и продолжает действовать очень решительно. В Рим он прибудет с большим отрядом; но он совсем мальчик: считает, что сенат соберется немедленно. Кто придет? Если придут, то кто, при неопределенности положения, заденет Антония?» Однако, признает он, «к мальчику муниципии удивительно расположены» (*ad Att.* XVI. 11. 6).

Цезарь уверял Цицерона, что хочет действовать законным путем, через сенат, умалчивая о своем отряде вооруженных сторонников, чье существование не было санкционировано властями. Однако Цицерон, у которого не вызывали положительных эмоций ни имя юнца, ни его претензии на видное

положение, начал беспокоиться из-за намерений молодого Цезаря, и особенно из-за его настойчивости в деле утверждения всех распоряжений диктатора и данных ему почестей. Тем не менее, он по-прежнему считал, что от него можно избавиться как от человека, у которого «хотя и достаточно присутствия духа, [но] мало *auctoritas*». Корреспондент оратора, ловкий всадник Аттик, который избегал публичной карьеры, однако сохранял добрые отношения почти со всеми влиятельными людьми в Риме, был несколько более осторожен, заметив, что «хотя этот мальчик и силен и в настоящее время прекрасно обуздывает Антония, все же мы должны ждать исхода». Имя и деньги Цезаря лишили Антония многих потенциальных сторонников, особенно среди ветеранов.[189]

Антоний по-прежнему находился далеко от Рима, когда туда прибыл Цезарь. Агрессивно настроенный трибун,[190] который начал нападки на консула, открыто привел молодого политика на Форум и созвал народную сходку. Он и Цезарь подошли к храму Кастора и Поллукса, который стоял на открытом пространстве и нередко служил местом проведения сходок и трибутных комиций. Ветераны, не скрывая находившихся при них мечей, несли охрану вокруг своего предводителя, что являлось откровенной демонстрацией не санкционированной властями силы. Трибун говорил первым, вновь обрушившись на Антония, призывая народ сплотиться в борьбе против консула вокруг наследника Юлия Цезаря. Затем и молодой человек произнес хорошо подготовленную речь. Цицерон вскоре получил ее текст, который произвел на него тяжелое впечатление. Восхваляя Юлия Цезаря и его деяния, наследник обратился с жестом в сторону статуи диктатора и заявил, что надеется «добиться тех же почестей, что и его отец». Атака на Антония с целью помешать ему и обеспечить себе наследование, а также враждебное отношение к консулу в целом, возможно, были оратору очень по вкусу, однако они не понравились многим ветеранам. Будучи преданными Юлию Цезарю, они возмущались тем, что его убийцы остались безнаказанными. Именно они, а не Марк Антоний, были в их глазах истинными злодеями.[191]

Консул уже возвращался в Рим, сопровождаемый личной охраной из ветеранов. Первые два легиона, переправившиеся в Италию из Македонии, двигались маршем на север из Брундизия и могли быть задействованы, как только появится необходимость. Антоний не являлся главным врагом для ветеранов, и к тому же он располагал куда бóльшими силами, нежели Цезарь с его малочисленным и плохо вооруженным отрядом. Если бы дело дошло до схватки, то последние были

обречены на поражение. Отдельные ветераны начали в этот момент покидать своего молодого предводителя и расходиться по домам. Широкой общественной поддержки не наблюдалось, в особенности не проявляли энтузиазма видные сенаторы. Ни один сенатор не присутствовал на встрече, за исключением самого трибуна. Цицерона даже не было в городе, и многие другие подобным образом тихо сидели на своих загородных виллах. Разочарованный наследник Юлия Цезаря сделал паузу, отведя оставшихся сторонников в Этрурию для нового набора в другой области, густо заселенной ветеранами диктатора. Производились и другие наборы в тех же самых краях, поскольку бывшие командиры диктатора начали вербовать воинов для Антония.

На этом этапе молодой Цезарь оставался второстепенным персонажем в политической игре. У него были вооруженные сторонники (кроме него, в Италии они имелись только у Антония), но слишком малочисленные, чтобы он начал представлять собой реальную силу. Примечательно уже то, что он вообще был замечен в столь юном возрасте. Тот факт, что несколько его шагов на политическом поприще оказались неудачными, выглядит удивительным только в том случае, если мы примем на веру представление о политическом гении Августа или о силе (и даже о существовании) единой цезарианской фракции. На тот момент своим значением он едва превосходил пустышку лже-Мария, казненного ранее в том же году (от Мария его отличали только богатство и прочная связь с диктатором), и его можно было убрать с дороги почти с такой же легкостью. Антоний собирался созвать сенат и добиться, чтобы мальчишку объявили врагом народа.[192]

Затем произошло нечто, изменившее все, и молодой Цезарь неожиданно стал одной из важнейших фигур.

Полководец

Первым легионом, достигшим Брундизия, был *Legio Martia*, названный так по имени бога войны Марса, а за ним вскоре последовал Четвертый. Когда они разместились за пределами портового города, сюда прибыли агенты молодого Цезаря, которых сопровождало множество маркитантов и торговцев – неизбежных спутников всякой римской армии, желавших поживиться за счет легионерских кошельков. Эти агенты нашептывали обещания и раздавали памфлеты в лагере, предлагая уже знакомые подарки в 500 денариев, а теперь сверх того еще и 5000 денариев при выходе в отставку – почти двадцатилетнее жалованье за одну кампанию. Как обычно,

вознаграждение для центурионов и трибунов предполагалось значительно большее.[193]

Эти легионы наряду со Вторым и Тридцать пятым, один из которых уже высадился в Италии, а прибытие другого из Македонии ожидалось совсем скоро, были сформированы Юлием Цезарем после его победы в 48 г. до н. э. По крайней мере некоторые из рядовых солдат, видимо, изначально служили в легионах Помпея и сражались против него, хотя сомнительно, что они эмоционально чувствовали себя участниками борьбы. Иное дело командиры. В ходе своих кампаний Юлий Цезарь практиковал продвижение младших центурионов из самых закаленных легионов на более высокие должности во вновь создаваемых частях. Все трибуны и центурионы в каждом таком легионе были людьми Юлия Цезаря, назначенные им и преданные ему. Многие из них наверняка обладали огромным боевым опытом. Ни один из этих легионов не принимал непосредственного участия в военных действиях, однако они были полностью укомплектованы и хорошо подготовлены благодаря многолетним тренировкам.[194]

До того момента как Марк Антоний прибыл, чтобы принять командование, он никак не был связан с этими легионами и оставался чужим как для офицеров, так и для солдат. Кроме того, вопреки легенде он не мог похвастаться внушительным списком прошлых побед или по-настоящему обширным опытом урегулирования сложных ситуаций в отношениях с войском. Всего несколько месяцев назад легионеры предвкушали, что возьмут у парфян богатую добычу; теперь же они оказались под командованием неизвестного им человека и вдобавок на грани гражданской войны. В то же время имя юного Цезаря было на слуху, и он не скупился на обещания. Часть командиров, возможно, уже знала его, проведя с ним несколько месяцев в Аполлонии. Возможно, это побудило их всерьез отнестись к его предложению.

Консул прибыл вместе с женой Фульвией. С самого начала Антоний не сумел взять ситуацию в свои руки – очевидно, он ожидал от солдат беспрекословного подчинения. Легионеры стали неуправляемы. Они освистали его, когда он предложил заплатить им по сто денариев, что составляло менее половины годовой платы и было в пять раз меньше, чем предложил его соперник. Консул потерял самообладание и попытался принудить солдат к повиновению, запугав их злобными окриками: «Вы научитесь выполнять приказы!» Он потребовал от командиров предоставить ему список имен смутьянов. Тех арестовали и казнили, причем среди жертв было несколько центурионов.

Утверждение Цицерона, будто солдат и офицеров привели в дом, занимаемый Антонием, и перебили, причем Фульвия оказалась забрызгана их кровью, довольно сомнительно, да и не имеет особого значения. Когда Марсов и Четвертый легионы вышли из Брундизия и двинулись вдоль побережья на север в сторону Цизальпинской Галлии, воины были настроены весьма мрачно.[195]

Марсов легион раньше других проявил себя и первым открыто объявил о том, что держит сторону молодого Цезаря. Четвертый легион, во главе которого стоял квестор Антония, вскоре последовал его примеру. Оба легиона отказались изменить свою позицию, хотя быстрая раздача 500 денариев каждому солдату позволила консулу сохранить контроль над Вторым и Тридцать пятым, не считая некоторых из тех, кто бежал, чтобы присоединиться к Цезарю. Антоний, наконец, понял, что не может заставить легионеров угрозами подчиняться себе или рассчитывать на преданность новичков, не потеряв при этом значительную часть армии.[196]

28 ноября он созвал сенат на ночное заседание (оно само по себе было незаконным, поскольку после наступления темноты дебаты не допускались), на котором обрушился на молодого Цезаря. На следующий день он провел смотр ветеранов за пределами города и потребовал, чтобы на нем присутствовали сенаторы. Всех, кто присоединился к шествию, упросили также участвовать в церемонии присяги, которую принесли солдаты. Затем Антоний отбыл в Цизальпинскую Галлию, по пути соединившись со своими двумя легионами, состоявшими среди прочего из ветеранов Пятого легиона Alaudae – «Жаворонки», первоначально созданного Юлием Цезарем в Цизальпинской Галлии, позднее его солдаты получили права гражданства. Это соединение состояло, вероятно, из тех 6000 ветеранов, которых диктатор набрал в прошлом году, и Цицерон писал о сопровождавших Антония солдатах как о воинах легиона «Жаворонки» не ранее ноября. В распоряжении последнего также находились значительные вспомогательные силы, включая мавританскую конницу. Римские легионы, как и воинские соединения всех времен, редко долгое время сохраняли штатную численность, и с учетом этого можно предположить, что в совокупности его войска насчитывали примерно 15 000 человек, прекрасно обученных и отлично экипированных. Это была небольшая, но боеспособная армия.[197]

Молодой Цезарь оставался частным лицом, поскольку пока был слишком молод, чтобы занимать какие-либо должности или заседать в сенате, однако теперь в его распоряжении находилась

правильно организованная армия. Поспешив встретиться с двумя легионами, которые расположились в районе Альбы Фуценты, он немедленно раздал их воинам по 500 денариев. Четвертый и Марсов легионы устроили смотр и продемонстрировали маневры, завершившиеся имитацией битвы. Такие упражнения были обычной частью римской военной подготовки, а поскольку последние годы эти легионы потратили на подготовку к Парфянской войне, то они – в чем не сомневались – покажут себя с лучшей стороны. Столетие спустя иудейский историк Иосиф Флавий с некоторой долей преувеличения скажет об учениях римских солдат как о бескровных битвах и битвах как о кровавых учениях. Легион полного состава насчитывал десять когорт, каждая по 480 человек. Все они были тяжеловооруженными пехотинцами, сражавшимися в сомкнутых рядах, их тело защищали шлемы (обычно бронзовые), кольчуги и длинные полуцилиндрические щиты – в прошлом обычно овальные, однако к описываемому времени наиболее распространенной становится цилиндрическая форма. Они имели на вооружении *pilum*, тяжелый дротик, который бросали на расстояние от десяти до пятнадцати ярдов. Их метали непосредственно перед боевым соприкосновением, но главным оружием любого легионера был меч. При жизни Августа получил повсеместное распространение классический короткий меч для нанесения колюще-рубящих ударов длиной менее чем в два фута, но на данный момент он был на фут длиннее. Он представлял собой клинок высококачественной работы, подходивший для рубящих ударов, но особенно эффективный при выпадах, его треугольное острие было способно пробить панцирь неприятеля. [198]

Личный состав легионов из Македонии, вероятно, был укомплектован почти полностью. Боевое снаряжение также имелось в необходимом количестве, равно как и все необходимое в полевых условиях: палатки, рабы, вьючные животные, вьючные седла и телеги. Воины прошли длительное обучение и находились под умелым руководством опытных офицеров; они привыкли действовать вместе, обрели сплоченность, у них сформировалось глубокое чувство идентичности. В названии Марсова легиона, по-видимому, присутствовал [также и номер], не дошедший до нас, что, в свою очередь, свидетельствует о гордости, с которой воины носили это имя. Чтобы поддержать их, Цезарь также восстановил Седьмой и Восьмой легионы. В основном в них вошли ветераны, хотя не следует исключать возможность присоединения к войску молодых людей – вероятно, сыновей ветеранов, набранных в областях, где селили бывших

солдат. Сами по себе воины, служившие под командованием Юлия Цезаря, имели гораздо больший опыт сражений и побед, чем легионеры из Македонии. Но на тот момент им не хватало оружия, доспехов и снаряжения, и процесс формирования восстановленных легионов не закончился. Требовалось время, чтобы они все вместе и каждый в отдельности, подготовились к участию в кампании. Македонские же легионы были готовы воевать, и именно это сделало девятнадцатилетнего Цезаря значимой политической фигурой. Легионы находились под его властью несмотря на то, что официально он не имел права отдавать им приказы или платить жалованье.

Армия молодого Цезаря не уступала Антониевой по численности и боевым качествам. Оба консула 43 г. до н. э. занимались созданием армии из четырех новых легионов. Новобранцев (трудно сказать, добровольцев или призывников) было много, однако мало кто из них обладал боевым опытом. Поскольку многих бывших командиров Юлия Цезаря переманили к себе другие, трибуны и центурионы, назначенные наблюдать за формированием и тренировкой этих соединений, едва ли отличались особыми способностями или опытностью. Из возвращенных на службу ветеранов можно было создать боеспособные легионы в течение нескольких месяцев или даже недель. Для совершенно новых боевых единиц, чтобы они имели хоть какой-то шанс успешно соперничать с ними, это потребовало бы гораздо большего времени. Легионы из Македонии, если говорить о тренировках и опыте, имели преимущество в четыре года. Никто не сомневался, что четыре консульских легиона имели бы полное превосходство, если дело дойдет до столкновения с людьми Антония. Если бы последний вышел на поле боя, то ему потребовались бы другие войска, и речь могла идти, если говорить об Италии, только о тех, кто уже принял сторону молодого Цезаря.

Сами консулы, Авл Гирций и Гай Вибий Панса, были назначены на свои должности диктатором и какое-то время верно служили ему. Они не принадлежали к знатным фамилиям, и оба, вероятно, были старше, чем то требовалось для занятия консульской магистратуры. На публике Цицерон вовсю расхваливал их. В частных же посланиях он писал об их недостаточной энергии и активности, а его брат Квинт, который служил вместе с ними в Галлии, и вовсе считал их людьми никчемными и продажными. Когда Антоний покинул Рим, оратор стал убеждать сенат действовать против него. 20 декабря он произнес третью «филиппику» на заседании сената, созванном плебейскими трибунами – оба консула и многие магистраты

разъехались по своим провинциям. Еще в ноябре речи молодого Цезаря – или, как его упорно называл Цицерон, Октавия – встревожили оратора. Как это часто бывало, он процитировал греческую сентенцию: «Я предпочел бы отказаться от спасения, чем быть спасеннным человеком вроде него!» Теперь Антоний казался не только самым большим, но и единственным злом. Децим Брут написал о своем отказе уступить консулу контроль над Цизальпинской Галлией. В этих обстоятельствах меньшее зло было более приемлемым, и оратор, наконец, заставил себя называть его не Октавием или Октавианом, а Цезарем. Республике предстояло принять помощь от девятнадцатилетнего юнца с его незаконно созданной армией.[199]

Риторика Цицерона, как обычно, явила себя во всей красе:

«Гай Цезарь, молодой человек, или, скорее, почти мальчик, но невероятной и, так сказать, божественной разумности и смелости, именно тогда, когда Антоний пылал великой яростью и когда боялись его жестокого и пагубного возвращения из Брундизия, а мы не просили и не думали о помощи и даже не надеялись на нее, поскольку она казалась невозможной, собрал сильное войско из непобедимых воинов-ветеранов, щедро тратя свое состояние… ради спасения государства (*res publica*)… Если бы он не родился в этом государстве (*res publica*), то сейчас у нас не было бы его из-за преступных деяний Антония».

Не обошел он похвалой и воинов молодого Цезаря:

«Не можем умолчать мы (…) о Марсовом легионе. За что храбрее [сражался] один человек, кто был более привержен государству (*res publica*), нежели весь Марсов легион? Решив, что Марк Антоний – враг римского народа (как это и есть на самом деле), он отказался участвовать в его безумствах; он покинул консула, […] который, как видели воины, ни о чем другом не думает, как о резне граждан и уничтожении государства (*res publica*)».[200]

Мятеж – ибо с точки зрения закона отказ повиноваться распоряжениям римского консула был не чем иным, как мятежом, – двух легионов и их присоединение к «частной», «незаконной» армии с целью увеличить ее численность, а также подчинение приказам человека, не обладавшего никакой властью, чтобы распоряжаться ими, – все это было предано забвению. Антоний не только не являлся консулом – он был врагом народа римского, новым Катилиной или, хуже того, Спартаком, и это

позволяло оправдать все что угодно. Так Цицерон и поступил, хотя в тот момент трудно было понять, что на самом деле Антоний совершил такого, чтобы заслужить осуждение. Цезарь нарушал закон куда чаще.

Симпатии общества к Цицерону стали расти, однако далеко не так быстро, как ему хотелось. Цезарь и его армия представляли собой силу, которую невозможно было игнорировать. Четыре новых легиона, набранных консулами, были столь же бесполезны в борьбе с ней, как если бы они находились под рукой Антония. Цезаря невозможно было одолеть, и, значит, в сложившейся ситуации факт его присутствия на политической сцене приходилось принять. Более того, на него следовало смотреть сквозь пальцы. Сулла создал прецедент, использовав «частную» армию двадцатитрехлетнего Помпея.

Иное дело Антоний. Он был консулом – его претензии на полномочия являлись, по крайней мере, не менее законными, нежели у Гирция, Пансы и тем более Децима Брута, – и народное собрание приняло закон о передаче ему контроля над Цизальпинской Галлией, голосовавших вдохновляло присутствие Цезаря. Законность этого голосования вызывала сомнения, утверждали, что имело место запугивание его участников и, по иронии судьбы, во время собрания в кои-то веки действительно была гроза, а не просто вымышленное на случай дурное предзнаменование. Независимо от того, нравился им консул или нет, желания устраивать из-за этого гражданскую войну было мало. Антоний имел союзников в сенате, а его мать и жена делали все возможное, чтобы заручиться поддержкой для него. Все заговорщики уже покинули Рим, оставались лишь те, кто им симпатизировал, и горстка людей, страстно желавших помочь Децию Бруту. Пока сенат еще отказывался объявить Антония врагом римского народа, вместо этого отправив к нему в качестве послов трех видных своих членов. Одним из них был Луций Марций Филипп, и нет никаких признаков того, что он не питал искренней надежды на достижение компромисса.

Однако даже в этой ситуации переговоры не привели ни к чему. Антоний продолжал свои нападки на Цезаря, оскорбляя его настоящую семью, дабы напомнить, что он не является родным сыном Юлия Цезаря: по его словам, «так называемый» Цезарь, выскочка из провинции, потомок никому не ведомых рабов-чужеземцев, простой мальчишка, отдался стареющему диктатору, чтобы войти к нему в милость. В этих замечаниях так и слышалась надменность, столь свойственная аристократам, но в остальном они, очевидно, не выходили за рамки общепринятого: инвективы в римской политике были обычным делом, и даже в те

времена их никто не принимал за чистую монету.

Однако некоторые ругательства, что называется, прилипли к Цезарю и оставались хорошо известными долгое время после того, как соответствующие обстоятельства оказались забыты. Молодой выскочка был «не более чем мальчишкой, всем обязанным имени»,[201] – и, следует добавить, «армии, находившейся в его распоряжении». Цицерон хотел использовать и то, и другое, так как, по его мнению, на тот момент Антоний казался куда хуже, чем был когда бы то ни было Цезарь. Свою роль здесь играли личная неприязнь, а также (что было куда важнее) недостаток уважения. Тиран был убит, но тирания не исчезла; более того, новому тирану потребовалось куда меньше усилий, нежели Цезарю, чтобы достичь господства. И наконец, принципиальную роль сыграли разочарование, постигшее Цицерона на закате его длительной политической карьеры, и чувство, что он может послужить – в последний раз – Риму и республике, которые он так любил, а возможно, даже спасти их. С самого начала молодой Цезарь оказывал ему почет и уважение, вовсе не обязательно проявляя при этом притворство: с точки зрения честолюбивого юноши, недавно вступившего на политическое поприще, Цицерон, выдающийся государственный деятель на склоне лет, вполне стоил того, чтобы искать его расположения. В свою очередь, его симпатия к молодому человеку вовсе не обязательно носила насквозь ложный характер. Дружеские союзы в политике (во многом напоминая в этом отношении браки, закреплявшие эту дружбу) заключались с расчетом на сиюминутную выгоду, и все знали, что они могут распасться с течением времени. На данный момент Цицерон и Цезарь были полезны друг другу – и ни тот, ни другой не знал, что им готовит будущее. Цицерон хотел использовать юношу и его войска, так же как в 49 г. до н. э. Катон и его союзники хотели использовать Помпея против Юлия Цезаря. Взаимная выгода не подразумевала абсолютного доверия. В конце концов, Цезарю исполнилось всего девятнадцать, и он не обладал политическим опытом. Казалось, что в перспективе он не мог представлять собой серьезной угрозы.

Когда Гирций и Панса 1 января вступили в консульскую должность, Цицерон возобновил свои нападки на Антония. Был принят senatus consultum ultimum, но прямо об Антонии в нем не упоминалось. Его дядя, Луций Юлий Цезарь, сумел заблокировать голосование по поводу объявления его врагом римского народа, а другая формулировка оказалась выхолощенной. Чрезвычайное положение было объявлено, что, однако, официально еще не означало войны. Подготовке к ней это не препятствовало. Децима

Брута утвердили наместником Цизальпинской Галлии. Что гораздо более важно, молодого Цезаря наделили пропреторским империем, так что теперь он, по крайней мере, мог законно командовать своей армией, уже какое-то время находившейся под его началом. Его также допустили в сенат в ранге квестора, позволив ему добиваться других магистратур на десять лет раньше установленного срока – впрочем, это все равно было на десять лет меньше того, что ему требовалось для избрания в консулы. Воины, как и их предводитель, также получили поощрение, и государство обещало выплатить дополнительное вознаграждение, которое сулил им молодой Цезарь, когда принимал на службу.[202]

В течение нескольких месяцев юный Цезарь собрал армию, ненадолго занял Форум, однако не сумел добиться значительной поддержки и был вынужден отступить, но затем купил преданность двух легионов и таким образом стал силой, с которой приходилось считаться, вынудив сенат выбирать между борьбой с ним и его признанием. Сенаторы выбрали второе, и вскоре он повел войну против Антония, помогая в ходе ее Дециму Бруту, одному из убийц своего «отца», и человеку, с которым он ехал в одной повозке в Испании в 45 г. до н. э.

VII
Награда

Сам Цезарь не высказал никаких жалоб на тебя, за исключением того, что он сказал, будто ты высказал замечание, что юношу следует восхвалять, украсить, поднять; что он не допустит, чтобы его можно было поднять. [203] [204]

Децим Брут – Цицерону, 24 мая 43 г. до н. э. Пер. В. О. Горенштейна

Зимние месяцы прошли в бесплодных переговорах. Нелегко было кормить армии в это время года, консулы были заняты тренировкой новых легионов и заготовкой запасов. Децим Брут укрылся в Мутине, где его легионеры питались соленым мясом убитых вьючных животных из обоза. Антоний держал их в блокаде, но не слишком нажимал на них и не предпринимал попыток штурма. Время работало на него, поскольку чем больше он ждал, тем больше осажденные страдали от голода, и в конце концов им пришлось бы сдаться. Таким образом, он не причинял вреда неприятелям, чтобы не побудить их к более активным действиям. Стороны еще не до конца определились, и было неясно, как будут действовать наместники с находившимися в их распоряжении армиями. Цицерон убеждал Гая Азиния Поллиона в Испании, так же как и Лепида и Луция Мунация Планка в галльских провинциях оказать поддержку Дециму Бруту и его легионам. Заверяя его в своей дружбе и преданности *res publica*, никто из них конкретных действий не предпринял.[205]

В другом месте другой Брут теперь возглавлял провинцию Македонию и размещенные там войска. Гай Антоний, отправленный своим братом в эти края для того, чтобы взять их под свой контроль, не сумел расположить к себе легионы,[206] и вскоре его войска перешли на сторону неприятеля, а сам он попал в плен. Требоний погиб – его схватил и затем казнил (как

уверяли, предварительно подвергнув пыткам) Долабелла. Он стал первым из убийц Юлия Цезаря, кого настигла смерть. Вскоре после этого легионы обратились против Долабеллы. В ближайшие месяцы он потерпел поражение и в конце концов свел счеты с жизнью. Кассий взял под свой контроль легионы в Сирии. Заговорщики возглавили армии и начали силой собирать деньги и другие ресурсы из провинций. Цицерон начал убеждать сенат узаконить уже сделанное. Но ни одна из этих армий не была в состоянии помочь Дециму Бруту. Молодой Цезарь и его солдаты сохраняли решающее значение в самой Италии.[207]

Вновь назначенный пропретор добровольно признал главенство над собой двух консулов, и отношение его к ним носило дружественный характер. Оба в прошлом принадлежали к числу цезарианцев, и оба отличились. Гирций дописал восьмую книгу к «Запискам о галльской войне» Юлия Цезаря (вероятно, это случилось в конце 44 г. до н. э.). Возможно, ему также принадлежало авторство «Александрийской войны» и «Африканской войны» – продолжения «Записок о гражданской войне», созданных диктатором. Это прославление прошлых побед, несомненно, полностью соответствовало настроениям бывших командиров армии Юлия Цезаря.[208]

К началу марта подконтрольные сенату силы пришли в движение. Пропреторские легионы являлись единственной боеспособной частью армии. И молодой Цезарь передал Четвертый и Марсов легионы под командование Гирция, позволив консулу выступить в Цизальпинскую Галлию. Юный военачальник вскоре последовал за ним вместе с Седьмым – возможно, Восьмой присоединился к нему лишь позже. Их сопровождали конница и легкая пехота – вероятно, также корпус боевых слонов, пришедших с этими легионами, когда они покинули Антония. И Гирций, и молодой Цезарь создали себе преторские когорты из отборных ветеранов, которые должны были как охранять их ставки, так и быть грозной боевой силой в сражении. На тот момент Панса оставался рядом с Римом, торопя с обучением и подготовкой четырех новых легионов и председательствуя в сенате. Он присутствовал на заседании 19 марта, однако уже на следующий день покинул город и отправился на север с четырьмя легионами новобранцев.[209]

Гирций и Цезарь построили два укрепленных лагеря рядом с боевыми порядками Антония, однако они не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы попробовать прорваться к Мутине до подхода остальных сил. Они зажгли сигнальные огни, подавая знак Дециму Бруту, однако невозможно сказать, знал ли последний, что они здесь, пока гонец не смог проникнуть через

вражеские передовые посты, переплыть реку и попасть в город. Связь между осажденными и деблокирующими войсками кое-как держалась отчасти на таких храбрецах, а отчасти на отправке сообщений с помощью голубиной почты. В течение нескольких недель между солдатами сторон происходили стычки. Кое-кто из воинов вспомогательных кавалерийских частей, присоединившихся к молодому Цезарю, когда македонские легионы объявили о своем переходе на его сторону, решили теперь вернуться к Антонию. Он, возможно, получил и другие подкрепления, поскольку его силы, судя по всему, выросли до трех с лишним легионов. В Мутине у людей Брута продовольствие подходило к концу, однако Гирций и молодой Цезарь до получения подкреплений были не в состоянии помочь им.[210]

К началу второй недели апреля Вибий Панса и его войска уже приближались, продвигаясь по Эмилиевой дороге к Мутине. Антоний не мог позволить вражеским армиям соединиться и решил немедленно нанести удар, пока они разделены и уязвимы. Небольшие силы были отправлены устроить демонстрацию у лагерей Гирция и Цезаря, чтобы держать в напряжении занимавшие их войска. Сам Антоний взял два легиона из Македонии, Второй и Тридцать пятый, а также значительные силы конницы и легкой пехоты и поспешил на юг, чтобы устроить засаду новобранцам Пансы. Гирций почуял это или узнал из какого-либо сообщения о движении неприятеля и в ночь с 13 на 14 апреля послал Марсов легион, а также свою и молодого Цезаря преторские когорты, чтобы соединиться с Пансой и сопровождать его армию. Эта была авантюра, чреватая разгромом корпуса Гирция, если бы он заблудился и наткнулся на более мощные войска Антония, однако риск оправдал себя, и они без всяких трудностей соединились.

Утром 14 апреля усилившаяся армия Пансы подошла к небольшому городу Галльский Форум (Forum Gallorum). Солдаты Антония в большинстве своем укрылись в домах или на болоте и в кустарнике по обе стороны дороги, однако передовые посты были достаточно заметны, чтобы Марсов легион опрометчиво ринулся в атаку, возбужденный воспоминаниями о расправах в Брундизии. В результате завязалось беспорядочное ожесточенное сражение, из-за особенностей местности превратившееся в несколько более мелких схваток. Преторская когорта молодого Цезаря понесла ужасающие потери, поскольку прямо на дороге столкнулась с охраной самого Антония. В тылу свежие легионы начали отходить к походному лагерю, который возвели накануне вечером, и сделали все возможное, чтобы

укрепить его оборону.

Какое-то время Марсов легион был предоставлен самому себе и даже оттеснил Тридцать пятый легион на полмили, но вскоре превосходство Антония в кавалерии начало давать себя знать. Стойкость этих хорошо обученных солдат и умелое руководство боем со стороны Пансы и его командиров позволили избежать превращения отхода в бегство. Основная часть армии укрылась в лагере с его укреплениями, хотя сам консул был тяжело ранен дротиком в бок. Солдаты Антония атаковали невысокий лагерный вал из дерна, но не смогли овладеть им. Перевалило уже далеко за полдень, и Антоний видел, что его люди устали и проголодались. Юлий Цезарь, вне всякого сомнения, построил бы собственный укрепленный лагерь прямо на месте и доставил бы туда продовольствие, не ослабляя натиска на врага, Антоний же вместо этого возвратился со своими людьми в прежний лагерь.

К этому времени Гирций и молодой Цезарь поняли, что атаки на них носили отвлекающий характер. Консул основную часть Четвертого и Седьмого легионов взял, оставив своего юного коллегу охранять лагерь. Благодаря случайности или расчету Гирций сумел напасть на людей Антония, когда те отходили. Они поспешно выстроились в боевую линию в лучах предзакатного солнца, однако воодушевление от победы сменилось изнеможением, и ни физически, ни психологически они оказались не готовы к новой битве. Второй и Тридцать пятый легионы потерпели поражение. Понеся огромные потери, оба лишились своих орлов и половины прочих штандартов. Большинство их воинов было рассеяно, некоторые нашли пристанище в Галльском Форуме, другие же спрятались на болотах. Кавалерия Антония отступила с незначительным уроном и во время ночного патрулирования собрала и привела столько отставших, сколько смогла.[211]

Помимо этих разрозненных отрядов в распоряжении Антония по-прежнему оставался Пятый легион «Жаворонки» (*Alaudae*) и другие силы, находившиеся в достаточно хорошем состоянии, чтобы продолжать осаду Мутины. Он также сохранял явное преимущество ввиду многочисленности и боеспособности его конницы, а потому вполне успешно действовал в стычках, продолжавшихся следующие несколько дней. Тем не менее он оставался в обороне, а Гирций и Цезарь усиливали давление на него, придвинувшись к лагерю, поближе к позициям неприятеля и вызывая его на битву, от которой Антоний уклонился. Такие маневры были хорошим средством укрепить у воинов уверенность в своем превосходстве. В конце недели Антоний дал себя спровоцировать, выстроил войско и вступил в битву. Он потерпел

поражение, а Гирций и молодой Цезарь смогли провести полномасштабную атаку на его укрепленные позиции. В начале боев наследник диктатора играл меньшую роль – он, как впоследствии утверждал Антоний, бежал с поля сражения, бросив алый плащ, выдававший в нем командующего, и, вероятно, изо всех сил старался явить свою храбрость на втором этапе битвы. Светоний сообщает, что в какой-то момент он носил орла одного из легионов после того, как знаменосец (*aquilifer*) был ранен – хорошо известный ход, призванный побудить воинов храбро атаковать врага или собрать их вокруг себя, если они начали падать духом. Штурм укрепленных позиций всегда представлял собой непростое дело, однако численность и уверенность солдат в собственных силах сделали свое дело. Гирций ворвался в главный лагерь Антония, но погиб во время беспорядочного боя среди палаток. Однако к концу дня воинов Антония выбили с нескольких ключевых позиций. Он снял блокаду с Мутины и отступил, рассчитывая соединиться со своими подчиненными, которые должны были привести ему свежие подкрепления.[212]

Преследование велось вяло. Гирций пал, тогда как Панса оказался прикован к постели и умер еще до окончания месяца. Децим Брут являлся консулом-десигнатом на следующий год (в соответствии с одним из распоряжений покойного диктатора) и занимал тем самым более высокое положение, нежели молодой Цезарь, однако его люди находились в нелегком положении после нескольких месяцев блокады Мутины, поскольку получали очень скудные рационы. Кроме того, их командующему отчаянно не хватало денег, что затрудняло выплату жалованья войскам и обеспечение их продовольствием. Накануне осады защитники города зарезали всех вьючных и ездовых животных, а заменить их было непросто. У Децима Брута отсутствовали хорошая конница или обоз, чтобы иметь возможность выступить в поход. Наиболее боеспособной частью армии оставались легионы, преданные юному пропретору, а ветераны Юлия Цезаря не испытывали симпатий по отношению к одному из его убийц.[213]

Теперь молодой Цезарь уверенно контролировал свои и консульские легионы. Позднее его обвиняли в том, что он приказал убить Гирция или даже сделал это сам, а затем способствовал смерти Пансы, чтобы взять под свое начало его войско. Уверяли, будто личный врач последнего был схвачен и допрошен, поскольку состояние консула неожиданно ухудшилось. Подобные слухи, несомненно, основывались на суждениях задним числом и пропагандистских потребностях бесконечной гражданской войны, и вряд ли во всем этом есть хоть какая-то доля истины. Римские военачальники руководили сражением,

находясь близко к боевой линии, представляли собой удобную мишень в своих алых плащах и роскошных доспехах, рискуя пасть жертвой дротиков или отчаянных голов из числа неприятельских воинов, которые хотели таким образом добиться славы. Путаница неизбежна в гражданской войне – ведь сражались между собой люди, имевшие одинаковую экипировку, что увеличивало опасность. В первой битве при Галльском Форуме одного из командиров Марсова легиона[214] едва не убили новобранцы Пансы, которые лишь в последний момент поняли, что он свой.[215]

Гибель обоих консулов явилась результатом скорее случайности, нежели замысла, однако это не меняло того важного обстоятельства, что теперь Цезарь оказался во главе семи или восьми легионов.

Снова Рим

Слухи о победе Антония (возможно, о поражении людей Пансы) достигли ушей сенаторов прежде, чем стало известно все, что произошло под Галльским Форумом. Обоих консулов и Цезаря превозносили за достигнутый успех, хотя последний сыграл лишь косвенную роль в случившемся. Сообщение о снятии осады с Мутины вызвало у Цицерона и тех, кто разделял его страх перед Антонием, еще бóльшую радость. Сенат объявил о проведении пятидесятидневных благодарственных молебствий, что превосходило даже почести, оказанные Юлию Цезарю, и совершенно очевидно представляло собой празднование победы в гражданской войне. Антония наконец-то объявили врагом народа, а Брута и Кассия признали законными правителями провинций и предводителями армий. Ликование разделяли далеко не все – например, Азиний Поллион, наместник одной из испанский провинций, давний сторонник Юлия Цезаря, в письме к Цицерону оплакивавший бессмысленную смерть столь многих достойнейших сынов Италии.[216]

Децим Брут сделал все, что мог, однако не сумел воспрепятствовать отходу Антония. В начале мая он жаловался, что «и Цезарю невозможно приказать, и Цезарь не может приказать своему войску – одно хуже другого». Сенат отправил распоряжение передать ему Четвертый и Марсов легионы. Солдаты отказались принять его, и несколько недель спустя Цицерону пришлось признать, что Брут ничего не может сделать, чтобы подчинить их себе. Вероятно, он получил под свое командование несколько только что набранных легионов и вместе с ними и своей потрепанной армией двинулся вслед за Антонием.

Последний же вскоре соединился с тремя свежими легионами, набранными одним из штабных офицеров Юлия Цезаря Публием Вентидием Бассом. Затем все эти силы направились в Цизальпинскую Галлию. Лепида и Планка уговаривали выступить против Антония, однако все их лучшие командиры, да и войска в целом состояли из ветеранов Юлия Цезаря. В мае армия Антония расположилась лагерем рядом с основными силами Лепида. Бывшие товарищи по оружию в обеих армиях начали братание, и вскоре стало ясно, что они не испытывают никакого желания сражаться друг с другом. Легионеры Лепида объявили о том, что поддерживают Антония, и их командующий вскоре сделал то же самое. Один из его подчиненных сенаторов покончил жизнь самоубийством, но эта смерть оказалась в данном случае единственной. Лепид и Антоний стали союзниками, а вскоре к ним присоединился Планк, а затем и Азиний Поллион. Враг римского народа оказался теперь сильнее, чем когда бы то ни было.[217]

Децим Брут получил от сената триумф. Молодому Цезарю разрешили отпраздновать менее почетную овацию, во время которой полководец-победитель ехал верхом, а не на колеснице, и вообще эта церемония была менее престижной. Обоих исключили из состава комиссии, уполномоченной демобилизовать легионы и распределить землю между уходящими в отставку солдатами. Тем самым они не только лишались своих армий – молодой Цезарь терял возможность завоевать расположение своих воинов через их вознаграждение. Многие сенаторы были склонны расслабиться, считая, что кризис миновал, и плохо осознавали, насколько Антоний вновь усилился. На заседании неразумно решили вдвое снизить плату легионерам, обещанную им при переходе в другой лагерь.[218]

24 мая Децим Брут написал Цицерону о том, что молодой Цезарь повторил фразу, которую, по словам одного из его штабных офицеров, произнес Цицерон: «Юношу следует восхвалить, украсить, поднять». Оратор не отрицал, что говорил это, и ритм латинской фразы – laudandum adulescendum, ornandum, tollendum (последнее слово имеет двойной смысл: «возвеличить» и «отбросить», «сбросить») – свидетельствует о ее подлинности (Cicero, *ad Fam.* XI. 20. 1).

Поначалу Цезарь представлял собой удобное орудие для борьбы с Антонием. Поскольку молодой человек выполнял приказы сената, то он получил юридическое подтверждение своего права набирать армию, что помогло стать ему важной фигурой в этой захватывающей борьбе. Теперь уже сенат дал официальное разрешение Бруту и Кассию увеличить их военные

силы, а также признал Секста Помпея Младшего – сына Помпея Великого, который поднял восстание в Испании и на островах Средиземного моря. Ни один из этих людей, вероятно, не испытывал особых симпатий к наследнику Юлия Цезаря. Какое-то время назад Антоний писал Гирцию и Цезарю, предупреждая их, что выиграть от конфликта между ними могут только помпеянцы. [219]

Молодому Цезарю совершенно не хотелось, чтобы его «сбрасывали», и он прямо заявил об этом. Как и всех остальных, его заботило сохранение своих позиций в долгосрочной перспективе. В начале месяца Децим Брут намекнул, что юноша подумывает о консульстве, которое стало вакантным после гибели Гирция и Пансы. Возможно, он обратился к Цицерону с предложением о союзе. Ходили слухи, что старый оратор уже завладел одной из этих вакансий. Брут слышал эту историю в Македонии и выразил беспокойство по поводу сотрудничества с Цезарем в принципе. В июне Цицерон заверял его в письме, что выступил в сенате против родственников молодого человека, которые добивались для него высшей должности. Скорее всего, оратор имел в виду Филиппа и Марцелла, и хотя он также советовал Цезарю самому отказался от столь нелепых претензий, тем не менее он продолжал с похвалой отзываться о юноше. Брут, которому Юлий Цезарь говорил, что он склонен к крайностям в своих взглядах, по-прежнему держался другого мнения, поскольку опасался, что Цицерон слишком легко готов поддаться страху и слишком легко поддался на лесть юнца. Брут видел в последнем лишь самозваного предводителя, унаследовавшего свое положение с именем и богатством того самого Юлия Цезаря, которого он и его друзья убили как тирана. В ответных письмах Цицерон продолжал уговаривать вождя «Освободителей» возвратиться в Италию со своей армией. В конце концов, оружие сильнее идеалов.[220]

В июле прибыла делегация из армии Цезаря. В нее входило 400 человек, что примерно равняется численности одной когорты, так что по сути это не была армия, однако в ее состав входило значительное число как центурионов, так и представителей рядового состава. Они потребовали консулата для своего командующего и выплаты обещанного им жалованья в полном размере. Светоний утверждает, что оратором делегации был центурион Корнелий. Приводились примеры из далекого прошлого, когда люди, не достигшие положенного возраста, получали высшую должность, если государство нуждалось в их талантах. Центурионы были людьми зажиточными и нередко происходили из аристократии италийских городов. Старая точка

зрения на них как на старшин, выросших из рядовых, является достойным сожаления устойчивым мифом. Тем не менее сенаторы видели в них людей невысокого социального статуса и возмущались тем решительным тоном, которым они излагали свое дело. Их требования с негодованием отвергли. Корнелий, как говорят, откинул плащ, чтобы показать рукоять меча, который центурионы, в отличие от рядовых воинов, носили на левом бедре, и сказал: «Если вы не дадите, то вот кто даст».[221]

Такая неприкрытая угроза могла быть простой выдумкой, однако вскоре она стала реальностью. Когда делегация вернулась к Цезарю в Цизальпинскую Галлию, армия «потребовала», чтобы ее вели на Рим. Не проявляя каких-либо признаков несогласия, он двинул свои легионы на юг. Цезарь вновь пересек Рубикон с войсками, хотя на сей раз эта небольшая река никак не ограничивала его империю, поскольку экстраординарные полномочия не были связаны с какой-то конкретной территорией. В его распоряжении находилось восемь легионов, у сената – только один, сформированный Пансой и предположительно рассматривавшийся как соединение, предназначенное для активных боевых действий. Был отправлен гонец в североафриканскую провинцию, чтобы вернуть собранные там три легиона для защиты самого Рима.

Признав свою ошибку, сенат проголосовал за предоставление Цезарю права избираться *in absentia*, т. е. заочно – как раз то, чего добивался Юлий Цезарь в 49 г. до н. э., однако его преемник не склонен уже был доверять сенаторам и продолжил наступление. Прежде чем он достиг Рима, подоспели два легиона из Африки. Эти люди имели лучшую выучку, нежели новобранцы Пансы, однако у них не было никакого стимула рисковать, сражаясь силами трех легионов против восьми. Тем не менее под командованием одного или нескольких преторов они стали готовиться к обороне. Еще более зловещим знаком стало то, что были отправлены группы воинов, чтобы взять Атию и Октавию в качестве заложниц, однако не сумели их найти – скорее всего потому, что женщин предупредили или они сами догадались, что ситуация становится опасной.

Цезарь прибыл в Рим, и верные сенату легионы благоразумно перешли на его сторону. Претор покончил с собой от стыда или гнева, однако сколь-либо серьезной борьбы не было, когда молодой Цезарь и его телохранители вступили в город. Толпы народа, в том числе множество сенаторов, явились приветствовать его. Цицерон был последним из явившихся, как холодно заметил Цезарь. Затем ночью распространился слух, что Марсов и Четвертый легионы взбунтовались против своих

командиров. Сенат собрался на заседание еще до рассвета, что явилось очередным вопиющим нарушением традиции, и какое-то время смаковал эту новость, пока не выяснилось вскоре, что она ложна.

19 августа 43 г. до н. э. Цезарь был избран консулом в возрасте девятнадцати лет, десяти месяцев и двадцати шести дней. Не существовало ни одного прецедента, чтобы высшую должность занял человек в столь юном возрасте, и наследник диктатора гордился этим. Его коллегой стал племянник Юлия Цезаря Квинт Педий. Сомнительно, чтобы имелись какие-то другие кандидаты, однако все формальности были соблюдены, поскольку римский народ пошел через *saepta*. Вполне возможно, что он проголосовал вполне добровольно, хотя легионы стояли прямо на Марсовом поле, чтобы помочь избирателям принять «правильное» решение. Одержав победу на выборах, Цезарь совершил традиционные жертвоприношения и, как уверяли, в небе в это время пролетели двенадцать коршунов – то самое знамение, которое, согласно мифу, видел Ромул при основании города.

Вскоре после этого римский народ снова собрался, на сей раз приняв закон, подтверждавший усыновление молодого человека Юлием Цезарем. Затем последовали другие законы, в том числе отмена амнистии 17 марта 44 г. до н. э. и объявление убийства диктатора преступлением. Были отменены назначения Брута и Кассия в их провинции. Их и других заговорщиков заочно признал виновными специально созданный трибунал, который рассмотрел дело и вынес решение за один день. Присяжных тщательно отбирали и внимательно следили за ними – только один подал голос за оправдание. Поскольку заговорщики открыто убили диктатора и хвастались этим деянием, они были виновны, так как его убийство рассматривалось как преступление. Это был более поспешный и, несомненно, выходящий за рамки правил заочный процесс, что вызывало беспокойство, хотя в ходе его требования закона соблюдались больше, нежели то делал Цицерон во время суда над катилинариями. Другой закон отменял объявление Антония и Лепида врагами римского народа. Долабелла из врага также превращался теперь в легитимного промагистрата, хотя, вероятно, он уже погиб к тому времени, когда пришла эта новость. Секст Помпей лишился ненадолго приобретенной им законной власти и опять оказался на положении бунтовщика. Претора обвинили в том, что он устроил заговор с целью убийства молодого Цезаря, в результате чего его отстранили от должности и приговорили к смерти.[222] Решение суда, очевидно, было быстрым и суровым. Однако на тот момент

это пока оставалось единичным случаем.

Остальную часть имущества диктатора, завещанную им римскому народу, раздал человек, который теперь официально являлся его сыном и наследником. Взяв средства из почти пустой казны, Цезарь выплатил своим легионерам по 2500 денариев на человека, пообещав, что оставшаяся половина будет им выдана позднее в установленном порядке. Вполне вероятно, что недавно перешедшим на его сторону легионам тоже кое-что (а то и столько же, сколько остальным) перепало от его щедрот, поскольку в конечном счете его власть покоилась на них. В его распоряжении находилось одиннадцать легионов, однако Антоний и Лепид располагали силами вдвое бóльшими. Проблемой всех этих соединений была недостаточная укомплектованность, всего половина или того меньше от штатной численности. Престиж командира основывался скорее на том, сколько подчинялось ему легионов, нежели на общей численности солдат, находившихся под его руководством, а потому имела место тенденция к росту количества соединений. Это имело то преимущество, что появлялись неплохие возможности продвигать преданных сторонников на более высокие должности.[223]

Цезарь и его легионы вскоре выступили обратно, в Цизальпинскую Галлию. Антоний и Лепид ожидали его. Децим Брут наблюдал за ними с почтительного расстояния, но не мог надеяться на успех в схватке со столь многочисленными силами. На какое-то время Мунаций Планк со своей армией присоединился к нему, прежде чем перешел на сторону Антония. Воины Брута начали дезертировать массами, сам же он ушел в сопровождении небольшого отряда кавалерии и укрылся у галльского вождя. Этот человек был известен ему со времен службы при штабе Юлия Цезаря, однако старые связи гостеприимства рассыпались под давлением сиюминутных нужд. Возможно, по приказу Антония и наверняка с его последующего одобрения галл убил Децима и отослал в доказательство этого его голову Антонию.

Все лучшие командиры и солдаты с обеих сторон сражались в свое время за Юлия Цезаря и оставались преданы его памяти и враждебны его убийцам. Они не желали сражаться друг с другом, и даже несмотря на то, что армия молодого Цезаря заметно уступала в численности (возможно, в два раза) сторонникам Лепида и Антония, он сумел уверенно пойти на сближение. Все три предводителя поняли, что им будет нелегко враждовать друг с другом. Кроме того, они мало что выигрывали от такой борьбы. Хотя в прошлом году Антоний готов был найти общий язык с

самозваными «освободителями», это обусловливалось исключительно необходимостью для обеих сторон. Брут и Кассий, опираясь на военные силы восточных провинций, вряд ли имели желание пойти на компромисс или поддерживать дружественные отношения с ним или Лепидом, не говоря уже о молодом Цезаре. Полагаться на их добрую волю было, разумеется, слишком рискованно. То же самое чувствовали Брут, Кассий и их союзники.[224]

Антоний, Лепид и Цезарь обменялись письмами и посланцами и знали теперь, что каждый из них готов к компромиссу. В конце октября они встретились возле Бононии, к северу от Мутины, и в течение двух дней трое вождей и их приближенные вели переговоры по поводу деталей соглашения. Каждый привел с собой пять легионов, и воинские патрули следили с противоположной стороны реки, пока предводители беседовали на маленьком острове. Выработанная в результате этого договоренность не имела прецедента в римской истории, да и едва ли в какой-либо другой. Если Помпей, Красс и Юлий Цезарь заключили неофициальное совместное соглашение, то этот союз полагалось утвердить в Риме в качестве закона сразу же по прибытии его участников в Рим. Трое политиков договорились разделить высшую власть, предполагавшую полномочия, которые раньше давалась только диктатору. Они должны были стать *tresviri rei publicae constituendae* – триумвирами (дословно «члены коллегии трех») по восстановлению государства. Получив такие широкие полномочия, молодой Цезарь отказался от консульства, которое занимал так недолго, и передал должность Вентидию, уже занимавшему претуру; именно он привел подкрепления, которые позволили Антонию спастись после поражения под Мутиной. Вентидий исполнял должность всего несколько недель, остававшихся до конца года, однако в любом случае он пожизненно обрел статус консуляра.

Все трое привели значительную часть своих объединившихся войск к Риму. В Италии не оставалось сил, способных противостоять им, и их вступление в город прошло мирно, как и вступление туда молодого Цезаря несколькими месяцами ранее. 27 ноября плебейский трибун Титий созвал народное собрание, которое надлежащим образом утвердило власть триумвиров, даровав им полномочия на пять лет. Возможно также, за ними закрепили те провинции, которые они уже поделили между собой. Лепиду достались Цизальпинская Галлия и испанские провинции, тогда как Антоний взял себе остальную Галлию. Цезарь получил Сицилию, Сардинию и менее крупные острова, а также Северную Африку. Это была, вероятно, наиболее уязвимая

часть римских владений, поскольку вскоре, в основном, они оказались захвачены Секстом Помпеем. Как и отец последнего, Помпей Великий, триумвиры управляли своими провинциями через легатов и не были обязаны посещать их лично. Ключевым вопросом являлся контроль над легионами, располагавшимися там. В распоряжении двадцатилетнего Цезаря находилась внушительная армия, что имело гораздо большее значение на тот момент, нежели долгосрочные выгоды от обладания обширными провинциями.[225]

Триумвиры были не стеснявшими себя никакими приличиями предводителями преданных им армий, которые поставили себя над государством. То же самое можно сказать о Бруте и Кассии, а также и Сексте Помпее – все они щедро одаривали своих воинов, чтобы добиться их преданности. Молодой Цезарь ничем не отличался от них, однако его влияние укреплялось гораздо быстрее и заметнее, чем у других. Он теперь был в том возрасте, когда при обычных обстоятельствах начал бы служить младшим офицером в армии или выступать в качестве адвоката в судах. Цезарь же стал одним из самых могущественных людей в мире.

VIII
Месть и раздор

Марк Лепид, Марк Антоний и Октавий Цезарь, избранные для устройства и приведения в порядок государства, постановляют следующее: если бы негодные люди, несмотря на оказанное им по их просьбе сострадание, не оказались вероломными и не стали врагами, а потом и заговорщиками против своих благодетелей, не убили Гая Цезаря, который, победив их оружием, пощадил по своей сострадательности, […] мы не вынуждены были бы поступить столь сурово с теми, кто оскорбил нас и объявил врагами государства. Ныне же […] мы предпочитаем опередить врагов, чем самим погибнуть.

Аппиан. Гражданские войны. IV. 8. Пер. Е. Г. Кагарова

Однако примечательна следующая вещь: наивысшей к проскрибированным была верность у жен, средняя – у отпущенников, кое-какая – у рабов, никакой – у сыновей.

Веллей Патеркул. II. 67. 1. Пер. А. И. Немировского

Правление триумвиров началось с массовых убийств. Выступив на юг из Бононии, Цезарь, Антоний и Лепид выслали вперед воинов, чтобы те уничтожили около дюжины

представителей знати. При этом не последовало никакого предупреждения, хотя Цицерон и еще несколько жертв догадались, что им грозит опасность, и бежали из города. Четверо были убиты; солдаты пустились разыскивать остальных. Римскую элиту, боявшуюся в свою очередь оказаться под угрозой, мгновенно охватила паника. Консул Педий, товарищ молодого Цезаря по консулату, приходившийся ему дядей, выслал глашатаев, призывая население к спокойствию и советуя дождаться утра, когда будет объявлен список лиц, находящихся в розыске. Педий был уже немолод и слаб здоровьем. По слухам, напряжение, вызванное этой задачей, подорвало его здоровье, и через несколько дней он скончался. Триумвиры вознаградили одного из своих приспешников, позволив ему занять освободившееся консульское место на несколько недель, остававшихся до конца года.[226]

Когда триумвиры достигли Рима, они возобновили сулланскую практику проскрипций: убийства стали совершаться более открыто и, если можно так выразиться, приобрели более формальный характер. На Форуме появилось две доски с именами (предположительно, одну заготовили специально для сенаторов). Те, чьи имена попадали в списки, оказывались вне закона и потому могли стать жертвой сторонников триумвиров, а также всякого, кто хотел получить награду или часть имущества жертвы. Награда выдавалась в обмен на голову, отделенную от тела. Затем голову выставляли на рострах.[227] Тело следовало оставить там, где жертву настигла смерть, или попросту сбросить в Тибр вместе с городским мусором. Любой, включая близких родственников, кто решался помочь кому-то из списка, рисковал сам попасть в него. Первоначально список жертв насчитывал несколько сот имен; позднее в течение нескольких месяцев их число перевалило за две тысячи. Как бы ни были обставлены эти события с формальной точки зрения, ничто не отменяло лежащего на поверхности факта: происходившее представляло собой беззаконные убийства, причем в таких масштабах, что казнь Цицероном сторонников Катилины без суда могла показаться сущим пустяком. На сей раз никто, в том числе ни один трибун, не выразил протеста. Как мрачно пошутил впоследствии один из военачальников Антония, «нелегко ведь писать (*scribere*) критические замечания в адрес того, кто способен проскрибировать (*proscribere*) тебя самого» (пер. В. Т. Звиревича). Все военные силы в Италии оказались в распоряжении триумвиров, и приведи они хоть один легион и когорту преторианцев в Рим, в городе не нашлось бы силы, способной противостоять их воле.[228]

Легитимность нового режима держалась на довольно зыбкой основе – закон Тиция (*lex Titia*), в соответствии с которым учреждался триумвират, оказался под ударом в тот же день, когда комиции одобрили его, поскольку был проигнорирован трехдневный период, который полагалось соблюсти накануне его принятия. Триумвиры представили проскрипции как необходимую меру по уничтожению врагов государства и их предводителей. Они объявили, что Юлий Цезарь продемонстрировал свое милосердие только для того, чтобы погибнуть от рук людей, которых пощадил. Они не собираются повторять эту ошибку и потому без снисхождения уничтожат тех, кого считают врагами, пренебрегая даже связями родства и дружбы. При составлении списков обреченных на смерть Цезарь, Антоний и Лепид торгуют жертвами в сцене, позднее во всей ее чудовищности описанной Шекспиром: «Все, что отмечены, умрут». Антоний выдает разрешение на смерть брата своей матери, Луция Юлия Цезаря, в то время как Лепид то же самое делает с собственным братом, Эмилием Павлом, причем оба являлись консулярами. Юному Цезарю надо было пожертвовать кем-то из близких родственников, и он выдал на расправу Торания, своего бывшего опекуна, обвиненного в бесчестном присвоении значительной части состояния Октавия-старшего.[229]

Эмилий Павел бежал в Милет, чтобы жить там в изгнании. Весьма возможно, что об опасности его предупредил сам Лепид, преследовавший брата не слишком усердно. Мать Антония Юлия укрыла брата у себя в доме. Когда явились убийцы, она заперла дверь и, если верить Плутарху, воскликнула: «Вам не убить Луция Цезаря, пока жива я, мать вашего императора!» Позднее она публично обратилась к сыну на Форуме, и тот «с неохотой» даровал дяде прощение. Для Торания такого защитника не нашлось, и он погиб. Такая же участь постигла еще несколько сот человек в течение следующего года.[230]

Что до Цицерона, то у него имелись шансы на спасение: он сел на корабль, направлявшийся на Восток, но в непогоду судно снесло назад к берегу, и, по-видимому, он впал в апатию. Тем временем его брат Квинт и племянник попали в руки убийц и погибли. Собственный сын Цицерона был в безопасности: он находился в Афинах, где проходил обучение, и вскоре ему суждено было принять участие в войне против триумвиров в качестве офицера в войске Брута. Сам оратор принял смерть 7 декабря 43 г. до н. э. Вне всяких сомнений, он стал самой значительной фигурой, павшей жертвой проскрипций, будучи единственным консуляром среди убитых. Его смерть послужила предостережением об опасности, грозившей даже самым

выдающимся гражданам, если они осмелятся противостоять триумвирату. Несмотря на достигнутый Цицероном успех, он, *homo novus*,[231] стал мишенью. Вдобавок он оказался уязвим, поскольку, в отличие от родовитых аристократов, не мог похвастаться связями, унаследованными от нескольких поколений предков. По тем же причинам ему трудно было противостоять Клодию и другим честолюбивым противникам после своего консульства.[232]

Позднее уверяли, будто молодой Цезарь, помня о поддержке его со стороны старого оратора, просил о его помиловании. Вероятно, он это делал и, вероятно, даже был искренен, а не просто торговался, однако, что бы там ни произошло, позволил взять верх над собой. Антоний приказал привезти в Рим правую руку Цицерона и его отрубленную голову и затем прибить их к ростра́м, отомстив таким образом руке, которой писались «филиппики», и тем устам, которыми они произносились. Прежде этого ужасный трофей выставили для обозрения на пиршественном столе, в то время как он и его жена Фульвия трапезничали. Люди утверждали, что Антоний схватил отрубленную голову и смеялся в жестоком восторге. Кроме того, Фульвия взяла трофей в руки, осыпала старика бранью, вытащила шпильки из своих волос и стала колоть ими его язык. Оба имели основания для ненависти к покойному, и Фульвия, видимо, даже больше, поскольку ее первым супругом был Клодий – злейший враг Цицерона; оратор даже защищал его убийцу Милона на суде, хотя и безуспешно. Позднее она наблюдала, как оратор убеждал сенат начать борьбу с Антонием, законным консулом, и объявить его врагом римского народа. Живя в Риме, Фульвия обнаружила, что и сама она, и ее имущество стали объектом нападок, которым придали юридический характер, когда разные честолюбцы почувствовали, что это богатое семейство весьма уязвимо.[233]

В наших источниках иногда изображается, как все триумвиры ликовали во время резни, и здесь очень непросто отделить истину от позднейшей пропаганды, особенно если учесть склонность авторов римских инвектив к грубым и образным выражениям. Большинство таких историй написано в конце правления Цезаря, и наследники изображали его как человека мягкого, неохотно участвовавшего во всем этом, тогда как двое других выглядят просто зверями. Однако сохранились и другие версии. Светоний утверждает, что первоначальное нежелание Цезаря быстро сменилось готовностью к жестокому преследованию жертв. Лепид и Антоний были уже зрелыми людьми, в возрасте, когда уже играют видную роль в политике, и даже сенаторы, которые завидовали им и ненавидели их господство, возмущались

таковым меньше, нежели кровавой властью неоперившегося юнца. В большинстве своем римляне понимали, что Цезарь, которому было только двадцать лет, просто еще не может иметь столько врагов.[234]

В действительности проскрипциям подверглись не только закоренелые недруги триумвиров. Возглавляя примерно сорок легионов, солдаты которых привыкли к щедрым наградам, Антоний, Лепид и Цезарь отчаянно нуждались в звонкой монете, чтобы платить им, не говоря уже об покрытии иных расходов на государственные нужды. Многие оказались включены в проскрипции просто потому, что обладали богатством, а потому триумвиры не видели смысла оставлять их в живых. Имущество убитых подвергалось конфискации, дома и земельные владения распродавались с аукциона, чтобы повысить доходы нового режима. В таких случаях не имело особого значения, погибли проскрипты или бежали из Италии, поскольку в любом случае собственность у них отбиралась. Цезаря и Антония обвиняли в том, что они убивали людей только для того, чтобы завладеть роскошной коллекцией ваз из коринфской бронзы. Антоний приказал умертвить Верреса, провинциального наместника, чьи грабежи поражали даже по римским меркам и которому пришлось уйти в изгнание из-за обвинений, предъявленных ему Цицероном в 70 г. до н. э. Он по-прежнему обладал значительным богатством, особенно же хороша была его коллекция предметов искусства, и из-за них-то старого преступника и убили. Триумвиры – каждый по отдельности и все вместе – остро нуждались в деньгах. Рассказывали, что Фульвия и Антоний принимали подношения за то, чтобы убить или помиловать тех или иных людей во время проскрипций, и что она вносила в них людей просто из желания завладеть их имуществом. Про Антония говорили, будто он оставил в живых человека, когда жена последнего согласилась спать с ним.[235]

В проскрипции попало много людей, хотя большинство избежало гибели и со временем возвратилось в Италию и Рим. Эта чистка дала жизнь многим драматическим историям о спасении обреченных, героической защите или, напротив, подлом предательстве со стороны их семьи, друзей и рабов, и в последующие годы подобными рассказами было заполнено множество книг. Уверяли, будто одного мальчика убили по дороге в школу, а другого внесли в проскрипции, когда он собирался проходить церемонию посвящения во взрослые, но в целом детям ничто не угрожало, если они не имели прав на значительное состояние. Угрозы наказания для тех, кто укрывал проскрибированных, соблюдались не очень строго. Одна женщина

попросила, чтобы ее убили, когда было обнаружено потайное место, где прятался ее муж. Воины отказались делать это, как и магистрат – возможно, один из триумвиров или его видных подчиненных, когда она принародно объявила, что виновна в укрывательстве проскрипта. В конце концов, как говорят, овдовевшая женщина уморила себя голодом.[236]

Нет ни одного рассказа о том, как чью-то жену убили за укрывательство мужа – в отличие от отцов или сыновей. Сохранилась малоприятная история о том, как женщина добилась того, чтобы ее супруга проскрибировали, она держала его дома взаперти до тех пор, пока не пришли солдаты, а затем вышла замуж за любовника всего через несколько часов после гибели мужа. Также сохранилась надпись, установленная уцелевшим проскриптом в память о любимой супруге. Ее муж рассказывает, как жена прятала его, помогала ему бежать, а затем в конце концов сумела уговорить Цезаря даровать ему прощение. Добиться этого оказалось нелегко, Лепид приказал слугам избить женщину, когда она пыталась убедить его принять меры и вернуть супруга из изгнания.[237]

До нашего времени дошел рассказ о том, как Цезарь даровал отсрочку. На сей раз жене удалось спрятать мужа[238] в большом сундуке, и она велела занести его в театр, где триумвир председательствовал на играх. Обман раскрылся, а ее смелость и преданность супругу произвели на толпу такое впечатление, что Цезарь смирился с ее настроением и даровал проскрипту прощение.[239] Даже вожди армии не могли полностью игнорировать общественное мнение. Проскрипции позволяли рабам добывать себе свободу через предательство своих хозяев, однако в нескольких случаях, ставших достоянием гласности, когда они слишком уж злорадствовали или продолжали нападки на семью бывших хозяев, триумвиры предавали их казни или возвращали в рабство, чтобы дать понять обществу: социальный порядок серьезной опасности не подвергается (Dio Cass. XLVII. 7. 4–5).

Ответственность за жестокость при организации проскрипций лежит и на Цезаре, и на Антонии, и на Лепиде. С чисто прагматической точки зрения эти убийства оказались в высшей степени эффективны в том смысле, что они посеяли страх. Однако их финансовые результаты оказались разочаровывающими, поскольку во время аукционов мало кто с охотой покупал конфискованное имущество. Слишком многие потенциальные приобретатели боялись продемонстрировать, что они достаточно богаты, чтобы покупать изъятое у проскриптов, а другие помнили, сколь частым нападкам подвергались те, кто

нажился на сулланских проскрипциях. Отчаянно нуждаясь в деньгах, триумвиры ввели новые поборы, обложив податью богачей в зависимости от размеров их состояния – мера совершенно не в римском духе. Объявление о том, что оценке должно подвергнуться имущество 1400 наиболее богатых женщин, а потому они должны будут платить указанный налог, не имело прецедента. Во время тяжелейшей войны с Ганнибалом в III в. до н. э. женщины-аристократки добровольно отдавали свои украшения и другие ценности на нужды республики, однако их никогда не облагали податями. Большая группа женщин во главе с Гортензией, дочерью человека, которого Цицерон обошел в ораторском искусстве, явилась сначала к родственницам триумвиров, а затем и на Форум, чтобы встретиться с Цезарем, Антонием и Лепидом.

Толпа проявила еще больше сочувствия мужеству женщин, и триумвиры рассудили, что разумнее будет уступить. Налогообложению подверглось лишь 400 женщин, мужчинам же предстояло платить (как о том было объявлено) новые налоги. Предполагалось забрать половину урожая у сельских хозяев, в то время как общины Италии должны были предоставить зимние квартиры для воинов – повинность, прежде распространявшаяся только на провинции.[240]

Филиппы

1 января 42 г. до н. э. Лепид вторично вступил в должность консула, всего четыре года спустя после того, как занимал ее вместе с Юлием Цезарем. На сей раз его коллегой стал Мунаций Планк, предводитель одной из армий, присоединившийся к Антонию после битвы при Мутине. Они начали с принесения присяги – к ней охотно присоединились Антоний и Цезарь, а также (менее охотно) остальные сенаторы – в том, что все деяния покойного диктатора навсегда сохраняют обязательную силу. Теперь Юлий Цезарь был официально обожествлен, начались работы по строительству ему храма рядом с местом кремации диктатора – остатки святилища до сих пор можно увидеть на Форуме. Наследник покойного стал теперь называться не просто Цезарем, а сыном бога, хотя напрямую этого титула он и не принял.[241]

Римские аристократы никогда не забывали о семейных связях. В конце 43 г. до н. э. скончалась Атия, дожившая до того времени, когда ее сын достиг консулата. Она удостоилась похорон за общественный счет. К тому времени ее отпрыск уже был помолвлен с дочерью старого аристократа, однако этот брак

расстроился, когда оформился триумвират. Ни у Антония, ни у Лепида не было дочерей подходящего возраста, но армия громко требовала мер по укреплению альянса, а потому молодой Цезарь женился на дочери Фульвии от ее первого брака. Девушка звалась Клавдией и не сменила свое имя на простонародное «Клодия», когда ее отца усыновил плебей. Она принадлежала к знатным аристократическим фамилиям по линии отца и матери и считалась хорошей партией. Однако она была слишком молода – ей оставалось еще несколько лет до наступления брачного возраста, и, хотя они поженились, супружеской жизнью тем не менее не жили; когда через два года произошел развод, Цезарь под клятвой подтвердил, что она осталась девственницей.[242]

Этот брак представлял собой вполне традиционный союз между Антонием и Цезарем, которые всего несколько месяцев назад обрушивали друг на друга инвективы и сражались на поле боя. Теперь же им предстояло идти на Восток, чтобы совместно бороться против Брута и Кассия. Лепид оставался в Италии всего с несколькими легионами. Независимо от возраста и опыта, которым обладал Цезарь, было ясно, что он выступает со своей армией в поход для того, чтобы наказать тех, кто убил его отца. Это было гораздо важнее, чем распределение провинций между триумвирами. Антоний и Цезарь должны были добыть славу или погибнуть, пытаясь завоевать ее. В случае их победы Лепиду оставалась лишь скромная доля авторитета и власти. Если же они потерпели бы поражение и не возвратились, то он как человек, разделявший ответственность за проскрипции, наверняка столкнулся бы со многими врагами.[243]

Борьба обещала быть нелегкой. «Освободители» набрали более двадцати легионов. Некоторые из них сформировал еще Юлий Цезарь. Однако воины из этих соединений при нем не сражались всерьез и не имели причин выказывать особое рвение на службе его преемнику или Марку Антонию. Также они не стремились защищать права сенаторской элиты. В свою очередь Брут и Кассий поощряли своих воинов материально, причем с той же щедростью, с какой это обещали делать и делали триумвиры. Провинциям Восточного Средиземноморья оставалось только одно – предоставлять необходимые средства. Их обложили большими налогами, от них требовалось поставлять все необходимое, в том числе провиант, а также живую силу. В некоторых провинциях на требования откликались охотно, однако в любом случае противостоять мощи легионов «Освободителей» было невозможно. Кассий захватил Родос, когда жители острова не выразили желания откликнуться на его требования, и обратил в рабство население нескольких общин

в Иудее, проявивших строптивость. Примерно в это же время Брут осадил и разграбил Ксанф в Ликии, что послужило причиной массовых самоубийств среди ее населения. Подобные события послужили мрачным предостережением для большинства общин, и те с готовностью снабжали «Освободителей» всем, чего те желали. Брут пустил часть полученного им серебра на чеканку монеты с изображением своей головы на аверсе (впервые это сделал Юлий Цезарь, а теперь, вслед за ним, триумвиры) и более уместным республиканским символом – колпаком свободы – на реверсе.[244]

К концу лета 42 г. до н. э. «Освободители» чувствовали себя достаточно сильными, чтобы собрать воедино свои силы и переправиться через Геллеспонт из Малой Азии в Македонию. Антоний и Цезарь отправили через Адриатическое море восемь легионов, тогда как сами они готовили и собирали корабли, необходимые для транспортировки множества солдат. Уступая в численности и стесненные в маневре, эти войска смогли отойти на запад по Эгнациевой дороге к Амфиполю. «Освободители» на протяжении всего пути не преследовали их, однако заняли прочные позиции рядом с городом Филиппы, основанным в IV в. до н. э. отцом Александра Великого Филиппом II и названным по его имени. Основные силы Антония и Цезаря отплыли только в сентябре – весьма позднее время года для начала кампании, однако так же поступил и Юлий Цезарь, когда решительно преследовал неприятеля в предшествующей гражданской войне. Как и он, Антоний и Цезарь испытывали нехватку транспортных судов и столкнулись с сильными вражескими эскадрами, которые намеревались воспрепятствовать их переправе на Балканский полуостров. Антонию пришлось отражать нападения на порт Брундизий, когда он готовился к экспедиции. Цезарь участвовал в стычках на море (впрочем, не имевших решающего значения) с растущими силами Секста Помпея еще до того, как он достиг Адриатики. Когда же триумвиры наконец отплыли, то с ними оказалась лишь часть их войск, транспортным же кораблям пришлось возвратиться, чтобы доставить подкрепления. Им удалось провезти их перед носом эскадр «Освободителей», на какое-то время блокировавших морские пути.[245]

Триумвиры высадились в Аполлонии – уже более двух лет прошло с того времени, когда Гай Октавий покинул ее для того, чтобы попытать счастья в римской политике, – однако его близкие были весьма обеспокоены, поскольку во время путешествия он серьезно заболел. Мы не знаем, какую хворь подхватил молодой Цезарь, но пока он не мог двигаться дальше. Антоний же со своими легионами спешил, торопясь оказать

поддержку передовым силам в Амфиполе. Затем он последовал дальше, разбив лагерь напротив лагеря Брута и Кассия под Филиппами. Это было рискованно, так как неприятель имел войск больше примерно на треть, однако «Освободители» проявили слишком большую осторожность и не воспользовались своим преимуществом. Следующие десять дней происходили мелкие стычки между враждующими армиями, пока Цезарь и его легионы не подоспели на соединение с войсками его коллеги. Накануне своего двадцать первого дня рождения молодой командующий передвигался только на носилках, поскольку не удержался на лошади.

Силы триумвиров насчитывали девятнадцать легионов – столько же, сколько имелось у Помпея и Юлия Цезаря вместе взятых перед решающим сражением при Фарсале в 48 г. до н. э. Им противостояли семнадцать легионов Брута и Кассия. «Освободители» имели преимущество в кавалерии: они располагали предположительно 20 000 всадниками, тогда как триумвиры – 13 000. Если легионы были укомплектованы практически полностью, это означало, что в предстоящем сражении должно было участвовать 200 000 человек. Однако здесь требуется осторожность: возможно, ни один легион не вышел на поле боя в полном составе, да и численность кавалерии также преувеличена. Перевозить коней на судах было непросто; прокормить столько кавалерийских лошадей, а также равное количество вьючных и тягловых животных в придачу ко всем солдатам и тем, кто сопровождал войско, было бы абсолютно невозможно. У Брута и Кассия имелось преимущество перед противником: в их руках оказались сосредоточены значительные запасы провианта и фуража, и, кроме того, им был открыт доступ к морю, что позволяло пополнять ресурсы. И все же остается крайне сомнительным, что полководцы обеспечивали всем необходимым столь значительные силы на всем протяжении кампании.

Даже если эти армии составляли две трети или половину штатной численности, все равно они были очень велики. Среди них встречались ветераны обеих сторон, однако подавляющее большинство солдат и многие офицеры имели мало боевого опыта. Это относится и к самим командующим. Кассий служил квестором при Крассе в 53 г. до н. э. и спас часть его разбитой армии, однако это произошло двадцать лет назад.[246] Он и Брут участвовали в македонской кампании в 48 г. до н. э., однако весь их боевой опыт сводился к мелким карательным операциям, чтобы добыть средства для ведения этой войны. Вряд ли можно считать, что они получили хорошую подготовку, чтобы

руководить одной из самых мощных римских армий, когда-либо выходивших на поле битвы. Антоний имел больше командного опыта, хотя, как мы видели, заметно меньше, чем обычно предполагается; при любых натяжках он не мог сравниться с Юлием Цезарем или Помпеем, а ведь даже они никогда не водили в бой так много легионов. Эта война велась огромными и неуклюжими армиями, где ни один из командиров не обладал опытом операций такого крупного масштаба. Армии обеих сторон оставались в значительной мере обособленными, преданными лишь своему предводителю, который платил им. Они стояли рядом друг с другом, но не подчинялись единому командованию.

Брут и Кассий разбили себе каждый отдельные лагеря на возвышенностях в окрестностях Филипп. Брут, чей фланг шел по линии холмов, находился справа, Кассий – слева, рядом с широким болотистым участком. Оба лагеря соединялись укрепленными линиями. Армии «Освободителей» имели удобный доступ к воде, отличные пути снабжения, шедшие от побережья. Их план состоял в том, чтобы ожидать либо атаки неприятеля в невыгодных для него условиях, либо того, что у него кончится продовольствие. Подобная стратегия могла оправдать себя, однако она не соответствовала римским традициям и к тому же отдавала инициативу в руки триумвиров. Легионы Цезаря расположились лагерем напротив позиций Брута, а люди Антония – напротив позиций Кассия. Некоторое время они ограничивались перестрелкой. Почти каждый день силы противников покидали лагеря и разворачивались в боевом порядке – но ни та, ни другая сторона не продвигалась далее и не вступала в бой. Подобная практика вызова на битву представляла собой характерную особенность военного искусства той эпохи.[247]

Раздумывая, как сдвинуть ситуацию с мертвой точки, Антоний предположил, что болото слева от вражеской позиции является уязвимым местом в неприятельской обороне, и направил людей, дабы те выстроили там линию укреплений. Строительство началось за пределами лагеря; идея заключалась в том, чтобы оборудовать позицию, заходящую за фланг Кассия, и в итоге создать угрозу путям снабжения врага. Поначалу противник не мог различить, что происходит за высокими зарослями тростника; триумвиры позаботились о том, чтобы продолжать ежедневное движение значительных сил за пределами лагеря и тем самым отвлекать внимание врага. В конце концов Кассий понял, в чем дело, и отправил отряд на строительство рва и вала перпендикулярно Антониевым. Он надеялся перерезать линию Антония, заранее обеспечив себе преимущество над любыми силами в этом месте, чтобы впоследствии сокрушить врага.

3 октября патрули Антония обнаружили следы деятельности противника. Как всегда, обе армии выстроились в боевом порядке, и, возможно, «Освободители» решили продвинуться немного вперед или даже напасть, чтобы отвлечь внимание вражеских сил от предпринятого ими строительства.

Антоний, находившийся на краю правого фланга передней линии своего войска, немедленно повел отряды, находившиеся поблизости, через болото против новой линии укреплений Кассия. Повсюду завязались беспорядочные схватки. Вне зависимости от того, была ли продумана эта атака, штаб Брута и Кассия оказался в затруднении, будучи вынужден координировать действия стольких необученных легионов. Соединения получили приказ о продвижении не одновременно; по инициативе командиров низшего ранга некоторые отряды остались ждать, тогда как некоторые двинулись вперед, не дожидаясь инструкций. В итоге наступление оказалось энергичным, но неорганизованным. В войске противника царил еще больший беспорядок. Много дней подряд легионеры маневрировали в виду врага, не вступая в бой, и не ожидали полномасштабного сражения. Строй Брута тянулся вправо дальше, нежели строй Цезаря – возможно, это вышло не умышленно, а по случайности. Четвертый легион занимал ответственную позицию на самом краю левого фланга, тогда как опытный Цезарев легион подвергся нападению с фронта и фланга и оказался быстро смят. В войске распространилась паника, и враг сокрушил левое крыло сил Цезаря. Торжествующее войско Брута ринулось вперед, преследуя противника, и ворвалось во вражеский лагерь. Отряды рассыпались: солдаты занялись грабежом и полностью позабыли о необходимости добиться окончательной победы.

Тем временем люди Антония воспользовались лестницами, чтобы взобраться на новую стену Кассия и овладеть ею, а затем двинулись вперед, побуждаемые своим командующим. Их полководец одним из первых ворвался в главный лагерь Кассия. Большинство легионов последнего занимали участки по фронту и не участвовали в боях на болоте, однако пошел слух, что они утратили свои позиции, когорты заколебались и начали отходить. Сам Кассий впал в отчаяние, поскольку воины вокруг него расстроили ряды. Из-за своей близорукости он ошибочно принял каких-то всадников за врагов и приказал своему телохранителю убить себя, а не сдаваться в плен. (Этот человек быстро исчез, и некоторые задавались вопросом, не убил ли он своего командира без приказа с его стороны.) Брут не смог восстановить контроль над его людьми и двинуть их против Антония, а они вместо этого

стали отступать в свой лагерь, отягощенные добычей. Антоний же в свою очередь слишком увлекся борьбой за него, и это повлияло на ход битвы в целом и не позволило воспользоваться беспорядком в армии Брута. Цезаря же просто нигде не было видно.[248]

О поведении молодого триумвира 3 октября шли споры в течение всех оставшихся лет его жизни, и не приходится сомневаться, что он не показал себя так, как надлежало римскому аристократу, стоявшему во главе армии. Цезарь был серьезно болен и не мог должным образом осуществлять руководство, но тем не менее, по-видимому, не назначил подчиненного, который выполнял бы за него эту роль – бесспорно, потому что полководец должен был сам отомстить за смерть отца, а не действовать через заместителя. Отсутствие руководства стало важнейшей причиной того, что в его армии не хватало порядка и что она дрогнула под натиском легионов Брута. Цезарь, видимо, находился с ними, оставаясь на носилках за боевой линией. Очевидно, его не было в главном лагере, когда воины «Освободителей» ворвались туда, хотя кое-кто из них хвастался, будто убил молодого триумвира. По словам Цезаря, его личному врачу приснилось, что ему грозит опасность в палатке, его друзья вняли предостережению, и он был спасен слугами. Неясно, произошло это до сражения или во время оного. Его вынесли из боя и спрятали в болотистой местности, находившейся на некотором расстоянии от поля битвы со стороны тыла. Возможно, он или отчаялся в успехе сражения, или просто слишком устал, однако оставался здесь три дня, прежде чем возвратился в лагерь.[249]

Громоздкие и, в сущности, любительские армии плохо управлялись или не управлялись вообще, и первая битва при Филиппах закончилась вничью. Легионы Цезаря понесли тяжелейшие потери, лишившись также множества штандартов. Еще худшие вести пришли, когда гонец принес сообщение о том, что последний конвой из Италии перехвачен и уничтожен неприятельским флотом. Значительная часть Марсова легиона и еще один легион погибли от огня или утонули, когда загорелись транспортные суда. Брут не поверил донесению, когда получил его, и, похоже, впал в депрессию из-за гибели своего союзника и зятя. Кассий погиб, однако обе армии оставались разделены, и потому Брут тотчас щедро одарил солдат коллеги деньгами, чтобы поддержать их готовность умирать за республику и свободу. Антоний продолжал расширять укрепленные линии вокруг левого фланга неприятеля. Кассий держал отряд на господствующем над местностью холме, но Брут, то ли по ошибке, то ли из неуместного стремления продемонстрировать

свою власть, отозвал его оттуда. Антоний и Цезарь заметили промах и немедленно отправили туда воинов, чтобы захватить возвышенность, и солдаты быстро возвели там мощные укрепления. Снабжение армии Брута опять оказалось под угрозой. Проходили дни и недели, в его армии росло разочарование – воины все больше хотели положить конец делу, вновь сразившись с врагом.

23 октября Брут с неохотой дал сражение. На сей раз армии выстроились под прямым углом к той позиции, которую они занимали во время первой битвы. Таким образом, люди Брута лишились преимущества в виде пологого склона. Несмотря на это, бой был длительным и жестоким, но воины триумвиров неуклонно теснили противника «подобно тому, как работники опрокидывают тяжелую машину» – и, наконец, обратили его в бегство. Бруту удалось удержать несколько легионов и отступить, сохраняя порядок. Затем, вдохновленный, подобно многим людям его поколения, примером Катона и прочих, он покончил с собой.[250]

Цезарь уже достаточно оправился, чтобы активно участвовать во второй битве, хотя лавры за победу в кампании достались Антонию. Утверждали, что пленники из числа знатных отпускали язвительные замечания в адрес юного триумвира и приветствовали как «императора» Антония. Разумеется, куда больше из числа помилованных решили присоединиться именно к нему, отдав предпочтение человеку более старшего возраста, представителю уважаемого аристократического рода. Антония также восхваляли за то, что он с уважением обращался с телом Брута, хотя, как утверждает Плутарх, Цезарь проявил не меньшее великодушие по отношению к останкам покойного. Его голову отослали в Рим (по чьему приказу – неясно), чтобы положить ее к подножию статуи Юлия Цезаря, однако она пошла ко дну вместе с кораблем, который вез ее. Наследника диктатора обвиняли в недостойном обращении с пленными – например, попавшие в его руки отец и сын игрой решали, кто из них будет обезглавлен первым.[251]

Едва ли не вся слава за победу над Брутом и Кассием досталась Антонию, хотя позднее Цезарь преспокойно заявит: «Тех, кто убил моего отца, я удалил в изгнание на законном основании, по приговору суда, отомстив им за преступление. Впоследствии, когда они пошли на государство войной, я разбил их в двух сражениях».

На тот момент хватало того, что главные заговорщики были разгромлены и погибли и что сам Цезарь по крайней мере в этом участвовал. Нужно было, чтобы полководец сражался успешно, а

война закончилась победой. Ему и Антонию требовалось выполнить свои обещания перед собственными солдатами, очень многим из которых полагалась отставка либо потому, что они и так уже долго служили, либо потому, что их зачислили в армию лишь на время войны. Им обещали землю в Италии, и было решено, что Цезарь по возвращении будет наблюдать за этим процессом. Антоний должен был остаться в Восточном Средиземноморье, чтобы обеспечить лояльность провинций и выжимать из них гигантские суммы денег, в которых триумвиры нуждались для уплаты воинам и финансирования земельных раздач. У провинциальных царств и городов не было другого выбора, как выполнять подобные требования, как они это делали совсем недавно по приказу «Освободителей», а за несколько лет до этого – Помпея и затем Юлия Цезаря. Цари и прочие первые лица знали, что если не будут повиноваться, то римляне с легкостью найдут честолюбивых соперников, чтобы заменить их. Клеопатра просто была одной из многочисленных восточных владычиц, стремившихся снискать расположение Антония.[252]

Молодой Цезарь серьезно заболел, прежде чем смог вернуться в Италию. Как и в других случаях, мы не знаем о том, из-за чего он хворал – было ли это новой болезнью или рецидивом прежней. Какое-то время опасались, что триумвир умрет, даже распространился слух, что он действительно скончался. Проходили месяцы, его возвращение откладывалось, и обстановка в Риме становилась все более нервозной. Пошли разговоры о том, будто он замыслил нечто такое, по сравнению с чем проскрипции покажутся достаточно мягкими. Во время своего отсутствия Цезарь и Антоний стали подозревать Лепида в том, что он независимо от них ведет переговоры с Секстом Помпеем. В тот момент они разделили между собой провинции Лепида, хотя, кажется, они предложили в неопределенном будущем передать ему две африканские провинции. Хотя формально Лепид оставался триумвиром, он, совершенно очевидно, занимал неравное положение по сравнению с коллегами.[253]

Когда, наконец, в 41 г. до н. э. Цезарь возвратился в Рим, он со всей энергией и настойчивостью занялся поиском земель для раздачи воинам. Еще до начала македонской кампании триумвиры решили, что у восьмидесяти италийских городов будут конфискованы земли для ее раздела на участки, которые должны получить выходящие в отставку солдаты. Люди богатые и с хорошими связями, особенно сенаторы и наиболее состоятельные всадники, протестовали, когда их поместья оказывались затронуты этим процессом. Всегда было опасно портить отношения с такими влиятельными людьми, и

большинство их получили льготы. Это означало неравномерное распределение тягот, которые падали преимущественно на людей со средними доходами и достатком, которые имели меньше возможностей для протеста, хотя многие все же явились в Рим, чтобы попытаться отстоять свои интересы. Территория вокруг некоторых городов в ряде случаев оказалась недостаточной, и приходилось забирать землю у соседних общин, даже если первоначально триумвиры последние не собирались трогать.

Солдатам были обещаны усадьбы. Воины рисковали жизнью и здоровьем, сражаясь за своих полководцев, и понимали, что триумвиры держатся у власти исключительно благодаря их поддержке. Это вселило в них суровую решимость добиваться того, что они считали для себя выгодным. Примечательно, что они также желали, чтобы их родственники, а также отцы и сыновья павших товарищей были ограждены от земельных конфискаций. В то же время были отобраны усадьбы у семей, владевших ими в течение многих поколений и не совершивших ничего против триумвирата. Вместе с землей отбирались скот, орудия труда, дома и постройки, а также рабы. Внушавшим страх, но не пользовавшимся популярностью триумвирам приходилось балансировать, удовлетворяя ветеранов и стараясь не настроить против себя остальное население. Тем временем Секст Помпей оказывал давление на морские пути в Италию, из-за чего в Рим поступало меньше хлеба, чем в обычных условиях. Продовольствия стало не хватать, и угроза голода, как всегда, нависла над наименее обеспеченными слоями, и без того готовыми приветствовать любую перемену, поскольку, как они считали, вряд ли может стать хуже.

Цезарь был на виду, а потому именно им возмущались отчаявшиеся люди, ныне столь многочисленные. Затем последовал удар с неожиданной стороны. Брут в свое время казнил брата Антония Гая в отместку за убийство Децима Брута, однако в 41 г. до н. э. консульскую должность занял другой его брат, оставшийся в живых. Луций Антоний отличался абсолютной уверенностью в себе, присущей знатному римлянину, и не считал себя простым орудием в руках старшего брата, но был честолюбивым политиком с собственными интересами. Как консул он принял сторону обездоленных сельских хозяев и недовольных общин Италии. За несколько месяцев его отношения с Цезарем серьезно ухудшились. Правду о том, что произошло дальше, было нелегко выяснить уже в то время – она быстро стала объектом пропаганды. В какой-то момент Фульвия присоединилась к Луцию Антонию и делала все возможное для набора воинов для него из числа ветеранов Марка Антония. Лишь

немногие проявили энтузиазм, поскольку, несмотря на всю любовь к своему прежнему командующему, они не желали принимать сторону обездоленных сельских хозяев в борьбе с властью, которая щедро наделяла их конфискованной землей – так же, как и уволенных в отставку солдат молодого Цезаря. Большинство воинов, которых набрали для участия в этом деле, были новобранцами из плодородных районов Северной Италии и Кампании, наиболее пострадавших от перераспределения земли.

В конце 41 г. до н. э. Луций двинулся на Рим во главе вновь набранных легионов. Лепид находился в городе, однако значительный численный перевес был на стороне врага, а население в массе своей весьма прохладно относилось к триумвирам. Рим быстро пал; Лепид бежал, чтобы присоединиться к Цезарю. Однако когда тот возвратился с большим дисциплинированным войском, Луций Антоний отступил еще быстрее, нежели прибыл. Он направился на север, надеясь соединиться с несколькими военачальниками Антония, находившимися в Италии и имевшими в своем распоряжении примерно тринадцать хорошо обученных легионов. Военачальники, подчинявшиеся Цезарю, преградили ему путь и заперли в Перузии (совр. Перудже). Цезарианцы окружили город рвом и стеной, укрепленной близко расположенными по отношению друг к другу башнями, и стали ждать, когда голод вынудит врагов сдаться. Луций Антоний держался всю зиму, ожидая, что военачальники Антония придут ему на выручку. Они действительно приблизились к городу, и в какой-то момент их силы встали лагерем всего лишь в двадцати милях от Перузии. Однако в отсутствие единого командования их действиям не хватало согласованности, сам же Антоний не прислал никаких распоряжений. Вероятно, они также понимали, что их воины не питают симпатий к бунтовщикам Луция. Ни один из них так и не попытался разрешить проблему, выступив против военачальников Цезаря, которые разместили свои силы так, чтобы иметь возможность наблюдать за врагом. В свою очередь цезарианцы тщательно следили за тем, чтобы между их силами и силами противника не завязалось настоящего сражения.[254]

В районе Перузии были обнаружены свинцовые пули с надписями пропагандистского и непристойного содержания, которые метали воины обеих сторон. Люди Цезаря издевались над лысиной Луция Антония и желали, чтобы снаряды попали в *landica* Фульвии – соленое словцо, означающее клитор. Несмотря на то, что жены Антония не было в Перузии, она тем не менее стала объектом ненависти и насмешек. Осажденные в ответ

метали пули, которые, по их словом, были нацелены в задницу Цезаря, давая понять, что он – пассивный гомосексуалист, позволяющий овладевать собой другим. Не ограничиваясь оскорблениями, они совершали частые нападения на позиции осаждающих. Однажды Цезаря застигли врасплох, когда тот совершал жертвоприношение как полководец, и триумвир едва сумел избежать гибели. Чаще результаты оказывались не столь впечатляющими, и подчас немалому числу воинов удавалось прорваться и уйти от неприятеля.[255]

Командиры его брата не могли или не хотели оказать ему помощь, запасы продовольствия у Луция Антония в конце концов закончились, и в феврале 40 г. до н. э. он сдался. Перузия была разграблена и предана огню, хотя не вполне понятно, подожгли город победители или кто-то из его обитателей. Вероятно, имели место казни видных горожан и, возможно, некоторых сподвижников Луция Антония из числа сенаторов. Молва и враждебная пропаганда вскоре стали говорить о другой страшной резне – принесении 300 именитых граждан духу Юлия Цезаря – выдумка, основанная, несомненно, на убийстве Ахиллесом троянских пленных на похоронах его друга Патрокла в «Илиаде». По утверждению Светония, на просьбы о пощаде и прощении молодой триумвир коротко отвечал – «он должен умереть» или «ты должен умереть», *moriendum esse* на латинском. Тем не менее масштабы репрессий были ограниченными. Солдат из армии повстанцев пощадили и, несомненно, взяли в легионы Цезаря. Луций Антоний не только остался цел и невредим, но был отправлен наместником в одну из испанских провинций. Фульвия уже скрылась, чтобы присоединиться к своему супругу. Аналогичным образом бежала из Италии и мать Антония, поехав поначалу к Сексту Помпею, который препроводил ее на Восток к ее сыну.[256]

Антоний не стал вмешиваться в Перузинскую войну ни для того, чтобы поддержать брата и жену, ни для того, чтобы сдержать их. Весной 40 г. до н. э. он возвратился в Италию в сопровождении внушительного числа боевых кораблей. Никто не знал, закончилась ли очередная гражданская война или начинается новая.

Часть третья
Император Цезарь, Divi Filius [257]
38–27 гг. до н. э

Титул *Imperator* давался победоносному полководцу, однако никогда прежде он не использовался в качестве постоянного имени. Официально наш герой стал «сыном бога» после деификации Юлия Цезаря в 42 г. до н. э., но позднее не всегда пользовался этим титулом.

IX Сыновья богов

Буду ль когда-нибудь вновь любоваться родными краями,
Хижиной бедной моей с ее кровлей, дерном покрытой,
Скудную жатву собрать смогу ли я с собственной нивы?
Полем, возделанным мной, завладеет вояка безбожный,
Варвар – посевами. Вот до чего злополучных сограждан
Распри их довели! Для кого ж мы поля засевали!

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится,
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.
При консулате твоем тот век благодатный настанет,
О Поллион! – и пойдут чередою великие годы.[258]

(Вергилий предсказывает начало нового золотого века в 40 г. до н. э.) Пер. С. В. Шервинского

В 41 г. до н. э., когда отношения Фульвии с Луцием Антонием разладились, Цезарь вдохновился на создание коротенького стихотворения о своей теще и жене Марка Антония:

«То, что с Глафирою спал Антоний, то ставит в вину мне
Фульвия, мне говоря, чтобы я с ней переспал.
С Фульвией мне переспать? Ну а ежели Маний попросит,

Чтобы поспал я и с ним? Нет, не такой я дурак!
“Спи или бейся со мной!” – говорит она. Да неужели
Жизнь мне дороже всего? Ну-ка, трубите поход!». [[259]

Поэт Марциал цитировал эти строки столетие спустя – и тем сохранил их для потомства, – дерзко утверждая, что если первый римский император мог писать стихи непристойного содержания, то и он имеет на это право. Латинский язык особенно груб и очень подходит для таких фраз, которые начертаны на снарядах, которые воины бросали друг в друга под Перузией. Глафира была высокородной наложницей клиентского царька Каппадокии и стала любовницей Антония в надежде на то, что он позволит ее сыну занять престол, когда триумвир занимался переустройством восточных провинций. (В тот момент он вручил верховную власть кому-то другому, однако несколько лет спустя юноша стал царем, так что усилия его матери в конечном счете не пропали зря.) Слухи об их связи, очевидно, достигли Рима за несколько месяцев до того, как Антоний встретился с Клеопатрой, дав тем обильную пищу для новых сплетен. Маний был важным агентом Антония в Италии, и позднее его обвинили в нагнетании обстановки и разжигании Перузинской войны.[260]

Даже по стандартам римской политической инвективы эти полдюжины строк были весьма грубыми, это сочинение, в котором молодой человек упивался своей вульгарностью и сознанием полной уверенности в себе. Всего за несколько лет Цезарь стал одним из двух наиболее могущественных людей в мире. Отсюда оставался один шаг до претензии на почести, воздававшиеся его «отцу», и на статус первого человека в государстве. Столь быстрый взлет свидетельствовал об огромных амбициях, целеустремленности, немалом политическом мастерстве, но также и о везении. Как и подавляющее большинство удачливых политиков, Цезарь был оппортунистом. Если бы Юлия Цезаря не убили, то карьера его приемного сына развивалась бы иначе и отнюдь не столь стремительно, хотя в конце концов он, видимо, добился бы высокого положения. У него был шанс возвыситься и легитимизировать собственный статус при поддержке сената, руководимого Цицероном, а затем стать полезным союзником для Антония и Лепида, когда влиятельные лица в сенате предпочли отвернуться от него. Случались и провалы – такие, как первый марш на Рим, не лучшая роль в битве при Филиппах. Приходилось также немало рисковать. Случались поражения в битвах или в ходе каких-либо политических акций. Он пережил два приступа тяжелой болезни, оказывался перед толпами разъяренных сограждан и бунтующих

ветеранов, которые как-то раз даже убили центуриона, посланного, чтобы успокоить их, и бросили его тело на пути свиты Цезаря, чтобы он мог видеть труп. В каждом из этих случаев Цезарь оставался жив и в конце концов добился того, к чему стремился. Предзнаменования, о которых нам сообщают античные источники, зачастую представляли собой позднейшие измышления, однако было бы странно, если бы триумвир не убедил себя в собственной удаче и не верил в то, что победа предначертана ему судьбой.[261]

Еще до того, как началась Перузинская война, молодой Цезарь развелся с Клавдией. Некоторые утверждали, будто неудача при осуществлении супружеских отношений не была случайной в ожидании того, что брак – и связанный с ним политический альянс – будет недолговечным. Вероятно, это обусловливалось просто невинностью девушки, поскольку даже наличие общих детей редко мешало прервать неудобный политический союз. Цезарь и его командиры разбили Луция Антония, чему способствовали неэффективные действия военачальников Антония, пытавшихся оказать ему помощь. Цезарь опять победил, став еще сильнее. После этого ему начало везти еще больше. При распределении провинций после Филипп Цизальпинская Галлия стала частью Италии, а остальные галльские провинции достались Антонию, который контролировал их через своего подчиненного Квинта Фуфия Калена. Летом 40 г. до н. э. Кален заболел и умер, оставив за себя своего сына. Цезарь, который если и был старше его, то не намного, поспешил в провинцию и вынудил его передать ему командование. Одним махом одиннадцать легионов перешли под его начало.[262]

Пока он отсутствовал, Антоний вернулся в Италию. Его сопровождало немало боевых кораблей, которые привел к нему Гней Домиций Агенобарб, бывший флотоводец Брута и Кассия. Еще недавно Агенобарб нападал на италийское побережье, и, когда объединенный флот достиг Брундизия, гарнизон узнал его корабли и запер вход в гавань. Антоний усмотрел в этом проявление враждебности со стороны Цезаря и осадил город. Скорее всего, произошло недоразумение, хотя в накаленной атмосфере, порожденной Перузинской войной, нервы у людей с обеих сторон были напряжены. Цезарь возвратился из Галлии и, разумеется, начал готовиться к войне – собирать легионы и вновь пытаться созвать добровольцев из числа недавно получивших землю ветеранов. Испытывая благодарность за это, они откликнулись было на призыв, пока не стало известно, что им предстоит сражаться с Антонием и недавними товарищами по

оружию. Некоторые, услыхав такую новость, повернулись и пошли по домам, а те, кто остался, последовали к местам сбора неохотно.[263]

Современные ученые обычно считают, что Антоний находился в более выгодной позиции. Секст Помпей уже пошел на сближение с ним и заключил союз против Цезаря. Юлия, мать Антония, бежала на Сицилию под крылышко к Сексту после Перузинской войны. Возможно, она была по-настоящему напугана, однако сомнительно, что ей действительно что-то угрожало. Более вероятно, что это был враждебный жест в адрес Цезаря. Разумеется, он предпочел истолковать это именно так. Секст тепло принял беглянку и с почетом проводил ее на Восток, чтобы она могла там встретиться с сыном. Антоний был благодарен, но на тот момент не желал всерьез начинать войну с коллегой по триумвирату. Для такой осторожности имелись веские основания. Триумвир с приятностью провел зиму 41–40 г. до н. э. в Александрии – столице Клеопатры, и к тому времени, как он уехал, царица уже была беременна и в должный срок родила близнецов – девочку и мальчика. В эти месяцы в Сирию вторглись парфяне; их поддержали римские отряды под предводительством Тита Лабиена – твердолобого республиканца, который не участвовал в битве при Филиппах. Отец его был лучшим легатом Юлия Цезаря в Галлии, однако во время гражданской войны встал на сторону Помпея и покончил жизнь самоубийством после поражения при Мунде в 45 г. до н. э. В восточных провинциях, истощенных в ходе смуты поборами в пользу обеих сторон, не хватало боеспособного населения, и они не имели возможности отразить нападение. Встретив лишь слабое сопротивление, парфяне захватили Сирию, а затем отправили небольшие отряды для покорения Иудеи и большей части Малой Азии.[264]

Когда Антоний прибыл в Брундизий, с ним находилось немало боевых кораблей, воинов же было немного. Некоторые из его командиров располагали легионами в Италии и на западе, однако после утраты легионов Калена они явно уступали армиям Цезаря в численности. Учитывая состояние восточных провинций, привлекать войска оттуда было нелегко и политически опасно, к тому же на это потребовалось бы несколько месяцев. Союз с Секстом Помпеем давал возможность получить много укомплектованных командами судов, но мало солдат. На тот момент военное преимущество было явно на стороне Цезаря независимо от того, каким оказался бы баланс сил в долгосрочной перспективе. Это не означало, что исход войны был очевиден или что на тот момент уничтожение одного дало бы

преимущества другому.

В действительности у них не было выбора. Когда силы соперников сконцентрировались вокруг Брундизия, ветераны кампаний Юлия Цезаря узнали друг друга и началось братание. Поначалу они шутили, а потом стали говорить уже более серьезно. Командиры и простые воины не хотели сражаться со своими бывшими товарищами. Это был уже не первый случай, когда солдаты пытались предотвратить новую войну: когда назревала Перузинская война, они в последнюю минуту принудили Цезаря и Луция Антония к переговорам, хотя в данном случае взаимные подозрения и недоверие привели к столкновениям раньше, чем состоялась встреча, и их усилия не имели успеха. На сей раз они оказались более настойчивыми, а вожди-соперники – искренне настроены на компромисс.[265]

Они не участвовали в переговорах лично. Антония представлял Азиний Поллион, а Цезаря – молодой всадник Гай Меценат,[266] один из его наиболее доверенных людей – вероятно, почти ровесник и, видимо, один из тех, кто воспитывался вместе с ним. Присутствовал также Луций Кокций Нерва,[267] опытный старший офицер, пользовавшийся доверием армии, который, по-видимому, считался человеком нейтральных позиций. Представители Лепида отсутствовали, хотя за ним закрепили статус наместника Северной Африки, который предусматривал командование небольшой по меркам тех лет армией. Цезарь удержал за собой Галлию; к нему также отошли все западные провинции до Скодры в Иллирии. Антонию достались все восточные области империи к востоку от тех мест. Агенобарб и некоторые другие получили прощение. Антоний сообщил Цезарю, что один из наиболее доверенных военачальников последнего, Сальвидиен Руф, начал секретные переговоры с ним. Руфа арестовали и казнили. Цезарь предоставил окончательное решение сенату, чтобы придать процессу некоторую легитимность. Антоний в свою очередь казнил своего агента Мания, про которого говорили, что он подделал документы, побудившие Луция Антония и Фульвию поднять восстание от имени триумвира.[268]

Прийти к соглашению помог случай. Антоний очень холодно встретил Фульвию, когда та прибыла в Грецию. Измученная, впавшая в глубокую депрессию, она вскоре заболела и умерла.[269] Это означало, что основную ответственность за недавнюю войну удобнее всего будет свалить на нее. Ее личность стала объектом яростной пропаганды, и теперь нелегко судить, каковы были в действительности ее характер и роль в событиях того времени, но она, несомненно, была одной из самых заметных в

римской политике женщин своего поколения. После ее смерти Антоний вновь остался один. Так случилось, что и муж Октавии Марцелл также умер в том году, и была быстро заключена договоренность о браке между сестрой Цезаря и его вновь обретенным союзником. Поскольку римское право предполагало десятимесячный интервал перед тем, как вдова снова сможет выйти замуж, Цезарь и Антоний устроили целое шоу, чтобы отыскать жреческие правила, позволявшие вступить брак до истечения указанного срока и было подобающим образом проведено благоприятное решение по этому вопросу.[270]

Октавии было около тридцати, и у нее уже родился сын от Марцелла. Аристократки редко сами выбирали себе супругов, однако и в последующие годы она старалась быть доброй и верной женой, и действительно, поначалу эта пара выглядела вполне счастливой. Новость о подтверждении союза между Антонием и Цезарем в Италии и самом Риме восприняли с удовольствием, поскольку это подразумевало, что гражданская война не возобновится. Это было сообщение, которое триумвиры были рады подтвердить. Октавия рядом с мужем изображалась на монетах – первая римская женщина, появившаяся на них. Азиний Поллион был одним из консулов того года, и поэт Вергилий сочинил предсказание, согласно которому его консулат означал начало нового золотого века, чьим предвестием являлось рождение чудесного младенца. И хотя имени ребенка поэт не назвал, ясно, что речь шла о потомстве Антония и Октавии. Вскоре она действительно забеременела, однако ребенок оказался девочкой, а предсказание мира и всеобщего процветания – несколько преждевременным.[271]

Цезарь заново женился еще до примирения. Его новой супругой стала Скрибония, сестра Луция Скрибония Либона, тестя Секста Помпея, которая была примерно на десять лет старше его и уже не раз побывала замужем. Вероятно, он надеялся, что это увеличит его шансы на сближение с Секстом, хотя Скрибоний Либон и сам по себе был важной персоной и являлся виднейшим союзником Секста. Новый брак мог не лучшим образом сказаться на лояльности ее брата Цезарю.[272]

Сын Нептуна

Секст Помпей был слишком серьезной личностью, чтобы его игнорировать.[273] К 42 г. до н. э. он овладел Сицилией, а затем соответственно Сардинией и Корсикой. Действуя с расположенных там баз, его мощный и хорошо укомплектованный экипажами флот имел возможность совершать рейды на италийское побережье и перерезать торговые пути, так что в Италии возникла нехватка продовольствия, особенно его

недоставало в самом Риме. Исключенный из соглашения в Брундизии, если не считать туманных обещаний переговоров в будущем, Секст усилил свои набеги в последующие месяцы. В обычное время Сицилия обеспечивала снабжение столицы зерном. Теперь, когда поставки оттуда прекратились, а связи с другими краями часто прерывались, цены на продукты сильно выросли, и государство старалось найти достаточно средств для вспомоществования, предусмотренного Юлием Цезарем. Рим, более года являвшийся ареной периодических стычек между недовольными ветеранами, обезземеленными италийцами и городской беднотой, возмущенной присутствием и требованиями двух первых групп, стал еще более беспокойным местом.[274]

Секст Помпей не ослаблял давления. Он был молод даже для этой эпохи с ее юными военачальниками – вероятно, всего на два-три года старше Цезаря, считавшийся слишком молодым, чтобы участвовать в кампании, закончившейся битвой при Фарсале, он видел, как его отца убили в Египте, а потом наблюдал, как его старший брат собрал армию, чтобы продолжить борьбу с Цезарем, но лишь для того, чтобы потерпеть поражение и погибнуть. Секст избежал такой участи и поднял новое восстание в Испании. Фамильные связи и личная харизма быстро обеспечили ему успех. Его люди захватили или построили корабли и стали совершать набеги на все новые районы западного Средиземноморья. Весной 43 г. до н. э. Цицерон убедил сенат узаконить власть, которую тот присвоил просто потому, что был сыном Помпея Великого, и Секст теперь стал официально именоваться префектом флота и морского побережья (*praefectus classis et orae maritimae*). Резкая перемена власти превратила его из законно назначенного магистрата в изгоя, поскольку он был осужден по закону Педия наряду с заговорщиками, хотя и не участвовал в убийстве диктатора. Несмотря на наличие общего врага в лице триумвиров, сотрудничества между ними и «Освободителями» не наблюдалось – Кассий еще раньше высказывался весьма нелицеприятно о Гнее Помпее Младшем и наверняка он то же самое думал и о его брате. И он, и Брут могли также не испытывать особых симпатий к человеку, который стремился унаследовать власть своего отца.[275]

Подобно Цезарю, Секст демонстрировал почтение к родителю, что являлось основанием его права на командование. Благочестие (*pietas*), т. е. воздание должного богам, стране и особенно родителям, было непременной обязанностью каждого римлянина. Цезарь обосновывал своей *pietas* месть за убитого отца. Луций Антоний добавил слово *Pietas к* своему имени и рангу консула, когда поднял восстание в пользу брата. Секст Помпей

называл себя *Pius*,[276] а затем принял прозвище отца *Magnus*, и на монетах появилось необычное сочетание *Magnus Pius*.[277] Цезарь и Секст Помпей во многих отношениях были похожи. Последний на монетах изображался с бородой в знак траура по отцу и брату. Таким же мы видим и Цезаря, даже через несколько лет после того, как он с помпой побрился в знак того, что «Освободители» убиты. Однако Секста постигла та же участь, что и его отца, который потерпел поражение в войне и был убит как беглец, а не погиб, когда пребывал на вершине успеха. Его власть не распространялась на Италию и неизбежно основывалась скорее на авторитете его фамилии, нежели на традиционных государственных институтах. Цезарь же имел возможность действовать, находясь в сердце государства, в самом центре политической жизни республики. Между ними существовала разница и еще в одном отношении, которая должна была навсегда послужить к чести Секста. Когда начались проскрипции, он предложил убежище всем их жертвам и вообще любому, кто бежал от власти триумвиров. Его боевые корабли курсировали вдоль побережья, готовые подбирать беглецов, и Секст платил двойную цену против назначенной за голову проскрипта всякому, кто приводил их, чтобы спасти. Сотни людей остались жить благодаря его усилиям. Это давало ему преимущество в политическом отношении, однако в любом случае такие действия резко контрастировали с жестокостями тех кровавых лет.[278]

Однако наряду с этим Секст сильно осложнил снабжение Рима и Италии продовольствием. Его стратегия была направлена против триумвиров, но от нее с неизбежностью страдали и широкие слои населения, особенно беднейшие, по которым били ее последствия. В конце 40 г. до н. э. Антоний и Цезарь находились в Риме, где отпраздновали овацию за победу в Македонии. Ни тот, ни другой не пользовались популярностью, а потому толпа поносила их за нехватку продуктов, поскольку считала, что они должны начать переговоры с Секстом. Подобно ветеранам, основная масса народа хотела мира и, идя по стопам ветеранов, устраивала яростные акции протеста, чтобы заставить правителей пойти на уступки. В начале 39 г. до н. э. Цезарю пришлось иметь дело с разъяренной толпой, когда он занимался делами на Форуме. Полетели камни, и немногочисленной свите пришлось вступить в схватку, чтобы защитить его.

Антоний пришел на помощь, приведя отряд солдат по Священной улице (Via Sacra). Поначалу народ преградил ему путь, не совершая никаких враждебных действий, поскольку считал его более благосклонно настроенным по отношению к Сексту. Однако когда Антоний приказал своим воинам

проложить путь через толпу, она отреагировала враждебно, забросав его людей камнями и отогнав их прочь. Солдаты перегруппировались и получили подкрепление. Затем они нанесли удар по Форуму с двух направлений, поражая тех, кто оказывал им сопротивление. Воины Антония пробили себе дорогу, чтобы спасти Цезаря, и вывели его, однако несколько часов спустя толпа вновь завладела сердцем города и лишь позднее постепенно рассеялась.[279]

Антоний и Цезарь обратились к матери Секста Помпея, задействовали и другие связи, благодаря чему весной смогли начать переговоры. Обе стороны не доверяли друг другу, и первая встреча состоялась около города Байи на берегу Неаполитанского залива. Соперничающие политики стояли на деревянных помостах, возвышавшихся над водой. К соглашению прийти не удалось, однако летом переговоры возобновились (они проходили близ Мизенского мыса), и на сей раз встреча принесла успех. Секст вновь получил законное право командовать теми силами, которые у него имелись. Его ввели в состав сената и дали провинциальное командование над Сицилией, Сардинией и Корсикой, которые он и так контролировал, а также Пелопоннес в Греции. Антоний, к тому времени уже ставший авгуром, обеспечил допуск Секста в эту жреческую коллегию, и он был намечен в консулы на 33 г. до н. э. – выборы контролировались триумвиратом.

Мизенский договор положил конец блокаде Италии, однако выгод самому Сексту он давал немного, поскольку в целом просто закреплял статус-кво. Тем не менее он настоял на том, чтобы триумвиры даровали прощение тем проскриптам и прочим, вынужденным бежать, и позволили им вернуться в Италию, а также возвратить им четверть конфискованного имущества. Лишь уцелевшие убийцы Юлия Цезаря и еще несколько других лиц были исключены из амнистии. Возможно, многие аристократы, бежавшие на Сицилию, оказывали давление на Секста, чтобы добиться мира в надежде на возвращение домой – интересно, что шурин Цезаря Скрибоний был намечен в консулы на 34 г. до н. э.

Секст не мог вернуться в Рим, не сдав командования флотом и его базами, и он так же не хотел этого делать, как Цезарь и Антоний – распускать свои легионы. Только обладая силой, кто-либо из военных вождей мог сохранять влияние и оставаться в безопасности продолжительное время. Антоний купил на аукционе дома и поместья Помпея Великого, в том числе большой дом в фешенебельном районе Карины на склоне Палатинского холма. Это название дословно означало «кили», и когда Секст принимал Цезаря и Антония на своем флагманском корабле, он

пошутил, сказав, что кили его судов теперь его единственный дом. Во время этого празднества, последовавшего за теми, что устроили Цезарь и Антоний на суше, один из адмиралов Секста, [280] как говорят, сказал, что может сделать своего хозяина повелителем мира, перерубив канаты и расправившись с гостями. Секст не согласился на такое коварство, с сожалением заметив, что было бы лучше, если бы адмирал поступил так, не советуясь с ним.[281]

Любовники

Когда проскрипты возвратились домой, Секст остался на Сицилии, и не вызывает сомнений, что он официально установил контроль над Пелопоннесом. Антоний и Октавия совершили путешествие на Восток и провели зиму 39/38 г. до н. э. в Афинах, триумвир с головой окунулся в жизнь греческого города. Афиняне называли супружескую пару «богами-благодетелями», именуя Антония «новым Дионисом», и устроили брачную церемонию между ним и Афиной, божественной покровительницей города. Эти почести не помешали ему потребовать от афинян подати в виде «приданого», но, видимо, восторженный прием, оказанный триумвиру и его жене, привел к уменьшению размеров того, что им пришлось заплатить.

Когда наступила весна, Антоний официально совлек с себя греческое гражданское платье и вновь предстал в облике римского полководца. Его военачальник Вентидий Басс уже изгнал парфянских захватчиков из римских провинций. [282] Важнейшей задачей для Антония в последующие годы было примерное наказание парфян и в конечном счете месть за Красса. [283]

Цезарь же остался в Италии и приступил к осуществлению судостроительной программы, чтобы создать мощный флот. Единственной целью для него являлся Секст Помпей, но пока сохранялся хрупкий мир, настроение в Риме в целом было бодрое, поскольку теперь продовольствие в изобилии поступало туда, и изгнанники возвратились домой. Одним из них был Тиберий Клавдий Нерон, в 42 г. до н. э. занимавший магистратуру претора, а затем по-донкихотски отказался в конце года сложить должность. Человек с неустойчивыми симпатиями (в гражданскую войну он поддерживал Юлия Цезаря, а затем восторженно приветствовал его убийц после мартовских ид), Тиберий во время Перузинской войны присоединился к Луцию Антонию и начал собирать силы среди тех, кого обездолили получившие землю ветераны. Когда восстание потерпело поражение, он попал в проскрипции и последовал, спасаясь бегством, по проторенному пути на Сицилию, однако не похоже,

чтобы Секст Помпей тепло принял его, и он отправился в Грецию. Трудности, по-видимому, не прекратились, поскольку ему пришлось бежать из Спарты, и его свита оказалась настигнута лесным пожаром, едва избежав несчастья.[284]

Жена Клавдия Нерона была во всех отношениях куда более примечательной личностью, чем ее супруг. Ее звали Ливией, хотя нередко она упоминается под прозвищем Друзиллы. В жилах этой женщины текла также кровь Клавдиев – она принадлежала к иной, чем ее муж, более уважаемой патрицианской ветви рода. Веса этому обстоятельству придавало то, что ее отец был усыновлен Марком Ливием Друзом, отпрыском одной из старейших и влиятельнейших фамилий плебейской аристократии. Ливий Друз занимал должность плебейского трибуна в 91 г. до н. э. и отстаивал интересы италийских союзников. Он был убит, и результатом стало то, что вскоре они подняли восстание, известное как Союзническая война, вынудив республику начать процесс наделения их правами римского гражданства. Многие вспоминали трибуна с большой симпатией. Отец Ливии был проскрибирован, сражался вместе с «Освободителями» и покончил с собой после битвы при Филиппах. К этому времени его дочь уже вышла замуж и в ноябре 42 г. до н. э. одарила своего мужа сыном, которого звали Тиберием Клавдием Нероном.[285]

Когда муж принял участие в мятеже, жена, которой было тогда всего семнадцать лет, отправилась вместе с ним. Она сопровождала его во время восстания, а затем и в изгнании, спасаясь от преследователей и живя в весьма стесненных условиях. Дважды младенец Тиберий поднимал крик, угрожая выдать родителей. Во время бегства из Спарты волосы и одежда Ливии были опалены огнем. Когда семейство вернулось в Рим, ему не хватало денег, и, подобно другим, им было нелегко получить назад хотя бы четверть конфискованного имущества, возвращение которого предусматривалось соглашением в Мизенах. Они договорились, чтобы Тиберия усыновил богатый сенатор, горевший желанием установить родственные связи с древним патрицианским родом. В политическом отношении это не было удачным ходом. Незадолго перед тем брат этого человека оказался под подозрением в участии в заговоре против Цезаря. Он был арестован и через какое-то время умер при загадочных обстоятельствах.[286]

Аристократическая родословная Ливии была безупречна и по линии кровного родства, и по линии усыновления. Женщина была молода и весьма привлекательна. Ее ум отличался исключительной проницательностью – много лет спустя ее

правнук Калигула назвал ее Ulixes stolatus, т. е. Улиссом (Одиссеем) в сто́ле (женское платье у римлян). Ум и одаренность, несомненно, хорошо дополняли ее внешнюю красоту. В январе 38 г. до н. э. она родила мужу второго сына, а потому, очевидно, уже несколько месяцев была беременна, когда возвратилась в Рим. Это не помешало ей обратить на себя внимание Цезаря. Возможно, это произошло на празднике, который он устроил в честь своего двадцать четвертого дня рождения, чтобы торжественно сбрить бороду.[287]

Год добровольно принятого Цезарем обета воздержания уже давно прошел. Скрибония забеременела и в конце 39 г. до н. э. родила дочь, названную, разумеется, Юлией, однако политическая целесообразность брака уменьшилась, и отношения супругов ухудшились.

Муж вовсю ухаживал за другими женщинами. Антоний в тот момент на такие вещи смотрел снисходительно. Позднее друзья Цезаря оправдывали его распутство, утверждая, будто зачастую он обольщал жен сенаторов для того, чтобы знать, что думают и делают их мужья. Антоний через какое-то время распространил слух о том, что как Цезарь «увел с пира жену одного консуляра на глазах у мужа к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей». Несмотря на свою беременность, Ливия Друзилла вскоре стала его очередной любовницей, однако это было нечто большее, нежели мимолетное увлечение или акция политического шпионажа.[288]

Цезарь полюбил Ливию за ее красоту и ум, и она, вероятно, с жаром откликнулась на его чувства. Вряд ли ее особенно впечатлила прежняя карьера мужа или перспективы таковой на будущее. Власть, как известно, возбуждает любовную страсть, и поразительное возвышение юного Цезаря придавало ему огромную энергию, укрепляя его непомерную уверенность в себе. Ее аристократическое происхождение и связи имели большую политическую ценность, однако это преимущество могло сказаться лишь в отдаленной перспективе и не давало немедленных выгод, которые могли бы оправдать скандальный эпизод, последовавший за этим. Понять случившееся можно лишь в том случае, если учитывать, что Цезарь использовал любые методы для достижения поставленной цели и что любовники решили добиться желаемого не откладывая. Цезарю было только двадцать четыре года, а Ливии еще не исполнилось двадцати. Возможно, она даже не хотела ждать, опасаясь, что ее ветреный поклонник обратит внимание на кого-либо еще.[289]

Цезарь развелся со Скрибонией, как только она родила Юлию. Обычно римскому мужу достаточно было произнести

фразу «Забирай свои вещи с собой» (*tuas res tibi habeto*), чтобы расстаться с женой. В данном случае Цезарь добавил в качестве причины, что не может больше терпеть ее «дурного нрава», хотя невозможно сказать, было это правдой или проявлением беспричинной злобы. Клавдий Нерон вынужденно пошел на развод с Ливией, и в начале октября 39 г. до н. э. Цезарь и Ливия обручились. У коллегии понтификов, в которой он состоял, запросили решение, в котором, по-видимому, содержалось официальное подтверждение беременности Ливии и того, что отцом будущего ребенка является Клавдий Нерон. Это не помешало распространению слухов о том, что его отец – Цезарь, и ходила шутка о том, что супругам повезло – ребенок родился на третьем месяце. Однако в таком случае ребенок был им зачат, когда Клавдий Нерон и Ливия находились в Греции, что невозможно. Ливия переехала в дом Цезаря как его нареченная, и 14 января 38 г. до н. э. она разрешилась мальчиком, Друзом Клавдием Нероном. Его отослали к отцу, чтобы тот признал его. [290]

17 января Цезарь и Ливия сыграли свадьбу – всего через три дня после того как она родила. Отец невесты уже был мертв, близких родственников-мужчин у нее осталось мало, и потому во время брачной церемонии ее сопровождал бывший муж. Это было грандиозное торжество, и на состоявшемся в ходе его пиршестве шестеро мужчин и шесть женщин из числа присутствующих были одеты как греческие боги и богини – явные олимпийские мотивы. Цезарь выступал в роли Аполлона. От яств и напитков ломились столы – молодые супруги демонстрировали свои богатства и власть. В то время среди аристократических дам было модно, когда за ними ухаживали *deliciae*, мальчики-рабы в нескромных нарядах – возможно, выступавшие в данном случае в роли купидонов, – которые шептали едкие шуточки в адрес присутствующих. Юмор был язвительным, непристойным, зачастую жестоким, услаждая искушенную публику. На сей раз один из мальчиков, указывая на Клавдия Нерона, возлежавшего в другом конце стола, спросил Ливию: «Почему ты здесь, женщина, когда твой муж – там?»

В последующие годы недоброжелатели говорили, что Цезарь похитил чужую жену, подразумевая, что так поступают тираны. Они преувеличивали, если говорить о злоупотреблении в политическом отношении, поскольку Клавдий Нерон уступил, хотя, очевидно, особого выбора у него не было. Трудно поверить, что Ливия без энтузиазма согласилась на столь скорый брак – возможно, даже сама предложила его. В те поры, когда в Риме не хватало продовольствия, кричащее великолепие того, что назвали

праздником двенадцати богов, вызвало всеобщее недовольство. Люди говорили, что Цезарь действительно Аполлон, но Аполлон Мучитель – одна из малоприятных ипостасей этого бога. Ходил стишок, в котором говорилось, что

И между тем, как в обличье обманщика-Феба безбожный Цезарь являл на пиру прелюбодейства богов, Все от земли отвратили свой лик небесные силы И, позолоченный трон бросив, Юпитер бежал.[291]

Император

Продовольствия в Риме не хватало потому, что возобновились трения с Секстом Помпеем. Случались пиратские набеги, и, как объявил Цезарь, их захваченные в плен участники под пыткой признались, что посланы Секстом. Соответствовало это истине или нет – вполне возможно, что Секст просто был не в состоянии контролировать всех своих людей и удерживать их от подобных действий, – Цезарь счел, что вполне готов начать морскую войну и выиграть ее. Один из доверенных адмиралов Помпея вольноотпущенник по имени Мена, перешел на сторону Цезаря; он привел с собой несколько кораблей и передал под его контроль Корсику и Сардинию. В гражданских войнах тех лет придавали большую значимость численному перевесу, чтобы двинуть в бой как можно больше легионов, нежели усилиям оппозиции. Сказывалась традиционная для римлян уверенность в том, что при решении проблем численный перевес и большие ресурсы способны принести успех. Лишь немногие римские полководцы, в том числе и Юлий Цезарь, полностью усвоили отношение к войне на море как к чему-то принципиально отличному от войны на суше, и его наследник в этом отношении не был исключением. Если говорить о планах вторжения на Сицилию в 38 г. до н. э., то все свидетельствовало о самоуспокоенности и отсутствии внимания к непредсказуемости и мощи моря.[292]

На западном побережье Италии мало естественных гаваней на пространстве от Мессанского (ныне Мессинского) пролива до Неаполитанского залива. Это наряду с тем, что люди Секста имели возможность совершать нападение на любой из портов, доступных им с их баз на островах, означало, что силы вторжения необходимо подготовить на значительном расстоянии от целей. Предполагалось, что два флота Цезаря должны встретиться в море и нанести комбинированный удар по Сицилии, однако ничего подобного не случилось, и вместо этого им пришлось сражаться поодиночке. Корабли были только что построены, команды – неопытные, то же можно сказать и о командирах, за исключением Мены. Эскадры Секста с их опытными моряками

хорошо показали себя в столкновении с одним из флотов Цезаря и наголову разгромили другой. Продолжению битвы помешала погода. Чрезвычайно жестокий шторм, необычный даже для западного побережья Италии, где могло случиться что угодно, испортил все дело. Люди Мены смогли выйти из положения, но большинство других капитанов понятия не имели о том, что делать, и их суда разбились о скалы. На следующий день Цезарь ушел меньше чем с половиной кораблей, и кампания закончилась. В Риме начались беспорядки, и туда был направлен Меценат, чтобы урегулировать ситуацию, однако он мало что мог сделать с нехваткой продовольствия.[293]

Секст с трудом мог поверить в свою удачу, поскольку плохая погода началась как раз в нужный для него момент. Позднее он стал носить плащ цвета моря и называть себя сыном Нептуна. Цезарь же хвастался, будто одержал победу вопреки противодействию со стороны Нептуна, и приказал не проносить статуи морского бога во время следующих игр в Риме. Римляне в большинстве своем возмущались триумвиром, а не богом моря в связи с нехваткой продуктов и ненужной и чрезвычайно неудачной войной.

Зная, что Цезарь обожал игру в кости и азартные игры вообще, какой-то острослов примерно в это время сочинил такой стишок:

Разбитый в море дважды, потеряв суда, Он мечет кости, чтоб хоть в этом выиграть.[294]

Цезарь просил Антония прибыть в Брундизий для встречи в начале лета, однако не смог явиться в установленный срок. Антоний, устав ждать, отплыл на Восток. После катастрофы, случившейся летом, Цезарь отправил к нему Мецената, и было вновь решено провести переговоры, которые и состоялись в Таренте в 37 г. до н. э. Антоний прибыл в сопровождении 300 кораблей, и 120 из них он передал по условиям соглашения шурину. Тот в свою очередь обещал отправить ему солдат для войны с парфянами. Октавия, как считали, способствовала успеху переговоров, убедив своего супруга добавить еще десять небольших кораблей, в то время как ее брат дал Антонию 1000 отборных преторианцев. Были официально продлены полномочия триумвиров, поскольку срок тех, что они получили по закону 43 г. до н. э., уже истек. Детали конституционного оформления их власти ускользают от современных ученых, и вполне возможно, что и тогда все выглядело довольно расплывчато, поскольку не существовало прецедента для столь широких полномочий. Десятилетний Антилл, старший сын Антония от Фульвии, обручился с малолетней дочерью Цезаря, чтобы обеспечить

новый, уже ставший почти обычным брак, призванный подкрепить достигнутое соглашение.[295]

Новую войну планировалось вести против Секста, и весь 37 г. до н. э. и первая половина следующего года ушли на приготовления. Ответственным за это был Агриппа, старый друг и ровесник Цезаря, находившийся вместе с ним в 44 г. до н. э. в Аполлонии и с тех пор игравший при нем все бóльшую роль. Он не участвовал в первом конфликте с Секстом, поскольку в ту пору находился в Галлии, где подавлял восстание в Аквитании, подражая Юлию Цезарю в деле наведения моста через Рейн,[296] и руководил экспедицией против германских племен. Способности и компетентность Агриппы в разных качествах – военачальника, инженера или администратора – будут присущи ему всю жизнь, сочетаясь с безусловной преданностью Цезарю и подчеркнутой скромностью. Удостоенный заслуженного триумфа, он решил не праздновать его, чтобы это не контрастировало с неудачами его шефа. Вместо этого Агриппа занялся созданием нового, более мощного флота. За Кумами, в Неаполитанском заливе он приказал вырыть канал, связавший Авернское озеро через озеро меньшего размера с морем, в результате чего образовалась огромная гавань и безопасное водное пространство для тренировки команд.

Команды гребцов тренировались на суше, сидя на специально сконструированных ярусах с банками, призванных имитировать условия боя. Многие из этих людей недавно были рабами, получившими свободу в обмен на службу – один из редких случаев, когда рабов брали на нее. Голливудский образ рабов, прикованных к веслам, – миф, поскольку военные корабли комплектовались командами из свободных, наемных матросов и гребцов. Сами боевые корабли были построены большими и прочными, их палубы имели покрытия для защиты гребцов, а многие – и складные башни такой конструкции, которая позволяла бросать метательные снаряды в неприятельские суда или отражать их. Было также секретное оружие под названием *harpax*, крюк с привязанной к нему веревкой, который выбрасывался с помощью катапульты, чтобы крепко зацепиться за борт неприятельского корабля, так что можно было быстро перейти на него и завладеть им.[297]

Секст также готовился, и теперь противоборствующие стороны располагали каждая более чем 300 судами, каждый предводитель рассчитывал наголову разгромить врага. Некоторые проблемы, имевшие место в 38 г. до н. э., сохранялись. Флоту Цезаря предстояло готовиться в трех разных местах, и его атаку на Сицилию, которую предполагалось осуществить с трех сторон,

было нелегко координировать, учитывая, что операция началась в первых числах июля. Нептун вновь выказал свое нерасположение, и Агриппа опять недосчитался какого-то числа кораблей из-за непогоды. Поначалу только Лепид сумел переправиться из Северной Африки и высадить свои легионы на острове, да и то конвой с подкреплениями был перехвачен и уничтожен неприятелем.

Агриппа одержал победу при мысе Милы – большие, надежно сконструированные корабли не очень хорошо маневрировали, но были менее уязвимы для повреждений, нежели суда противника. Вскоре после этого Секст в свою очередь разбил Цезаря под Тавромением (нынешняя Таормина). Тот потерял бóльшую часть своих кораблей и вынужден был бежать на берег. Какое-то время при нем находился лишь один телохранитель, и он почти совсем изнемог к тому моменту, когда, наконец, встретился со своими. Однако прошло всего несколько дней, как на Сицилии начали высаживаться войска и число их росло, пока не достигло двадцати одного легиона, не считая вспомогательных войск. Некоторые из отрядов сильно беспокоили помпеянцев, однако они не смогли уничтожить ни один из них, поскольку им не хватало решимости, да и численно они уступали врагу. Обстановка все более складывалась не в их пользу, поскольку базы Секста оказались в осаде и захватывались неприятелем одна за другой. Ему не оставалось ничего другого, кроме как дать сражение на море.

3 сентября состоялась битва при Навлохе – возможно, время и место баталии были взаимно согласованы сторонами накануне. Агриппа командовал, находясь на своем флагманском корабле, в то время как Цезарь наблюдал за происходящим с берега. Рассказывают, что триумвир заснул от изнеможения и его лишь с трудом удалось разбудить, чтобы он дал сигнал к началу сражения. Позднее Антоний насмехался над коллегой, впавшим от ужаса в ступор и не способным даже смотреть на врага, не то что сражаться с ним. Его присутствия не потребовалось. Мастерство Агриппы-флотоводца выросло, и его более мощная, чем прежде, эскадра, укомплектованная надежными, опытными людьми, разгромила флот неприятеля, уничтожив бóльшую его часть, тогда как сам Помпей сумел бежать. Цезарь наградил Агриппу особым голубым штандартом, или *vexillum*, специально учрежденным золотым венком с изображением носов кораблей, *corona navalis*.[298]

Цезарь вновь победил, хотя война с Секстом Помпеем оказалась одним из самых тяжелых испытаний в его жизни. К счастью для него, у Помпея не хватало сухопутных сил, чтобы

перенести войну в Италию, поскольку никогда не имел возможностей для набора солдат, чтобы сформировать много легионов. Цезарь рисковал в этом конфликте и понес серьезный урон, когда дело пошло не так. Интересно, что сохранилось несколько историй о его рискованных предприятиях и о случаях, когда он едва избежал смерти, подобных рассказам о побегах жертв проскрипций, которые, понятно, захватывали воображение римлян. Большинство из них, вероятно, восходит к его мемуарам, что демонстрирует отличие их манеры от бесстрастных рассказов Юлия Цезаря о его кампаниях, где мало говорится о подвигах самого полководца. Жанр был иной, однако более важно, что диктатор в умеренной манере описывал свои победы. Его же наследник вместо этого предпочитал в героическом свете изображать свои поражения и победы, одержанные его подчиненными. К 36 г. до н. э. он уже стал достаточно проницательным, чтобы понять, что для достижения успеха ему нужно опираться на способных людей, вроде Агриппы. Цезарь был весьма искусен в том, чтобы приписать главные заслуги в себе и представить свое участие в наилучшем виде.

X Соперники

Войны на суше и на море, гражданские и с внешними врагами, по всему земному кругу часто я вел и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал пощаду.

Деяния божественного Августа. 3.1
Пер. И. Ш. Шифмана

С Марком Антонием его союз никогда не был надежным и прочным и лишь кое-как подогревался различными соглашениями. Наконец, он порвал с ним; и чтобы лучше показать, насколько Антоний забыл свой гражданский долг, он распорядился вскрыть и прочесть перед народом оставленное им в Риме завещание, в котором тот объявлял своими наследниками даже детей от Клеопатры.

Светоний. Божественный Август. 17.1

Цезарю выпала возможность выказать себя героем почти в буквальном смысле – на сей раз за счет союзника. В результате захвата Сицилии впервые за несколько лет укрепились позиции Лепида. Вполне понятно, что возмущенный оттеснением его на второстепенные роли со времен битвы при Филиппах, самый старший из членов триумвирата теперь ожидал, что вернет себе утраченное могущество. Обходя военачальников Цезаря на острове, Лепид уговорил сильнейшую из армий Помпея сдаться

ему и служить под его командованием, доведя свои силы до более чем двадцати легионов – внушительная цифра, даже если они были не полностью укомплектованы. Он позволил бывшим воинам Помпея присоединиться к его людям, когда те грабили Мессану, чтобы завоевать их расположение. Солдаты Лепида вряд ли были в восторге от того, что в дележе добычи позволили участвовать и недавним врагам, но они подчинились. На какое-то время Лепид почувствовал себя весьма могущественным и решил добавить Сицилию к подвластным ему африканским провинциям и сохранить контроль над своей увеличившейся армией. Последовали препирательства с Цезарем и его командирами на местах, поскольку Лепид настаивал на собственном праве осуществлять командование на острове, и его войска были отведены в собственный лагерь. Легионы в те годы являлись безусловной опорой власти, и пренебрегать человеком, располагавшим сильной и преданной армией, было невозможно. Однако лояльность воинов зачастую удавалось перекупить, и вскоре агенты Цезаря уже повели работу среди солдат, как они это уже делали в 43 г. до н. э., переманив на свою сторону Четвертый и Марсов легионы в Брундизии.

За ними последовал император Цезарь, ехавший верхом во главе своей кавалерии. Он оставил их снаружи, а сам отправился в лагерь в сопровождении немногих офицеров и телохранителей. Это напоминало ситуацию противостояния Юлия Цезаря и мятежного Десятого легиона, когда полководец сломил дух воинов, назвав их *quirites*, квиритами, т. е. гражданами или штатскими вместо традиционного *commilitones* – «товарищи по оружию» или «соратники». Его наследнику недоставало той харизмы, что отличала покойного диктатора. Молодого Цезаря мало что связывало с людьми, с которыми ему теперь пришлось иметь дело. Они были чужими для него, некоторые из них еще недавно и вовсе являлись врагами, хотя не приходится сомневаться, что в их рядах находилось несколько командиров, служивших при Юлии Цезаре, и это, видимо, сыграло на руку его преемнику. Лепид и преданные люди пытались остановить дерзкого молодого человека. Цезаря стали толкать, в него едва не попали пущенным дротиком, однако и он сам, и те, кто сопровождал его, остались живы, чего не произошло бы, если бы вся армия Лепида была настроена против него.

Цезарь стал говорить с солдатами, убеждая их присоединиться к нему. Он лично схватил легионного орла – совсем как при Мутине – и пошел к воротам лагеря в надежде на то, что воины этого легиона последуют за ним. Кое-кто так и поступил, некоторые из них сами были знаменосцами, и они в

свою очередь увлекли за собой многих товарищей. Вряд ли можно говорить о внезапной измене. На тот момент большинство воинов не знали, что делать. Подход подкреплений к Цезарю, возможно, помог многим из них определиться. Еще бóльшую роль сыграло то, что Лепиду не удалось переломить настроение в свою пользу, и солдаты стали оставлять его – сначала небольшими группами, а затем и массами. Покинутый триумвир снял с себя доспехи, плащ полководца и пошел сдаваться, облаченный в гражданскую одежду – тогу.

Юлий Цезарь широко демонстрировал свое милосердие, однако триумвиры пошли по иному пути. На сей раз его наследник решил, что последовать примеру «отца» и практично, и выгодно. Лепида изгнали из триумвирата и лишили всех полномочий, но жизнь ему сохранили, выслав в Италию, где он с комфортом жил и дальше. Неясно, насколько Цезарь обладал правом поступать так, однако в условиях тех лет это не имело значения. Лепид оставался великим понтификом вплоть до своей смерти, последовавшей много лет спустя. Его пощадили, поскольку более он не представлял опасности. В таком решении чувствовалась изощренная жестокость, поскольку для римского аристократа сознание того, что кто-то имеет возможность решать его судьбу, было само по себе унизительно, и через много лет Цезарь изредка привозил Лепида в Рим, чтобы тот смог принять участие в церемонии или встрече в сенате. Даже если так и было, то это все равно было куда милосерднее, чем проскрибировать его. Лепид дожил до глубокой старости.[299]

Сексту Помпею повезло куда меньше. С немногими уцелевшими кораблями и людьми он отплыл на восток, предпочитая иметь дело с Антонием, нежели с Цезарем. Это не было лишено смысла, и прием, оказанный ему вначале, вселял надежду, и Секст счел, что у него есть шанс восстановить свои силы и вести переговоры при куда более выгодных условиях, а потому начал набирать армию. Один из военачальников Антония разгромил его, и вскоре Секста казнили. Неясно (как тогда, так и сейчас), отдавал или нет Антоний соответствующий приказ.[300]

Перед триумвиром – а именно так он продолжал именовать себя, несмотря на то, что в коллегии осталось только два человека – стояли куда более серьезные проблемы, нежели судьба сына Помпея Великого. Летом 36 г. до н. э. Марк Антоний начал, наконец, большой поход против Парфии, намереваясь дать удовлетворение римской гордости, униженной поражением Красса и недавним вторжением в восточные провинции. Цезарь не отправил своему коллеге солдат, обещанных ему год назад, однако и без них силы Антония были весьма велики – от

пятнадцати до восемнадцати легионов, а также вспомогательные войска и сильные союзные контингенты, предоставленные правителями-клиентами. Склонный к преувеличениям Плутарх (*Ant.* 37.5) позднее утверждал, что цари до самой Индии пришли в трепет от вести о такой гигантской мощи.

Однако Антоний не был Александром Великим, и парфяне оказались готовы куда больше, нежели персы в IV в. до н. э. План по дезинформации неприятеля дал немного из-за нехватки драгоценного времени, а затем нетерпение побудило его снять затянувшуюся осаду и оставить обоз с недостаточной охраной. Мобильные отряды парфян немедленно атаковали и уничтожили их, так что основная колонна Антония застряла в глубине вражеской территории, лишенная снаряжения и необходимых запасов продовольствия в условиях приближавшейся зимы. Обстановку дополнительно ухудшила измена армянских союзников, но ошибки совершал один лишь Антоний. Не имея иной возможности спастись кроме отступления, римляне начали отход и в течение многих недель подвергались безжалостным атакам со стороны парфян. Антоний выказал личное мужество, да и его люди зачастую сражались храбро, но однажды во время возникшей ночью паники в лагере он впал в отчаяние и даже подумывал о самоубийстве. Лишь известие о том, что тревога оказалась ложной, удержало его от этого. В сущности, вскоре неприятель прекратил преследование, и римская армия наконец смогла в безопасности продолжить свой путь. По меньшей мере четверть легионеров не вернулась, еще больше потери оказались среди лагерной прислуги и союзников, не говоря уже о кавалерийских лошадях и вьючных животных. Выжившие же вряд ли находились в хорошем состоянии после всего, что им пришлось пережить, и требовалось время, чтобы они смогли восстановить силы. К счастью для Антония, парфяне не выказали охоты предпринять ответное вторжение. Он не имел возможности повторить свой удар в течение многих лет, и вообще когда-либо.

Крупный успех в Парфии принес бы Антонию славу полководца, которая позволила бы ему встать вровень с любым из римских военачальников, его современников или уже почивших, и так обогатиться за счет грабежа, что это позволило бы ему одолеть как Цезаря, так и любого другого соперника. Вместо этого он потерпел полное поражение. Многие современные ученые недооценивают значение этой катастрофы, исходя из того, что Антоний потерял не всю армию и остался жив. Зная, что произошло потом, утверждают, что римляне так и не покорили парфян, как и их преемников – персов, но сами римляне этого не знали и не были склонны сомневаться в конечном успехе.

Наибольшей услугой государству считалась победа над внешним врагом. Антоний создавал себе репутацию великого воителя, уподобляясь великому герою Геркулесу и зачастую Дионису, на Востоке почитавшемуся в качестве бога победы не меньше, чем в качестве бога вина. Как мы видели, он обладал ограниченным боевым опытом, особенно на уровне высшего командования. Основная часть кампаний, в которых он участвовал, протекала во время гражданских войн. Поражение Антония ни в коей мере нельзя считать неожиданным. Для него же самого оно стало тяжелым ударом – и в личном, и в политическом отношении.[301]

Слава и надежды

Цезаря провозгласили императором, отсюда следовало, что он – победоносный военачальник, и это постоянно подчеркивалось его пропагандой. К тому времени он уже осознал, что его полководческие таланты не особенно велики, и предпочитал полагаться на более способных подчиненных – таких как Агриппа. К концу 36 г. до н. э. успешный исход борьбы с Секстом Помпеем не вызывал сомнений, что сильно контрастировало с разнородными сообщениями с Востока, в которых Антоний тщетно пытался представить свою неудачу как нечто более похожее на успех. Цезарь возвратился в Рим и справил овацию в честь победы на Сицилии. Празднование победы во время гражданской войны было теперь почти столь же привычным делом, сколь в прежнее время считалось недопустимым, однако враг изображался пиратом или вождем беглых рабов, чтобы представить победу над ним как необходимость, безусловно полезную для государства. Но использование Цезарем тысяч рабов, освобожденных им для службы в его флоте, как бы не замечалось, и каждый бывший раб, обнаруженный среди пленных, возвращался владельцу. Примерно 6000 пленных, чьи хозяева не обнаружились в срок, были казнены – скорее всего, сознательное воскрешение в памяти расправы Красса с таким же числом уцелевших участников рабского восстания Спартака в 71 г. до н. э. Сенат вотировал Цезарю почесть в виде установления его статуи, представлявшей его в героической наготе, на вершине колонны, украшенной носами боевых кораблей. Ее выставили на Форуме, рядом с аналогичным памятником, увековечившим первую морскую победу Рима, одержанную также при Милах, но в 260 г. до н. э. над грозным карфагенским флотом.[302]

Оживление воспоминаний о победах над опасными внешними врагами, не приносило никакого вреда. Впрочем, лучше было самому одерживать новые победы, и потому в течение трех последующих лет Цезарь проводил бóльшую часть

времени в походах против племен, живших в провинции Иллирии и за ее пределами. Юлий Цезарь планировал кампанию на Балканах в качестве прелюдии к парфянской экспедиции. Два военачальника, присланных диктатором, в 40-х годах до н. э., потерпели здесь поражение, потеряв в ходе военных действий несколько боевых штандартов. Урон был незначительным по сравнению с тем, что несли римляне от парфян, захвативших куда более внушительную коллекцию трофеев. Тем не менее ситуация в Иллирии давала шанс отомстить за недавние неудачи и возвратить символы утраченной римской чести.

В 35 г. до н. э. Цезарь действовал на севере, дойдя до Сегесты на р. Сава (нынешний Сисак в Хорватии) и разместил здесь на зимние квартиры два с половиной легиона. Вполне возможно, что он подумывал о крупной экспедиции в сторону Дуная и Дакии, царь которой рассматривался в последние годы как серьезная угроза и чьи владения, что еще более вероятно, являлись конечной целью наступления, планировавшегося Юлием Цезарем. Если такие идеи теперь и возникали, то от них быстро отказались – по крайней мере на данный момент. В 34 г. до н. э. внимание все больше сосредотачивалось на Далмации. Операции велись против многих мелких племен и кланов – Цезарь перечислит не менее тридцати различных народов, когда отправит сообщение сенату по окончании кампаний. Местность была трудной для боевых действий, и в прошлом не одна римская армия оказывалась в окружении, когда враги занимали все входы и выходы из долин, окруженных возвышенностями или горами. Цезарь действовал осторожно, посылая фланговые отряды вдоль вершин холмов по обе стороны – практика, известная в пограничных районах Северо-Западной Индии в XIX в. Та же задача стояла и в I в. до н. э. Любой неприятель, пытавшийся атаковать главную колонну на дне долины, в свою очередь оказывался под ударом римских фланговых отрядов, занимавших позиции на склонах. Имели место не крупные бои, а множество рейдов и засад, не раз осаждались цитадели племен на вершинах холмов.[303]

Вновь и вновь делался акцент на личных заслугах императора Цезаря, что наверняка восходит к его собственным мемуарам. Во время осады Метула – небольшое место, чье название было едва известно в римское время, а ныне его невозможно локализовать – он начал наблюдать за штурмом с удобной точки на высокой башне. Его солдаты соорудили насыпь напротив вражеской стены, но не вплотную к ней. На ее вершине было четыре мостика, по которым римляне могли перейти на вражескую стену. Обороняющиеся яростно сопротивлялись, и в конце концов

первый, а за ним второй и третий мосты опрокинулись или упали под тяжестью атакующих, так что легионеры все менее охотно ступали на последний из оставшихся мостов.

Цезарь сошел со своего наблюдательного пункта и стал кричать своим людям, призывая их идти вперед. Когда это не принесло успеха, он решил увлечь их личным примером: вырвал щит у простого воина – то же самое сделал, как известно, Юлий Цезарь в один из критических моментов – и бросился на последний уцелевший мост, сопровождаемый только Агриппой и некоторыми другими людьми из своего штаба. Вдохновленные или пристыженные, легионеры толпой бросились за ним, но их оказалось слишком много, и под тяжестью множества воинов мост рухнул в глубокую впадину между насыпью и стеной. Некоторые из атаковавших погибли при падении, Цезарю же удалось отделаться травмами правой руки и обеих ног. Он быстро вернулся – вероятно, не без серьезной помощи со стороны – на верхушку наблюдательной башни, благодаря чему воины могли видеть, что он жив и по-прежнему в состоянии руководить боем (а в последующие годы и вознаградить своих солдат). Легионеры принялись строить новые мосты, так что приступ можно было возобновить. Обескураженные таким упорством и решимостью, столь свойственными римлянам, защитники Метула вскоре сдались.[304]

Годом позднее, сражаясь у стен другой, неизвестной нам крепости, императора Цезаря ранили камнем в колено (брошенным или запущенным из пращи – неясно) и в течение нескольких дней он не мог ходить. Эти операции не отличались масштабностью, однако сопровождавшая их борьба была серьезной и трудной. Во время какой-то осады одна из когорт во время ночной вылазки неприятеля запаниковала и обратилась в бегство. Цезарь приказал подвергнуть ее децимации, т. е. одного человека из десяти забить насмерть, а остальным до конца кампании выдавать в качестве рациона ячмень вместо пшеницы – позорящее наказание, ибо ячмень являлся пищей животных и рабов. Более необычной стала казнь двух центурионов, упомянутая в источниках. Поскольку в когорте насчитывалось самое большее шесть командиров такого ранга, это показывает, что главная ответственность лежала на них. Антоний подверг децимации одну из своих когорт в 36 г. до н. э. в Армении во время аналогичной паники. Рассказывали и об одном военачальнике в Испании, который в эти годы прибег к той же мере.[305] Это было традиционным наказанием, но в последнее время оно применялось редко и рассматривалось как проявление почти забытой стародедовской суровости.

Император Цезарь, безусловно, хотел выглядеть выдающимся римским военачальником в традиционном стиле, совсем как его покойный отец. Прежде всего такие люди должны быть удачливы, и хотя иллирийские кампании не имели такого значения, как поход Антония в Парфию, они закончились победой, а не поражением. Цезарь возвратился в Рим летом 33 г. до н. э., привезя с собой трофеи, захваченные у разбитого и униженного врага, и прежде всего римские штандарты, утраченные в ходе предыдущих неудач. Их выставили в недавно восстановленном портике Октавии. Сенат с готовностью предоставил ему триумф в добавление к двум прежним овациям, хотя победитель предпочел отложить празднование на более позднее время. Мир сильно изменился с тех пор, как Юлий Цезарь стоял перед выбором между пребыванием вне Рима до триумфа или отказом от этой почести и вступлением в город, чтобы иметь возможность добиваться консульства. Его наследник приходил и уходил, когда хотел, и это никак не влияло на его полномочия.[306]

Цезарь возвращался во время войны в Иллирии несколько раз, и в 33 г. до н. э. стал консулом вторично. Прошло уже почти десять лет со времени его первого консульства, однако поскольку ему было только двадцать девять лет, подобные условности более не имели какого-либо значения. Он отказался от должности за день до истечения ее срока, что позволило ему тут же назначить себе замену. Антоний то же самое сделал в предыдущем году и даже не покидал провинцию, чтобы явиться в Рим для вступления в должность. Триумвиры намного превзошли Юлия Цезаря в небрежном обращении с высшими римскими магистратурами. Ни одна пара консулов не исполняла теперь уже должность в течение всего года, оставляя ее и позволяя занимать свои места заместителям – консулам-суффектам. Те в свою очередь могли уйти, чтобы дать шанс другим людям, и в 33 г. до н. э. оказалось не меньше шести консулов-суффектов, хотя это ничто по сравнению с тридцатью семью преторами, назначенными в 38 г. до н. э. – всего они исполняли обязанности одновременно. Каждый получил ранг консуляра с правом первоочередного выступления на заседаниях сената.[307]

Подобная щедрость распространялась и на триумфы. В 30-х годах до н. э. их отпраздновало несколько военачальников Цезаря и Антония – только в 34–33 гг. до н. э. таковых было шесть. Многие предпочли увековечить свои победы, построив или восстановив в городе внушительные памятники в честь них. Азиний Поллион справил триумф в 39 г. до н. э. и приступил к восстановлению Атрия Свободы, использовавшегося цензорами, добавив к нему библиотеку, в одном крыле которой хранились

греческие книги, а в другом – латинские. Это была первая такая библиотека, открывшаяся в Риме, поскольку осуществление аналогичного проекта Юлия Цезаря отложили после его смерти. Тит Статилий Тавр отпраздновал триумф в 34 г. до н. э. и начал возводить первый в Риме каменный амфитеатр; в прошлом использовались временные места, зачастую возводившиеся напротив крупных общественных зданий. В том же году Гай Сосий справил триумф в честь отвоевания Иерусалима и восстановления власти Ирода Великого в Иудее и принялся строить храм Аполлона, известный впоследствии как храм Аполлона Сосиана (его и сегодня можно видеть возле театра Марцелла).

Победы над внешними врагами были в глазах римлян достойным поводом для празднеств. Неверно считать эти церемонии и сопровождавшие их строительные проекты проявлением конкуренции между сторонниками Антония и Цезаря. Каждый из этих людей был римлянином, гордившимся своими свершениями независимо от политической позиции, и даже в те времена, когда триумвиры делили между собой власть над республикой и провинциями, они не располагали какими-то конкретными партиями. Во всяком случае, успехи военачальников Антония контрастировали с его собственными неудачами; те же ассоциации вызывали у людей и триумфы полководцев Цезаря. Более важным было сознание того, что войны ведутся против настоящих врагов, а не собратьев-римлян. Строительство в самом сердце Рима уже само по себе вносило оживление в жизнь города, пробуждая оптимистические настроения еще до его окончания. Это, кроме всего прочего, давало многим возможность подработать, будь то в качестве ремесленников или рабочих, и являлось отличным бизнесом для поставщиков материалов.

Император Цезарь продолжал возводить многие крупные сооружения, задуманные еще покойным диктатором, из которых особенно известен Форум с восстановленным зданием сената и новый храм Венеры, украшавший его центр. Как ни пышно выглядели отдельные сооружения, построенные другими, ни одно из них не могло произвести то впечатление величия и масштабности, какое оставляли его проекты в целом. В 33 г. до н. э. Агриппа вступил в должность эдила, которой по большей части пренебрегали, поскольку сторонники триумвиров добивались более высоких магистратур; необычный выбор для человека, уже побывавшего в консульской должности – он уже занимал высшую магистратуру в 37 г. до н. э., – хотя, видимо, стоит вспомнить о том, что в прошлом считалось чем-то из ряда вон выходящим, когда человек в возрасте тридцати с небольшим лет уже имел за плечами консулат. Молодой человек, который

участвовал в операциях в Галлии, вытеснил с морских просторов Секста Помпея и которого последний раз видели с Цезарем, когда он возглавил атаку по наводному мосту в Метуле, взял на себя заботы о городском благоустройстве с присущими ему энергией и знанием дела.

Был построен новый акведук, Аква Юлия, – как обычно, славу этой постройки, возведенной его усилиями, Агриппа тактично приписал своему шефу; другие сооружения он восстановил или провел их масштабную реставрацию. Речь шла не просто о большой постройке: удобный доступ к текучей воде появился во всем городе, 700 новых цистерн, 500 фонтанов, 130 водонапорных башен. Были обследованы, отремонтированы и реконструированы канализационные трубы. Бывает возможно привлечь внимание народа выполнением необходимых, хотя и повседневных задач, и люди долго вспоминали, как великолепный эдил греб в лодке, плывя по всей длине Большой клоаки, главной канализационной магистрали Рима. Помимо обустройства практических удобств он организовал в городе пятидесятидневные игры, во время которых толпе раздавали призы; сделал так, что 170 раз общественные бани оказывались бесплатными, и там работали цирюльники, брившие граждан также бесплатно. Эстетикой не пренебрегали. Многие фонтаны были украшены статуями или колоннами, а в общественных парках устраивались грандиозные выставки произведений искусства.

Жизнь в Риме была более комфортабельной для всех, а не только для богачей. В то же время обстановка в Италии начинает стабилизироваться после нескольких лет хаоса гражданской войны, проскрипций, земельных конфискаций и колонизации. Император Цезарь нес ответственность за все это, и потому многие ненавидели его. Однако теперь они как будто успокоились, и никто не хотел, чтобы вернулись прежние времена. Немногие готовы были симпатизировать ему, но испытывали благодарность за возвращение внутреннего мира, и росла уверенность, что так будет и дальше. Некоторые, возможно, чувствовали, что предстоит еще один акт, поскольку никто не знал, когда и как вернется Антоний.

Аполлон Актийский

Теперь настало время поговорить о Клеопатре, и для читателей может оказаться неожиданностью, что она так мало появлялась на страницах книги. При всей своей репутации и популярности как романтического персонажа и символа Востока или независимой женщины в мире, где господствовали мужчины, в действительности она имела мало власти и играла скромную роль в средиземноморском мире, где безраздельно властвовал

Рим. Клеопатра была одной из числа многих правителей-клиентов, сильно зависевших от поддержки со стороны римлян в деле сохранения власти и защиты от соперников. Юлий Цезарь восстановил ее на престоле и отстранил от власти ее брата и соправителя Птолемея XIII. Клеопатра дважды посетила Рим при жизни диктатора – несомненно, обеспокоенная тем, чтобы переменчивый любовник не поддержал мер, которые привели бы к ее ослаблению. Мысль о том, что он сделал ее своей постоянной любовницей и что она направляла его политику, является мифом позднейших времен. Их ребенок, прозванный Птолемеем Цезарионом, прибыл со своей матерью, однако он не был гражданином или законнорожденным ребенком и потому не играл какой-либо роли в римской политике. После мартовских ид она задержалась в Риме на несколько месяцев, стремясь добиться признания со стороны нового режима, каким бы он ни был, который возник после смерти диктатора. Того же добивались зависимые правители и государства, лично или через представителей, и одна группировка лоббировала передачу части или даже всего царства ее сестре, Арсиное. Цицерон называет имя Клеопатры в часто цитируемом пассаже, однако несколько кратких ее упоминаний в его обширной переписке показывают незначительность ее роли. Когда царица вернулась в свое государство, то немедленно расправилась со своим вторым братом, Птолемеем XIV, которого сделал соправителем Клеопатры Юлий Цезарь, и заменила его на троне Цезарионом. Маленького ребенка было легче контролировать, чем брата-подростка.[308]

Клеопатра и Антоний стали любовниками осенью и зимой 41/40 г. до н. э. Он оставил ее беременной, закрепил за ней престол и услужливо расправился с Арсиноей, устранив тем самым последнего взрослого соперника в борьбе за власть над Египтом – по крайней мере до тех пор, пока дети не станут достаточно зрелыми, чтобы составить конкуренцию. Любовники не видели друг друга три с половиной года, и Антоний женился на Октавии, от которой имел двух дочерей. Зимой 37/36 г. до н. э. он привез Клеопатру в Антиохию и увидел их детей-близнецов – мальчика Александра Гелиоса и девочку Клеопатру Селену, солнце и луну – и возобновил любовную связь, чтобы получить египетское зерно для прокормления своей армии и серебро для выплаты жалованья воинам. К тому времени, как он отправился в парфянский поход, царица вновь забеременела. Она родила мальчика, Птолемея Филадельфа, еще до его возвращения из неудачной кампании. После того как Клеопатра вызвала своего любовника, чтобы утешить его, в небольшой город на побережье

современного Ливана, они редко расставались надолго.[309]

В 35 г. до н. э. Октавия совершила путешествие в Афины, приведя с собой отряд отборных преторианцев, всадников и стадо обычных, но очень полезных вьючных животных, чтобы они заменили тех, которых лишился во время похода в Парфию ее супруг. Антоний принял все это, но на встречу с женой не поехал, предложив ей возвратиться в Рим. Октавия никогда не ездила дальше Греции, когда сопровождала мужа в предшествующие годы; магистрату не пристало брать с собой жену в провинцию, не говоря уже о походе. Но не было нормальным и столь открыто держать любовницу царского статуса. Цезарь, несомненно, очень выиграл от этого контраста: законная жена-римлянка отвергнута, тогда как скандальная связь с Клеопатрой выставляется напоказ. Некоторые задавались вопросом, не он ли подстроил все это, уговорив сестру поехать, чтобы выставить Антония в худшем свете. Бесспорно, в отношениях между триумвирами уже произошло сильное охлаждение.[310]

Цезарь смог посетить Рим в эти годы, Антоний – нет. Октавия продолжала поступать как верная своему долгу жена, радушно принимая людей, приходивших от ее мужа, и стараясь обеспечить им должности и почести. Однако чтобы добиться этого, ей нужно было обращаться к своему брату. Говорили, будто она отказалась от его предложения развестись с супругом, но вместо этого продолжала представлять его интересы. Помогая людям Антония, Цезарь укреплял и свою репутацию. Он был в куда более благоприятном положении, нежели Антоний, для того чтобы приобретать новых сторонников – хотя бы потому, что он находился в Италии или рядом с нею. Уступки жертвам земельных конфискаций теперь выглядели как милость с его стороны, а не простое смягчение режима грубого произвола. Цезарь добился успеха в ходе войн в Иллирии, блокада со стороны Секста Помпея была прорвана, а угроза с его стороны устранена, Рим и Италия постепенно входили в полосу нормального, стабильного существования. Теперь все больше укреплялась репутация Цезаря, а не его коллеги, находившегося в далеких краях. В конце 36 г. до н. э. его персона стала священной и неприкосновенной, как если бы он являлся одним из плебейских трибунов, однако в данном случае эта привилегия носила постоянный характер, а не давалась лишь на год пребывания в должности. Годом позднее ту же почесть даровали Ливии и Октавии, которым помимо этого поставили статуи. Они также получили право вести финансовые дела без контроля со стороны опекунов. Само собой, личность Цезаря имела особый статус, и то же самое касалось его близких родственников.[311]

В 34 г. до н. э. Антоний вновь выступил в поход, хитростью захватив своего бывшего союзника – царя Армении. Это был определенный успех, однако совершенно недостаточный для того, чтобы компенсировать неудачу похода на Парфию. По возвращении в Александрию он устроил грандиозную процессию в честь победы, царя провели в золотых (или, согласно другому источнику, в серебряных) цепях вместе с другими пленниками царского статуса перед колесницей, в которой ехал Антоний, облаченный в костюм Диониса. Кульминацией торжеств стала его встреча с Клеопатрой, восседавшей на троне с богато украшенным основанием. Все это очень напоминало римский триумф, но происходило не в Риме, а в иноземном городе, причем скорее в интересах чужестранной царицы, нежели сограждан. Правда это или нет, но Цезарь и его сторонники изображали случившееся именно так.[312]

Позднее в том же году Антоний и Клеопатра председательствовали на другой церемонии, устроив празднество в пышном стиле любимых ими Птолемеев. Так называемые александрийские дарения подтверждали власть царицы и Цезариона как ее соправителя, и трем парам детей передавалось несколько римских провинций на Востоке – Александру Гелиосу достались Парфия и Мидия, ни одна из которых не находилась под контролем Антония или Рима. Клеопатра получила титул «царицы царей, чьи сыновья тоже цари», и не вызывает сомнений, что она намеревалась закрепить свои власть и господство за собственными детьми, старший из которых был уже подростком, который вскоре уже мог стать ее потенциальным соперником. Заметных изменений в делах управления на Востоке не произошло, и трудно понять, что намеревался делать Антоний, поскольку истина оказалась быстро погребена под нагромождениями враждебной пропаганды. Ближайшие соратники Антония скрыли его сообщение об этих событиях, ибо оно слишком вредило его репутации.

Критика в адрес Антония нарастала с каждым днем – если не со стороны самого Цезаря, то со стороны близких к нему людей. Антоний был в плену роковой восточной царицы и ее испорченных придворных.[313] Стихотворение, написанное Горацием несколько лет спустя, отражает основные черты этой критики:

О римский воин, – дети, не поверите! — Порабощен царицею, Оружье, колья носит: служит женщине И евнухам морщинистым; В военном стане солнце зрит постыдную Палатку в виде полога![314]

Антония изображали как человека, находившегося в

состоянии опьянения, возможно наркотического, под воздействием волшебных снадобий, данных ему Клеопатрой. Он перестал себя вести как римлянин и забыл, что является слугой республики. Постоянно подчеркивался контраст с Цезарем, который одерживал победы и действовал во благо государства, прославлялся сенатом и народом Рима и жил со своей римской женой. Антоний утверждал, что ведет свой род от Геркулеса, и потому в искусстве и литературе стала обыгрываться история о том, как этот полубог оказался одурачен Омфалой, которая одела его в женское платье и заставила прясть шерсть, тогда как сама взяла его дубину и облачилась в его львиную шкуру.[315]

«Обмен любезностями» не был односторонним. В открытом послании Антоний писал, нападая на Цезаря за его двойные стандарты, когда тот критиковал связь соперника с Клеопатрой: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, – да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?» (Suetonius, *Augustus* 69.2).

Распутство Цезаря было хорошо известно, но одно дело иметь многочисленные романы с римлянками и совсем другое – демонстрировать свою связь с чужеземной любовницей. Клеопатра была гречанкой, а римляне испытывали сложные чувства к эллинам – восхищение смешивалось с сознанием собственной культурной неполноценности и презрением к покоренному народу. Хуже было то, что она являлась правительницей Египта, а в Античности существовало немало стереотипов в отношении египетских варваров и их богов с головами животных. Цезарь и его сторонники имели предостаточно материала для пропаганды. Антоний же вел себя так, что это мало помогало его делу. В своем только что изданном сочинении «О моем пьянстве» он защищал себя от обвинений в этом пороке – возможно, указывая, что никогда не утрачивал способности действовать или не оказывался под влиянием алкоголя, когда выполнял свои обязанности, – подробностей мы не знаем, поскольку этот труд не дошел до нас. Но то, что ему приходилось оправдывать свое поведение, уже показывало, что вред все-таки был нанесен.[316]

Антоний больше нападал, чем защищался, и то, что обе стороны изливали друг на друга потоки грязи, не слишком заботясь об истине, было вполне в традициях римской политической инвективы. Цезарю вновь припомнили его

малодушное поведение при Филиппах, а заодно и поражения, понесенные им от Секста Помпея, и его очевидную трусость. Цезарь был подлым выродком, отдавшимся диктатору, чтобы снискать его расположение. После этого он намеревался выдать маленькую Юлию за царя крохотного иллирийского племени и даже рассматривал эту возможность – проект, несомненно, более убийственный, нежели любые заигрывания с Клеопатрой, и это не имело бы значения, если бы не было правдой. Естественно, аристократ Антоний вновь стал выказывать презрение к скромному происхождению подлинной, а не приемной семьи своего соперника. Только теперь на этой поздней стадии определенное значение начал приобретать Цезарион. Это случилось не потому, что он имел какие-то права, но просто потому, что как родной сын диктатора являлся живым свидетельством простого факта: самозваный император Цезарь, сын бога, ни в какой мере не кровный родственник Юлия Цезаря. Его приемный сын поручил Оппию, одному из старых соратников диктатора, написать памфлет, где доказывалось, что Цезарион вообще не был ребенком диктатора. Антоний реагировал на это утверждением, что он слышал, как Юлий Цезарь признал мальчика.[317]

Легко обвинить Цезаря в том, что именно он целиком и полностью ответствен за разжигание конфликта. В конце концов он победил, и следовательно, выступал в роли движущей силы событий, однако в действительности оба триумвира ревниво относились к своей власти и не стремились предотвратить решающее столкновение. Летом 33 г. до н. э. Антоний сосредоточил легионы на Евфрате. Всякую мысль о нападении на Парфию он быстро оставил, если вообще рассматривал всерьез, а вместо этого приказал начать быстрый марш в сторону побережья Малой Азии, более чем за 1000 миль. Единственным возможным его врагом на Западе был Цезарь.

Двое видных сторонников Антония, Гней Домиций Агенобарб (бывший флотоводец Брута и Кассия) и Гай Сосий вступили в должность консулов 1 января 32 г. до н. э. Пятилетний срок полномочий триумвиров закончился, вероятно, в конце предшествующего года, но Цезарь и Антоний продолжали командовать армиями и управлять провинциями несмотря на то, что у них уже отсутствовали формальные полномочия. Домиций Агенобарб восхвалял Антония и косвенно критиковал Цезаря. Сосий выступил с резкими нападками на Цезаря и представил на рассмотрение сената предложение, осуждавшее Цезаря, которое было заблокировано трибунским вето еще до постановки на голосование. Благоразумно отсутствовавший на этом заседании,

на следующее Цезарь явился в сопровождении воинов и друзей, которые несли «спрятанные» кинжалы так, чтобы их было видно. Независимо от того, имелся ли у него легальный *imperium*, он спокойно восседал в кресле между обоими консулами, демонстрируя, что обладает властью *de facto*. Агенобарб и Сосий поняли намек и покинули Рим, беспрепятственно отправившись в Грецию, чтобы встретиться там с Антонием. Некоторые другие последовали за ними.[318]

Однако движение не было односторонним. Консуляр Луций Мунаций Планк прибыл в Рим в сопровождении своего племянника Марка Тиция, консула-десигната следующего года и человека, который непосредственно отдал приказ о казни Секста Помпея. Планк имел незавидную репутацию перебежчика, но его решение воспринималось как свидетельство того, в какую сторону дует ветер. До недавнего времени он был одним из главных участников пиршеств Антония и Клеопатры. Именно он выступал судьей, когда царица держала знаменитое пари со своим любовником о том, что устроит им самый дорогой пир, и объявил ее победительницей, когда она растворила в вине сказочно дорогую жемчужную сережку и выпила ее. На другом празднестве он играл роль морского бога Главка в некоем сюжете, связанном с олимпийцами, и консуляр надел бутафорский рыбий хвост, раскрасил себе кожу и танцевал в голом виде. Теперь он оставил Антония. Как язвительно заметил один из сенаторов, «много же, клянусь Геркулесом, натворил Антоний до того, как *ты* его покинул!».[319]

Мунаций Планк прекрасно умел извлекать выгоду из одного своего присутствия. Как свидетель при составлении завещания Антония он знал о некоторых его пунктах, способных принести ущерб завещателю. Документ хранился в храме Весты в Риме, и хотя и старшая весталка отказалась отдать завещание, Цезарь лично явился в храм, забрал его и зачитал выдержки из него, во время сходки на Форуме. Содержание – или то, что Цезарь счел нужным зачитать из него – произвело шокирующее впечатление. Антоний официально признавал Цезариона сыном Юлия Цезаря – недостаточная причина для включения его в завещание – и оставил долю наследства своим детям от Клеопатры. Следовало то же сделать в отношении детей от законной жены-римлянки, но этого не произошло. Еще более компрометировало Антония то, что он попросил похоронить его рядом с Клеопатрой в Александрии, даже если он умрет в Италии.[320]

Ни один из наших источников не позволяет думать, что завещание было подделано, в чем они, несомненно, правы. Нет, Цезарь просто исказил содержание и ухудшил впечатление от

документа, и без того составленного не очень удачно и не предназначенного для обнародования. Своим поведением он подчеркивал контраст с соперником. Ему было только тридцать, однако Цезарь уже начал сооружать гробницу для себя и своей семьи. В прошлом памятники, возводившиеся аристократами, имели целью возвеличить славу фамилии и обратить на себя внимание, однако этот затмевал собой все, что строили прежде. Вскоре он становится известен под названием Мавзолея, по имени одного из семи чудес света – знаменитой усыпальницы карийского царя Мавсола (Мавзола).

Имея триста римских футов в диаметре и сорок футов в высоту, эта стена увенчивалась куполообразным могильным холмом с колоссальной статуей Цезаря наверху. Масштабы ее были царскими, снова давая понять, что император Цезарь отличается от других людей. Еще большее значение имело то, что она находилась в Риме, хотя формально Марсово поле, на котором она стояла, не входило в городскую черту – как и подобало гробнице. Цезарь был до мозга костей римлянином и в отличие от Антония не думал о погребении где-либо еще кроме Рима. Ходили слухи, что его соперник хотел перенести столицу в Александрию – отголосок более раннего слуха об аналогичном замысле Юлия Цезаря. Еще одна сплетня гласила, что Клеопатра любила клясться словами: «Это так же верно, как то, что я буду вершить правосудие на Капитолии». Не имело значения, что эти истории противоречили одна другой – главное, что Антоний выполнял ее приказы и больше не заботился об интересах Рима. [321]

Клеопатра была врагом. Это являлось постоянной темой пропагандистских кампаний, поскольку проще было представить народу грядущую схватку как борьбу с внешней угрозой, а не как очередную гражданскую войну между римскими военачальниками. Представлялось все так, что речь шла не о выборе между Цезарем и Антонием, а о защите Рима. Вся Италия – *tota Italia* – дала клятву сражаться в этой войне под руководством Цезаря. Колониям ветеранов Антония разрешили отказаться от принесения присяги, если таково их желание, хотя лишь очень немногие воспользовались этим предложением, и никто не выказывал желания воевать за него – тщательно срежиссированная демонстрация солидарности. Многие сенаторы – возможно, таковых набралось несколько сотен – уехали, чтобы присоединиться к Антонию, и на многих современных историков это производит впечатление. Некоторые из них имели перед ним обязательства, а другие, видимо, просто думали, что у него больше шансов на победу, или были настолько отчаянны, что

питали надежды на новый переворот. Немногие уцелевшие участники заговора против Юлия Цезаря приняли сторону Антония, поскольку имели мало шансов рассчитывать на благосклонный прием наследника покойного диктатора. Цезарь хвастался, что 700 сенаторов дали клятву служить под его началом, и даже если это сильное преувеличение, то в любом случае речь шла о бесспорном большинстве представителей сенаторского сословия. Некоторые предпочли открытый нейтралитет, среди таких наиболее известен Азиний Поллион, который объяснил это так: «Услуги, оказанные мною Антонию, слишком велики, а его благоволение ко мне слишком известно. Поэтому я уклонюсь от вашего спора и лучше буду добычей победителя».[322]

Летом 32 г. до н. э. Цезарь официально объявил от имени Римской республики войну Клеопатре. В далеком прошлом объявлением войны и заключением мира ведала жреческая коллегия, известная под названием фециалов (*fetiales*). Был возрожден архаический ритуал – или его воспроизвели в том виде, в каком он, как считали, должен происходить, – так что Цезарь председательствовал в качестве фециала на священнодействии в храме богини войны Беллоны. Копье погрузили в кровь жертвенного животного, затем объявили о претензиях к Клеопатре, после чего копье метнули в участок земли, символически представлявший египетское царство.[323]

Армия и флот Антония уже сосредоточились у западного побережья Греции. Было уже слишком позднее время года, чтобы стороны могли нанести удар, однако Антоний, по-видимому, собирался подождать, а затем начать боевые действия в Греции. Тот же план без успеха пытался осуществить в 48 г. до н. э. Помпей, а Брут и Кассий – в 42 г. до н. э. Единственным, кто сумел выиграть гражданскую войну, используя Грецию в качестве базы, был Сулла, и он добился успеха, переправившись в Италию и перенеся войну на ее землю. Антоний надеялся на огромные размеры своих армии и флота и рассчитывал, что неприятель допустит ошибку и будет побежден. Как и другие недавние войны, эта могла приобрести немалые масштабы. Клеопатра находилась на стороне Антония, и ее присутствие порождало трения с его видными соратниками. Разумеется, если бы он переправился в Италию, это имело бы губительные последствия, и такова была одна из причин, по которой он не хотел начинать вторжение. В результате он отдал инициативу в руки врага.[324]

Агриппа повел наступление – вероятно, именно он и спланировал всю кампанию и, конечно, осуществлял руководство во все ключевые моменты, систематически срывая планы

Антония. В результате серии молниеносных атак он разрушил несколько баз Антония, поставив под угрозу его коммуникации. По мере того как противник слабел от этих ударов, Цезарь, в том году ставший консулом уже в третий раз, сам отплыл с основными силами армии и высадился в Эпире, заняв город под названием Торина, что означает «мешалка». Клеопатра острила, говоря, что не стоит беспокоиться, если Цезарь сел в мешалку – это слово на сленге означало фаллос, – однако отсюда следовало, что неприятель пересек Адриатическое море, а Антоний еще не сосредоточил достаточных сил для отражения врага. Цезарь запер его на главной базе на мысе Акций в Амбракийском заливе, установив блокаду и с моря и с суши. С конца весны и в течение всего лета люди Антония не могли прорвать блокаду или сразиться с противником в выгодных для себя условиях. Все это время они несли потери от болезней, поскольку их лагерь находился в нездоровом месте, а потому малярия и дизентерия были здесь обычным делом. Люди Цезаря видели это и ждали, когда враги ослабеют, и в течение нескольких месяцев они одержали немало маленьких побед, в одном из случаев едва не захватив самого Антония. Перебежчики – одни из них были простыми легионерами или воинами вспомогательных отрядов, а другие, как Домиций Агенобарб, сенаторами – тихо покидали лагерь Антония, чтобы встретить радушный прием у Цезаря. В обратном направлении никто не шел.[325]

2 сентября 31 г. до н. э. флот Антония вышел в море, чтобы дать бой врагу. По крайней мере некоторые из кораблей мачты и паруса везли на палубах, когда считали, что им лучше обойтись без этих громоздких предметов. Военные корабли, когда вели бой, маневрировали исключительно с помощью весел, и это решение ясно показывает, что Антоний намеревался прорываться со всем флотом или хотя бы его частью. Возможно, он все еще надеялся изменить ситуацию выиграв морское сражение, однако и планирование неудачи едва ли настраивает военачальника на оптимистический лад. Потребовались часы для построения флотов в боевые порядки, а затем еще какое-то время они стояли друг против друга, поскольку ни одна из сторон не хотела сражаться слишком близко к берегу. Когда, наконец, люди Антония продолжили движение вперед, Агриппа велел своим кораблям несколько отойти назад, чтобы иметь больше пространства. Затем они попытались обойти врага – флот Цезаря, вероятно, обладал некоторым численным превосходством, и его капитаны и матросы имели, несомненно, куда больше опыта после жестокой войны против Секста Помпея. В состав обоих флотов входило немало боевых кораблей, и когда началась битва,

оказалось нелегко наносить удары таранами. Вместо этого сражающиеся посылали друг в друга метательные снаряды и шли на абордаж. Поскольку корабли маневрировали, чтобы получить преимущество, боевая линия стала распадаться, и в ней появились разрывы.

Воспользовавшись северо-северо-западным ветром, который обычно начинает дуть в середине дня, эскадра под командованием Клеопатры неожиданно подняла паруса, вышла из-за основной линии флота и направилась прямо в большой разрыв в центре. Не обращая внимания на сражавшиеся суда, эскадра продолжала следовать своим курсом, в то время как Антоний покинул свой флагманский корабль и поспешил за нею на быстроходном судне. От семидесяти до восьмидесяти кораблей обратились в бегство, увозя с собой основную часть казны Клеопатры, однако они составляли самое большее четверть флота, если не меньше. Остальные продолжали сражаться, причем некоторые делали это с большой решимостью. В конце концов уцелевшие в мрачном настроении отошли обратно в гавань. Флот Антония потерял 5000 человек и определенное число кораблей. Сам Антоний проиграл войну даже несмотря на то, что он и его любовница бежали вместе со своими деньгами. Его легионы сопротивлялись попыткам их командующего, Публия Канидия, уйти прочь. Вместо этого повели переговоры о приемлемых условиях прежде чем сменить фронт и присоединиться к Цезарю. Остатки флота сдались вместе с ними.[326]

Антоний остался жив, но за все сокровища мира он не мог купить новые армию и флот, чтобы заменить те, что он потерял, и возместить ущерб, нанесенный его репутации.[327] Римский аристократ не должен был признавать, что побежден, и уж тем более оставлять своих людей, чтобы бежать со своей любовницей. Перед Цезарем же встали куда более насущные проблемы, нежели погоня за соперником. Он оставил Меценату контроль над Италией и Римом – дело, с которым тот справился весьма грамотно несмотря на то, что оставался лишь всадником, не занимал никаких должностей и не являлся сенатором. Легионеры, отслужившие свой срок, требовали немедленной демобилизации и предоставления им обещанных денег и земельных участков. Бывшие солдаты Антония присоединились к ним, также добиваясь наград. Удерживать в повиновении и проводить частичную демобилизацию около сорока легионов было нелегким делом. Агриппу направили для помощи в решении этих задач, и сам Цезарь последовал за ним в конце года. Столкнувшись с угрозой мятежа или волнений, он не поскупился

на щедрые обещания. С другой стороны, он хотел избежать потрясений, которые стали питательной средой для восстаний во время Перузинской войны. Землю в Италии не следовало приобретать путем конфискации, из чего следовало, что нужны деньги для ее покупки. Цезарь снова отправился на Восток, чтобы раздобыть в нужном количестве звонкую монету.[328]

Многие правители-клиенты и зависимые от Рима общины теперь изъявляли готовность перейти от Антония на сторону его соперника и дать ему то, в чем он нуждался. Все были рады заплатить Цезарю, чтобы убедить его в своей лояльности. Клеопатра пыталась вступить с ним в переговоры, питая те же надежды. Несмотря на всю свою пропаганду, она оставалась верным союзником Рима и, без сомнения, могла эксплуатировать своих подданных в его интересах столь же активно, как раньше в интересах Юлия Цезаря и Антония. У Антония шансов на спасение не оставалось, и какие бы чувства Клеопатра к нему ни испытывала, ей удалось дожить до тридцати девяти лет, несмотря на смертельно опасное соперничество, которое происходило в ее семействе и при александрийском дворе, а также борьбу за власть в Риме. Цезарь лицемерно обнадежил ее, и она, возможно, инспирировала дезертирство среди своих воинов, когда его легионы вступили в Египет.[329]

Антоний решил совершить самоубийство в подражание Бруту, Кассию и многим другим аристократам своего поколения. Возможно, Клеопатра поспособствовала его гибели, однако ее любовник сделал дело не вполне чисто и прожил еще достаточно, чтобы их сердца в последний раз воссоединились. Больше недели царица жила надеждой на то, что ей удастся добиться сделки с Цезарем. Посланцам последнего удалось выманить Клеопатру из усыпальницы, заполненной ее сокровищами и горючим материалом, так что она угрожала в любой момент все уничтожить. Мы не знаем, встречались ли молодой Цезарь и Клеопатра во время ее приезда в Рим. Если нет, то их первая встреча произошла только теперь, когда она умоляла победителя о милости. В деталях источники расходятся, однако нет смысла не верить им в том, что она сделала все от нее зависящее, чтобы добиться снисхождения и вызвать симпатии к себе, одеваясь так, чтобы выглядеть как просительница, но не скрывая своей красоты и напоминая о своей горячей любви к Юлию Цезарю и его привязанности к ней.

Однако оставить Клеопатре прежний статус было нельзя. Она стала слишком важным мобилизующим символом, чтобы дать ей возможность властвовать. То же касалось и ее детей. Цезарь нуждался в сокровищах египетской царицы, чтобы

профинансировать следующий этап урегулирования отношений с ветеранами. Он хотел сделать ее украшением своего триумфа, однако невозможно было заранее знать, как римский плебс отнесется к тому, что женщину ведут в победной процессии – когда Юлий Цезарь поступил так с совсем еще юной Арсиноей во время египетского триумфа, толпа выразила ей сочувствие, а острой необходимости в этом не было. Возможно, он приказал, чтобы царице не дали умереть, и отправил за врачами и специалистами по змеиным ядам, когда ее нашли мертвой. Однако погибшая Клеопатра могла оказаться полезной почти так же, как и живая, и ее изображение можно было показывать в триумфальной процессии, не опасаясь, что оно вызовет сочувствие. Цезарь завладел ее богатствами, а Египет превратил практически в свое личное владение, забирая все доходы себе.[330]

Цезариона предал его воспитатель, и он был казнен, поскольку мог стать причиной беспокойства для Октавиана. Антилла, старшего сына Антония, также схватили и убили. Оба юноши всего несколько месяцев назад прошли обряд посвящения во взрослые и официально считались таковыми, чего, вероятно, оказалось вполне достаточно, чтобы предать их смерти. Несколько виднейших соратников Антония из числа римлян покончили с собой или были убиты, но большинству из них удалось поступить на службу новому режиму. Подданные Клеопатры ожидали, что их обложат тяжелыми податями, однако так происходило лишь при ней и в правление ее родственников. Жрецы явились и предложили заплатить за то, чтобы им разрешили сохранить в их храмах изображения царицы. Это вызывалось не столько симпатиями к ней, сколько нежеланием повредить здания, и их настроение следует рассматривать как выражение лояльности новым хозяевам. Цезарь обратился к собранию александрийцев через переводчика, сознавая, что его греческий не столь хорош, как мог бы быть. Его жизнь до сих пор была необычной почти во всех отношениях, и он не имел времени, чтобы овладеть искусством риторики в такой степени, как Цицерон, Юлий Цезарь, Антоний и большинство молодых аристократов.[331]

В конце 30 г. до н. э. Цезарю было тридцать три года. На тот момент он не имел серьезных соперников, способных оспаривать его власть над Римом и всем средиземноморским миром.

XI Триумф

Когда после гибели Брута и Кассия республиканское войско перестало существовать и когда Помпей был разбит у Сицилии, отстранен от дел и умер Антоний, не осталось у юлианской

партии другого вождя, кроме Цезаря.

Тацит. Анналы. I.2.1
Пер. А. С. Бобовича

Войны на суше и на море, гражданские и с внешними врагами, по всему земному кругу часто я вел и, будучи победителем, всем гражданам, молившим о милости, я даровал пощаду… Дважды я торжественно вступил в город с овацией, трижды я совершал триумф на колеснице и был провозглашен двадцать один раз императором.

Деяния божественного Августа. 3.1; 4.1
Пер. И. Ш. Шифмана

«Nunc est bibendum![332]» – воскликнул поэт Гораций, услышав о том, что Клеопатра мертва:

Нам пить пора, пора нам свободною Стопою в землю бить, сотрапезники, Пора для пышных яств салийских Ложа богов разубрать богаче. Совсем еще недавно царица угрожала Италии, Грозя с толпой уродливых евнухов Державе нашей смертью позорною. Не зная для надежд предела, Счастьем она опьянялась сладким.

К счастью, успех недолго сопутствовал ей, и она бежала, бросив свой пылающий флот при Акции, и Цезарь

За ней, бегущей вспять от Италии, […]Как за голубкою Несется коршун, иль за зайцем Ловчий проворный по ниве снежной. Но царица хоть и женщина, Меча она не убоялась, […] Нет, умереть желая царицею, На павший дом взглянула с улыбкою И злобных змей к груди прижала, Чтобы всем телом впитать отраву. Она решилась твердо на смерть идти Из страха, что царицей развенчанной Ее позорно для триумфа Гордого вражья умчит либурна, [333].[334]

Теперь, когда вызвавший ужас враг потерпел поражение и погиб, им было проще восхищаться, мужество и достоинство царицы лишь придавали блеска победе Цезаря. Однако речь шла не просто о самоубийстве Клеопатры, а о победоносном окончании войны, что действительно имело значение для поэта и так порадовало его. В другом месте он писал о том, что царица «поработила» Антония, и Гораций, и все остальные понимали, что это была еще одна гражданская война. Большинство из тех, кто остался погибать на горящих судах при Акции, были римлянами. Официально войну объявили Клеопатре, и поэты, как и все прочие, вновь и вновь говорили о восточных союзниках Антония, однако они не скрывали того обстоятельства, что вел неприятелей триумвир. Это была еще одна гражданская война,

если только одна, как о том недвусмысленно писал Вергилий несколько лет спустя:

Цезарь Август ведет на врага италийское войско, Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов; Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей. […] Варварской мощью силен и оружьем пестрым Антоний, Берега алой Зари и далеких племен победитель: В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной Бактров; с ним приплыла – о нечестье! – жена-египтянка. […] Войску знак подает царица египетским систром, [335] […] Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружьем Против Нептуна на бой и Венеры, против Минервы.[336]

Битва при Акции стала победой добродетелей и традиций, одержанной объединившейся Италией при поддержке благих богов и под предводительством сына божественного Юлия. Враги же представляли собой хаотическое смешение сил Востока с их фантастическими божествами – из их числа выделяется Анубис с головой шакала, бог подземного мира, хотя Клеопатра и ее предки-греки не выказывали интереса к такого рода древним культам. Та сторона, где справедливость одерживает сокрушительную и неизбежную победу, тем более славную, что она принесла долгожданный мир.[337]

Вергилий, Гораций и другие поэты достаточно насмотрелись на гражданскую войну, которая несла только резню и расхищение земли и прочего имущества. В «Эподах», сборнике стихотворений, увидевшем свет в 29 г. до н. э., но написанном в предшествующие годы, когда отношения между Цезарем и Антонием все более обострялись, Гораций, охваченный ужасом перед новой междоусобицей между римлянами, восклицал:

Куда, куда вы рушитесь, преступные, Мечи в безумье выхватив?! Неужто мало и полей, и волн морских Залито кровью римскою — Не для того, чтоб Карфагена жадного Сожгли твердыню римляне, Не для того, чтобы британец сломленный Прошел по Риму скованным, А для того, чтобы, парфянам на руку, Наш Рим погиб от рук своих?[338]

Примерно в это же время Гораций жаловался, что

Вот уже два поколенья томятся гражданской войною, И Рим своей же силой разрушается.

Ни враги из числа италийцев, ни армия рабов под руководством Спартака, ни Ганнибал со своими карфагенянами не смогли разгромить Рим, однако теперь он сам

Ныне загубит наш род, заклятый братскою кровью.

Несмотря на такие мрачные предчувствия, поэт приходит к выводу, что нет другого выбора, кроме как сражаться, и

призывает всех италийцев принять участие в войне.[339]

Такие люди, как Гораций, жаждали мира, но не любой ценой. Для римлян настоящий мир мог быть только результатом победы, в идеале настолько полной, чтобы разбитый враг никогда больше не мог возобновить борьбу. Цезарь радостно писал об умиротворении племен (латинский глагол *pacare*), покоренных им в Галлии. Конфликты заканчивались бесспорными победами, римляне диктовали условия, не идя ни на компромиссы, ни на уступки. Такая же позиция сохранялась у римлян и в эпоху гражданских войн, и оставалось мало шансов, что они смогут уладить дело путем переговоров, по крайней мере в долгосрочной перспективе. Гораций сражался при Филиппах и бежал с поля боя, а потому кое-что знал о настоящей войне. Неясно, последовал ли поэт собственному призыву взяться за оружие и участвовал ли в битве при Акции. Он говорил, что сопровождал Мецената, но поскольку неясно, покидал ли последний пределы Италии, то трудно решить, действительно ли Гораций присоединился к флоту, желая победы, которая принесла бы окончание гражданской войны.[340]

Поэты отражали почти всеобщее желание вернуться к миру и стабильности после стольких лет смуты и насилий. Идеология играла лишь небольшую роль в этих конфликтах. Брут и Кассий объявили, что борются за свободу, однако вели себя так же, как и другие военные предводители того времени. Важно также то, что они потерпели поражение и погибли. Последние из уцелевших заговорщиков пали как сторонники Антония, сражаясь за одного триумвира против другого. Такие головокружительные перемены позиции были обычным делом для участников гражданской войны всех уровней. Подавляющее большинство стремилось теперь просто выжить и сохранить свое имущество. Люди помнили, с какой легкостью молодой Цезарь осудил на смерть взятых в плен при Филиппах и в Перузии, однако правдой было и то, что избежало смерти гораздо больше народу, чем погибло. Спустя годы говорили, что многие близкие друзья выступили против него, последовав за Антонием, однако сумели сменить лагерь до или после битвы при Акции.[341]

Та «свобода», которую провозгласили заговорщики, более не обладала такой притягательностью даже для аристократов, которые надеялись насладиться ею. О ней вновь заговорят как о романтической мечте сенаторы, подобные историку Тациту, который жил при императорах и никогда не позволял ностальгии по «свободе» изменить свое восприятие окружающей действительности. У него, по крайней мере, было мало иллюзий по поводу последних жестоких десятилетий «свободной»

республики. В 30 г. до н. э. никто не питал каких-либо иллюзий на сей счет, поскольку слишком многие погибли, выбрав не ту сторону или не выбрав вообще никакой.

Республику раздирали раздоры и насилие – еще жили в памяти Союзническая война и марш Суллы на Рим, а кровавые события при жизни самого Цезаря были еще более жестокими и длительными. Никто уже не мог вспомнить времени, когда политика не была бы сопряжена с насилием или хотя бы его угрозой. Легко сосредоточиться на одних только крупных аристократических фамилиях, и мы увидим, что потери в их рядах были ужасающие, но то же самое можно сказать и о менее знатных семействах, которых в сенате тоже хватало. Такое множество смут и смертей разбило их политические идеалы, разорвало старые связи дружбы и родства и даже обуздало врожденные аристократические амбиции. Сенаторы, подобно остальным людям, хотели мира больше, чем чего-либо другого.

Сообщение о смерти Антония зачитали на заседании сената, на котором председательствовал консул-суффект Марк Туллий Цицерон. Сын и тезка великого оратора, младший Цицерон сражался на стороне Помпея против Юлия Цезаря при Фарсале, на стороне Брута против триумвиров при Филиппах, а затем присоединился к Сексту Помпею. Он возвратился в Рим в 39 г. до н. э., когда проскрибированные получили прощение, и снискал достаточное расположение у Цезаря, чтобы его избрали на место консула 30 г. до н. э., когда тот сложил полномочия. Ему исполнилось только тридцать пять лет, но в то время это обстоятельство имело мало значения. Другой консул этого года Марк Лициний Красс – внук союзника Юлия Цезаря, который привел свою армию в 53 г. до н. э. к катастрофе при Каррах, – был столь же молод. До недавнего времени он принадлежал к числу сторонников Антония, однако сумел удачно сменить лагерь. И Красс, и Цицерон продолжали управлять провинциями, причем первый из них провел успешную войну во время своего наместничества в Македонии. Старые имена возвращались, но обстановка уже не была прежней. Цезарь стал в 30 г. до н. э. консулом в четвертый раз, а в 29 г. – в пятый.

По иронии судьбы Цицерон оказался среди тех, кто услышал о самоубийстве человека, который приказал предать смерти его отца. Цезарь дал согласие на это, однако Антония больше обвиняли в случившемся, что вполне естественно, поскольку именно он велел выставить отрубленные голову и руку оратора на всеобщее обозрение. Весть о битве при Акции побудила сенат назначить Цезарю в качестве награды триумф, а смерть Антония и Клеопатры и захват Египта – добавить к нему еще один. Это

были лишь некоторые из почестей, которые присудили отсутствующему победителю. Сенат принял решение водрузить в различных местах Форума носы кораблей Антония, построить арку в ознаменование победы и увековечить память о ней новыми празднествами. Имя Цезаря стало упоминаться в молитвах всех римских жрецов, а также весталок и даже во время трапез в частных домах полагалось совершать возлияния в его честь. Готовность, с которой исполнялось последнее – конечно, без специального принуждения со стороны властей, – является еще одним свидетельством того отчаянного стремления к миру и надежды на то, что Цезарь его обеспечит.[342]

В соответствии с другими решениями ему даровались новые полномочия, в том числе и судебные. Цезарь отказался от некоторых этих почестей. Говорили, что особенно он гордился ритуалом, совершенным 11 января 29 г. до н. э. Он состоялся в небольшом арочном храме Януса Гемина на Форуме. Этот древний бог дверей и ворот изображался с двумя ликами, одно лицо смотрело вперед, а другое – назад. Он ассоциировался с началом вещей, поэтому в честь него часто в январе совершались обряды, когда начинается год. Торцы храма имели форму бронзовых дверей, которые были всегда открыты, когда государство вело войну. А поскольку римляне почти постоянно с кем-то воевали, то двери оставались открытыми много лет подряд.

Теперь же сенат постановил провести церемонию официального закрытия дверей в знак того, что после победы Цезаря мир восстановлен. Он объявил, что ритуал, известный как *augurium salutis*, должен состояться, хотя этого так и не произошло вплоть до 28 г. до н. э. Такой ритуал исполнялся только во время мира, и ждали благоприятных знамений богов, чтобы молитвы за благополучие римского народа возносить в подходящее время. Оба обряда, похоже, как и ритуал фециалов при объявлении войны Египту, были архаическими и отчасти сочиненными – по крайней мере в том, что касалось деталей церемонии. Тем не менее это укрепило чувство сопричастности далекому прошлому, времени процветания и успехов Рима, еще не запятнанному гражданскими войнами.[343]

Сенаторы, как и подавляющее большинство их сограждан, жаждали мира, а потому проигнорировали продолжавшиеся кампании в Испании и Галлии, когда отдавали распоряжение совершить упомянутые ритуалы. Если многие и голосовали за эти и другие почести Цезарю из подхалимства – точно так же, как и в случаях присуждения наград его приемному отцу, – то все равно они питали искреннюю надежду на стабильность. То, что высшая

власть оказалась в руках одного человека, в 29 г. до н. э. не воспринималось как что-то шокирующее – как это было почти двадцать лет назад, когда Юлий Цезарь победил Помпея. В то время многие аристократы сочли господство диктатора неприемлемым. Мир, установившийся после окончательной победы Юлия Цезаря в Испании в 45 г. до н. э., продлился недолго, как и периоды надежды в 40 и 36 гг. до н. э. Хотя стремление к стабильности стало куда бóльшим, чем в прошлом, оно, как это многие понимали, могло быстро ослабеть. Немало зависело от молодого Цезаря и того, что он будет делать. В тот момент он находился на Востоке и возвратился в Италию только летом 29 г. до н. э. Все сенаторы и остальное население могли только ждать и надеяться.

Победитель

Остановим наше повествование, чтобы посмотреть, каким человеком стал теперь молодой Цезарь. До сих пор мы следили за его карьерой, наблюдая, как он восходил к вершинам власти. Его амбиции были очевидны с самого начала – как и искусство политика наряду с удачей, которую римляне считали необходимой для всякого преуспевающего человека. Вряд ли верно преувеличивать его политический прагматизм или думать, будто младший Цезарь всегда был таким великим и успешным государственным деятелем, каким стал позднее, а все его воззрения ясно сформировались уже в раннем возрасте. Цезарь совершал ошибки, но также демонстрировал умение учиться на них. Как всегда в античном мире, легче сказать, что он делал, чем понять тайные мысли человека и его характер.

Есть некоторые случаи, когда человек в нем брал верх над политиком, и в этом смысле наиболее интересен, конечно, его неприлично поспешный брак с Ливией. Свою роль сыграло в этом нетерпение молодого человека, столь быстро достигшего вершин власти. Однако брак продержался на протяжении всей его долгой жизни. В какой-то момент (вероятно, в начале 30-х годов до н. э.) Ливия забеременела. Ребенок появился на свет мертвым, и роды, видимо, оказались трудными или очень опасными. По какой-то причине у супругов так и не родилось детей, и очень вероятно, что больше Ливия так и не забеременела. Слухи о том, что Цезарь имел романы с другими женщинами, кое-кого из которых будто бы отбирала ему его супруга, могут служить (а могут и нет) признаком того, что физическое удовлетворение он находил по большей части или полностью в других местах. Обычно римские сенаторы вступали в брак по нескольку раз, разводясь с женами, когда те переставали их устраивать. Цезарь же с Ливией не развелся, и политических препятствий к этому не существовало.

У нее были хорошие фамильные связи, но все же не настолько, что развод принес бы ему вред, другие женщины тоже имели неплохие связи. Скорее правильно говорить о сильном и продолжительном чувстве, равно как и о взаимном уважении и доверии. Для Цезаря это было нечто большее, чем простой политический прагматизм, и нам нужно помнить об этом, когда следим за жизнью его большой семьи.[344]

Он продемонстрировал страсть иного рода, когда с нескрываемым удовольствием выносил смертные приговоры во времена проскрипций и побед при Филиппах и под Перузией. Цезарь знал, что склонен к вспышкам необузданной ярости. Один из его опекунов, грек Афинодор, учитель риторики, дал ему совет: «Если ты гневаешься, то повтори греческий алфавит, прежде чем заговорить». Говорят, что Меценат был почти единственным, кто мог успокоить своего друга, когда тот впадал в такое настроение, и Дион Кассий рассказывает историю, иллюстрирующую это: «Меценат, представ перед императором, когда тот вершил суд, и видя, что Август уже готов многих приговорить к смертной казни, попытался пробиться сквозь обступившую императора толпу и подойти поближе, но не сумел и тогда написал на писчей табличке: “Встань же ты, наконец, палач!”» (пер. А. В. Махлаюка). Он бросил записку на колени своего друга, побудив его прекратить судебное разбирательство и не выносить никаких приговоров. По словам Диона Кассия, Цезарь был очень благодарен Меценату за его прямоту, поскольку тот указал, что гнев может стать причиной ошибки. Такое случалось и в начале его карьеры, и после побед над Секстом Помпеем и Антонием он проявлял куда больше готовности прощать своих врагов, в чем следовал *clementia* (милосердию) Юлия Цезаря. Возможно, это являлось признаком смягчения нрава, хотя никто не мог знать, изменится он или останется таким и дальше.[345]

Несмотря на свой быстрый и сопряженный с насилием приход к власти, младший Цезарь во многих отношениях оставался типичным представителем своего класса. Некоторые ученые склонны видеть в нем сочетание качеств местного аристократа со вкусами человека из сенаторской элиты, но это не более чем гипотеза, и нам приходится признать, что зачастую трудно судить о чьем-либо моральном, духовном и политическом облике за пределами сената. Ясно, что он разделял литературные интересы большей части римской элиты, пописывал стихи, причем порой весьма непристойного характера, и много читал латинских и греческих авторов (Suetonius, *Augustus* 85. 1–2).

В 30-х годах до н. э., если не раньше, он регулярно

переписывался с Аттиком, школьным товарищем Цицерона и другом оратора на всю жизнь. В биографии, написанной вскоре после смерти Аттика, утверждается, что даже будучи в Риме, если Цезарь не мог посетить его лично, он почти ни одного дня не проводил «без того, чтобы написать ему, то задавая какой-либо вопрос из истории, то ставя перед ним какую-нибудь поэтическую задачу».[346] Такие темы были обычным предметом обсуждения среди аристократов. Хотя Аттик и предпочел уклониться от политической карьеры и остался обычным всадником, он был чрезвычайно богат и имел даже лучшие связи, нежели иные политики, установив прекрасные отношения почти со всеми видными участниками римской общественной жизни. Уклонение от прямого участия в политической деятельности сделало его одним из немногих выживших представителей поколения, появившегося на свет на рубеже II – I вв. до н. э. Помпей и Юлий Цезарь писали ему регулярно – так же, как и Брут. Близкий к заговорщикам, Аттик тем не менее помогал жене Антония Фульвии и защищал ее, когда того объявили врагом в 44–43 гг. до н. э. Позднее благодарный Антоний спас его от проскрипций и также вел с ним переписку. Аттик пользовался широкой известностью, им восхищались, дружба с ним была незримым признаком известного статуса, но отсюда не следует, что интерес с обеих сторон не являлся искренним. Агриппа женился на дочери Аттика, что, конечно, было выгодным браком и, разумеется, свидетельствовало о близости к Цезарю. От этого брака родилась дочь Випсания, которую еще во младенчестве обручили со старшим сыном Ливии Тиберием.

Аттик написал несколько трудов, в том числе похвальное слово консульству Цицерона в 63 г. до н. э., однако более известна его *‘Liber Annalis’* – изложение истории в хронологическом порядке, преимущественно римской. Он проявлял глубокий интерес к далекому прошлому, происхождению различных институтов, ритуалов и практик, достижениям былых поколений. Его и Цицерона шокировало встречавшееся иногда отсутствие интереса у их современников к карьере и должностям даже собственных предков. Увлечение прошлым было в то время общераспространенным, как из любви к нему как таковому, так и из желания спрятаться в нем от бурь своего века. Наиболее усердным исследователем таких вещей в те годы был эрудит Марк Теренций Варрон, хотя, подобно Аттику, большинство его трудов не сохранилось до нашего времени. Римляне не писали исторических трудов до рубежа III–II в. до н. э., и хотя встречаются записи более раннего времени, они зачастую весьма путаные и неполные. Поэтому когда Юлий

Цезарь утверждал, что позаимствовал тунику с длинными рукавами и сапоги у царей древней Альбы Лонги, никто в точности не знал, насколько это соответствовало действительности.[347]

Его наследник, судя по всему, с раннего возраста испытывал глубокий интерес к римской старине. Нет оснований сомневаться в том, что интерес этот был искренним, даже если его питало желание поддерживать дружбу с Аттиком, и также нет сомнений, что подобные наклонности отличали многих других аристократов. В политическом отношении это могло приносить выгоду, однако трудно сказать, что возродило ритуал фециалов – его интерес к прошлому и неподдельный энтузиазм или желание воспользоваться полезными символами, которые этот интерес помог приспособить к ситуации. Аттик предложил еще один способ проявить уважение к традиции, посоветовав Цезарю восстановить храм Юпитера Феретрия. Молодой военачальник сам вошел в полуразрушенное здание, осмотрев находившиеся там реликвии, некоторые из коих, как говорили, пребывали там не одно столетие.[348]

Аттик умер в Риме в 32 г. до н. э., не дожив до конца гражданской войны. Страдая от серьезной болезни, он решил уморить себя голодом и скончался в достаточно преклонном возрасте – в семьдесят семь лет. Отсюда следует, что ему не пришлось делать выбор между Цезарем и Антонием в гражданской войне, хотя не вызывает сомнений, что возраст и привычная ловкость в таких ситуациях позволили бы ему пережить схватку и сохранить дружбу с победителями, сохранив добрые отношения и с теми из проигравших, которые остались бы в живых. Агриппа посетил его в последние дни жизни, и хотя похороны Аттика прошли достаточно скромно, на них явились все *boni*. Мы не знаем, присутствовал ли Цезарь, однако это очень вероятно, если он только находился в то время в Риме (Corn. Nepos, *Atticus* 22. 3–4).

Уважение к истории и традиции – положительная сторона характера Цезаря, способная принести ему политические выгоды. Она, судя по всему, мало влияла на его поведение, когда он, наконец, возвратился в Рим. На тот момент не могло быть никаких сомнений в его подавляющей военной мощи. К 30 г. до н. э. под командованием Цезаря находилось примерно шестьдесят легионов – даже больше, чем у Юлия Цезаря, когда тот пребывал в зените власти. В ближайшем будущем ничто не могло помешать ему делать то, что он захочет, а потому сенат и все остальные превозносили его и выражали надежду на мир. Молебны и жертвоприношения за его здоровье вполне могли быть

искренними. Свали его один из приступов болезни, которые время от времени одолевали его, – и результатом стал бы еще больший хаос, поскольку появились бы новые лидеры, которые стали бы бороться за то, чтобы заполнить вакуум. Нравилось им это или нет, но каждый знал: будущее на тот момент зависело от Цезаря, и потому они ждали, что он вернется и раскроет свои планы.

Возвращение

Ожидать пришлось долго – прошел целый год после самоубийства Антония и Клеопатры, прежде чем Цезарь возвратился в Италию. Он провел в Египте несколько месяцев, поскольку сделать предстояло очень многое. Наиболее неотложной проблемой были деньги, она дала себя знать в связи с волнениями среди легионов в Италии в первые месяцы после битвы при Акции. Цезарь собирался дать своим людям, а также перешедшим на его сторону воинам Антония обещанные земельные участки таким образом, чтобы не нанести серьезного ущерба италийским общинам. Землю нужно было покупать там, где возможно, и даже пострадавшим от конфискаций бывшим владельцам следовало обеспечить компенсацию наличными или путем наделения их новой собственностью – обычно в одной из провинций. Все это требовало большого количества звонкой монеты. Удачным началом стал захват богатств египетского царства, собранных отчаянными усилиями Клеопатры в то время, когда она все еще надеялась бежать или заключить выгодную сделку, однако и того больше требовалось выколотить из различных общин.

Исключительная продуктивность сельского хозяйства Египта и его развитые торговые маршруты давно уже возбуждали аппетиты римлян, и оккупации царства мешала только ревность политиков, не желавших позволить кому-либо из соперников извлечь выгоды из этого мероприятия. Господство Цезаря устранило это препятствие, и теперь страна официально стала частью римской империи. Здесь были размещены оккупационные силы – три легиона и вспомогательные отряды, хотя поскольку римские войска присутствовали здесь почти непрерывно начиная с 58 г. до н. э., особых перемен это не вызвало. Назначение римского наместника было новостью. И когда Цезарь уехал, этот человек оказался облечен всей полнотой военной и гражданской власти, взяв контроль над административной системой Птолемеев.

Первым наместником стал Гай Корнелий Галл, который сыграл ключевую роль в победе над Антонием и Клеопатрой. Галл был весьма образованным человеком, заслужившим широкое

признание как поэт и поддерживавшим дружеские отношения с Цицероном и Аттиком. Вероятно, ему было около тридцати с чем-то лет, и в таком возрасте нет ничего необычного в честолюбии молодых людей. Более неожиданно то, что он оставался всадником и по каким-то причинам не попал в расширенный состав сената в награду за свою преданность. Все его преемники на посту наместника (в данном случае речь шла о должности префекта) также были всадниками, и во времена Цезаря сенаторам официально запрещалось посещать Египет. Невозможно сказать, задумал ли так Цезарь с самого начала или преданность и способности Галла сыграли более важную роль при назначении на эту должность, нежели его статус. Цезарь обзавелся в Египте обширными личными поместьями, однако было бы преувеличением считать, будто эта провинция являлась каким-то уникальным частным владением. В других провинциях также существовали императорские поместья.[349]

Позднее людям Галла пришлось подавлять восстание, вспыхнувшее в Фиваиде (бывшее Верхнее царство Древнего Египта). Возможно, эти волнения свидетельствовали о сохранявшейся верности Птолемеям, недовольстве завоевателями или просто новыми налогами, которые ввели и силой взимали римляне, а возможно, имело место сочетание названных причин. Выступление было быстро подавлено. Однако прежде чем легионеры приступили к этой операции, Цезарь отправил их для ремонта и улучшения оросительной системы, которая помогала контролировать уровень воды во время ежегодных наводнений и тем самым наилучшим образом пользоваться щедротами Нила. В лучшие свои времена Птолемеи проявляли немалую заботу о каналах и дренажных канавах, однако позднее ими перестали заниматься, поскольку царское семейство тратило все силы на склоки из-за трона. Современные ученые утверждают, что при Клеопатре Египет процветал, несмотря на долгий период хаоса и волнений, из чего ясно следует, что во многом созидательная работа проводилась солдатами Цезаря. Это не было альтруизмом. Цезарь желал, чтобы новая провинция обеспечивала значительные поставки зерна и других продуктов в пользу Рима.[350]

Время, проведенное в Египте, было потрачено не только на заботы об экономике страны. Цезарь совершил визит к гробнице Александра Великого (естественно, широко разрекламированный), чей погребальный кортеж в свое время перехватили на пути в Македонию и доставили в Египет к первому Птолемею. В конце концов тело Александра поместили в большой гробнице, построенной в Александрии и известной

как *sema,* или *soma*. Первоначально саркофаг был золотым, а затем обедневшие Птолемеи пустили золото на переплавку и заменили его на хрусталь.

Александр был величайшим героем тех времен, которые освещены в источниках. Помпей поддерживал свой имидж человека, подобного Александру, в то время как уже зрелый Цезарь, как говорили, заплакал, когда остановился перед бюстом великого завоевателя, сетуя на то, что по сравнению с ним добился в своей жизни совсем немногого. Параллель с Цезарем – молодым, чрезвычайно энергичным и невероятно удачливым – была очевидной, и то, что на многих изображениях Цезаря этого времени его волосы уложены примерно так, как и у македонского царя, вряд ли является простым совпадением. Он решил осмотреть останки великого завоевателя и приказал вынести их из гробницы, украсил тело цветами и увенчал голову Александра золотой короной. Вероятно, восхищение сыграло с ним дурную шутку – когда он протянул руку и коснулся лица покойного, то случайно отломал нос.[351]

Цезарь коснулся прошлого – и даже если он это сделал слишком решительно, такой поступок, возможно, был в духе того самого героя, который в нетерпении (без долгих слов) разрубил гордиев узел. Его собственную грандиозную гробницу уже строили на Марсовом поле за пределами официальной городской черты Рима. Ее масштабы и сознательные параллели с Александром показывали, что он не намеревался скрывать свое могущество на этом этапе жизни. Во время пребывания в Александрии Цезарь также повелел похоронить Антония и Клеопатру в той усыпальнице, которую она для этого подготовила. Это был великодушный жест, в то же время напомнивший о том, что существовал римлянин, который изменил отечеству и захотел найти упокоение за его пределами вместе со своей чужеземной любовницей. В то время как Цезаря сенат осыпа́л почестями, статуи и памятники Антонию сносились, и даже вышло постановление, согласно которому представители его фамилии не должны носить имени «Марк». Это было попыткой не столько вычеркнуть его из истории, сколько добиться того, чтобы надолго и сильно скомпрометировать его.[352]

Покинув Египет, Цезарь отправился в Сирию. Как и во время предшествующего, более кратковременного визита он должен был подтвердить меры касательно управления Восточным Средиземноморьем. Там, так же как и в Риме и Италии, правители и общины жаждали спокойствия и стабильности больше, чем чего-либо в течение двадцати лет, когда им

приходилось терпеть парфянские вторжения и оплачивать против воли расходы на гражданские войны в Риме. Несколько правителей-клиентов были заменены другими, некоторые общины получили привилегии, другие – их лишились. За этим быстрым урегулированием стояла долгая работа – рассмотрение петиций, прием делегаций, встречи, во время которых Цезарь принимал и затем обнародовал свои решения. Великодушие с его стороны способствовало поддержанию лояльности. Никто в тех краях не имел иного выбора, кроме оказания поддержки Антонию, а перед ним – Бруту, Кассию и всем остальным.[353]

После сражения при Филиппах Антоний написал иудейскому первосвященнику Гиркану, сообщая, что Брут и Кассий не обладали законными полномочиями, что их жестокость являлась преступлением против богов и что их поражение дает ему возможность «наслаждаться миром и отдохнуть от войны. Дарованный нам Господом Богом мир мы желаем распространить и на союзников наших, так что ныне, благодаря нашей победе, тело Азии сможет как бы оправиться от продолжительной болезни». Подобное настроение поддерживалось и теперь. Война закончилась, правая сторона победила и теперь предоставляла награды тем общинам, чьи граждане сражались за Цезаря. Как и в случае с предшествующими завоевателями, общины стремились продемонстрировать свою преданность знаками почитания предводителя римлян. Эфесу и Никее разрешили построить храмы божественному Юлию и богине Роме. Римским гражданам повелели ограничиться почитанием этих божеств, однако провинциалам разрешили воздавать самому Цезарю божественные почести, большие святилища были возведены в Пергаме (провинция Азия) и в Никомедии (Вифиния). Это различие просуществует в течение многих столетий.[354]

В общем и целом это гораздо проще и практичнее – провести как можно меньше изменений, сохраняя прежний порядок вещей и подтверждая власть большинства правителей-клиентов. Это само по себе было наилучшим способом снискать благодарность людей, стремившихся ужиться с новым режимом. В долгосрочной перспективе стабильность была необходима для этих краев, чтобы там залечили нанесенные войнами раны и они стали приносить римлянам доходы. Что же касается краткосрочной перспективы, то, как и в Египте, цари и города стремились завоевать расположение Цезаря, охотно преподнося ему дары и увеличивая тем самым его огромные теперь богатства. В течение одного года отчаянная нехватка денег сменилась для Цезаря их огромным избытком. Когда он возвратился, процентные ставки резко упали – как пишет Дион Кассий, с двенадцати до четырех процентов –

столь большое число денег было впрыснуто в экономику.[355]

Нам известно, какие огромные усилия прилагал царь Иудеи Ирод, чтобы постоянно пользоваться расположением Цезаря. Явившись как проситель, он получил подтверждение своей царской власти накануне вторжения последнего в Египет, во время которого присоединился к Цезарю и снабжал его продовольствием и деньгами для армии. Другой его визит (также с подношением даров) последовал после отъезда Цезаря из Египта, и в обмен он вернул себе территории, отнятые у него Антонием для передачи Клеопатре. Несколько сотен галлов, телохранителей царицы (их ей подарил опять-таки Антоний) Цезарь также отдал царю Иудеи. Тем не менее нервозность и растущая паранойя одолевали Ирода, о чем свидетельствуют распоряжения, которые он оставлял. Его жена Мариам, внучка Гиркана и принадлежавшая таким образом, в отличие от идумеянина Ирода, к царскому роду, была отправлена вместе с матерью в крепость, чтобы ожидать его возвращения из первой беспокойной поездки к Цезарю. Якобы для их защиты царь оставил приказ убить свою супругу, если он не сумеет завоевать благосклонность победителей и не вернется. Мать и сестру, ненависть которых к его жене и теще были очевидны и взаимны, отправили в цитадель Массада, поскольку они не могли ужиться.

Ирод вернулся, добившись желаемого, однако его жена отнюдь не пришла в восторг от его тайных распоряжений и не увидела в них, как того хотел Ирод, свидетельства столь жаркой страсти, что он не мог снести того, чтобы она принадлежала еще кому-то. Учитывая, что он питал сильнейшие подозрения по поводу причастности жены к имевшему место несколько лет назад «несчастному случаю», в результате которого утонул ее брат, отношения между супругами были непростыми и вскоре еще более ухудшились. Звучали обвинения в заговоре с целью отравить царя, которые в конце концов поддержала ее мать, решившая, что ее дочь уже обречена. Мариам казнили в 29 г. до н. э. Вероятно, в 30 г. до н. э. Ирод убил ее деда, старого Гиркана, до сих пор рассматривая его как угрозу, хотя тот уже давно стал калекой и не мог быть ни первосвященником, ни царем. Его, человека весьма преклонного возраста, несколько лет проведшего в парфянском плену, обвинили в переговорах с этой восточной державой и осудили на смерть.[356]

К великому облегчению Цезаря у парфян в то время шла гражданская война – представители царской династии боролись за власть. В данный момент об их нападении на римские провинции речи идти не могло. Поэты (например Гораций) говорили о необходимости отомстить парфянам за гибель

сограждан и потерю штандартов при Каррах и поражение Антония, однако Цезарь был не в том настроении, чтобы удовлетворять подобные пожелания. Вторжение в Парфию не сулило ничего хорошего. В лучшем случае достижение успеха потребовало бы нескольких лет, тогда как любая неудача могла погубить репутацию Цезаря, как это уже произошло с Антонием. Кроме того, большой вопрос, смогли бы восточные провинции обеспечить необходимое количество людей, денег и припасов для столь крупного конфликта, и ясно также, что Цезарь не хотел проводить так много времени столь далеко от Рима для участия в крайне непростом предприятии. Вместо этого он позволил потерпевшему поражение брату парфянского царя жить в Сирии. Одновременно последовали официальные заверения в дружбе с победителем – царем Фраатом IV, который отправил одного из своих многочисленных сыновей в качестве заложника в Рим.[357] Теперь, когда вопросы с восточными провинциями были на данный момент урегулированы, им самим обеспечена безопасность, его казна пополнилась за счет новых налоговых поступлений из Египта и других провинций и царств, Цезарь летом 29 г. до н. э. пустился в обратный путь, в Италию, задержавшись по дороге для турне по Греции. В Италии его ожидал восторженный прием, чему способствовала его щедрость. Общины Италии преподносили ему традиционные золотые венки в качестве награды победителю, хотя последняя носила номинальный характер, и вошло в обычай вручать эквивалентную сумму в золоте. Его огромные долги были теперь уплачены, расходы покрывались, и еще после этого оставалось немало денег, посему Цезарь объявил, что не примет золотых венков. Он также отклонил постановление сената о том, что представители всех слоев населения, даже весталки, обязаны приветствовать его при въезде в город. Храм Весты с горевшим в нем священным огнем нельзя было оставлять без присмотра, и потому весталки остались в нем. Даже не получая официального распоряжения, жрецы всех основных культов и даже многие частные лица принесли жертвы в благодарность за его возвращение и собралась огромная толпа, чтобы приветствовать его.[358]

Людей, приветствовавших Цезаря, не удерживали на почтительном расстоянии, и приблизиться к нему могли отнюдь не только важные персоны. Один человек, подошедший к победителю, держал на руке ворона, которого научил выкрикивать: «Да здравствует Цезарь, *victor imperator*!» Впечатленный и польщенный Цезарь купил птицу за 5000 денариев. Вскоре к нему приблизился еще один человек. Это был партнер дрессировщика пернатых по бизнесу, который выражал

недовольство, что ему ничего не досталось из упомянутых денег. Он воскликнул, что у него есть другая птица, и вскоре принесли второго ворона. Тот издал менее подходивший ситуации крик: «Да здравствует Антоний, *victor imperator*!» Скорее развеселившийся, нежели рассерженный, Цезарь приказал первому поделить со вторым полученные 5000 денариев. Несомненно, если бы победил Антоний, его встречала бы такая же толпа ликующих граждан. Главной причиной всеобщей радости было то, что последняя гражданская война наконец-то закончилась и появился шанс, что победа в ней принесет долгожданный мир. Слухи о щедрости победителя вдохновили кого-то на то, чтобы продемонстрировать сороку, обученную произносить ту фразу, за которую Цезарь заплатил не скупясь. Обедневший сапожник решился купить другого ворона и попытался обучить его кричать то же самое. Все его усилия пошли прахом, и дошло до того, что птица начала повторять его жалобы: «Все мои труды и деньги пропали». Рассказывают, что Цезарь услышал, как птица выкрикивает эту фразу в толпе зевак, жаждавших привлечь его внимание. Немало позабавившись, он купил ворона даже за бóльшую сумму, нежели 5000 денариев, которые он заплатил в первый раз.[359]

13 августа 29 г. до н. э. молодой Цезарь, наконец, отпраздновал триумф, присужденный ему в 34 г. до н. э. за походы против иллирийцев. На следующий день состоялся другой триумф, на сей раз за победу при Акции. В ходе его демонстрировались тараны, взятые с носов боевых кораблей неприятеля, а также другое вооружение, пленные и платформы, на которых везли картины со сценами войны. Парад был зрелищным, добычу, награбленную в Египте, в изобилии проносили оба дня. Третий триумф произошел 15 августа, на сей раз официально в честь завоевания Египта, и это третье празднество, несомненно, было самым блистательным из всех. Птолемеи славились роскошными, баснословно дорогими церемониями и процессиями, во время которых использовались лишь предметы, сделанные из золота или иных дорогих металлов, украшенные драгоценными камнями, задрапированные дальневосточным шелком, и вот теперь все это узорочье выставлялось напоказ в Риме. Среди трофеев последнего дня были близнецы Александр Гелиос и Клеопатра Селена, едва достигшие подросткового возраста. Их мать предстала перед публикой в виде изображений и как по меньшей мере на одной картине она держала в руке змею, готовую лишить ее жизни. Семь других царей и князьков шли по центру города в течение трех дней, в том числе правитель Галатии и другие союзники Антония.

Кое-кого из них казнили, хотя большинству сохранили жизнь.[360]

Сам Цезарь, судя по всему, не принимал участия в празднествах вплоть до третьего триумфа, и только потом он вступил в город и проехал по Священной дороге (*Via Sacra*) на колеснице, облаченный в пурпурную мантию полководца-триумфатора и с выкрашенным алой краской лицом. Колесницу, как обычно, везла четверка лошадей. На левой пристяжной ехал сын Ливии Тиберий, на правой (что всегда считалось более почетным) – сын Октавии Марк Клавдий Марцелл. Обоим мальчикам было примерно одиннадцать лет, и участие в победной процессии было обычным делом для детей и других родственников полководцев-триумфаторов, так что в этом не стоит усматривать указание на существование династии. За колесницей шествовали не только те сенаторы, которые участвовали в кампании, но и товарищи Цезаря по консульству и многие другие магистраты того года. Для этих людей было более чем привычным идти во главе процессии, и это, возможно, имело целью подчеркнуть причастность всего государства к победе.[361]

Чуть более чем через месяц после своего тридцать четвертого дня рождения Цезарь возвратился в Рим. Став консулом в четвертый раз, он вступил в должность 1 января 28 г. до н. э., коллегой же его на сей раз был Агриппа. Сенат даровал им полномочия (но не должность) цензоров, и они объявили о намерении провести первую после 70 г. до н. э. перепись населения. Об их более широких планах судить труднее. Цезарь к тому времени победил всех своих соперников. Теперь предстояло выяснить, действительно ли принесла победа в последней гражданской войне длительный мир (*Res Gestae Divi Augusti,* 8).

Часть четвертая
Император Цезарь Август, Divi Filius [362]
27–2 гг. до н. э

За эту мою заслугу по решению сената я был назван Августом.

Деяния божественного Августа. 34.2 *[363]*

XII Обновление и реставрация

В шестое и седьмое консульство, после того как я положил конец гражданским войнам, с общего согласия обладая верховной властью, государство (res publica) из-под своей власти я передал в распоряжение сената и римского народа.

Деяния божественного Августа. 34.1

Была восстановлена старинная и древняя форма государственного правления (res publica).

Веллей Патеркул. II. 89. 2 (начало I в. н. э.)

Август 29 г. до н. э. был временем пышных празднеств и обильных трат. Цезарь раздал по 100 денариев (400 сестерциев) каждому взрослому гражданину мужского пола, а затем распространил свою щедрость и на мальчиков, на сей раз от имени своего племянника Марцелла. Все это было объявлено их долей «военной добычи». Одновременно подарок в 1000 сестерциев получили около 120 тысяч ветеранов, чьи колонии были созданы в Италии и за ее пределами. Ветеранам Суллы после получения ими земельных участков уделяли мало внимания, и в последующие годы они распродали свои усадьбы или залезли в долги, в результате чего возникла среда, готовая оказывать военную поддержку таким людям, как Катилина. Цезарь расселил куда большее число и не сомневался, что теперь они не станут причиной неурядиц. Маловероятно, что оставшимися на службе солдатами пренебрегали, хотя в источниках упоминаний на сей счет нет. Агриппа и другие военачальники получили триумфальные отличия за их заслуги в достижении победы.[364]

Вскоре после триумфа над Египтом состоялись церемонии освящения двух новых монументов в честь победы и славы фамилии Цезаря. В 42 г до н. э. триумвиры анонсировали

сооружение храма божественному Цезарю в южном углу Форума, где произошла кремация диктатора, и теперь строительство, наконец, завершилось и он официально был открыт 18 августа 29 г. до н. э. Остатки его можно видеть и сегодня – все, что уцелело после того, как его растащили на строительный материал в эпоху Ренессанса, и мало что напоминает о его первоначальном блеске. Со святилищем была соединена новая ораторская трибуна, ростра Юлия, откуда открывался вид через Форум на главные ростры. В 29 г. до н. э. и те, и другие украсили носами боевых кораблей Антония, а в сам храм поместили множество трофеев, продемонстрированных во время трех триумфов.

Возле главных ростр возвели новое здание сената, курию Юлия. Работы над ним начал еще Юлий Цезарь, приказавший переместить его с прежнего места, чтобы соединить старый Форум (Forum Romanum) с собственным (Forum Iulium), который он планировал построить. Нынешнее здание датируется концом III в. н. э., однако стоит на фундаменте курии Юлия и в целом, вероятно, соответствует его размерам и формам. Первоначально спереди находилась колоннада, а высокую крышу (сегодня она достигает 104 футов, примерно такой же была, вероятно, и в исходном виде) увенчивала крылатая Виктория, стоявшая на земном шаре. Внутри находилась другая статуя богини Виктории, привезенная из греческого города Тарента (нынешний Таранто) в Южной Италии после его взятия в начале III в. до н. э. Ее окружало множество предметов искусства, захваченных в Египте. Там также стояла статуя Венеры – прародительницы рода Юлиев, – изваянная знаменитым скульптором Апеллесом и купленная Юлием Цезарем.[365]

Наряду с официальными церемониями и триумфами состоялись грандиозные общественные пиршества, призванные ублаготворить простых жителей города. Профессиональные охотники перебили множество различных диких и экзотических зверей во время схваток с ними. Впервые римской толпе показали носорога и гиппопотама, которых тут же и убили на потеху ей. В честь увековечения посвящения храма божественного Юлия были проведены спортивные и иные состязания с участием мальчиков из патрицианских семей, которые верхом состязались в ходе опасных зачастую «Троянских игр», чье название и мнимые истоки напоминали о древнем прошлом и происхождении рода Юлиев. Они включали скачки, когда некоторые наездники управляли двумя оседланными лошадьми, а также колесничные бега. Было устроено несколько гладиаторских боев, чья связь с погребальным ритуалом к тому времени уже забылась. Статилий Тавр открыл заново построенный и каменный амфитеатр (первый

в Риме), ознаменовав его серией поединков. Это был один из наиболее надежных сподвижников Цезаря и оплатил строительство памятника, использовав добычу, пронесенную в своем африканском триумфе 34 г. до н. э. Игры имели такой успех, что в результате народного голосования Тавр получил право каждый год выдвигать кандидата на одну из преторских должностей.

Примерно в то же время устроил гладиаторские бои и сам Цезарь, в том числе побоище между пленными, которых представили зрителям как германцев-свебов и дакийцев с Балкан. Кроме того, состоялись бои между парами добровольцев, одним из которых был сенатор Квинт Вителлий, бившийся из любви к искусству. Не каждое состязание гладиаторов задумывалось с целью довести его до смертельного исхода. В некоторых использовалось тупое оружие, в других успех определялся по количеству очков, как в современных соревнованиях фехтовальщиков. Элемент опасности, конечно, все равно сохранялся, однако многими аристократами владели желание покрасоваться экипировкой и умением владеть оружием, а также страсть к состязанию. Игры шли много дней и продолжались даже тогда, когда Цезарь почувствовал себя больным и больше не мог участвовать в них.

Новое начало

1 января 28 г. до н. э. Цезарь в шестой раз вступил в должность консула. В последних двух случаях он находился за пределами Рима в первый день года, однако на сей раз был в городе и смог принять участие в традиционной церемонии. Это свидетельствовало о том, что начавшийся год будет иным. Во времена триумвирата консулов назначали, и каждый год они оставляли должность до срока, а их место занимали консулы-суффекты; особенно бросалось в глаза, когда Цезарь и Антоний занимали эту должность в течение только одного дня. Это представляло собой отличный способ вознаградить многих сторонников, однако уменьшало достоинство консулата. Времена изменились, и в этот год он и избранный вместе с ним консул Агриппа исполняли ее до 31 декабря, когда оба официально сложили свои полномочия, дав древнюю клятву о том, что не совершили ничего противоречащего законам и служили государству, насколько позволяли их силы.

По традиции каждый консул пользовался правом старшинства в чередующиеся месяцы. Во времена триумвирата этим правилом пренебрегали – по крайней мере в те годы, когда один из триумвиров был консулом. В 28 г. до н. э. Цезарь возобновил прежнюю практику и, взяв на себя старшинство в

январе, уступил его в феврале Агриппе. Признаком изменений стало и поведение свиты. В январе двенадцать ликторов шествовали перед Цезарем, расчищая дорогу для него. Каждый из них нес фасции. Во времена триумвирата ликторы шли перед Цезарем и его коллегами, хотя ведется спор о том, было у каждого из них двадцать четыре ликтора, как у диктатора, или двенадцать, как у консулов. В феврале и в каждом следующем месяце, когда старшинство переходило к его коллеге, ликторы последнего шли теперь за ним, неся фасции, явно отличавшиеся по внешнему виду, хотя детали его для нас неясны. Эти перемены демонстрировали уважение не просто к коллеге, но и к самой должности. Аналогичным образом иссяк поток претур, щедро раздававшихся за последнее десятилетие, и в наступившем и в последующие годы эту магистратуру занимали только восемь или десять человек.[366]

Предстояло также реформировать сенат, чтобы он обрел больший авторитет. Юлий Цезарь существенно пополнил списки сенаторов, включив в них, о чем много говорили, римских граждан из Галлии, дав тем самым повод для шуток о людях, скинувших свои штаны, чтобы надеть тоги,[367] и не способных найти дорогу в курию. Он ввел в его состав многих представителей аристократии италийских городов и, несмотря на потери из-за гражданской войны 49–45 гг. до н. э., сенат значительно вырос численно. В смутные времена, последовавшие за убийством диктатора и в годы правления триумвиров, его рост происходил даже быстрее, пополняясь за счет их сторонников, так что в его состав входило больше 1000 человек. Это были годы, когда беглый раб мог стать претором, а с помощью взяток ему удавалось вознестись выше, чем кто-либо в прошлом.[368]

Цезарь и Агриппа приняли полномочия цензоров, и начался ценз римского народа, или *lustrum*, впервые более чем за сорок лет. С 71 г. до н. э. цензоры, избиравшиеся каждые пять лет, не делали того, для чего их назначали.[369] Когда перепись завершилась, оказалось зарегистрировано 4 063 000 граждан, были выяснены размеры их имущества и статус. Их число оказалось в четыре раза больше, чем во время последнего состоявшегося ценза. В ходе этого мероприятия консулы уменьшили размеры сената. Не было и намека на то, что целью этого являлось удаление упорствующих сторонников Антония или иных враждебных Цезарю лиц. Они объявили о намерении восстановить былой авторитет сената, и Цезарь произнес речь, предлагая сенаторам подумать о собственной репутации, богатстве и родовитости и решить, достоин ли он быть членом наиболее уважаемого органа государства. В те дни примерно

пятьдесят человек добровольно покинули сенат, а еще сто сорок были вычеркнуты из его списков по решению обоих консулов. Все они стали частными лицами, но за ними сохранили привилегию носить сенаторскую одежду и право занимать отведенные для сенаторов места во время общественных игр и зрелищ. Один из лишенных сенаторского членства являлся плебейским трибуном и одновременно потерял и должность.

Лишь имена тех, кого официально исключили из списков сенаторов, были оглашены – мягкий упрек за их нежелание добровольно уйти в отставку. Светоний рассказывает о том, как Цезарь надел меч и панцирь под тогу на заседание, когда происходило исключение – совсем как Цицерон во время выборов 63 г. до н. э. – и окружил себя десятью друзьями крепкого телосложения из числа сенаторов. Если это правда, то ничего страшного не произошло ни тогда, ни после. Возможно, эта история является вымыслом, однако не стоит спешить с выводом о том, будто нервозность последних десятилетий исчезла. Возможно, это было напоминанием о судьбе Юлия Цезаря и ясным указанием на то, что несмотря на все свое великодушие его наследник не собирается, подобно предшественнику, становиться жертвой заговора. Однако в других отношениях к сенату как органу и его членам проявляли подчеркнутое уважение. В 29 г. до н. э. Цезарь получил власть и стал использовать ее для того, чтобы создать новых патрициев. Предполагалось, что новый, менее многочисленный сенат, хотя и куда больший, нежели сулланский сенат из 600 человек, не говоря же о 300 – обычное число сенаторов до диктатуры Суллы, – вернет себе былой авторитет, а среди его членов появятся обладатели известных имен из почтенных фамилий. Первым в списке сенаторов, *princeps senatus*, который пользовался особым престижем, хотя и совсем небольшой официальной властью, числился сам Цезарь.[370]

Трое сенаторов отпраздновали триумф в 28 г. до н. э.: первый в мае за победу в Испании, второй – в июне за успехи в Галлии и третий – в октябре за кампанию в Африке. Триумвиры не скупились на триумфы для своих сторонников, зачастую за весьма скромные достижения, из-за чего отказ Агриппы принять такую почесть за действительно крупные победы особенно бросался всем в глаза. Праздновать победы над внешними врагами до сих пор считалось вполне похвальным, и вопрос о том, что эти процессии могут соперничать с победными триумфами Цезаря, всерьез не стоял. Никто не мог конкурировать с его авторитетом или золотом Египта или мечтать о трех триумфах один день за другим. За всю римскую историю только Ромул

и Помпей трижды праздновали триумф.[371] Юлий Цезарь делал это даже четыре раза,[372] а поскольку его приемный сын мог похвастаться еще и двумя овациями, то он мог утверждать, что преуспел не меньше отца или даже превзошел его. Сомнительно, что кто-то думал о таких вещах, поскольку наследник не уступал предкам, в том числе и божественному Юлию, если говорить об авторитете. Мальчик, который «всем был обязан своему имени», теперь одержал величайшие победы. По крайней мере в данный момент Цезарь особняком держался среди других сенаторов.[373]

В те годы он обладал должностью и достоинством консула. Официально триумвират прекратил существование, и прошло немало лет с того времени, как Цезарь использовал этот титул. Однако вполне возможно, что полномочия, которые он получил в 43 г. до н. э., сохранялись до тех пор, пока официально не были сложены, а до той поры являлись дополнительной юридической базой его позиций. Полный титул триумвиров звучал как «коллегия трех по восстановлению благополучия» (или государства) – *res publicae constituendae*. Антоний предлагал уйти в отставку и призывал Цезаря сделать то же самое накануне гражданской войны, а затем объявил, что готов отказаться от власти после победы. Возвращение стабильности государству сочеталось с обещанием прочного мира. Тацит, писавший столетие спустя, охарактеризует годы гражданской войны и триумвирата как время, когда не было «ни закона, ни справедливости». Базовые институты были разрушены, их заменил произвол силы.[374]

В 28 г. до н. э. Цезарь назначил одного из преторов городским претором (*praetor urbanus*), отвечавшим за положение в самом Риме, включая надзор над главными судами. Похоже, в течение определенного времени на эту должность никого не назначали, нет свидетельств и о функционировании постоянных судебных комиссий во времена правления триумвиров. Заговорщиков и всех прочих судили специально создававшиеся трибуналы, которые действовали быстро и с ожидаемым результатом. По традиции на эту должность избирали коллективно, хотя Юлий Цезарь назначил городского претора, предпочтя в 44 г. до н. э. Брута Кассию, и такой выбор кандидата попросту больше не рассматривался как нечто предосудительное. На золотой монете, отчеканенной в 28 г. до н. э., мы видим легенду «Он восстановил законы и права римского народа» – leges et iura p[opuli] R[omani] restitiut. На аверсе – голова Цезаря в лавровом венке победителя, а на реверсе он изображен восседающим в кресле магистрата, а именно курульном кресле консула. Ни у кого не было сомнений в том, кто этот «он».[375]

Наряду с возобновлением деятельности судов, было объявлено, что будут восстановлены правильные выборы, для чего предполагалось использовать сильно подновленные и восстановленные перегородки (Saepta), что начал делать еще диктатор, а закончил Агриппа. Римский народ мог собираться в «овечьи загоны», украшенные мрамором и произведениями искусства, и ожидать, укрывшись от солнца под навесами. Но выборы магистратов не пришли на смену назначениям, видимо, до осени 27 г. до н. э., однако не исключено, что они состоялись годом раньше. Дион Кассий сообщает нам, что в 28 г. до н. э. Цезарь возвратил контроль над государственной казной двум должностным лицам, назначавшимся из бывших преторов. Многие долги, которые имели перед государством частные лица, были аннулированы, однако казна и теперь оставалась полна денег, поскольку туда попало множество сокровищ, захваченных в Египте и восточных провинциях после битвы при Акции. Стабильность в провинциях и союзных царствах обещала устойчивое поступление доходов в последующие годы.[376]

Наряду с восстановлением традиционных институтов, пусть иногда и в измененном виде, произошло обновление внешнего вида самого города, поскольку строительная деятельность, оживившаяся с конца 30-х годов. до н. э., продолжилась и даже возросла. В 28 г. до н. э. Цезарь отозвался на просьбу сената и повелел восстановить восемьдесят два храма в пределах Рима. Многие их них были невелики по размеру, и их конструкция больше соответствовала традиционному облику подобных сооружений, нежели помпезному стилю того времени. Восстановление самих святилищ сопровождалось возрождением в каждом из них старинных ритуалов, совершавшихся с наивозможной тщательностью. *Pietas* (поклонение) имела важнейшее значение с точки зрения римского чувства идентичности, и отсутствие должного почтения к древним богам римского народа являлось симптомом морального упадка последних поколений римлян, столь очевидного в десятилетия смут и насилий. Моралистические объяснения всех этих потрясений приходили римлянам на ум в первую очередь, и возрождение в религиозной сфере должно было повлечь за собой перемены в поведении, образе действий и восстановление добрых отношений с богами, которые вели Рим к величию. В то же время египетский культ Исиды был удален из города.[377] Дух религиозного возрождения носил строго традиционный характер, и задавал всему этому тон сам Цезарь.

Параллельно с ремонтом и восстановлением храмов продолжали воплощаться в жизнь грандиозные проекты в центре

города и за пределами его черты, на Марсовом поле. Этим по-прежнему занимался Агриппа, и сенаторы, справившие триумф, продолжали выставлять некоторые свои трофеи в возводимых памятниках. Все это обеспечивало хорошо оплачиваемую работу для тысяч – возможно, даже десятков тысяч – людей, проживавших в Риме. Кроме того, Цезарь четырежды раздавал обычные нормы зерна тем гражданам, которые имели право на его получение. Попытка организовать распределение таким образом, чтобы оно не препятствовало работам, оказалась неудачной, но показывает, насколько важным было создание рабочих мест в крупных строительных проектах тех лет. Хорошие возможности заработать наряду с определенной помощью со стороны государства поддерживали у все большего числа людей уверенность, что они могут прокормить себя и свою семью, склонных же к мятежу оставалось совсем немного.[378]

В сентябре впервые состоялись Актийские игры. Они продолжались несколько дней, став еще одним напоминанием о том, что празднуемое событие принесло победу и мир. В рамках мероприятия игр были устроены гимнастические соревнования, которые проходили во временном деревянном стадионе, возведенном на Марсовом поле. Многие из их участников были представителями видных семейств и состязались друг с другом, чтобы увековечить память о великой победе Цезаря. По крайней мере один день был отведен гладиаторским боям между иноземными военнопленными. Во время празднеств Цезарь вновь заболел и в оставшиеся дни не смог присутствовать на них. Агриппа занял его место и, как всегда, вел себя так, чтобы было ясно: благодарить за празднество надо его шефа, который оплатил все мероприятие (Dio Cass. LIII. 1. 4–6).

Месяц спустя, 9 октября, на Палатине был открыт храм Аполлона. Это сделали по обету, принесенному еще в 36 г. до н. э., после того как молния ударила в большой дом, недавно приобретенный Цезарем. В отличие от многих других восстановленных зданий, новый храм представлял собой роскошное сооружение, построенное из сверкающего белого мрамора с золотыми украшениями. В нем чувствовалось сильное греческое влияние, хотя и строго в рамках римской традиции. Оно являлось частью более крупного комплекса, включавшего в себя священную рощу и библиотеку. Аполлон был божеством, которому более всех небожителей приписывали славу победы при Акции, и этот новый храм, возвышавшийся на Палатине, был виден с самых разных мест, в том числе с Форума. Он также находился рядом с домом Цезаря, который, кажется, объединял несколько уже существовавших аристократических резиденций.

Примерно в это же время начались работы по прокладке дороги, которая вела к главному входу в его дом с дальней стороны холма – скорее от Бычьего рынка (Forum Boarium), нежели со стороны Форума, поскольку тогда она проходила бы рядом с домами других аристократов. Тем самым подчеркивалось, что Цезарь пользуется особым расположением богов и что он стоит выше соперничества с другими сенаторами. Принцепс приказал переплавить все золотые статуи и прочие памятники, изображавшие его, и посвятил сделанные из них ритуальные треножники в храм Аполлона. Такая умеренность имела целью снискать похвалу сограждан, но в первую очередь она была таким же проявлением власти, как и принятие подобных почестей.[379]

В эти годы достроили и другой роскошный храм Аполлона, хотя в данном случае речь шла о реконструкции прежнего святилища. Финансирование строительных работ и контроль над ними осуществлял Гай Сосий, который в 34 г. до н. э. захватил Иерусалим и, будучи одним из консулов 32 г. до н. э. – сторонников Антония, играл первенствующую роль в нападках на Цезаря. Необычно, что святилище получило его имя и стало называться храмом Аполлона Сосиана. В оформлении его фризов использовалась классическая греческая скульптура, но там присутствовали и новые, выполненные по заказу изображения поверженных врагов, одетых в штаны и выглядевших скорее людьми с Запада, нежели иудеями, – возможно, ставилось целью показать иллирийских варваров, покоренных Цезарем на Балканах. Сосий сумел получить прощение после битвы при Акции, и ему позволили завершить начатые им строительные работы и благодаря этому укрепить свою репутацию. Восстановление старого храма и увековечивание победы легионов были похвальным делом. Сосий прилагал все усилия, чтобы оправдать оказанное ему доверие, и осуществлявшиеся им работы можно рассматривать как выражение лояльности новому режиму. В этом не следует усматривать проявление соперничества. С уходом Антония, равно как и других вождей времен гражданской войны, уже не было никого, кто мог бы соперничать с Цезарем.[380]

Именно с учетом этого мы должны рассматривать эпизод с Марком Лицинием Крассом, который после своего консульства отправился наместником в Македонию. При отражении набега враждебных племен в 29 г. до н. э. он решительно контратаковал и действовал весьма искусно. В первой же крупной битве он не только разгромил племя бастарнов, но и лично убил их предводителя, царька Дельдона. После такого успеха он повел более масштабное наступление и одержал несколько побед в этом

и следующем году. Его операции в чем-то напоминают вмешательство Юлия Цезаря в галльские дела на раннем этапе, когда тот смело и подчас беззастенчиво использовал любую возможность для расширения конфликта и добивался быстрого уничтожения каждого нового врага. Дион Кассий приводит некоторые подробности, и представляется, что у Ливия картина была сходной. Тем не менее кампании Красса продолжались не более двух лет, и он, подобно Юлию Цезарю, не сделал ничего, чего нельзя было бы представить как совершенное ради общего блага римского народа.[381]

В Рим Красс возвратился не раньше конца 28 г. до н. э. или даже начала следующего года и получил триумф, которого заслуживал куда больше, чем многие из тех, кто праздновал его при триумвирах. Дион Кассий пишет, что священнодействия в честь победы совершались от имени и Красса, и Цезаря и что первый принял титул императора, а второй – нет. Налицо явная ошибка. То, что он получил этот титул, зафиксировано на двух надписях из Греции, и нет никаких оснований полагать, что они были вырезаны до того, как поступило сообщение, что Красс не удостоился сей почести. Ясно также, что Цезарь не принимал в данном случае императорского титула.[382]

Дион Кассий рассказывает также, что за убийство Дельдона Красс имел право получить еще одну почесть – кульминация триумфа, если бы он сражался под собственными ауспициями[383] – последний был скорее проконсулом, нежели все еще оставался консулом. Этим ритуалом являлось приношение *spolia opima* – право посвятить оружие и доспехи убитого вражеского вождя в храм Юпитера Феретрия. Только три полководца за всю историю Рима совершали этот ритуал. Первый – Ромул в VIII в. до н. э., второй – Авл Корнелий Косс в V в. до н. э. и последний – Марк Клавдий Марцелл в 222 г. до н. э. Ромул был царем, а Марцелл – консулом, когда снискал эту почесть. Статус Косса неясен, однако согласно версии, излагаемой Ливием, он в эти годы занимал скорее положение подчиненного, нежели главнокомандующего у римлян. Тем не менее Ливий утверждает (и в этом чувствуется позднейшее дополнение), будто «вопреки тому, что написали мои предшественники и я сам, Косс был консулом», когда сразил царя Вей. Его информатором был не кто иной, как сам Цезарь, который, «войдя в храм Юпитера Феретрия, который он восстановил, когда тот развалился от ветхости, и сам прочитал надпись на льняном нагруднике», с посвящением предположительно Коссу. Ливий «почел почти что за святотатство скрывать, что Цезарь, тот, кому обязаны мы самим храмом, освидетельствовал эти доспехи Косса». Несмотря

на это дополнение, Ливий не внес изменений в основной текст, утверждая, что Косс был военным трибуном, служившим под началом диктатора.[384]

Современные ученые предполагают, что у Цезаря были особые мотивы для такого утверждения, и усмотрели в свидетельстве обычного интереса любителя древностей признак нервозности ведущего политика, опасающегося соперничества. Согласно этой версии, Красс, наследник состояния деда, человек, которому достались богатства и престиж древнего патрицианского рода,[385] действовал и вел себя подобно истинному римскому аристократу, решив добиться известности и бороться за славу со всеми своими современниками, включая Цезаря. Полководец, впервые почти за два столетия собственноручно убивший вражеского военачальника, вполне естественно претендовал на древнюю привилегию посвящения *spolia opima*, чтобы увеличить славу своего рода, равно как и собственную. Цезарь опасался соперника и, завидуя чужой известности, особенно если учесть, что речь шла о важных древних обрядах – таких, как этот или закрытие ворот храма Януса, – сделал так, что сенат отказал Крассу в дополнительной почести. Причины этого носили формальный характер и, возможно, были ложными, поскольку основывались на том, что Цезарь видел надпись на старинном нагруднике в развалившемся храме. Он отчаянно боялся, что многие сенаторы сплотятся вокруг главы столь знатной фамилии, и постарался сделать все от него зависящее, чтобы не дать возродиться столь древней почести, опасаясь, что это приведет к возобновлению соперничества. Крассу позволили отпраздновать триумф, но и только, и больше о нем сообщений нет, хотя его род продолжал существовать.[386]

Конспирологические теории всегда привлекательны, и одна из них создала привлекательный образ Цезаря, на которого оказывала жесткое давление сенатская оппозиция и который изо всех сил боролся за то, чтобы укрепить и защитить свои позиции. Сейчас на это обычно указывается как на бесспорный факт в большинстве рассказов о тех годах – я и сам делал это в других местах. К несчастью, при более детальном анализе вся эта конструкция быстро рушится. Дион Кассий не говорит, что Красс претендовал на право посвятить *spolia opima* и получил отказ – и никакой другой источник об этом эпизоде не сообщает. Он действительно отпраздновал триумф – не столь уж малая почесть, – и многие другие сенаторы тоже больше ни разу не упоминаются в наших источниках после занятия должности, управления провинцией и победы в войне. В связи с этим нет

ничего подозрительного в том, что в дальнейшем он исчезает из источников. На восстановление храма Цезаря вдохновил Аттик, и датируется оно несколькими годами ранее. Невозможно сказать, когда принцепс публично объявил об осмотре им нагрудника, но, учитывая его глубокий интерес к древним римским обрядам, возможно, это не имело никакого отношения к Крассу. Ливий упоминает об этом как о почести, и то, что он не исправил остальной текст, является недостаточным основанием для предположения о критике им Цезаря и его режима.

Крайне маловероятно, что имели место какие-то публичные споры по возвращении Красса. Если идея о посвящении *spolia opima* и приходила ему на ум (а не просто была упомянута Дионом Кассием несколькими столетиями спустя), то формальный запрос, обсуждение в сенате и отказ наверняка были бы описаны в его рассказе или иных источниках куда более конкретно. Красс служил под началом Секста Помпея и Марка Антония, прежде чем перешел на сторону Цезаря, что свидетельствует о его немалом политическом здравомыслии. Даже если мысль о претензиях на упомянутую почесть и посещала его, то вероятнее всего, что он отказался от нее сам или его отговорили от нее частным образом – возможно, кто-то из людей, близких к Цезарю. Следует более подробно рассмотреть контекст. Нет никаких сведений, чтобы Красс обладал значительной поддержкой в сенате. Он вполне мог быть популярен среди легионов, которые привел к победе, но они составляли лишь очень малую часть армии в целом, которая, напротив, сохраняла преданность Цезарю, щедро награждавшему их в последние несколько лет. Красс не мог надеяться на успешное соперничество с Цезарем, даже если бы и хотел затеять его, так как добился такой должности и почестей, вполне достаточных, чтобы удовлетворить честолюбие едва ли не любого аристократа. [387]

На тот момент военная мощь Цезаря была несокрушима, большинство общественных классов испытывали вполне обоснованное удовлетворение, всеобщее чувство облегчения, охватившее людей после установления мира. Италию более не наполняли обездоленные крестьяне, неуправляемые отставные солдаты и должники, отчаявшиеся до такой степени, что они готовы были идти за любым предводителем, обещавшим им надежду на лучшее будущее. Нет достоверных свидетельств о том, что выжили непоколебимые сторонники Антония или Помпея, а лозунги и привязанности времен гражданской войны исчерпали себя. Цезарь занял господствующее положение и с непосредственными угрозами не сталкивался. Будущее

предсказать было труднее, и какой-либо образец для копирования при создании режима, который обеспечил бы его стабильность и безопасность, отсутствовал.

Дион Кассий посвящает почти всю пятьдесят вторую книгу речам, вложенным им в уста Агриппы и Мецената. Первый выступает в пользу системы, сильно напоминающей республиканскую, второй же предпочитает замаскированную монархию. Текст речей принадлежит самому историку, отражая состояние империи, какой он ее видел в начале III в. н. э., и многие из идей самого Диона могли иметь куда больше отношения к политическим реалиям его времени. Однако утверждение последнего о том, что Цезарь всерьез задумывался об этой проблеме, подтверждается сообщением Светония о том, что принцепс рассматривал в эти годы вопрос о восстановлении республиканской системы. Труднее сказать, означало ли это его уход из политики, напоминающий отказ Суллы от власти и отставку. Если он и играл с этой мыслью, то все равно принял решение поступить иначе.[388]

Современные историки охотно ссылаются на диктатуру Юлия Цезаря и усматривают в ней наглядный пример того, чего следует избегать. Ни один античный источник на сей счет ничего не сообщает. Диктатор ушел из жизни меньше чем через год после возвращения из кампании, завершившейся битвой при Мунде, и у него было слишком мало времени, чтобы совершить хоть что-то, а потому сомнительно, что из его судьбы можно было бы извлечь уроки на будущее. Возможно, его убийство свидетельствовало о важности почтения к сенату и другим римским институтам, но вряд ли власть Цезаря в 28 г. до н. э. была менее явной, даже если он и не называл себя диктатором. Обстоятельства изменились, и сенат, равно как и его настроения, стали совсем иными по сравнению с 44 г. до н. э.[389]

Работа по восстановлению чего-то напоминающего нормальную систему заняла весь 28 г. до н. э. Это был постепенный процесс, и уважение, которое снова стало проявляться к магистратурам и прочим институтам, не уменьшало власть Цезаря. В августе, по-видимому, было официально объявлено об окончании гражданских войн. Принцепс также объявил, что все незаконные решения его коллег-триумвиров, а также, по-видимому, полномочия и некоторые экстраординарные почести, дарованные ему как триумвиру, должны утратить силу с конца года. Это показывает, что дело «восстановления *res publica*» шло полным ходом. Кризис в целом закончился, так что нужды в чрезвычайных магистратурах больше не возникало. Все это свидетельствует об упорядоченном,

продуманном процессе, и нет указаний на то, что Цезаря что-то толкало на уступки. В конце года, когда он и Агриппа принесли клятву, когда слагали консульские полномочия, власть Цезаря не уменьшилась.[390]

Август

1 января 27 г. до н. э. Цезарь стал консулом в седьмой раз, а Агриппа – в третий. Неясно, имели ли место правильно организованные выборы. Если да, то популярность принцепса в любом случае должна была обеспечить ему успех независимо от того, выдвигались ли другие кандидатуры. В январские иды (в этом месяце они приходились на 13-е число) собрался сенат под председательством Цезаря как консула. Лишь немногие из присутствовавших сенаторов были извещены, что на этом заседании ожидаются не дебаты, а важное заявление. Цезарь произнес тщательно подготовленную речь. Как сообщает Светоний, важные, а то и вполне ординарные речи обычно он полностью записывал и потом зачитывал перед аудиторией, чтобы не вызвало сомнений: он выражается настолько ясно, насколько возможно, не говорит ничего, чего не хотел бы сказать, и не умалчивает о чем-либо по небрежности.[391]

Невозможно установить, в какой степени эта речь в передаче Диона Кассия отражает то, что Цезарь сказал помимо главного ее пункта. Последний объявил, что слагает свои полномочия и передает контроль над провинциями, армиями и законодательством сенату. В изложении Диона он начал с заявления о том, что намеревается сказать нечто поразительное, поскольку пребывает на вершине заслуженного успеха и никто не может его принудить отказаться от власти. Но если они посмотрят на его добродетельную жизнь и поймут, что он исполнял свой долг, чтобы отомстить за отца и защитить государство, то сочтут его нынешний поступок менее неожиданным и более славным.

«Найдется ли, в самом деле, такой человек, который превзошел бы меня величием духа (скажу о себе, чтобы не упоминать снова моего покойного отца), кто был бы ближе меня к богам? Меня, который – свидетели мне Юпитер и Геркулес! – располагает таким числом столь превосходных и столь преданных воинов как из римлян, так и союзников, меня, который господствует над всем морем вплоть до Геркулесовых столпов и обладает властью над городами и провинциями во всех частях света, […] но когда все вы наслаждаетесь миром, согласием и процветанием, а самое главное – по собственной воле готовы повиноваться мне, тем не менее сознательно и добровольно отказывается от столь великой власти и избавляется от столь

огромных владений».[392]

Постоянно упоминается Юлий Цезарь в связи с его достижениями, отказом принять корону и царский титул и незаслуженным убийством. Наследник покойного диктатора идет теперь по его стопам, снискав славу, возможно, даже бóльшую, поскольку отказывается от власти, которой обладает. Он сделал то, что должен был сделать, оставляя государство прочным и стабильным, так что теперь управление им может быть безо всякого риска передано другим.

Соответствует версия Диона Кассия оригиналу или нет, описание им реакции сенаторов вполне правдоподобно. Ближайшие друзья Цезаря знали о том, чтó он собирается сказать, и громко аплодировали ему в нужные моменты. Кроме того, некоторые подозревали, что тридцатишестилетний консул просто лицемерит и отнюдь не имеет намерения отказываться от власти, но не осмеливались показать это и обвинить молодого властелина во лжи. Поверившие ему делились на тех, кто приветствовал идею его отставки, и тех (вероятно, они составляли большинство), кто опасался, что это приведет лишь к новой гражданской войне, в результате чего появятся новые вожди, которые будут грызться за первенство. Ни те, ни другие не испытывали радости – первых охватил страх, вторых – смятение. Многие начали кричать, прося принцепса переменить решение и дальше управлять государством. Цезарь председательствовал и, следовательно, выбирал, кому предоставить слово. Какое-то время он настаивал на том, чтобы ему позволили уйти в отставку и жить на заслуженном покое. И отдельные сенаторы, и весь высший совет республики умоляли консула остаться во главе государства (Dio Cass. LIII. 11. 1–4).

Сделав вид, что ему этого очень не хочется, Цезарь, наконец, согласился. Дион Кассий рассматривал все происшедшее как фарс. Не имея намерения уступать свое первенствующее положение, Цезарь просто хотел публичной демонстрации поддержки, чтобы выступить в роли слуги государства, который против своей воли вынужден принять на себя ответственность, основываясь на собственном чувстве долга и всеобщем согласии – комиции собрались и утвердили решение сената через несколько дней. Это был блестящий образец притворства, когда сенат и народ все одобрили, пусть даже в действительности они не имели выбора (Dio Cass. LIII. 11. 5–12. 1).

Неясно, решился ли вопрос о деталях будущего положения Цезаря 13 января или в ближайшие дни. Одна почесть была определенно присуждена ему в первый же день, а именно право выставить дубовый венок у входа в свой дом, над дверями. Его

идентифицируют с *corona civica*[393] – высшей наградой римлян за храбрость, дававшейся тому, кто спас жизнь согражданина. По обычаю спасенный делал венок из дубовых листьев и лично преподносил его спасителю в знак того, что видит в нем своего избавителя и что он вечно обязан ему. Юлий Цезарь заслужил эту награду в одном из первых своих походов, когда ему было около двадцати лет. В 27 г. до н. э. гражданский венок стал символом того, что наследник покойного диктатора – спаситель всех граждан и что его победа одержана ради общего блага. Примерно в это время были отчеканены монеты с изображением дубового венка и надписью «За спасение граждан» (*ob civis servatos*). В известном смысле все оказывались перед ним в долгу. Кроме того, лавры победителя всегда добавлялись к украшениям крыльца его дома.[394]

Сенат не собрался 14 января, поскольку это был *dies nefas* – несчастливый или предвещающий беду день, когда не позволялось заниматься общественными делами. Такие дни заносились в календарь после военных катастроф или страшных бедствий. Что же касается указанного дня, то он попал в «черный список» совсем недавно, в 30 г. до н. э. – сенат внес его туда потому, что это был день рождения Марка Антония. Заседание состоялось 15 января, хотя его и пришлось прервать из-за необходимости справить религиозный праздник, после чего сенаторы собрались в полном составе 16 января. Мы не можем сказать точно, в какие из дней принимались те или иные решения, однако конечный результат не вызывает сомнений.

Под общим «давлением» сенаторов Цезарь согласился принять под свою власть некоторые провинции на том основании, что они особенно нуждались в защите от вражеских нападений или внутренних раздоров. В результате он взял под свой контроль весь Пиренейский полуостров, завоевание которого еще не завершилось, всю Галлию, оккупированную римлянами относительно недавно, а стабильности в ней угрожали германские племена за Рейном, и Сирию, столь часто опустошавшуюся во время гражданских войн и нападений со стороны парфян. Он также сохранил контроль над Египтом, возможно, основываясь на том, что это была совсем новая провинция. Общее командование было вотировано Цезарю сроком на десять лет, хотя он подчеркнул, что надеется возвратить некоторые из этих земель под власть сената раньше указанного времени, если ему удастся навести там порядок быстрее. Прочие провинции остались в ведении сената.

В подчиненных Цезарю провинциях находилась основная часть римской армии. Легионы стояли в Македонии, где

недавний успех Красса показал, что нет необходимости включать эту провинцию в число тех областей, которые считались наиболее уязвимыми и потому нуждавшимися в прямом управлении со стороны Цезаря. Несколько легионов находилось и в Африке. В других сенатских провинциях не размещалось значительных воинских сил. Солдаты в Македонии и Африке, возможно, продолжали приносить присягу Цезарю, как то, несомненно, имело место в течение нескольких лет.

Некоторые особенности этой системы возникли уже тогда, другие же возникли позднее. Поскольку Цезарь не мог быть везде одновременно, следовало выбрать легатов, которые взяли бы на себя ответственность за области в пределах подвластных ему обширных территорий. Они контролировали районы, эквивалентные по размеру провинциям, и принимали решения на уровне наместников прошлого, но делали это, обладая только делегированным империем. Сенатскими же провинциями, напротив, должны были управлять проконсулы, назначенные из числа немногих бывших магистратов и обладавшие собственным империем. За вероятным исключением Македонии и Африки в первые годы, платье и инсигнии этих лиц были явно гражданскими, в то время как имперские наместники носили мечи и военные плащи. Это не были отдельные карьеры на службе императору и сенату, поскольку людей назначали на различные виды постов. За пределами Египта Цезарь назначал сенаторов легатами и командующими в своих провинциях. Это обеспечивало немало возможностей для представителей сенаторского класса. Они могли добиваться почестей, укрепляя репутации своих семейств, и хотя почести и звания, доступные легатам, немного отличались от тех, что предоставлялись наместникам-проконсулам, они тем не менее оставались таковыми. При новой системе аристократы вполне сохраняли возможность добиться преуспеяния и славы.[395]

Цезарь был выше этого соперничества, поскольку не имел конкурентов, а поскольку выбирал легатов, то контролировал людей, которым вручалось высшее командование. Независимость проконсулов Македонии и Африки имела свои границы. Сомнительно, что им разрешалось набирать войска и что они могли противостоять человеку, контролировавшему остальную армию, даже если предположить, что им удалось бы добиться преданности подчиненных им легионов. Карьера каждого сенатора зависела в основном от того, удастся ли ему снискать благосклонность принцепса.

Никто не сомневался в первенствующем положении Цезаря. Его десятилетнее командование напоминало о более раннем

экстраординарном командовании, подобном тому, которым обладали Помпей и Юлий Цезарь. Это помогало создать образ слуги государства, принявшего на себя тяжкую ответственность ради общего блага. Основная масса населения вряд ли испытывала какое-либо беспокойство по этому поводу. Чрезвычайное командование являло собой проверенный метод, куда более эффективный, нежели частая система передачи полномочий от одного честолюбивого магистрата другому. Не исключено, что некоторые сенаторы считали так же, и даже те из них, кто не нашел утешения в возможности быть участниками этой системы. Серьезной альтернативы ей не существовало, пока Цезарь сохранял контроль над основной частью армии. Как не без цинизма отмечает Дион Кассий, первое, что сделал Август, когда его «уговорили» принять положение первого лица в государстве, было то, что он добился принятия сенатом решения о значительном увеличении жалованья солдатам преторианских когорт. Сообщение краткое, но, вероятно, они стали получать годовой оклад в 375 денариев вместо 225, полагавшихся легионерам.

Существовало девять преторианских когорт, что номинально составляло чуть меньше их числа в легионе, где их насчитывалось десять, и несколько когорт обычно размещались в пределах Рима или рядом с ним. Это составляло контраст с поведением Юлия Цезаря, который распустил своих телохранителей в начале 44 г. до н. э. Вооруженные силы оставались главной гарантией власти Цезаря.[396]

Бóльшую часть времени на заседаниях 13 и особенно 15 и 16 января сенаторы потратили, восхваляя Цезаря и осыпая его почестями. Это была та сфера, где они могли проявлять полную независимость в отношении деталей, хотя не приходится сомневаться, что характер дебатов определялся Цезарем, который устанавливал очередность выступавших, и содействием людей, уже получивших соответствующие инструкции. Быстро собралось достаточное число сенаторов, чтобы даровать принцепсу дополнительный когномен в знак его огромных заслуг перед государством в прошлом и будущем. Некоторые ораторы предлагали называть его Ромулом, связывая его с основателем Рима, поскольку восстановил и заново основал город.

Кроме того, Ромул был первым царем, и, согласно одной из версий, он не умер, а вознесся на небеса, чтобы стать богом. Однако подобные ассоциации выглядели уже менее привлекательно. Основатель Рима начал с братоубийства, умертвив брата-близнеца лопатой, а это являлось малоприятным напоминанием для поколения, которое вдоволь натерпелось

гражданских войн. Альтернативная традиция объясняла исчезновение Ромула куда более приземленно – ее сторонники говорили, будто толпа сенаторов разорвала его на части. В конце концов сенаторы отказались от идеи дать Цезарю это имя. Светоний утверждает, что он сам и его ближайшие советники были заинтересованы, но даже если так, то им пришлось переменить свое мнение. То, что это рассматривалось открыто и вполне всерьез, много говорит о настроениях того времени. Сенаторы были готовы даровать почести столь могущественному человеку. Нравилось им или нет то, что он сделал, но его господство не вызывало сомнений.[397]

В конце концов было поставлено на голосование предложение Мунация Планка – того самого, который раскрасил себя в голубой цвет и надел рыбий хвост, чтобы танцевать для Антония и Клеопатры, а позднее перешел на сторону Цезаря, принеся ему сообщение о завещании его соперника. Планк предложил даровать принцепсу имя «Август», и решение было принято подавляющим большинством голосов, возможно, единогласно – сенаторы хотели продемонстрировать свою покорность, став позади него. Председательствующим консулом официально стал император Цезарь Август, *divi filius* (сын бога). Ни один римлянин прежде не носил такого имени. И поскольку мы уже к нему привыкли, то легко забываем о том, сколь новым оно было. Имя «Август» привносило ощутимые религиозные обертоны, присущие исконной римской традиции поиска воли богов и их одобрения через знамения. Энний, весьма почитаемый ранний римский поэт, говорил о том, что город был основан при «великих знамениях», в строках, знакомых римлянам не хуже, нежели нам – известные цитаты из Шекспира.

Имя «Цезарь Август» (иногда порядок меняют, предпочитая говорить «Август Цезарь» – для пущего акцента) представляло собой особое, ни на что другое не похожее новое имя, которое, в отличие от десятилетнего срока командования имперскими провинциями, пользовалось постоянным почетом. Трудно, даже невозможно представить себе, чтобы император Цезарь Август, сын бога, когда-нибудь удалился в частную жизнь или позволил кому-то соперничать с ним в славе, *auctoritas*или первенстве в чем-либо другом. Более ранние прецеденты – например, чрезвычайные командования Помпея и его управление испанскими провинциями с 54 г. до н. э. через легатов – сильно отличались от того статуса, которым обладал Цезарь Август. Другие люди заслужили громкие имена в прошлом – Сулла был *Felix* (счастливым/благословенным), Помпей – *Magnus* (великим), однако никто из них не имел столь

величественного и священного имени, как «Август». Единственным человеком, обладавшим сопоставимой властью и влиянием, был Юлий Цезарь. Решение называть его наследника Августом, а не Цезарем Августом, могло маскировать немалое сходство между их положением в государстве.

В какой-то момент он удостоился и еще одной почести – на сей раз голосованием народа. В курии Юлия был установлен золотой «щит добродетели» (*clipeus virtutis*) в похвалу его *virtus* (достоинств), его справедливости, милосердию, почтению к богам и государству. В '*Res Gestae Divi Augusti*'[398] это связывается с дарованием ему имени Августа, однако нельзя исключить, что сию почесть принцепсу вотировали позднее – возможно, в годовщину принятия им этого имени. В Арле на юге Франции сохранилась копия щита, вполне определенно датируемая его восьмым консульством в 26 г. до н. э. Это была одна из многочисленных копий, установленных в провинциях, отчеканили также немало монет с легендой CL(ipeus) V(irtutis). Эти добродетели сильно напоминали те, о которых речь шла в похвалах Юлию Цезарю, и нет оснований считать, что такое совпадение носило случайный характер.[399]

Цезарь Август обладал личным и, можно сказать, перманентным первенством в государстве, сопоставимым разве что с тем, которое принадлежало его отцу. Подобно Юлию Цезарю, он занимал консульство каждый год. Спектакль с передачей власти сенату и возвращением ее принцепсу имел важное значение – и оказался более успешным, нежели вызвавшая недоумение сцена во время Луперкалий в 44 г. до н. э. Нам не стоит из-за этого придавать столько значения немногим различиям в саморепрезентации и поведении Цезаря Августа, чтобы не замечать разительного сходства, причем проявлявшегося публично, между ним и его отцом. В какой-то мере он сделал то, о чем говорил в юности, объявляя о намерении унаследовать должности и почести отца. Однажды Юлий Цезарь презрительно отозвался о *res publica* как о «пустом имени без тела и облика», хотя мы не знаем, когда и при каких обстоятельствах он высказал эту точку зрения. Его наследник проявил больший такт и не стал принимать упраздненной должности диктатора, но разница скорее по видимости, нежели по существу. Он был *divi filius*, «сын бога», и это имя, и имя «Цезарь» постоянно напоминали о его связи с покойным Юлием Цезарем. Памятники, украшавшие Рим и связанные с ним, уже далеко превзошли те, что прославляли диктатора при его жизни (Suetonius, *Augustus* 77).

Поведение их имело сходство и в другом. Совсем как и его отец, собиравшийся в 44 г. до н. э. выступить в большой поход,

Цезарь Август после присуждения ему всех этих почестей намеревался покинуть Рим и отправиться в свои западные провинции на несколько лет. В конце года принцепс уже был в Галлии, однако мы не знаем, когда именно он покинул Рим. Нет оснований полагать, что Август непременно желал отсутствовать в июле, когда Красс справлял триумф. Это был не единственный триумф того года, другой справлял в сентябре Марк Валерий Мессалла Корвин. Цезарь находился в городе во время триумфа в 28 г. до н. э. Если принцепс уехал еще до того, как Красс прошествовал по Via Sacra (Священной дороге), то обусловливалось это тем, что он хотел начать свою деятельность в провинциях еще до истечения года. С ним отбыли юные Марцелл и Тиберий, чтобы получить первый боевой опыт во время службы в качестве военных трибунов. Для молодых людей было вполне нормальным обучаться таким способом – сопровождая родственников в провинцию. Более необычно то, что, вероятно, Ливия сопровождала своего супруга, и это, несомненно, войдет у нее в обычай во время частых путешествий в последующие годы их брака. Жены наместников в прошлые времена оставались дома, так что когда Октавия поехала вместе с Антонием в Афины, это стало неожиданностью. Август Цезарь также пожелал проигнорировать сей старинный обычай.[400]

XIII Смирять войною надменных

Римлянин! Ты научись народами править державно — В этом искусство твое! – налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных!

Вергилий. Энеида. VI. 851–854. Пер. С. А. Ошерова

Прежде чем Цезарь Август покинул Рим, ворота Януса вновь распахнулись, что означало конец официально объявленного мира. Человек, который принял в качестве своих провинций Испанию, Галлию, Сирию и Египет, собирался воевать, поставив своей задачей восстановить (римский) порядок и стабильность в этих краях. Нужно было воевать в дальних землях против чужеземных врагов, чтобы исчезла угроза возвращения к потрясениям и хаосу последних лет. Это являло собой один из способов вернуть былую мощь государству, и общее настроение было приподнятым, поговаривали даже о завоевании Британии.

Юлий Цезарь дважды высаживался на этом острове под предлогом того, что необходимо обеспечить безопасность Галлии, поскольку британцы иногда направляли воинов, чтобы помочь вождям на континенте. В 54 г. до н. э. крупнейшие племена юго-востока Британии капитулировали и согласились платить дань Риму, однако мы не знаем, насколько часто она поступала в годы

крупнейших волнений в Галлии,[401] а затем и долгой смуты в Риме. Рынки, прежде находившиеся под контролем посредников из Галлии, теперь оказались открыты для римских купцов в результате успехов Юлия Цезаря, а к концу столетия эти коммерсанты создали постоянные поселения в Лондинии на Темзе. Многие римляне, однако, ожидали куда большего, желая превращения экзотического острова в обычную римскую провинцию. Поэты ставили британцев в один ряд с парфянами, видя в них несомненных врагов, которых ждет неминуемое поражение, ими, бесспорно, заслуженное. Несколько лет спустя Гораций возглашал:

Здесь на земле к богам Причтется Август, покорившийРиму британцев и персов грозных.

Иногда индийцев тоже включали в число других народов, признавших верховенство Рима и его великого владыку, как они уже покорялись Александру Великому. Победы над грозными и необычными иноземными народами, несомненно, были похвальным делом, поистине достойным величайшего слуги отечества.[402]

Начавшаяся примерно в это время борьба за первенство среди племен Юго-Восточной Британии давала удобную возможность для вторжения. Со временем эта борьба могла привести к установлению господства над обширной территорией двух племен – катувеллаунов и триновантов, которое позволило бы их царям монополизировать доступ к предметам роскоши, ввозившимся римскими торговцами. В правление Августа было по крайней мере два случая, когда побежденные британские правители бежали в пределы Римской империи и просили и обращались к принцепсу с просьбой использовать свое влияние и армию, чтобы восстановить их на троне. Такие ходатайства к сенату или императорам были обычным делом в римской истории, и они удовлетворялись только в тех случаях, когда это было удобно римским верхам.

Возможно, Цезарь Август обдумывал экспедицию в Британию. Транспортный флот сосредоточился у аквитанских берегов Галлии, что свидетельствует о приготовлениях к вторжению. Не исключено, впрочем, что это были просто меры предосторожности на случай непредвиденных ситуаций или имевшие целью подкрепить усилия дипломатии. В таком случае это помогло разрешить ситуацию так, как того хотелось Августу. Детали неясны, и мы ничего не знаем ни о самой проблеме, ни о средствах ее решения. В целом кажется маловероятным, что Август всерьез желал напасть на Британию. Пример Юлия Цезаря показывал, что это потребовало бы как минимум нескольких лет

боевых действий, принесло бы весьма скромные выгоды и вообще такой поход представлял собой рискованное мероприятие. В 55 и 54 гг. до н. э. Юлий Цезарь потерял значительную часть своего флота из-за штормов и едва не оказался заперт на острове на зиму без снабжения и поддержки в окружении враждебных племен. Масштабы задачи также были неясны. Пройдет еще целое столетие, прежде чем римская эскадра обогнет берега Северной Британии, подтвердив, что это действительно остров, и уточнив его размеры. В отсутствие более серьезных причин Август решил не нападать на Британию. Принцепс проявил такую же осторожность, как и в случае с Парфией, когда он решил не воевать с нею без крайней необходимости. Поэты продолжали воспевать грядущие победы над обоими народами, однако на тот момент Цезарь Август думал о другом.[403]

Принцепс приехал из Рима в Галлию, где провел несколько месяцев, занимаясь разбором судебных дел, а также приступил к осуществлению ценза. Еще были живы те, на чьей памяти Юлий Цезарь завоевал всю территорию к западу от Рейна до самого Ла-Манша и атлантического побережья, и окончательные границы провинций еще не установились. Однако даже несмотря на это, Август ограничился лишь недолгим посещением Галлии и к концу года прибыл в Тарракон, главный город Ближней Испании, которая вскоре получила название Тарраконской. Именно здесь 21 января 26 г. до н. э. он вступил в должность консула в восьмой раз; его коллега Статилий Тавр находился в Риме. Недавние волнения в нескольких северо-западных общинах, еще сохранявших независимость, стали непосредственным поводом его приезда в Испанию, однако велика вероятность того, что он и ранее намеревался направиться сюда и именно отсюда собирался вести боевые действия.[404]

Впервые римские легионы вступили на землю Пиренейского полуострова во время долгой борьбы с Ганнибалом и Карфагеном в конце III в. до н. э. Именно в Испании Рим впервые разместил постоянные силы за пределами Италии (заметим, что этот «фронтир» просуществовал дольше других, если говорить об истории республики). Здесь было неспокойно, и если одни наместники отпраздновали триумфы за победы в тех краях, то на долю других достался лишь позор поражений. И в тех, и в других случаях ни о какой щепетильности в отношении выбора методов обращения с местным населениям говорить не приходилось: неспровоцированная агрессия, предательство и массовое истребление побежденных являлись повседневным явлением на приграничной территории. Среди обитателей полуострова было немало решительно настроенных опытных воинов. Римляне

охотно принимали их на службу в качестве союзников и рано взяли на вооружение знаменитый испанский меч, носимый на поясном ремне – gladius hispaniensis.

Однако римляне были едины, тогда как туземцы оставались разобщены, и с течением времени римские провинции – Ближняя и Дальняя Испании – расширялись все более и более, пока не распространились на весь Пиренейский полуостров, свободной осталась лишь его северо-западная часть, защиту которой обеспечивал Кантабрийский хребет. I в. до н. э. был неспокойным временем. Военными действиями между римлянами и местными общинами дело не ограничивалось: в 70-е и 80-е годы до н. э. – период куда более разрушительных гражданских войн – население оказалось втянуто в противоборство между римлянами, подчас не уступавшими ему в ожесточенности. В ходе раскопок в Валенсии обнаружились скелеты, обладатели которых подверглись пыткам и казни во времена войн между Помпеем и Серторием,[405] тогда как один из офицеров Юлия Цезаря писал, что его люди украсили парапет отрубленными головами врагов.[406]

Несмотря на столь мрачные эпизоды, такие города, как Тарракон, процветали. Традиция создавать городские поселения вдоль средиземноморского побережья уходила корнями в прошлое. Греческие и карфагенские колонии зачастую сливались с местными общинами в единое целое. В ходе развития иберийских поселений в них появились магистраты, ведавшие делами управления, и советы, занимавшиеся административной деятельностью, что хотя бы в некоторой степени делало необходимым использование письменной формы местного языка, хотя алфавит заимствовался у финикийцев или у греков. В конце Второй Пунический войны в Испании поселилось некоторое число римских воинов; со временем население возросло, особенно в I в. до н. э. Другие италийцы и римляне отправлялись в Испанию, ища возможности вести торговлю и, прежде всего, разрабатывать богатые залежи полезных ископаемых, в том числе золота и серебра. Значительное число испанцев служило в качестве союзников в римской армии, и некоторые из них получили гражданство; до нас дошла надпись 89 г. до н. э., зафиксировавшая дарование гражданства турме (кавалерийскому отряду, обычно состоявшему приблизительно из тридцати человек), сражавшейся под командованием отца Помпея Великого.[407] Сам Помпей проявлял еще большую щедрость в даровании гражданства членам верхушки общин, помогавшим ему в борьбе с Серторием. Среди них был Луций Корнелий Бальб из Гадеса (нынешний Кадис), который впоследствии сделался

одним из доверенных лиц и помощников Юлия Цезаря. После мартовских ид он оказывал помощь его наследнику деньгами и советами, употребляя свое влияние в его поддержку. Бальб стал первым человеком из числа тех, кто, будучи рожден за пределами Рима, сделался консулом в 40 г. до н. э., когда он получил должность консула-суффекта.

Гадес был исключительно богатым и процветающим торговым городом, и землевладельцы, имевшие открытый доступ к морю, уже начали производство товаров для выхода на рынок Италии и других земель. Важнейшее место в экспорте предстояло занять оливковому маслу, а также получаемым путем брожения соусам к рыбе, таким как знаменитый *garum*. Географ Страбон, принадлежавший следующему поколению, отметил, что в одном только Гадесе проживало 500 граждан, не только имевших римское гражданство, но и принадлежавших к всадническому сословию. Во всей Италии вряд ли нашелся бы город (не считая, разумеется, Рима), который мог бы этим похвастаться. Немногочисленные жители Испании наподобие Бальба, и его племянника и тезки, получившего статус консуляра и ставшего проконсулом Африки, отправлялись в Рим, чтобы сделать там политическую карьеру.

Это не означало разрыва их связи с родными общинами: в особенности это касалось Бальба Младшего, который потратил значительные суммы на устройство зрелищ и возведение различных архитектурных сооружений в Гадесе. Другие города тоже обзаводились театрами и амфитеатрами благодаря щедрости местных аристократов, провинциальных наместников или самого Цезаря Августа, что позволило им приобщиться к музыкальной и драматической культуре *res publica*, а также познать жестокий вкус гладиаторских боев. Все это было весьма популярно и являлось признаком распространившегося желания стать римлянами или, по крайней мере, вести аналогичный образ жизни. Многие принимали «римские» имена еще до того, как получали римское гражданство, а на юге была особенно распространена мода на ношение тоги. В эти годы на монетах перестали чеканить легенды на иберийском языке – теперь они составлялись только на латинском.[408]

За пределами средиземноморского побережья многие общины еще долго продолжали оказывать сопротивление, что наряду с их географическим положением замедлило наступление мира, в условиях которого они (или, по крайней мере, местная аристократия) вписались в имперскую систему. В центральных районах Испании господствовали кельтиберы, крупная племенная группа, представители которой говорили на одном из кельтских

языков, родственном языку жителей Галлии и Бретани, хотя имевшаяся в Античности версия, будто кельтиберы являли собой смешение иберов и вторгшихся в Испанию галлов, ныне считается неверной. Помимо языка их обычаи и материальная культура имели мало общего с кельтскими по ту сторону Пиренеев. К северу от кельтиберов жили астуры и кантабры, распадавшиеся на обособленные группы, зачастую концентрировавшиеся вокруг отдельных укрепленных поселений на холмах. Лишь немногие римские армии проникали в те отдаленные края, и ни одна не осталась здесь на сколь-нибудь продолжительное время. При триумвирах состоялось всего несколько триумфов за победы, одержанные в этих землях.[409]

У нас нет особых оснований сомневаться в том, что некоторые из этих племен, по-прежнему сохранявших независимость, устраивали набеги на кельтиберов, обитавших по соседству на территории римской провинции и ведших более цивилизованный образ жизни. Рейды с целью грабежа имели широкое распространение на самых различных этапах истории античного мира. Оружие было весьма распространено на Пиренейском полуострове задолго до появления там карфагенян или римлян; отсюда можно сделать вывод, что ни те, ни другие не обрушили войну на прежде мирное местное население. Это не значит, что вторжение Рима и Карфагена никак не изменило характера военных действий и не сделало их более ожесточенными: сказалось и то, что стороны вступили в открытый конфликт, и непомерные аппетиты интервентов, требовавших сил для наемных и союзнических войск. Воздействие завоевания, длившегося полтораста лет, а также последовавших за ним гражданских войн, не могло не нанести ущерба всем без исключения общинам, проживавшим на весьма обширной территории, и ужесточило борьбу за существование в неприступных горах Кантабрии, где даже в лучшем случае приходилось довольствоваться малым. Все это не могло не усиливать искушения ограбить соседей, казавшихся легко уязвимыми.[410]

Вполне возможно, что Август с самого начала планировал завершить завоевание Испании покорением ее северо-западных территорий. Задача носила вполне ограниченный характер; казалось, что кампания протянется всего несколько лет. Хотя осуществить ее на столь труднодоступных территориях представлялось делом нелегким, здесь отсутствовала возможность катастрофы такого масштаба, как при нападении на британцев и особенно парфян. Тот факт, что воевать предстояло не с невиданным и не со знаменитым противником, сам по себе

обеспечивал Августу некоторые преимущества. Он свидетельствовал о том, что в интересах государства Цезарь охотно готов осуществлять действия, не поражающие размахом, и держит свое обещание навести порядок в провинциях, оказавшихся под его властью. К весне он покинул Тарракону и направился на север, чтобы присоединиться к армии, мобилизованной с целью «усмирения» жителей Кантабрии.

«Осторожный полководец лучше безрассудного»

Император Цезарь Август оставался прежде всего военным вождем: его власть в государстве все так же основывалась исключительно на том, что под его началом находились силы более крупные, чем под началом других. По современным меркам он был и оставался военным диктатором, хотя всегда старательно уклонялся от именования этим титулом в том значении, которое было принято у римлян. Несмотря на то, что внешне он отказывался от власти и в начале 27 г. до н. э. принял возложенные на него сенатом обязанности с неохотой, на него невозможно было оказать давление до тех пор, пока он продолжал сохранять монополию в области военного командования. Легионы подчинялись ему, а сенат не имел здесь права голоса; более того, сенаторы утратили контроль над набором и роспуском легионов и других соединений. Хотя Август имел обыкновение просить одобрения сената в отношении условий солдатской службы, но никакого обсуждения или возможности возражений не предполагалось. В прошлом управление легионами, в том числе выдвижение на должность трибуна, а также назначение и продвижение по службе центурионов, в значительной мере делегировалось наместникам провинций. Формально ситуация не изменилась – с той разницей, что для основной части армии этим наместником был и оставался сам Август. Честолюбивые офицеры, желавшие сделать хорошую карьеру, нуждались в одобрении с его стороны.[411]

Именно благодаря военной силе Август взошел на престол – и в конечном итоге лишь у военной силы имелась реальная возможность сбросить его оттуда. Таким образом, Цезарь чрезвычайно нуждался в войске – и в то же время оно являло собой для него потенциальную угрозу. Если бы кто-то последовал примеру Августа – или же Мария, Суллы, Помпея и его сыновей, Юлия Цезаря, Марка Антония и других крупных и мелких военачальников, из-за которых I в. н. э. прошел столь неспокойно, – это могло оказаться для властителя роковым. Цезарь Август принял достаточно участия в мятежах, чтобы убедиться на собственном опыте: солдатам нельзя доверять. И дело было не в том, чтобы попросту ограничить полномочия

сенаторов, которым теперь предстояло командовать небольшими отрядами по нескольку лет. Следовало удовлетворять легионеров, их командиров и поддерживать в них верность Цезарю.

После битвы при Акции и окончательного поражения Антония все военные силы Рима, т. е. около 60 легионов, перешли под контроль Августа. Значительное число офицеров, а равно и солдат, успели послужить под началом нескольких командующих. Большинство из тех, кто находился в соответствующем возрасте, в какой-то момент присягали Юлию Цезарю, и таким образом между ними и его наследником существовала прочная эмоциональная связь. Однако самой по себе ее было недостаточно, что вскоре стало ясно, когда среди солдат, жаждавших отправиться по домам, начались мятежи. Некоторые легионы существовали лишь номинально, многие были недостаточно укомплектованы живой силой. Но даже несмотря на это, общая численность войск на текущий момент превосходила таковую в прошлом, в том числе и в годы ожесточенной борьбы с Карфагеном. В долгосрочной перспективе это грозило неподъемными расходами и несло в себе опасность, поскольку, по всей вероятности, удовлетворить такую массу людей было бы нелегко.[412]

В связи с этим Августу и его советникам предстояло принять решение: какими должны быть нужная им численность и состав армии? Требовалось оценить, сколько солдат необходимо, чтобы обеспечить надежность его положения, если у него появятся соперники в Риме, а также сколько их нужно, чтобы поддерживать существование империи, защищая и, при желании, расширяя провинции. Два этих момента были тесно взаимосвязаны. Слово «император» означало «победоносный военачальник», и репутации и *auctoritas* (авторитету) Августа был бы нанесен значительный урон, если бы соседи империи убедились в слабости государства, а само оно начало терпеть неудачи на границах или в провинциях. Сама по себе подобная ситуация не привела бы к краху его власти, но могла породить раскол, а это, в свою очередь, могло привести к появлению соперников.

Взвесив эти факторы, Август решил, что следует ограничиться двадцатью шестью или двадцатью семью легионами (число их не точно, поскольку остается непонятно, когда были созданы два соединения с наибольшими номерами. В какой-то момент общая численность войск достигла двадцати восьми легионов). Облегчить это сокращение, уменьшившее армию более чем вполовину, оказалось возможным благодаря возобновлению практики дарования ветеранам земли после битвы при Акции. К 29 г. до н. э. в колониях поселилось сто двадцать тысяч

отставных солдат – количество, достаточное для полного комплектования двадцати четырех легионов. Вероятно, после того как бойцы, не изъявившие желания продолжать службу, были распущены, оставшихся солдат оказалось вполне достаточно, чтобы укомплектовать с большей или меньшей полнотой двадцать шесть или двадцать семь легионов.[413]

Подробности прохождения военной службы в последние десятилетия существования республики во многом остаются неясны, однако по крайней мере часть людей записывалась в войска на шестилетний срок или даже до того момента, пока не закончится война, так что те, кто «подпал под сокращение», вовсе не обязательно были в массе своей стары. Некоторые выбрали для себя армейскую карьеру и продлили срок службы – в особенности это касалось офицеров. В бурные годы первого столетия н. э. первоначально существовавшее ядро армейских офицеров-профессионалов быстро расширилось. Его представители в основном занимали должности трибунов, префектов и центурионов, приобретая значительный опыт и компетенцию. По крайней мере некоторые из них принадлежали к всадническому сословию или оказались включены в него, получив свою долю военной добычи. Для некоторых армия была ступенью к социальным достижениям; другие же ценили в военной службе хорошее жалованье и обеспечивавшийся ею почет.

Было бы неразумным не принимать таких людей во внимание, и не следует представлять дело так, будто все сводилось к необходимости обеспечить сенаторам возможность создать себе репутацию на военном поприще – ведь другие сферы общественной жизни также были на свой лад привлекательны. Среди таких офицеров было немало выходцев из италийских провинциальных городов. Другие присоединились к этому слою, получив землю в процессе раздачи ее ветеранам: в соответствии с их рангом им достались приличные по размерам владения, а это открыло им доступ в городские советы и к должностям магистратов. Вне зависимости от того, хотелось ли этим людям продолжать службу в армии, они и им подобные имели в виду такую возможность – как для себя, так и для своих сыновей. То, что на должности трибунов, префектов и центурионов сразу же находились претенденты, не могло быть простым совпадением.

Но двадцать шесть легионов не только давали возможность обеспечить занятостью 130 000 солдат: в них также было предусмотрено 156 постов трибунов и 1560 – центурионов. К этому числу добавим преторианцев, которых насчитывалось почти столько же, сколько было солдат в легионе, причем платили им (соответственно должностям) значительно больше,

чем в обычных войсках. Еще больше возможностей открывалось благодаря тому, что власти постепенно формировали официальную систему вспомогательных воинских соединений, состоявших из тех, кто не имел римского гражданства. В ее рамках предстояло организовать пехотные когорты и соответствовавшие им по численности кавалерийские *алы*.[414] Командовали этими соединениями в основном римские граждане, хотя иногда на руководящие должности назначались аристократы из тех же народностей, откуда набирались войска. Поначалу обычной практикой являлось назначение на пост командующего одним из таких соединений того, кто прежде исполнял должность старшего центуриона. В какой-то момент Август осуществлял своего рода эксперимент – вверял совместное командование кавалерийской *алой* двум молодым людям из сенаторского сословия, надеясь, что благодаря этому они приобретут опыт руководства и командования кавалеристами, прежде чем займут более важные должности в легионах. Однако в течение года он все чаще выбирал на командные должности для соединений ауксилариев[415] префектов-всадников или трибунов. Это означало значительное расширение круга должностей, к которым имели свободный доступ всадники. При этом они приносили присягу принцепсу, получали от него должность и жалованье, а их дальнейшее продвижение по службе и перспектива получения наград также зависели от него (Suetonius, *Augustus* 38. 2).

Тот, кто имел под своим началом значительную регулярную армию, получал хорошую возможность удовлетворить чаяния представителей этого весьма важного слоя, а также обеспечить занятость им и тем, кто хотел вступить в ряды вооруженных сил. В 63 г. до н. э. армию для Катилины набрал не кто иной, как бывший центурион Суллы.[416] Такие люди играли важную роль в повышении боеспособности соединений в ходе гражданских войн. Дион Кассий, оставивший ядовитое описание событий с позиции сенатора начала III в. н. э., вложил в уста Мецената совет, якобы данный им Августу: он предлагал ему набирать солдат в войска, чтобы не дать молодежи пойти в разбойники. Куда большая опасность заключалась в том, что такие люди могли поступить в армию под предводительством соперника.[417]

Честь того или иного отряда, а также борьба интересов играли важную роль в формировании новой армии. На ранних этапах существования республики давать легионам новые номера каждый год было обычным делом, так что консулы командовали легионами с Первого по Четвертый. Эта система прекратила свое существование в I в. до н. э. В особенности яростно защищали

свою «идентичность» легионы Юлия Цезаря, под чьими бы знаменами они ни сражались – Лепида, Антония или молодого Цезаря. Легионы Антония с готовностью перешли на сторону Цезаря после битвы при Акции, но во многих случаях стремились сохранить свой номер, название и традиции. Это означало, что в нумерации соединений во вновь реорганизованной армии с самого начала ее существования не было логики. Существовало по два легиона с номерами Четвертый, Пятый, Шестой и Десятый и не менее трех под номером Третий. Некоторые, например *Legio V Alaudae* (Пятый легион «Жаворонки»), сохраняли свою идентичность, несмотря на тесные ассоциации с фигурой Антония – возможно, потому, что некогда они самоотверженно сражались за Юлия Цезаря. Символом этого легиона по-прежнему оставался слон в память о том, что в 46 г. до н. э. его воины нанесли поражение боевым слонам в войне с помпеянцами.[418]

Пятый легион «Жаворонки» входил в шестерку легионов, силами которых готовилась кампания на северо-западе Испании. К ней также относились Первый и Второй, а также Шестой Победоносный, возможно, Девятый (входившие в него воины записывали его номер в архаической форме: VIIII), получивший в эти годы имя Hispania, и, несомненно, Десятый легион «Близнец»; существовали также Тринадцатый «Близнец» и Четырнадцатый, хотя ни тот, ни другой не принимали участия в операциях в Испании. Во всех указанных случаях легионы формировались за счет слияния двух ранее существовавших соединений. Одно соединение, вошедшее в Десятый «Близнец», служило под командованием Антония и похвалялось тем, что происходит от существовавшего в прежние времена Десятого легиона, служившего Юлию Цезарю. В течение некоторого времени оно сохраняло прозвание *Equestris* (Всаднический), восходящее к 58 г. до н. э., когда солдаты в течение недолгого времени служили в кавалерии и шутили, что командующий собирается вписать их во всадническое сословие. Слияние двух соединений, по-видимому, укрепляло гордость служащих и того, и другого. Очевидно, оно представлялось более предпочтительным по сравнению с роспуском прежде существовавших легионов.[419]

И офицерам, и солдатам разрешалось придерживаться традиций, однако воинам вновь реорганизованной армии не следовало потворствовать. Нельзя было награждать их столь щедро, как награждали легионеров в годы гражданской войны. Воинам увеличили срок пребывания в войсках, и вскоре обязали их прослужить традиционный максимальный (шестнадцатилетний) срок, прежде чем они смогут быть признаны годными к получению участка земли по выходе в отставку. В

какой-то момент к этому сроку прибавили еще четыре года, в течение которых солдаты получали статус ветеранов и освобождались от некоторых обязанностей, но должны были оставаться в местах дислокации войск и подчиняться дисциплине. Обещания подарков и вознаграждений утратили характер регулярной меры с целью обеспечить лояльность легионеров – теперь они давались от случая к случаю, причем исключительно Августом или членами его большой семьи. Перемены в отношениях сказались и на манере обращения к военнослужащим. Во время гражданских войн юный Цезарь, подражая отцу, обращался к офицерам и солдатам, используя слово *commilitones* (товарищи). После 30 г. до н. э. эта доверительная форма исчезла, и он стал обращаться к ним попросту *milites*, или *воины*. Эту же форму, по его настоянию, должны были использовать все наместники и командующие, включая членов его семьи. В Испании Август продолжал насаждать столь же жесткую дисциплину, что и в Иллирии. Источники сообщают о символических унижениях центурионов: их заставляли стоять по стойке «смирно» близ его палатки, иногда с кусками дерна наподобие тех, из которых строились укрепления, или без поясов, так что длинная военная туника свисала до лодыжек наподобие женского платья.[420]

Старших офицеров следовало, что называется, держать на коротком поводке. В юности Цезарь зачастую шел на крупный риск, и, хотя в конечном итоге ему удалось одержать победу, несколько раз он оказывался в серьезной опасности (наиболее примечателен случай в войне с Секстом Помпеем). Теперь, достигнув зрелости (когда началась кампания в Кантабрии, ему исполнилось 38 лет), император Цезарь Август сделался осторожнее. Согласно Светонию (*Augustus* 25. 4), «образцовому полководцу, по его мнению, меньше всего пристало быть торопливым и опрометчивым. Поэтому он часто повторял изречения: “Спеши не торопясь”, “Осторожный полководец лучше безрассудного” и “Лучше сделать поудачней, чем затеять побыстрей”».

Поэтому же он никогда не начинал сражение или войну, если не был уверен, что при победе выиграет больше, чем потеряет при поражении. Тех, кто домогается малых выгод ценой больших опасностей, он сравнивал с рыболовом, который удит рыбу на золотой крючок: оторвись крючок, – никакая добыча не возместит потери.

Инстинкты римского аристократа побуждали его к смелым, подчас безрассудным действиям. Оказавшись во главе армии, такой полководец сознавал, что занимает свой пост лишь

временно, всей душой желал поддержать свою репутацию и репутацию своего рода и самоуверенно полагал, что победа – дело самое обыкновенное: ведь римляне побеждают уже несколько сотен лет! Август не хотел, чтобы его легаты или те проконсулы-сенаторы, которые еще оставались на командных постах, развязывали ненужные войны, чреватые серьезными поражениями, просто ради славы и добычи, подобно Помпею, или Юлию Цезарю, или многим другим полководцам прошлого. Поражения подрывали его репутацию, даже если сам он не присутствовал на театре военных действий – такова была цена, которую ему приходилось платить за свои обширные полномочия в провинциях и за auctoritas: ведь он прослыл человеком, покончившим с гражданскими войнами и установившим в государстве мир. Император Цезарь Август не мог позволить себе перемен к худшему, кто бы ни стал их виновником – он сам или кто-то из его окружения.[421]

Слишком много впечатляющих, получивших широкую известность побед также таили в себе опасность, если их одерживал не сам Август или не кто-то вышедший из его ближайшего окружения наподобие Агриппы или Статилия Тавра (они столь прочно были связаны с ним, что отблеск их достижений ложился и на него). Как мы видели, сомнительно, что Август открыто воспрепятствовал Крассу, когда тот попытался отпраздновать *spolia optima* (славные трофеи), и аристократ получил свой триумф, как и многие другие. Но отныне лишь немногим давалась возможность вести кампании такого масштаба, если они не принадлежали к ближайшему окружению Цезаря. Риск имелся даже в этом случае: так, вероятно, в 26 г. до н. э. человек, которого Август отправил управлять Египтом, навлек на себя его немилость. Всадник Корнелий Галл воевал с большим успехом: он подавил восстание в Верхнем Египте, а затем одержал несколько побед, совершая рейды по царству, расположенному южнее (тамошнее население предпринимало набеги на римскую провинцию). Однако он чересчур пышно праздновал свои победы: до нас дошли прославлявшие их надписи. Согласно Диону Кассию, имелись и другие надписи в честь этих событий: дошло до того, что он начертал их на пирамидах. Историк также утверждает, что он охотно болтал об Августе, не утруждая себя лестью – что было еще опаснее, поскольку Дион хорошо знал его.[422] О склонности Галла к необдуманным поступкам свидетельствовало его прошлое: к примеру, он принял в свой круг учителя риторики, который некогда был преподавателем дочери Аттика и соблазнил девочку. Подобное поведение носило тем более недопустимый характер,

что виновник был вольноотпущенником, и, так как впоследствии дочь Аттика вышла замуж за Агриппу, Августа особенно разгневал дружеский прием, оказанный этому человеку Галлом. [423]

Как часто случается, детали случившегося не поддаются уточнению. В качестве обвинителя Галла выступил некто Валерий Ларг, его прежний товарищ и, вследствие этого, вероятно, еще один из тех, кто хотя бы в какой-то мере пользовался благосклонностью принцепса. Однако ситуация неясна: о Ларге шла дурная слава инициатора жестоких и зачастую несправедливых преследований. Дион рассказывает о том, как Ларгу повстречался некто и поинтересовался, помнит ли тот его. Ларг отвечал отрицательно, и человек устроил из этого целое действо, записав его ответ на случай, если обвинитель когда-нибудь попытается призвать его к ответу за некое вымышленное оскорбление. Он также сообщает, что другой человек из ближайшего окружения Августа – по случайности, подобно Ларгу, принадлежал к всадническому сословию – как-то раз прикрыл руками рот и нос, заметив Ларга, тем самым намекая, что даже дышать в присутствии этого человека небезопасно.

Цезарь Август лишил Галла своего расположения и отозвал его с занимаемого им поста. В чем именно состояло обвинение, неизвестно, но, по-видимому, оно было связано с законом, предусматривавшим наказание для наместника за взяточничество (прежде всадники не подпадали по его действие). Однако Галл был наместником, имел соответствующие права и обязанности, и, возможно, тот факт, что теперь его сочли подконтрольным тем же правилам, что и сенаторов, занимавших аналогичные посты, послужил им утешением. Египет являлся важным источником налоговых поступлений, и на то, что Галл (или его приближенные) слишком охотно запускали руку в казну, не стали смотреть сквозь пальцы. Все могло объясняться попросту тем, что всадник позабыл всякий стыд (как то делали в прошлом многие правители-сенаторы), но все это лишь предположения и не более того.

Поскольку Галл лишился дружбы, или *amicitia,* Цезаря (жест этот приравнивался к открытой враждебности со стороны Августа), сенат с готовностью проголосовал за его осуждение и изгнание. Галл пришел в отчаяние и покончил с собой. По словам Светония, известие об этом поступке заставило Августа разрыдаться, сокрушаясь, что «ему одному в его доле нельзя даже сердиться на друзей сколько хочется». Оценка этого эпизода как согласованного противостояния со стороны сената неубедительна: вполне возможно, что он свидетельствовал об

отчаянном стремлении некоторых сенаторов заслужить благосклонность принцепса, предугадав, чего он хочет. Вполне возможно, что нападки на Галла были призваны продемонстрировать, что даже наместник из всаднического сословия, назначенный Августом, подвластен закону. Если так, этот жест мог вполне заслужить одобрение принцепса или, по крайней мере, его представителей в Риме, таких как Агриппа, Статилий, Тавр и Меценат.[424]

Последняя книга автобиографии

Август разделил войско на три колонны, которые разными путями продвигались в Кантабрийские горы. Цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы захватить основные проходы и подчинить главные укрепленные поселения местных народов. Археологические данные подтверждают, что в этих местах велись серьезные бои, а также позволяют выявить местонахождение временных лагерей, построенных римлянами во время этих кампаний. К сожалению, ни одно из этих мест невозможно связать с локациями, названия которых в кратком (и почти наверняка искаженном) виде встречаются в источниках. Август закончил автобиографию рассказом о своей победе в этих войнах, но в сохранившихся источниках нет почти никаких упоминаний об этом утраченном произведении. Он ничего не говорит о собственных подвигах и опасностях, которым подвергался в ходе этой кампании, и, похоже, что наибольшая опасность, с которой он столкнулся, исходила не от врагов. Еще до конца года он снова серьезно заболел, вернулся в Тарракон и оттуда курировал все операции вплоть до их завершения в 25 г. до н. э.[425]

Кантабры и астуры сражались со всей решимостью, и сохранились рассказы о воинах, которые предпочли капитуляции самоубийство. Существует сильное и ошибочное убеждение, будто все войны, которые велись на территории Испании, были партизанскими. В такой гористой местности засады, конечно, играли определенную роль, и даже известен случай, когда внезапное нападение сорвалось из-за предательства союзной общины, что позволило римлянам быстро продвинуться, дабы усилить контингент и победить врага. Тем не менее, очевидно, что были и крупномасштабные боевые действия, и многочисленные осады. Римские потери были весьма значительны, поскольку не каждая операция была успешной, и штурм даже маленькой укрепленной деревни представлял опасность для нападавших. В какой-то момент из Аквитании в Галлию прибыли корабли с подкреплением; один или несколько раз они причаливали к северному побережью Испании и нападали на врага, отвлеченного основными силами.[426]

Прослеживалось определенное сходство с операциями в горах Иллирии, хотя узнать, сколько человек было занято и в тех, и в других, невозможно. Также не ясно, насколько опыт, полученный в сражениях на одном театре военных действий, передавался подразделениям в других местах. Временные лагеря, построенные во время этих кампаний, возводились в соответствии с традициями республиканской армии и с учетом особенностей рельефа. Несмотря на то, что внутреннее устройство отличалось высокой организованностью, которая так восхищала греков еще с III в. до н. э., лагеря пока не приобрели стандартную форму игральной карты и характерную внутреннюю планировку, каковые получат распространение в ближайшее несколько десятилетий. Так же, как и условия службы, распорядок дня и муштра не были разработаны и сразу же введены – они развивались постепенно в течение жизни Августа, по мере того, как вводилось все больше предписаний.[427]

Как и в предыдущих кампаниях, римляне пытались занять доминантную высоту, когда их колоннам приходилось прокладывать себе путь через долины и проходы. Одну из крепостей они окружили пятнадцатимильным рвом, так что у защитников не было никакой возможности сбежать. Война велась жестко, методично и не особенно благородно, но зато давала офицерам и солдатам возможность отличиться и получить повышение или иные награды. Первому и Второму легионам было даровано почетное наименование Августовых, а последний под конец даже взял себе в качестве одной из эмблем Козерога – астрологический символ Августа (Florus II. 33. 50).

Потребовалось два года тяжелой борьбы, прежде чем объявили о победе и в Рим было направлено известие о том, что врата храма Януса можно снова закрыть. Август был провозглашен императором, и сенат проголосовал за предоставление ему триумфа. Титул он принял, а от празднования триумфа отказался, и впоследствии тоже всегда будет поступать подобным образом. Эффектное заявление о том, что он не стремится к личной славе, поскольку и так уже достиг очень многого, произвело гораздо более сильное впечатление, чем очередное триумфальное шествие по улицам Рима. Подобно Агриппе, он хотел безвозмездно трудиться на благо Рима, – «безвозмездно» в его случае означало без обычных почестей. В конечном итоге провозглашение победы оказалось преждевременным, и вскоре после того, как Август покинул Испанию, кантабры и астуры возобновили боевые действия. Было проведено еще несколько кампаний, завершившихся весьма эффективной, можно даже сказать, безжалостной операцией под

руководством Агриппы в 19 г. до н. э. Но даже после этого ход сражений не всегда складывался в пользу римлян – Первый Августов легион был лишен своего почетного наименования за какое-то поражение (позднее, после продолжительной службы на германской границе, он получит наименование Германского – Germanica).[428]

1 января 25 г. до н. э. в Тарраконе Август в девятый раз вступил в должность консула. Возможно, он покинул город, чтобы лично принять капитуляцию некоторых кантабрийских вождей, но, поскольку его болезнь оставалась весьма серьезной, он вряд ли много путешествовал. Однако это вовсе не означает, что он проводил время в праздности. Известно, что несколько посольств из провинций приезжали в Рим и, после того, как были представлены сенату, отправились к Августу в Тарракон, причем это вряд ли был единичный случай. Несомненно, просители стекались к нему со всех уголков империи в надежде, что их ходатайства будут удовлетворены.[429]

Мало кто из провинциалов видел Августа вживую. Другое дело – на изображениях, куда более многочисленных, чем изображения любого другого человека или божества. На всех золотых и серебряных монетах, которые чеканились римлянами, был выбит его профиль или какой-нибудь связанный с ним символ. Его имя присутствовало на всех памятниках, а его статуи стояли по всей Италии и в провинциях. Август изображался в идеализированном виде – красивым, высоким и респектабельным. И вечно молодым – или, лучше сказать, в самом расцвете сил. Не существует ни одного изображения, где он был бы показан в зрелом возрасте или старым.

Это не означает, будто он не отдавал себе отчета в том, что смертен, особенно ввиду его повторяющихся приступов болезни, или был равнодушен к будущему своего семейства. Марцелл и Тиберий получили право носить мужскую тогу и еще до того, как поехать вместе с ним в Испанию, уже официально считались взрослыми. Эти кампании дали им почувствовать вкус военной жизни, и сыну Ливии это начало нравиться. Для молодых знатных людей брачные альянсы составляли важную часть карьеры. Учитывая роль, которую сыграло усыновление его Цезарем, Август знал, что любая связь с его семейным кругом имеет большое значение. Если Ливия была рядом с ним, то они, бесспорно, обсуждали эти вопросы во всех деталях и поступали так в отношении большинства семейных дел. Тиберия обручили с дочерью Агриппы Випсанией, а Марцеллу оказали великую честь в виде помолвки с Юлией – единственной дочерью Августа. Браки между двоюродными родственниками были редкостью даже среди

знатных римских семейств, хотя все они так или иначе состояли в родстве друг с другом. Это являлось еще одним признаком того, что Цезаря Августа, несмотря на все свои разговоры о традициях, не связывали старые правила.[430]

XIV Величайшая власть

Цезарь, про кого шла молва в народе, Будто, как Геракл, лавр купил он смертью, От брегов испанских вернулся к Ларам Победоносцем. Радостно жена да встречает мужа, Жертвы принеся справедливым Ларам, И сестра вождя…

Гораций. Оды. III. 14 (Пер. Г. Ф. Церетели под ред. М. Л. Гаспарова)

Возвращение из Испании заняло много времени. Август снова заболел – возможно, к нему вернулся тот же недуг, что беспокоил его в последние годы. Многолюдный Рим был нездоровым местом, и принцепс следовал традиционной практике всех нобилей держаться подальше от города, пока не выздоровеет. Возможно, к 1 января 24 г. до н. э. он уже был в Италии, но явно еще не в Риме, и не мог лично присутствовать, чтобы в десятый раз вступить в должность консула. Это не помешало сенату принести клятву верности всем формальным деяниям принцепса, а также выполнить его «просьбу» относительно выдачи каждому гражданину по 400 сестерциев, что повторяло щедрость, характерную для его триумфов. Сенаторы же проголосовали за наделение принцепса дополнительными почестями, часть из которых, впрочем, были им отвергнуты.[431]

Коллегой Августа по консулату был Гай Норбан Флакк, сын одного из старших командиров в битве при Филиппах, женатый на дочери Бальба Младшего. Как и Меценат, Агриппа и Статилий Тавр все еще находились в Риме, так что принцепс не испытывал недостатка в богатых и влиятельных подчиненных, которые могли урегулировать все вопросы так, как ему было нужно, даже если формально не занимали никаких должностей. У Тавра были крепкие рабы-германцы, представлявшие собой мощную силу, хотя нигде не засвидетельствовано, что он использовал их для оказания давления на других. Также в городе находилось несколько преторианцев, хотя по меньшей мере несколько когорт сопровождали принцепса в Испанию, так что в распоряжении сторонников Цезаря всегда имелись вооруженные силы.[432]

Что еще важнее, Агриппа был занят крупными строительными проектами, которые не только обеспечивали множество хорошо оплачиваемых рабочих мест, но и служили постоянным напоминанием о славе Августа и мире, который принесли его победы. В 26 г. до н. э. было завершено

строительство септы, переименованной в Юлиеву септу в честь Юлия Цезаря, а особенно в честь его сына, и на Марсовом поле состоялось ее официальное открытие. Это была площадка для голосования с полом, вымощенным мрамором, украшенная статуями и картинами высочайшего качества, а большая часть ее внутреннего пространства была закрыта навесами, так что избиратели могли как насладиться тенью, так и полюбоваться произведениями искусства. Поблизости располагались общественные термы и гимнасий, базилика, посвященная Нептуну как напоминание о победах при Навлохе и Акции, а также величественный храм, который впоследствии станет известен как Пантеон, поскольку там были статуи всех великих богов и богинь. Изначально Агриппа планировал поставить среди них и статую Августа и назвать все здание Августеумом, но принцепс отказался от этой почести, поскольку она слишком походила на обожествление. Впрочем, возможно, что эта история была специально выдумана, чтобы подчеркнуть его скромность. Статую божественного Юлия Цезаря установили внутри храма, а входной портик украшали изображения Августа и Агриппы, размещенные на безопасном и почтительном расстоянии от статуй богов. Более чем вероятно, что фронтон был украшен резьбой в виде гражданского венка (*corona civica*), и это являлось очередным напоминанием о служении Августа согражданам.

Спустя полтора века император Адриан восстановил Пантеон на том же самом месте, но придал ему другое расположение. Именно это величественное сооружение с внушающей благоговение куполообразной крышей посетители могут видеть в настоящее время. Храм же, созданный Агриппой, был более традиционным по стилю, хотя и отличался монументальностью. Адриан сохранил или обновил оригинальную надпись, так что на фасаде здания вырезано имя Агриппы, и это может служить полезным примером того, что для римлян восстановление здания являлось отражением славы и создателя, и реставратора. Последнему это было нужнее, поскольку к моменту завершения работ он еще был жив и находился в добром здравии. Строительство, затеянное Агриппой на Марсовом поле, обеспечивало занятость большого числа римлян и предоставляло им различные удобства и роскошества, что являлось продолжением практики, начатой Агриппой еще во время его эдилитета десять лет назад. В ближайшие годы здание терм было расширено, а подача воды – улучшена благодаря завершению строительства нового акведука, Аква Вирго (*Aqua Virgo*), в 19 г. до н. э. Базилика предоставляла больше возможностей для ведения государственных дел, но так же, как и в случае с остальными его

проектами, функциональная сторона здесь сочеталась с эстетической, и, помимо прочих украшений, в базилике находилась знаменитая картина, где изображались аргонавты. Подобно учреждению публичной библиотеки в храме Аполлона Палатинского, открытая демонстрация известных произведений искусства была явно популистским жестом, поскольку они делали доступным для широких слоев населения то, что раньше могли позволить себе только богатые. Тем не менее, в отличие от предыдущих политиков, Агриппа никогда не выставлял напоказ свои заслуги вне связи их с величайшей славой Августа. Вместо этого его победы служили прославлению мира, наступившего благодаря успехам принцепса.[433]

Между тем приходили вести о новых победах. Когда врата Януса были закрыты во второй раз за несколько лет, это было публичным заявлением о новых успехах принцепса. В течение долгих веков республики эта церемония проводилась лишь дважды, но сколько человек об этом знало, сказать сложно, к тому же пока не видно было, чтобы провозглашение мира в Испании оказалось преждевременным. Новости из других провинций поступали также хорошие, поскольку военачальники Августа воевали там своими силами. Римские войска одержали победы в Альпах и на Рейне, так что, хотя карьера Корнелия Галла и закончилась опалой, в его успехах на военном поприще никто не сомневался. Его преемник Элий Галл также был всадником, и теперь, если не раньше, Август, по-видимому, решил изменить отношение к Египту и управлять им через префекта-всадника, а не легата-сенатора.[434] Его инструкции также носили откровенно агрессивный характер. Элий Галл предпринял военный поход в Счастливую Аравию, расположенную в северо-западном углу Аравийского полуострова; местные жители были прекрасными посредниками в торговле предметами роскоши – такими как пряности, драгоценные камни и шелк. Вторжение не задалось с самого начала, так как многие римские корабли затонули во время шторма на Красном море. Римское войско пыталось приспособиться к условиям пустыни, и в столкновениях с неприятелем погибло гораздо меньше людей, чем от жажды, теплового удара или болезней. Элий Галл пошел неправильным путем, и впоследствии союзник, который посоветовал ему этот маршрут, был осужден и казнен, однако сложно сказать, предоставил ли он эти ложные сведения умышленно или по незнанию. Римляне взяли несколько крепостей, но под конец у них закончилась вода, и им пришлось отказаться от осады самой последней. В случае если им недоставало умения, Элий Галл и его люди демонстрировали

упорную решимость, а отступать у них получалось лучше, чем нападать.

Это вторжение было бесспорным и дорого обошедшимся провалом, однако следует учитывать, что воевать приходилось далеко и весьма скромными силами – в основном римляне использовали два легиона вместе с вспомогательными войсками и союзниками. Походы Юлия Цезаря в Британию также не увенчались успехом, но их встретили ликованием; Аравия же являлась загадочной экзотической страной, а главное – римская армия никогда там раньше не была. Август объявил о победе, а истина никого не заботила. Ни один сенатор не участвовал в походе и не сопровождал преемника Элия Галла Публия Петрония, когда тот повел значительную часть провинциальной армии на юг вдоль Нила и одержал победы между первым и вторым порогами. Один из главных городов эфиопов был взят штурмом, а другая победа последовала, как о том объявили, над далеким экзотическим народом – на сей раз не без основания.[435]

Успехи за границей, даже при том, что некоторые из них были скорее воображаемыми, чем реальными, укрепили стабильность дома. Похоже, что принцепс выполнял обещание навести порядок во вверенных ему провинциях, делая это как лично, так и через своих представителей. Если и возникали трудности с управлением Римом, вытекавшие из продолжительного отсутствия одного из консулов, то всегда находились средства, чтобы с ними справиться. Однако не всегда все проходило гладко. В 26 г. до н. э. Марк Валерий Мессалла Корвин, сын консула и консул-суффект 32 г. до н. э., человек, который в прошлом держал сторону «Освободителей», а затем – Антония, был назначен префектом города (*praefectus urbis)*. Юлий Цезарь в свое время возродил этот старинный пост и специально отобрал несколько человек для решения административных вопросов в Риме на время своего отсутствия. Но в остальном эта должность относилась к туманным и далеким годам ранней республики. Через несколько дней Мессалла подал в отставку, «потому что не знал, как исполнять свою должность». Велик соблазн думать, что этот шаг диктовался осознанием того, что его власть была ограниченна, а стараниями закулисных махинаций соратников Августа превратилась в фикцию, но это чистая гипотеза, так же, как и современное предположение, будто он находился под давлением со стороны других нобилей, неодобрительно относившихся к режиму. В последующие годы этот пост был восстановлен и передан надежному Статилию Тавру.[436]

Старость, болезнь и смерть

Когда Август, наконец, вернулся в Рим, был уже конец года, но он мог ехать по недавно восстановленным дорогам. Принцепс из своих собственных средств оплатил ремонт Фламиниевой дороги и призывал сенаторов, особенно тех, кто уже справлял триумфы, заняться другими главными дорогами. Его примеру последовали немногие, и в итоге основная часть работы была выполнена Цезарем Августом и Агриппой. Эти проекты опять же сочетали практическую сторону с визуальным посланием. На мильных камнях значилось имя реставратора, а на видных местах – таких, например, как крупные мосты, – установили статуи принцепса (Dio Cass. LIII. 22. 1–2).

Это были изысканные статуи, изображавшие сильного человека, на лице которого не видно признаков возраста или напряженности, в отличие от портретов, получивших широкое распространение в Риме в течение последних нескольких поколений и изображавших морщинистых, упитанных людей. На самом же деле Цезарю Августу было 38 лет, и он страдал от серьезной болезни, а потому даже не смог присутствовать на свадьбе Марцелла и Юлии, и его, как часто бывало, заменил Агриппа. Никто не знал, и менее всего сам Август, сколько еще ему суждено прожить. Причина его постоянных проблем со здоровьем неизвестна, хотя Светоний говорит, что дело было в его печени, так что, возможно, это было что-то из этой области. Некоторые исследователи считали, что Август симулировал болезнь, желая напугать сограждан перспективой своей скорой смерти и началом новой гражданской войны и показать им, что они должны радоваться его долгой жизни и принимать его господство, не стремясь к альтернативе. Другие предполагали, что болезнь была обусловлена психосоматическими причинами, хотя, как заметил один выдающийся ученый, «это объяснение весьма популярно среди врачей, когда они не могут поставить точный диагноз».[437]

Воспитание нового поколения для ведения государственных дел было обычной практикой римского нобилитета. Формально Марцелл и Тиберий достигли совершеннолетия до того, как покинули Рим, чтобы сопровождать Августа в Испанию. Это считалось вполне нормальным, как и приобретение первого опыта провинциального управления и ведения военных действий в штабе родственника, хотя они еще были слишком молоды для получения звания военного трибуна. Впрочем, внимания им уделялось гораздо больше обычного. Оба юноши вернулись в Рим раньше Цезаря, но в последние недели своего пребывания с армией в Испании они были распорядителями на серии игр и развлечений, устроенных для легионеров в конце кампании.

Затем, в 24 г. до н. э., сенат при содействии Августа предоставил им возможность ускоренного продвижения по службе. Они были включены в сенатские списки, а Марцелл получил звание претория и право занимать любую должность, включая консульство, на десять лет раньше положенного срока. Тиберию было позволено занимать должности на пять лет раньше.

Осенью восемнадцатилетние молодые люди впервые приняли участие в выборах – разумеется, при открытой поддержке Августа и, вполне возможно, при его физическом присутствии во время предвыборной агитации и самих выборов. Как обычно бывало, когда он давал рекомендацию, никто не сомневался в том, какими окажутся итоги – Марцелла избрали в эдилы, а Тиберий стал квестором. Несмотря на то, что они были еще очень молоды, не следует забывать, что каждый из них принадлежал к древнему и уважаемому роду. В этом смысле другие сенаторы воспринимали их как более приемлемые фигуры – во всяком случае, по сравнению с кем-либо наподобие Агриппы.

В особенности предпочтение отдавалось Марцеллу, которому не только предоставили более высокие должности, но и удостоили величайшей милости – брака с единственной дочерью принцепса. Впрочем, почести, предоставленные Тиберию, также были немалыми и носили исключительный характер, а его невеста Випсания являлась дочерью человека, который мог похвастаться тремя консульствами, и внучкой Аттика. В 23 г. до н. э. Август выбрал сына Ливии своим личным квестором и назначил его ответственным за организацию поставок зерна на последних этапах его доставки в Рим. Также ему было поручено обследование эргастулов,[438] сохранившихся во многих сельских усадьбах, поскольку существовало подозрение, что в некоторых из них насильно содержатся ни в чем не повинные путешественники, которых захватили в плен и заставляют работать. Оба задания были полезными и, что не менее важно, давали Тиберию возможность приобрести известность и популярность. Это было еще более верно в отношении Марцелла, который, будучи эдилом, отвечал за организацию игр, и с помощью своего дяди и тестя – принцепса, сделал их незабываемыми. Над Форумом натянули полотнища, чтобы защитить зрителей от солнца, а среди исполнителей танцев был один представитель всаднического сословия, а также молодая знатная дама.[439]

В 23 г. до н. э. Марцеллу и Тиберию исполнилось по 19 лет. Цезарю Августу было 39 лет, и он уже в 11-й раз был консулом. Его коллегой должен был быть некий Варрон Мурена, но он умер либо в конце 24 г. до н. э., либо в начале следующего года. Вместо него консулом стал Гней Кальпурний Пизон, который

сражался против него в битве при Филиппах. Пизон происходил из уважаемой семьи, но со времен гражданской войны почти не участвовал в общественной жизни и, как говорили, в прошлом отказался от поддержки на выборах. На этот раз он позволил себя убедить; мы не знаем, что именно заставило его изменить свое мнение, но таким образом оказалась нарушена последовательность, при которой коллегами принцепса по консулату становились люди, известные как близкие соратники Августа. Возможно, это было задумано как знак примирения или, по крайней мере, как гарантия того, что нобили из уважаемых семей могут наслаждаться высочайшими почестями, каковых они, с их точки зрения, заслуживали.[440]

Этот год оказался неудачным, но консулы и их способность работать вместе не имели к этому никакого отношения; дело было в стихийных бедствиях. Разразилась ужасная эпидемия, унесшая множество жизней по всей Италии и пару раз вспыхнувшая в самом Риме в течение этого и следующего года. Тибр вышел из берегов, что сказалось на низинных районах города и вызвало еще больше заболеваний, а неурожаи привели к нехватке зерна. Возможно, благодаря усилиям Тиберия положение немного стабилизовалось, но рынок тем не менее был сильно подорван, а цены взлетели. Август двенадцать раз выдавал двумстам пятидесяти тысячам граждан зерно или муку из собственных запасов – вероятно, каждый месяц, чтобы облегчить тяготы менее зажиточных.[441]

Все думали, что Август скоро умрет. В первой половине года он снова почувствовал серьезное недомогание из-за тех же проблем с печенью, которые преследовали его в последнее время. Такие заболевания обычно лечили при помощи теплых компрессов, но они ему не помогали. Август вызвал к себе высших должностных лиц, видных сенаторов и представителей всаднического сословия и стал обсуждать с ними государственные дела. В конце он передал свой перстень с печатью Агриппе, а записи о состоянии армии и государственных счетов отдал своему коллеге по консулату – Пизону. О Марцелле не было сказано ни слова, и Август умышленно не стал называть имени преемника. Это было непростым делом, поскольку его полномочия и auctoritas (власть) носили личный характер, а самой должности принцепса как таковой не существовало, и потому ее нельзя было передать кому-то другому. Кроме того, Марцеллу исполнилось всего девятнадцать лет и он еще только начинал карьеру, тогда как даже сам Август лишь со временем занял место своего отца. Если бы Цезарь Август умер, то самой подходящей кандидатурой для того, чтобы взять в свои руки

контроль над большей частью легионов, оказался бы Агриппа, но его слабыми местами являлись отсутствие у него политических связей и былая готовность отказаться от славы в пользу друга. Он не только не был Цезарем, но и вообще происходил из незнатной семьи, так что имелись основания полагать, что ему пришлось бы бороться за то, чтобы удержать любую власть, какой он смог бы завладеть.

Цезарь Август цеплялся за жизнь, хотя некоторое время он не мог ни проводить заседания, ни даже принимать важные решения. К нему приставили нового врача – вольноотпущенника Антония Музу, который, как и многие врачи, вероятно, был родом из эллинистического мира. Отказавшись от традиционных методов лечения, вместо теплых припарок он использовал холодные, а также назначил холодные купания. Это помогло, и постепенно принцепс восстановил свои силы. То ли помогло лечение Музы, то ли его организм сам поправился, но, как бы то ни было, Август больше никогда так серьезно не болел и печень его не тревожила. Другие болезни, включая простуды и склонность к заболеваниям в начале весны и ближе ко дню его рождения в сентябре, поражали его и в последующие годы, но это не помешало, казалось бы, хрупкому Августу прожить еще тридцать с половиной лет.

Выздоравливающий принцепс щедро наградил Музу за это поистине чудесное исцеление. Сенат отреагировал публичным вынесением благодарности и сразу проголосовал за то, чтобы врач получил дополнительную крупную сумму, а также право носить золотое кольцо. Помимо этого они заказали его статую, и она была поставлена рядом с Эскулапом, богом врачевания, а кроме того, Муза и его коллеги-врачи были навечно освобождены от уплаты налогов. По мере распространения новостей, и частные люди, и целые общины предлагали устроить публичные изъявления благодарности за исцеление Августа.[442]

Стабильность – во всяком случае, на данный момент, – была обеспечена, и даже те, кто не особенно симпатизировал принцепсу, радовались этому. Тем не менее некоторое беспокойство относительно будущего все же сохранялось, и распространялись сплетни о том, почему Марцелл в этой ситуации оказался обойден вниманием. Становилось ясно, что, по крайней мере, некоторые считали, будто оказанная ему некогда благосклонность свидетельствовала о том, что его прочат в преемники. Август был недоволен подобными разговорами, поскольку они омрачали его в остальном весьма корректную и открытую передачу обязанностей коллеге по консулату и старому другу. Когда он поправился настолько, что смог посещать

заседания сената, то публично заявил: неверно полагать, будто он готовит Марцелла себе в преемники. В качестве доказательства Цезарь Август принес документ, который, как он сказал, является его завещанием, и предложил зачитать его сенаторам, дабы показать, что его племянник может рассчитывать лишь на обычное наследство – любопытная перекличка с его оглашением завещания Антония десятилетием ранее. Поскольку принятие предложения означало бы необходимость подкрепить слова принцепса каким-либо доказательством, сенаторы поспешно закричали, что не позволят ему это сделать (Dio Cass. LIII. 31. 1).

1 июля Август покинул Рим и отправился на близлежащую Альбанскую гору, где сложил с себя консульские полномочия. Он специально сделал это за пределами официальной границы города и, вполне возможно, почти без предупреждения, чтобы избежать демонстраций «верности» со стороны сенаторов и попыток широких слоев населения убедить его пересмотреть свое решение; вероятно, он также объявил о своем намерении не занимать эту должность в ближайшем будущем. Оставшийся консул, Пизон, председательствовал на выборах консула-суффекта, который должен был заменить Августа. Сколько кандидатов появилось за столь короткий срок, неясно, и, возможно, Август уже предлагал Луцию Сестию участвовать в выборах. Сестий был квестором Брута и сражался на его стороне против молодого Цезаря. Несмотря на то, что после битвы при Филиппах он сдался и был помилован, Сестий открыто восхищался «Освободителем», держал у себя дома изображения Брута и постоянно его восхвалял. Многих, особенно из среды нобилитета, восхищал выбор человека, который явно не был близким другом принцепса. Многие знатные семьи считали его, как и Пизона, подходящим человеком для занятия этой высшей должности и, по сути, в течение следующего десятилетия многие консулы являлись выходцами из нобилитета. Это был очередной жест, призванный показать восстановление по крайней мере видимости нормального положения дел.[443]

Хотя Август уже не являлся консулом, он тем не менее сохранял за собой управление всеми ключевыми военными провинциями империи, каковое ему предоставили на десять лет, а прошло менее половины этого срока. Он продолжал пользоваться огромным авторитетом и, что еще более важно, фактической монополией на руководство всеми военными силами, так что его отставка с поста консула ни в коей мере не ослабила его власть. Нужно было решить вопрос о том, как оформить это господство юридически. Сенат быстро проголосовал за наделение его постоянным проконсульским империем и

предоставил ему формальное право управления его провинциями и находящимися на их территории легионами даже теперь, когда консульским империем он больше не обладал. Эта право отдавать приказы и вершить правосудие обычно становилось недействительным, когда человек возвращался из провинции и пересекал померий, чтобы вступить в Рим, – за исключением особого разрешения, которое давалось человеку в день его триумфа. Август планировал часто уезжать из Рима и возвращаться, поэтому, чтобы каждый раз не даровать ему эти полномочия заново, сенат и народное собрание подтвердили указанную привилегию.

Император Цезарь Август сохранял пожизненный проконсульский империй даже в тот момент, когда он въезжал в Рим. Этот империй являлся превосходящим (в последующие годы будет использоваться слово maius, т. е. «бóльший») по отношению к империю любого другого проконсула. Если Август находился в какой-либо из сенаторских провинций, то их наместники не имели права отменять его действия или решения. Впрочем, данная привилегия не давала ему права управлять этими провинциями как своими собственными и не обязывала его давать систематические указания проконсулам. Как и раньше, он продолжал получать прошения от общин в этих областях и отвечать на них, а его постановления соблюдались потому, что он обладал как неоспоримым auctoritas (авторитетом), так и формальной властью.

В прошлом Цезарю неоднократно предоставлялись права и полномочия плебейских трибунов. В 23 г. до н. э. их либо возродили, либо пожаловали ему в более полном объеме. Будучи патрицием, он не мог занимать эту должность, хотя в 44 г. до н. э. попытался воспользоваться всеобщей неразберихой и выставил свою кандидатуру на этот пост. С 36 г. до н. э. он, а также Октавия и Ливия были наделены такой же сакросанктностью, [444] как и трибуны, так что отныне любая попытка причинить им вред рассматривалась как преступление против богов. Теперь, когда он уже не был консулом, ему недоставало формального права вести дела в пределах города, а трибунские полномочия давали возможность это делать. Будучи магистратом, трибун имел право созывать сенат или народные сходки (*concilium plebis*). Август получил также дополнительное право, которым трибуны не обладали, а именно – возможность вносить по одному предложению на каждом заседании сената.[445]

Детали этих новых полномочий и причины, по которым они были приняты, остаются в высшей степени противоречивыми и служат предметом научных дискуссий. Здесь нет простых ответов,

и, как почти всегда и бывает, мы не знаем, какими мотивами руководствовались Август и его советники. Этот план, несомненно, являлся результатом тщательного обдумывания, хотя сложно сказать, началось оно до или после его болезни. Консульство было удобным и понятным проявлением традиционной власти. Тем не менее в 23 г. до н. э. Август уже в девятый раз подряд занимал эту должность и, если не считать первых двух лет, всегда служил полный срок. До этого года его коллеги обычно оказывались его близкими соратниками. Это было весьма полезно для того, чтобы удерживать власть и действовать законно и открыто, но в то же время подобная практика означала, что вершина сенаторской карьеры станет недоступной для всех, кроме людей из ближайшего окружения принцепса. Частые уходы в отставку и назначение суффектов уменьшали значение самой должности и свидетельствовали о явном господстве Августа, поскольку именно он контролировал всю систему и требовал частых выборов.[446]

Возможно, Дион Кассий был прав, когда говорил, что Цезарь Август хотел предоставить как можно большему числу сенаторов возможность занять высшую должность. После 23 г. до н. э. в течение десяти лет консулов-суффектов больше не было, и даже потом их назначение являлось уже скорее исключением, чем правилом. Многие из тех, кто занимал эту должность, происходили из знатных семейств, но были слишком молоды, и во время гражданских войн служили скорее всего в низших чинах, особенно в ходе становящейся все больше уходившей в прошлое битвы при Филиппах. Такие люди, как Пизон и Сестий, были представителями старой сенаторской элиты и могли открыто ассоциировать себя с делом «Освободителей» и стремиться к идеальной республике, возглавляемой сенатом и свободной от господства одного властителя или фракции (Dio Cass. LIII. 32. 3).

Однако при этом они жили под властью триумвирата или самого Цезаря Августа вот уже более двадцати лет. Хотели они этого или нет, но им пришлось принять реальность нового режима – по крайней мере, в данный момент. Наличие их имен в фастах – официальных консульских списках, и исполнение ими своих служебных обязанностей являлись украшением исправно функционировавшего государства. По иронии судьбы, возвращение к ежегодному избранию двух консулов было не только данью традиции, но и делало невозможным приобретение одним из них чрезмерной или постоянной власти или влияния, как и было задумано. Впрочем, ни один из консулов, из какого выдающегося рода он бы ни происходил, не мог ни в чем конкурировать с Цезарем Августом – одиннадцатикратным

консулом и трижды триумфатором (не говоря уже о еще более многочисленных провозглашениях его императором), который по-прежнему контролировал все важные провинции и играл активную роль в общественной жизни самого Рима.

Несмотря на попытки объяснить события этих лет с точки зрения коллективной оппозиции, в источниках нет ни малейшего намека на то, что Август изменил свое официальное положение потому, что его заставили это сделать. Безусловно, многие сенаторы радовались тому, что консульство снова стало предметом конкуренции между достойными кандидатами. Однако эту точку зрения разделяли не все. В ближайшие несколько лет участники голосования в большинстве своем на избирательных бюллетенях во время центуриатных комиций обычно писали имя «Цезарь Август», хотя он не выставлял своей кандидатуры. Так бывало несмотря на то, что выборы проходили под председательством одного из консулов этого года, а предвыборная борьба носила ожесточенный характер – мы слышим о широком распространении взяточничества и сопряженных с насилием беспорядках в «лучших» традициях предшествующих десятилетий. Август всегда отказывался проводить перевыборы, но очевидно, что многие чувствовали себя в безопасности лишь в том случае, если он имел власть для поддержания стабильности и был в состоянии избежать повторения гражданских войн. Исход голосования в центуриатных комициях чаще всего зависел от того, как проголосуют центурии зажиточных граждан, так что дело было вовсе не в том, что недисциплинированные и необразованные бедняки просто хотели сохранить у власти человека, который обеспечивал им развлечения и бесплатное зерно.[447]

Поскольку Август действовал в Италии и в провинциях через посредство сенаторов, было целесообразным содержать их в довольстве (в разумных пределах). Легаты всех провинций, кроме Египта, а также младшие легаты, командовавшие легионами, назначались из числа сенаторов. Система требовала непрерывного притока таких людей, которые готовы были служить добровольно и принимать в награду почести, звания и возможности заслужить репутацию для себя и своего рода. Дел было очень много. В 23 г. до н. э. Август увеличил число преторов с восьми до десяти; двое новых должны были помогать ему с управлением государственными финансами. Наличие двух новых консулов каждый год, а также его собственные новые полномочия привели к появлению новых старших должностных лиц и позволили сделать еще больше. Вероятно, Августу и самому было неудобно непрерывно занимать консульскую должность, которая

в те годы, когда сам он отсутствовал в Риме, тяжким бременем ложилась на плечи его коллеги. Поэтому для перемен такого рода были и причины сугубо практического характера (Dio Cass. LIII. 32. 2).

Гораздо большее значение имел вопрос о том, как должна была оформляться власть Цезаря Августа в будущем, которое теперь, благодаря его исцелению, могло продлиться еще какое-то время. Важно было проявить такт. В последующие годы большое значение придавалось трибунской власти, и его правление датировалось по количеству лет, в течение которых он ею обладал; этому образцу следовали его преемники. Тацит, писавший во второй половине I в. н. э., считал, что трибунские полномочия являлись наименованием «для обозначения высшей власти» (*summi fastigii vocabulum*). Однако акцент на этой власти стали делать не сразу, и система датировки изначально была не слишком удобной, поскольку отсчитывать время по количеству консулатов, как это делалось с 30 г. до н. э., теперь уже было невозможно. Многие римляне питали сентиментальную привязанность к плебейским трибунам, считая их защитниками прав граждан, и подобная ассоциация, несомненно, казалась весьма привлекательной. Впрочем, неоднократные попытки заставить принцепса принять консульство – а однажды даже диктатуру – могут свидетельствовать о том, что ассоциирование Августа с трибунами как таковыми не вызывало большого сочувствия.[448]

В эти годы появляются некоторые признаки сознательных усилий к тому, чтобы сделать его главенство менее очевидным. По этой причине пришлось отказаться от планов по строительству грандиозного подъезда к его дворцу на Палатине. Вместо этого до него добирались по дороге, шедшей от Форума и проходящей мимо великолепных фасадов домов знати, портики которых были украшены трофеями и символами заслуг владельцев и их предков. В этом смысле принцепс не слишком выделялся и оказывался лишь наиболее выдающимся в череде величайших мужей города. Но даже при этом не делалось никаких попыток утаить его гораздо большую славу и статус. Кроме него, никто больше не жил в таком роскошном комплексе, включающем в себя прекрасный храм Аполлона, или рядом с такими древнейшими священными местами, как хижина Ромула или Луперкаль – храм, построенный на том месте, где были найдены Ромул и его брат Рем после того, как их вскормила волчица. В таком месте не мог жить обыкновенный сенатор или даже принцепс, или первый гражданин. Форум, где начиналась дорога к его дому, изобиловал памятниками во славу императора Цезаря

Августа, сына бога.[449]

Как консул – и тем более как триумвир – Август занимал официальный пост, и связанные с ним полномочия могли быть ограничены лишь властью коллег по должности в сфере чрезвычайного законодательства, создавшего триумвират. Ситуация изменилась после его отставки с поста консула в 23 г. до н. э. С тех пор он лишь изредка занимал какую-либо официальную должность. Вместо этого все его полномочия были личными и не связанными с должностью. Кроме того, они были пожизненными. Август обладал как трибунскими полномочиями и проконсульским империем, так и другими правами потому, что сенат и народ дали ему их. Не было ни временных рамок, ни должности, с которой можно было подать в отставку. Управление провинциями было предоставлено ему на определенный срок, но его всегда с готовностью продлевали еще задолго до окончания на пять или десять лет. Цезарь Август был величайшим слугой государства потому, что он был Цезарем Августом, и этот принцип всегда будет оставаться в силе. После 23 г. до н. э. его главенство во многих отношениях стало скорее более, чем менее, явным и получило название второго «урегулирования» Августа. И хотя такие титулы, как «царь» или «диктатор», старались не использовать, господство Августа было столь же очевидным и, судя по всем признакам, могло стать столь же постоянным, как и господство Юлия Цезаря в 44 г. до н. э.

Соперники и заговоры

В какой-то момент во второй половине 23 г. до н. э. Агриппа покинул Рим и отправился в Восточное Средиземноморье. Он получил проконсульский империй, возможно, сроком на пять лет. Менее понятно, был ли ему дан какой-то особый приказ, и если да, то в чем он заключался, хотя очевидно, что он включал в себя несение ответственности за императорскую провинцию Сирию. Однако Агриппа не поехал туда, но вместо этого обосновался на острове Лесбос, который обыкновенно находился под управлением проконсула Азии, и оттуда осуществлял общий надзор над остальной территорией. Возможно, он выступал в качестве представителя Августа и принимал посольства общин как из сенаторских, так и из императорских провинций, тем самым сэкономив Августу время. Парфянский царь тогда был обеспокоен тем, что его соперник проживает на территории Римской империи, и это повысило напряженность на границе. Существовала вероятность того, что парфяне начнут вторжение, как они уже делали в 41–40 гг. до н. э., и стоило найти кого-то, кто мог бы скоординировать ответные меры. Назначение Агриппы само по себе было сигналом готовности, и не исключено, что

одного этого оказалось достаточно, чтобы удержать парфянского царя от открытой агрессии.[450]

В то время ходили слухи, что за этим стояло нечто большее. Говорили о соперничестве между 19-летним Марцеллом и 40-летним Агриппой. Считали, что либо старший позавидовал молодому, которому Август выказывал свое расположение и который, возможно, являлся его племянником, либо что он великодушно решил не стоять у него на пути. Вероятно, их отношения в самом деле были немного натянутыми. Агриппа отличался вспыльчивостью, и временами с ним бывало весьма трудно. Он уже мог похвастаться длинной чередой побед и выполненных общественных работ, а сейчас находился в том возрасте, когда римляне обычно достигали пика своей карьеры. Марцелл был молод, и, возможно, новое возвышение вскружило ему голову. Есть намеки на то, что его суждения и речи иногда вызывали вопросы. Впрочем, могущественные люди всегда привлекали клиентов и прихлебателей, надеявшихся извлечь выгоду от связи с ними, и вполне возможно, что некоторые из них считали полезным уменьшить престиж того, кто, как им казалось, был равен их патрону или превосходил его.[451]

Вряд ли за этим стояло что-то серьезное, а все рассказы об их ожесточенном соперничестве или преувеличены или попросту выдуманы. Более чем вероятно, что Август всегда планировал отправлять Агриппу в провинции в тех случаях, когда сам возвращался в Рим, и один из них всегда трудился бы, чтобы обеспечить империи стабильность, безопасность и постоянный поток доходов. Менее десяти лет прошло с тех пор, как из Восточного Средиземноморья было выжато все до капли, сначала – чтобы оплачивать кампании Антония, а затем – чтобы финансировать победоносную армию Цезаря. Даже хотя парфянская угроза оказалась воображаемой, все равно предстояло сделать очень многое, чтобы регион продолжал восстанавливаться и оставался под эффективным контролем. Вероятно, из-за болезни Цезаря отъезд пришлось отложить, и только после того, как он поправился, его главный соратник отправился на выполнение очередного прозаического и непопулярного задания. Слухи продолжались, но они вряд ли повлияли на принятие каких-либо серьезных решений.

Цезарь Август был здоров и продолжал наслаждаться прекрасным самочувствием даже несмотря на нехватку продовольствия, вспышки чумы и прочие природные катастрофы, разорившие Италию и даже сам Рим. Ближе к концу года заболел Марцелл. Один из источников утверждает, что его симптомы напоминали те, от которых страдал Август, однако, учитывая, что

эпидемия все еще свирепствовала, вполне могло быть, что он стал жертвой чумы (или какой-нибудь другой болезни). К нему вызвали Антония Музу в надежде, что тот сможет сотворить чудо и поставить его на ноги, как когда-то его дядю. Но на сей раз он потерпел неудачу. Марцелл умер, оставив 16-летнюю Юлию вдовой. В этом кратковременном браке между двумя двоюродными родственниками-подростками детей не было.[452]

Позже пошли слухи о злом умысле, и стали поговаривать, что смерть наступила не вследствие естественных причин, а в результате воздействия яда, и что убийство было спланировано, если даже не осуществлено, Ливией. Несмотря на то, что невозможно доказать, что Марцелл не был убит, это все же крайне маловероятно. Во время чумы многие умирают преждевременно, и знаменитости – не исключение; даже в обычное время молодые люди в Риме могли заболеть и умереть. В городе, где проживало около миллиона человек и куда постоянно прибывали товары и люди со всего света, микробы активно распространялись и приводили к новым жертвам. Скорее всего, Марцелл умер от естественных причин. В тот момент его смерть была не особенно выгодной для любого из потенциальных соперников. Принцепс демонстрировал все признаки отличного здоровья, и, учитывая его отказ назначить Марцелла преемником, было весьма маловероятно, что теперь, когда его племянник выбыл из игры, он захочет оказать эту милость Тиберию или кому-то еще.[453]

Был большой общественный траур. После похорон прах Марцелла перенесли в Мавзолей Августа на Марсовом поле, и это стало первым захоронением в этом пока еще недостроенном здании. В память о сыне Октавия построила публичную библиотеку. Август внес свою лепту, назвав театром Марцелла каменный театр, строительство которого началось (или, по крайней мере, планировалось) при Юлии Цезаре, а теперь близилось к завершению. Проперций (III. 18) посвятил его памяти поэму, в которой вспоминал праздник, где тот председательствовал, и навесы, призванные защитить толпу от солнца. Спустя несколько лет Вергилий описал, как его герой Эней спустился в загробный мир и увидел там образы великих римлян будущего, которые пока еще не родились и не имеют тел. Среди них он заметил юношу «дивной красы» и почувствовал грусть из-за того, что «ночь печальною тенью» накрыла его так рано. Проводник объяснил ему, что это Марцелл и что

Юношу явят земле на мгновенье су́дьбы – и дольше Жить не позволят ему. Показалось бы слишком могучим Племя римлян богам, если б этот их дар сохранило. Много стенаний и слез

вослед ему с Марсова поля Город великий пошлет! И какое узришь погребенье Ты, Тибери́н, когда воды помчишь мимо свежей могилы! Предков латинских сердца вознести такою надеждой Больше не сможет никто из рожденных от крови троянской, Больше таких не взрастит себе во славу питомцев Ромулов край. Но увы! Ни к чему благочестье и верность, Мощная длань ни к чему. От него уйти невредимо Враг ни один бы не мог, пусть бы юноша пешим сражался, Пусть бы шпоры вонзал в бока скакуна боевого.[454]

Стихийные бедствия продолжались и в 22 г. до н. э., но Август по-прежнему пребывал в добром здравии. Были избраны два новых консула знатного рода, по возможности без каких-либо различий в личностном плане, а из-за постоянной нехватки продовольствия к принцепсу обращались с призывами, чтобы он принял меры, как это сделал Помпей Великий во время подобного кризиса в 56 г. до н. э. Цезарь Август отказался от дополнительных полномочий и титулов, однако решением проблемы занялся. После того, как он неофициальным образом оказал давление на тех, кто держал у себя зерно и ждал, пока цены достигнут максимума, оно было выпущено на рынок, и наступило кратковременное облегчение. На будущее решили ежегодно назначать двух преториев префектами по надзору за поставками зерна в город.[455]

Август умел добиваться результатов. Если бы он не вмешивался, то вялость, присущая сенатскому режиму на протяжении вот уже многих лет, могла бы снова проявиться. Многие чувствовали неловкость из-за того, что он ушел с поста консула и отказывался принимать другие магистратуры. Некоторые требовали, чтобы он стал цензором или принял пожизненные цензорские полномочия. А однажды толпа, настроенная самым решительным образом, окружила сенат, закрыла двери курии и начала угрожать, что подожжет ее вместе с сенаторами, если те сейчас же не назначат Августа диктатором. Возможно, тогда же большой группе людей удалось захватить настоящие фасции или изготовить нечто подобное, и пойти с ними к Цезарю, неся 24 штуки, т. е. столько, сколько полагалось диктатору.

Император Цезарь Август, сын божественного Юлия, произнес речь, в которой отклонил предлагаемые почести и на все последующие предложения такого рода отвечал тем же образом. Однако толпа настаивала, так что ему даже пришлось разыграть перед нею целое представление, в отчаянии разодрав на себе одежды. В последующие годы он хвастался, что дважды отказался от диктатуры, и это было весьма похоже на то, как повел себя

Юлий Цезарь на Луперкалиях, причем интересно, что некоторые ученые, сомневающиеся в искренности последнего, в отношении Августа таких сомнений не высказывают. Точно так же ведутся споры относительно того, были ли эти демонстрации заранее отрепетированы, но, как правило, их считают более или менее спонтанными. По крайней мере, подобные выступления являлись важным напоминанием о том, что Августу приходилось считаться с мнением не только сенаторов и всадников. Значение имела не только элита, и сохранить долговременную стабильность удавалось лишь при условии, что и другие слои населения будут довольны. В этом случае достаточно было показать, что принцепс продолжает заниматься служением государству и урегулированием кризисов. Народ заверили, что его уход с поста консула вовсе не означает отставку вообще или желание сосредоточиться исключительно на управлении провинциями. Вместо этого он использовал имевшуюся власть, чтобы делать то, что в его силах.[456]

Кроме того, в качестве очередной демонстрации возвращения к традиционному устройству были избраны два цензора. Одним из них стал Мунаций Планк, чья репутация побуждала воспринимать его назначение на должность блюстителя нравов с известной долей иронии, а другим – тот, кто пережил проскрипции 43 г. до н. э.[457] Срок их службы прошел не слишком удачно, а однажды, когда они проводили одну церемонию, под ними обрушился помост. Впрочем, Дион Кассий отмечает, что Август сам исполнял бóльшую часть обязанностей, входивших в компетенцию цензоров. Во время нехватки продовольствия многие государственные праздники были отменены, а те, которых это не коснулось, отмечались в более скромном масштабе. Ввели ограничения на суммы, затрачиваемые на праздники, а магистратам, ответственным за их проведение, было запрещено расходовать больше средств, чем их коллеги. Гладиаторские бои проводились лишь с официального разрешения сената и максимум два раза в год, причем в каждом бою могло участвовать не более 120 гладиаторов. Были приняты и другие меры в духе цензорской традиции пресечения неподобающего поведения и ограничения роскоши. Сыновьям и внукам сенаторов (до тех пор, пока они были достаточно богаты, чтобы быть всадниками) запретили выступать на сцене, хотя, когда на играх председательствовал Марцелл, Август это разрешал. Некоторые меры проводились в форме законов, якобы предложенных кем-то другим, но было ясно, что за ними стоит Август (Dio Cass. LIV. 2. 1–3. 1).

Такой характер правления для многих казался обнадеживающим, но в первые месяцы 22 г. до н. э. вопрос о его власти и статусе возник вновь в связи с гораздо менее приятными обстоятельствами. Первым оказался процесс Марка Прима, который недавно вернулся из сенаторской провинции Македония, где служил в качестве проконсула. Это была одна из немногих таких провинций, где все еще стояли легионные части, и Прим использовал свою армию для ведения войны, а также чтобы добиться славы и обогатиться добычей. Теперь его привлекли к суду на основании закона об оскорблении величия, который касался действий, считавшихся наносящими ущерб репутации римского народа. И Сулла, и Юлий Цезарь в свое время подтвердили законы, согласно которым наместнику запрещалось использовать армию за пределами провинции без разрешения сената. В данном случае одним из народов, на которые напал Прим, были одрисы – племя, несколько лет назад побежденное Крассом и получившее от него после капитуляции статус союзников. Если бы Красс был жив, то вполне возможно, что он

поддержал бы одрисов в их требованиях правовой защиты, поскольку впоследствии победитель обычно становился патроном поверженного врага. Не исключено, что и другие проявили интерес к этому делу и помогали осуществлять судебное разбирательство. Частное лицо или община, не наделенная правами римского гражданства, не могли самостоятельно возбудить дело в римском суде и потому нуждались в представителе.

Прима защищал сенатор, который, по общему мнению, был порядочным человеком и находился в милости у Августа. Его звали Мурена, хотя в источниках встречаются различные варианты написания его имени – Лициний Мурена или Варрон Мурена. Возможно, он состоял в родстве с человеком, который умер до или вскоре после вступления в должность консула 23 г. до н. э., хотя степень этого родства установить сложно. Его родная или сводная сестра Теренция была замужем за Меценатом, а другой родственник – Гай Прокулей – принадлежал к числу близких друзей Августа. Причины подозревать Мурену во враждебности к Августу отсутствовали, так что, по-видимому, его единственной заботой как главного защитника – а в поддержку Прима выступили еще и другие – было добиться оправдания клиента. Достаточно почитать речи Цицерона, чтобы увидеть, с какой готовностью римские адвокаты искажали действительность.

Не вызывало сомнений, что Прим напал на одрисов или что это племя официально считалось союзным римскому народу. Возможно, защита утверждала, что это ложь и что племя замышляло или совершило некие враждебные действия, за что и было наказано, – Юлий Цезарь некогда предложил похожее оправдание для нападения на германские племена во время перемирия. Но Прим зашел еще дальше, утверждая, что ему дали разрешение – возможно, даже прямые указания начать атаку. Дион Кассий говорит, что показания разнились. Сначала он уверял, что это Август дал ему такое поручение, а потом вдруг сказал, что это сделал Марцелл. Вероятно, он имел в виду, что Марцелл передал ему намек или прямое указание от Августа.[458]

Это вызвало потрясение по многим причинам – не в последнюю очередь потому, что из его показаний следовало, будто проконсулу может приказывать или рекомендовать что-либо сделать подросток, сам лишь недавно допущенный в сенат. Это напоминало первые годы правления триумвиров или даже монархию, когда ни один магистрат или наместник не обладал независимостью и вынужден был выполнять приказы правителя или людей из его ближайшего окружения. Подобная картина

весьма отличалась от того образа, укрепления которого желал Август в 27 г. до н. э. или когда недавно сложил с себя консульство и в театральной манере отказался от диктатуры.

Марцелл был мертв и не мог дать показания. Цезаря Августа вызывать в суд не стали, поскольку никто не хотел бросать вызов его авторитету. Мурена и Прим надеялись, что достаточно будет простого упоминания имени принцепса, чтобы замутить воду и способствовать оправданию наместника. В прошлом римские суды часто оказывались не в состоянии осудить тех, чья вина не вызывала сомнений, и сейчас, возможно, многие присяжные испытывали расположение к Приму или готовы были проявить снисходительность в обмен на обещание будущей дружбы и благосклонности.

Август явился в суд, несмотря на то, что никто не осмеливался или не хотел просить, чтобы он пришел. Он ясно дал понять, что готов дать показания, а когда председательствующий претор спросил, действительно ли он давал Приму такое поручение, как тот утверждал, принцепс ответил отрицательно. Потом его стал допрашивать Мурена, который к этому времени все больше впадал в отчаяние из-за того, что присутствие и репутация принцепса способствовали тому, чтобы оказывать давление на его клиента. Бесспорно, оба пытались избежать этого, и вскоре смесь гнева и страха заставила защитника перейти на агрессивный и оскорбительный тон, обычный в римских судах. Август оставался раздражающе невозмутимым. Когда его спросили, по какой причине он здесь и кто его вызвал, принцепс лаконично ответил: «Res publica».

Прима признали виновным, хотя многие присяжные проголосовали за его оправдание. Скорее всего, они поступили так из-за своих связей с обвиняемым, хотя, возможно, некоторые из них были просто раздосадованы вмешательством Августа в судебный процесс. Невозможно установить, правду ли сказал принцепс, а если да, то всю ли правду или он только избегал прямой лжи, используя осторожные, вводящие в заблуждение формулировки, подобно многим современным политикам. То, что он действительно хотел нападения на одрисов и устроил его столь грубым способом, кажется маловероятным. Тем не менее есть указания на то, что иногда он бывал разочарован в суждениях и поведении Марцелла, и это дает некоторые основания полагать, что его племянник в самом деле мог что-то неосторожно сказать Приму.[459]

В то время как многие восхищались спокойным и полным достоинства вмешательством Августа, по крайней мере, некоторые подозревали обман. Тот факт, что Прим уверял, будто

получил приказ и ждал, что ему поверят, лишь подчеркивал, что всемогущество принцепса вопреки создаваемому им республиканскому фасаду – реальность, а это было весьма вредной тенденцией независимо от обстоятельств дела. Разумеется, Мурена был в бешенстве, а спустя несколько месяцев его назвали в числе заговорщиков, готовивших покушение на Августа. Разговоров о подобных заговорах не звучало со времен попытки Лепида организовать государственный переворот после битвы при Акции. Руководил заговором Фанний Цепион, считавшийся человеком с сомнительной репутацией, хотя следует ли это понимать в том смысле, что он придерживался республиканских взглядов, сказать сложно – быть может, он больше походил на Катилину, чем на Брута.

Цели заговорщиков столь же неясны, сколь и их личности, но большинство явно было сенаторами или происходило из сенаторских семей. Возможно, они надеялись убить Цезаря Августа и восстановить традиционную систему правления так же, как «Освободители» в 44 г. до н. э. Даже если дело обстояло таким образом, то они, подобно Бруту, Кассию и прочим, могли также стремиться к личной славе и политической выгоде в будущем. С одной стороны, не исключено, что они намеревались избавиться от «тирана» и заменить его другим из числа своих. Если все и впрямь обстояло именно так, то их дело далеко не продвинулось. Юлий Цезарь предпринимал недостаточные меры предосторожности, чтобы защитить себя. В распоряжении Цезаря Августа находились преторианцы и другие телохранители, однако помимо этого у него еще была менее заметная, но зато весьма эффективная сеть шпионов и осведомителей, поскольку он не хотел повторить судьбу дяди.

Были выдвинуты обвинения, и заговорщики бежали еще до того, как начались судебные процессы, а может, и вскоре после их начала. Их отсутствие не помешало разбирательству дел, а в качестве одного из обвинителей выступил Тиберий. Обвинение вообще было занятием молодежи, что давало вступающим в жизнь нобилям возможность привлечь к себе внимание общественности на раннем этапе карьеры. Обыкновенно побег расценивался как признание вины. Кроме того, это было одной из привилегий нобилитета непосредственно перед или сразу после осуждения – в прошлом многие забирали свое движимое имущество и удалялись в изгнание в союзный город, где жили в комфортабельных условиях. Это означало потерю гражданских прав[460] и конец карьеры, но зато помогало избежать смертного приговора.

Цепиону, Мурене и прочим отказали в этом традиционном

снисхождении. За ними послали солдат – предположительно преторианцев, – и заговорщики были схвачены и казнены. Отец одного из казненных впоследствии похвалил раба, который пытался защитить его сына, и публично казнил другого, который его предал. Говорят, жена Мецената предупредила Мурену о том, какая судьба может их ожидать. Поскольку ходили слухи о том, что у нее давняя интрижка с Августом, непонятно, кто был ее источником – муж или принцепс. По слухам, Август вел себя сдержанно по отношению к старому другу, но, учитывая, что влияние Мецената в основном носило тайный характер, судить о справедливости этого утверждения трудно. Вероятно, в конечном счете это было не более чем сплетней, и Меценат, насколько мы можем судить, оставался близок к Августу.

Историк Дион Кассий сетовал, что после победы Августа в гражданской войне стало труднее подробно и последовательно излагать события, поскольку многие ключевые решения принимались в частном порядке и не записывались, тогда как многое из того, что происходило на публике, представляло собой лишь пустые церемонии. Спустя столетие император Домициан жаловался, что единственный способ доказать подлинность заговора – это пасть его жертвой. Однако каковы бы ни были детали, не похоже, чтобы заговор 22 г. до н. э. являлся вымыслом. Попытки ученых передвинуть его и процесс Прима на год назад и рассматривать их как причины, побудившие Августа отказаться от консульства, неубедительны. Логичнее предположить, что Мурена и Цепион действовали уже после этого, когда власть принцепса стала более явной и, казалось, останется неизменной, поскольку его полномочия были личными и не привязанными к какой-либо магистратуре.[461]

В 44 г. до н. э. «Освободителей» удивило отсутствие всеобщего энтузиазма после убийства Цезаря. В 22 г. до н. э. признаков повсеместной враждебности по отношению к Августу было еще меньше, хотя давление, оказываемое на него для того, чтобы он принял диктатуру, могло вызвать у противников принцепса опасения, что его главенство вскоре станет более очевидным и постоянным. Заговор не производит впечатления хорошо организованного предприятия, и вряд ли он имел серьезные шансы на успех. Цицерон в 63 г. до н. э. вовсе не желал предоставить заговорщикам возможность жить в изгнании, и Август сделал тот же выбор. Провинции становились все более обжитыми и, соответственно, более близкими, чем при прошлых поколениях. Гражданские войны также являли немало примеров тех, кто бежал от обвинений в Риме, а затем возвращался туда как сторонник того или иного претендента на власть. Август не хотел

рисковать и, возможно, таким образом делал предупреждение тем, кто замышлял на него нападение. Это было напоминанием о том, что именно он в свое время издавал приказы о проскрипциях и многочисленных казнях, и лишь от него зависело, когда их прекратить. Цезарь Август обладал гораздо большей властью, чем кто-либо иной в государстве, и не собирался от нее отказываться. То, что он делал акцент на законности и возвращении к традиции, несколько смягчало это обстоятельство, но отнюдь его не скрывало.

Август продолжал поддерживать мир в Риме и провинциях. Некоторым представителям знати была ненавистна сама мысль о необходимости этого, но тем не менее они мирились с существующим положением вещей. Возможно, кто-то из них и возмущался публичным заявлением о победе и последующим празднованием поражения и казни заговорщиков, но большинство населения считало иначе. Цезарь Август оставался весьма популярным, и многие боялись последствий, которые могла вызвать его смерть от болезни или вследствие убийства. Однако в данный момент режим находился в безопасности, даже несмотря на то, что после смерти Марцелла надо было искать на будущее кого-то другого.

XV Орлы

Я заставил парфян вернуть мне трофеи и значки, захваченные у трех римских армий, и обратиться к народу римскому с мольбой о дружбе.

Деяния божественного Августа. 29. Пер. А. Л. Смышляева

Фраат, преклонивши колени смиренно,
Цезаря власть над собою признал.

Гораций. Письма. I. 12. 27–28. Пер. Н. С. Гинцбурга

Цезарь Август провел менее двух лет в самом Риме или поблизости от него, прежде чем отправиться в очередную поездку по провинциям. Чередование посещений Рима с более длительными периодами пребывания в провинциях оставалось его привычкой на протяжении большей части жизни. Он гораздо чаще отсутствовал в городе, нежели находился там, и таким образом созданный им режим в значительной степени развивался в его отсутствие. В течение многих лет никто из его последователей столько не путешествовал – впервые в этом отношении с ним сравнялся только Адриан. На протяжении своей жизни Август посетил почти все провинции империи. В 22 г. до н. э. он впервые приехал на Сицилию – самую старую из заморских провинций и не относившуюся к тем, которые были

переданы ему. Вероятность конфликта с сенаторским проконсулом, по всей видимости, или вовсе отсутствовала, или была ничтожно мала, но поскольку Август обладал высшим империем, наместник не мог воспрепятствовать ему в чем-либо.

Сицилия представляла собой важный источник зерна для Рима, и недавно возложенная на Августа обязанность прекратить голод в городе, несомненно, давала повод для посещения этого острова, но, возможно, в этом и не было необходимости. В последующие годы Август и его преемники издали письменные распоряжения (*mandata*), касавшиеся как проконсулов, которые отправлялись в сенаторские провинции, так и их собственных легатов, выезжавших в императорские провинции. Вероятно, он так уже делал – похоже, что защита Прима, осуществлявшаяся Мурены, основывалась скорее на утверждении, что существовали какие-то дополнительные неофициальные распоряжения, чем на том, что вообще никаких указаний не было. Никто никогда не ставил под сомнение право общин, находящихся на территории сенаторских провинций, обращаться к Августу или просить его вынести решение на основании такого рода ходатайств, так как это уже было в порядке вещей. Годичный срок службы быстро стал стандартным для проконсулов, поскольку принцепсу было и проще, и удобнее создать основные прецеденты и заниматься уже более серьезными проблемами или теми, которые имели отношение к другим провинциям. Цезарь Август обладал авторитетом и властью везде, где бы он ни находился, и решал те вопросы, которые не относились к сфере компетенции наместников. Тем не менее, работа находилась и для последних – они занимались отправлением правосудия и принимали решения на местном уровне.[462]

В этом случае у Августа было мало возможностей начать работу, прежде чем его призвали вернуться в Рим. В его отсутствие центуриатные комиции выбрали его в качестве второго консула на следующий год, хотя он и не выставлял своей кандидатуры, а затем отказались выбирать кого-либо еще. Однако принцепс не поддался давлению и не стал возвращаться в Рим, чтобы восстановить порядок. В «Деяниях» он утверждал, что дважды отказался от диктатуры, и, возможно, это как раз и был второй случай. 1 января 21 г. до н. э. в должность вступил только один консул и, когда он созвал народное собрание, чтобы выбрать коллегу, собрание сорвалось из-за беспорядков, организованных двумя соперниками, претендующими на этот пост. Цезарь Август все еще отказывался возвращаться и вместо этого вызвал непокорных кандидатов на Сицилию. Там оба они получили предупреждение и были отстранены от участия в следующих

выборах. Однако это не помешало возобновлению беспорядков, но в конце концов одного из них избрали, и таким образом вопрос был решен.[463]

Август оставался на Сицилии всю зиму 22/21 гг. до н. э., это было его первым посещением данной провинции со времен войны с Секстом Помпеем. Юлий Цезарь предоставил сицилийцам латинское право, и позднее им пришлось дорого заплатить за то, что в те годы они поддержали не ту сторону. В 36 г. до н. э. молодой Цезарь вторгся на Сицилию, разграбил города, конфисковал их земли, казнил множество знатных граждан и, возможно, лишил их латинского права. Одним из его сторонников, получивших в награду обширные владения на острове, стал Агриппа. В более долгосрочной перспективе наказание бывших врагов было менее важно, чем восстановление стабильности и процветания сицилийских общин. Хотя большую долю зерна и других культур, кормивших Италию и Рим, теперь поставляли Египет и Северная Африка, вклад Сицилии тем не менее оставался значительным. Август основал шесть новых колоний, включая Сиракузы, Катину и Панорм (современные Катания и Палермо соответственно). Все это были уже давно существовавшие города со смешанным населением из местных жителей, отставных ветеранов и, возможно, гражданских поселенцев. Некоторым другим общинам было предоставлено латинское право, но так было не везде. Принцепс лично приказал развернуть обширное строительство в Сиракузах и Катине, а, возможно, также и в других городах, чтобы они выглядели величественно и по-римски. Местная элита, естественно, последовала его примеру, и города обзавелись амфитеатрами, арками, базиликами и храмами.[464]

Наибольшую выгоду и быстрое процветание торговли от такого развития получили прибрежные города, особенно те, которые были расположены на северном и восточном побережье и имели удобный доступ к Италии. Изначально многие из них были греческими колониями – так, Сиракузы являлись одним из величайших городов эллинистического мира, и прежде чем стать союзником, а затем врагом и, наконец, побежденным подданным Римской республики, они отразили вторжение афинян и сражались с Карфагеном. Со временем Сицилия стала восприниматься почти как часть Италии и в какой-то момент оказалась одной из двух провинций, для посещения которых сенаторам не нужно было запрашивать разрешение императора. Однако тот факт, что она стала римской или италийской, вовсе не означал отказа от греческого языка или культуры. Все существующие культы и обычаи сохранились, и хотя некоторые

старые здания были заменены, другие отремонтированы или восстановлены и стали выглядеть не хуже новых. Сицилия оставалась частью Великой Греции, так что и Августу, и остальным казалось вполне естественным начинать с нее путешествие по грекоязычным провинциям.[465]

Кесарю – кесарево

Август посещал Грецию за несколько месяцев до убийства Цезаря, затем во время битвы при Филиппах, а потом еще до и после Акция, когда он отправился также в Азию, Сирию и Египет. В целом регион продемонстрировал последовательную верность Риму, и в результате трижды оказывался на стороне проигравших в гражданской войне. Спустя 10 лет после Акция никто не ставил под сомнение превосходство Цезаря Августа, а республиканская ширма, которая была так важна для римской элиты, не имела большого значения для провинциалов, поскольку они и так с самого начала воспринимали его как монарха. Имя Цезаря уже было хорошо известно во всей империи. По-гречески Август именовался Севастом, т. е. почтенным или величественным, и его образ вскоре стал более распространенным, чем изображение любого другого человека. Местные монетные дворы чеканили монеты с изображением его головы или символов его власти, обычно еще вместе с именем и титулом. Вскоре почти все золотые и серебряные монеты стали выпускаться подконтрольными Риму дворами, но зато процветала чеканка местных бронзовых монет. Римскую систему мер и весов приняли скорее добровольно, нежели под прямым давлением, поскольку она была очень удобной – не в последнюю очередь для сбора налогов и торговли. На Востоке серебряный денарий назывался драхмой, но везде, кроме Египта, сохранившего свою систему, это была одна и та же монета одного и того же достоинства.[466]

Поколением позже, когда встал вопрос о том, подобает ли иудеям платить налоги римлянам, Иисус велел тем, кто его об этом спрашивал, принести серебряную монету, каковые использовались для уплаты налогов, и спросил их: «Чье это изображение и надпись?» Ему ответили: «Кесаревы». Тогда он сказал им: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу – Богово». Учитывая количество денег, выпущенных за всю долгую жизнь Августа, более чем вероятно, что на монете был именно его портрет, а не Тиберия. Что еще важнее, автор Евангелия мог специально рассказать эту знаменитую историю, зная, что любой читатель сразу поймет, что речь идет о монете с изображением императора и что последнее будет воспринято как символ его власти и могущества.[467]

Большей части провинциалов Цезарь Август был известен

только по имени или по изображениям, а вживую его мало кто видел. В тексте папируса, найденного в деревне около озера Моэрис в Египте и относящегося к концу 26 г. до н. э., зафиксирован факт сдачи в аренду на десять месяцев «рыжей коровы по имени Тайрис». Документ датирован «пятым годом владычества Цезаря, сына божественного». Египетская традиция вела летоисчисление по времени правления монархов, а иногда и их жен, так что время Августа началось с концом режима Клеопатры, каковой по соображениям административного удобства был официально продлен на несколько дней после ее смерти. Поэтому когда в 30 г. до н. э. люди зажгли масляные светильники на улицах Оксиринха и поклялись исполнять свой долг, это событие датировалось первым годом правления Цезаря, а прошлый год был двадцать седьмым и одновременно седьмым, поскольку являлся двадцать седьмым с начала правления Клеопатры и седьмым с того момента, как ее сын Цезарион стал ее соправителем.

Условия сделки прописаны в документе по-гречески, хотя корова принадлежала человеку, которого звали Помпеем и который, скорее всего, был римским гражданином. От его имени сделку заключал один из его рабов. Человека, который брал напрокат животное, звали Пап, и то, как он пишет некоторые греческие слова, явно свидетельствует, что его родной язык – египетский. Римлянин – возможно, землевладелец крупного или скромного масштаба, его раб и коренной египтянин, – подобный состав участников сделки указывает на то, что население в провинции было смешанным. В Египте римляне были просто новой оккупационной властью, пришедшей на смену грекам и другим иноземцам, которые управляли страной в прошлом. Из века в век на этой древней земле люди жили, зажигали светильники и занимались животноводством. Предмет сделки – одна-единственная корова, хотя, учитывая срок аренды, Пап, вероятно, надеялся, что у нее будет потомство и теленок достанется ему. За аренду он заплатил зерном и заявил, что «я верну корову в целости и сохранности, а если не верну, то заплачу из собственных средств сто восемьдесят семь драхм серебром», и в качестве залога оставил свое имущество.[468]

Через некоторое время использование имени Цезаря как части датировки, и его почти повсеместное присутствие на общественных памятниках и на монетах, несомненно, стало обычным и ничем не примечательным делом, подобно тому, как в наше время никто не задумывается о значении символов и легенд, встречающихся на валюте. Подобная известность является показателем успеха, но не менее важна и сама скорость, с которой

происходили перемены. Долгое время подавляющее большинство населения восточных провинций воспринимало римскую власть как неизбежную реальность. Благодаря тому, что эта власть ассоциировалась с одним правителем, а не с постоянно сменяющими друг друга магистратами, ее было легче понять, и даже можно было использовать в личных или общинных интересах. В Евангелии от Матфея спрашивающие с готовностью признают связь между монетами и налогообложением с одной стороны, и императором – с другой, хотя в техническом смысле это было не так. Налоги выплачивались римскому государству и поступали в казну, а не напрямую Августу или его наследникам. Но для провинциалов человек, изображенный на монете, являлся главой государства, а потому отождествление одного с другим было вполне естественным. Поскольку же принцепс прямо или косвенно распоряжался государственными доходами, это предположение по существу было верным, несмотря на правовые механизмы, предназначенные для сокрытия этого факта. Опять же, население империи воспринимало Августа как монарха и либо не знало, либо не придавало значения тому, что в Риме всячески избегали таких понятий, как царь или диктатор.

Так как власть, довлевшая их миру, принадлежала верховному владыке, вполне естественно, что жители империи искали его благосклонности. Было широко распространено открытое почитание Августа в той или иной местности. Так, в Афинах вскоре после 27 г. до н. э. городской магистрат посвятил ему новое здание на Акрополе. По-видимому, это был моноптер – круглая колоннада, в данном случае из девяти колонн, – окружавшая алтарь, воздвигнутый «народом богине Роме и Цезарю Августу». С 29 г. до н. э. это была единственная разрешенная Августом формулировка,[469] так как он позволял совершать культовые подношения себе лишь в том случае, если они делались не только ему, но и самой богине Роме. Примерно в то же время совет города Милета установил алтарь, посвященный Роме и Августу, во дворе того места, где проходили собрания. Еще одна надпись – из Эфеса – повествует о целом ряде обычных гражданских обязанностей, и при этом упоминается, что один гражданин поставил статую «Севаста» и посвятил ему храм. Построить что-то в этом роде означало почтить принцепса. Кроме того, это давало отличный повод написать Августу или отправить к нему посольство с сообщением о том, что было сделано, и, в свою очередь, что-нибудь у него попросить.[470]

Самым эффективным способом добиться внимания принцепса и получить благоприятный ответ на просьбу было отправиться к нему на аудиенцию. В 29 г. до н. э. географ Страбон находился на

борту торгового судна, которое встало на якорь у рыбацкой деревни Гиарос – крошечного поселения на безвестном греческом острове. Один из рыбаков поднялся на борт и сказал, что он является послом от всей общины и надеется увидеть Цезаря, чтобы просить его об облегчении подати, поскольку «они должны платить сто пятьдесят драхм, хотя только с трудом могли уплачивать сто драхм». Корабль доставил этого человека в Коринф, где в это время на пути в Италию остановился Август, чтобы отпраздновать тройной триумф, но мы так и не знаем, получил ли посол аудиенцию и сократилась ли подать. Страбон рассказывает эту историю лишь для того, чтобы показать бедность Гиароса и других греческих островов, иначе мы бы о них так и не услышали. Хотя египетская драхма имела чуть меньшую ценность, сумма, выплачиваемая местными жителями в качестве налога, была меньше, чем цена «одной рыжей коровы, чье имя – Тайрис». Этот вопрос по понятным причинам был крайне важен для сельских жителей, пытавшихся выжить в столь бедном регионе. Очевидно, они считали и возможным, и целесообразным довести эту проблему до сведения Августа. Указанный случай дает представление о сотнях, возможно, тысячах просителей, которые каждый год искали встречи с принцепсом или с кем-то вроде Агриппы, кто мог его замещать (Strabo. *Geogr.* X. 5. 3).

Когда нужно было добиться внимания и благосклонности принцепса, большие и значительные города, а также состоятельные частные лица неизбежно находились в более выгодном положении, чем жители рыбацкой деревушки, но это не мешало последним пытаться получить у него аудиенцию. Однако иногда более заметные города привлекали к себе нежелательное внимание. Так, Афины проявляли неуместный энтузиазм в отношении Брута и Кассия и радушно принимали Антония и Клеопатру в 32–31 гг. до н. э., а поэтому жители города понимали, что не смогут рассчитывать на расположение их победоносного врага. Как и многие другие города, Афины столкнулись с требованием предоставить деньги и ресурсы для финансирования военных кампаний Цезаря после Акция, и необходимость продемонстрировать лояльность победителю подтолкнула их к быстрому сооружению монументов в его честь.

Известные греческие города имели определенные преимущества, так как все римские нобили глубоко почитали их историю и культурные достижения. Когда Афины поддержали Митридата Понтийского в войне против Рима и были захвачены Суллой, город подвергся ужасному разграблению. Однако его последствия оказались менее суровыми из-за славного прошлого Афин, и Сулла сказал, что пощадит живущих ради мертвых, имея

в виду их великих предков. Афины продолжали процветать, но платой за это стало превращение их в некое подобие музея прошлого, поскольку приезжавшие римские нобили платили за статуи или монументы. Как обычно, Август и его окружение последовали традиции, но сделали это с куда бóльшим размахом. Агриппа вскоре начал строительство большого Одеона – крытого театра в самом центре древней Агоры, т. е. рыночной площади. Театр отличался огромным размером и обилием украшений. Крышу такой величины, не поддерживаемую колоннами, можно было построить лишь с использованием римских технологий и бетона, являвшегося римским же изобретением. Таким образом, традиционная греческая музыка и драма, а также формальная декламация торжественных речей на латыни превратились в памятник римским достижениям и, к вящей славе принцепса и его помощников, их имена были выбиты на здании, а изображения – выставлены на всеобщее обозрение. В какой-то момент начались работы на новой рыночной площади, а это означало, что обычная торговля также будет продолжаться в окружении символики Цезаря.[471]

Восхищаясь эллинистическим прошлым – или, по крайней мере, тем его вариантом, который отвечал их потребностям и притязаниям на звание наследников греческой цивилизации, – римляне также с пониманием и доверием относились к институтам города-государства, и для них было естественно и удобно оставлять управление и большую часть повседневных дел на попечение самих местных. Во всяком случае, такое положение дел получило большее развитие при Августе, чем в последние годы республики. Относительно быстро публиканы перестали играть ведущую роль во взимании налогов и поборов с провинций. Ответственность за это перешла от римских подрядчиков к городам и другим поселениям в каждой области. Больше всего от этого выиграла местная знать – люди, обладавшие достаточным влиянием и богатством, чтобы получить должности в своих общинах, каковые они впоследствии могли отправлять со значительной долей самостоятельности. Как и на Сицилии, во всех провинциях осуществлялись строительные проекты, которые оплачивались на деньги местных, а также за счет даров Августа и его соратников.

Богатые и знатные рассчитывали на почести и удерживали власть в своих городах, но существовала традиция, согласно которой взамен они должны были за свой счет обеспечивать благосостояние города, оплачивая проведение праздников и развлечений или сооружая долговечные памятники. По существу это была та же идеология, которая обусловливала политическую

борьбу в самом Риме, только меньшего масштаба. В Риме ее ограничивала непомерная щедрость и авторитет принцепса; в провинциях же конкуренция не представляла для него угрозы и активно поощрялась. При Цезаре Августе местные элиты во всем эллинистическом мире с энтузиазмом занимались строительством и несли сопряженные с этим расходы. Были возрождены, расширены или введены праздники и спортивные состязания, для которых специально реставрировались или строились театры и другие объекты. Актерам, музыкантам и спортсменам были предоставлены новые возможности для демонстрации своего искусства и давались награды, так как эти традиционные, истинно греческие виды деятельности расцвели с новой силой.

Наряду с ними появились новые и чуждые элементы, начиная от стиля и методов строительства до зверских зрелищ гладиаторских игр. Когда во II в. до н. э. селевкидский царь, проведший юность в Риме в качестве заложника, вернулся на родину, то попытался внедрить этот кровавый вид спорта у себя, его подданным это не понравилось, но спустя полтора века увлечение гладиаторами быстро распространилось по всему греческому миру. Одни строили амфитеатры, другие использовали собственные театры или какие-нибудь временные арены для постановки этих жестоких поединков. Во всех сферах государственной службы шла конкурентная борьба за репутацию, будь то между отдельными людьми в одной общине или между соседними поселениями. Быть городским магистратом считалось почетным, но это была весьма дорогостоящая, а иногда даже обременительная должность. Август поощрял к тратам на этих постах, предлагая не только перспективу обладания престижем на местном уровне, но и шанс заслужить его, принцепса, благосклонность, получить гражданство и возможность сделать карьеру на императорской службе.[472]

Видные представители местных элит были царями-клиентами, которые контролировали бóльшую часть Малой Азии и территории Сирии, нежели римские наместники. Эти люди (иногда и женщины) зависели от римской поддержки, но пользовались немалой свободой действий в своих государствах и следили за местной администрацией. Некоторые из них порой даже воевали друг с другом, однако, если они не получили предварительного одобрения принцепса, это было весьма рискованно, а кроме того, они должны были сдерживать собственные амбиции и стараться не раздражать Августа. Эти царства не являлись по-настоящему независимыми и считались находящимися под властью римского народа. В любое время

римляне – а на самом деле Август – могли лишить их правителей статуса. Хотя большинство этих царей имели небольшие армии, сами они не обманывались на свой счет и не думали, будто смогут противостоять военной мощи легионов.

Платили ли цари-клиенты регулярные подати Риму, остается неясным. Упоминания о дарах – притом довольно щедрых, как, например, золотые венки в честь победы империи, а также продовольствие, ресурсы и солдаты для поддержки военных кампаний Рима – весьма часто встречаются в регистрационных ведомостях; Ирод Великий, например, прислал 500 человек для участия в аравийской экспедиции Элия Галла. Некоторые ученые полагают, что эти царства были обязаны удовлетворять запросы римской стороны, а не платить регулярную дань, но возможно также, что римляне получали деньги, услуги или товары каждый год, и все это тактично именовалось дарами. В самом широком смысле положение правителей-клиентов было эквивалентно положению провинциальных наместников – с той лишь разницей, что их власть не являлась временной, хотя Август в любой момент мог их ее лишить, а кроме того, она не передавалась их наследникам автоматически – так, Ирод Великий в качестве особой привилегии получил право самостоятельно выбирать преемника, но другого такого случая мы не знаем.[473]

О карьере Ирода известно больше, чем о карьере любого другого из клиентных правителей этого времени, очевидно, что он пользовался значительной свободой действий и в то же время полностью зависел от римлян. В течение своей жизни он несколько раз бывал в Риме. Всякий раз когда Август, Агриппа или кто-нибудь другой из старших членов семьи или ее представителей, отправлялся на Восток, Ирод приезжал к нему на аудиенцию, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Благодаря этому в 20 г. до н. э. иудейский царь получил в дар новые территории, а сам примерно в это же время отправил нескольких своих сыновей получать образование в Риме. Среди царей-клиентов это было обычной практикой. В какой-то мере их дети были заложниками, но, что более важно, они получали римское образование, а поскольку они проводили большую часть времени в кругу семьи Августа, можно было сделать некоторые выводы об их характере и степени надежности. Ирод, например, считался заслуживающим доверия, но об остальных нельзя было сказать того же. Большинство дарованных ему земель часто оказывались отнятыми у другого правителя-клиента.[474]

Центральной частью царства Ирода оставались Иудея, Самария, Галилея и его родная Идумея. Там жили самаритяне и было много языческих общин, а в землях, включенных Августом в

состав его государства, население тоже было смешанным. По отношению к своим иудейским подданным, особенно в Иерусалиме, царь старался показать себя ревностным иудеем. Вскоре он начал отстраивать великий Храм и позаботился о том, чтобы сделать это надлежащим образом, с использованием лучших материалов, а также нанял жрецов в качестве рабочей силы на всех участках, которые считались священными. За исключением Августа и Агриппы, Ирод был, пожалуй, самым крупным застройщиком того времени и оплачивал сооружение монументов не только в своих землях, но и в соседних провинциях. Некоторые проекты были утилитарными, как, например, строительство искусственной гавани под названием Кесария Приморская (Caesaria Maritima), поскольку природных портов вдоль побережья не было. Для строительства потребовалось огромное количество римского водонепроницаемого бетона, который делали из вулканического песка – пуццолана, добываемого в районах возле Везувия. Из него сделали блоки сорок пять на двадцать пять на тринадцать футов и опустили на морское дно так, что получился мол. Новый порт со своей обширной гаванью и складскими помещениями значительно способствовал развитию торговли и обеспечил Ироду постоянный доход от пошлин на товары и ведение коммерческой деятельности, а также облегчил ему доступ к предметам роскоши.[475]

Название «Кесария» было одним из наиболее очевидных способов польстить Цезарю Августу. Ирод основал не один город с таким названием, а недавно перестроенную столицу Самарии переименовал в Себастию.[476] Поскольку же многие колонисты являлись отставными солдатами армии Ирода, то среди ее населения преобладало язычество. Это была очень удобная для набора наемников местность, и когда царство окончательно превратилось в римскую провинцию, себастианцев забрали в римскую армию, где они служили в регулярных вспомогательных когортах под командой наместника. Солдаты, участвовавшие в казни Иисуса, скорее всего, были себастианцами.[477]

Похоже, что во всех городах, названных в честь Цезаря, должны были быть храмы, посвященные богине Роме и Августу. Эти поселения были откровенно языческими, даже если там проживало значительное иудейское меньшинство, и там имелись другие языческие храмы, украшенные статуями богов и богинь, а также принцепса, членов его семьи и соратников вроде Агриппы. Изображений самого Ирода не было, а в иудейских городах, особенно в Иерусалиме, не было вообще никаких изображений кого-либо, кроме как на монетах. Храм чеканил собственные

монеты для пожертвований (поэтому во дворе сидели менялы), и на этих монетах не было символов, могущих оскорбить религиозные чувства верующих. Подобно большинству представителей элиты, Ирод говорил по-гречески, был немного знаком с греческой литературой и философией и восхищался многими аспектами греческой культуры – например, сделал щедрое пожертвование на Олимпийские игры. Он построил в Иерусалиме театр и ипподром для скачек и состязаний на колесницах, а также амфитеатр, хотя некоторые историки считают, что это и был ипподром, и там и проходили гладиаторские игры. Эти игры проводились во многих языческих городах подвластной ему области, а в Иерусалиме каждые четыре года устраивались спортивные и театральные состязания.[478] Иудеев никто не заставлял в этом участвовать, и лишь немногие из них приходили смотреть зрелища.[479]

Ирод стремился обрести авторитет в широких эллинистических и римских кругах, а не только в своем царстве. Почти все его советники и должностные лица были греками, а его армия состояла преимущественно из язычников. Август предоставил ему отряд галльских телохранителей, который некогда подарил Антоний Клеопатре, также известно о германцах и фракийцах. Иудейские же воины были либо идумеями, как сам Ирод, и потому евреи не считали их истинными иудеями, либо вавилонянами, которые бежали из Парфии и надеялись получить от него землю и средства к существованию. То, что царь опирался на иностранную поддержку и полностью зависел от римлян, мало способствовало его популярности в глазах иудейских подданных. Самые высокопоставленные должностные лица и военачальники обычно были иудеями, в основном – его родственниками, хотя это и не спасло их от смертной казни по подозрению в реальной или предполагаемой измене. Все представители царского рода Хасмонеев мужского пола оказались истреблены и многие женщины – тоже.

До тех пор, пока Ирод пользовался римской поддержкой, его нельзя было низложить силой, учитывая то могущество, которым он обладал. В эти годы на него совершила покушение группа молодых знатных иудеев, но они отличались скорее мужеством и убежденностью в собственной правоте, чем искушенностью в таких делах. Шпионы Ирода разоблачили их, и все, кто участвовал в заговоре, сознались, когда их привели к царю. Перед казнью заговорщиков подвергли пыткам, а многие их родственники были убиты. Ирод не пользовался любовью своих иудейских подданных. Отношение же к нему нееврев выявить труднее, но ничто не могло объединить их в неприязни к его

правлению с самаритянами. Это, а также безжалостное подавление любого проявления оппозиции, помогало ему держаться у власти. Для римлян же популярность Ирода не имела никакого значения до тех пор, пока он оставался им верен и был в состоянии контролировать своих подданных.[480]

Имя Августа прославлялось в названиях городов и в художественном оформлении некоторых новых построек. На ипподроме (если предположить, что он одновременно был и амфитеатром) были выставлены трофеи в память о его победах, каковые были перечислены по названиям. Трофеи были выполнены в традиционном римском стиле и представляли собой столбы с перекладинами, на которых висели щиты и шлемы, предположительно захваченные у врагов. Жители Иерусалима приняли их за человеческие фигуры и начали возмущаться. Через влиятельных лиц они передали Ироду, что их и без того оскорбляли зрелища гладиаторских боев, а уж изображения людей для них и вовсе неприемлемы. Повторное заявление Ирода, что это не люди, не возымело действия, и тогда трофеи пришлось снять, чтобы показать, что это просто деревянные палки. Инцидент закончился дружным смехом, и, похоже, что никто уже ничего больше не имел против прославления успехов Августа или против влияния римской культуры (кроме тех случаев, когда она вступала в противоречие с иудейским законом) (Ios. Fl. *AI.* XV. 272–279).

В последующие годы недовольство иудеев римским правлением нарастало и вылилось в крупные восстания при Нероне, Траяне и Адриане, но в данный момент негодование было направлено скорее против самого Ирода. Царь мог проявлять непомерную жестокость по отношению к тем, в ком видел угрозу, и близкие к нему люди знали о его непредсказуемом нраве и склонности к насилию. Однако при нем царство процветало и извлекало выгоду из торговли, а грандиозные строительные проекты приносили практическую пользу и обеспечивали занятость. Неоднократно он уменьшал налоговое бремя для своих подданных, но все равно неясно, оставалось ли оно таким же тягостным и насколько равномерно распределялось благосостояние. Вероятно, судьба многих сельских бедняков по-прежнему оставалась нелегкой.

Тем не менее в неурожайные годы, когда была нехватка продовольствия, т. е. в конце 20-х гг. до н. э., Ирод просил помощи у преемника Элия Галла – префекта из числа всадников, а в качестве оплаты предложил свои личные золотые и серебряные украшения, которые приказал переплавить в монеты. Иосиф Флавий упоминает, что префект Петроний, который был

другом царя, позволил ему закупить значительное количество египетского зерна, и даже помог организовать его вывоз в Иудею. Невозможно представить, чтобы это произошло без ведома или, по крайней мере, без последующего одобрения Августа, а кроме того, данный эпизод показывает, насколько царства и собственно провинции были интегрированы в единую империю. Когда зерно доставили, последовали меры по распределению муки и хлеба среди наиболее нуждающихся. И как минимум на некоторое время щедрость Ирода, соответствовавшая иудейской традиции заботы о бедных, обеспечила ему большую популярность среди подданных (Ios. Fl. *AI.* XV. 305–316).

Как в провинциях, так и в клиентских государствах города и другие поселения в основном пользовались самоуправлением. Август и Рим представляли высшую власть, способную разрешать возникающие трудности, обеспечивать льготы или помогать в случае нужды, но при этом они также являлись носителями подавляющей военной мощи, которая могла быть направлена против любой из подчиненных общин. Раньше римские военачальники даровали права гражданства верным провинциалам, и это стало еще более распространено, когда к власти пришли такие люди, как Помпей и Цезарь. Август пошел в этом деле еще дальше, хотя из-за того, что любой вольноотпущенник, освобожденный им или диктатором, получал номен «Юлий», часто бывает трудно определить, когда именно человек был пожалован им. Все больше и больше солдат из вспомогательных частей обретали римское гражданство после окончания службы в армии, а при преемниках Августа это уже происходило автоматически; кроме того, это была весьма распространенная награда для местных сановников. В сочетании с притоком коренных римлян и италиков как части колонизационной программы это привело к появлению огромного количества граждан, постоянно проживавших на территории провинций. В восточных провинциях лишь несколько колоний – таких, как Берит (совр. Бейрут), – еще долго оставались римскими или продолжали использовать латинский язык для ведения официальной документации. В прочих областях укоренился греческий язык, которым повсеместно восхищались. Римляне не оказывали никакого давления, чтобы изменить подобные порядки, но многие честолюбцы, проживавшие в Восточном Средиземноморье, предпочитали изучать латынь.[481]

Многие жители провинциальных городов стали римским гражданами, и в этой связи Августу пришлось столкнуться с одним важным вопросом, а именно – следует ли отсюда, что они не должны теперь исполнять магистратуры там, откуда они были

родом. Он постановил, что должны, если не получат от него персонального освобождения от этой обязанности. Таким образом получалось, что человек мог обладать правами римского гражданства и, если был еще и богат, то мог служить армейским командиром или государственным чиновником, но по возвращении домой должен был участвовать в политической жизни своего города. Римляне всегда старались поддерживать отношения с местными элитами, и при Августе и его преемниках эта практика еще больше поощрялась. Для всех провинциалов он в буквальном смысле персонифицировал римскую власть, и тон его ответов на их прошения, которые обычно устанавливались в виде надписей в общественных местах, был очень личным. Так, он мог написать эфесцам об их послах и сказать, что «приняв их, я нашел их добрыми людьми, любящими родину» и «я сделаю все возможное, чтобы быть полезным вам и сохранить привилегии города». Отрицательные ответы записывались редко – только если имело место сравнение с кем-нибудь другим. Так, например, жители Афродисия самодовольно выставили надпись с отказом Августа освободить Самос от подати, хотя для афродисийцев он это сделал. Впрочем, даже несмотря на отказ, послание составлено в самых мягких выражениях: «Я хорошо отношусь к вам и хотел бы оказать услугу своей жене, которая рьяно выступает в вашу поддержку, но не могу нарушить обычай. Ибо деньги, которые вы платите в качестве дани, меня не волнуют, но я не готов даровать столь ценные привилегии, не имея на то веской причины».[482]

В некоторых документах содержатся записи официального постановления сената о даровании привилегии или какого-либо иного благодеяния принцепса, так что, возможно, это делалось каждый раз, когда кому-либо предоставлялись особые привилегии для того, чтобы создать впечатление законности. Однако в подавляющем большинстве случаев правление Августа воспринималось как автократическое, даже несмотря на то что оно (по крайней мере внешне) осуществлялось на благо подданных. Посольства к принцепсу предоставляли возможность блеснуть красноречием и поднести дары. Многие речи произносились на греческом, что создавало впечатление благорасположения правителя и показывало его симпатию к культуре провинций. Прямое упоминание Ливии как защитницы самосцев было заметным изменением со времен республики, а открытое признание того, что кто-то способен влиять на Августа, стоило почаще доводить до сведения общества. Ничего необычного в этом не было. В отношении тех городов, которые приняли Ливию и ее тогдашнего мужа после их побега из Италии

и оказали им помощь, принцепс проявлял большую щедрость (Dio Cass. LIV. 7. 2).

Вполне возможно, что жена Августа сопровождала его в некоторых или даже во всех его поездках. С Сицилии он в 21 г. до н. э. отправился в Грецию, перезимовал на острове Самос, а затем, в 20 г. до н. э., переправился в Азию, совершив поездку по этой провинции и по Вифинии, прежде чем отправиться в Сирию. Только тогда он, собственно, и достиг одной из провинций, находившихся под его контролем и управляемой его легатами. Впрочем, это не имело значения, и проконсулы в каждом регионе продолжали отправлять правосудие и рассматривать апелляции в то время как сам он находился там. Принцепсу же приходилось иметь дело с более серьезными и деликатными вопросами, и сохранившиеся записи прошений и ходатайств дают некоторое представление о нескончаемом потоке вопросов, ожидавших его рассмотрения и ответа. Некоторые послы, возможно, были удивлены, когда предстали перед Августом и увидели не безупречного юношу со скульптуры, а мужчину средних лет с такой чувствительной кожей, что он был вынужден носить широкополую шляпу, чтобы защитить себя от солнца.[483]

Несовершенства действительности никогда не являлись препятствием для дипломатии, и день за днем в городах велась подобная деятельность. Послы ждали возможности быть представленными, произносили речи – вероятно, весьма длинные, – после чего оказывались либо довольны, либо разочарованы результатом. Некоторые города пострадали. Афины лишились части территории, которая находилась под их управлением, в то время как Спарта, наоборот, получила власть над более обширной областью. Кизик в Азии был сурово наказан за беспорядки, в ходе которых нескольких римлян высекли, а затем казнили. Он лишился статуса свободного города, а некоторых из его жителей обратили в рабство. Это было крайней формой наказания, и такая кара назначалась лишь немногим (Dio Cass. LIV. 7. 2, 6).

Во время путешествия Августу приходилось следить за событиями в самом Риме, где в 21 г. до н. э. происходили большие волнения. Где бы принцепс ни был, из других провинций приезжали просители – так же, как они ездили в Тарракону, когда он находился там. Префект Египта Петроний столкнулся с серьезными нападениями эфиопов на юг его провинции. Первую атаку он отбил, но из-за трудностей, связанных с содержанием армии в условиях пустыни, был вынужден отступить, уведя с собой большую часть войска. Эфиопская царица Кандака вновь послала своих воинов против римлян, на что последние ответили

контратакой, и на сей раз хорошо подготовленный Петроний продвинулся далеко на юг. В Британском музее хранится голова статуи Августа, которую эфиопы сняли и увезли к себе в качестве трофея. Потом ее закопали возле входа в один из их храмов, и она не пострадала, когда храм был разрушен римскими солдатами, жаждавшими мести; там ее и нашли во время раскопок. Наконец, Кандака запросила мира, а Петроний перенаправил ее послов к Августу. Любопытно, что, по сообщению Страбона, эфиопы жаловались, что не знают, «кто такой Цезарь и куда надо идти к нему», и поэтому Петроний «предоставил им провожатых. Послы прибыли на Самос, где находился Цезарь».[484]

В 20 г. до н. э. Агриппа был отправлен обратно в Рим, чтобы подавить продолжавшиеся в городе беспорядки, но вскоре ему пришлось уехать в Испанию, поскольку там началось восстание. В следующем году, проведя энергичную военную кампанию, он положил конец крупномасштабному сопротивлению кантабров и астуров. Тем временем на центуриатных комициях избиратели опять написали на своих табличках имя Августа и отказались избирать другого консула. В начале 19 г. до н. э. Гай Сентий Сатурнин все еще оставался без коллеги. Состоялись новые выборы, но они прервались из-за насильственных действий со стороны одного из кандидатов. Это был Марк Эгнаций Руф, заработавший себе популярность несколько лет назад, когда он занимал должность эдила. Во время пожаров и наводнений Руф не только развлекал сограждан, но и сформировал из своих рабов пожарную бригаду, которая помогала оберегать дома от огня. Еще не достигнув предписанного законом возраста для избрания в консулы, он тем не менее выставил свою кандидатуру и организовал своих рабов и сторонников в группы наподобие тех, какие были у Клодия и Милона. Возможно, он обещал проведение радикальных реформ в случае избрания или же просто считался угрозой существующей стабильности, поскольку позднейшие источники говорят, что он устроил заговор против Августа (вероятно, это сообщение является отражением традиции, связывавшей с принцепсом военные поражения даже в том случае, если сам он находился далеко от театра военных действий). Сатурнин добился от сената объявления *senatus consultum ultimum*[485] (последний раз, когда это вообще делалось) – Эгнация и его сторонников арестовали и казнили. По-видимому, помощь преторианцев, находившихся в самом городе или поблизости от него, а также активная поддержка таких людей, как Меценат и Статилий Тавр, значительно упростили эту задачу. Данный эпизод стал напоминанием о жестокостях прошлого, а также

послужил предупреждением о том, что подобные вещи могут повториться, особенно если принцепса нет поблизости. Однако во многих отношениях он все же был признаком стабильности Августова режима. Проблема была решена при помощи традиционных механизмов, а Эгнаций Руф оказался последним в длинной череде амбициозных сенаторов (часто – трибунов), готовых и способных применить силу, чтобы добиться своего.[486]

Учитывая расстояние, Август мог и не знать об этих событиях, пока вся эта история не закончилась. До того как он покинул Рим, к нему прибыло посольство от парфянского царя Фраата IV с требованием выдачи соперника царя – Тиридата. Последний бежал, надеясь на защиту и поддержку Августа, и привез с собой в качестве пленника сына Фраата. Обоим было предоставлено комфортное размещение на случай, если в будущем они окажутся полезными, но в 23 г. до н. э. отправленная Фраатом делегация попросила их вернуть. Парфянские послы пришли сначала к Августу, а тот, в свою очередь, привел их и Тиридата на заседание сената. Вместо того чтобы вынести решение по данному вопросу, сенаторы сразу проголосовали, чтобы это сделал принцепс. Сирия – ближайшая к Парфии страна – относилась к числу его провинций, поэтому, возможно, в этом был свой резон, однако важнее здесь то, что данный эпизод показал, кому в действительности принадлежит власть в Риме (Dio Cass. LIII. 33. 1–2).

Август вернул царю его сына, но отказался выдать Тиридата и потребовал возвращения римских знамен и пленников, находящихся у парфянского царя. Переговоры продолжались на меньшем расстоянии, когда в 20 г. до н. э. принцепс прибыл в Сирию. Они подкреплялись демонстрацией силы. В результате восстания в Армении царь Артакс II был низложен и убит. Его царство располагалось между двумя великими державами, Парфией и Римом, и в культурном отношении было ближе к первой, хотя в целом все больше испытывало на себе военное давление со стороны второго. Артакса поддерживали парфяне, но теперь представители правящей знати предложили трон его брату Тиграну – очередному князю в изгнании, который искал и нашел убежище в Риме.

Август удовлетворил просьбу и послал 21-летнего Тиберия во главе войска, чтобы доставить Тиграна в его царство. Это было необычным поручением для столь молодого человека, сравнимым лишь с деятельностью Помпея в недавнем прошлом и юного Цезаря во время гражданских войн. В данном случае не велось никаких боевых действий, а продвижение войска лишь немногим отличалось от парада, кульминацией которого стала

интронизация Тиграна в качестве нового царя. Подобные мирные проявления римской силы имели давнюю традицию и вызывали повсеместное восхищение. Разумеется, Тиберия сопровождали старшие по возрасту опытные офицеры, но даже при этом молодой человек имел возможность отдавать приказы и управлять большим войском в полевых условиях.[487]

Армянский поход стал основой для последующих переговоров. Август больше не хотел воевать с Парфией, как в 29 г. до н. э. Риск был велик, а масштаб задачи пугал. Во всяком случае, из-за этой войны он еще два-три года находился бы вдали от Рима, и в течение этого времени было бы весьма неудобно разбирать прошения и решать другие встающие перед ним вопросы. Фраат IV более не стремился к конфронтации. Его государство граничило не только с Римом, а, кроме того, ему пришлось столкнуться с более близкой угрозой со стороны конкурирующих членов царской семьи и непокорной знати. За последние годы Август заручился верностью городов и клиентных монархий в самой Сирии и вокруг нее, так что если бы парфяне рискнули напасть, маловероятно, чтобы их там кто-нибудь поддержал.

Ни одна из сторон не хотела войны, и обеим нужно было лишь найти мирный путь для того, чтобы добиться успеха. Возможно, римляне пообещали не поддерживать Тиридата, хотя, скорее всего, ему позволили жить в изгнании со всеми удобствами. Взамен Фраат IV обязался сохранить мир и в качестве жеста доброй воли вернул римские знамена, захваченные у Красса, Антония, а также во время нападения на римские провинции в 41–40 гг. до н. э. Вместе с ними он прислал римских пленников, некоторые из их находились в плену еще со времен битвы при Каррах, состоявшейся тридцать лет назад.

Возвращение легионных орлов и других знамен было одним из самых громких достижений Августа; изображение этой сцены можно увидеть, например, на нагруднике его знаменитой статуи из Прима Порта, и было совершенно не важно, что добиться этого удалось благодаря дипломатии, а не успешной войне. Для римлян это было признанием собственного превосходства, поскольку парфянский царь признал их силу и удовлетворил требования Августа. Знамена были возвращены, и хотя они имели для парфян гораздо меньшее значение, чем для римлян, первые теперь узнали об их символическом смысле. Насколько мы можем судить, в результате этого урегулирования Фраат дал больше, чем получил. Впрочем, соотечественникам он представил дело так, будто это было соглашение между равными. Римляне же видели ситуацию иначе: гордый и опасный враг склонил голову в страхе

перед римским могуществом, и ни один римлянин при этом не погиб. Гораций мог говорить, что «и честь, и радость – пасть за отечество» – *dulce et decorum est pro patria mori* (теперь эта фраза, вероятно, более известна как «старая ложь» Уилфреда Оуэна[488]), но на самом деле для того, чтобы прославиться, римляне не нуждались в дорого стоивших победах и никогда не изображали павших соотечественников на памятниках в честь побед.[489]

Вскоре были отчеканены монеты с изображениями знамен и лозунгами, посвященными их возвращению – signis receptis. Сенат встретил известие об этом серией новых почестей, многие из которых Август в конечном счете отклонил. Однако прежде, чем стало известно о его отказе, изображения некоторых из этих почестей все же успели появиться на монетах, которые чеканились в Испании и других провинциях. Так, на монетах можно увидеть изображение храма на Капитолии, в котором предполагалось хранить знамена, хотя, насколько нам известно, он так и не был построен. Несмотря на то что Август принял формальное благодарение за свою победу, предложение устроить овацию или даже, возможно, полный триумф, он отверг, но только после того, как вернулся и были выпущены монеты с изображениями символов этих сцен. На одной серии монет принцепс показан едущим на колеснице, запряженной парой слонов, так что, возможно, ему было предложено даже столь экзотическое чествование. В свое время справить триумф подобным образом пытался Помпей, но из-за того, что арка на пути следования процессии оказалась слишком узкой, ему пришлось отказаться от этой идеи и ехать на обычной колеснице, запряженной конями. Юлий Цезарь использовал 40 слонов в качестве факелоносцев для подъема на Капитолийский холм ночью, после галльского триумфа. Очевидно, идея использовать этих больших и экзотических животных, чтобы сделать широкий жест, до сих пор будоражила умы некоторых нобилей.[490]

Август отказался почти ото всех новых почестей. Это означало, что он по-прежнему пользуется почетом, поскольку почести были предложены ему с самого начала, и отказ от них вызывает восхищение; кроме того, он был уверен, что его слава и репутация уже и так настолько велики, что больше ему ничего не нужно. Со временем возвращенные знамена были помещены в храм Марса Мстителя (Mars Ultor), который находился в центре нового архитектурного комплекса – Форума Августа (Forum Augustum). Принцепс обещал построить этот храм после битвы при Филиппах, когда ему удалось отомстить убийцам отца, но работа началась совсем недавно, и теперь храм мог также символизировать месть за поражения от рук парфян.

В ближайшем будущем сенат предоставил Августу право на строительство Триумфальной арки. Подобную почесть он получал уже в третий раз (до этого она была пожалована ему после битв при Навлохе и при Акции). Насколько нам известно, всего была построена только одна арка. Она увековечивала память о сражении при Акции и стояла рядом с храмом Божественного Юлия на краю римского Форума (Forum Romanum). Вместо того чтобы построить еще одну арку, Август решил изменить уже построенную и установил на ней статуи размером больше натуральной величины, которые изображали принцепса, правящего колесницей, сзади него – богиню Победы, и парфян, униженно возвращающих римские знамена. Подобная система образов напоминает нам о том, что, хотя Август и отказался от многих почестей, тем не менее, он явно считал себя величайшим слугой государства. Он был везде – его имя, изображение или символы на памятниках имелись в центре Рима, в городах Италии и во всех провинциях.[491]

27 марта 19 г. до н. э. Бальб Младший справил триумф в честь победы, одержанной им в бытность проконсулом Африки, и часть добычи он потратил на строительство нового каменного театра. Легаты Августа не получили триумфа, поскольку их победы считались принадлежащими ему. Вместо этого они получили триумфальные знаки отличия (*ornamenta triumphalia*). Многим сенаторским проконсулам было запрещено проводить крупномасштабные кампании, а наместникам Африки и Македонии, которые все еще командовали легионами, такие возможности выпадали крайне редко. Неясно, понимал ли это кто-нибудь в то время, но триумф Бальба, возможно, стал последним из тех, что устраивались в старом стиле. Сам Август больше никогда не справлял триумф, и в будущем эта честь предоставлялась только членам его семьи. Однако даже для них триумф был редкой наградой. Войны продолжались, победы множились, но все заслуги теперь приписывались главным образом принцепсу, а он не удосуживался отмечать их традиционным способом. Возможно, на это и намекал список всех прошлых триумфов, помещенный на арку Августа. Он заканчивался Бальбом, и ни для кого другого уже не было места.[492]

Август вернулся на Самос, чтобы провести там зиму 20/19 г. до н. э., и в течение этих месяцев шел непрерывный поток посольств и просителей. Среди них была делегация от одного из индийских правителей, который прислал в подарок несколько тигров и несчастного мальчика, родившегося без рук, но способного поднимать предметы ногами. Дион Кассий посчитал

нужным упомянуть эти дары даже спустя более чем двести лет. Животных, по-видимому, отвезли в Рим, чтобы показать народу, и не исключено, что потом убили на потеху толпе в соответствии с жестоким римским обычаем. Мальчик-калека стал объектом любопытства, а не сочувствия. Индийцы некоторое время оставались при дворе и даже сопровождали принцепса, когда он отправился в Афины. Дион Кассий также утверждал, что один из послов покончил там с собой, бросившись в специально подготовленный костер. Правда, историк не знал в точности, почему посол так поступил – то ли он уже был стар, то ли просто решил устроить зрелище для Августа и афинян.

Индия оставалась страной далекой и малоизученной, до нее доходил Александр Македонский, но никогда – римская армия. Тем не менее индийским было лишь одно из нескольких известных посольств, отправленных к Августу, и это свидетельствует о признании некоторыми индийскими правителями богатства, мощи и репутации Рима. Римляне и жители провинций питали ненасытное пристрастие к шелкам, специям и другим предметам роскоши с Дальнего Востока, и, похоже, что главной целью послов было обеспечить себе доступ на этот рынок. В то же время подобные обмены позволяли Августу хвастаться, что Рим правит практически всем миром. Эта идея восхищала как римлян, так и греков, и казалась все более реальной по мере того, как одерживались все новые победы. Хотя честь и знамена Рима удалось отстоять без войны, это вовсе не было признаком замедления темпов экспансии.[493]

XVI Конец и начало

Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской, Власть ограничит свою Океаном, звездами – славу… В небе ты примешь его, отягченного славной добычей Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы. Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится…

Вергилий. Энеида. I. 286–294 [494]

Похоже, что Цезарь Август провел в Афинах несколько недель, а его возвращение в Италию оказалось довольно долгим, поскольку он останавливался во всех крупных населенных пунктах, которые встречались ему на пути, чтобы давать аудиенции. Он по-прежнему много работал, и даже такие зловещие происшествия, как самоубийство индийского посла, не могли надолго отвлечь его от приема просителей и ведения переписки. Более приятным событием стало появление в Афинах поэта Вергилия, который путешествовал по Греции, отдыхая от продолжавшейся более десяти лет работы над эпосом «Энеида»

в двенадцати книгах.[495] Благодаря посредничеству своего старого друга Мецената поэт был представлен Августу, и многие справедливо полагали, что именно принцепс побудил его осуществить свой великий замысел. Известно, что Август живо интересовался ходом работы над поэмой – в частности, даже специально писал из Испании, чтобы узнать, как продвигается дело. До отъезда на Восток Август, а также некоторые члены его семьи присутствовали при чтении Вергилием фрагментов «Энеиды», и эпизод, в котором оплакивался недавно умерший Марцелл, произвел на них настолько сильное впечатление, что Октавия даже лишилась чувств.[496]

Вергилий был большим педантом и подбирал слова так тщательно, что ему редко удавалось сочинить более нескольких стихов «Энеиды» за день. Его друг Гораций, который также состоял в кружке Мецената, иногда писал еще медленнее. Подобная одержимость стилем вовсе не считалась проявлением манерности или признаком дилетантизма, поскольку оба автора были мастерами своего дела и отличались выдающимися дарованиями. Горацием повсеместно восхищались, а о поэзии Вергилия говорили как о самом прекрасном творении на латинском языке. Меценат не ошибся в выборе поэтов для своего кружка. Вероятно, все они, включая Горация – сына богатого вольноотпущенника, – принадлежали к всадническому сословию, причем обладали достаточным состоянием, чтобы получить образование и располагать досугом, который можно было посвятить поэзии. Хотя во время гражданских войн некоторые из этих людей лишились своих владений, они не зависели от Мецената и Августа в том, что касалось средств к существованию, а подарки могущественных заступников лишь служили приятным дополнением к их необременительному образу жизни. Вероятно, после болезни Август хотел взять Горация к себе на службу, о чем и написал Меценату: «До сих пор я сам мог писать своим друзьям; но так как теперь я очень занят, а здоровье мое некрепко, то я хочу отнять у тебя нашего Горация. Поэтому пусть он перейдет от стола твоих нахлебников к нашему царскому столу и пусть поможет нам в сочинении писем» (Suetonius, *Horat.* 3). Гораций отклонил его предложение, но это не испортило его добрых отношений с Августом. В таком же неофициальном, добродушно-шутливом тоне, каким отличается этот небольшой отрывок из письма к Меценату, принцепс переписывался и с самими поэтами. Надо сказать, что занятия литературой считались среди римской элиты весьма престижной и модной формой времяпрепровождения, а это – признак высокой культуры. Так, штаб Юлия Цезаря в Галлии состоял из литературно

образованных людей, а Август разделял присущее Меценату уважение к поэтам и писателям. Кроме того, подобные темы были очень удобны для бесед на неофициальных встречах с другими сенаторами или высокопоставленными лицами в силу своей нейтральности. Наряду с приверженностью традициям, литература являлась одной из главных тем, связывавших принцепса с Аттиком. Август и Меценат сами тоже пытались писать, причем первый вместе с Горацием и остальными подшучивал над литературными опусами последнего. Впрочем, над своими сочинениями он тоже готов был посмеяться и, когда оставил попытки написать трагедию, то в шутку говорил, что его герой «бросился на свою губку».[497]

Как и все остальные, поэты кружка Мецената прекрасно осознавали реальность Августова господства и понимали, что основывается оно в конечном счете на его военной мощи. Но никто не заставлял их писать, так же как сенаторов никто не заставлял выставлять свои кандидатуры на какие-либо должности или делать карьеру на государственном поприще. Было бы ошибкой считать их деятельность пропагандой или даже предполагать, что содержание и тематика их произведений контролировались Меценатом, а через него и самим Августом. Столь же неверно видеть в поэзии тщательно завуалированную критику принцепса и его режима. Август гордился своими связями с наиболее выдающимися писателями. Это было не только вопросом самоуважения, но и хорошей политикой. Ведь репутация Александра Великого немало пострадала из-за того, что он принимал неумеренные похвалы от посредственных поэтов.

Таких людей, как Вергилий, Гораций и Проперций, можно было поощрять и уговаривать писать на определенные темы, но они и сами прекрасно знали, что нравится принцепсу. Временами они шутили, будто им приходится писать «под давлением», но на самом деле это был обычный литературный прием, часто даже в сочетании с ложной скромностью. Цицерон, Аттик и их современники часто играли в ту же игру и побуждали друг друга писать на заданные темы. Август однажды написал Горацию, мягко упрекая его в том, что тот не упомянул его ни в одном из своих произведений. «Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут ее позором для тебя?» – спрашивал он в своем обычном шутливом тоне, и за его словами не стояло никакой реальной угрозы. Речь шла о дружбе, – ведь Гораций был членом его семьи, – а не о политике, и, хотя оба этих понятия в Риме зачастую были весьма расплывчатыми, подразумевалось, что любое произведение может прославить и того, и другого.

Гораций ответил на это первым стихом второй книги «Посланий», где говорится о пользе, которую могли бы принести государству такие поэты, как он, а также содержится знаменитая фраза о том, что «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила, В Лаций суровый внеся искусства».[498]

Принуждение в искусстве было незначительным, и большинство тем были близки поэтам. Почти каждый, кто пережил ужасы гражданских войн, готов был прославлять победу Цезаря и мир, который она принесла. Возрождение религиозных обрядов, установление стабильности и победы над опасными внешними врагами восхищали всех римлян, а особенно элиту, и было бы странно, если бы поэты не разделяли их чувств. До прямого вмешательства в их творчество не доходило, как и до прямой цензуры. Для того чтобы такие люди, как Вергилий, Гораций и другие, могли успешно творить, их следовало оставить в покое и не мешать им писать, как они привыкли.

В результате явилось множество произведений высочайшего уровня, которые продолжают изумлять даже спустя века; многое в них было созвучно новому режиму, но немало встречалось и тем, обращенных к жизненному опыту каждого человека. Это давало куда больше возможностей, чем любая контролируемая пропаганда, и помогало поддерживать общие симпатии к идее реставрации. Сотрудничество Августа с поэтами добавляло лоска его правлению, поскольку это было занятие, достойное любого сенатора, а кроме того, поэзия того времени была настолько хороша, что ни он не выглядел тираном, ни поэты не казались льстецами. Когда Проперций (III. 5, 9, 12) отказался писать о войнах с парфянами и другими врагами и вместо этого предпочел говорить о любви, это было не критикой государственной политики или советом отстраниться от общественных дел, а всего лишь милой и остроумной попыткой развлечь читателей. Господство Августа создало благоприятную среду для процветания литературы и искусства, и поэты, писатели и художники стремились увековечить свои имена, экспериментируя с уже известными стилями. Нет причин сомневаться в том, что Вергилий и другие поэты были искренни в выражении своих взглядов, хотя, согласно современным предрассудкам, все великие художники по натуре – инакомыслящие, особенно если они живут при правителе, пришедшем к власти насильственным путем. Однако в связи с этим было бы уместно вспомнить о том, что многие великие музыкальные и художественные произведения были созданы в период правления, а часто и под покровительством абсолютных монархов в XVIII–XIX вв.

Одно время Вергилий говорил, что пишет эпическую поэму о самом Августе, но в конце концов отказался от этой идеи. Он посвятил «Энеиду» событиям далекого прошлого, в ней рассказывалось о судьбе Энея – троянского героя, который бежал после разрушения своего города и вместе с частью других изгнанников прибыл в Италию, где спустя несколько поколений

его потомок Ромул построит Рим. Это был мир гомеровских поэм «Илиада» и «Одиссея» – древнейшего и величайшего греческого эпоса, и отчаянная попытка передать его величие на латинском языке. Эней также считался прародителем рода Юлиев, так как, согласно легенде, их родовое имя образовалось от имени сына Энея Юла, а поскольку троянский герой являлся сыном Венеры, выходило, что представители этого патрицианского рода имели божественное происхождение. Вергилий полностью посвятил себя этому замыслу, и даже его путешествие в Грецию было задумано как отдых, который должен был вдохнуть в него силы для дальнейшей отделки поэмы. Однако при всем своем усердии и несмотря на то, что его ранние опусы встретили весьма благосклонный прием, Вергилий был недоволен и даже редактировал некоторые строки прямо по ходу чтения. Будучи не таким общительным, как бонвиван Гораций, он часто удалялся в свое поместье и там подолгу работал над поэмой, оттачивая каждую строчку.[499]

«Энеида» не была закончена, однако, то ли потому, что Греция не слишком его вдохновила, то ли из-за того, что он счел себя обязанным сопровождать Августа, – так или иначе, но когда принцепс и его свита возвращались в Италию, Вергилий поехал с ними. Во время этого путешествия он заболел – сначала получил солнечный удар, а потом началась лихорадка. Вергилий все-таки добрался до Италии, но умер в Брундизии 21 сентября 19 г. до н. э. на пятьдесят втором году жизни, за два дня до сорок четвертого дня рождения Августа. В качестве наследников в его завещании были названы принцепс и Меценат, а также Луций Варий – еще один поэт из кружка последнего. Вергилий просил Вария в случае своей смерти сжечь рукописи поэмы. Однако тот отказался, так что в последние дни жизни Вергилий просил своих помощников принести ему свитки, чтобы он сам мог их сжечь. Август проконтролировал, чтобы они не выполнили это задание, а затем поручил Варию и его коллеге привести поэму в порядок, после чего как можно скорее ее издать (Donatus, *Vita Verg.* 35–41).

Вопреки просьбе автора, нарушение его воли оказало миру большую услугу, так как удалось сохранить одно из величайших произведений римской литературы. Августа очаровал этот великий и прекрасный эпос, написанный известным автором и воспевавший историю одного из предков принцепса, а также происхождение римского народа, охватывая как его прошлое, так и будущее. Так что мотивы Августа не были совершенно бескорыстными, хотя очевидно, что он не позволил бы публиковать поэму, если бы она не была в основном закончена и не отличалась исключительным качеством. Вскоре люди начали

задумываться над тем, какие изменения хотел внести Вергилий в свой труд, а некоторые ученые занимаются этим и по сей день, но тем не менее «Энеида» повсеместно признавалась достойной соперницей гомеровских поэм. Она быстро стала эталоном стиля, использовавшимся в образовательных целях (век спустя два скучающих армейских писца на противоположных концах империи, в Северной Британии и Иудее, нацарапают строки из поэмы на обороте документов, каковые сохранятся и будут впоследствии обнаружены археологами). «Энеида» стала одним из самых цитируемых произведений латинской литературы, хотя нужно отметить, что все цитаты преимущественно относятся к ее первым книгам. Как и в случае с творчеством Шекспира, бóльшую часть произведения игнорировали, поскольку учителя предпочитали уделять внимание лишь нескольким избранным фрагментам.[500]

«Битвы и мужа пою» (arma virumque cano) – так начинается поэма, и, говоря о себе в первом лице, поэт недвусмысленно порывает с гомеровской традицией. Мир «Энеиды» переплетается с миром Гомера, и многие персонажи – прежде всего Эней – были заимствованы у Гомера. Первая часть является зеркальным отражением «Одиссеи» – в ней описывается, как бежавшие из разрушенной Трои скитаются по Средиземноморью по следам греческого героя. Так они находят одного из спутников Одиссея, оставленного в пещере Полифема, тогда как другим удалось бежать, и затем видят само ослепленное чудовище, которое бродит, натыкаясь на предметы. В судьбу изгнанников постоянно вмешиваются боги: Юнона из мести преследует троянцев, а Венера, наоборот, защищает своего сына. Несмотря на перекличку с Гомером и многочисленные аллюзии на другие произведения, в поэме присутствуют намеки не только на мифы, но и на проблемы современных ему людей. Эней иногда чувствует страх, иногда злится или смущается, а порой даже может притвориться уверенным в себе и воодушевленным, чтобы подбодрить своих спутников, хотя на самом деле в душе подавлен. Герои же Гомера всегда самоуверенны и в то же время эгоцентричны – в «Илиаде» рассказывается о гневе Ахилла, который из-за личной обиды сидит у себя в шатре и дуется до тех пор, пока смерть Патрокла не побуждает его снова вернуться и начать жестоко мстить убийцам друга. Судьба греческого войска как такового ему почти безразлична, поскольку он предпочитает короткую и прославленную жизнь долгим летам в безвестности. В «Одиссее» главный герой в ходе странствий теряет всех своих спутников, однако почти не выказывает по этому поводу никаких сожалений, а его времяпрепровождение с нимфами и богинями не

помешало ему по возвращении домой перебить всех, кто в его отсутствие сватался к его супруге, а также тех, кто их привечал. Личная честь и успех – вот все, что имеет значение для этих героев, и это позволяет понять, почему многие поколения греков и римлян – особенно знатных – рассматривали этот эпос в качестве нравственного ориентира.

Эней же не таков, поскольку он всегда помнит о своем долге. Он Эней pius (благочестивый), почтительный по отношению к богам и своей семье, особенно к отцу, которого он на плечах вынес из развалин Трои; он осознает ответственность за судьбу своего народа, который должен привести в Италию с тем, чтобы впоследствии там был основан Рим, и римляне смогли возвыситься до величия дней Вергилия, а впереди их ждали бы новые достижения. Чтобы его вдохновить, ему не раз демонстрируются проблески будущей славы. При этом Энею приходится бороться не только с врагами, но и с искушением – например, когда он и его спутники встречают царицу Дидону. Юнона и Венера вступают в сговор с целью заставить ее влюбиться в троянского героя, и любовь соединяет Энея и Дидону, когда они вместе укрываются в пещере от грозы. Однако вскоре вместо того, чтобы остаться среди карфагенян, Эней покидает царицу и отбывает вместе со всеми своими людьми, а если бы он не бросил ее, то величайшей нацией стали бы карфагеняне, а не римляне. Убитая горем Дидона кончает жизнь самоубийством и завещает своим соплеменникам хранить вечную ненависть к потомкам Энея, тем самым дав почву для будущих столкновений между Римом и Карфагеном в III и II вв. до н. э.[501]

Эпос Вергилия представляет собой смешение существовавших традиций (иногда из нескольких версий выбирается только одна) и греческого эпоса, но также включает в себя и плоды фантазии самого Вергилия. Аллюзии на современный ему мир весьма многочисленны, но они вовсе не выглядят неуместно. Особенно подчеркивается значимость Сицилии – Эней посещает ее дважды, – что, несомненно, является отражением ее центральной роли в возвышении Августа. Отчаявшаяся Дидона сожалеет, что ее возлюбленный не подарил ей «маленького Энея» в качестве утешения за то, что покидает ее, и это должно было заставить современников Вергилия вспомнить о Юлии Цезаре, Клеопатре и Цезарионе. Параллель между вымышленной карфагенской царицей и реальной египетской была очевидна, однако если Дидона вызывает сочувствие, поскольку боги сначала заставляют ее влюбиться в Энея, а потом он ее бросает, то Клеопатра, один-единственный раз появляющаяся в поэме, показана весьма

недружелюбно. Дидона же предстает скорее жертвой, чем злодейкой, и лишь при описании ее ужасного самоубийства поэт изображает ее опасной и неуравновешенной, хотя вполне возможно, что эта перемена воспринимается так остро только современными читателями.[502]

Для благочестивого Энея судьба его народа важнее личных переживаний, поэтому он и покидает Дидону. Впоследствии, когда он спускается в царство мертвых и встречает ее тень, царица отказывается с ним говорить, и в этой сцене гораздо больше описаний его печали и чувства вины, чем ее любви и разочарования. Эней всегда поступает правильно с точки зрения будущего, но это обходится ему ценой больших утрат как для него самого, так и для его спутников. Когда они, наконец, прибывают в Италию, прием, оказанный им некоторыми местными царями, приводит к войне с их соседями, что во многих отношениях предвещает гражданские войны, современником которых был Вергилий. У Гомера битвы показаны жестокими и кровавыми, с подробными описаниями ранений и гибели героев, и Вергилий следует этой традиции. Некоторые сцены у него выглядят еще более жестокими: так, один царь, спасаясь от преследования, натыкается на алтарь и падает, а его противник, убив его, издевательски говорит: «Этот готов! (Hoc habet! – так обычно кричала толпа на гладиаторских играх. – *А. Г.*) Принес я богам наилучшую жертву!» Другому человеку поджигают бороду, после чего бросают наземь и закалывают. Здесь, конечно, лучше, чем в «Илиаде» показаны истинная цена войны и горе, которое испытывают родственники погибших.[503]

Тем не менее мы не должны видеть в этом осуждение самой войны, ибо хотя Вергилий представляет батальные сцены страшными и полными горечи, он не изображает их ненужными. В бою Эней безжалостен и мечом прокладывает себе путь сквозь строй врагов, убивая даже человека со жреческими инсигниями. В конце он вступает в противоборство с Турном, царем рутулов, погубившим уже множество троянцев и их союзников, наиболее известный из которых – Паллант, сын царя Эвандра. Раненный Энеем, Турн просит сохранить ему жизнь ради его бедного отца, напоминая троянцу о его собственном отце, Анхизе. Победитель тронут и колеблется. Однако внезапно его взгляд падает на перевязь, которую Турн снял с тела Палланта, и жалость уступает место «ярости грозной». С криком, что это возмездие за гибель Палланта, герой вонзает меч в сердце врага, и «объятое холодом смертным / Тело покинула жизнь и к теням отлетела со стоном» (Verg. *Aen.* XII. 945–952).

Поэма заканчивается этими словами, и, хотя Вергилий так и

не завершил отделку своего произведения, он вряд ли планировал изменить финал с тем, чтобы история закончилась проявлением милосердия, а не возмездия. Турн поднял оружие против Энея и злорадствовал над поверженным противником, не выказывая никакой жалости, а в конце он и вовсе нарушил перемирие. При этом он не показан чудовищем, совершенно лишенным каких-либо добродетелей, и Вергилий испытывает к нему то же сочувствие, что и к Дидоне и другим персонажам. Столь глубокое понимание человеческой природы является признаком великого художника, однако при этом Вергилий ни в коем случае не побуждает читателей – даже своих современников – подражать Энею так же, как и не говорит, что он всегда прав. Многие римляне действительно были готовы восхищаться своими врагами и признавали, что их завоевательные походы часто оборачивались ужасными страданиями для побежденных народов. Однако осознание этого факта никогда не ставило под сомнение их глубоко укоренившееся убеждение, что римская экспансия была совершенно оправданной мерой. Враги оставались врагами, сначала нужно было их победить, а уже потом обращаться с ними мягко. Так же, как и в реальной жизни, в поэзии радости мирной жизни наступали только после победы римлян.[504]

Эней во многом напоминает самого Августа, хотя и показан героическим, красивым и физически сильным воином; предположения же, будто это не было намеренным прославлением принцепса, недостаточно убедительны. Оба они ставили долг и благочестие выше собственного комфорта и интересов, претерпевая значительные трудности и ведя многолетнюю борьбу, прежде чем была достигнута окончательная победа и в мире воцарились покой и процветание. Порой им приходилось совершать чудовищные поступки для блага всех римлян (или, как в случае с Энеем, их предков). Ставка была столь высока, что всех, кто сопротивлялись им, надлежало уничтожить, и в таких ситуациях спокойное благочестие уступало место благородной ярости. Эней иногда даже издевался над своими врагами перед тем, как их убить, и говорят, что точно так же молодой Цезарь поступил после битвы при Филиппах и Перузии.[505]

В поэме прославляется Цезарь Август, он показан в момент величайшей славы – после победы в битве при Акции, – и это изображение занимает центральное место на щите, выкованном для Энея Вулканом. Однако иногда Вергилий пишет так, что непонятно, о ком именно идет речь – например, рожденным от «высокой крови троянской» и отягченным «славной добычей стран

восточных» может быть как Август, так и Юлий Цезарь. Возможно, такая неясность была допущена поэтом сознательно, и он имел в виду сразу обоих деятелей, желая показать, что все лучшее, свойственное отцу, многократно возродилось в доблести и подвигах сына. Сходным образом, когда Катон у него судит души в загробном мире, имеется в виду не конкретный человек, а скорее некий общий типаж, соединяющий в себе черты и Катона Старшего, и Младшего, который был непримиримым противником Юлия Цезаря. Вергилий стремился к прославлению великих деятелей римского прошлого. Катилина в царстве мертвых подвергается страшному наказанию, но в остальном намеков на политические разногласия мало. В описании будущих героев, которым еще только предстоит появиться на свет, есть две души, которые «одинаковым блещут оружьем», и в них угадываются Помпей и Юлий Цезарь. «Увы, – сетует Вергилий, – как много крови прольется», когда тесть обратится против зятя!.. Им обоим настоятельно рекомендуется воздержаться от гражданской войны. Это, безусловно, критика, но выраженная в очень мягкой форме и направленная столь же против Помпея Великого, сколь и против его соперника. К последнему, в частности, обращен призыв быть первым в «милости», и это, несомненно, является похвалой его знаменитому милосердию. [506]

«Энеида» – патриотическое произведение, изобилующее восторженными восхвалениями славного прошлого и еще более великого будущего, которое ожидало Рим под руководством сына божественного Юлия Цезаря. Несмотря на подробные описания войн и междоусобиц, в поэме все же присутствовала надежда на благополучное, мирное будущее, и Риму была обещана безграничная власть. Подобно многим великим произведениям, «Энеиду» можно читать на разных уровнях и по-разному интерпретировать, причем ее новые толкования могли бы удивить или даже напугать ее создателя. Такие сложные интерпретации вряд ли приходили в голову Августу; скорее он был просто тронут красотой стиха и доволен появлением поэмы, удостоившейся стольких похвал, а также своей тесной связью с этим произведением.

Семьи и власть

Принцепс со своей свитой достиг Рима к концу года. После беспорядков, связанных с Эгнацием Руфом, оставался только один действующий консул, и к Августу явилась сенатская делегация с тем, чтобы он выбрал одного из них в качестве второго консула. Как это делалось, неизвестно. Дион Кассий пишет, что Август просто назначил консула, руководствуясь собственным

авторитетом, и никаких формальных выборов не было, но автор, возможно, просто передал суть того, что, по его мнению, происходило, не вдаваясь в технические детали. Человек, которого выбрали, верно служил Августу во время гражданских войн. Решив этот вопрос, принцепс снова отказался от почести в виде официального приветствия со стороны сената и народа, а узнав, что сенатская депутация все еще горит желанием устроить ему торжественную встречу, незаметно проскользнул в город под покровом темноты. Он принял решение воздвигнуть у Капенских ворот – тех самых, через которые он, двигаясь по Аппиевой дороге, въехал в Рим, – алтарь Фортуны Возвращающей (Fortuna Redux), т. е. богини благополучного возвращения домой. В этом же месте каждый год 12 октября, в день недавно учрежденного праздника Августалий, стали совершаться жертвоприношения в память о его возвращении.[507]

В отсутствие Августа в Риме сложилась непростая ситуация, и лишь благодаря Агриппе центуриатные комиции не переизбирали его в консулы каждый год. Вероятно, именно тогда ему и пришла в голову идея назначить трех консулов, поскольку тогда он и сам смог бы занимать эту должность, и у двоих других была бы такая возможность. Однако это предложение быстро отвергли, т. к. оно было сочтено слишком сильным отступлением от заведенного порядка, ведь раньше никогда не было более двух консулов одновременно. Дион Кассий передает, что вместо этого Августа наделили пожизненными консульскими полномочиями, но в историографии нет единого мнения относительно того, так ли это было на самом деле и что конкретно он имел в виду. Согласно общепринятой точке зрения, Август получил консульские знаки отличия, так что теперь, когда он находился в городе, его всегда сопровождали двенадцать ликторов. Также он мог во время заседаний сената сидеть в собственном курульном кресле между двумя консулами. Впрочем, каковы бы ни были детали, надо сказать, что дарованные ему полномочия носили сугубо персональный характер – так же, как и предоставленные ему в 23 г. до н. э. – и не связывались с занимаемой должностью. Символы – а особенно магистратские знаки отличия – имели в Риме большое значение и способствовали укреплению власти Августа.[508]

Ряд новых полномочий – из тех, которыми, как пишет Дион Кассий, был тогда наделен Август, – на деле уже не существовали или приобрели иной смысл. Вероятно, под утверждением, что Августа назначили постоянным «блюстителем нравов», понималось очередное предоставление ему цензорских полномочий на определенный срок, ибо на следующий год

принцепс снова провел чистку сената, намереваясь сократить его численность и восстановить его авторитет, несколько пошатнувшийся после недавних волнений на выборах. Когда никто не захотел уйти добровольно, Август отобрал тридцать сенаторов и публично поклялся, что выбрал самых лучших. Затем эти тридцать принесли такую же клятву, и каждый должен был написать имена пяти других сенаторов, но включать в этот список себя или своих родственников запрещалось. После этого тянули жребий, и один из этих пяти попадал в новый сенаторский список, а комиссия из тридцати продолжала работать дальше. Это был трудоемкий процесс, и к тому же уязвимый для всякого рода закулисных махинаций. Августа охватило раздражение, когда Антистий Лабеон включил в список Лепида, и попытался на него повлиять, чтобы тот изменил свое решение. Лабеон отказался и заявил, что имеет право на свое мнение, и если принцепс сам позволил Лепиду остаться великим понтификом, то нечего осуждать его, Лабеона, за то, что он предлагает его в сенаторы. Август разрешил тянуть жребий, и, очевидно, повезло его бывшему коллеге по триумвирату, поскольку он все-таки остался в сенате.[509]

Принцепс был огорчен и, решив отказаться от этого метода, оставшихся сенаторов назначил сам. Конечно, не обошлось без протестов, например, со стороны отца, которого исключили из сената, в то время как его сын остался. Он выразил свое негодование очень по-римски, публично разорвав на себе тогу и сняв тунику, чтобы показать шрамы, полученные им в битвах за отечество. Другой сенатор попросил об отставке в пользу своего отца, который лишился места. Исключенным разрешили сохранить все знаки своего статуса и высокое положение, свойственное их былому рангу, а некоторых включили в состав сената позднее; другие же смогли вернуться туда после того, как их выбрали в магистраты. Считается, что Август хотел сократить численность сенаторов до трехсот человек, но был вынужден отказаться от этой идеи и удовлетвориться числом, вдвое превышавшим его изначальный замысел. Будь их меньше, то было бы нелегко обеспечить людьми необходимые должности и добиться кворума в четыреста человек для голосования по различным вопросам.

Примерно в это время принцепс учредил другой, менее многочисленный и более удобный совет, который впоследствии получил название concilium principis (совет принцепса) и был сформирован из представителей всех магистратских коллегий, а также включал в себя пятнадцать сенаторов, которые избирались по жребию на шесть месяцев. Этот орган был весьма полезен в

качестве, так сказать, опытного полигона, на котором Август проверял все идеи, прежде чем предложить их на рассмотрение сената. Август по-прежнему выказывал сенату всяческое уважение, посещал все заседания, когда находился в Риме, и поощрял присутствующих высказывать свое мнение. Несмотря на то, что Лабеон как раз этим его и разозлил, принцепс ничего ему не сделал, а когда сенаторы позднее решили в целях обеспечения безопасности принцепса дежурить у дверей его опочивальни, Лабеон сказал, что его тогда следует исключить, поскольку он слишком громко храпит. Светоний передает, что иногда выступления Августа в сенате прерывались выкриками «не понимаю!» или «я бы тебе возразил, будь это возможно!» (последняя фраза, несомненно, принадлежала кому-то из тех, кто не хотел сотрудничать с принцепсом). Иногда ожесточенные споры между сенаторами выводили его из себя настолько, что он уходил с заседания, не дожидаясь его конца, а вслед ему кричали, что сенаторы должны иметь право говорить, что думают по поводу государственных дел.[510]

Раньше сенаторов записывали вместе с всадниками, и их имущество должно было оцениваться как минимум в четыреста тысяч сестерциев. Теперь же, чтобы добавить им престижа, Август формально выделил сенаторов в отдельный класс и ввел для них имущественный ценз в один миллион сестерциев. Тех, кто не удовлетворял этому требованию, удалили из сената, а остальные, которых сочли достойными, получили деньги от принцепса. Тогда же он ввел новый закон, направленный на борьбу с коррупцией и запугиванием на выборах.

Подобное законодательство редко оказывалось эффективным, но у Августа хватало власти и авторитета, чтобы провести его в жизнь, так что острота проблемы существенно смягчилась, если не исчезла совсем. В следующее десятилетие представители многих известных семей снова занимали консульские должности. Эти семейства сильно пострадали во время гражданских войн, а поскольку их члены были тогда еще слишком молоды, то они не могли принимать в них участие, зато теперь были готовы вступить в большую политику в государстве, возглавляемом Августом – консулат все еще оставался почетной и желанной должностью. У нас нет никаких свидетельств, указывающих на то, что эти люди относились к Августу лучше, чем другие сенаторы. Дион Кассий, правда, говорит, что примерно в это время нескольких человек казнили за попытку устроить заговор против принцепса, но имен он при этом не называет.[511]

В 18 г. до н. э. младший сын Ливии, Друз, стал квестором. Ему было всего 19 лет, и отныне ему, так же, как и его брату

Тиберию, предоставили право выставлять свою кандидатуру на преторских и консульских выборах на пять лет раньше положенного срока. Тиберий, помолвленный с дочерью Агриппы Випсанией еще когда она была ребенком, теперь, вернувшись из своего восточного похода, смог наконец на ней жениться, поскольку она уже достигла брачного возраста. А Друз через несколько лет женился на Антонии Младшей, дочери Марка Антония и Октавии. Еще более важный брак был заключен в то время, когда Август пребывал на Востоке. В 21 г. до н. э., когда Агриппа был отправлен в Рим подавлять начавшиеся там беспорядки, ему также пришлось решать и свои личные проблемы. Он развелся со своей второй женой, дочерью Октавии и Марцелла – соответственно, племянницей принцепса, и женился теперь уже на его дочери, овдовевшей Юлии. Невесте было 18 лет, а жених был почти ровесником ее 42-летнего отца, но такая разница в возрасте была обычна для браков, заключавшихся в среде нобилитета. Этот союз был знаком высочайшего благоволения, ибо еще сильнее привязывал Августа к его самому доверенному и надежному заместителю. Ходили слухи, что в этом деле не обошлось без советчика, и что Меценат якобы говорил Августу, будто он настолько возвысил Агриппу, что теперь его остается либо убить, либо сделать своим зятем. На самом деле просто не оставалось других вариантов. Август испытывал смешанные чувства к Тиберию, но, если бы он разорвал его помолвку с Випсанией, это стало бы оскорблением для ее отца. [512]

Многие нобили так и не простили Агриппе то, что он был не из их круга и что сумел вознестись так высоко благодаря своим связям с Августом. По-видимому, Агриппа, как и прочие «новые люди», подчеркивал это различие, сознательно ассоциируя себя с широкими слоями населения, которым обеспечивал различные благоустройства, и в то же время с пренебрежением отказывался от личных почестей – таких, например, как триумфы, которых так жаждали другие сенаторы. Он с увлечением коллекционировал произведения искусства, но предпочитал выставлять их на всеобщее обозрение, а не наслаждаться ими в своих личных покоях. В отличие от других приближенных Августа и представителей нобилитета вообще, он мало интересовался литературой и не водил дружбы с поэтами и писателями. Деятельный и энергичный, он был хорошим полководцем, администратором и строителем, а также хорошим мужем – по крайней мере, по римским меркам. До того, как он покинул Рим в 20 г. до н. э., Юлия забеременела, и позднее в том же году у нее родился сын Гай. В 19 г. до н. э. Агриппа подавил последнее

серьезное восстание в Испании и, когда вернулся в Рим, снова отказался от триумфа. Вскоре Юлия уже снова ждала ребенка и в 17 г. до н. э. родила еще одного мальчика, которого назвали Луцием.[513]

Поскольку Агриппа являлся зятем принцепса и мог похвастаться многими успехами, по влиятельности он далеко превосходил всех других сенаторов. Скоро его авторитет был подкреплен официальными полномочиями. В конце 18 г. до н. э. Цезарь Август на пять лет продлил его полномочия в провинции, а также даровал ему проконсульскую власть на такой же срок, хотя она не была привязана к какой-либо провинции и лишь со временем стала больше (maius), чем у обычных проконсулов. По-видимому, раньше он уже наделялся подобным империем, однако данные о его статусе в 20-е гг. до н. э. трудно восстановить. Более очевидно, что в 18 г. до н. э. Агриппа был наделен трибунской властью сроком на пять лет, каковой не имел еще никто, за исключением Цезаря Августа. В отличие от трибунской власти принцепса, полномочия Агриппы носили временный характер, но при этом оставались его личной прерогативой, таким образом выделяя его среди других магистратов и сенаторов. В целом можно сказать, что он был вторым человеком в государстве после Августа и, если бы последний умер, Агриппа стал бы наиболее вероятным кандидатом на его место.[514]

Впечатление, что уже начинает формироваться династия, особенно усилилось, когда после рождения Луция Август усыновил обоих сыновей Юлии и Агриппы. Церемония включала в себя символический обряд покупки: в присутствии претора Август положил на весы три мелкие бронзовые монетки, называвшиеся асами. Дети – внуки принцепса и сыновья его ближайшего сподвижника – стали отныне Гаем и Луцием Цезарями. Вряд ли на данном этапе кто-либо полагал, будто Август собирается уходить в отставку, ведь все его полномочия носили личный характер и, следовательно, не было такого поста, с которого он мог бы уйти. Тем не менее, когда его полномочия в провинции были продлены еще на пять лет, он уверял, что этого вполне достаточно, чтобы навести там порядок. Некоторые, возможно, ему поверили, однако когда через какое-то время этот срок был увеличен до десяти лет, это не произвело фурора. Возможно, некоторых римлян и возмущала такая концентрация власти в руках одного человека, но даже среди них мало кто желал возобновления гражданских войн, по крайней мере в данный момент. Шли годы, и реальность новой власти, которая представляла монархию во всем, кроме названия, обращала на себя все меньше внимания. В обозримом будущем вероятность

появления соперника в лице какого-нибудь военачальника была ничтожно мала, так что отсутствовала возможность избавиться от принцепса иначе как с помощью убийства. Август гораздо больше заботился о собственной безопасности, чем Цезарь, поэтому устраивать против него заговор было весьма опасно; к тому же события 44 г. до н. э. показали, что, даже если правителя удастся убить, то это, скорее всего, ввергнет страну в пучину гражданских войн и хаоса.[515]

Тем не менее убить Августа все же было возможно, и меры, предпринятые им для обеспечения собственной безопасности, не следует преувеличивать. Он посещал заседания сената, и туда или по какому-нибудь другому делу его обычно несли в паланкине по улицам Рима. На заседаниях он лично отвечал каждому сенатору на приветствие и таким же образом с ними прощался. Председательствуя в сенате, он вызывал на голосование каждого по имени, больше полагаясь при этом на свою отменную память, чем на услуги номенклатора. Там, так же, как и везде, он был доступен для просителей и старательно демонстрировал готовность их выслушать, а одного просителя, который очень нервничал, когда к нему подошел, пожурил, сказав, что он выглядит так, словно предлагает монету слону. Рассказывают также и об одном греческом поэте, который ждал его возле портика его дома на Палатине и, вероятно, стоял в толпе других жаждавших внимания принцепса. Поэт принес с собой стихи, в которых прославлял императора, и надеялся получить за это вознаграждение, но Август долгое время его игнорировал. Он гордился своей дружбой с такими людьми, как Вергилий и Гораций, и не хотел связываться с посредственностями, а потому прошел мимо, даже не подпустив к себе этого человека.[516]

Однако грек оказался настойчивым, и тогда Август решил над ним подшутить. На следующий день поэт, как обычно, пришел туда же, но на сей раз принцепс подошел к нему и вручил папирусный свиток с парой собственных стихов. Грек не смутился и громко зачитал их вслух, после чего похвалил их и дал Августу несколько монет, извинившись, что их так мало, и добавил по-гречески: «Клянусь твоим счастьем, Севаст! Если бы я имел больше, больше бы дал». Принцепса это позабавило, и он приказал казначею выдать греку сто тысяч сестерциев.[517]

Эта история, равно как и другие, показывает, что Августа нельзя было назвать недоступным для подданных – напротив, он принимал не только знатных и богатых, но и вообще всех. Это только подтверждает впечатление, что подавляющее большинство римлян было довольно его правлением и не стремилось к поиску

альтернатив. В этой связи публичное признание Агриппы и усыновление его детей внушало надежду на стабильность и безопасность в будущем. Разумеется, это имело значение и для самого Августа, коль скоро он усыновил двух маленьких мальчиков. Дальнейшее будущее римского народа, особенно элиты, также стало предметом особых его забот в это время. Гражданские войны и проскрипции разорили многие сенаторские и всаднические семьи. Некоторые фамилии полностью уничтожены, а в других целое поколение (иногда даже не одно) было вырезано до того, как его представители смогли приступить к государственной службе, или в самом ее начале. Воспитание детей обходилось недешево, особенно если потом они собирались делать карьеру, поэтому было широко распространено представление о том, что все больше людей предпочитают оставаться холостяками или женятся, но детей не заводят.

Август решил действовать, но предварительно обсудил этот вопрос с советом, чтобы подготовить его для представления в сенат. Вопросы морали занимали его постольку, поскольку римская элита должна была выполнять свой долг и обеспечивать государство молодыми людьми для исполнения должностей. Поступать так было правильно, и раньше в обязанности цензоров даже входил надзор за общественными нравами и поведением. Надо сказать, что, когда Август вернулся с Востока, ему предоставили право издавать *lex Augusta* (закон Августа) – постановления, которые становились законами в обход решения сената и народного собрания. Принял он это право или нет, неясно, но даже если и принял, то все равно предпочитал им не пользоваться. Вместо этого его предложение было вынесено на обсуждение в сенат и, когда за него проголосовали, оно получило статус закона и стало называться *lex Iulia de maritandis ordinibus* (закон Юлия о браке).[518] Согласно этому постановлению, отцам трех и более детей гарантировались различные льготы, тогда как неженатые и бездетные, наоборот, подлежали наказанию. Поскольку же принцепс заботился о чистоте сенаторского сословия, сенаторам запрещалось вступать в брак с вольноотпущенницами, а всем остальным, включая всадников, это было разрешено, так как считалось, что среди городского населения женщин меньше, чем мужчин.[519]

Примерно в то же время был принят закон, *lex Iulia de adulteriis* (закон Юлия о супружеских изменах), предписывавший наказывать за прелюбодеяния и внебрачные связи со свободнорожденными женщинами. Говорят, что в этом случае основным источником его беспокойства был сенат, поскольку молодое поколение вело разнузданный образ жизни и не желало

вступать в брак и растить детей. Закон прошел, но Дион Кассий сообщает, что, когда некоторые захотели принятия еще более суровых мер, Август не стал этого делать, поскольку считал свое новое законодательство удовлетворительным. Контролировать подобные вопросы всегда трудно, и существует большая вероятность того, что тот, кто ими занимается, будет выглядеть смешным. В случае с Августом, его репутация любителя чужих жен едва ли пошла бы на пользу делу, и во время обсуждения проблемы в сенате слышались шутки в том смысле, что уж принцепс-то точно знает, о чем говорит. Столкнувшись с насмешками и в то же время принуждаемый ужесточить меры, Август посоветовал сенаторам лучше следить за своими женами: «Вы сами должны увещевать и направлять ваших жен по своему усмотрению. Именно так я поступаю». Даже насчитывая всего шестьсот человек, сенаторское сословие являлось частью маленького мира нобилитета, куда входили также принцепс и его семья. Многие были знакомы с Ливией и знали о ее грозном нраве, поэтому эти слова вызвали немалое удивление. Некоторые попытались надавить на Августа, чтобы он рассказал, какие наставления дает своей жене, но все, что он смог придумать, – это требования к поведению, нарядам и манерам Ливии и Юлии (Dio Cass. LIV. 16. 3–5).

Сенаторы не стеснялись ставить принцепса в неловкое положение и не боялись ответных мер. Возможно, некоторые из них таким образом испортили свою карьеру, но большинство уже достигло всего, к чему стремилось, и их было не остановить. Впрочем, эти насмешки были мягкими, особенно по сравнению с крайне вульгарными оскорблениями, ставшими традиционными для римской политики, и в них никогда не содержалась прямая критика Августа. Подобные шпильки во многом способствовали поддержанию видимости республиканского правления, за которой Август скрывал свою истинную власть и притворялся, будто он лишь самый выдающийся из сенаторов – и не более. Его законы принимались без каких-либо затруднений, а вот проведение их в жизнь представляло отдельную проблему, причем сопротивление новым правилам не имело ничего общего с формальной оппозицией его правлению. Некоторые обручались с детьми, приобретая таким образом все выгоды от брака, и при этом не испытывая неудобств, связанных с настоящим брачным контрактом на долгие годы. Тогда Август изменил законодательство, так что теперь заключать помолвку можно было лишь в том случае, если брак состоится в течение двух лет после нее (Dio Cass. LIV. 16. 7).

Усилия, прилагавшиеся им для того, чтобы заставить законы

работать, создавали множество неудобств, поскольку его временные полномочия надзирателя за общественной моралью обязывали его разбирать и частные дела. Одного мужчину обвиняли в том, что он женился на женщине, с которой ранее состоял в прелюбодейной связи, и этот случай весьма напоминал ухаживание самого Августа за Ливией. Истец выдвинул против подсудимого многочисленные обвинения, в том числе личного плана, и было ясно, что он глубоко на него обижен. В итоге Август отклонил иск, туманно объявив, что они должны забыть свои былые ссоры. В начале 17 г. до н. э. принцепс был зрелым сорокапятилетним мужчиной, в меньшей степени склонным к вспышкам гнева и таким высказываниям, какие он иногда позволял себе в юности. Он знал, как себя вести, если сенаторы иронически его расспрашивали или перебивали, когда он произносил речь, и даже будучи поставленным в неловкое положение, он выходил из него с минимальными потерями благодаря своему чувству юмора.[520]

Его любезность смягчала установленный им жесткий контроль, и стальная рука бывшего триумвира лишь изредка давала о себе знать. Однажды Август обедал с всадником по имени Ведий Поллион, который был известен своим богатством, любовью к роскоши и жестокостью. Кроме того, он был старым другом принцепса – вероятно, одним из тех богатых покровителей, которые поддержали молодого Цезаря, когда в 44 г. до н. э. он начал заниматься политикой. Как и у многих людей поколения Цицерона, у Поллиона были большие пруды с декоративными рыбками, но в одном из них плавали плотоядные мурены, которым он скармливал своих рабов, если они чем-то не угодили ему. И вот, во время еды один из рабов случайно разбил дорогой кубок, и хозяин тотчас приказал бросить провинившегося рыбам. Однако Август отдал иной приказ: он велел принести остальные кубки из этого сервиза и стал разбивать их один за другим прямо на глазах у хозяина, пока тот, наконец, не приказал отпустить раба. Эту историю обычно приводят, чтобы показать отрицательное отношение принцепса к жестокости сенаторов, и сам он, очевидно, считал так же. В уверенности, с которой он бил кубки, зная, что хозяин ничего не сможет с этим поделать, есть что-то пугающее. Позднее, когда Поллион умер и завещал свою роскошную виллу Августу, принцепс приказал ее снести, дабы ничто не напоминало о ее бывшем хозяине. Разумеется, теперь это была его собственность, и он мог делать с ней все, что захочет, однако намеренное уничтожение чьей-либо памяти – даже если для этого были все основания – свидетельствовало об абсолютном господстве Цезаря Августа.[521]

Не было силы, способной ему противостоять, и все это понимали. Критиковать принцепса не запрещалось, однако критика была весьма умеренной, из чего следует, что он внушал согражданам страх и уважение. Ведь раньше римляне никак не сдерживали себя, высказывая свое мнение даже о самых выдающихся людях в государстве, поэтому более жесткая критика теперь содержалась в анонимных памфлетах, которые оставляли в общественных местах, включая курию. Защищаясь в сенате от этих нападок, Август объявил, что их авторы будут найдены и привлечены к ответственности. Впрочем, иногда самые грубые оскорбления были адресованы другим сенаторам, не связанным с ним или его режимом, и тогда это были просто проявления давней вражды. Как и в любую эпоху, лишь немногие интересовались большой политикой и готовы были посвящать ей время. В это время Август вернул из изгнания актера Пилада, который был наказан за то, что слишком сильное соперничество между его поклонниками и почитателями другого актера – Батилла – вылилось в беспорядки. Пилад унизил одного из «крикунов», показав на него пальцем, и толпа начала поносить этого человека. Батилл же был любимцем и по совместительству возлюбленным Мецената, и тот его защищал. Теперь же его соперник вернулся, и оба актера снова стали популярны. А когда Август упрекнул Пилада за прошлые беспорядки, тот клятвенно заверил его, что только в его интересах, чтобы люди посвящали свободное время театру и бурно восторгались знаменитыми, пусть даже скандально знаменитыми актерами.[522]

Столетний цикл

Когда в 17 г. до н. э. Август усыновил новорожденного Луция и его брата Гая, то действовал с расчетом на долгосрочную перспективу. Несмотря на воспевание мира после десятилетий междоусобиц, на разговоры о физическом и духовном обновлении, а также на глубокий интерес к традициям и деяниям предков, режим был в гораздо большей степени ориентирован на будущее, нежели на прошлое. За уже достигнутыми в правление Августа успехами ожидались новые, еще более великие деяния. К этому римлян должно было подготовить установление надлежащих отношений с богами, которые на протяжении веков заботились о развитии города и о том, чтобы граждане вели себя так, как подобает римлянам, однако это не было возвратом к прошлому. Речь шла о том, чтобы двигаться в верном направлении.

Римляне измеряли время несколькими способами. Год состоял из последовательной смены четырех времен и был тесно связан с миром политики, поскольку получал название по именам

консулов, правивших в этот год. Каждые пять лет (lustrum) цензоры проводили перепись городского населения, оценивая имущество и должность каждого. Помимо этого существовал и более длительный промежуток времени – saeculum, или столетний цикл, который считался длиннее самой продолжительной человеческой жизни. В прошлом его отмечали лишь несколько раз, и возникали некоторые сомнения относительно его продолжительности, хотя большинство все-таки было склонно считать, что saeculum наступает каждые сто лет. Последний раз его отмечали в 146 г. до н. э., однако спустя сто лет из-за гражданских смут никому не было дела до празднования столетнего цикла.

Август сам говорил, что появление кометы – свидетельства вознесения Цезаря к богам, – ознаменовало собой и начало новой эпохи. Правда, время было выбрано неудачно, и одному из его сторонников – упоминавшемуся уже юристу Гаю Атию Капитону, стоило немалых трудов «доказать», что столетний цикл на самом деле длился сто десять лет и, если считать от основания города, то отмечать его надо было как раз в 17 г. до н. э. Это убедило не всех – император Клавдий, например, вернулся к традиционной системе, чтобы отпраздновать *saeculum* во время своего правления, но Августа это все не волновало, поскольку его основной целью было устроить грандиозные торжества по случаю такого знаменательного события.[523]

На устройство *ludi saeculari*, или секулярных игр (современная транслитерация может ввести в заблуждение, поскольку по существу это были именно религиозные действия), было затрачено много усилий. Август и Агриппа лично контролировали каждый этап, причем участие Агриппы было даже более заметным, поскольку он обладал трибунской властью. Оба они входили в состав главной жреческой коллегии – *quindecimviri sacris faciundis* (пятнадцать священных мужей), и в их обязанности входил надзор за проведением подобных ритуалов. Остальные члены коллегии – их теперь насчитывалось больше пятнадцати,[524] поскольку Август увеличил число жрецов во всех коллегиях, – были сенаторами. Они знакомились с планом проведения мероприятия и одобряли его, а сенат выносил постановление, что все детали следует высечь на мраморе и в бронзе за счет государственной казны. Все делалось надлежащим образом в соответствии с традицией, но роль, которую определили для себя Август и Агриппа, заметно возвышала их над прочими жрецами и сенаторами: «В консульство Гая Силана по прошествии многих лет в нынешнем году под руководством Императора Цезаря Августа и Марка

Агриппы, наделенных трибунскими полномочиями, будут проводиться Секулярные игры».

Недавний закон, регулирующий брачные отношения, запрещал холостым мужчинам и незамужним женщинам участвовать в общественных празднествах, однако если речь шла о таком важном событии, как столетний цикл, длившийся дольше человеческой жизни, этот запрет снимался.

Началом ludi saeculares послужило ночное жертвоприношение, совершенное Августом 31 мая 17 г. до н. э. на Марсовом поле возле Тибра. В соответствии с установленным Сивиллиными книгами обрядом он принес в жертву Паркам, которые в данном случае назывались своим греческим именем – Мойры, девять овец и девять коз. Затем он стал молиться, прося удачи, военных успехов и безопасности для римского народа, который он еще на всякий случай назвал квиритами, чтобы богам сразу стало ясно, о ком идет речь. Отголоски архаики слышались в просьбе сделать «латинян послушными», хотя латиноязычные соседи Рима еще с IV в. до н. э. находились под его контролем. Однако консервативная римская традиция требовала во всем придерживаться ритуала, даже если он включал в себя повторение таких слов, значения которых уже никто не понимал. Поэтому маловероятно, что ритуал проводился так же, как в древности; скорее это была попытка сделать его похожим на древний. Традиционные просьбы смешивались с современными: так, Август дважды просил благосклонности к «римскому народу квиритов, к коллегии квиндецимвиров, ко мне, к моей семье и к моему дому».

В ту ночь состоялось торжественное пиршество для специально отобранных ста десяти замужних женщин, во время которого вместе с ними за столами находились изображения Юноны и Дианы. Кроме того, было дано театральное представление, которое зрителям, согласно римскому обычаю, пришлось смотреть стоя (греки в таких случаях предпочитали сидеть). На следующий день, 1 июня, Август и Агриппа взошли на Капитолий, и там каждый из них принес в жертву Юпитеру Наилучшему Величайшему священного быка, а 2 июня, тоже на Капитолии, они таким же образом почтили Юнону, принеся ей в жертву корову. Другие члены жреческой коллегии присутствовали при этом, но совершать жертвоприношения могли только принцепс и его ближайший сподвижник. Помимо обращения к конкретному богу или богине они каждый раз повторяли и первую молитву, прося, чтобы латины оставались в подчинении, а римским гражданам-квиритам, принцепсу, его семье и дому было даровано счастье. В ночь на 1 июня были

предложены различные пироги греческой богине деторождения Илифии, а в ночь на 2 июня Август заклал на берегу Тибра супоросую свинью, посвятив ее Матери-Земле. На следующий день на Палатине они с Агриппой принесли в жертву Аполлону и Диане священные пироги.

Жертвоприношения животных нам чужды, и поэтому ученые, занимающиеся данным периодом, принимают все эти обряды как данность, забывая о том, сколько усилий затрачивается на подготовку к ним. Надо было найти подходящих животных, позаботиться о том, чтобы они были здоровы и спокойно, не нервничая, подходили к алтарю. Собственно закланием занимались, как правило, хорошо подготовленные специалисты, поскольку его надо было провести аккуратно и быстро. Август и Агриппа стояли рядом, покрыв головы тогами, и читали молитвы. Принцепс, а иногда и его сподвижник часто изображались в таком виде, с покрытыми головами, из чего следует, что Август хотел подчеркнуть таким образом свое благочестие и жреческий статус. Любая ошибка, будь то в самом ритуале или в приготовлениях к нему, в заклании жертвы или в произнесении слов молитвы, сводила на нет все действо, и тогда его надо было начинать заново.

Жертвоприношения сопровождались священными пиршествами, которые устраивали пресловутые сто десять матрон, причем иногда они еще участвовали в публичных молебствиях. Также в течение семи дней проходили театральные представления на греческом и латыни; одни проводились на временной деревянной сцене, другие – в театре Помпея, а третьи – в еще недостроенном театре Марцелла. Около двух недель было отведено на травлю зверей, гонки на колесницах и другие зрелища, благодаря которым величие Рима в настоящем и будущем неразрывно связывалось в римском сознании с Августом и его соратником Агриппой.

3 июня сначала на Палатине, а затем на Капитолии хор из 27 мальчиков и 27 девочек исполнил гимн, специально сочиненный к этому празднику. Сочинил его Гораций, хотя есть основания полагать, что это задание хотели поручить Вергилию, но он к тому времени уже умер. Этот *Carmen Saeculare*(юбилейный гимн) – сохранился до наших дней; в нем поэт призывает богов благословить и защитить римлян, а также говорит о воспетом в «Энеиде» троянском прошлом. Также в гимне отражены многие проблемы, заботившие Августа в это время – например, брачное законодательство для «отцов» (так называли в Риме сенаторов, поскольку обычно они были отцами семейств) или воспитание потомства. Сам принцепс был представлен как «Славный

праправнук Анхиза и светлой Киприды», который «Миром да правит на гибель врагам, но прощая / Падшим обиды». Это подчеркивание принадлежности Августа к роду Юлиев впоследствии было отражено и в серии монет с изображением Цезаря, выпущенных в этот год.[525]

Игры были задуманы как символ наступившего благополучия и еще более прекрасного будущего. Римлянам суждено расти числом и силой в грядущих поколениях, и Цезарь Август был в сердце каждого. Теперь он мог похвастаться наличием сыновей, ибо, как показывала его собственная карьера, узы усыновления были весьма сильны, и воспитание приемных детей обходилось так же дорого, как и родных. Таким образом Август старался соответствовать собственным идеалам, к чему поощрял и других представителей римской элиты. То же самое можно сказать и о ранних браках его приемных детей и других родственников.

Однако его друзья не могли в этом смысле служить примером для подражания. Меценат был женат, но детей не имел и вообще предпочитал мужчин. Вергилий оставался холостяком, и поговаривали, что он интересуется мальчиками. Гораций увлекался дамами, но общался только с профессиональными куртизанками. Говорят, что в спальне у него повсюду висели зеркала, чтобы он мог смотреться в них, когда уединялся с дамами, и если это правда, то это было дорогое удовольствие, поскольку зеркала тогда стоили недешево. Но Август, похоже, не возражал и игриво называл поэта в письмах «чистоплотнейшим распутником» и «милейшим человечком». Никто из этих людей не стремился всерьез к карьере государственного деятеля – Меценат обладал достаточным влиянием и закулисной властью, но никогда не занимал должностей.[526]

Августа больше занимала внешняя сторона дела и практические вопросы, а не поведение само по себе, что было вполне в римском духе. Ему нужно было, чтобы аристократия производила потомство и прилично вела себя на публике, выражая почтение к богам и традициям. Многие игнорировали его брачное законодательство, но в целом большинство более или менее охотно ему подчинялось. Если они это делали и вели себя подобающим образом, то их никто не трогал.

XVII Семья и коллеги

Его долгое присутствие в городе многих уже стало тяготить.

Дион Кассий, III в. н. э. *[527]* ***Пер. А. В. Махлаюка***

Альпы я велел усмирить начиная с того района, который ближе всего подходит к Адриатическому морю и вплоть до Тускского моря. При этом ни на один народ я не пошел войной

противозаконно.

Деяния божественного Августа *[528]* ***Пер. А. Л. Смышляева***

В конце 17 или начале 16 г. до н. э. три германских племени – узипеты, тенктеры и сугамбры неожиданно напали на находившихся в их землях римлян (предположительно купцов) и распяли их. Неизвестно, чем была вызвана эта вспышка враждебности, но вскоре отряд германских воинов переправился через Рейн и совершил набег на римскую Галлию. Легат Марк Лоллий начал собирать войско, чтобы оказать им сопротивление – так в подобных случаях поступали и Цезарь, и Агриппа, и другие. Однако похоже, что Лоллию недоставало их военного мастерства, поскольку на этот раз дела пошли плохо. Вспомогательный конный отряд, занимавшийся патрулированием дорог в авангарде, попал в засаду и был разбит. Ликующие германцы стали преследовать отступающих всадников, и вся эта масса, обратившись вспять, смяла основные силы, которые пришли в замешательство из-за внезапного нападения. Орел Пятого легиона «Жаворонков» был сломан и потерян. Некоторое время, пока не удалось восстановить порядок и отбить нападение, большая часть римской армии попросту бежала.

Лоллий и его войско пережили поражение, и потери, по-видимому, оказались не слишком большими. Светоний даже пишет, что оно «принесло больше позора, чем урона», но тем не менее оценивает его как одно из двух самых серьезных поражений армии Августа после гражданских войн. Лоллий был его легатом, а солдаты – его солдатами, и их поражение относилось к нему в той же мере, в какой их победы являлись частью его успеха. Император Цезарь Август возглавлял государство потому, что его победы обеспечивали мир и процветание. Любой провал мог стать катастрофой, и после обставленного с большой помпой возвращения штандартов из Парфии и Иллирии потеря очередного орла была настоящим позором. Август объявил, что лично отправится в Галлию, и покинул Рим в конце весны. Но кампания закончилась еще до его прибытия. Лоллий собрал большое и хорошо подготовленное войско и в отместку за устроенный германцами набег вторгся на их территорию. Узнав об этом, германцы отправили к нему послов с просьбой о мире на любых приемлемых для римлян условиях. Что случилось с орлом, неизвестно, но фанфар при его возвращении не звучало, поэтому не исключено, что потеря была лишь временной, и драгоценный значок удалось отбить во время первой же стычки.[529]

Август продолжал путь в Галлию, и вполне возможно, что

путешествие в западные провинции было запланировано еще до того, как стало известно о поражении Лоллия. Агриппа же отбыл на Восток и так же, как и его тесть, отсутствовал в Италии около трех лет, действуя по отработанной схеме, согласно которой краткое пребывание в Риме чередовалось с длительными посещениями провинций. Дион Кассий утверждает, что Август был только рад покинуть город и воспользовался известиями из Галлии как предлогом для того, чтобы поскорее уехать. Недавно введенное брачное законодательство все еще раздражало некоторых сенаторов и всадников. Принцепс готов был сделать исключение для своих друзей и сторонников, и, хотя это было вполне понятно и очень по-римски, подобная снисходительность вызывала глубокое возмущение, поскольку со всеми остальными он обходился сурово. Никакого организованного сопротивления не было, однако неформальный стиль Августа, его доступность и заверения в том, что он стремится к свободным и открытым дебатам в сенате, предоставляли немало возможностей поставить его в неловкое положение. Чем дольше он оставался в Риме, тем проще было заинтересованным лицам испытывать его терпение, а он мало что мог сделать, если, конечно, хотел сохранить видимость республиканского правления (Dio Cass. LIV. 19. 1–2).

Вероятно, Ливия сопровождала Августа в Галлию, хотя Дион Кассий и передает нелепую сплетню, будто принцепс специально уехал из Италии, чтобы продолжить свой роман с женой Мецената Теренцией вдали от посторонних глаз. Сын Ливии Тиберий вскоре присоединился к ним, так что оба пасынка Августа могли в течение нескольких последующих лет наслаждаться тем, что играли заметную роль в государственных делах. Одной из причин, по которой Тиберий задержался в Риме, стало то, что они с Друзом совместно председательствовали на гладиаторских играх, проводившихся в честь открытия перестроенного храма Квирина – очередного древнего божества, которое теперь отождествлялось с обожествленным Ромулом. Тот факт, что игры организовывали оба брата, не является совпадением, поскольку на фризе нового храма были изображены Ромул и Рем, но не ссорящиеся, а гадающие по полету птиц, как авгуры. Такая братская гармония – будь то между братьями по крови или просто между всеми римлянами – являла собой настоящее и будущее, провозглашенное режимом Августа.[530]

Тиберий был избран претором на 16 г. до н. э. и, наконец, смог занять эту должность через несколько лет после пребывания в сенатских списках в качестве претория. Ему было двадцать пять лет, и, согласно постановлению сената, он имел право претендовать на любую магистратуру на пять лет раньше

положенного срока. В то же время Август понизил минимальный возраст для занятия всех важных должностей, хотя остается неясным, когда и каким образом он это сделал – в рамках одной коренной реформы или в результате ряда частных изменений. Похоже, что процесс завершился к концу 20-х гг. до н. э., из чего следует, что должности можно было занимать в более молодом возрасте, чем раньше, так что претору могло быть всего 30 лет, а консулу – 33. Это изменение помогало пополнить ряды консулов и других магистратов за счет людей известных фамилий, когда выросло новое поколение семей, поредевших в результате гражданских войн и проскрипций.[531]

1 января 16 г. до н. э. консулами стали Луций Домиций Агенобарб и Публий Корнелий Сципион. Оба они имели безукоризненное происхождение – как, впрочем, и Тиберий с Друзом. Агенобарб был внучатым племянником Августа, поскольку являлся сыном Антонии-старшей, дочери Октавии и Марка Антония. Сципион же приходился принцепсу не таким близким родственником, хотя являлся сводным братом Юлии, будучи сыном бывшей жены Августа – Скрибонии – от другого брака. Столь тесные взаимосвязи были характерной чертой римской общественной жизни, однако они не гарантировали политического сотрудничества. Как оказалось, Сципион отслужил не весь год, и один из старших офицеров Августа заменил его на посту консула-суффекта. Почему это произошло, неизвестно, однако молчание источников на сей счет может свидетельствовать о том, что никакой зловещей причины для подобной замены не было.[532]

Перед тем, как покинуть город, Август в очередной раз восстановил должность городского префекта, и на этот раз доверил ее своему опытному подчиненному Статилию Тавру. Его предыдущая попытка возродить эту должность потерпела неудачу, поскольку Мессала буквально через несколько дней ушел в отставку, но, вероятно, спустя десять лет полномочия, связанные с этой должностью, и ее роль были сформулированы более четко. В какой-то момент были сформированы три городские когорты; их отдали под командование префекта, чтобы они служили в качестве полиции. Вполне возможно, что Тиберий получил почетную должность городского претора, но, если это так, то он исполнял свои обязанности лишь в течение нескольких месяцев, а затем отправился с Августом в Галлию. Пока он отсутствовал, его замещал Друз, хотя этот последний еще не занимал никаких официальных должностей. Такие люди, как Статилий Тавр, были старыми союзниками, но приоритет все больше отдавался членам семьи принцепса. Его зять и коллега по

трибунату Агриппа находился на Востоке; Тиберий вместе с Августом – в Галлии, где вскоре должен был заменить Лоллия на посту легата, а Друза в 15 г. до н. э. вызвали из Рима для активного участия в делах провинций. Братья (а в долгосрочной перспективе также и сыновья Агриппы, и приемные дети Августа) являлись гарантами стабильности в будущем. Можно было больше не опасаться, что смерть принцепса повлечет за собой крах режима и новые гражданские войны.[533]

Колонии, города и дороги

Это было уже четвертое посещение Августом Галлии, что само по себе наглядно подтверждает значимость этой области. Благодаря завоеванию *Gallia Comata*, или «Косматой Галлии», Юлий Цезарь получил деньги, авторитет и преданную армию, что позволило ему сравняться с Помпеем. В последующие годы этот край играл стратегически важную роль во время гражданских войн, хотя собственно боевых действий там велось мало. Недавно завоеванные галльские провинции нередко становились объектом набегов племен, проживавших по другую сторону Рейна, и потому, как правило, нуждались в больших гарнизонах, а такие легионы неизбежно находились ближе к Италии, чем любая другая часть римской армии. Галлия славилась своими наемниками, особенно всадниками. Контроль над армией в Галлии в 43 г. до н. э. сделал Лепида силой, с которой следовало считаться, тогда как Август, обеспечив себя там в 40 г. до н. э. легионами, значительным образом подорвал позиции Антония.

Теперь же Цизальпинская Галлия являлась частью Италии, и держать там гарнизоны больше не было необходимости. Основной базой Юлия Цезаря была Трансальпийская Галлия (современный Прованс), а в 29 г. до н. э. ее включили в число провинций, доставшихся Августу. В этом году он пообещал передать эти области под контроль сената, как только наведет там порядок, и Трансальпийская Галлия была представлена в качестве первого доказательства его искренности. В какой-то момент – скорее всего, в 22 г. до н. э., но особой уверенности здесь нет, – он вернул провинцию под власть сената, и с тех пор ею управляли проконсулы. Провинция была переименована в Нарбонскую Галлию по названию ее главного города Нарбон (нынешняя Нарбонна), и гарнизоны там уже не стояли, но зато в течение нескольких десятилетий были основаны колонии, в которых поселились вышедшие в отставку ветераны. Эти люди были благодарны Августу, и их преданность ему исключала возможность бунта в поддержку его противников. В долгосрочной перспективе оказалось, что эта область представляет собой

благодатную почву для набора войск, поскольку потомки колонистов продолжали следовать укоренившимся в их семьях традициям военной службы.[534]

Нарбонская Галлия уже была в достаточной степени романизирована – поколением раньше Юлий Цезарь счел представителей местной знати полезными союзниками. Они бегло говорили на латыни и были знакомы с римской, а также немного с греческой культурой, и охотно общались с его офицерами и штабом. У некоторых уже было римское гражданство, и многие в последующие годы получали его в награду. Самым распространенным именем среди граждан галльского происхождения, особенно в Нарбонской Галлии, было имя Юлий, что свидетельствует о щедрости Юлия Цезаря, а затем и Августа. Самые привилегированные из представителей местной знати становились всадниками или даже сенаторами. Их поселения зачастую напоминали нечто близкое к римской модели настоящего города, и выведение колоний, где селились ветераны, лишь ускоряло этот процесс. Планировка многих городов предполагала наличие упорядоченной сети улиц, а в центре должен был находиться Форум с базиликой для общественных дел, пространство для торговли и еще обычно храм, посвященный соответствующему римскому божеству. Также большинство городов вскоре обзавелись собственными театрами или амфитеатрами, которыми они были обязаны принцепсу или щедрости местных элит. Менее века спустя Плиний Старший описывал Нарбонскую Галлию уже практически как часть Италии.[535]

Не такова была остальная Галлия, ибо здесь римское влияние было гораздо менее заметным. Со временем *Gallia Comata* оказалась разделена на три провинции: Аквитанию на юго-востоке, Лугдунию на севере и в Центральной Галлии, и Бельгику на северо-востоке. Они примерно соответствовали tres partes, или трем частям, на которые подразделялась Галлия согласно «Запискам…» Юлия Цезаря. Упоминания о «трех Галлиях» существовали уже при Августе, и вышеназванные провинции, возможно, уже оформились, хотя, похоже, что всей этой областью управлял один легат. Как показала недавняя стычка Лоллия с германцами, эта провинция определенно требовала военного присутствия. Время от времени возникали сложности вблизи Альп и в Аквитании, где проживало неподконтрольное Риму население. В общем, Август не без оснований считал эти три Галлии проблемными районами, требующими его внимания.[536]

Тем не менее ощутимых признаков сколь-либо серьезного

сопротивления со стороны племен, живших в самой Галлии, не наблюдалось, хотя их завоевание и оставалось в памяти современников. Единственным исключением была Аквитания, но поскольку Северная Испания была полностью подчинена римлянам, по ту сторону Пиренеев больше не осталось независимых народов, которые могли бы напасть или, наоборот, помочь живущим в этой области галльским племенам. В последующие годы ни о каких серьезных сражениях слышно не было. Однако на данный момент районы, ближе всего расположенные к Альпам и имеющие протяженную границу с территориями германцев, часто подвергались нападениям извне. Если римляне не могли решить эту проблему и защитить их, некоторые представители галльской знати начинали задумываться о том, насколько им выгоден союз с Римом, и либо сами, либо их противники могли обратиться за поддержкой к германским вождям. Таким образом ситуация выглядела при Юлии Цезаре, но он видел в ней не проблему, а скорее удобный повод для вмешательства.[537]

Августу же требовалось более надежное решение вопроса. Иметь дело с альпийскими районами было проще, поскольку они уже были практически окружены римскими провинциями, хотя задача все равно оставалась нелегкой. Народы, населявшие горные долины, были слабо организованы и состояли из множества различных общин, вожди которых обладали властью лишь на небольших территориях. Суровые условия жизни сделали из них жестоких и свирепых воинов, склонных совершать набеги на обжитые долины, лежавшие внизу, и вымогать дань за проезд у торговцев, а иногда даже у римских войск, которые были заинтересованы в безопасном проходе через перевалы. В последнее время стали поступать донесения о чудовищной жестокости, совершенной по отношению к римлянам, из чего следует, что, по крайней мере, некоторые из коренных обитателей этих мест стали их ненавидеть. Ходили слухи, что в ходе набегов они убивали мужчин, попавших в плен, а также беременных женщин, если их прорицатели говорили, что родится мальчик.[538]

За последние годы Август приказал провести несколько альпийских кампаний, а теперь он решил завершить завоевание этой области и поручил это дело своим пасынкам. Друз начал операцию весной 15 г. до н. э. и двинулся с несколькими колоннами из Италии в долину Инна. Тиберий наступал со стороны своих опорных пунктов в Галлии, и в итоге война вылилась в многочисленные мелкие стычки и осады укрепленных деревень. Благодаря счастливой случайности, 1 августа – в день

15-й годовщины победы Августа над Египтом – объединенные силы братьев одержали победу в широкомасштабном сражении. К концу года Рим контролировал уже практически все Альпы, а в немногих оставшихся областях была проведена зачистка. С тех пор никто уже не осмеливался бросить вызов римской власти на этих территориях. Чтобы отметить этот успех – и противопоставить что-нибудь трофею, установленному Помпеем в Пиренеях, – в Приморских Альпах, в современном Ля-Тюрби, была воздвигнута впечатляющая стела, на которой были перечислены 45 народов, побежденных в ходе этой кампании. Названия многих из этих народов больше нигде не встречаются, что отражает пестрый состав населения региона, причем похоже, что были и другие народы, которые предпочли не оказывать сопротивления и смирились с римским владычеством. Так, в Норике, по всей видимости, велось мало боевых действий, однако, по крайней мере, некоторые из ретов и винделиков яростно сопротивлялись, хотя и не могли ничего противопоставить значительным ресурсам, которые имелись в распоряжении римлян. Гораций посвятил два стихотворения прославлению побед Тиберия и Друза. Август гордился тем, что его борьба с этими народами была справедливым делом, но в действительности римлянам просто всегда нравилось так считать.[539]

Контроль над путями через Альпы значительно улучшил коммуникации между Италией и Иллирией на юге и Галлией на севере и тем самым укрепил единство римской империи. Может показаться удивительным, что у римлян ушло на это столько времени, но для того, чтобы выделять огромные ресурсы на серию невыгодных с точки зрения захвата добычи или рабов кампаний, требовались уверенность и решительность Августа. Раньше проще и дешевле было откупаться от альпийских племен. Теперь же, завоевав гористый север Испании, Август решил взяться за сложные, но полезные задачи и отметить свои достижения.[540]

Более десяти лет назад Агриппа начал обширную работу над прокладкой дорог в Галлии, чтобы обеспечить хорошую связь между населенными пунктами и, в частности, организовать доступ к Рейну на севере и востоке, а также – к Дальней Испании на западе. Две главные дороги пересекались в Лугдуне (современный Лион), так что вся сеть городских улиц была ориентирована на эти две магистрали. Так же, как и остальные римские дороги, изначально они строились для военных целей, чтобы армия и обозы могли проходить в любое время года. Легионам требовалось большое количество зерна, мяса и т. п., и даже монеты, которые выплачивали воинам, были слишком

тяжелыми и создавали лишний объем при транспортировке. Когда предоставлялась возможность, эти вещи перевозили по воде, поскольку так было проще и дешевле, и таким образом новая система дорог дополнялась часто используемыми водными путями – такими, как реки Рона и Гаронна. Многое из того, что потребляла армия, обеспечивалось за счет изъятия зерна и животных на территории самой провинции, однако чтобы доставить все это к месту назначения, требовались немалые усилия и осторожность. В ближайшие несколько лет все больше легионов были стянуты к границе Рейна, что значительно увеличило потребность в материальном обеспечении. Наряду с обозами, везущими предметы первой необходимости, шел постоянно растущий поток различных предметов роскоши, по мере продвижения которого создавались рынки, поскольку как солдаты, так и гражданские почувствовали вкус к таким вещам, как хорошее вино или красивая посуда.[541]

Ничто из этого не было внове. Благодаря Юлию Цезарю у римских торговцев появилась возможность жить и вести дела в городах и *oppida*[542] по всей Галлии, и археологические свидетельства подтверждают интерес местных жителей к средиземноморским товарам. Масштабы импорта италийского вина в Галлию в I в. до н. э. поистине поражают: по оценкам одного исследователя, вверх по Роне перевозили около 40 миллионов амфор. Дороги также не являлись новшеством, поскольку сами галлы прокладывали пути вдоль ряда маршрутов и строили насыпные дороги через болотистые местности. Во многих галльских городах были свои мастера, причем иногда их даже было много, и они обладали различными навыками, позволяющими производить товары для продажи на обширных территориях. Многие племена, особенно в Центральной Галлии, обнаруживали признаки искушенности в политической и экономической жизни.[543]

Но даже при этом римская оккупация привела к кардинальным переменам (помимо эмоциональной травмы, связанной с завоеванием как таковым). Существующие пути и дороги, функционировавшие большую часть года, все же уступали новой системе дорог с твердым покрытием, годившихся для любых погодных условий, и оставались далеко позади в масштабах всей транспортной сети. До прибытия Цезаря поток товаров был весьма значительным, но основное внимание уделялось предметам роскоши для элиты. Выигрывала от этого только местная знать, и контроль над торговлей позволял ее представителям укрепить свою власть. Среди эдуев, чьи земли располагались вдоль Роны, несколько вождей приобрели

огромное богатство и влияние в своих племенах за счет налогов на торговлю вином. При римлянах эти монополии были уничтожены, и отныне местная знать могла достичь власти на своих территориях, лишь став частью римской системы государственного управления. Большой ассортимент товаров, которые шли из Италии на север – и своевременно прибывали из других провинций, – предназначался для более широкого круга потребителей. Местные жители также приспособились к новым вкусам. При Августе в Галлии начали выращивать виноград и заниматься виноделием, а производители керамики отвечали на требования растущего рынка открытием новых мастерских в самой Галлии. Использование монетной системы на основе римских стандартов, уже существовавшее на юге, распространилось и на другие области, особенно там, где стояли войска, и легионеры тратили свое жалованье. В Лугдуне был основан официальный римский монетный двор, производивший золотые и серебряные монеты, которыми выплачивали жалованье солдатам и использовали для финансирования различных правительственных проектов, так что эти деньги быстро получили широкое распространение. Вскоре экономика стала все больше и больше монетизированной, и в то же время распространялись изображения и символика Цезаря Августа.

Римское влияние быстро получило широкое распространение, но этот процесс все же не был ни мгновенным, ни настолько всеохватывающим, чтобы в этой области не сохранились свои характерные черты и некоторые региональные различия. Три Галлии были намного менее романизированными, чем Нарбонская. В период расцвета колонизации за пределы последней были выведены лишь 3 ветеранские колонии – в Лугдуне, Новиодуне (современный Ньон) и в Раурике (современный Аугст в Швейцарии), и, хотя города к тому времени уже во многом стали важным элементом галльского общества, они функционировали не так, как ожидали римляне. Для них город был политической единицей, из которой осуществлялось управление прилегающими землями, причем ни один город не зависел от своих соседей. В Галлии же родоплеменные объединения – или *civitas* – играли более важную роль, и большинство из них включало в себя по несколько городов, каждый из которых был частью более широкой общности, в то время как многие представители знати могли жить на своих подворьях, а не в *oppida*.[544]

Август, по-видимому, следовал римскому обычаю не контролировать до мелочей действия этой структуры, обращаться с каждой *civitas* так, как если бы она была городом-государством,

и назначать один из ее городов столицей – в этом случае он становился подлинным центром всей *civitas*, даже если существовали другие поселения такого же размера. В некоторых из этих центров развитие поощрялось государством, но, тем не менее, нередко наблюдалась тенденция к смешению стилей. Многим недоставало четкой римской планировки, хотя почти все быстро обзавелись Форумами. С течением времени большинство центров сместилось с холмов, на которых предпочитали селиться в доримские времена, в низины с беспрепятственным доступом к сети дорог. Постепенно принимались римские институты местного самоуправления, даже если при этом происходило смешение с местными традициями. Галльские названия – такие, например, как вергобрет, обозначавшее высшего магистрата civitas, – все еще оставались в употреблении, а если перенимались римские названия должностей, как, например, претор, то он был только один, а коллегиальность отсутствовала.[545]

В трех Галлиях римских граждан было меньше, чем в Нарбонской, хотя их число постоянно росло. Местную знать поощряли давать своим детям римское образование, так что со временем в Галлии начала процветать риторика. В то же время существовали возможности для оказания помощи римской администрации – можно было служить от ее имени в качестве местных магистратов и, прежде всего, завербоваться в качестве офицеров римской армии. Около трети вспомогательных подразделений, возникших при Августе, происходило из Галлии. О могуществе знати более не судили по числу подначальных им воинов, как это было при Юлии Цезаре, но зато для их потомков существовала возможность прославиться, сражаясь за Рим. В I в. до н. э. многих по-прежнему хоронили вместе с мечом или каким-либо другим оружием, как это делалось на протяжении многих поколений. Некоторые привычки изменялись лишь постепенно. Друидический культ бегло упоминается в источниках и до сих пор мало изучен, хотя в доримской Галлии он выходил за пределы одной страны, а его служители ведали судопроизводством, и нельзя сказать, что он исчез мгновенно. Человеческие жертвоприношения, а также способствовавшие им набеги на соседние территории, охота за головами и войны между племенами были запрещены. Однако хотя Август и запретил римским гражданам участвовать в друидических обрядах, саму эту религию он не объявил вне закона. Другие галльские культы получили римские названия и все чаще стали отправляться в каменных храмах, даже если те находились не в городах, а в неких священных местах.[546]

Сохранение традиций не обязательно означало жесткий и преднамеренный отказ от римских обычаев, и в целом создается впечатление того, что стремление стать римлянами было весьма широко распространено – по крайней мере, среди состоятельной части населения. На самом деле, римляне не особенно стремились навязывать свою культуру, за исключением тех случаев, когда это нужно было в административных целях. Поэтому вместо традиционного лунного календаря, который использовали друиды, в Галлии был введен римский календарь, в соответствии с которым год делился на временные отрезки, и стало ясно, когда устраивать праздники, а когда – сбор налогов. Как и любая новая система, календарь сначала вызвал непонимание, и один из финансовых чиновников Августа решил воспользоваться незнанием неизвестной системы. Его звали Юлий Лицин, и он сам был галлом, но в свое время его захватили в плен и обратили в рабство – возможно, во время галльских походов Юлия Цезаря. Вскоре он стал одним из доверенных лиц последнего и служил ему так хорошо, что получил в награду свободу. Впоследствии Лицин сохранял верность Августу, и за это был назначен прокуратором. Не совсем понятно, что это была за должность, однако все чаще она ассоциировалась с принадлежностью к всадническому сословию. Прокураторов нанимали в качестве помощников императорских легатов – примерно так же, как квесторы помогали проконсулам – и поручали им сбор налогов, причитающихся государству.

Лицин выказывал мало сочувствия своим соплеменникам-галлам. Возможно, он уже был богат, когда приехал в провинцию, однако, несмотря на это, стремился стать еще богаче и потому использовал любую возможность, чтобы собрать больше денег, чем полагалось, а разницу положить себе в карман. В старом римском календаре, который насчитывал десять месяцев, последним был декабрь. Когда Юлий Цезарь проводил реформу календаря, первым месяцем он оставил январь, а последним – декабрь, поскольку и в том, и в другом были важные с точки зрения политики и религии даты. Лицин же сказал галлам, что, поскольку на латыни «декабрь» означает «десятый», а всего их двенадцать, то до конца года остается еще два месяца. На этом основании он два лишних месяца вымогал у них налоги.

Независимо от того, поверили они ему или нет, у галлов просто не было выбора: если бы они не стали платить, им пришлось бы столкнуться с гневом и – в конечном счете – с принуждением со стороны императорской власти. Тем не менее многие начали что-то подозревать и, когда в 16 г. до н. э. Август приехал в провинцию, они ему пожаловались. Поначалу принцепс

отклонял подобные иски – отчасти потому, что не хотел признавать, что назначил столь продажного представителя, и принимал только умеренную критику своего прокуратора. Однако масса доказательств и ярко выраженная враждебность многих влиятельных знатных лиц так очевидно свидетельствовали против Лицина, что тот придумал еще более хитроумный план, как избежать наказания. Он пригласил Августа к себе домой и подарил ему все деньги, которые насобирал для себя, объявив при этом, что делал это специально, чтобы галльская аристократия не разбогатела настолько, чтобы поднять мятеж против Рима. Это – один из редко встречающихся намеков на то, что римляне были весьма обеспокоены возможностью восстания в Галлии и старались не доводить местных до крайности. Впрочем, похоже, что Лицин так и не был наказан, а значит, его оправданию, судя по всему, поверили.

Часто Август не знал, что делают в провинциях его уполномоченные, пока сам туда не приезжал; это и было одной из причин его многочисленных поездок. Заниматься самообогащением не возбранялось, однако цель все же заключалась в том, чтобы ограничивать произвол провинциальной администрации, поскольку он часто приводил к восстаниям, одно из которых Лицин якобы предотвратил. Путешествия с целью получения аудиенции у принцепса занимали довольно много времени и были весьма затратными, так как могли включать поездку в Рим или туда, где он в данный момент находился. Путешествия же Августа по провинциям давали возможность поговорить с ним гораздо большему числу как индивидуальных просителей, так и общин. Когда Август был в Галлии, Агриппа находился в Сирии и других восточных провинциях, действуя таким же образом. Это не только позволяло разбирать конкретные ходатайства, но и помогало дать более ясное представление о позиции и идеологии римского правительства. Подобная практика затрудняла будущим наместникам – проконсулам или легатам – использование принципиально иных подходов в работе с общинами.

Из Галлии Август отправился в Испанию, совершив свой третий переход через Пиренеи. С тех пор, как в 19 г. до н. э. Агриппа подавил последнее серьезное восстание, Иберийский полуостров был замирен, и этот мир лишь изредка прерывали мелкие вспышки волнений. Из трех недавно организованных провинций Бетика, состоявшая из самых освоенных и процветающих территорий на юге, где римская культура удачно сочеталась с давними традициями урбанизма, была передана под контроль сената. Это произошло примерно тогда же, когда

Нарбонскую Галлию передали под управление проконсула, и оба этих жеста являются доказательством того, что Август готов был отказаться от власти на местах после того, как исполнил свой долг и навел там порядок. Две другие провинции остались под его властью и управлялись легатами. На западе располагалась Лузитания, чья площадь была чуть больше, чем у современной Португалии; проблемы в этой области в основном удалось урегулировать, и все большие гарнизоны оттуда вывели. Три легиона стояли в Ближней Испании, территория которой простиралась от современной Галисии через Центральную Испанию до Средиземного моря и включала в себя народы, покоренные в последние годы. Остальные легионы, сражавшиеся в этих войнах, уже покидали Испанию, и их размещали в других местах – чаще всего в Галлии или Иллирии.[547]

Некоторые легионеры оставались. Во время или после войн в Кантабрии Август основал две большие колонии для ветеранов, и обе они – Цезаравгуста (нынешняя Сарагоса), расположенная на реке Эбро в Ближней Испании, и Августа Эмерита (современная Мерида), расположенная на реке Гвадиана в Лузитании, – были названы в его честь. Так же, как и в Галлии, растущая сеть новых дорог и речных путей обеспечивала связь колоний с крупными городами. С одной стороны, колонии позволяли наградить ветеранов за верность, а с другой – исполняли роль бастионов римского владычества и могли быть использованы в военных целях, если возникнут серьезные проблемы, что, впрочем, было маловероятно. Августа Эмерита строилась главным образом с расчетом на то, чтобы производить впечатление; ее окружали стены, возведенные скорее для красоты, чем для защиты, а добраться до нее можно было по длинному многоарочному мосту, перекинутому через Гвадиану.

Колонии являлись образцами римской жизни и были четко спланированы и организованы, обязательно с большим Форумом в центре (в Августе Эмерите их, возможно, даже было два). Агриппа построил для города великолепный каменный театр, украшенный статуями его самого и Августа, а также надписями, где были указаны годы их трибунской власти. Принцепс подарил ветеранам не менее роскошный амфитеатр, чтобы они могли наслаждаться самым римским из развлечений. Последующие поколения тоже старались украшать город, и при них появилось немало новых монументов, которые зачастую повторяли великие строения Августа в самом Риме. Что же касается других колоний, то либо появлялись новые, либо обеспечивался приток отставных ветеранов в уже имеющиеся в Испании и Галлии, а энтузиазм местного населения в большинстве испанских провинций во

многом способствовал развитию урбанизации.

Большая часть крупных городов обзавелась Форумами, и, хотя они не были абсолютно такими же, как в Риме, сходство все равно поражает. Размеры могли отличаться, но все они без исключения были спроектированы в соответствии с основными принципами римской архитектуры: основная единица измерения определяла все величины, начиная от ширины и расстояния между колоннами до размера построек и дворов. Сама эта единица могла меняться, но основная концепция – нет, что обеспечивало геометрическую безупречность, каковая была идеалом римского планирования. Когда появились новые рынки, то так же, как и в Галлии, здесь начались глубокие экономические перемены и местные жители или римские землевладельцы стали производить оливковое масло, рыбный соус и вино для потребителей из других провинций и самой Италии.[548]

Старые соратники и старые соперники

Армия имела жизненно важное значение для августовского режима, и, хотя со времен битвы при Акции прошло всего два десятилетия, не стоит забывать о том, что это был самый долгий период без гражданских войн за все время с 88 г. до н. э. или 91 г. до н. э., если считать Союзническую войну. Пока легионеры находились на службе, их надо было постоянно контролировать и следить, чтобы они оставались верными, а когда они уходили в отставку, следовало обеспечить их землей так, чтобы они могли сами себя содержать и при этом не доставляли слишком больших неудобств местным жителям. Примерно в это время – Дион Кассий датирует реформу 13 г. до н. э. – Август установил новые правила для армии, утвердив сроки службы: для легионеров – 16 лет, а для более привилегированных 9 когорт преторианской гвардии – всего 12. Количество легионов не менялось и не было подвержено внезапным скачкам роста, как это случалось во время гражданских войн, так что теперь было легко предсказать количество демобилизованных ветеранов в конце каждого года.[549]

В то же время вспомогательные соединения, по-видимому, приобрели более постоянный характер. Некоторые из них все еще носили имена своих командиров, как например, ала Сцевы – вспомогательное кавалерийское подразделение, которым, вероятно, командовал один из знаменитых центурионов Юлия Цезаря, – но в большинстве своем они теперь были пронумерованы и назывались в честь того региона, откуда производился набор. Галльские, фракийские, испанские подразделения были обычным явлением. Этими соединениями командовали профессиональные офицеры в должности

префектов, чаще всего из всаднического сословия (хотя могли быть и из других, откуда происходило большинство центурионов), поскольку такая карьера была почетной и выгодной. Это относится и к представителям провинциальной знати, которые благодаря службе в армии могли получить гражданство и таким образом начать продвигаться по карьерной лестнице империи. Подобные возможности предоставлялись принцепсом, и это привязывало к нему такого рода людей. После долгого или короткого срока службы в армии бывшие офицеры возвращались домой, где продолжали играть значимую роль, будь то колония, италийский город или провинция. В идеале они были по-прежнему преданы Августу, довольны своей судьбой и вряд ли стали бы поддерживать его противников в том случае, если бы кто-то из них захотел набрать войско. Большое значение здесь имело само имя Цезаря, поскольку существовало множество семей, для которых верность по отношению к диктатору, а затем и его наследнику была уже устоявшейся традицией.

Эти отношения носили персональный характер. Однажды один ветеран – скорее всего, офицер или преторианец, так как дело происходило в Риме, – был привлечен к суду и лично пришел к Августу с просьбой поддержать его. Принцепс передал ему свои наилучшие пожелания и предложил одного из своих людей в качестве защитника, но этого оказалось недостаточно, поскольку ветеран сорвал с себя тунику и показал толпе шрамы от своих былых ранений. «А когда ты, Цезарь, подвергался опасности в битве при Акции, – воскликнул старый солдат, – я сам сражался за тебя, а не искал заместителя!» Услышав это, Август покраснел и, как и полагалось, сам взялся защищать ветерана «из страха показаться не просто надменным, но и неблагодарным». Несмотря на то, что он больше не называл солдат «товарищами», император Цезарь Август хотел, чтобы они поверили, что он уважает их за опасности, которые им пришлось претерпеть под его командованием.[550]

О чувствах другого бывшего товарища он заботился куда меньше. Лепид оставался сенатором, хотя на заседания его приглашали только по приказу принцепса, и Август даже не пытался скрыть свое презрение к бывшему союзнику. Тем не менее тот оставался великим понтификом вплоть до своей смерти в 13 г. до н. э. Посему самый главный римский жрец почти ничего не делал на протяжении более 20 лет, и, хотя это позволило Августу потихоньку взять на себя руководство государственным культом, существовали и такие вещи, которых он не мог сделать. Многих удивляло, что он не лишил опального триумвира должности и не занял ее сам, но позднее он хвастался, что

отказался это сделать и принял этот жреческий сан «только несколько лет спустя после смерти того, кто захватил его из-за гражданских смут».[551]

6 марта 12 г. до н. э. состоялось официальное назначение Августа великим понтификом – эту должность, как он сам отметил, ранее занимал «мой отец», Юлий Цезарь, и впоследствии никто, кроме императоров, не мог на нее претендовать вплоть до падения Рима, когда этот сан перешел к папам. Это было грандиозное событие, которое отмечали с большой помпой и приличествующей случаю торжественностью, и из описания самого Августа становится ясно, что он считал это назначение и своим личным правом, и наследственным. Традиция требовала, чтобы верховный жрец жил в своей официальной резиденции на краю Форума возле храма Весты, который недавно пострадал от пожара. Август отдал эту резиденцию весталкам, а сам остался в своем доме на Палатине, отдав часть этого дома под храм, и таким образом формально превратил его в общественное достояние, чтобы исполнять свои жреческие обязанности как подобает. Это подчеркнуло религиозный характер комплекса, который наряду с другими, менее впечатляющими святилищами был воздвигнут на участке, принадлежащем храму Аполлона на Палатине.[552]

Август вернулся в Рим летом 13 г. до н. э. Тиберий прибыл раньше и приступил к исполнению консульских обязанностей вместе с Публием Квинтилием Варом, который был его коллегой и зятем Агриппы. Рим снова пострадал от наводнения – реки вышли из берегов, и Бальбу пришлось добираться до своего недавно достроенного театра на лодке, что, впрочем, не помешало ему устроить торжества в честь его открытия. По этому случаю Тиберий спросил у консуляра-испанца, как, по его мнению, стоит отметить возвращение принцепса. По предложению Бальба ему хотели назначить новые почести, но Август вежливо их отклонил, что теперь уже стало обычным делом. Попытки устроить ему торжественную встречу также провалились, поскольку Август опять проскользнул в Рим незамеченным под покровом ночи. На следующее утро он увидел толпу, которая собралась возле его дома, а затем поднялся на Капитолий, взял лавры победителя с фасций сопровождавших его ликторов и возложил их на статую Юпитера Наилучшего Величайшего. Эти символы успеха, заслуженные Тиберием и Друзом и отнесенные на счет Августа, принцепс теперь преподнес богу, который защищал Рим.

В этот же день Август постановил, чтобы посещение терм и услуги цирюльников, которые находились при них, готовые

постричь или побрить любого зашедшего к ним гражданина, были бесплатными. Позднее, на заседании сената, он внезапно охрип и не смог продолжать речь, так что вместо него ее должен был зачитывать квестор. Это было время праздников и торжеств, поскольку строительство театра Марцелла, наконец, завершилось, и его открытие было обставлено с большой помпой. Семилетний внук Августа, Гай Цезарь, принял участие в зрелищных, а иногда и опасных, заездах на колеснице и шуточных схватках во время так называемых Троянских игр и, по крайней мере, официально возглавлял отряд мальчиков из патрицианских семей. Также была устроена травля зверей, в ходе которой было убито шестьсот животных. В сентябре, когда отмечали день рождения принцепса, состоялось еще больше игр и еще больше убийств зверей, причем, по иронии судьбы, эти церемонии организовывались и проводились под руководством Юлла, сына Марка Антония и Фульвии (Dio Cass. LIV. 25. 1–4, 26. 1–2).

Возникли и некоторые неловкие ситуации. Во время очередной серии игр, которые на сей раз устраивал Тиберий в честь возвращения Августа, последний разрешил Гаю сесть рядом с ним на почетное место. По-видимому, вся толпа тогда встала, приветствуя мальчика, и Августу это не понравилось, поскольку потом он стал упрекать своего пасынка и народ в целом. Похвалы, адресованные ему лично, он принял, а вот чрезмерное восхваление семилетнего ребенка, который еще ничего не совершил, показалось ему неуместным. Вдобавок он никому не разрешал – будь то члены семьи, сенаторы или толпа – называть себя господином или повелителем.[553]

Реакция толпы показывает, что многие хотели чествовать всех, кто был связан с Августом, и свидетельствует о том, что они считали мальчика достойным власти вследствие его рождения и усыновления. Однако принцепс прилагал большие усилия, чтобы отрицать существование династии, наличие которой, в свою очередь, подразумевает существование монархии. Он делал это отчасти для того, чтобы польстить нобилитету и сохранить иллюзию, будто они по-прежнему живут в республике, которая управляется не одним человеком, а ведущими гражданами. Очевидно, что для Августа это было предметом беспокойства, даже если готовность, с которой сенаторы голосовали за наделение его новыми небывалыми почестями, свидетельствовала о том, что свобода, о которой так пеклись Брут и Кассий, теперь мало кого заботила. В конечном счете его собственное представление о себе было, по-видимому, во многом с этим связано. Неустанное стремление Августа к верховной власти красной нитью проходит через всю его жизнь. Это не значит, что

то, как он использовал свою власть, было лишь средством ее сохранить, поскольку он очень старался пользоваться ею хорошо. Принцепс считал (и думать так есть все основания), что заслужил победу в гражданских войнах для того, чтобы достичь верховной власти и удержать ее, поскольку она служила для общего блага, и именно так он ее воспринимал. Таким образом, он действительно мог считать себя всего лишь первым должностным лицом в государстве, слугой, а не правителем. Скромность и желание соответствовать своему идеалу держали его в узде лучше, чем мнения сенаторской элиты.

Теперь, когда он вернулся в Рим, появились возможности и для неумеренной лести, и для создания неловких моментов во время публичных дебатов. На одном из заседаний сената нобиля по имени Корнелий Сизенна стали критиковать за поведение его жены (возможно, она была дочерью Статилия Тавра, но, поскольку это наверняка был не единственный известный Корнелий Сизенна в эти годы, полной уверенности здесь нет). В ответ муж заявил, что за свою супругу не отвечает, поскольку женился на ней по совету и при поддержке Августа. Принцепс рассердился, что его втягивают в столь неуместный диспут, и, почувствовав, что может сказать что-то, о чем позже пожалеет, встал и бросился вон из курии. Он подождал, пока все успокоится, и только тогда вернулся.[554]

Открыто поощряя свободный обмен мнениями, Август не всегда следил за его содержанием и тоном. Как бы он ни притворялся, никто по-настоящему не мог игнорировать его подавляющий авторитет и контроль. В 13 г. до н. э. принцепс снова попытался найти сенаторов, которые соответствовали его представлению об идеале, но столкнулся с неожиданной проблемой – оказалось, что потомки старинных сенаторских семей предпочли не участвовать в общественной жизни и довольствовались всаднический статусом. Особенно не хватало кандидатов на трибунат, поскольку все основные полномочия, связанные с этой должностью, уже были сосредоточены в руках Августа, хотя у трибунов тоже было много работы – например, помощь рядовым гражданам во всяких незначительных вопросах. Для обеспечения этой должности людьми проводилась жеребьевка из числа бывших квесторов, которые не достигли еще сорока лет. Всадников до тридцати пяти лет, которые благодаря своему происхождению и богатству имели право заседать в сенате, также включали в сенатские списки, если только они лично не доказывали принцепсу, что физически не приспособлены к отправлению такого рода обязанностей. Поэтому маска первого слуги в свободном государстве временами

плохо подходила тому, кто пытался заставить других выполнять свой долг. Сделать так, чтобы реальность соответствовала его видению идеального мира, Август мог лишь до известных пределов.[555]

Император Цезарь Август был монархом во всем, кроме названия, и ни сенат, ни народ не мог лишить его власти – даже в том маловероятном случае, если бы кто-то из них захотел это сделать. В 13 г. до н. э. его полномочия в провинциях и трибунская власть Агриппы были продлены еще на пять лет, причем последний помимо прочего впервые получил *maius imperium proconsulare* (проконсульскую власть) – высший по отношению ко всем остальным, за исключением, пожалуй, лишь Августа, империй. Обоим деятелям было около пятидесяти лет, и статус Агриппы делал его ближайшим коллегой Августа со времен триумвирата. Они были почти равны, как бы ни звучало точное определение их империя. Агриппа являлся его зятем, что не только предполагало их политическую близость, но и давало ему некоторое превосходство над отцом Юлии. Однако он не был Цезарем и не обладал auctoritas, не говоря уже о клиентеле, связанной с этим именем. Будучи вторым после Августа, он и оставался вторым, и никто не пытался сделать его равным (Dio Cass. LIV. 28. 1).

Хотя Марк Випсаний Агриппа был уже немолод, он по-прежнему оставался способным и энергичным, и все таким же преданным своему старому другу. Его любимое изречение гласило: «Согласием поднимается и малое государство, раздором рушится и самое великое». Он вернулся в Рим в 13 г. до н. э. и пробыл там несколько месяцев, а потом отправился улаживать проблемы на Балканах. Когда он уезжал, Юлия была беременна уже в пятый раз – до этого у них родились две девочки, не считая Гая и Луция. Демонстрации силы оказалось достаточно для того, чтобы подавить беспорядки, так что к 12 г. до н. э. Агриппа вернулся в Италию, но по пути заболел и умер еще до того, как прибыл в Рим. Какая болезнь унесла его в могилу, неизвестно, но тот факт, что в течение года были назначены три консула-суффекта, чего обычно не делали, может указывать на наличие какой-то эпидемии. Вскоре после этого Юлия родила третьего сына, которого назвали Агриппа Постум (родившийся после смерти родителя).[556]

Когда Агриппа умер, Августа с ним не было. Дион Кассий передает, что он в это время находился в Афинах, председательствуя на Панафинейских играх, но, как только услышал о болезни Агриппы, то сразу же поспешил обратно. Тело покойного было с помпой перевезено в Рим, где состоялись

публичные похороны, причем надгробную речь произносил сам принцепс. Затем вот уже во второй раз пепел еще одного члена его увеличившейся семьи был захоронен в мавзолее, который Август построил для себя лично.[557]

XVIII Августов мир

Сенат по случаю моего возвращения постановил посвятить на Марсовом поле алтарь Августову Миру.

Деяния божественного Августа. 12

Пер. А. Л. Смышляева

Самая песня моя к алтарю привела меня Мира… Мир, появись и всему свету спокойствие дай. Коль неприятелей нет, то нет и причин для триумфа: Славой почетнее войн будешь ты нашим вождям Воли мечам не давать – лишь для этого меч нам и нужен… Пред Энеадами свет пусть трепещет от края до края; Кто не боится, пускай любит прославленный Рим.

Овидий. Фасты. I. 709–718

Пер. Ф. А. Петровского

Агриппа завещал римскому народу свои обширные сады и термы на Марсовом поле, а также – некоторую часть своего имущества, чтобы обеспечить доход на их содержание. Август лично огласил завещание и таким образом обеспечил его выполнение, а также выдал каждому гражданину мужского пола или, по крайней мере, тем из них, которые находились в Риме, по 400 сестерциев, заявив, что это было еще одним желанием его друга. Подобная щедрость была типичной для деятельности Агриппы в течение двух последних десятилетий – он тратил большую часть приобретенного богатства на благоустройство, и таким образом результаты его деятельности можно было видеть в самых разных городах империи, но прежде всего – в Риме. По масштабам деятельности он намного превосходил любого из римских нобилей, будь то ныне живущих или покойных, кроме, пожалуй, одного лишь Цезаря Августа, и сочетал вкус к монументальности с практической стороной дела. Когда толпа стала жаловаться принцепсу на дороговизну вина, он ответил, что его зять и так дал им достаточно воды, построив для них акведук.[558]

Больше всех от таланта и усердия Агриппы выигрывал Август, и завещание в этом смысле не стало исключением: большая часть имущества Агриппы отошла его старому другу и тестю, в том числе – обширные владения в Италии и провинциях. Дион Кассий особенно выделяет одно из них, охватывающее большую часть Херсонеса в Греции. Огромное состояние, приобретенное

Агриппой благодаря годам верной службы во время гражданских войн и после, теперь вернулось к его командиру, вместе с которым он возвысился, а впоследствии могло перейти к Гаю и Луцию. Политическая и семейная лояльность были практически неразделимы, и в Риме это считалось совершенно нормальным. К высшим должностям пробивались благодаря новым или унаследованным дружеским связям, покровительству или брачным альянсам. Агриппе особенно хорошо удавалось последнее, поскольку он сначала был женат на Помпонии, дочери богатого и имеющего хорошие связи Аттика, потом – на племяннице Цезаря Марцелле и, наконец, на его дочери Юлии. Союз, заключенный благодаря последней его женитьбе, стал еще прочнее после того, как Август усыновил двоих мальчиков, родившихся в этом браке.[559]

Семья имела большое значение для Августа. В этом не было ничего необычного, поскольку в Риме кровные родственники или ставшие таковыми посредством усыновления или брака, традиционно помогали друг другу строить карьеру, однако сын божественного Юлия возвеличил роль своей семьи до беспрецедентных масштабов. Раньше властью и должностью нельзя было распоряжаться по собственному желанию, так как обе они носили временный характер и были объектом конкуренции, а также зависели от каприза избирателей. Подобные ограничения не распространялись на императора Цезаря Августа, который мог предоставить Агриппе постоянную должность в той или иной форме и в конечном счете возвысить его до обладания трибунской властью и *maius imperium proconsulare*. Уже в начале 36 г. до н. э. жена и сестра Августа сравнялись по статусу с государственными деятелями благодаря дарованию им трибунской сакросанктности, чего ранее никогда не случалось, тогда как Марцелл, Тиберий и Друз, а со временем также и Гай с Луцием получили особое признание и возможность быстрее продвигаться по карьерной лестнице, что позволяло им занимать одну должность за другой, когда они стали взрослыми. Несмотря на все свое недовольство тем, как толпа приветствовала маленького Гая, Август сознательно выделял его семью из остальных и считал, что она достойна уважения и высокого общественного положения более, чем кто-либо другой в Риме.

Нигде это не проявляется с большей ясностью, чем на Ara Pacis Augustae, или алтаре Мира Августа. В память о победном возвращения принцепса из провинций 4 июля 13 г. до н. э. сенат постановил воздвигнуть ему алтарь, и Август предпочел именно этот тому, который изначально планировалось установить в Юлиевой курии. Новый алтарь воздвигли на Марсовом поле, что

продолжало начатую принцепсом и Агриппой традицию превращения этой зоны в гигантский памятник их славы. Расположенный на священном участке, этот монумент походил на храм Януса: с обоих торцов располагались входы, а внутри искусная резьба по мрамору напоминала деревянный настил традиционного святилища. Так же изысканно были украшены и наружные стены, особенно северный и южный фризы, на которых изображалась религиозная процессия. Среди ученых по сей день ведутся споры о том, что это за процессия – настоящая, устроенная по какому-то особому поводу, или воображаемая, сочетающая элементы реальности и вымысла. Одной из наиболее убедительных гипотез является та, согласно которой на фризах показан обряд благодарения, или *supplicatio* в честь побед Августа в 13 г. до н. э. – это было одно из тех 55 благодарственных молебствий, устроенных по решению сената, на которые отводилось 890 дней – даже больше, чем было у Юлия Цезаря.[560]

Центральная роль, которая отводится семье Августа в процессии и на фризах, не подлежит сомнению. Другие сенаторы тоже появляются, например, в качестве жрецов, известных как фламины, которые носят своеобразные головные уборы с острием на конце. Один из них, очевидно, – фламин божественного Юлия, а этот сан появился лишь в 44 г. до н. э., тогда как остальные жреческие должности существовали еще в глубокой древности. Цезарь Август возглавляет процессию, а перед ним идут ликторы. Принцепс выглядит немного выше окружающих, что при его росте было маловероятно, но он, по крайней мере, не возвышается над остальными, подобно египетскому фараону. Агриппа, идущий за фламинами, также изображен немного больше, что выделяет его на общем фоне. Его голова покрыта тогой, что, возможно, является признаком совершаемой молитвы или какой-то особой роли в ритуале, хотя, по мнению большинства исследователей, таким образом показано, что он умер до завершения работы над изваянием. Маленький мальчик в тунике держится за его тогу, но смотрит назад, на Ливию, которая гладит его по голове – видимо, чтобы успокоить.

Подобная непринужденность типична для остальной части сцены. Рядом с Ливией стоит Тиберий, еще дальше Антония держит ребенка за руку и оборачивается, чтобы поговорить со своим мужем Друзом. Последний, недавно вернувшийся из Галлии, одет в военный плащ (*sagum*), и за него держится другой маленький мальчик, который, в свою очередь, смотрит снизу вверх на девочку чуть более старшего возраста. Опознать людей, представленных на Ara Pacis, Алтаре Мира, непросто. Август и Агриппа изображены четко, но все остальные показаны в

стилизованном виде, чтобы оба деятеля выделялись на их фоне. Другие участники процессии выглядят величаво и, за редким исключением, молоды; хотя их черты не одинаковы, все они похожи друг на друга, а различия кроются лишь в нескольких деталях. Несомненно, современник узнал бы их мгновенно, уловив тонкие различия в почти одинаковых лицах, но для нас это гораздо труднее, особенно если речь идет о малоизвестных персонажах; все это усугубляется последовательными и зачастую довольно серьезными реставрациями скульптур, начавшимися в период поздней Античности и продолжавшимися вплоть до Муссолини в XX веке. Возможно, среди изображенных присутствуют сын Марка Антония Юлл Антоний и Домиций Агенобарб, которые были женаты на дочерях Октавии, а также другие члены семьи принцепса. Жаль, что их нельзя идентифицировать со всей точностью.[561]

Детей опознать труднее всего, поскольку они все изображены пухленькими, что подчеркивает их юность, но мешает установлению точного возраста. Многие из них одеты как взрослые в миниатюре – в тоги или официальные наряды, как у окружающих их мужчин и женщин. В этом смысле мальчик, держащийся за тогу Агриппы, отличается от остальных, поскольку он одет лишь в тунику, а его шею украшает гривна (тяжелое золотое, серебряное или бронзовое ожерелье, весьма распространенное в Галлии). Поэтому некоторые предполагают, что это какой-то варварский князь, поскольку многих из них привозили в Рим в качестве заложников и воспитывали при дворе Августа в надежде, что из них потом вырастут союзники. Однако известно также и то, что мальчики, участвовавшие в конных состязаниях на Троянских играх, тоже носили гривны, так что, скорее всего, это Гай Цезарь. Мальчик поменьше ростом, появляющийся в другом месте на скульптуре, возможно, является его братом Луцием.[562]

Материал, из которого сделан Алтарь Мира, и сама работа отличаются высочайшим качеством. Влияние греческого искусства очевидно, особенно бросается в глаза сознательное подражание фризам Парфенона. Многие ученые полагают, что главный скульптор был греком, но у нас нет никаких тому доказательств. Однако многое в этом произведении является и чисто римским, особенно августовским по духу, и это не просто обычная копия. Непринужденность мужей и жен в разговорах друг с другом и с детьми не имела аналогов в скульптуре так же, как и известность многих женщин и детей, участвующих в процессии. По краям, отдельно от фризов с изображением процессии, расположены божественные покровительницы Рима –

Рома и Теллура и мифические предки римлян – Эней, Ромул и Рем. На деталях меньшего размера изображены быки, которых готовят к жертвоприношению. Далекое прошлое римлян и предки рода Юлиев (а следовательно и принцепса) пробуждаются к жизни и соединяются с настоящим, которое в основном представлено Августом и его семьей. Все это – сюжеты, знакомые по поэмам Вергилия и многочисленным произведениям литературы и искусства этой эпохи. В них прославляется мир, но это именно римский мир, являющийся следствием военной победы, а если еще конкретнее, – мир, наступивший благодаря победам Августа. Несколько лет спустя поэт Овидий, только что ставший рупором режима, будет воспевать Алтарь Мира и выражать надежду на мир, поскольку другие народы либо любят Рим, либо боятся его. Это был мир безраздельного господства Рима.[563]

Столь славное будущее было обеспечено благодаря руководству Августа, которого поддерживала вся его семья, представленная на Алтаре Мира в трех поколениях. К старшему и самому выдающемуся поколению относятся Август и Ливия, а также Агриппа, хотя он и не дожил до завершения трудов и не застал освящение алтаря в начале 9 г. до н. э. Как обычно, Август показан человеком без возраста и имеет внушительный вид: он едва ли похож на мужчину, которому уже немного за пятьдесят. Затем следует поколение, возглавляемое сыновьями Ливии, которым чуть более двадцати лет, и, наконец, подающая надежды молодежь – Гай, Луций и другие дети. Таким образом, род, берущий начало от Энея, мог продолжаться и в будущем. Август теперь меньше беспокоился из-за своей тяжелой болезни, но он был уже немолод и в один прекрасный день мог умереть. Современные ученые склонны искать наследника принцепса на каждом этапе его жизни, причем сначала они рассматривали в качестве такового Марцелла, затем – других деятелей, и похоже, что современники Августа мыслили таким же образом. В ретроспективе мы понимаем – так же, как понимали Светоний, Дион Кассий и Тацит, – что после смерти Августа в течение последующих столетий Римом будут править сменяющие друг друга императоры или принцепсы.

Возможно, это было не совсем то, что планировал Август, поскольку после смерти Марцелла он уже, по-видимому, стал искать не одного наследника, а нескольких сторонников на данный момент и преемников на будущее. Часть своих полномочий и нагрузки он разделял с Агриппой, который был одного с ним возраста, но не обладал столь же сильным авторитетом, а кроме того, имел темное происхождение. Тиберий

и Друз были выходцами из среды нобилитета, имели возможность быстро продвигаться по карьерной лестнице и были женаты на дочери и племяннице Августа соответственно, но принцепс их не усыновил. Гай и Луций стали Цезарями и тоже быстро продвигались по службе. Когда они все стали взрослыми, им пришлось заниматься управлением провинциями, участвовать в военных походах и решать текущие вопросы в Риме. Они были коллегами, хотя в той или иной степени все же уступали принцепсу.[564]

Нет ни малейшего намека на то, что он выделял кого-то из них как своего единственного наследника, а остальным приходилось оставаться в стороне и признавать его превосходство. Равными они не были, но в теории должны были объединиться и вместе служить общему благу. И снова, когда мы обращаемся к этим событиям задним числом, высокий уровень смертности среди ближайшего окружения Августа кажется нам совершенно естественным, и мы не считаем его чем-то исключительным, даже по меркам полного опасностей римского мира. Следовательно, выдающееся положение, приобретенное многими путем усыновления, кровных или брачных уз можно рассматривать лишь с поправкой на неизбежные потери из круга этих людей. Впрочем, ничто не указывает на то, что так думал и сам Август. Он возглавлял государство, опираясь на поддержку нескольких лиц из своего семейного круга, чья преданность ему не подлежала сомнению, и, по-видимому, ожидал, что эта система будет работать и после его смерти. Будет не один принцепс, а несколько, которые разделят между собой тяжелые обязанности, и их существование создавало гарантии того, что в случае смерти старшего из них это не приведет к образованию ваккума власти и не создаст повод к началу новой гражданской войны.

В известном смысле это была вполне римская идея – не монархия, а скорее правление небольшой неофициальной коллегии, каждый из членов которой наделен монархической властью – и при Августе эта схема работала. Однако последующие попытки оживить систему неизменно проваливались – прежде всего потому, что больше никто не обладал таким авторитетом, как Цезарь Август. Он был сыном божественного Юлия, чаще, чем кто-либо другой, занимал должность консула, и никто не мог сравниться с ним по числу назначенных благодарственных молебствий и триумфов. Даже Агриппа так никогда и не побил этот рекорд, хотя всю работу выполнял именно он, а почести в итоге доставались Августу. Ни один другой император не сделал так много и даже – по крайней мере, на протяжении нескольких

веков – столько не правил. Все это стало возможным благодаря тому, кем он был и что совершил, поскольку никто из его семьи не стал бы бросать ему вызов, а вне этого круга никто не был на это способен.

Смерть Агриппы стала ударом, и притом весьма чувствительным, поскольку он поддерживал Августа во всех его начинаниях более трех десятилетий и успешно выполнял каждое порученное ему задание, однако благодаря особенностям системы его обязанности теперь готовы были взять на себя другие. Самая большая нагрузка неизбежно легла на плечи Тиберия и Друза, и в течение нескольких последующих лет им пришлось участвовать в военных кампаниях, правда, с небольшим перерывом. Первому также было приказано развестись с его женой, Випсанией, от которой у него уже родился сын, а в скором времени ожидалось появление на свет и дочери. По представлениям римского нобилитета, это был счастливый брак, но в то же время развод и новая женитьба для удовлетворения требованиям текущей политической ситуации можно считать обычным делом, так что их развод вряд ли стал для кого-то сюрпризом. Дочери Августа исполнилось только 27 лет, а она уже дважды успела стать вдовой и матерью пятерых детей, так что было бы в высшей степени странно, если бы она не вступила в новый брак. В течение некоторого времени Август подбирал ей мужа из всаднического сословия, надеясь найти богатого и респектабельного человека, который, в отличие от представителей сенаторского сословия, не будет стремиться к карьере на государственном поприще. Однако, став зятем принцепса, такой человек неизбежно начал бы привлекать к себе куда больше внимания, нежели частное лицо, а потому было сомнительно, что он смог бы остаться в стороне от политической деятельности.

Юлия хотела выйти замуж за Тиберия, и этот выбор во многих отношениях был очевиден, поскольку если бы зятем принцепса стал человек не из круга семьи, позиции такого деятеля существенно бы усилились. Заручаться верностью Агриппы уже не имелось необходимости, а Друз состоял в браке с племянницей Августа, от которой было не так просто отказаться, поэтому разводиться пришлось Випсании. Со временем она вступила в новый брак и прожила много лет, подарив своему мужу из сенаторского сословия по меньшей мере пятерых детей, однако, поскольку она не принадлежала к роду Юлиев, все это не имело никакого значения. Тиберий и Юлия обручились, но, поскольку нужно было надлежащим образом соблюдать все требования закона, им пришлось ждать больше 10 месяцев, чтобы пожениться. Этот союз был рассчитан на то, чтобы приблизить

Тиберия к Августу и его приемным сыновьям, чтобы однажды он смог вместе с ними помогать принцепсу в управлении империей.[565]

Завоевание

В это время Тиберия отправили на Балканы, где снова начались волнения, вызванные известием о смерти Агриппы. Друза же послали в Галлию, и в течение следующих трех лет оба воевали на границах. Все это было частью согласованного плана, а утверждения современных ученых, будто Август стремился создать укрепленные границы на Дунае и Эльбе, выглядят неубедительно. После долгих лет наведения порядка в существующих провинциях, завершения завоевания Иберийского полуострова и недавнего занятия Альп император Цезарь Август намеревался приступить к масштабным завоеваниям в Европе. Несомненно, это принесло бы ему славу, ведь таким образом он бы выполнил обещание принести мир, основанный на силе, который так прославлялся на Алтаре Мира, а его контроль над провинциями с нестабильной военной обстановкой был бы оправдан. Для Тиберия и Друза это стало прекрасной возможностью упрочить репутацию и приобрести дальнейший опыт верховного командования (Dio Cass. LIV. 31. 2–4).

Эти завоевательные походы были спланированы заранее, и на протяжении последних нескольких лет к Рейну и на Балканы специально для этих целей стягивали войска. Это не означает, что данные действия не были спровоцированы, поэтому совсем не обязательно воспринимать сообщения о том, что все римские войны были лишь ответом на устраивавшиеся ранее набеги. Такие внезапные нападения были весьма частым явлением и представляли собой серьезную проблему, однако римский ответ на них был менее предсказуем и мог варьироваться от незначительных репрессий до открытого завоевания. То, какими будут ответные меры, зависело от имеющихся ресурсов и от наличия командира, имеющего свободу действий и желание завоевать славу. Эти факторы, а также возможности, открывшиеся благодаря переселению гельветов, подтолкнули Юлия Цезаря к завоеванию Галлии, а не к ведению войны на Балканах, на что он рассчитывал вначале.[566]

Августа же не обременяло руководство серьезными операциями в других местах, и он обладал такой свободой действий, какой не было у римских полководцев прошлого, а потому решил расширить границы Римской империи в обеих этих областях. Как и всякий римлянин, он не задумывался об этом с точки зрения физической и политической географии и представлял себе мир как сообщество народов и государств. На

них-то он и собирался напасть и «милость покорным являть и смирять войною надменных». Одни территории были включены в число провинций, а другие были вынуждены признать римскую власть. Греки и римляне имели смутное представление о местностях, расположенных вдали от Средиземного моря, и, разумеется, не осознавали огромных размеров Центральной Европы и степей за ее пределами. Вполне вероятно, что Август считал, будто может завоевать всю Европу вплоть до океана, который, как тогда полагали, окружал все три континента, но это уже было делом будущего. В настоящий момент его замыслы были скромнее. Он хотел усилить мощь Рима, наказать тех, кто нападал на провинции в прошлом, и сделать так, чтобы им неповадно было делать это и в будущем.

Тиберий и Друз лично вели легионы, в то время как император Цезарь Август наблюдал за ними издалека. Он изменил традиционную практику долгих путешествий по провинциям, и на протяжении многих последующих лет предпринял несколько коротких поездок к театрам военных действий, и квартировал либо в Аквилее в Северной Италии на границе с Иллириком, либо в Лугдуне в Галлии. Ни одна из этих точек не была слишком далека от Рима, и он по несколько раз возвращался в город – обычно после того, как кампании заканчивались. Представление об этих поездках можно получить из текста письма Августа, который приводит в своем изложении Светоний. Принцепс рассказывает о пятидневном празднике, который справлялся 20–25 марта в честь богини Минервы: «Милый Тиберий, мы провели Квинкватрии с полным удовольствием: играли всякий день, так что доска не остывала. Твой брат за игрой очень горячился, но в конечном счете проиграл немного: он был в большом проигрыше, но против ожидания помаленьку из него выбрался. Что до меня, то я проиграл тысяч двадцать, но только потому, что играл, не скупясь, на широкую руку, как обычно. Если бы стребовать все, что я каждому уступил, да удержать все, что я каждому одолжил, то был бы я в выигрыше на все пятьдесят тысяч. Но мне это не нужно: пусть лучше моя щедрость прославит меня до небес».[567]

Подобный неофициальный стиль характерен для сохранившихся писем Августа к семье и близким, так что со своими пасынками он явно хорошо ладил – по крайней мере внешне. Друз был знаменит своим обаянием и любезностью и быстро приобрел популярность. Тиберий же отличался замкнутым и сложным характером, его проще было уважать, чем любить, однако фрагменты адресованных ему писем содержат повторяющиеся заверения в привязанности и мягкое

подтрунивание, а также изрядную долю иронии, как, например, фраза о «прославлении до небес». В другом письме Август описывает, как он и его гости «играли по-стариковски». Вообще, в его корреспонденции слышатся отголоски писем Цицерона – это проявляется в повторяющихся заверениях в дружбе, частом использовании цитат и шуток и, возможно, в ложных заверениях в глубоком почтении. Тем не менее на данном этапе отношения между принцепсом и его будущим зятем были весьма сердечными.[568]

В начале 12 г. до н. э. Друз завершил проведение переписи в трех Галлиях, что, несомненно, способствовало лучшей организации этих провинций; он зарегистрировал частную собственность и причитающиеся Риму налоги, а также обеспечил получение больших запасов продовольствия для предстоящих военных кампаний. Возможно, этот процесс начался еще до того, как Август в прошлом году покинул провинцию, а в 27 г. до н. э. принцепс лично наблюдал за проведением первого подобного ценза. Вероятно, предполагалось, что эта мера будет более справедливой, чем существовавшая система поборов, которой недавно злоупотреблял Лицин. У нас нет никаких свидетельств, кроме Евангелия от Луки, где говорилось, что в какой-то момент Август издал указ о проведении переписи и организации налогообложения на территории всей империи. Вполне возможно, что один такой указ действительно существовал, и это помогает объяснить, что произошло в каждом отдельном случае, и что это, как и множество иных подробностей, просто не упоминается в других наших источниках. С другой стороны, автор Евангелия мог просто выражать точку зрения провинциала, для которого перепись и налогообложение регулярно вводились римскими властями, что выглядело так, словно и то, и другое было принято в рамках единого решения.[569]

Иногда проведение переписи вызывало возмущение и даже бунт, особенно в недавно усмиренных провинциях – перспектива уплаты налога редко бывает приятной, особенно если деньги идут оккупационным властям. Ливий утверждает, что в Галлии были беспорядки из-за проведения ценза; намеки на это есть и у Диона Кассия, но он не приводит никаких подробностей, так что если какие-то нарушения и имели место, то они скорее всего были незначительными. Для частных лиц и общин регистрация собственности и прав была выгодным делом, поскольку и то, и другое заносилось в особые ведомости, которые имели непререкаемую юридическую силу. Большинство регионов вскоре привыкло к переписям, а Друз успешно подавлял любое сопротивление.[570]

Наряду с управлением финансами в галльских провинциях и поддержанием порядка, римляне развернули обширную деятельность по подготовке предстоящего наступления на области, расположенные за Рейном. Для размещения войск, набранных для запланированной войны, были созданы крупные военные лагеря. Число их трудно установить, но, похоже, что было набрано как минимум восемь легионов, которые пользовались поддержкой значительного числа вспомогательных войск и нескольких морских отрядов, размещавшихся на небольших военных галерах и транспортных судах. Один из таких лагерей располагался на месте современного Неймегена на реке Ваал, и раскопки показали, что он был построен где-то между 19 и 16 гг. до н. э. Лагерь занимал площадь около 42 га и был построен из земли, торфа и древесины; там могли разместиться два легиона в полном составе и вспомогательные части. Подобно большинству других укреплений, построенных армией в это время, будь то к востоку от Рейна или в Испании, этот лагерь совсем не похож на те аккуратные, в форме игральной карты лагеря I и II вв. н. э. Легионы Августа занимали удобные позиции и часто возводили укрепления на возвышенностях, а крепостные валы имели очертания шести-, семи- или восьмиугольных фигур. Их внутренняя планировка была различной так же, как и конструкции отдельных типов зданий, но эти различия были менее выражены, чем сходство. Если их внутренняя планировка и лишена единства стиля, которое будет свойственно следующему столетию, в ней уже различимы зачатки регулярного планирования, развившиеся из традиционных методов. Многие из этих положений, касавшихся армии, были введены Августом и оставались в силе более ста лет без каких-либо существенных изменений.[571]

Поскольку мы привыкли к большим каменным укреплениям более позднего времени, нас не удивляет масштаб и организация этих лагерей. Римляне пробыли в Неймегене менее десяти лет, и все это время солдаты жили в однотипных аккуратных бараках, в которых было по паре комнат для каждой из групп по восемь контуберниев («товарищей по палатке»). Некоторые из найденных при раскопках барачных блоков имеют меньшие размеры и, как считается, предназначались для вспомогательных войск, а не для легионеров, но даже такие строения обеспечивали значительный комфорт людям, которым пришлось столкнуться с тяжелыми условиями североевропейской зимы. Гораздо лучше обставлены здания штаб-квартиры и дома, построенные для сенатора, который служил в звании легата, командующего легионом (или, возможно, в таких лагерях одному человеку подчинялись сразу

оба легиона), а также для военных трибунов из числа всадников и сенаторов. Все эти постройки похожи на аналогичные строения в других лагерях, возведенных во время этих кампаний. Размерами и устройством такие лагеря напоминали хорошо организованные города в средиземноморском стиле, появлявшиеся на окраинах империи.

Зимние месяцы 13/12 гг. до н. э. были отмечены новыми набегами германцев на римские провинции, но Друзу удалось отразить их нападение. Весной он провел первую серию атак на племена, жившие к востоку от Рейна. Одна часть армии продвигалась сухопутными путями, по долинам, где протекают реки, впадающие в Рейн, а другая погрузилась на корабли и поплыла вокруг Северного моря, чтобы высадиться на побережье. В какой-то момент Друз серьезно недооценил местные условия, в результате чего многие его суда сели на мель, когда во время отлива волна отхлынула дальше, чем он ожидал. Юлий Цезарь во время своих британских походов тоже недооценил силу и амплитуду приливов. К счастью, фризы – местное племя, с которым недавно был заключен союз, – прибыли на помощь сидевшим на мели римлянам. В целом предприятие оказалось успешным. Земли, на которых проживали враждебные племена, подверглись нападению, деревни и фермы были сожжены, скот – угнан, урожай – уничтожен, а все воины, которых германцам удалось собрать, были разгромлены в битве. Спустя столетие или немного позднее Тацит вложит в уста варварского вождя мрачную шутку о том, что римляне «создав пустыню, говорят, что принесли мир».[572] Столкнувшись с такими последствиями сопротивления Риму, некоторые племена последовали примеру фризов и стали искать союза с римлянами. Тиберий с таким же успехом использовал подобные методы в Паннонии.[573]

Друз вернулся в Рим в конце года с кратким визитом, который продемонстрировал, что старые ограничения деятельности провинциальных наместников не касались приближенных принцепса. Он был избранным претором, получил престижный чин городского претора, но остался в городе лишь на короткий срок, а затем снова поспешил к рейнской границе, чтобы продолжить войну. В начале весны 11 г. до н. э. двадцатисемилетний пасынок принцепса атаковал снова – на сей раз во главе одной из колонн, продвигавшейся по суше. Некоторые племена, которые ранее капитулировали, возможно, решили снова рискнуть и начать войну. Флор рассказывает о том, как сикамбры, херуски и свебы схватили и распяли двадцать центурионов, находившихся на их территории, и возможно, это произошло как раз в этом году. Скорее всего, эти центурионы

прибыли туда либо с дипломатическим поручениями как представители Рима, либо, что более вероятно, для вербовки новобранцев, которые, согласно договору, должны были служить во вспомогательных когортах. Однако римляне, как всегда, выиграли от соперничества и отсутствия единства между племенами. Сикамбры собрали войско и напали на соседних хаттов за то, что те отказались присоединиться к их союзу против Рима. Пока они были заняты войной, Друз нанес решительный удар и опустошил их земли.[574]

Подобные инциденты могут служить хорошим напоминанием о том, что территории к востоку от Рейна населяли различные и зачастую враждебные по отношению друг к другу племена. Римляне называли их германцами, но маловероятно, чтобы кто-то из них воспринимал себя таким же образом. Юлий Цезарь четко разделял германцев и галлов, хотя и признавал, что в Галлии уже живут народы со смешанной кровью. Различия между ними были ему только на руку, так как благодаря этому он имел возможность представить германцев как угрозу для галлов, и это помогло ему закончить завоевания на Рейне. Цезарь и другие античные авторы дают весьма мрачную картину Германии и ее обитателей; последние изображаются более примитивными и жестокими, чем жители Галлии. Для римлян Германия была страной болот и дремучих лесов с несколькими пригодными для продвижения тропами; там не было городов и храмов, а население вело полукочевой образ жизни, держало у себя животных и охотилось в лесах, но земледелием не занималось. Это представление о дикарях, которые в силу своей нецивилизованности были непредсказуемы и опасны, подпитывалось старыми стереотипами о варварах, восходящими к гомеровскому описанию ужасного циклопа в «Одиссее».

Археологические свидетельства ставят под сомнение многие из этих данных, но создают другие проблемы и сложности. До того, как Цезарь прибыл в Галлию, центральная часть Германии напоминала земли к западу от Рейна с большими городами, расположенными на холмах, с такими же зачатками производства, торговли и организации, как и в галльских крепостях. Между этими областями существовали налаженные контакты, и независимо от их политических отношений в сфере культуры сходство было разительным – археологи относят оба типа к латенской культуре. В первой половине I в. до н. э. эти города в Центральной Германии либо опустели, либо значительно уменьшились в размерах и потеряли былую изысканность. Существует, по крайней мере, одно свидетельство жестокого и кровавого разрушения города, да и в целом находки

оружия становятся в это время весьма частыми. Это разрушение не было делом рук римлян, которые еще не добрались до этой области, но вполне возможно, что ему способствовал волновой эффект, вызванный ударами со стороны римской державы, будь то меняющаяся структура торговли или военные действия. Не похоже, чтобы римляне знали о том, что происходит в такой дали от их империи; естественно, они предполагали, что ситуация, с которой они столкнулись, когда прибыли в эту область, была обычной и что местные племена всегда так себя ведут.

Эти германские города и сформированное ими общество, возможно, прекратили свое существование еще до того, как Цезарь пришел в Галлию. Как именно это случилось, узнать невозможно, а имеющиеся свидетельства можно с равным успехом интерпретировать как внутренний переворот, вызвавший разрушительную борьбу за власть, либо как прибытие новых, агрессивно настроенных народов. Переселения очень трудно отследить археологическим путем, но повторяющиеся упоминания в наших источниках о больших группах людей, движущихся в поисках новых земель, могут, по крайней мере, частично отражать истинное положение дел. Племенные и иные группировки часто не поддаются изучению с точки зрения археологии; скорее всего, это были сложные образования, в которых часто складывались и быстро распадались союзы недавно возникших объединений, а также групп, имеющих давние родственные связи. Лингвистический анализ сохранившихся названий, основанных на поздних вариантах кельтского и германских языков, предполагает наличие реальных различий между ними в это время, однако не помогает установить этническую и культурную принадлежность конкретных народов. Вполне возможно, что римляне не до конца понимали, какие были взаимоотношения между такими племенами, как сикамбры, хэруски, хатты, хавки или свебы, и, скорее всего, они менялись по мере того, как их вожди приходили к власти или лишались ее.

Частые перемены и нестабильность, царившие в высших слоях общества, в достаточной мере объясняют точку зрения некоторых римлян о том, что это население постоянно находилось в движении. Однако в действительности дела обстояли несколько иначе. Города исчезли, но во многих областях к востоку от Рейна оставались фермы, селения и маленькие деревушки, где люди жили на протяжении нескольких поколений. Их было достаточно много, даже если не существовало крупных поселений. Сельское хозяйство было широко распространено, но ориентировано в основном на прокорм местного населения; излишков производилось не более, чем требовалось на случай

плохого урожая. В долгосрочной перспективе социальные и политические структуры племен постоянно менялись, и сами народы тоже периодически пребывали в движении, но даже несмотря на это некоторые племена, десятилетиями проживали на одних и тех же территориях и имели признанных вождей. Возможно, римляне пытались определить, что это за племена, и выяснить, где находятся их общинные земли и вожди – по крайней мере, в ближайшем будущем.[575]

Несомненно, они многого не понимали и совершали ошибки, но Друз и его штаб постепенно расширяли свои знания о народах, с которыми им приходилось сражаться. Отсутствие хороших дорог затрудняло продвижение людей и обозов. Из-за малого количества больших поселений было непросто найти запасы провианта и фуража. В Галлии Юлий Цезарь часто подходил к какой-нибудь *oppida*(крепости) и либо требовал, либо забирал провиант, необходимый его армии. А ходить ради этого по сотням маленьких деревушек было гораздо труднее, так что в Германии легионам приходилось носить все нужное с собой. Когда возникала необходимость, они возводили мосты через реки и дамбы на болотах, а на это, естественно, требовалось время. В большинстве случаев Друз и его люди следовали по водным рубежам, так как перевозить припасы было проще на баржах, а трудности, связанные с передвижением по суше, помогают объяснить, почему возникла идея обогнуть побережье Северного моря.[576]

Несмотря на подобные трудности, второй сезон кампании оказался успешным, поскольку прежде чем у римлян закончились запасы продовольствия, им удалось проникнуть в глубь Германии дальше, чем когда-либо. Когда лето стало подходить к концу, Друз повел свое войско обратно к Рейну, так как в зимние месяцы прокормить находящийся на вражеской территории гарнизон было невозможно. Германские вожди располагали отрядами воинов, у которых не было никакого другого занятия, кроме сражений, но их было мало. Полноценная армия, состоящая из всего племени, или союз с другими племенами зависели от возможности каждого из соплеменников обеспечить себя оружием и от их желания сражаться; кроме того, чтобы набрать такую армию, требовалось немало времени. Это означало, что скорее всего римской армии придется преодолевать более серьезное сопротивление при отходе, чем при первом столкновении. В данном конкретном случае представители одного из племен тоже возвращались после набега на хаттов и присоединились к отрядам, которые собрались для того, чтобы сразиться с врагом, опустошившим их земли. Из-за обозов с продовольствием

римская колонна была большой и растянутой, и маршрут ее следования был предсказуем. Германские воины были разгневаны и уверены в своих силах, поскольку отступление со стороны захватчиков выглядело так, словно у тех сдали нервы.

Колонна Друза попала в сплошную цепь засад. Римлянам удалось пробиться, но хотя они и отразили нападавших, преследовать их они были не в состоянии и понесли серьезные потери, а время для того, чтобы остановиться и провести маневр против неуловимого врага, у них отсутствовало. Каждый успех, пусть даже небольшой, воодушевлял германских воинов и, без сомнения, побуждал других присоединяться к ним. Кульминацией этого стала крупномасштабная засада, в результате которой римская колонна оказалась запертой в узкой лощине. Римляне попали в ловушку и могли быть полностью уничтожены, но их спасла неорганизованность германцев. Германские воины не взяли с собой достаточно продовольствия для такой долгой кампании и поэтому хотели, чтобы битва побыстрее закончилась и они могли бы вернуться домой. Единого вождя, которому подчинялась бы вся армия, у них не было, а было сразу несколько вождей с разной степенью влияния; воины же имели право самостоятельно выбирать, когда и где они будут сражаться. Казалось, римляне уже были в их власти, однако вместо того, чтобы подождать и взять их измором или начать сражение на выгодных для себя условиях, германские отряды беспорядочной массой устремились вперед, чтобы уничтожить неприятеля и поживиться награбленным из обозов. Ближний бой такого рода относился к сильным сторонам легионеров, так что Друз и его воины смогли, в конце концов, атаковать врага. Римляне заставили противника принять бой и одержали победу, так что ликовавшие германцы были разбиты, и их самоуверенность сменилась паническим бегством. Друз же и его люди смогли беспрепятственно вернуться к Рейну.[577]

Кампанию объявили успешной – так же, как и ту, которую провел Тиберий на Дунае. Августу назначили триумф, который он, как обычно, предпочел не справлять, а его пасынки получили менее почетные овации, но с триумфальными украшениями (*ornamenta triumphalia)*. Осенью оба военачальника и сам Август вернулись в Рим, и в честь их побед каждый гражданин мужского пола из тех, что находились в городе, получил по 400 сестерциев. Пятьдесят второй день рождения Августа был отмечен травлями зверей, а еще примерно в это же время Тиберий и Юлия поженились. Но не все новости были хорошими. Неожиданно умерла Октавия, и ее прах был перенесен в мавзолей. Сестру принцепса почтили государственными похоронами, а надгробную

речь держал ее зять Друз (Dio Cass. LIV. 33. 5–54. 4, 35. 4–5).

Несмотря на эту личную утрату, в целом царила атмосфера уверенности, и сенат постановил закрыть двери храма Януса, что означало установление мира в Римском государстве. Известие о набеге даков помешало проведению этого обряда, и в 10 г. до н. э. войны возобновились. Август и Ливия сопровождали Друза и его семью в его поездке в Лугдун в Галлии, где позднее в том же году Антония родила ему второго сына – будущего императора Клавдия. По всей видимости, в это же время состоялось освящение роскошной территории, примыкающей к алтарю Рима и Августа. Со всей Галлии были созваны племенные вожди для участия в церемонии; они должны были проводить ритуалы, которые с тех пор стали ежегодными. Юлий Цезарь говорил о регулярных собраниях племен всей Галлии, и, похоже, что новый культ должен был стать заменой этим собраниям, которые представляли собой потенциальную угрозу и потому были отменены.[578]

Тиберий провел этот год, участвуя в балканском походе; его поддерживала, по меньшей мере, еще одна армия, предводитель которой также имел инсигнии триумфатора. Друз сражался в Германии, и братья регулярно писали друг другу, а также Августу и матери. Однажды Тиберий показал принцепсу письмо, в котором брат говорил о том, что они должны объединиться, чтобы заставить Августа «восстановить свободу». Светоний приводит этот рассказ как первый признак ненависти Тиберия к родственнику, но у нас нет никаких других доказательств враждебности между братьями, и наоборот, все указывает на то, что они были глубоко привязаны друг к другу. Возможно, этот инцидент был простой случайностью или же являлся позднейшей выдумкой. Современные исследователи склонны полагать, что Друз хотел отставки принцепса и восстановления республиканской системы правления, а потому они любят изображать братьев нобилями, придерживающимися традиционных политических взглядов. Однако фраза Друза весьма расплывчата, и не исключено, что она выражала не более чем неодобрение деятельности некоторых власть имущих, оказывающих дурное влияние на Августа, и желание заменить их более подходящими людьми, в том числе им и его братом. Разумеется, Друз был честолюбив. В другом месте Светоний сообщает, что он так страстно желал получить «знатнейшую добычу» (spolia opima), что преследовал германских вождей сквозь гущу боя в надежде загнать их в угол и убить в поединке один на один. Нужна поистине богатая фантазия, чтобы увидеть в этом какую-то связь с тем, что произошло с Крассом в 29 г. до

н. э., вместо того, чтобы рассматривать данный эпизод просто как стремление молодого нобиля добиться самых редких и престижных почестей.[579]

В январе 9 г. до н. э., через неделю после своего 29-го дня рождения, Друз стал консулом, и, возможно, как раз в этом году он и охотился за «знатнейшей добычей», поскольку, будучи консулом, сражался уже под собственным империем и ауспициями. В этом году он повел войско на Эльбу; скоро пошли слухи, что там он якобы встретил призрак женщины выше человеческого роста, и она запретила ему двигаться дальше, а также сообщила, что его дни сочтены. Это было уже в конце сезона, и Друз вернулся к своим лагерям на Рейне, но зато у него теперь появилась возможность оставить в Германии несколько гарнизонов. В ходе четырех кампаний была захвачена территория между Рейном и Эльбой, и большинство проживавших там людей уверяло, что признало римскую власть. Надолго ли хватит этих заверений, было пока не ясно, но такое достижение само по себе было значительным. Затем, когда Друз возвращался на зимовку в Галлию, с ним произошел несчастный случай при верховой езде, и он сильно повредил ногу. Рану не удалось вылечить, и в сентябре молодой военачальник умер.[580]

Тиберий тут же поспешил к нему и добрался до него так быстро, что вся эта поездка получила известность благодаря скорости, с которой был проделан путь. Тиберий приказал забальзамировать тело и вернуть его в Рим с величайшими почестями. Сначала тело несли трибуны и центурионы из его легионов. Затем они передали эту обязанность знатнейшим гражданам колоний и городов. На многих этапах пути Тиберий сам сопровождал процессию, а охватившая всех глубокая скорбь была непосредственным отражением популярности Друза – позже Сенека утверждал, что атмосфера была почти как на триумфе, когда все приветствовали молодого энергичного героя. Кульминацией церемонии стали торжественные похороны в Риме. На Форуме возле храма Божественного Юлия Тиберий с ростр произнес надгробную речь в честь брата, а еще одну – возможно, для еще большей аудитории – в цирке Фламиния и за пределами померия, т. е. формальной границы города, произнес Август. (Он был в трауре и поэтому не мог вступить в город и провести ритуалы в ознаменование своей последней победы.) Актеры были в погребальных масках и, как и было принято, изображали предков Друза. Число последних было увеличено за счет предков Юлиев, хотя Август никогда не усыновлял своего пасынка и сделал это лишь после того, как его тело было кремировано, а пепел помещен в мавзолей – важно было подчеркнуть связь Друза

с принцепсом, а не с его настоящей семьей.[581]

Поблизости находился Алтарь Мира, который формально был освящен 30 января 9 г. до н. э. Рядом стояли огромные солнечные часы – привезенный из Египта обелиск, служивший напоминанием о победе над Антонием и Клеопатрой, а также демонстрацией того, что введенный Юлием Цезарем календарь, согласно которому в году было 365,25 дня, теперь исправно функционирует. Обелиск был помещен на пьедестал и достигал в высоту ста футов. Каждый день в полдень длина отбрасываемой им тени менялась, что измерялось по медным полосам, на мостовой; на них были нанесены греческие буквы, символизировавшие знаки зодиака и солнечный год. Однако, несмотря на все великолепие этих часов, в середине I в. н. э. Плиний отмечал, что их показания уже 30 лет не согласуются то ли из-за ошибки в расчетах, то ли из-за смещения гномона (сейчас обелиск восстановлен и находится в другом месте – на Пьяцца де Монтечиторио в Риме) (Plin. *NH*. XXXVI. 72–73).

Подчинить природу своей воле было не под силу даже Августу. Пять лет назад он пользовался поддержкой трех способных и энергичных человек из своего семейного круга, и еще на двоих можно было рассчитывать в долгосрочной перспективе, т. е. когда Гай и Луций достигнут совершеннолетия. Теперь же Агриппы и Друза больше не было, остался только Тиберий. Именно на его плечи в последующие годы ляжет тяжким бременем основная нагрузка.

«В мое тринадцатое консульство сенат, всаднические сословие и весь римский народ провозгласили меня отцом отечества…» «Деяния Божественного Августа», 35.

XIX Отец

[Август] сказал своим друзьям, что у него две избалованных дочери, и ему приходится терпеть их, – это государство (*res publica*) и Юлия.

Макробий, начало V в. н. э. *[582]* ***Пер. А. В. Щеголева***

Фортуна вознесла тебя высоко; Ливия, неси это бремя… оставайся справедливой, будь выше невзгод и храни, если сможешь, присутствие духа. В то время, как мы ищем идеальную добродетель, будет лучше, если ты станешь первенствующей женщиной римлян (*principis Romanae*).

Анонимное сочинение, написанное, вероятно, в начале I в. н. э. *[583]*

Утрата младшего сына ошеломила Ливию; ее страдание усиливали слухи о том, что Август был причастен к смерти Друза. Светоний считал это абсурдным и был совершенно прав, однако слух этот, быть может, уже широко распространился. Жена Цезаря частным образом обратилась за советом к александрийскому философу Арею – человеку, который некоторое время пользовался уважением ее мужа. Интересно, что он в современной манере порекомендовал опечаленной матери при всяком случае говорить о своем сыне и выставить по всему дому напоказ его изображения. Антония, вдова Друза, несмотря на свои двадцать лет, отказалась вновь выйти замуж и перешла со своими детьми на постоянное жительство к свекрови. Обоим сыновьям было пожаловано прозвище (агномен) *Germanicus* (Германик) в честь побед их отца. Ливию сенат почтил некоторым количеством статуй в городе, а также предоставил ей право трех детей (*ius trium liberorum*); мертворожденные дети, подобно тому, который был у нее от Августа, официально не учитывались; и уже поэтому она не заслуживала такого статуса.[584]

Это пожалованье укрепило в обществе представление о Ливии как об идеальной римской матроне. Ее печаль была искренней, но не выходила за пределы приличий, которые мешали ей продолжать играть свою роль в общественной и частной жизни. Этим она отличалась от Октавии, которая после смерти Марцелла в значительной степени удалилась из поля зрения общества. В последние годы репутация Ливии была запятнана косвенным и прямым обвинением в интригах и убийстве. Во всех обвинениях заявлялось о тайных преступлениях, но даже самые жестокие ее критики никогда не говорили, что ее поведение в обществе не было безупречным. В то время, как она была прославлена за свою величайшую красоту, ее верность Августу никогда не подвергалась сомнению, и все изображают ее как женщину непорочную (в римском понимании жена, это та, которая спала только со своим мужем). Позволительно рассказать одну забавную историю. Когда мимо нее проводили несколько раздетых донага и ожидавших казни мужчин, то она будто бы утверждала, что обратила на них внимание не более чем на статуи, изображающие обнаженных людей. На Ливию смотрели как на преданную и угодливую жену; последнее качество, как утверждают, было присуще ей в столь значительной степени, что она лично выбирала своему мужу девушек в постель.[585]

Портреты Ливии с ее неувядающей красотой походят на изображения ее супруга, а волосы, одеяние и поза дышат

величественной элегантностью. У нее изысканная внешность; действительно, ее образ многие перенимают, ее поведение всегда в границах, соответствующих римской аристократке. Ее челядь, состоявшая из рабов, вольноотпущенников и вольноотпущенниц, была чрезвычайно многочисленна, включая много специалистов-косметологов, а равно и, без сомнения, забавных *deliciae*(любимцев) и карликов, обученных развлекать и зачастую называемых героическими именами. Ливия наслаждалась ими и подбирала в свою челядь самых малорослых женщин в Риме. Вкус этот, вероятно, разделяло большинство других аристократических дам в кругу ее друзей, но Август полагал, что карлики и всякий, имеющий серьезный изъян, связаны с дурными предзнаменованиями, и он не питал к ним любви. 30 января 9 или 8 г. до н. э. Ливия праздновала свой пятидесятый день рождения. Здоровье ее, кажется, всегда было хорошим, причем даже печаль от утраты сына, несомненно, не умалила ее уверенность в себе и острый ум.[586]

Когда в 9 г. до н. э. Тиберий справлял овацию, то данный знаменитым женщинам обед, на котором председательствовали Ливия и Юлия, представлял собой зеркальное отражение пиршества, который Тиберий устроил сенаторам. Это было еще одним нововведением Августа, предоставлявшим женщинам более активное участие в праздновании победы, устроенном его семейством. Ливия не обладала формальной властью, но она и другие женщины императорского дома часто играли общественную роль таким образом, который совершенно отличался от того, как это делали в прошлом жены магистратов. Один источник даже говорил о Ливии как о принцепсе римских женщин, расширяя это чисто мужское понятие так, что можно считать подобное главенство над женами и дочерьми римлян присвоенным женщине.[587]

Вначале брак между дочерью Августа и сыном Ливии по всем приметам выглядел удачным. Юлия последовала за своим мужем, когда он отправился из Рима на Балканы, и от самой Аквилеи на границе между Северной Италией и Иллириком служила ему опорой. Кроме того, она была беременна, но обстоятельства в то время складывались неудачно, и их сын умер вскоре после рождения. Вероятно, это досадное событие омрачило их отношения, и по прошествии времени пара разошлась. Ходили слухи, что Юлия вынашивала коварные замыслы против Тиберия еще в то время, когда была замужем за Агриппой; он поверил в это и вознегодовал на нее. По мере того как он все хуже уживался с Юлией, сохранялась или даже возрастала его давнишняя любовь к Випсании. Когда Тиберию случилось неожиданно встретить

в Риме свою первую жену, он последовал за ней с глазами, полными слез, и с выражением безнадежной тоски на лице. Семейством его были приняты меры к тому, чтобы они никогда вновь не встречались.[588]

Все больше и больше весьма различные по характеру Юлия и Тиберий приходили скорее в противоречие друг с другом, нежели дополняли друг друга. Будучи человеком сложным, который, несомненно, был способен хранить в памяти трепет и порыв своих отроческих лет, Тиберий придерживался строгого, или, вернее, старомодного взгляда на благовоспитанность, сочетавшуюся с ограничениями, которые налагало положение в обществе. Что касается всей родословной его семейства, то происхождение отца Тиберия ничем не примечательно, и своим настоящим видным положением он был обязан единственно только браку своей матери с Августом. Напротив, Юлия родилась дочерью Цезаря и триумвира, и, прежде чем достигла брачного возраста, ее отец стал единственным хозяином римского мира. По мере того как росла пропасть между супругами, она все более открыто стала выказывать презрение к происхождению своего мужа. Даже в этом случае он, как Меценат и Агриппа, был человеком, которого принцепс наделил почетом и властью, и точно то же самое было сделано в отношении сыновей Юлии.[589]

Покорно сыграв свою роль в политических планах отца, обеспечивая по очереди лояльность Марцелла, Агриппы и Тиберия и подарив ему в течение этого времени пять внуков, Юлия не видела оснований скрывать ни свою гордость за то, что она дочь Августа, ни свою любовь к роскоши и наслаждениям. Когда кто-то намекнул, что она сделала бы лучше, если бы подражала рассудительному и воздержанному образу жизни своего отца, она ответила: «Он забывает, что он Цезарь, но я помню, что я дочь Цезаря». Сознательно, как и Ливия, следуя моде, Юлия, будучи почти на двадцать лет моложе, придерживалась стиля гораздо более пышного и значительно более яркого. Один раз она поняла, что ее отец, ничего не сказав, не одобрил ее внешний вид. На следующий день она появилась в куда более скромном наряде, и радость отца была очевидна. «Разве это не более подходящий стиль для дочери Августа?» – сказал он, на что Юлия ответила: «Сегодня я оделась для взоров моего отца; вчера – для взоров мужа». Дочь Августа была остроумной и предпочитала скорее сама решать, как себя вести, нежели принимать наставления от других, будучи бóльшую часть времени предоставленной самой себе, пока сначала Агриппа, а потом Тиберий отправлялись в походы. Ее гордость не переходила в заносчивость, и Юлия была популярна в Риме как

сама по себе, так и благодаря восторгу, в который приходили от ее отца, мужей и сыновей (Macrobius, *Saturnalia* II. 5. 5, 7).

Человек, который удалился

Августа беспокоило, что смерть Друза могла побудить германские племена возобновить борьбу против Рима, и поэтому в 8 г. до н. э. он послал туда Тиберия, чтобы тот заменил брата. Принцепс ожидал формального завершения траура, а затем вступил в Рим и провел там несколько месяцев, прежде чем поспешил в Галлию, чтобы наблюдать операции своих армий за Рейном. Эта демонстрация римского могущества и решительности несмотря на смерть командующего убедила племена просить мира. Посланцы от всех германских племен собрались, чтобы встретить Августа в Лугдуне, но когда сигамбры никого не прислали, тот объявил, что не будет иметь дела ни с кем другим. В конце концов, сигамбры, быть может, под давлением своих соседей, появились, но только для того, чтобы быть посаженными под арест. Это являлось нарушением соглашения, и хотя вряд ли единственным со стороны римлян, но в этом случае оно оказалось серьезным просчетом. Пленники были разделены и отправлены в различные общины, чтобы их там держали в качестве заложников, но все они при первой возможности покончили с собой. Пока их соплеменники не затевали войну, но этот вероломный поступок римлян содействовал накоплению ненависти и недоверия в будущем.[590]

Подробности операций на тот год неясны и, быть может, они заключались скорее в демонстрации силы, нежели в настоящих сражениях. Впервые Гаю Цезарю показали кое-что из жизни легионов. Имея только двенадцать лет от роду и формально еще не будучи воином, он принимал участие в некоторых упражнениях и изображался на монетах, отчеканенных для выплаты войску. Может быть, хорошо, что утрата Агриппы и Друза побудила Августа дать возможность своему старшему сыну приобрести некоторый опыт в более раннем, чем обычно, возрасте. Еще более удивительно, что, несмотря на скромные результаты операций этого года, Тиберию был пожалован полный триумф, – первый, назначенный более чем за десятилетие кому-либо другому, кроме Августа, а принцепс, как обычно, принимал решение не праздновать предоставленных ему триумфов. Осенью Тиберий также был избран консулом во второй раз.[591]

Если масштабы победы вызывали сомнения, то ее празднование нет, и во многих отношениях на нее смотрели как на кульминацию наиболее тяжелой кампании, проводимой в Германии и на Балканах за последние несколько лет. Закончилось это значительными завоеваниями с образованием

новых провинций в Паннонии на Дунае и в Германии к востоку от Рейна. Август возродил еще одну древнюю привилегию завоевателя и официально расширил границы померия, и хотя эта перемена все еще оставляла важный в техническом смысле пригород вне города, она явилась чем-то таким, что зачастую оказывалось удобным. Ценз, проводимый на основе предоставленных принцепсу полномочий, также был проведен в 8 г. до н. э., и в списки были занесены 4 233 000 граждан вместе с принадлежащей им собственностью. Общее провинциальное управление, удерживаемое Августом уже в течение двадцати лет, было продлено еще на десять. Несмотря на то, что он передал контроль над некоторыми землями обратно сенату, в последние годы он взял на себя также контроль над Иллириком, а равно и над вновь завоеванными территориями. Август рутинно жаловался сенаторам на тяжесть своей власти, но ни у них, ни у него не было никаких колебаний относительно ее расширения. Совсем как Юлий Цезарь, теперь принцепс был почтен переименованием в его честь одного из месяцев года. Некоторые выражали сильное желание, чтобы в ознаменование его рождения это был сентябрь, но он вместо этого выбрал предшествующий месяц, когда он впервые стал консулом и одержал столь много побед. Таким образом, секстилий, шестой месяц по древнему римскому календарю и восьмой по календарю Юлия Цезаря, стал августом.[592]

Праздник сопровождался скорбью, ибо в какой-то момент этого года умер Меценат. Теперь два старейших друга Августа ушли, как и действительно бóльшая часть того поколения, которое сражалось в гражданских войнах, так как даже тем, кто был молод при Акции, было по меньшей мере за сорок лет. Принцепсу было пятьдесят пять, и он все еще возлагал на себя тяжкое бремя государственных дел. Деятельность Мецената, не обладавшего официальным званием и не занимавшего должностей, всегда проходила преимущественно за сценой. Возможно, его влияние уменьшилось в последние несколько лет, но как советчик и человек, откровенно высказывавший мнение, он играл важную роль. Его смерть, как и его жизнь, не сопровождалась фанфарами, но Август был его главным наследником и получил среди прочих вещей большую роскошную виллу в окрестностях Рима. Немного спустя умер и поэт Гораций, и таким образом Август утратил свой «прекрасный пенис», общительного корреспондента и вместе с тем человека, желавшего и способного прославлять его и его режим словами, исполненными величайшей красоты. Более молодые поэты, как и более молодые политики, становились их преемниками, и Август

находил, что их не всегда столь легко контролировать и что они не гармонируют с его взглядами на мир.[593]

Последние несколько лет он сделал разные попытки побудить больше людей добиваться успеха в общественной жизни и увеличивать посещаемость сенатских собраний. Традиционно высший совет Рима, когда бы он ни собирался, был созываем старшим магистратом, поэтому собрания могли происходить незамедлительно. Хотя все еще требовалось проводить собрания при некоторых чрезвычайных обстоятельствах, в 9 г. до н. э. было решено, что сенат будет дважды собираться каждый месяц в дни, установленные заблаговременно и свободные от судебных собраний или других дел, требующих присутствия некоторых сенаторов. Штраф за неявку без уважительной причины увеличился, хотя из-за того, что многие уже были виновны в этом, пришлось заплатить только некоторым, выбранным по жребию. Август установил кворум, необходимый для официального голосования по любому вопросу, который потребует издания сенатусконсульта – официального мнения сената. Если присутствовало меньше членов, тем не менее их решение должно было быть зарегистрировано, но оно имело меньшее значение.[594] Список сенаторов ежегодно публиковался, а имена и число тех, кто присутствует в собрании, также заносились в список.

Август инициировал проводимые им преобразования, но извещал обо всех своих предложениях в курии и предоставлял сенаторам достаточную возможность прочитать их прежде, чем они приступали к их обсуждению. В результате этого могли возникнуть немногочисленные изменения, и он заботился о том, чтобы казаться открытым для обоснованных и разумных возражений. По временам общественная жизнь протекала так, словно царила свобода, что не могло доставить ему удовольствие. Подкуп избирателей при консульских выборах на 8 г. до н. э. происходил в столь огромном масштабе, что все кандидаты, включая победителей, были признаны виновными. Никто не был подвергнут наказанию, так как оказалось, что в этом был замешан каждый, но на будущее Август настоятельно потребовал, чтобы кандидаты вносили залог, который в случае, если их признают виновными в коррупции, будет конфискован.[595]

Когда Тиберий в конце 8 г. до н. э. возвратился в Италию, он оставался за пределами померия до тех пор, пока справлял свой триумф. Следовательно, когда он 1 января 7 г. до н. э. вступил в консульскую должность, сенат собрался вне официальной границы города, проводя заседание в портике Октавии рядом с театром Марцелла. Август уехал в провинции, и поэтому его высокое положение не затмевало великого момента в жизни его

зятя. В своей первой речи Тиберий объявил, что он от своего имени и от имени Друза восстановит на Форуме храм Согласия. Построенный впервые человеком, который возглавлял бессудную расправу над радикальным трибуном Гаем Семпронием Гракхом в 121 г. до н. э., этот храм был местом, где Цицерон в 63 г. до н. э. созвал сенат, чтобы решить судьбу участников преступного заговора Катилины. В какой-то момент этого года или предыдущих лет Тиберий также пообещал воссоздать еще один храм, на сей раз Кастора и Поллукса, и также от своего имени и от имени брата (Dio Cass. LV. 8. 1–2).

Диоскуры, или «Божественные Близнецы», братья Елены Троянской, были знамениты как своей исключительной мужественностью, так и своей глубокой любовью друг к другу. Когда один умер, другой разделил с ним его участь, так что братья один день поочередно находились в царстве то живых, то мертвых.[596] Диоскуры появились в знаменательный момент римской истории, прибыв будто бы для того, чтобы возвестить о победе в битве при Регилльском озере в 494 г. до н. э. Весьма возможно, что сыновья Ливии уже ассоциировали себя с ними в то время, когда Друз был жив, и этому, конечно, Тиберий в будущем будет содействовать. В прошлом этот храм часто использовался в качестве своего рода ораторской трибуны при неофициальных собраниях римского народа, и был свидетелем многих сопровождаемых горячими спорами сходок и в течение последних десятилетий республики. Трудно сказать, сознательно ли Тиберий так толковал эти знаменательные исторические памятники, и если да, то еще труднее сказать, из каких соображений. В любом случае он, безусловно, содействовал реставрации центра Рима, которая сделала его более величественным и в то же время связала с Августом и его разросшимся семейством (Dio Cass. LV. 8. 1–2).

В начале января Тиберий справил триумф, – первый, который видел город со времен победных торжеств Бальба в 19 г. до н. э. Затем он председательствовал на пиршестве для сенаторов на Капитолии, в то время как Ливия давала другой для наиболее почтенных женщин Рима. Мать и сын освятили вновь построенный Портик Ливии на Эсквилинском холме, сооруженный Августом в честь своей жены. Он был выстроен на месте разрушенного дома Ведия Поллиона, человека, опозоренного за то, что кормил своими рабами плотоядных рыб. Несомненно, убрать этот дом, а вместе с ним и воспоминания о таком непопулярном человеке, было поступком, вызвавшим одобрение у народа. Важно то, что новое строение представляло собой громадный зал, обеспечивавший закрытое пространство

для всякого рода публичных занятий, включая судебные разбирательства по незначительным делам, – нечто грандиозное и полезное для разросшейся общины на месте памятника чрезмерному богатству отдельной личности. Внутри здания находился алтарь или святилище Согласия, воспроизводивший тему гармонии внутри государства и семьи.[597]

О Юлии не упоминалось ни на одном из этих празднеств, и это, вероятно, более чем просто случайность. У нее не было особых оснований играть видную роль в открытии портика, названного в честь матери Тиберия, но ее отсутствие на пиршестве в честь его триумфа говорит о явном отличии последнего от овации несколькими годами ранее. Личный разрыв между мужем и женой, возможно, начал влиять и на их публичные роли. Маловероятно, чтобы тот или другой из них был недоволен, когда Тиберий оставил Рим, чтобы возвратиться в Германию для проведения кампании 7 г. до н. э. Несомненно, Юлия больше привлекала к себе внимание общества, когда ее отец вернулся в Рим, и Гай Цезарь председательствовал на празднествах, устроенных в ознаменование этого, и на открытии Дирибитория, крытого помещения для подсчета голосов, который являлся частью перестроенной Агриппой Септы и пространства вокруг нее. Он представлял собой выдающееся произведение инженерного искусства, когда-либо созданного, с огромнейшим сводом, не опиравшимся на колонны. Когда спустя почти столетие он погиб в огне, то сочли, что восстановить его будет слишком трудно, и оставили под открытым небом.[598]

Проблемой в 7 г. до н. э. также стал пожар, пламя которого причинило серьезный ущерб частям Форума и соседствующим с ним районам. Полагали, что в этом случае причиной скорее был поджог, чем несчастный случай, и подозрение пало на группу людей, обремененных долгами и надеявшихся после того, как их имущество уничтожено, предъявить ложные требования. Несмотря на эти разрушения в сердце города, погребальные игры в честь Агриппы были проведены при участии Гая и Луция Цезарей, занимавших председательские места рядом с Августом. Гладиаторские игры включали в себя бои между подобранными парами бойцов и значительное число баталий, и проводились, вероятно, на временных подмостках на Септе как для удобства, так и как напоминание согражданам о службе и щедрости Агриппы. Все сопровождающие принцепса отличались от него черными траурными одеяниями, и это был новый шаг в представлении публике сыновей Августа (Dio Cass. LV. 8. 5–6).

Этот год стал свидетелем крупной административной реорганизации города, отчасти вызванной недавним пожаром.

Рим традиционно делился на небольшие участки, известные как *vici* (букв. «села», но лучше переводить как «районы» или «кварталы»). Теперь Август заново установил их границы, чтобы создать из них 265, которые, в свою очередь, были сгруппированы в 14 более крупных кварталов. В каждом *vicus* (квартале) местные магистраты надзирали за культом богов квартала, отправлявшемся на алтарях, сосредоточенных на перекрестках дорог, и на этих людей теперь возлагалась более высокая ответственность, а престиж их повышался. В особых случаях этих магистратов сопровождала пара ликторов, и им позволялось внутри своих кварталов носить официальное одеяние. Если не все, то большинство этих людей были вольноотпущенниками, каковых было много среди населения города, и это предоставляло данному классу иметь официальный чин и пользоваться местной властью и престижем. Август щедро платил за восстановление повсюду в городе этих алтарей на перекрестках в более изящном стиле, связывая свое имя с местными духами и божествами-покровителями каждого квартала. Принцепс присутствовал не просто во всех монументальных частях города, но повсюду в лабиринтах его глухих улочек. Народ – свободнорожденные и, наравне с ними, прежние рабы – совершали регулярные жертвоприношения, как частные, так и общественные, на алтарях, где он занимал место рядом с богами. Одна установленная в I в. н. э. большая надпись содержит следующий текст: «Меркурию, предвечному богу Юпитеру, Юноне Царице, Минерве, Солнцу, Луне, Аполлону, Диане, Анноне Опе, Исиде и Пиетате, божественным паркам, да сопутствует благополучие, благоспешествование и процветание Императору Цезарю Августу, его [могуществу] и могуществу сената и народа римского, и народам… Луций Лукреций Зет, вольноотпущенник Луция, освятил этот алтарь Августа по повелению Юпитера. Победа народам! Процветание посевам!»

Непосредственно Августу не поклонялись, но те, кто принимал участие в священнодействиях на алтарях Августа, поклонялись во имя его. Включение его рядом с традиционными богами и богинями Изиды отражало изменение в верованиях, – а может быть, и вечно меняющийся этнический состав, – большей части римского населения. Периодические попытки подавить этот культ эллинистического Египта, предпринимаемые государством, не могли остановить его постоянного распространения, и в конце концов он был воспринят, соединившись с традиционным пантеоном богов-покровителей города.[599]

В 6 г. до н. э. Тиберий возвратился в Рим, и в июне ему были оказаны новые почести. Когда Август начал очередной год своей

трибунской власти, она была дана на пять лет также и его зятю, как было и с высшим проконсульским империем, распространявшимся по крайней мере на Восточное Средиземноморье. Подобным образом только Агриппа всегда делил с принцепсом его высокое положение, и было ясно, что теперь ожидали исполнения той же самой роли Тиберием, который разделял с ним бремя его трудов и действовал как имперский пожарный, переходя от одной критической ситуации или сложного дела к следующей. В данном случае происшедший в Парфии дворцовый переворот угрожал стабильному положению Армении и интересам римлян на востоке. Отныне Тиберий, который в ноябре справит свой тридцать шестой день рождения, являлся проверенным полководцем и администратором, проведя в провинциях почти половину своей взрослой жизни. При том что Агриппа и Друз ушли, а сыновья Августа были еще детьми, имелись все предпосылки к тому, чтобы впредь почти беспрерывно принуждать его к делам в империи. За высокое положение нужно было платить.[600]

В конце года римский народ собрался на центуриатные комиции на Септе, сооруженной Агриппой в столь огромном размере, и избрал Гая Цезаря одним из консулов на будущий год. Гай не был кандидатом и в действительности официально являлся несовершеннолетним, ибо несмотря на то, что ему шел четырнадцатый год, он еще не надел мужской тоги; но избиратели написали его имя в избирательных бюллетенях, точно так же, как и в прошлом, они настояли на избрании Августа даже тогда, когда он не был кандидатом. Оба сына принцепса были очень популярны. Недавно толпа приветствовала аплодисментами одиннадцатилетнего Луция, когда тот посетил театр без сопровождения солидной свитой, – и тем не менее трудно поверить, что выборы были совершенно спонтанными. Более чем правдоподобно, что эта идея, вероятно, подробно обсуждалась друзьями Юлии или теми, кто надеялся завоевать признательность как ее собственную, так и ее сыновей.

Август был недоволен и быстро стал действовать так, чтобы сдержать этот народный энтузиазм. Это был еще один случай, когда он оказался преданным традиции сильнее, чем многие другие римляне. Хотя принцепс понизил на десять лет минимальный возраст для занятия старшей магистратуры и предоставил членам семьи право баллотироваться даже в том случае, если они моложе летами, выборы сущего мальчика только потому, что тот его сын, не могли предотвратить обесценивания консульства. Комиции, на которых преобладали более состоятельные граждане, следовало ограничить, и после того

Август на народном собрании отказался дать согласие на этот выбор; он публично молился, чтобы никогда снова нужды государства не потребовали бы того, чтобы консулом стал человек моложе двадцати лет, как это случилось с ним в 43 г. до н. э. Вероятно, именно в этот момент принцепс выдвинул собственную кандидатуру на выборы вместо своего сына и, возможно, пообещал оказать мальчику почести как только тот станет мужчиной. Затем он будет понтификом, получит право присутствовать на собраниях сената и в 1 г. до н. э., когда наконец достигнет двадцати лет, примет консульство. Вероятно, это был тот возраст, когда его отец намеревался предоставить юноше более значительную роль в общественной жизни, но весьма возможно, что провозглашение консульства принуждало его к этим обещаниям и отражало то давление изнутри со стороны его собственной семьи и некоторых слоев населения, направленное на продвижение сыновей Юлии.[601]

Вскоре после этого Тиберий неожиданно заявил, что хочет отойти от общественной жизни, утверждая, что он устал после долгих лет напряженного труда. Вместо надзора за восточными провинциями и границами он пожелал жить частной жизнью и продолжать свои занятия на Родосе. Сначала к этому не отнеслись серьезно, но он упорствовал, несмотря на отказы Августа обсудить дозволение ему уехать. В конце концов Тиберий объявил голодовку, отказавшись в течение четырех дней принимать какую-либо пищу до тех пор, пока принцепс не смягчился. Август публично осудил своего зятя за то, что тот бежит от исполнения своего долга перед государством, и только нехотя позволил ему поступить так, как тот пожелает. Вместо того, чтобы с помпой и присвоенной римскому полководцу церемонией отправиться в провинции, Тиберий в сопровождении лишь нескольких друзей скромно покинул Италию. Известие о том, что Август болен, заставляет его на время сделать перерыв. Возможно, это была правда, а может быть, принцепс выдумал болезнь в надежде образумить сына Ливии. Тиберий, чувствуя, что промедление с его стороны выглядит подозрительным, почти как если бы он пребывал в надежде, что его тесть умрет, наконец, отплыл. По пути он сделал остановку, добиваясь, чтобы город Парос продал ему статую Весты, которая, как он объявил, будет помещена в храме Согласия.[602]

Август не пытался скрыть свой гнев на то, на что он смотрел как на предательство со стороны человека, которого он сделал своим зятем и поднял до самого высокого после себя положения в государстве. Агриппа никогда не покидал его подобным образом, хотя в последние годы делались попытки объяснять причину его

командования на востоке соперничеством с Марцеллом, но Агриппа, как и Друз, был мертв, и теперь Тиберий оставил его в то время, когда Гай и Луций были еще слишком молоды для того, чтобы помогать. В пятьдесят семь лет император Цезарь Август потерял всех деятельных коллег, которых он так старался приобрести. Гнев, вызванный предательством, соседствовал с недоумением, так как Август и все остальные изо всех сил старались понять, почему Тиберий так неожиданно ушел из общественной жизни. Эта неясность нашла отражение во многих источниках и до наших дней ставила ученых в тупик. Давали различные объяснения: что Тиберий ревновал к Гаю и Луцию или что он желал дать мальчикам возможность продвинуться, не затмевая их своими успехами. Позднее народ утверждал, что он бежал из Рима потому, что не мог более выносить жизни с Юлией.[603]

Ни одна из этих причин не имеет большого значения. Тиберий, совершая объезд провинций, на годы уехал бы от жены и не нуждался бы в том, чтобы прибегать к таким решительным мерам. Гай и Луций были еще слишком молоды, чтобы быть серьезными соперниками, а Тиберий, прежде чем уехал, вскрыл свое завещание, дабы показать Августу и Ливии, что он включил мальчиков в число своих главных наследников. Современные ученые часто толкуют статус Тиберия как положение, по существу, регента, который помогал бы управлять государством до тех пор, пока мальчики не стали бы достаточно взрослыми, чтобы взять это на себя. Август, безусловно, не помышлял о таком образе действий и продолжал рассчитывать на коллегию людей, помогавших ему в управлении государством и сотрудничавших после его смерти. Даже в это время никто, быть может, не разделял его точку зрения. Если Юлия и те, кто ее окружал, настаивали на быстром продвижении ее сыновей, тогда Тиберий, быть может, почувствовал, что то положение, которое он рассчитывал занимать длительное время, ненадежно. Еще труднее представить себе, какие дополнительные полномочия Август мог ему дать, которые он бы еще не имел. Если угроза оставить службу была позицией, занятой из желания поторговаться, то в лучшем случае он оказался бы обманут, а в худшем это имело бы неприятные последствия, из-за которых Тиберий остался бы в политической изоляции и лишился своего круга обязанностей, хотя он и продолжал бы обладать трибунской властью и империем до истечения их срока в 1 г. до н. э.

Иногда очевидное может заключать в себе большую долю истины. Тиберий утверждал, что он устал, и в самом деле, восемь из последних десяти лет он провел в военных кампаниях, и на

будущее перед ним маячила перспектива, при которой такая деятельность была бы нормальной. В этом заключалось большое отличие от традиционной публичной карьеры, где магистратуры и провинциальные посты разнообразились менее активным препровождением времени дома. Август, Агриппа и те, кого они зачислили себе в помощники, постоянно трудились и притом без каких-либо значительных передышек. Пугающая перспектива: жизнь в беспрерывном тяжелом труде, подобном тому, который изнурил Агриппу и довел его раньше времени до могилы. Несмотря на свое аристократическое чувство долга, Тиберий в качестве принцепса проведет бóльшую часть своего времени в уединении вдали от Рима. Август жаловался на тяготы забот о государстве, но, кажется, преуспевал в своей деятельности и постоянных столкновениях с людьми, как с отдельными личностями, так и с толпой. Тиберий никогда не выказывал никакого энтузиазма ради дела, работая вместо этого с неприятным сознанием долга. При том, что он был огорчен потерей брата, несчастливо женился, утомился и в будущем, состоявшем из бесконечной работы, наконец, деля власть со все еще неопытным отпрыском от жены, к которой он питал отвращение, его уединение, пожалуй, было мало связано с политикой. Уставший и пресытившийся, Тиберий удалился от давления, ответственности и любой возможности продолжать карьеру, по крайней мере в обозримом будущем.[604]

Отцы, дети и доверие

Август оставил за собой управление империей. В 5 г. до н. э. он был консулом в двенадцатый раз. Через восемнадцать лет после того, как последний раз занимал этот пост, к этой должности он подвел своего старшего сына как раз в тот день, когда Гай впервые надел мужскую тогу и официально стал взрослым мужчиной. Вскоре после этого юноше был присвоен беспрецедентный титул *princeps iuventutis* (первый среди юношества) и он был сделан почетным главой всаднического сословия – равным образом понятие беспримерное. Ни одно из этих званий не означало ни официальной власти, ни какой-либо действительной обязанности, но, несомненно, повышало его реноме в глазах общества. В то время, как Цезарь Август ожидал, пока его сыновья повзрослеют, у него не было иного выбора, кроме как доверить другим командование армиями на полях сражений. Луцию Домицию Агенобарбу, консулу 16 г. до н. э., женатому на старшей Антонии и поэтому входившему в состав разросшегося семейства принцепса, было дано командование в Германии, и он участвовал в крупной военной кампании. То же касается и Марка Виниция, его преемника, нового человека в

среде аристократии, консула 19 г. до н. э. Не все люди, выбранные для командования армиями, были связаны с Августом родственными узами, но всем им доверяли, большинству предоставляли следующие друг за другом посты и иногда награждали триумфальными почестями.[605]

Наши источники относительно тех лет, которые Тиберий провел в уединении, бедны и затрудняют реконструкцию событий в каких-либо подробностях: рассказ Диона Кассия существует только в кратком изложении, которое от 5 г. до н. э. перескакивает прямо ко 2 г. до н. э. Весьма возможно, на других границах военная деятельность была значительнее и, может быть, некоторые иные, неизвестные победы, перечисленные в «Деяниях божественного Августа», относятся к этим годам. Насколько мы можем судить, Август мало разъезжал и, кажется, в течение некоторого времени не посещал провинций. Без старшего коллеги принцепсу было лучше оставаться в Риме и позволить делегациям являться к нему. Постоянный поток петиций продолжался, и только теперь он мог рассмотреть большинство из них. Иногда разбираемые вопросы были очень важны. В 12 г. до н. э. общины Азии тяжело пострадали от серии землетрясений и происшедших в результате этого пожаров и просили об освобождении от налогов. Август отменил на два года взимание податей и уплатил в казну равную сумму из собственных денег, чтобы дать жителям Азии время на восстановление.[606]

Другие дела были менее значительны и носили более личный характер. В 6 г. до н. э. община греческого острова Книд отправила посольство, чтобы встретиться с принцепсом. Назначили двух человек – Дионисия, сына Дионисия, и его товарища, – и они начали обвинять некоего Эвбула, сына Анаксандрида, и его жену Тиферу в убийстве некоего Эвбула, сына Хрисиппа. Если те на Книде не представляли собой, судя по именам, ничего особенного, то само преступление было необычным. Брат жертвы и его приверженцы в течение трех ночей подряд нападали на дом обвиненной пары, как описано в письме Августа к общине: «Так как хозяева дома, Эвбул и Тифера не могли добиться того, чтобы пребывать в безопасности в своем доме, ни посредством переговоров… ни путем ограждения себя от нападений, то они приказали одному из своих домашних рабов не убить (хотя, пожалуй, вполне извинительный гнев мог бы кого-нибудь побудить поступить так), но сдерживать их, поливая экскрементами. Однако домашний раб… уронил ночной горшок вместе с тем, что выливал, а Эвбул попал под него».

Местная община, находящаяся, вероятно, под влиянием брата покойного, обвинила хозяев, а те апеллировали к Августу через

посредство проконсула Азиния Галла. Этот последний приказал нормальным римским манером допросить их рабов под пыткой, и тот, кто выронил ночной горшок, был тверд, утверждая, что не собирался делать этого, хотя известная доля сомнений в этом была выражена. Август продолжал: «Я послал тебе также имеющиеся вопросы. Я бы удивился, насколько обвиняемые боялись допроса рабов под твоим руководством, если бы ты не казался слишком суровым по отношению к ним и упорным при всем неправильном отношении к преступлению, будучи разгневан не на тех, кто заслуживал претерпеть все, чтобы то ни было, потому что три раза ночью, чиня буйство и насилие, они предприняли нападение на чужой дом».

В данном случае истинные жертвы как нападения, так и последующей судебной ошибки на местном уровне, получили в конце концов от принцепса справедливый вердикт, но весьма возможно, чтобы добиться этого, потребовалось длительное время для преодоления всех препон и немалые расходы. К тому времени как Август объявил свое решение и приказал книдянам внести изменения в «судебные протоколы в их публичном архиве», чтобы согласовать их с его мнением, домохозяин Эвбул уже умер.[607]

Отдельные личности, общины и даже целые провинции апеллировали к рассудительности Цезаря Августа. Так же поступали и монархи. У Ирода Великого было не менее десяти жен и большое число детей. Двое самых любимых были посланы в Рим, чтобы их растили и воспитывали при дворе Августа, но так как они были сыновьями казненной Мариам, им всегда мало доверяли. По прошествии лет Ирод вызвал их обратно, а в 13 г. до н. э. взял их в Италию, где отец и сыновья предстали перед принцепсом и обвиняли друг друга в вероломстве. Дело это на время было завершено, но в 7 г. до н. э. царь снова обвинил их в заговоре против него. На этот раз он лично в Италию не поехал, но отправил послов, и Август повелел, чтобы особый суд, в состав которого входили его легат в Сирии и другие римляне, собрался в Берите, дабы разобрать это дело. Сыновей признали виновными и поспешно казнили, хотя римляне настаивали на тюремном заключении.[608]

Последние годы жизни стареющего и слабого здоровьем Ирода были отмечены чередой казней членов его семьи, в то время как царь видел повсюду опасности и измену. Август сухо заметил, что он «предпочел бы быть свиньей Ирода, чем его сыном». Никогда царь Иудеи ни на мгновенье не колебался в своей верности Риму. В 4 г. до н. э., когда стало ясно, что дни Ирода сочтены, какая-то группа людей собралась и сорвала золотого орла, которого он установил на главных воротах Храма

и к которому они, вероятно, испытывали отвращение скорее как к кумиру, чем как к символу Рима. Действовали они слишком поспешно, и скоро были арестованы и приведены к царю. Тот повелел совершивших это деяние заживо сжечь, тех, кто вдохновил их, также казнили. Несмотря на непопулярность Ирода, его власть в царстве была по-прежнему сильна. Вскоре после того он умер, и Август сформировал комиссию для решения вопроса о будущем этого царства, в которую включил Гая Цезаря, и, в конце концов, разделил его на три части и передал управление трем из оставшихся в живых сыновей Ирода. В последний год царствования Ирода или около того в какой-то момент родился Иисус – событие, очевидно, огромной важности для будущей истории, но не для истории Августа (рассуждения об этом факте см. в Приложении II). Менее чем через год после смерти царя легат Сирии дважды ходил со своими легионами в Иудею подавлять сильнейшие волнения против наследников царя и их римских покровителей.[609]

Акций был давно, и с 30 г. до н. э. восточные провинции были почти полностью избавлены от боевых действий, не считая небольших по масштабу кампаний на окраинах. Римское владычество признали, и мир и стабильность, которые оно давало, приветствовали и ценили. Также давно, в 26–25 гг. до н. э., собрание, устроенное общинами в Азии для принятия участия в культе Рима и Августа,[610]предложило награду всякому, кто явился бы с предложением приличествующего способа почитания Августа, занимавшего главное место в этой эре спокойствия. Наконец, в 9 г. до н. э. указанная награда была присуждена, а так как удостоился ее римский проконсул, то напрашивается мысль, что на это было испрошено и дано одобрение принцепса. В дальнейшем все общины переменили свои календари таким образом, чтобы год начинался в тот день, на который приходилось 23 сентября, день рождения Августа. Он становился первым днем месяца, названным Цезарь. В 4 г. до н. э. Август ввел новую процедуру, позволявшую провинциальным общинам быстрее сменять правителя в случае вымогательства и любых других злоупотреблений властью, что положило конец противозаконным убийствам. Образ и имя Августа в провинциях были заметны повсюду, и он прилагал некоторые усилия к тому, чтобы обеспечить хорошее управление, хотя очень может быть, что новая система благоприятствовала коррупции администраторов, так как они должны были подлежать суду, состоявшему исключительно из других сенаторов, чьи наклонности, вероятно, возбуждали к ним сочувствие.[611]

Во 2 г. до н. э. шестидесятилетний Цезарь Август в

тринадцатый раз стал консулом, сделав церемонию при вступлении Луция Цезаря в совершеннолетний возраст еще более почетной. В пятнадцать лет тот был назначен авгуром и коллегой брата в качестве принцепса молодежи. Ему также позволили присутствовать в сенате и записали как кандидата на консульство в 4 г. н. э. 5 февраля 2 г. до н. э. сенат и народ постановили присвоить Августу титул *pater patriae* – «отец отечества». Это была почесть, не один раз упоминаемая в прошлом, но к настоящему моменту значение этого понятия уклонилось от первоначального. Цицерон в 63 г. до н. э. и Юлий Цезарь в качестве диктатора, оба были названы *parens patriae* («родитель отечества»), хотя титул этот неопределенный, и некоторые полагают, что тот либо другой или оба вместе были названы скорее «отцом», чем «родителем». В случае с Цицероном его присуждение было неформальным, тогда как Юлию Цезарю его пожаловали посредством официального постановления сената. Отец, особенно отец семейства, который стоял во главе семьи, в высшей степени глубоко почитался в римской культуре, но сомнительно, чтобы этот титул имел большое различие с названным, кроме, быть может, того, что небольшая разница в формулировке отличала Августа и подчеркивала всеобщий характер его отцовства. Сначала, когда депутация, представлявшая широкие слои населения, предложила этот титул, Август ответил отказом. Предоставление его происходило в театре, когда ко всеобщему одобрению Валерий Мессала, действуя от лица других сенаторов, снова обратился к нему, заявляя: «Да сопутствует счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя Отцом Отечества».[612]

Август был взволнован до слез, когда отвечал: «Достигнув исполнения моих желаний, о чем еще могу я молить бессмертных богов, отцы сенаторы, как не о том, чтобы это ваше единодушие сопровождало меня до конца жизни».[613]

Пример народного давления, преодолевающего скромное нежелание со стороны принцепса, был успешно явлен, и обе стороны, без сомнения, понимали ту роль, которую играли. Это не меняет того факта, что только теперь Август принял этот титул. Если бы он желал его, то, конечно, мог бы получить его раньше. Этот путь льстил обеим сторонам, но главное сдерживающее начало в оказании почестей Августу исходило от него самого, а не от какой-либо мнимой сенатской оппозиции. Мессала был консулом 31 г. до н. э., прежним союзником Брута и Кассия, а затем Антония, и перед Акцием переметнулся на

другую сторону, продолжая обладать провинциальным командованием и получать триумф. Он принадлежал к поколению, которое испытало ужасы гражданской войны на себе и все больше уходило в небытие. Что бы еще Август ни сделал, он уже обеспечил государству стабильность и внутренний мир в продолжение почти трех десятилетий, и уже поэтому активная поддержка являлась, конечно, искренней. Такой же была и его гордость, и упоминанием о присуждении ему названного титула завершается подлинный текст его Деяний: «В мое тринадцатое консульство сенат, всадническое сословие и весь народ римский провозгласили меня отцом отечества и постановили, чтобы это было написано при входе в мой дом и в здание сената»: «Деяния божественного Августа» 35.1.

Более чем за сорок лет своей карьеры Август проделал путь от разгневанного мстителя за убитого отца до главного государственного мужа, объединителя и «отца» римского мира. Его приемные сыновья делили с ним популярность и готовились к занятию высшей должности. Его дочь – и единственный его родной ребенок – обнаруживала меньшую склонность играть ту роль, которую дал ей отец.

Уединение Тиберия на Родосе снова предоставило Юлию самой себе. Наиболее вероятно, что в течение некоторого времени до этого пара совместно не жила, и потому случившаяся после его отъезда перемена, возможно, не была для нее слишком драматичной. Да и при ее жизненном опыте она не явилась чем-то необычным, ибо Агриппа большую часть их семейной жизни провел в провинциях, и Юлию одиночество не тревожило. Живая, любящая искусства и особенно поэзию, она наслаждалась компанией других блестящих, хорошо образованных, привлекательных и аристократических молодых людей. Поскольку она гордилась своим высоким положением, ее кружок состоял из молодых аристократов, принадлежавших к фамилиям, корни которых уходили далеко в глубь римской истории. Все были слишком молоды, чтобы принимать участие в гражданских войнах, которые, несомненно, явились глубочайшим жизненным испытанием, оказавшим влияние на формирование поколения их родителей, и выросли во времена мира и процветания.[614]

Поэт Овидий – Публий Овидий Назон – был схож с ними по возрасту и жизненному опыту, и его стихи проникнуты красотой и страстью, равно как и озорством, а по временам почти легкомыслием. Их духовному настроению недостает темных полутонов и серьезности более ранних поэтов, переживших годы проскрипций, конфискацию земельной собственности и убытки, а вместо этого оно наполнено безудержным чувством радости.

Около 2 г. до н. э. он работал над тремя книгами своей поэмы «Наука любви» (*Ars Amatoria*), представленной как шуточное специальное руководство о том, как найти и уговорить возлюбленного. Она гораздо менее о сексе, чем об обольщении, и при этом он, давая свои советы как мужчинам, так и женщинам, находит время совершить экскурсию и осмотреть некоторые памятника Августова Рима и рассказать несколько известных мифов, таких как история об Икаре. Несколько раз он убеждал своих читателей в том, что не прославляет прелюбодеяния; его женщины не жены, а любовницы, многие из них прежние рабыни, и поэтому здесь нет угрозы для собственно римского брака и рождения детей, столь активно поощряемого режимом Августа. До самой последней строчки второй и третьей книги тон нисколько не серьезный, тогда как он советовал, составляя каждую группу строк, провозглашать: «Назон был нашим учителем».[615]

Саллюстий и Цицерон иногда жаловались на распущенность и случайные связи молодого поколения римской элиты, мешая при этом истину с дикими преувеличениями. К I в. до н. э. многие богатые и знатные римские женщины не довольствовались тихим пребыванием дома в ожидании возвращения мужей из дальних краев. Юлий Цезарь и Август, оба завязывали многочисленные романы с замужними женщинами, и они были не одиноки. Как всегда, слухи, без сомнения, сильно превосходили факты, но некоторые жены аристократов охотно заводили любовников, много больше наслаждались обществом молодых аристократов и получали удовольствие от вина, пиров, танцев и музыки.

Юлия была одной из них и явно наслаждалась роскошью и мужской компанией. В продолжение ее супружества с Агриппой Август, говорят, задавал себе вопрос, не была ли она неверна, и успокоился только тогда, когда все ее дети оказались похожими на отца. Говорили, будто Юлия саркастически заметила, что никогда «не брала на борт пассажира, если только трюм корабля не был наполнен грузом». По меньшей мере в одном случае Август писал какому-то сенатору, приказывая тому не посещать его дочь, но, кажется, убедил себя в том, что ее поведение скорее глупое, чем опасное. Совет, состоящий в том, что ей следовало бы подражать своей мачехе, чьи друзья были зрелыми и благоразумными в отличие от более легкомысленной компании, составляющей кружок Юлии, вполне ожидаемо встретил холодный прием. Ливия была почти на двадцать лет ее старше, и дочь принцепса убедила его в том, что ее друзья также «состарятся вместе с ней». Ко 2 г. до н. э. Юлии исполнилось тридцать семь, и она родила шестерых детей. Многие изо всех

сил старались справиться со старением, особенно те, кто гордился своей красотой. Август неожиданно застал Юлию в тот момент, когда ее рабы выщипывали у нее несколько первых седых волос, и позднее он спросил ее, предпочтет она быть «плешивой или седой».[616]

Дела дошли до критического состояния в конце 2 г. до н. э., когда принцепс столкнулся с явными свидетельствами того, что Юлия состоит в одной или более прелюбодейной связи. Нам неизвестно, как Август об этом узнал, да и невозможно открыть то, что действительно случилось. Ни один из наших источников не сомневается, что она заимела ряд любовников. Некоторые названы, и в их числе Семпроний Гракх, который был известен как поэт, Аппий Клавдий, Сципион, Тит Квинкций Криспин, бывший в 9 г. до н. э. консулом и представляющий из всех наибольший интерес, Юл Антоний, сын Марка Антония и Фульвии. Заявляют и о других, менее известных любовниках, но имена их не приводят. Аристократическое происхождение названных любовников не вызывает удивления, и все, скорее всего, были вполне близки Юлии по возрасту.

Помимо любовных связей говорили о ее вызывающем поведении. Ходили слухи о пьяных вечеринках, устраивавшихся публично и даже на ростpах, о ночных сборищах на Форуме, там, где находится увенчанная венком статуя Марсия, сатира, известного своим музыкальным дарованием и ассоциировавшегося с пирами и Вакхом, богом вина. В еще более нелепых рассказах утверждается, что Юлия, страстно желая новых захватывающих ощущений, открыто продавала свое тело прохожим. Наша интуиция должна отвергать подобные россказни как сплетни, и мы, по всей вероятности, вправе это делать, хотя тот факт, что люди на протяжении всей истории совершали удивительные глупости, должен предостерегать нас от того, чтобы с абсолютной уверенностью не верить таким сообщениям. К тому же это может указывать на то, что Юлия и ее кружок становились все более неосмотрительными и, возможно, устроили одну или несколько своих вечеринок на улице или в общественном месте. Если это так, то здесь можно усмотреть ироническое эхо ночных набегов Антония и Клеопатры в Александрии. Возможно, каждый предполагал, что Август все знал, хотел закрыть глаза на происходившее и быть снисходительным к дочери.[617]

Учитывая знатное происхождение и семейные связи любовников, многие ученые предположили, что за всем этим скрывается политика и что в действительности это был заговор с целью захватить власть. Плиний утверждает, что существовал

замысел убить Августа, а Дион Кассий полагает, что за этим стоял Юл, но более никто даже не намекает на это, и кажется неправдоподобным, что Юлия составила заговор с целью убийства отца. Более вероятно предположить, что она надеялась получить позволение развестись с Тиберием и выйти замуж за Юла, который таким образом стал бы новым зятем принцепса; как таковой, присоединяясь к нему, а со временем и к молодым Гаю и Луцию, как к вождям государства, он мог, без сомнения, ожидать, что на его долю выпадет все бóльше власти и ответственности. Если бы Август в следующие несколько лет умер, Юл и Юлия могли бы занять такое положение, которое позволяло бы руководить ее сыновьями и разделить с ними власть. Избрание Гая в 6 г. до н. э. наводит на мысль о согласованных закулисных действиях, чтобы способствовать быстрому возвышению сыновей Юлии, и означает, что она и другие надеялись извлечь из этого выгоду. Быть может, это был план, а быть может, имели место неосторожные разговоры о свободе и восстановлении господства старых аристократических фамилий (статуя Марсия и затенявшая ее смоковница долгое время ассоциировались с символами народной свободы).[618]

То, что небезопасные разговоры имели место, вполне правдоподобно, и Юлия, может быть, надеялась выйти замуж за Юла. К тому же, несмотря на все оригинальные теории историков, организованный заговор в высшей степени невероятен. Август, конечно, не так смотрел на это, и ряд публичных осуждений за прелюбодеяния из-за его дочери – самая невероятная дымовая завеса, чтобы скрыть неудавшийся переворот, особенно со стороны человека, который ввел суровые – вызвавшие к тому же всеобщее недовольство – законы о браке и прелюбодеянии. Принцепс предоставил своей семье играть настоящую общественную роль и выставлял их в качестве образца подобающего римского поведения. Прелюбодеяние Юлии было бóльшим предательством, чем уединение Тиберия, и Август явно глубоко это переживал. Не было нужды в том, чтобы процесс был публичным, но он настоял на рассмотрении его в сенате, заставив квестора зачитать документ, так как он не чувствовал себя способным самому обратиться к сенаторам.

Юл Антоний покончил с собой – возможно, в предчувствии смертного приговора, так как более поздние источники неопределенно говорят, что он был убит, – а всех остальных любовников отправили в изгнание. Один являлся состоящим на службе трибуном, которому дозволили завершить срок службы, а затем выслали за границу. Юного сына Юла Антония также сослали и отправили доживать жизнь в Массилию. В общем и

целом, эта относительная мягкость является одним из сильнейших аргументов против политического заговора. В прошлом Август обнаруживал мало нерешительности в убийстве всякого, кто составлял заговор против него. К тому же большинство римлян явно находили это наказание за прелюбодеяние чрезмерно суровым (Тацит позднее утверждал, что принцепс относился к этому так, как если бы это было тяжкое преступление против государства, и, возможно, это ближе всего к истине). Август был оскорблен, рассматривая недостойное поведение своей дочери как глубоко личный позор, а ее любовников как сознательно наносящих обиду ему и его домашним. Это был удар по его авторитету, или даже во многих отношениях еще хуже, так как мнению о нем в более широких слоях едва ли где-нибудь был причинен вред столь значительный, как его собственному представлению о себе и своей гордости. Император Цезарь Август был скорее пристыжен и разгневан, чем испуган.[619]

Он отказался видеть Юлию и осудил ее на изгнание на крошечный остров Пандатерия. Ей не должны были дозволять ни вина, ни какого бы то ни было рода предметов роскоши, ни по сути каких-либо дружеских отношений с мужчинами: любому мужчине, будь то свободный или раб, посещающему остров по какой-нибудь служебной обязанности, разрешалось ехать туда только после того, как Август внимательно изучил его наружность и характер. Феба, вольноотпущенница Юлии, вероятно, от стыда за то, что ее впутывали в это дело, или из страха перед наказанием, совершила самоубийство. Август сказал, что он «предпочел бы быть отцом Фебы». Однако Скрибония, мать Юлии, сопровождала свою дочь в изгнание. Некоторые рассматривают это как публичное опровержение обвинений в прелюбодеянии, оставляя без внимания простую возможность продолжающейся любви матери к своей дочери и ее готовность простить то, что явно не имело места в отношении ее первого мужа.[620]

Цезарь Август пришел в ярость, он хотел, чтобы все замешанные в него были наказаны и публично обесчещены. Со временем его злость немного уменьшилась. После пяти лет пребывания на острове Юлии было дозволено переехать на более комфортабельную виллу на материке близ Регия, но все еще отказано в предметах роскоши и мужском обществе. Отец был непреклонен в своем отказе возвращать ее, несмотря на несколько больших демонстраций, устроенных толпами в Риме. С течением времени он, говорят, раскаялся в своем подходе к этому делу, выражая желание лично рассмотреть его. Сенека нам

сообщает, что он жаловался, что ничего бы из этого не случилось, если бы только Агриппа и Меценат были еще живы, чтобы дать ему совет. По крайней мере, они бы сказали ему правду и помешали всему этому случиться, или, наконец, положили предел дурному поведению Юлии, чтобы оно не сделалось столь скверным, каким стало. Но старые его друзья ушли, так что оставшиеся более молодые предоставили Августу чувствовать себя старым и одиноким. Все больше и больше его надежды сосредотачивались на Гае и Луции.[621]

XX «Сторожевой пост»

Марс появился и сам подал свой битвенный знак. Мститель нисходит с небес внимать своему величанью, Полюбоваться на храм, что ему Август возвел. Бог величав, и жилище его величаво: не должен Иначе Марс обитать там, где живет его внук… Зрит он и Августа храм с посвященьем ему на фасаде, Но величавей еще – с именем Цезаря храм.

Овидий, рубеж I в. до н. э. – I в. н. э. Пер. Ф. А. Петровского [622]

Гаю и Луцию не повредила опала их матери, а Юлия, вероятно, в течение известного времени мало занималась их воспитанием. Теперь оба подростка официально были совершеннолетними и начали брать на себя все более и более важную общественную роль. Хотя 2 г. до н. э. завершился для Августа на мрачной ноте гнева и предательства, в других отношениях он явился годом уверенного торжества и празднеств, в которых заметную роль играли его сыновья. 12 мая Гай и Луций председательствовали на играх, сопровождавших освящение храма Марса Мстителя – главного украшения нового Форума Августа. Этот Форум расположен под прямым углом к Форуму Юлия Цезаря, значительную часть которого Август застроил, а тот, в свою очередь, прилегал к основному римскому Форуму, который он перестроил. Таким образом, публичное пространство в самом сердце города увеличилось в размерах более чем в два раза, обеспечивая гораздо больше закрытых и открытых участков для администрации, судебных заседаний, церемоний и ритуалов. Необходимость в этом действительно существовала: портики Форума Августа использовались задолго до того, как были во всей совокупности завершены строительные работы. В ходе реформ Августа создавались новые должности, возникали новые задачи, или возрождались давно забытые подходы. Структурное обновление этого пространства являлось во многих отношениях вещественным знаком выполнения государством еще раз своей функции должным образом.[623]

И Юлий Цезарь, и Август покупали землю, необходимую для построек на Форуме, так как в руках государства ее почти не было. Они оплачивали ее из своих собственных средств и затем сносили здания, жилища, лавки и амбары, чтобы создать свободные места для застройки. Не все собственники земли хотели ее продавать, но никого к этому не принуждали, по крайней мере в том случае, если земельный участок располагался на краю проектируемого комплекса. Молодой Цезарь перед Филиппами дал обет выстроить храм военному богу-мстителю, и на осуществление этого ушло сорок лет: некоторое промедление случилось вследствие необходимости дождаться земельного участка, дабы это стало возможным. В конце концов ему не удалось приобрести все, что он хотел; Форум Августа несимметричен, потому что один или два владельца отказались продать свои участки, и поэтому его северо-восточная часть имеет неправильную форму. Возможно, это расстраивало Августа, но его готовность уступить показывала его уважение к праву собственности и нежелание не признавать это право даже ради вящего блага государства, не затрагивая при этом славы Августа. В некоторых отношениях само несовершенство нового Форума явилось более важным символом, нежели возможная совершенная симметрия.[624]

Во всех других отношениях перед издержками не останавливались. Все строительные проекты Августа были величественны как по замыслу, так и по исполнению, даже когда они включали в себя обманчиво простое восстановление древних алтарей. Великолепно реконструированный римский Форум и искусно спроектированный Форум Юлия были предназначены для того, чтобы отображать масштабы римского могущества, а также для напоминания о том, что во главе нынешнего величия и возрождения стоял принцепс. Форум Августа превосходил оба этих Форума, и так как войти на него можно было только через два входа, воздействие, им оказываемое, усиливалось. Высокая стена закрывала весь вид на находящиеся за ней городские улицы и в то же время защищала это монументальное сооружение от опасности пожара. Внутреннее пространство было вымощено мрамором с красочными узорами. В самом замысле современные идеи сочетались с классической архитектурой, а портики включали в себя кариатид (опорные колонны, сделанные в форме женских статуй), которые Агриппа также использовал в Пантеоне. Смотря на это, образованный наблюдатель тотчас вспомнил бы Эрехтейон, храм, построенный Периклом на афинском акрополе в V в. до н. э.,[625] и в мыслях у него возникла бы ассоциация с афинянами на высшей ступени их культурного и имперского

развития. Другие могли не ощутить подобной ассоциации, но тем не менее осмотрели бы ряды изящных и со вкусом выполненных статуй, украшавших части Форума (Плиний Старший считал Форум Августа одним из красивейших сооружений в мире). Эти ассоциации со знаменитым прошлым не были строгими. Кариатиды на Форуме сделаны в горельефе, их задняя сторона у стены утончается и выравнивается в отличие от их образцов в Афинах, которые представляли собой полностью закругленные, свободно стоящие статуи, способные выдерживать вес свода.[626]

Храм Марса Мстителя был облицован белым италийским мрамором, и на подступах к нему находился широкий лестничный марш с установленным в нем главным алтарем. Римские храмы были скорее домами для богов на тот случай, если бы они решили посетить город, чем местами совершения богослужений. Алтари всех основных культов почти неизменно находились вне храмов; и, конечно, приношения в жертву животных совершались на открытом воздухе. На фасаде храма был ряд из восьми очень высоких коринфских колонн с соответствующими им рядами колонн внизу слева и справа, которые поддерживали его высокий фронтон. Конструкция его отображала форму храма Венеры на Форуме Юлия Цезаря, но была в полтора раза больше. Венера и Марс являлись традиционными римскими божествами, могущественными покровителями государства, а богиню представители рода Юлиев считали своей прародительницей. Этот род также гордился происхождением от царей Альбы Лонги, а эта династия произвела на свет Рею Сильвию, родившую богу Марсу близнецов Ромула и Рема. Юлии не претендовали на принадлежность к этой линии, но в более позднее время Юлий Цезарь и Август притязали на связь с основателем Рима и его отцом, богом войны.

В портиках на каждой стороне их внутреннего пространства находились статуи, вызывавшие воспоминания о прошлом. Слева стоял Эней, а вокруг него цари Альбы Лонги и самые выдающиеся из Юлиев; эти последние не очень многочисленны, и, без сомнения, в их число вошли многие, чьи достижения весьма скромны, ибо семейство Юлиев лишь непродолжительное время занимало высокое положение. Напротив стоял Ромул, окруженный «выдающимися людьми» (*summi viri*) римской истории, некоторые из них к тому же увеличивали и без того значительное число тех, кто находился на другой стороне. Надписи, которые Август, конечно, одобрял, но, вероятно, не писал, упоминали о деяниях каждого. Среди них не было чужеземцев – кроме тех, которые относились ко временам, предшествовавшим основанию Рима, и до сих пор этот памятник

не дает прямых свидетельств относительно бывших в их числе каких-либо женщин. Юлия Цезаря туда не включили, так как он, как божественный Юлий, не мог находиться вместе с простыми смертными. Его статуя вместе со статуями других богов пребывала внутри храма.[627]

Эней был изображен уносящим своего отца Анхиза из разрушенной Трои и ведущим за руку сына Юла – изображение, распространенное как в частном искусстве той эпохи, так и в официальной иконографии. Ученые расходились во мнении относительно того, действительно ли он был прародителем Юлиев и в конечном итоге основателя Рима, но уверенность во всем этом отсутствовала, и, в конце концов, версию о Юле как прародителе Юлиев признали правдоподобной. Статуя Ромула изображала его несущим снятые с противника доспехи (*spolia opima*), и неудивительно, что главное внимание сосредотачивалось на военной славе и особенно на тех мужах, кто справил триумф.

Задумано это было как выставление напоказ тех, кто помог возвеличить Рим, и при этом демонстрация избегала явной политической пристрастности, включая как Суллу, так и Мария, а в равной мере и Помпея Великого. Надписи придавали особое значение победам над чужеземными врагами и, кажется, содержали краткие и беспристрастные упоминания о противоречивых событиях гражданской войны. В случае с Марием они сообщали о разгроме Югурты в Нумидии, войнах с кимврами и тевтонами и о его консульствах, следующих одно за другим, и в одобрительном тоне о подавлении в 100 г. до н. э. движения трибуна Сатурнина, прежде чем заключить, что «в возрасте семидесяти лет он вследствие гражданской войны был изгнан из своего отечества и силой оружия возвращен. Он стал консулом в седьмой раз».[628]

Август заявил, что статуи выдающихся людей находились там для того, чтобы народ мог оценивать его собственные достижения и достижения будущих принцепсов в сравнении с героями прошлого. Из самого сооружения в его совокупности было видно, какого вывода в отношении себя самого он от народа ожидал. Одиноко в центре внутреннего двора стояла бронзовая статуя императора Цезаря Августа, восседавшего подобно полководцу-триумфатору на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Это был его Форум, и вновь присвоенный титул отца отечества был начертан на подножии статуи. Это также было изображением римской истории, помещавшим прямо в центр его, ассоциировавшегося с богами и героями от возникновения города до его собственного поколения. Август как достойный наследник

столь великих мужей, ибо он привел государство к достижению величайшего могущества и процветания, не отделял себя от благополучия Рима. Действительно, он был связан со всеми этими несравненными персонажами, как с людьми, так и с божествами, будучи сыном одного из тех богов, чьи изображения стояли в храме.[629]

Форум Августа прославлял его правление и торжество Рима. Его портики станут помещением для судебных заседаний, а храм Марса Мстителя сыграет центральную роль в жизни государства. В конце концов, не только орлам, взятым обратно у парфян, было предоставлено там постоянное местопребывание, но и все другие утраченные и возвращенные римские военные штандарты в будущем также поместят в это святилище. Всякий раз, когда сенат собирался для обсуждения объявления войны, сенаторы созывались в этот храм. Отныне отсюда командующие отправлялись в свои провинции и сюда они возвращались, а тем, кто заслужил триумф, устанавливали на этом Форуме статую. Также было принято решение, чтобы впредь всякий юноша из аристократической семьи, которому пришло время надеть мужскую тогу, получал бы ее при этом храме, напоминающем ему о том, что вместе с тогой на него возлагается обязанность, если необходимо, нести военную службу государству.

Гаю и Луцию были даны своего рода временные полномочия, чтобы председательствовать на играх, которые включали в себя бои со зверями и на которых в Большом Цирке перебили 260 львов. Немного позже Большой Цирк затопили – или, быть может, часть его временно превратили в небольшое озеро – и толпа наслаждалась зрелищем 36 крокодилов, безжалостно истребленных профессиональными охотниками. Может быть, это намеревались устроить в память о победе в Египте, но убийство таких экзотических созданий было обычным развлечением, – точно так же наиболее вероятно, что тигр, подаренный Августу индийскими послами, кончил жизнь на арене в Риме. Люди тоже умирали для развлечения народа, и на Септе иногда устраивали грандиозные гладиаторские игры. Не все зрелища предполагали смертельный исход. Внук Августа, десятилетний Агриппа Постум, участвовал в конных ристаниях на Троянских играх; Светоний говорит, что Август считал этот обряд хорошим способом представлять публике молодых аристократов. Бои эти не были серьезными, но иногда даже в этом случае представляли опасность, и однажды принцепс преподнес золотой браслет сыну сенатора, который постоянно получал во время игр увечья вследствие неудачного падения с лошади. Внук Азиния Поллиона тоже сломал ногу таким же образом – вполне возможно, во 2 г. до

н. э. – и его критические замечания в сенате насчет спорта явились столь определенными и хорошо обоснованными, что Август вскоре прекратил эти игры.[630]

Прошлое и настоящее

Один из надолго запомнившихся видов этих празднеств был значительнее и дороже, чем любое предыдущее зрелище, устроенное в Риме. Это *naumachia Augusti* – морское сражение Августа. На западном берегу Тибра вырыли искусственное озеро размером 1800 на 1200 римских футов и наполнили водой, подаваемой по специально построенному акведуку, Аква Алцетина,[631] длиною более двадцати миль. Темой представления была битва при Саламине в 480 г. до н. э., где греки во главе с афинянами разгромили флот завоевателей-персов, и если эта битва в самом деле была не столь крупной, как настоящая, то все же довольно значительной. Позже Август похвалялся, что всего «участвовало в битве тридцать остроносых военных кораблей, трирем или бирем, и много больше судов более мелких. Участвовало в битве около трех тысяч человек, не считая гребцов». Неясно, как управляли этой битвой и в какой степени она была инсценированной или реальной. После всего сказанного о вкусах римлян нет сомнения в том, что она была не совсем бескровной, но также вероятно, что предполагалось наличие в значительной мере руководства инсценировкой. Более чем через двести лет, Дион Кассий утверждает, что все еще можно увидеть некоторые сооружения, возведенные для этого, в то же время Веллей Патеркул говорит, что страсть римской толпы к зрелищу оказалась «пресыщенной» великолепием этих игр.[632]

Дион Кассий также сообщает нам, что греки выиграли сражение, предполагая, быть может, что борьба была настоящая и исход ее не определен, хотя более чем правдоподобно, что этот результат был предрешен. Вместе с отображением в новом Форуме Акрополя и воспроизведением на сцене величайшей победы афинян здесь явно присутствовало желание установить тесную связь с величием классического прошлого и высокими достижениями греческой культуры, столь почитаемой образованными римлянами. В те годы Афины были демократическим государством, возглавляемым скорее избранными вождями, такими как Перикл, нежели тиранами или царями. Быть может, Август был особенно заинтересован в том, чтобы напомнить об этом, но в этом предположении нам не следует заходить слишком далеко. Утверждение, что он, прежде чем обратиться к более сдержанному архитектурному стилю, приличествующему вождю свободного государства, мечтал в более ранние годы скорее об эллинистической монархии

Александра Великого и его преемников и поэтому сооружал чересчур ярко украшенные памятники наподобие храма Аполлона, неубедительно.[633]

Совершенное различие между классической Грецией городов-государств и эллинистической эрой монархий в значительной мере является вымыслом современной науки. Римляне, влюбленные в греческую культуру, не видели никакого основания ограничиваться «лучшими» стилями и литературой пятого и начала шестого столетий и пренебрегать более поздними творениями. Нам также следует помнить, что Форум Августа, как любой памятник, построенный в более ранние годы, был сооружением столь же эффектным, сколь и прославляющим личность принцепса. И не только. Внутри него были выставлены напоказ два знаменитых изображения Александра Великого, равно как и несколько статуй, с целью вызвать воспоминания о великих победах и победителях прошлого, не выявляя слишком тесной связи с политическим контекстом (Plin. *NH* XXXIV. 48, 35. 93–94).

То же строение и те же символы могли ассоциироваться с более чем одной идеей, и трудно поверить, что это зрелище грандиозного морского театрализованного представления не вызывало столько же мыслей об Акции, как и о Саламине. Оба сражения могли быть интерпретированы как победа цивилизации над варварством и Запада над Востоком, и как недавний триумф Августа заслуженно поставлен в один ряд с величайшими событиями в истории, точно так же изображения лучших людей добавляли величия его Форуму. Цезарь Август по ассоциации присваивал себе то, чем славно прошлое, беря оттуда все лучшее. Поэтому он взял таких людей, как Марий, Сулла и Помпей, и, устранив негативные ассоциации с гражданскими войнами, превратил их в своих предшественников, деятелей, которые усилили римское могущество, достигшее высшей точки в его собственных достижениях. Это было почти то же самое, как в случае с Вергилием, который на роль судьи в преисподней взял идеализированный образ Катона. Август открыто восхищался Катоном Младшим, прославляя всякого, кто хотел сохранить государство таким, каким оно было. Мертвые не решали вопроса о том, как новый режим ими воспользуется, и такое, включающее в себя все, изображение истории усиливало чувство того, что партийные пристрастия остались далеко в прошлом. Даже прежние враги – а другие, вероятно, не одобряли Цезаря Августа и его постоянное владычество – подавали примеры доблести, которыми восхищался и повторения которых требовал принцепс (Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 18).

Обращение к образам злейших врагов Юлия Цезаря резко остановило их полную реабилитацию. Помпей и Катон рассматривались как облагороженные «версии» реальных людей, и если их недостатки и неверные решения еще помнили, то это содействовало выдвижению на первый план «лучшей» репутации принцепса. Восхваление некоторых их деяний и нравов не следует рассматривать как молчаливую критику Юлия Цезаря. Принятый между учеными на веру постулат, что Август сознательно отстранялся от диктатора, повторялся столь часто, что в действительности никогда не подвергался сомнению, хотя это противоречит фактам. Обычай называть его Октавианом, а затем Августом, говоривший в пользу этого постулата, подталкивает нас к тому, чтобы забыть, что при всех изменениях его имени после 44 г. до н. э. он всегда звался Цезарем. Это правда, что в годы своего восхождения к власти он чаще поминал об отце, чем впоследствии, но даже это было менее заметно, чем требовалось. Доведя до конца многие из проектов диктатора, он все еще был Цезарь Август, и его предки из Юлиев прославлялись на новом Форуме. Обширная римская история и ее герои соединялись с этим семейством и с тем, с кем оно связано, с Энеем и Венерой, Ромулом и Марсом. Это была история отдельного семейства, неразрывно связанная с историей государства, так же как в этом памятнике сочеталась слава отдельной личности со славой всего государства. Поэт Овидий подчеркивал, что храм Марса Мстителя указывал как на свершившееся возмездие за убийство Юлия Цезаря, так и на возвращение утраченных знамен посрамленной Парфией. Здесь, как и повсюду, Август ставил себя и свое семейство в центр государственной жизни, его личные достижения неразрывно сплетались с общим благом.[634]

Теперь Юлий Цезарь стал богом, и к нему нельзя было относиться просто как к еще одному римскому герою – следовательно, его статуя помещалась внутри храма, а не вместе с прочими Юлиями. Нет никакого намека на то, чтобы какой-нибудь римлянин смотрел на это как на сознательную попытку отделить бога от некоторых наиболее сомнительных деяний этого человека. Римский аристократ в начале своей карьеры много рассказывал о своем отце и более ранних поколениях, представляя их достижения в качестве доказательства своей собственной пригодности. Однако как только нобиль назначался на должность – он, несомненно, однажды достигал какой-либо старшей магистратуры, – все это постепенно исчезало, ибо к этому периоду его жизни его собственные деяния должны были говорить сами за себя. Предки человека с ним не соревновались, хотя, безусловно, хорошо, если его достижения были под стать им

или превосходили их. Только позже, именно на его публичных похоронах, вновь обращали особое внимание на его родословную, так как предков выставляли напоказ, и возлагали надежды на сыновей и внуков.

Август после гражданских войн меньше говорил о Юлии Цезаре, но единственно потому, что это было естественно – тот же самый процесс в большем масштабе имел место в любом римском аристократическом семействе. Его собственные поступки и победы теперь были гораздо более важными, нежели его отца, и поэтому афишировались. Юлия Цезаря не забывали, еще меньше замалчивали, а репутация и славные деяния покойного диктатора способствовали укреплению авторитета его сына, но их не нужно было выставлять напоказ. Цезарь Август взял на себя и более чем осуществил надежды своего отца на славу, но памятники этого последнего там были, его статуи многочисленны и заметны, а его образ все еще иногда полезен для его сына. В конце концов, Юлий Цезарь был единственным, кто поднял род Юлиев из относительной неизвестности и сделал так, чтобы когномен Цезарей занимал особое место, отличавшее его от когномен всех других римских аристократических родов.

Столетие спустя Тацит говорил, что написание истории при Августе пришло в упадок и не вследствие энергичного давления сверху, но из-за лести. По римской традиции историю следовало писать людям, вовлеченным в процесс ее творения, сенаторам, принимавшим участие в дебатах, составлявшим законы и водившим в поход римские легионы. Только таких людей считали способными понять, как совершались великие события, но при Августе такие люди зависели от благосклонности принцепса, если желали сделать блистательную карьеру. По мере того, как проходили годы, сенаторы либо вообще не писали о недавнем прошлом, либо делали это раболепным тоном. Дело заключалось не только в том, чтобы угодить Августу – гражданские войны повидали множество людей, действовавших такими способами, которые они хотели бы благополучно забыть. Младший сын Друза, Клавдий, выразил желание написать о гражданских войнах, однако Ливия и его мать Антония спокойно, но решительно отговорили его делать это.[635]

Ничего случайного не было в том, что важнейшее сочинение по истории, написанное при Августе, создано Ливием, местным аристократом из Северной Италии, который никогда не стремился к успеху в общественной жизни. Это был человек, не заботившийся о том, чтобы добиться должности, а также не имевший непосредственного политического или военного опыта. Азиний Поллион чувствовал, что в сочинении Ливия

присутствовал сильный провинциальный колорит, но никто не мог усомниться в его трудолюбии, благодаря которому в конце концов была создана история Рима от основания города до смерти Друза в 142 книгах. Неясно, когда эти книги увидели свет, а некоторые, возможно, появились уже после смерти Августа. Тон введения, написанного в то время, когда еще бушевала гражданская война, был подчеркнуто мрачным, но с наступлением лучших времен, он, быть может, переменился. Ливий не входил в кружок Мецената, и хотя он находился в дружеских отношениях с Августом, не являлся выразителем официальной точки зрения. Несмотря на это, общее настроение его сочинения соответствовало многим взглядам самого принцепса, и, конечно, в его режиме обнаружился дух римского своеобразия и культуры. Ливий был горячо патриотичен, но склонен рассуждать категориями нравственными – для него Рим процветал тогда, когда были высоки нормы морали, римляне чтили традиции и богов и вели себя достойно. Катастрофы, вспыхнувшие беспорядки и, наконец, гражданская война происходили в то время, когда все классы, а в особенности их сенатские вожди, перестали жить по надлежащим правилам.[636]

От большей части истории Ливия мы имеем лишь краткие извлечения, включая все те книги, в которых речь идет о последних полутора столетиях, так что рассуждения о том, как он относился к отдельным личностям, в значительной степени являются догадками. Сохранившиеся же книги указывают на большую разницу между его версией событий и надгробными надписями выдающимся мужам на Форуме Августа. Иногда они содержали второстепенные подробности – например, точное число дней, которое понадобилось Эмилию Павлу для того, чтобы выиграть войну с царем Персеем в 168 г. до н. э. Иные кажутся представляющими совершенно разные традиции, и в надписях с Форума содержатся утверждения, которые заметно не соответствуют всем другим нашим источникам относительно некоторых личностей. Одно извлечение дает понять, что Ливий резко критикует последние годы деятельности Мария и его кровавое возвращение в Рим в конце 88 г. до н. э.[637] – совершенная противоположность содержанию надписи на его статуе на новом Форуме.[638]

Сообщение Ливия о том, как Корнелий Косс добыл снятые с неприятеля доспехи, включало в себя интерпретацию Августа, но кроме этого, и противоречащие ей данные традиции, равно как и в случае, когда он обсуждал различные мнения о том, был ли Юл сыном Энея от его троянской жены, или же от его более позднего брака в Италии.[639] Вероятно, он также был великодушен в своей трактовке Помпея Великого, так как Тацит сообщает, что Август мягко попенял Ливию на то, что он – неисправимый помпеянец. Поскольку Помпея включили в число выдающихся мужей, вряд ли его трактовка оказывала отрицательное воздействие, а поразительным скорее было то, что Ливий, говорят, усомнился в том, благом или нет было то, что Юлий Цезарь родился, имея в виду его последующую карьеру. Это место утрачено, что затрудняет возможность судить о его тоне и заключении, но сохранившиеся краткие извлечения не наводят на мысль о его глубоко враждебном взгляде на диктатора.[640]

Ученые, полагающие, будто Цезарь Август принижал авторитет своего отца, рассматривают это как доказательство, основываясь на том, что Ливий не осмелился бы написать такое, если бы не был уверен в том, что это не вызовет гнев принцепса. Однако кроме сдержанного давления, оказывавшегося на молодого Клавдия, чтобы он переменил тему, и нескольких случаев в последние годы жизни Августа, не имеется свидетельств какого-либо давления принцепса на литературу. Один раз он писал Тиберию, настоятельно советуя ему «не принимать слишком близко к сердцу, если кто-либо зло говорит обо мне; мы должны быть довольны, если можем удержать кого-нибудь от причинения нам зла». Официальный курс постоянно продвигался в обширной литературе, в речах Августа и членов его семейства, указах, автобиографии Августа и на памятниках повсюду в Риме и в провинциях. Он поддерживался благодаря постоянным повторениям, благополучие и процветание империи также способствовали его успеху; основная мысль Ливия, состоявшая в том, что это благополучие проистекало от приверженности присущим римлянам добродетелям, играла на руку принцепсу (Suetonius, *Augustus* 51. 3).

Август не занимался активным подавлением альтернативных взглядов и не скрывал прошлого. Немногие предпочли выразить такие взгляды, и эти немногие затерялись в потоке мнений, поддерживающих и прославляющих его. Тот факт, что Юлий Цезарь перешел Рубикон и начал гражданскую войну, также неоспорим, как и причастность Августа к проскрипциям и многочисленным казням и опустошениям в период между 44 и 30 гг. до н. э. Воспоминания об этом еще были живы, и хотя со

временем это постепенно изглаживалось из памяти, все записи и пропаганда тех лет сохранялись. Утаивать их, не говоря уже о том, чтобы их заново переписать, было делом неосуществимым, и сомнительно, чтобы Август даже задумывался над этим. Его собственная версия была ясна: множить порицания, сваливать вину в гораздо большей степени на других. Стоит отметить, что готовность Ливия поставить вопрос о том, мог ли Юлий Цезарь ошибаться, не означает, что он считал его полностью виноватым и не смотрел на других как на виновных. Ливий сожалел о смерти Цицерона, отмечая, что оратор делал все возможное, чтобы погубить триумвиров, и поэтому он скорее оказался просто менее удачлив, нежели был совсем другим, чем они (Seneca, *Suasoriae* IV. 22).

Литературное низкопоклонство и лесть были очевидны и во многих отношениях сами себя разоблачали. Авторы, которые производили впечатление людей, честно высказывающих свое мнение, время от времени восхваляя прежних – и неизменно мертвых – противников, или мягко критикуя принцепса либо тех, кто его окружал, увеличивали поводы для всеобщего восхваления Рима и Августа. Такие сочинения, вероятно, были лучше по своим достоинствам; благодаря им, равно как и поэзии этого века, многие проникались сознанием того, что государство вновь стало свободным и процветающим. Границы его сами авторы расширили настолько же, или даже больше, чем Август. Ливий, вероятно, искренне разделял многие взгляды Августа, равно как и значительная часть общества, особенно землевладельцы и наиболее зажиточные слои по всей Италии. Историк был восторженным повествователем о победах над иноземными врагами и расширении пределов римского владычества, а два десятилетия, прошедших от Акция до 9 г. до н. э., давали ему богатый материал для описания и похвалы.

Дом Августа

В 1 г. до н. э. девятнадцатилетнего Гая Цезаря впервые назначили командовать войском, и он уехал из Рима на Дунай. Вскоре после того, как юноша прибыл к легионам, поставленные перед ним задачи изменились и ему предоставили империй над восточными провинциями и отправили бороться с опасностью, угрожавшей стабильности на восточной границе Римского государства. Борьба за власть в Армении привела к вмешательству Парфии, посадившей на трон своего кандидата. Как всегда, перспектива победоносной войны с парфянами возбуждала в Риме общественное мнение и вдохновляла поэтов. Овидий даже с таким воодушевлением написал в первой книге своей поэмы «Наука любви»: «Ныне же Цезарь ведет полки на

окраины мира, ныне и дальний ему будет покорен Восток». Парфяне заплатят за избиение армии Красса в 53 г. до н. э. Возраст и недостаток опыта посланного против них вождя не станут препятствием к его неминуемой победе. «Мститель идет, с юных лет обещающий быть полководцем, мальчик правит войну – долг не мальчишеских лет… В Цезарях доблесть цветет раньше расцветной поры… Марс-отец и Цезарь-отец, благодатствуйте сыну! Оба вы боги для нас – сущий и будущий бог» (перевод М. Л. Гаспарова). Мастер слова, возвращаясь к своей теме (затем он изображает, критикуя, женщину, наблюдая в то же время триумф Гая Цезаря после его возвращения), Овидий поражает даму комментарием к победной процессии, в котором намешаны правда и вымысел.[641]

Это командование следовало бы предоставить Тиберию, но он все еще пребывал на Родосе, и теперь, когда прошло пять лет, сроки его империя и трибунской власти истекли. Август, не потрудившись посоветоваться с ним, послал Юлии от имени ее мужа извещение о разводе после того, как та подверглась опале. Тиберию просто сообщили о том, что случилось. Тиберий писал, прося о снисхождении к бывшей супруге, но на это не обратили внимания. На его частые просьбы о позволении ему вернуться домой в качестве частного лица также был дан отказ, и поэтому он остался на Родосе, посещая лекции и ученые споры. Ливии удалось добиться для него неопределенного звания легата, чтобы предоставить ему какую-нибудь защиту, но вообще к нему относились с уважением, хотя именно он арестовал одного философа после того, как этот человек после диспута последовал за ним домой, не только продолжая спорить, но и подвергая жестоким оскорблениям. Бывали моменты затруднений и непонимания такого рода, которые преследовали Тиберия всю его жизнь. Когда он выразил желание посетить больных, сопровождающие его лица заставили местных магистратов собрать всех немощных, которых они смогут найти, и построить их для осмотра физического состояния этих больных. Глубоко смутившись, Тиберий извинился перед ними и вернул их домой.[642]

Так как он был пасынком принцепса и до недавнего времени его зятем, то всем, имевшим к этому отношение, трудно было понять, как обращаться с Тиберием. Имеются свидетельства того, что многие сановники сочли нужным посетить его, равно как и римские должностные лица, которые ехали этой дорогой, отправляясь в свои провинции. Когда Гай и его окружение проходили поблизости, Тиберий оставил Родос, чтобы засвидетельствовать свое почтение сыну Цезаря и командующему

армией на Востоке. Враждебно относящиеся к нему источники позже утверждали, что он падал ниц перед юношей, но это, вероятно, грубое преувеличение. Тем не менее положение его было сомнительным. Общинам по всему Востоку предстояло решить, как относиться к нему и как относиться к тем, чье местное высокое положение обязывало их к многочисленным контактам с ним. В попытке продемонстрировать, что он не замышлял создать определенную базу для своих сторонников и не готовился к тому, чтобы, буде принцепс умрет, домогаться власти, Тиберий перестал носить одеяние римского полководца и более не занимался такими военными упражнениями, как верховая езда и искусство обращения с оружием. Говорили, что он одевался как грек, что являлось, если это правда, подражанием Антониеву празднику в Афинах после его недавней женитьбы на Октавии. Один город в Галлии заключил, что Тиберий был в опале, и разрушил его статуи.[643]

Гай не задерживался на Родосе, но, без сомнения, был принят там радушно, как и повсюду в восточных провинциях – все-таки это был сын Августа, имевший полномочия отвечать на ходатайства. Греческие поэты повторяли нечто похожее на то, что писал Овидий: «Будь на пути к Евфрату, сын Зевса. От тебя на востоке быстро убегают парфяне. Следуй путем своим, мой принц; ты найдешь их луки с ненатянутой тетивой от страха, Цезарь. Правь согласно с отцовскими заповедями. Сам первым будь порукой восходящему солнцу, что Рим со всех сторон с океаном граничит».[644]

Афины были одним из многих городов, которые должны были почтить молодого принца, и в какой-то момент в продолжение этих лет афиняне полностью перенесли храм Ареса (греческого бога войны, отождествляемого с Марсом) и вновь, камень за камнем, построили его на агоре, или рыночной площади. Тем не менее несмотря на внимание, уделявшееся Гаю Цезарю, его отец позаботился послать более взрослых и более опытных руководителей, чтобы давать юноше советы и, вероятно, принимать ключевые решения. Круг лиц, сопровождавших его, был широк и включал Луция Домиция Агенобарба, недавно удачно действовавшего в Германии, а равно и Марка Лоллия, который менее преуспел и опять лишился в 16 г. до н. э. орла Пятого легиона «Жаворонки». Весьма возможно, что с самого начала Гая сопровождал еще один консуляр, Публий Сульпиций Квириний, ибо он, конечно, в последние годы состоял в его свите.[645]

Август оставался в Риме, не желая отправляться в длительные путешествия по провинциям. Ему было за шестьдесят, и он,

вероятно, чувствовал свою старость, особенно с тех пор как в живых оставались лишь немногие из его сверстников. В свой день рождения во 2 г. н. э. он писал старшему сыну: «В девятый день до октябрьских календ (23 сентября). Приветствую тебя, мой дорогой Гай, мой дражайший маленький ослик, по которому, так мне помогающему, я постоянно скучаю всякий раз, когда ты далеко от меня. Но особенно в такой день, как сегодня, мои глаза жаждут видеть моего Гая, и где бы ты ни был сегодня, я надеюсь, ты отпраздновал мой шестьдесят четвертый день рождения в здравии и благополучии… И я молю богов, чтобы я, сколько бы времени мне ни оставалось, мог провести его с тобой в безопасности и благоденствии, с нашим отечеством в цветущем состоянии, в то время, как ты поступаешь как подобает мужчине и готовишься сменить меня на сторожевом посту» (Gellius, *NA* XV. 7. 3).

Шестьдесят три года считались опасным возрастом в астрологических периодах, отсюда шуточное утешение, чтобы оставаться вне этого. Разговор про «сторожевой пост», или «караул» (по-латыни – *stationem meam*), дает возможность постичь взгляд Августа на самого себя как на стража, охраняющего государство, равно как и упование на то, что его сыновья вовремя заступят на дежурство. Несмотря на его возраст, бремя трудов не ослабевало, особенно вследствие того, что Гай и Луций были еще молоды и только начинали делить с ним эту ношу.

Принцепс был близок со своими приемными сыновьями, хотя это, к сожалению, единственное сохранившееся письмо из опубликованного собрания писем к Гаю. В высшей степени вероятно, что были и другие письма, написанные к Луцию. Стиль с его веселым тоном и частым употреблением греческих выражений схож с тем, который он использовал в переписке с другими членами семейства. Август любил приводить цитаты и часто употреблял их для иллюстрации примеров хорошего поведения в своей переписке с управляющими и подчиненными, а также и с родными. На протяжении всей жизни он писал своим сыновьям, когда его не было с ними, а когда он присутствовал, то проявлял непосредственный интерес к их воспитанию, обучая их плавать и ездить верхом. Около 10 г. до н. э. он для обучения мальчиков избрал грамматика Марка Валерия Флакка. Флакк уже заведовал школой в Риме, но за жалованье в 100 000 сестерциев в год он перевел всех своих подопечных на Палатинский холм, где его поместили в доме, которым некогда владел знаменитый принцепс сената Квинт Лутаций Катул и который все еще назывался его именем.[646]

Август приобрел ряд зданий на Палатине и объединил их,

чтобы создать для себя комплекс жилищ. Очевидно, в нем имелся главный вход, портик, на котором был вырезан гражданский венок, но некоторые здания и священные места – в особенности храм Аполлона с его библиотеками и святилище Весты, где помещался палладиум, будто бы сначала привезенный Энеем из Трои, вероятно, были отделены сетью узких дорог и аллей. Археология этого места остается неясной, и нелегко оказалось связать остатки этих строений с упоминаниями о них в литературных памятниках. Здание, известное как Дом Ливии (ее имя было отмечено на найденной там свинцовой бочке для воды), было местом ее пребывания после смерти Августа, но невозможно точно узнать, где она жила до этого. Местонахождение того, что названо Домом Августа, сегодня обыкновенно относят к этому месту, но нет ясных свидетельств о его использовании в этом обширном комплексе зданий. Август переделал и видоизменил существующие строения. Но по крайней мере на частных участках, аристократические жилища он, кажется, каким-либо решительным образом не изменил.[647]

Говорили, что принцепс ведет простую жизнь. Светоний пишет, что в продолжение более сорока лет он «зимой и летом оставался в той же самой спальне», и под этим, вероятно, он скорее подразумевает то, что принцепс не переходил в особые покои в холодную и жаркую погоду, нежели то, что он в течение столь продолжительного времени постоянно пользовался одной и той же спальней. Август не принадлежал по природе к тем, кто встает рано, и всякий раз, когда ему нужно было утром по важному делу быть в другой части города, он обычно оставался у одного из друзей, который жил поблизости. В другом месте нам сообщают, что в летнюю жару он спал в своих покоях с открытыми дверьми или даже переносил свое ложе в один из внутренних дворов и спал возле декоративного фонтана. На еженощный отдых у Августа уходило не более семи часов, и почивал он на «низкой и просто устроенной постели», но если бодрствовал, то отказывался находиться в одиночестве и настаивал на том, чтобы ему составили компанию. Однако он частенько дремал после завтрака или пока его несли на носилках. В своих запросах принцепс проявлял умеренность – не знающий отдыха, деятельный Юлий Цезарь довольствовался гораздо менее продолжительным сном – равно как и в своих пристрастиях, избегая бросающейся в глаза расточительности многих богатых сенаторов и всадников, не говоря уже об излишествах Марка Антония с его золотым ночным горшком. Еще столетие спустя существовали ложа и столы из Дома Августа, и Светоний отмечал, что они вообще были совсем простыми.[648]

Достаточная умеренность Августа была его отличительной чертой. Подобный комментарий следует воспринимать не буквально, но как установку, направленную против пристрастия к выставляемой напоказ роскоши, которое уже в I веке до н. э. стало обычным делом и которое будет постоянно возрастать и приведет к излишествам Калигулы и Нерона. Август вел такой образ жизни, который он, и многие из равных ему, сочли бы подобающим. Декоративная настенная живопись с Палатина и других мест, которые могут быть связаны с принцепсом и его семейством, красочна, часто замысловата и соответствует самой последней моде. Его загородные виллы – постоянное убежище от суеты Рима – не отличались (опять-таки по меркам аристократии того времени) излишней роскошью, и только три из них он признавал своими, тогда как даже обладавший средним достатком Цицерон содержал девять. У Августа в отличие от некоторых других богатых сенаторов не было больших коллекций живописи и скульптуры, которые они держали только для частного просмотра. Как и у Агриппы, его произведения искусства предназначались для показа широкой публике. Он, однако, любил декоративные сады и собирал всякого рода редкости. На его вилле на Капрее (острове Капри) показывали «кости гигантов», кости огромных животных и рыб – предположительно, ископаемые остатки динозавров и тому подобных животных, – а также древнее оружие, которое, как утверждали, держали в руках знаменитые герои.[649]

Стиль жизни Августа соответствовал первенствующему сенатору – в самом деле, это явно считали образцом того, как сенаторам следовало себя вести – и подчеркивание скромности было относительным. Когда он бывал дома и при этом не принимал гостей и не занимался никакими государственными делами по должности, то обычно носил одежды, изготовленные для него Ливией, Октавией или другими женщинами его семейства, которым, без сомнения, помогала многочисленная челядь из рабынь и вольноотпущенниц. Ткачество было традиционным занятием жен и дочерей римской элиты, хотя в данной эпохе этим больше восхищались, нежели подражали, и трудно понять, в какой мере следовали в этом отношении примеру, подаваемому домочадцами принцепса. Зимой он носил четыре туники поверх нижнего одеяния и грелку на груди, а также укутывал бедра и икры ног – ношение штанов было варварским обычаем, который не был принят римскими императорами в течение почти 300 лет. Летом он одевался легко и неизменно носил широкополую шляпу для защиты от солнца, даже когда находился среди комплекса зданий на Палатине. Это,

однако, являлось неофициальным одеянием. Всякий раз, когда он появлялся при исполнении должностных обязанностей, император Цезарь Август одевался на манер, приличествующий его статусу. Соответствующие официальные одеяния всегда хранились дома приготовленными так, чтобы он мог переодеться в случае, если у него внезапно возникала необходимость заняться государственными делами (Suetonius, *Augustus* 73, 82. 1).

Умеренность в еде также характеризовала Августа, и это также представляло собой сочетание его личных наклонностей и жизни сообразно с идеалом хорошего поведения для первого среди римских сенаторов. Светоний сообщает нам, что он любил простой хлеб больше, нежели булки самого лучшего качества, и часто ел влажный сыр, фиги и немного рыбы. Большую часть жизни он всякий раз, когда у него появлялось соответствующее желание, скорее с удовольствием закусывал подобными вещами, чем ждал официального обеда, и был склонен есть в то время, пока его переносили на носилках или он ехал в повозке. Цитаты из его писем говорят, что в этом случае он ел хлеб, финики и виноград. И говорят, что другими его любимыми кушаньями были огурцы, салат и ароматные яблоки – последние предположительно во что-нибудь макаемые или чем-либо намазанные. Вина он пил мало, принимая не более пинты и извергая из желудка все лишнее. Пиршества его были обильными, и официальные обеды частыми, хотя иногда сам он принимал немного пищи, уже поев перед этим или предпочитая сделать это после. Насколько мы можем утверждать, большее удовольствие он находил в компании и беседах или играя в кости либо другие игры, такие, как предложение народу цены за призы, не извещая, что это за призы и какова их действительная стоимость, перемешивая истинно дорогое с весьма посредственным – одна хитрость состояла в том, чтобы показывать людям оборотные стороны ряда ситуаций. На больших празднествах он любил объявлять секретные призы, иногда дорогие, иногда редкие, такие как древние монеты, а иногда шуточные подарки, такие как губки или железная кочерга, которым он давал названия, представлявшие собой каламбур (Suetonius, *Augustus* 75–77).

Август часто устраивал приемы гостей в своем доме и столь же часто принимал приглашения отобедать с другими, но это всегда были люди, считавшиеся по аристократическим меркам приличными. Он никогда не приглашал вольноотпущенников разделить с ним трапезу, но иногда мог пригласить в качестве гостей свободнорожденных, которые не были ни сенаторами, ни всадниками. Светоний приводит пример с бывшим *speculator* (первоначально разведчик по специальности),

позже этот термин стал означать сыщика и, может быть, уже значил что-то в этом смысле, – который был приглашен отобедать. Август гостил на вилле этого человека, принимая на себя приятную обязанность его отблагодарить, и это наводит на мысль, что тот обладал, по меньшей мере, скромным достатком. Принцепс старался обходиться со всеми с почтением, соответствующим его рангу и прошлой службе, равно как и проявлял терпение, принимая просителей. Как мы уже видели, он обладал отличным чувством юмора, находя особое – и чисто римское – удовольствие в каламбурах и сарказме. Когда один горбатый сенатор был адвокатом в судебном деле, разбираемом Августом, этот человек не переставал просить принцепса: «выправьте меня, если заметите ошибку»; наконец Август язвительно заметил: «я поправлю тебя, но я не могу тебя выправить».[650]

Шутки часто являлись прекрасным выходом из затруднительного положения, такого как отказ кому-либо. Они также порождали анекдоты, которые быстро распространялись и усиливали впечатление об Августе как об обыкновенном человеке и ни в коей мере не бездушном тиране. Один купец принес ему комплект одежды, окрашенной тирским пурпуром, но принцепс не поразился глубиной цвета. Торговец уверял его, что если он выставит ее на свет, она будет выглядеть лучше. «Что? Ты хочешь сказать, что мне придется ходить туда и сюда по балкону для того, чтобы римский народ мог видеть, что я хорошо одет!» – был ответ императора. В какой-то момент при нем был подсказчик имен, который оказался плох в запоминании и опознании людей, чтобы вовремя сообщать их имена своему господину. Однажды, когда они собирались отправиться на Форум, раб спросил, не забыл ли он что-либо из необходимого им. «Ты бы лучше взял рекомендательные письма, – сказал Август, – так как ты никого там не знаешь» (Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 14–15).

Иногда шутки были колкими, но никогда злобными по меркам того времени – римляне с удовольствием насмехались над физическим уродством. Важнее то, что шутки никогда не сопровождались жестокими или своевольными действиями, и это оказалось заметной переменой со времен его триумвирства, когда он мог казнить людей и говорить в шутку, что они будут «пищей для питающихся мертвечиной птиц». Август не злоупотреблял своей властью ни тогда, когда шутил, ни когда занимался делами государства. Он также был готов позволить себе сделаться предметом разговоров и насмешек. Однажды он будто бы встретил человека, необыкновенно на него похожего, что побудило принцепса спросить его, не провела ли мать этого

человека некоторое время в Риме. Тот ответил, что нет, но потом добавил, что туда часто ездил его отец. Сдержанность и учтивость в отношениях с другими были, вероятно, отражением истинного характера Августа – по крайней мере, на этом этапе его жизни – как и благоразумная политика. О великодушных и добрых деяниях быстро сообщалось, как, например, о случае, когда он услышал, что один незначительный сенатор ослеп и намеревается покончить с собой. Цезарь Август едва знал этого человека, но тем не менее пришел к его постели и после длительной беседы уговорил его отказаться от такого намерения.[651] Сострадание и готовность взять на себя труд помочь другим с их проблемами выходили за рамки его официальных обязанностей, но являлись важными для того, чтобы убедить народ принять, а часто и полюбить его господство.[652]

Очень многое из того, что делал принцепс, делалось публично, поэтому сохраняется множество рассказов о его слабостях и чудачествах. Он вообще следовал совету Юлия Цезаря, говорившего, что официальные речи и формулировки должны быть ясными, изложенными на понятном языке, и насмехался над Меценатом и Тиберием за их любовь к неясным и трудным для понимания фразам. В противоположность им он использовал несколько простонародных форм слов и имел пристрастие к грубоватым поговоркам, таким как «так же быстро, как приготовить спаржу» или «они все заплатят в греческие календы» – так как такого дня в греческом календаре не было, это означало, что они не заплатят. Особенно он любил девиз: «Торопись медленно», для которого он, кажется, употреблял как латынь, так и греческий. Необычность речи сочеталась с рядом религиозных предрассудков. Гром и молния пугали его – во время поездки в Испанию удар молнии убил стоявшего за ним факельщика – и поэтому он всегда носил с собой кусок приносящей счастье тюленьей кожи в качестве защиты во время путешествия. Если он был дома, то обычно убегал ради безопасности в подземное помещение. Он не совершал путешествия в определенные дни, но всегда был рад, когда отправлялся в поездку в небольшой дождик, потому что верил, что это хорошее предзнаменование, в отличие от того, когда обнаруживал, что его раб выставил его обувь задом наперед.[653]

Это были безобидные чудачества, не выходившие за рамки принятых в среде аристократии приличий. Равным образом и его забота о собственном здравии не была чрезмерной, несмотря на его упоминания о слабом здоровье. Он завел собственный порядок купания, который отличался меньшими крайностями, нежели обычное римское купание с его исключительно высокими

и низкими температурами, но на его коже оставались рубцы от слишком усиленного употребления металлической щетки при соскабливании масла, используемого в качестве мыла. Он был предрасположен к заболеваниям и временами страдал от ревматизма и слабости в ногах и руках, особенно в правой руке, что иногда лишало его возможности держать перо.

До Акция он в обычной для нобилей манере публично упражнялся с оружием, как пеший, так и верхом. С 29 г. до н. э. он перешел на бросание и ловлю мяча до тех пор, пока с возрастом не принужден был довольствоваться просто верховой ездой, а затем пробежками, которые заканчивал прыжками. И опять это было обычным для стареющего сенатора. Стиль жизни Августа, каждый его штрих, равно как манеры и продуманные действия, формировали образ нормального почтенного аристократа, который не делал ничего, что выходило за пределы допустимого. Подобно очень многому в жизни принцепса, эти упражнения совершались публично, а его домашний стиль жизни считали подтверждением того, что он обладал характером, необходимым для управления государством. Где-то в комплексе зданий на Палатине император Цезарь Август предоставил себе личное убежище и время от времени уходил в свою комнату наверху, которую уменьшительно называл «мастеровушкой» или Сиракузами, по имени большого города на Сицилии. Это означало, что его не следует тревожить – он уходил туда ради тишины и покоя или чтобы детально разработать план законодательной деятельности либо других проектов. Другим подходящим укрытием была вилла одного из его вольноотпущенников сразу за пределами померия.[654]

1 января 1 г. н. э. Гай Цезарь стал консулом. Он находился далеко, на границе с Парфией, и поэтому тяготы соответствующего церемониала легли на его коллегу, Луция Эмилия Павла, мужа Юлии, внучки Августа. У принцепса вошло в привычку при выдвижении родственников для избрания на должность рекомендовать их избирателям словами «если они будут достойны». С помощью своих советников Гай, которому было на руку то обстоятельство, что парфяне также имели мало склонности к открытой войне с Римом, действовал успешно. Сын Августа и парфянский царь встретились для переговоров, построив каждый свою армию на обозрение другому, и затем устроили обильные пиршества на каждой стороне Евфрата. Мир утвердили, и римский ставленник взошел на армянский трон.[655]

Во 2 г. н. э. девятнадцатилетний Луций Цезарь оставил Рим, чтобы впервые вступить в командование армией в провинции, и направился в Испанию, где более не существовало никакой

угрозы войны, и он мог в безопасной обстановке приобрести опыт. Его путь лежал через Нарбоннскую Галлию, и на время он остановился в Массилии. Несомненно, на каждой остановке организовывались официальные приветственные церемонии и выстраивался длинный ряд просителей, в то время как молодой принц был готов исполнять свою публичную роль. Но затем злой рок дал почувствовать свою власть, ибо в Массилии юноша заболел и умер. Август впал в глубокую печаль, но на ближайшее будущее нашел утешение в продолжающихся успехах его оставшегося сына. Проблемы, однако, были и на Востоке. Скандал потряс окружение Гая, когда Лоллия обвинили в получении взяток от чужеземных царей, и он покончил с собой.[656] Первоначальный успех в Армении омрачился после того, как значительное число ее подданных взбунтовалось против нового царя – вероятно, это не стало неожиданным, так как он был скорее мидянином, нежели армянином, и поэтому местная аристократия испытывала недовольство.[657]

В 3 г. н. э. Гай повел армию на подавление этого восстания, но при осаде какого-то малоизвестного обнесенного стеной города он неблагоразумно лично отправился на переговоры с неприятельским вождем и был предательски ранен. Рана оказалась серьезной и не поддавалась излечению. Всю осень и зиму ему делалось хуже, а поведение его начало становиться странным. В какой-то момент он писал своему отцу, прося разрешения удалиться от публичной жизни – удивительное повторение поступка Тиберия десятилетием раньше, но тем более эксцентричное для юноши двадцати с небольшим лет. 21 февраля 4 г. н. э. Гай Цезарь скончался. Многие общины по всей Италии и провинциям разделили общий траур с принцепсом, и когда еще две стойки с прахом предавались погребению в Мавзолее Августа, голосованием было постановлено воздать двум молодым людям почести, превосходящие даже те, которые оказали Друзу. В свои шестьдесят семь лет император Цезарь Август остался один на своем сторожевом посту.[658]

XXI Для блага государства

Похитив надежду на великое имя [Цезарь], фортуна в тот же момент возвратила государству свою поддержку… Недолго колебался Цезарь Август: ведь ему не пришлось искать того, кого следует выбрать, а выбрать следовало того, кто выделялся.

Веллей Патеркул, начало I века н. э. Пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой

Смерть близких была ему не так тяжела, как их позор.

Светоний, конец I века н. э. *[659]*

Рим узнал о смерти Гая Цезаря во второй половине марта. Горе Августа было искренним, но оплакав Гая, он начал думать о будущем, и по прошествии трех месяцев его решение было обнародовано. Как всегда, он обратил взоры на ближайших членов своей семьи, хотя обыкновенно разделяемое многими учеными мнение о том, что он был одержим мыслью о своих кровных родственниках, нельзя считать убедительным. Достигнутый им к тому времени полный успех возвысил авторитет имени Цезарь до уровня, которого ни одно семейное имя никогда не достигало, будучи афишируемо всеми способами. Цезарь Август отметил себя особым знаком, поднявшись высоко над всеми, и благодаря этому его мистическое обаяние распространялось на все семейство. Всякий, кому суждено было занять место его умерших сыновей, стал бы по имени Цезарем, но должен был явно считаться достойным этой чести. В действительности же выбор был невелик.[660]

Возможным избранником был единственный остававшийся в живых сын Юлии, Агриппа Постум, но ему было только пятнадцать, и он еще официально не получил мужской тоги. Более надежным кандидатом – хотя и более дальним родственником, так как он являлся внучатым племянником принцепса, был Германик, старший сын Друза, которому в то время шел девятнадцатый год и который в значительной степени унаследовал обаяние своего отца и продемонстрировал способность привлекать к себе симпатии толпы. Светоний утверждает, что Август всерьез задумывался об избрании Германика в качестве главного наследника, прежде чем принял противоположное решение, потому, вероятно, что не мог быть уверен в том, что проживет достаточно долго, чтобы юноша проявил себя и показал, что на него можно полагаться. Как обычно, он, кажется, не думал о том, чтобы возвести мужей какой-либо из своих племянниц или двоюродных племянниц на более высокий пост, равно как и мужа своей внучки Луция Эмилия Павла.[661]

Однако оставался еще сорокапятилетний Тиберий, дважды консул, бывший зять, бывший коллега по трибунской власти и, вероятно, самый прославленный из живущих полководец в государстве. После восьми лет, проведенных Тиберием на Родосе, Август, наконец, стал мягче в ответах на просьбы бывшего зятя о возвращении домой. Он не дал разрешения, но вместо этого позволил Гаю Цезарю решить вопрос. Последний сначала отказал, но затем, в конце концов, согласился; говорили, что эта перемена была связана с падением Лоллия, который питал давнишнюю

ненависть к Тиберию, в полной мере платившему ему взаимностью. Было это во 2 г. н. э., и «изгнанник», имя, под которым он стал известен, воротился в Рим ко времени, когда пришли известия о смерти Луция Цезаря, побудившие его открыто выразить соболезнование Августу, наполненное разделяемой с ним скорбью и притворным восхищением. В остальном, не считая того, что он отвел своего сына Друза в храм Марса Мстителя, чтобы тот мог принять мужскую тогу и записаться как совершеннолетний гражданин, Тиберий позаботился о том, чтобы уклониться от исполнения и самой незначительной роли в общественной жизни. Он не проживал в своем собственном огромном доме, принадлежавшем прежде Помпею, а затем Антонию, но вместо этого переехал на одну из вилл Мецената на окраине города.[662]

И снова Август рассматривал не одного, но нескольких преемников – разговоры современных ученых о регентах и местоблюстителях вместо кандидата, которого он действительно желал, опять неубедительны. Август так не думал и явно ожидал, что ближайшие члены семьи будут способны работать как одна команда и делить власть – нельзя сказать, что такая его уверенность была реалистична. В конечном счете, разрешение Августом династического вопроса явилось из всех самым сложным и не общепринятым. На первом этапе Тиберий усыновил своего племянника Германика. Затем, 26 мая Август усыновил Тиберия и Агриппу Постума. Не было ничего необычного в усыновлении подростка, но абсолютно беспримерным было усыновление сорокапятилетнего бывшего консула, который в то время имел двух совершеннолетних сыновей, Германика и младшего Друза. Фактически Август приобрел не только двух сыновей, но и двух внуков. Вскоре были устроены браки с целью оформить связи внутри этого второго поколения. Германик должен был жениться на Агриппине, дочери Агриппы и Юлии, тогда как его сестру Ливиллу, которую, кажется, прежде намечали выдать замуж за Гая Цезаря, теперь намеревались выдать замуж за Друза. Тиберий оставался холостым, отчасти по склонности, но также потому, что, конечно, трудно было подыскать подходящую пару для кого-либо, кто был женат на единственной дочери Цезаря.

Один Постум был лишним, и не просто потому, что оставался единственным, кто не являлся ни сыном, ни внуком Ливии. Он был на тридцать лет моложе Тиберия и гораздо ближе по возрасту к сыновьям последнего, и даже моложе их, и должен был казаться имевшим с ними больше общего, чем со своим новоявленным братом. И не делалось никакой попытки ускорить

его карьеру и общественный рост. Должен был пройти еще один год, прежде чем он удостоился церемонии, знаменовавшей его вступление в совершеннолетний возраст. В прошлом Август предпочел стать консулом для того, чтобы иметь возможность представить таким образом народу своих сыновей Гая и Луция. Для Постума он этого не делал, и хотя после того никогда вновь не занимал консульство, нежелание брать на себя обязанности по этой церемонии в его старческом возрасте, возможно, имели большее отношение к этому, нежели к чему-либо еще. Более знаменательно, что Постуму в отличие от его умерших братьев не был пожалован титул первейшего среди молодых людей, и никоим образом не было возвещено о предоставлении ему доступа в сенат и получении в ближайшее время магистратуры. Равным образом, не шла речь о браке со столь же заметной персоной из членов большого семейства Августа. На данный момент изменение, состоящее в том, что из внука принцепса он стал его сыном, давало Постуму имя Цезарь, но предоставляло мало других непосредственных выгод.[663]

Тиберий также теперь именовался как Тиберий Юлий Цезарь, и когда Август объявлял о его усыновлении в сенате, он заявил: «Я делаю это для блага государства», – утверждение, которое историк Веллей Патеркул считал откликом на добрую славу Тиберия. Многие хотели видеть в этих словах или безрадостное смирение, или грустную иронию, но маловероятно, чтобы такого рода эмоции открыто выставляли напоказ. Август ясно сознавал, что был предан своим зятем, когда Тиберий в 6 г. до н. э. отошел от общественной жизни, и горечь этого никогда его вполне не покидала. Тиберий не вызывал беспокойства, пока пребывал на Родосе, а после своего возвращения очень старательно держался в стороне от общественной жизни и вел себя так, чтобы насколько возможно не привлекать внимание. Сохранившиеся от последующих лет письма почти неотличимы по изъявлению привязанности советам, цитатам и добродушно насмешливому тону от переписки Августа с остальными членами семейства. По меньшей мере, каковы бы ни были его личные чувства к Тиберию, публично он последовательно выказывал уважение, доверие и любовь к недавно усыновленному.[664]

Очевидно, что Тиберий выиграл от такого нового порядка, и это предположение подкреплено взглядом в прошлое, так как мы знаем, что он, намного пережив Германика, и Друза, преуспеет как принцепс и будет править двадцать три года. Но даже не принимая во внимание знание о его будущем, видно, что теперь его положение изменилось, и он из человека, чья карьера закончилась десятилетием ранее – и никаких признаков ее

возобновления не замечалось – превратился в вождя государства, уступающего только Августу. Сын Ливии был самым старшим помощником принцепса и, без сомнения, будет самым старшим из его преемников, бывших в очереди, включавшей двух ее внуков. Вскоре распространились слухи, что она замыслила достичь этого, даже готовила смерть Гая и Луция, чтобы Тиберий остался единственным возможным избранником для Августа. Такие рассказы питались прежними сплетнями об отравлениях, будто бы устроенных ею, и со временем число их увеличится. Ничто из этого не является правдоподобным – и в самом деле, осуществимость каким-либо образом подготовки ранения Гая во время переговоров в Армении делает эти утверждения в высшей степени фантастическими. Мы никогда не сможем узнать истину, но если и имеются какие-либо ученые, доверяющие в самой незначительной мере таким россказням, то их мало; значительно легче поверить, что эти и более ранние смерти явились следствием несчастья, и это гораздо более правдоподобно. Историки более склонны говорить о борьбе за власть между семействами Клавдиев и Юлиев – говоря о последнем, иногда имеют в виду именно потомков Юлии или даже ее матери Скрибонии. Это можно считать почти невероятным.[665]

В 4 г. н. э. Август предоставил Тиберию на десять лет трибунскую власть и, весьма возможно, сделал это прежде, чем усыновил его; Августу в предыдущий год на десятилетие продлили его провинциальное командование и империй. Это означало восстановление прежнего высокого статуса Тиберия, снова поднимавшего его до уровня, который прежде занимал только один Агриппа, но в это время доверенным лицом принцепса был его сын, но не зять. Разница существенная, так как не всякое новое положение оказывалось выгодно Тиберию. В 4 г. н. э. он перестал быть главой старой аристократической фамилии с полной свободой действий и стал младшим членом другой фамилии, признав верховную власть своего отца. Тотчас имущество Тиберия перестало быть его собственностью, а вместо этого стало частью богатства Августа, которым он мог распоряжаться по своему желанию. Точно то же самое относилось и к Постуму, так что остатки громадных имений Агриппы теперь перешли к его старому другу. Закон и традиция предоставляли значительные полномочия отцу римлянина. Он мог отречься от приемного сына, в то время как сын не мог отказаться от усыновления. Политическая независимость была утрачена вместе с финансовой; для сына римлянина было немыслимо и, безусловно, постыдно открыто противиться отцу.[666]

Тиберий каждый раз демонстрировал, что принимает свое

новое положение серьезно и в продолжение оставшейся жизни вел себя по отношению к Августу и говорил о нем весьма почтительно. Ливия и ее сын, который теперь, само собой разумеется, был также сыном ее мужа, были, без сомнения, очень удовлетворены новым порядком и более чем вероятно оказывали закулисное влияние на принятие решений. Сам Август, однако, выиграл больше, чем кто-либо, и нет основания полагать, что его к этому ловко подтолкнули. Вместе с сыном средних лет, еще одним сыном-подростком и двумя внуками, усыновления дали ему близких помощников на ближайшее и отдаленное будущее, и число усыновленных, несомненно, обеспечивало ему защиту от дальнейших ударов судьбы, подобно тем, которые лишили его Гая и Луция. Кроме того, он приспособил членов своей собственной семьи к новому положению вещей и создал из них группу ближайших коллег. Тиберий обнаруживал усталость от непрерывных занятий, продолжавшихся до 6 г. до н. э., но в конце 4 г. н. э. он отправился в военный поход в Германию и затем остался там на действительной службе в течение следующего десятилетия. Его долгие годы бездеятельности, возможно, породили в нем новую склонность к работе, но даже в этом случае Август мог теперь руководить своим сыном и быть уверенным в его послушании, заставляя его всячески трудиться так же усердно, как когда-то он заставлял трудиться Агриппу.[667]

Новый порядок стоил Тиберию как тяжелого труда, так и независимости, и удивительная и беспримерная готовность зрелого блестящего аристократа согласиться на то, чтобы его усыновил другой – даже столь влиятельный, как принцепс – более всего объясняет замечание Августа, что он в этом деле действовал «для блага государства». Такой поступок поистине требовал объяснения с обеих сторон. Хотя опытный Тиберий был наиболее подходящим избранником, его продолжительное пребывание вне общественной жизни, конечно, было добровольным, а это вряд ли выглядело как серьезная угроза стабильности. Очень может быть, что были голоса, настаивавшие на ином течении дел. Дион Кассий и Сенека представляют туманный и неправдоподобный рассказ о попытке заговора, во главе которого стоял Гней Корнелий Цинна. Заговор был раскрыт, и Ливия будто бы отговаривала Августа от казни изобличенного – как утверждают, столь убедительно, что вместо этого Август поддержал его кандидатуру и обеспечил его избрание одним из консулов на следующий год.[668]

Дион Кассий говорит также о демонстрациях в Риме, требовавших возвращения Юлии. Это заставляет нас подозревать, что их инсценировали или, по крайней мере, поддерживали те,

кто надеялся выиграть от ее реабилитации. Он датирует их 3 г. н. э., но некоторые склонны относить их к следующему году или считают их частью более широкой агитации. В любом случае, принцепс решительно отказал, заявив, что скорее огонь с водой смешаются, чем он простит свою дочь, и поэтому толпа отнесла горящие факелы к Тибру и швырнула их в реку. В конце концов, Юлии разрешили в 3 г. н. э. вернуться на материк в Италию, и остаток жизни она провела возле Регия, продолжая содержаться в заключении лишь в немного более свободных условиях. Ни один источник даже не намекает на то, что она была достаточно свободна для того, чтобы общаться с теми, кто требовал ее возвращения. Главным образом, нет никакого указания на то, что отказ реабилитировать свою дочь каким-либо образом повредил собственной репутации Августа. В самом начале 3 г. н. э. его резиденции на Палатине пожаром был причинен очень сильный ущерб, что вызвало вал предложений денег от общин и частных лиц. Август принял от каждого лишь символическую сумму, чтобы те могли участвовать в ее восстановлении, хотя неясно, были ли остальные деньги возвращены, или вместо этого употреблены на общественные работы.[669]

В 4 г. н. э. Августу были даны консульские полномочия для проведения частичного ценза. Бедных граждан, как и постоянно проживавших вне Италии, не беспокоили, а взамен вновь внесли в списки только тех, кто похвастался имуществом стоимостью минимум 200 000 сестерциев. В то же время снова был пересмотрен список сенаторов, но нет особого основания думать, что это устроили ради устранения потенциальных врагов Тиберия или Постума. Вероятно, это являлось просто продолжением прежних попыток, и проверке подвергли тех, чье поведение или состояние вызывали сомнения. Некоторые, вероятно, изо всех сил старались сохранить требуемый имущественный ценз. Десятилетие спустя мы узнаем о внуке оратора Гортензия, который растил четырех сыновей, но владел имуществом, стоимостью лишь 1 200 000 сестерциев и таким образом был не в состоянии разделить его так, чтобы сделать для них возможным избрать сенаторскую карьеру. В 4 г. н. э. принцепс дал деньги восьмидесяти сенаторам, чтобы они могли удовлетворить требованию имущественного ценза для членства в этом сословии. Иногда также утверждали, что с того времени и до конца жизни Августа Тиберий оказывал значительное влияние на выборы консулов. Наиболее вероятно, что он играл роль в выдвижении кандидатов, что и Август продолжал делать, но ни одно имя не вызывает особого удивления, и все они принадлежат к той категории людей, которые с большой вероятностью достигли бы

этой должности и каким-либо иным способом.[670]

Этот год был свидетелем введения закона, подкреплявшего другие недавние установления и предусматривавшего регулирование отношений к рабам, в частности, предоставления им свободы – особенно путем ограничения количества, которое могло быть отпущено на свободу по завещанию либо молодыми хозяевами, а также определявшего точный объем обязательств, налагаемых на вольноотпущенника или вольноотпущенницу в отношении их бывшего хозяина. Весьма возможно, Августа несколько беспокоило слишком большое число вольноотпущенников, из-за чего Рим оказался наводнен новыми гражданами, и он, конечно, опасался, что очень много окажется тех, кто имеет право на бесплатное получение зерна в Риме. Другие меры, однако, были направлены на покровительство вольноотпущенникам, продолжение предоставления им гражданства, пусть и с небольшими ограничениями, награждение тех, кто растил значительное число детей, так же как это делалось в отношении остальной массы граждан. Среди вольноотпущенников было много трудолюбивых и весьма преуспевающих личностей, занимавших важное положение в пригородах самого Рима и иногда достигавших высоких постов на местном уровне где-либо в других городах; и Август заботился о том, чтобы снискать их лояльность ему и государству, так же, как он делал это по отношению к другим слоям общества. С точки зрения законодательной и другой деятельности, 4 г. н. э. не говорит о радикальной перемене во власти или руководстве правительством, но гораздо больше, как обычно, о чувстве долга.[671]

Величайшая опасность со времен Ганнибала

До конца года Тиберий стоял во главе армии, действовавшей к востоку от Рейна. В продолжение зимних месяцев он ненадолго вернулся в Рим – то, что он будет делать теперь каждый год – прежде чем возвратился, чтобы будущей весной возглавить еще одну кампанию, доведя свои легионы по крайней мере до Эльбы. Это были операции против вождей и племен в пределах области, уже находившейся под римским влиянием, что отражало продолжавшееся сопротивление или изменившиеся отношения. Другие общины в этих краях, казалось, приняли, а возможно даже приветствовали римское господство. Археология дает ясное доказательство существования как минимум одного города римского типа, основанного приблизительно на рубеже I века н. э. в Вальдгирме, недалеко от военного лагеря, использовавшегося во время завоевательных походов, и имеются намеки на существование других подобных общин. Городской стиль жизни,

являвшийся основным для римлян, все еще был малопривлекателен для народов этой области, но нельзя сказать, чтобы такое положение со временем не изменилось бы, как то произошло в других провинциях после их завоевания.[672]

В течение 6 г. н. э. римляне планировали более крупную операцию, скорее стремясь захватить новую территорию, нежели укрепить свою власть над имевшимися завоеванными землями. Их целью был король Маробод, вождь маркоманнов, народа, принадлежавшего к обширной подгруппе германских народов, называвшихся свевами (свебами), которые были известны тем, что носили на голове волосы, связанные узлом наверху или сбоку – свевский узел. Умный, обаятельный и, без сомнения, опытный военный предводитель, Маробод силой оружия создал себе державу, состоявшую, как и его собственный народ, из многих групп населения, так что под его властью находилась бóльшая часть современной Чехии, области между Рейном и Дунаем. Наконец, часть своей юности он провел в Риме, вероятно, в качестве заложника и, весьма возможно, первоначально вернулся к себе на родину с помощью римлян. Веллей Патеркул прозвал его категорично «варваром по происхождению, но не по уму», и говорит о невероятно большой армии, многие отряды которой постоянно содержались за счет короля. Без сомнения, он преувеличивал, когда утверждал, что этот вождь был более могущественный, чем кто-либо из появлявшихся у этих племен за несколько поколений. Его земли граничили с провинциями в Германии, Норике и Паннонии, и хотя он принимал перебежчиков из тех областей, даже Веллей Патеркул поясняет, что он никаких враждебных действий против римлян не предпринимал. Самое большее, что Веллей Патеркул мог сказать, это то, что королевские послы иногда вели себя с соответствующим раболепием, но в остальное время осмеливались говорить так, «как если бы они представляли правителя равного римскому».[673]

Такая гордость чужеземного вождя являлась достаточным оправданием, по меньшей мере, для демонстрации римской силы. Взаимный страх и подозрение нагнетали обстановку. В качестве защиты Маробод наращивал силы и в то же время производил на римлян впечатление человека, представлявшего большую опасность. В Германии были сосредоточены крупные военные силы и поставлены под командование легата Гая Сентия Сатурнина, опытного и зрелого консуляра (он занимал эту должность с 19 г. до н. э.), заслужившего знаки отличия триумфатора за свои операции по поддержке Тиберия в предыдущем году. Эти силы должны были наступать на Маробода

с севера, в то время как Тиберий шел с юга, возглавляя другую большую колонну, собранную в это время из дунайских армий. Весной 6 г. н. э. началось наступление, в ходе которого два римских войска пробирались через территорию племен, проживавших между римскими провинциями и королевством Маробода. Сражения не было, а германский король не предпринимал активных действий и выжидал до тех пор, пока римские колонны почти соединились и находились на расстоянии всего нескольких суточных переходов от его войск. Тогда, прежде чем его принудили сражаться или покориться, пришли известия о крупном восстании в римских балканских провинциях, и все переменилось. Тиберий предложил Марободу условия восстановления мира. Король не хотел рисковать, вступая в бой с римлянами, разве только у него не было бы другого выбора, и с радостью согласился, поэтому римские армии повернули обратно и отошли, чтобы заняться более срочным делом – подавлением восстания.[674]

На этот бунт паннонцев и далматов, быстро распространившийся по тем краям, римляне смотрели с самодовольным спокойствием. Подобно многим другим восстаниям, это вспыхнуло как раз в то время, когда подрастало поколение более молодых людей, которые не испытывали поражений со стороны римлян. Когда в Иллирике набирали вспомогательные части для оказания помощи в войне против Маробода, полагают, что местные племена понадеялись на свою численность и начали сознавать собственную силу. Поборы с провинциального населения, людьми ли, домашним скотом и зерном для римского войска, или непосредственно деньгами, часто тяжелым бременем ложились на людей, особенно когда те, кто надзирал за этим, были грубыми и продажными, или теми и другими вместе. Один из вождей восстания позднее заявлял: «Вы, римляне, повинны в этом; ибо вы в качестве блюстителей посылали к своим стадам не собак или пастухов, но волков» (Dio Cass. LVI. 16. 3).

Кипевшее недовольство питалось сознанием их собственной многочисленности, особенно когда они увидели, что отборные римские войска, пребывавшие в этих землях, отведены для запланированного завоевания земель, подвластных Марободу. Мятеж начался с нападения на римских купцов и гражданское население в провинциях. Римская военная доктрина состояла в том, чтобы сколь возможно быстро противостоять любым проявлениям восстания, подавляя его любыми войсками, которые можно было спешно собрать. Бездействие сочли бы за слабость, и потому все больше и больше людей стало бы присоединяться к

восстанию. Однако риск таких поспешных контратак заключался в том, что привлеченные силы были слишком слабы для оказания сколь-либо серьезного противодействия. Поражение римлян, каким бы незначительным оно ни было, еще больше увеличивало число участников восстания. Подробности неясны, но подавить восстание не удалось и, вероятно, имело место некоторое число небольших поражений. Одно, по крайней мере, было более серьезным – Веллей Патеркул упоминает об избиении легионеров-ветеранов.[675]

Проблемы существовали также и в других провинциях. Приблизительно в это время мы узнаем о проведении кампаний на границе Африки (эта последняя с гарнизоном легионеров была вверена сенатскому проконсулу) и о проблемах в Исаврии в Азии. Также именно в этом году Публий Сульпиций Квириний, императорский легат в Сирии, с большей частью своей армии вступил в Иудею. Архелай, сын Ирода, оказался непопулярным среди своих подданных настолько, что его лишили трона и отправили жить в уютном уединении в Галлии. Взамен значительная часть бывшего царства Ирода Великого была поставлена под прямое управление и обращена в римскую провинцию. Замечательно то, что управление ею предпочли вверить префекту из всадников, а не человеку сенаторского ранга – это была первая такая провинция после Египта, но позже подобное нововведение повторят. Как часть этого процесса Квириний занялся проведением ценза. Именно в этом случае впервые пожелали подвергнуть население переписи и взиманию налога, уплачиваемого непосредственно римлянам, а не местному царю, что вскоре вызвало вспышки насилия, не сулившего ничего хорошего. Римский ответ был типично жестоким и быстрым, как это случилось во время волнений, последовавших за смертью Ирода Великого в 4 г. до н. э.[676]

В свои шестьдесят девять лет император Цезарь Август оказался перед лицом серьезных проблем на нескольких фронтах одновременно и, кажется, на короткое время утратил присутствие духа. Плиний утверждает, что он впал в отчаяние, отказываясь в течение четырех дней принимать пищу и заявляя, что желает умереть. Восстание в Иллирике затронуло одну из ближайших к Италии провинций и, как было ясно с самого начала, в очень широком масштабе. Август на личном опыте познакомился с этим краем, и потому понимал, сколь выносливы тамошние воины и сколь труднопроходима местность для проведения боевых операций. Сначала он не мог знать, что случится на территории Маробода, в случае, если бы король предпочел сражаться, нежели согласиться на мир, было бы очень тяжело увести оттуда войска в

количестве, необходимом для борьбы с восстанием. Его легионы в остальных частях империи находились или слишком далеко, чтобы привести их на театр военных действий, или им уже было поручено решать другие задачи. В Италии он располагал только девятью когортами преторианцев, небольшим вооруженным отрядом телохранителей из германцев, городскими когортами и императорскими флотами, и все это вместе взятое едва ли могло считаться действенной силой.[677]

По иронии судьбы, тот год начался со значительной реорганизации финансирования армии, направленной на то, чтобы поставить его на постоянную прочную основу. К концу этого года Август создал военную казну (*aerarium militare*), наполнив ее суммой в 170 000 000 сестерциев из собственных денег и назначив трех прежних преторов с трехгодичным сроком службы состоять при ней надзирателями. Из этих денег должны были выплачивать солдатам жалованье и дополнительные вознаграждения, обыкновенно выдававшиеся теперь при увольнении со службы вместо пожалования земли. К этому времени имелось двадцать восемь легионов, и в качестве средства сокращения расходов путем отсрочки выплаты дополнительного вознаграждения при увольнении из армии срок службы теперь был увеличен с шестнадцати до двадцати лет с последующими пятью годами в качестве ветерана (именно они подверглись избиению на раннем этапе восстания в Иллирике). И даже в этом случае, пожалуй, требовался постоянный источник финансирования на длительный срок, и чтобы его обеспечить, Август ввел пятипроцентный налог на наследство, переходившего к кому-либо из тех, кто не являлся родственником по прямой линии. Это было первое за полтора столетия прямое налогообложение граждан, проживавших в Италии, и оно с самого начала вызвало глубокое негодование.[678]

И вот перед лицом быстро распространявшегося восстания продолжительная стабильность неожиданно оказалась менее важной задачей, нежели незамедлительное формирование свежих войск для решения названной проблемы. Август заявил в сенате, что если только быстро что-либо не предпринять, враг может дойти до Рима не более чем за десять дней, а другие уподобляли эту опасность великой борьбе с Карфагеном. В самом Риме первый набор произвели в течение десяти дней, и когда добровольцев оказалось недостаточно, прибегли к призыву на военную службу лиц, ограниченных в праве нести ее, а также к приему на нее тех, кто обыкновенно считался непригодным физически или из-за рода занятий. Сформировали новые когорты, хотя менее ясно, предполагалось ли их в конечном счете ввести в

состав легионов, или оставить как самостоятельные подразделения. Кроме того, от богатых потребовали предоставить в распоряжение государства рабов, и как только их передавали, им сразу предоставляли свободу и гражданство, а затем зачисляли в специальные когорты – *cohortes voluntariorim ciuium romanorum* (добровольческие когорты римских граждан). Это название, так же как особые образцы формы и снаряжения, отличали их от свободнорожденных граждан, служивших в легионах.[679]

От высших по положению требовалось исполнять роль вождей как для уже существовавших армий, так и для вновь набираемых. Август требовал добровольцев, особенно от молодых представителей сенаторского и всаднического сословий. В течение этих лет он пробудил у всадников намного более крепкое сознание исключительности, сделав Гая и Луция их номинальными вождями и возобновив ежегодные смотры тех, кто традиционно имел право на военную службу в качестве кавалеристов, ограничив его теми, кто подходил для такой службы по возрасту и физической пригодности. В эти дни они несли службу не как всадники, а как командиры вспомогательных частей и как трибуны в легионах, и в 6 г. н. э. некоторые поступили в армию добровольцами, а большинство остальных готово было пойти служить в случае, если бы государство отдало такой приказ. Некоторые не пожелали, и известно одно печальное дело, в котором оказался замешан некий отец семейства из всадников, отрезавший своим сыновьям большие пальцы рук, чтобы сделать их физически непригодными к службе. Август привлек его к суду, признал виновным и наказал, продав бывшего всадника в рабство, а имущество его с торгов. Человек этот принадлежал к одной из компаний публиканов (объединений, которые брали на себя исполнение многих государственных контрактов и сбор некоторых налогов), и когда его коллеги начали предлагать выкупить его, принцепс вместо этого продал его за символическую цену одному из своих вольноотпущенников. Осужденного должны были отправить в отдаленное поместье и держать на рабских работах, но в других отношениях дурно с ним не обращаться.[680]

Нежелание достаточного числа людей всех классов служить государству являлось частью более широких проблем. Серьезной опасностью для всех обитателей Рима продолжали оставаться пожары, и несколько недавних возгораний побудили Августа создать семь когорт ночной стражи, каждая из которых отвечала за два городских квартала и выполняла функции пожарной команды и ночного патруля. Большинство новобранцев были

вольноотпущенниками, что отражало не просто состав обширного населения Рима, но и нехватку в это время рабочей силы всякого рода. Для финансирования нового учреждения был введен двухпроцентный налог с продажи рабов. Имел место также недостаток съестных припасов, вызванный, вероятно, плохими урожаями и проблемами с транспортировкой зерна в Рим. Лишним едокам, включая гладиаторов и назначенных к продаже рабов, было запрещено подходить к городу ближе, чем на 100 миль. В то время некоторые общественные работы были приостановлены, сенаторы не должны были оставаться в своих имениях и пропускать собрания сената; кроме того, издали исключительное постановление о том, чтобы результаты голосования имели силу даже в случае отсутствия кворума.[681]

Неудивительно, что эти тревожные времена порождали недовольный ропот. Распространялись анонимные памфлеты, более или менее открыто намекавшие на революцию. Трудно сказать, был ли их мишенью принцепс или, скорее, его окружение, либо даже другие магистраты и сенаторы, считавшиеся виноватыми или просто непопулярные. Дион Кассий сообщает, что народ большую часть агитационной работы приписывал некоему Руфу (он называет его Публием, в то время как Светоний именует Плавцием), но что большинство считало его слишком малоизвестным и недостаточно умным для того, чтобы быть настоящим организатором. Современные ученые склонны связывать часть этой деятельности с теми, кто полагал, что достигнут больших успехов, если потомки Ливии лишатся власти в пользу Юлии и ее семейства. Дион Кассий относится к налогу на наследство как к одному из источников недовольства и, так как он считал это единственным, что волновало тех, кто владел значительным имуществом, то историки предполагают наличие в некоторой степени политических манипуляций, совершаемых сторонниками семейства Юлии, надеявшимися сосредоточить на этом широкое недовольство. Такое предположение, однако, остается гадательным.[682]

Нехватка продовольствия продолжалась несколько месяцев, побудив Августа отказать в разрешении провести публичные празднества в его день рождения. Он поручил нескольким бывшим консулам улучшить систему снабжения зерном, а тем временем выдал за свой счет дополнительные порции провизии тем, кто получал в Риме пособие от государства. Постепенно снабжение съестными припасами вернулось к нормальному уровню, и наступило более подходящее время для празднования. Гладиаторские игры проводились в память о Друзе, брате Тиберия, и председательствовали на них Германик и Клавдий.

Последний был физически слабым, склонным к судорогам и заиканию и явно непригодным к военной службе, что требовалось для карьеры на любой государственной службе. Мать говорила о нем как о «чуде, которое природа оставила недоделанным», и любила оскорблять людей, говоря, что они «глупее моего Клавдия». Тем не менее на этом этапе считали возможным его появление на публике, хотя на играх он предпочел кутаться в толстый плащ, а не в обычную тогу, вероятно, чтобы скрыть свою внешность. Образ Друза опять возник в памяти, когда Тиберий освящал свой вновь построенный храм Кастора и Поллукса, назвав себя в этом случае Тиберий Юлий Цезарь Клавдиан, чтобы прославить свою бывшую семью так же, как и имя Цезарь.[683]

Отпрыски Юлии

Осталось совсем немного сведений о деятельности Постума в годы, последовавшие за его усыновлением. Он вступил в совершеннолетний возраст в 5 г. н. э., публично, но без какой-либо большой помпы, хотя даже это было лучше, чем та поспешность, с которой достигшего совершеннолетия Клавдия, тайно, под покровом темноты, быстро провели в храм Марса Мстителя. Семья еще должна была решить, в какой мере Клавдия можно было представлять вниманию публики. Постум был еще молод, и потому, возможно, отсутствие у него какой-либо публичной роли неудивительно. Он отличался от Клавдия силой и атлетическим сложением, но все наши источники утверждают, что имелись серьезные сомнения в его характере и умственных способностях, смутно намекая на его необузданный нрав и на изъяны в поведении, не уточняя, какие именно. Может быть, стоит вспомнить, что ко времени опалы его матери ему еще не было десяти, и он видел, что когда ее сослали, его братьев быстро продвигали и расточали им похвалы, а вот он был лишен этого. Вероятно, Постум начал добиваться большего признания.[684]

В 5 г. н. э. Август реформировал систему голосования в центуриатных комициях, добавив десять новых центурий, набранных из высших классов и названных в честь Гая и Луция. Теперь они должны голосовать первыми, подавая пример, чтобы остальные центурии, вероятно, последовали за проявленной римскими избирателями любовью к поддержке победителей. Изменение это, возможно, было случайным и стало частью долговременных попыток сделать деятельность государственных учреждений более стабильной, однако пришлось немало постараться, чтобы не допустить повторения случившегося в 6 г. до н. э. инцидента, когда центурии избрали Гая Цезаря консулом, хотя он не являлся даже кандидатом. Более чем вероятно, что честолюбивые личности видели в Постуме возможность достичь

собственного возвышения. Быть может, юноша говорил или поступал неблагоразумно и постепенно утратил доверие Августа. В 7 г. н. э. ожидали, что по достижении семнадцати лет он, наконец, обретет публичный статус и ему будет предоставлено командование некоторыми вновь сформированными частями с указаниями вести их в Паннонию, после чего он примет участие в боевых операциях. Вместо него это было поручено Германику.[685]

Опала Постума, кажется, прошла несколько этапов. Сначала его в наказание отправили в Суррент (современный Сорренто) у Неаполитанского залива, где большую часть времени он провел за рыбалкой. Затем Август официально отменил его усыновление, и вместо Цезаря он вновь стал Випсанием Агриппой. Имущество, унаследованное им от отца, с ним не осталось, а Август употребил большую его часть на пополнение военной казны. Постум горько жаловался на это и особенно нападал на Ливию, так что в конце концов его сослали на крошечный остров Планазия, возле Корсики, и содержали там под строгим надзором. Подозрение, что Тиберий и его мать стремились удалить будущего потенциального соперника, разделялось многими уже в Древнем мире, то же можно сказать и о современных ученых. Возможно, в этом есть доля истины, но более вероятно, что Постум сам был виновником собственной гибели. Очень может быть, что в этом деле, как и в столь многих других, Августом руководила его жена, но он видел, что мальчик подрастает, и ему следовало иметь хорошее представление о его натуре. Ошибочно утверждение, что семье было угодно терпеть в Клавдии предполагаемую умственную и физическую слабость, и, следовательно, она могла допустить глупость или нечто еще худшее в Постуме: Клавдий не был сыном Цезаря и не считался одним из его наследников.[686]

Так как Постум в 4 г. н. э. был единственным внуком принцепса, его нельзя было легко игнорировать, разве только убрать куда-нибудь подальше. Август, быть может, уже сомневался в характере мальчика, но надеялся, что он выучится и станет человеком твердого характера и надлежащих способностей. Отсутствие у него какой-либо публичной роли даже после усыновления внушает мысль об общей осмотрительности гораздо больше, чем о ревнивой подозрительности Тиберия или его матери. Когда оказалось, что Постум не сможет стать лучше, чем он есть, Август отверг его. Позднее Тацит отмечал, что в действительности юноша не совершал никакого преступления, и трудно сказать, было ли какое-нибудь хоть одно деяние, возбудившее желание отказаться от него. Политическое соперничество, без сомнения, играло роль,

но мнение наших источников о том, что за этой ссылкой стояли его характер и поведение, вероятно, является справедливым.[687]

В 7 г. н. э. Германик привел войска в Паннонию и таким образом именно он начал проявлять себя воином. Он еще был в роли подчиненного, и другие контингенты новобранцев шли в эту область под отдельным командованием; историк Веллей Патеркул с гордостью рассказывает нам, что он вел один из них, служа в действующей армии вместо того, чтобы исполнять свои обязанности квестора на этот год. Тиберий осуществлял общее руководство, спешно прибыв на фронт годом ранее. Кампания была тяжелой, и нападения соседних народов на близлежащие провинции отвлекли на себя некоторую часть римских войск, посланных на подавление восстания – еще одно указание на то, сколь благоприятно было для римлян то обстоятельство, что Маробод счел более выгодным сохранение мира, нежели воспользоваться в своих интересах временной слабостью. Начиная с этого момента он оставался верным союзником Рима, а в результате упрочивал и свое собственное положение.[688]

Борьба приняла широкий размах и часто носила ожесточенный характер, особенно по той причине, что многие мятежники служили в прошлом вместе с римлянами во вспомогательных войсках. Они понимали латынь, знали, как действуют легионы, а сами были гораздо более дисциплинированными, чем большинство племенных армий. В нескольких случаях римские действующие армии были остановлены и принуждены отступить, иногда они брали верх, лишь понеся тяжелые потери, а также не однажды повстанцы освобождали осажденный римлянами гарнизон как раз в период времени, достаточный для его спасения. В этот же момент Тиберий оказался во главе самой большой из собранных после гражданских войн римской армии, состоявшей из 10 легионов, 70 когорт вспомогательных войск, 14 вспомогательных кавалерийских ал, 10 000 ветеранов (которые, вероятно, в этом случае включали в себя людей вновь мобилизованных, а не просто тех, кто находился на последнем этапе прохождения военной службы), а также союзников, присланных фракийским царем и другими дружественными вождями. Это войско представляло собой более трети всей римской армии и было больше, чем любая из тех армий, которыми когда-либо предводительствовал Юлий Цезарь в ходе своих кампаний. Тиберий быстро осознал, что оно слишком велико для эффективного снабжения и управления, поэтому он через короткое время разделил его на несколько отдельных действующих армий. Даже в этом случае оно не включало в себя

все войска, посланные на борьбу с восстанием. Всего на военной службе против паннонцев и далматов находилось пятнадцать легионов и примерно такое же по численности вспомогательное войско. При столь удобных условиях более чем половине всей армии понадобилось три года трудных операций, чтобы подавить восстание в одной провинции.[689]

Это была самая серьезная война после Акция и с гораздо бóльшим трудом проведенная. Риторика об армиях мятежников, собиравшихся идти на Рим, – фантастична, но даже в этом случае это столкновение не похоже на все другие, более незначительные войны, которые вели с 30 г. до н. э. – она была гораздо более крупная по масштабу, и выиграть ее было много труднее. На некоторое время – быть может, лишь на короткое – это поставило под сомнение сами основы руководства Августа, гордившегося непрерывными и неизбежными победами, которые даровали боги римскому народу и его принцепсу, заслужившим их своею доблестью и благочестием. Многое из этого являлось пропагандой, но при постоянном повторении начинало восприниматься всерьез даже теми, для чьей пользы должно было служить. Перспектива того, что они могли проиграть войну и потерять провинцию, была шокирующей, и легко намекала на то, что более они победы не заслуживали. В той же мере, как и что-либо другое, это могло объяснить почти полную потерю душевных сил императором Цезарем Августом в начале войны: все, что он создал, казалось, находится под угрозой. Даже после того как присутствие духа вернулось к принцепсу, сохранялись признаки того, что он все еще не избавился от страха, позднее выразившиеся в раздражительных речах по поводу того, что Тиберий не выиграл войну достаточно быстро.[690]

В 7 г. н. э. Август праздновал свой семидесятый день рождения, и имелись явные признаки того, что старость настигает принцепса и его здоровье ухудшается. В следующем году он стал меньше заниматься государственными делами. Были назначены три бывших консула для приема большей части посольств от союзных вождей и общин, которые непрерывно валили в Рим толпами, чтобы подать прошения или просто воздать хвалу принцепсу. Сенат он посещал гораздо реже и хотя продолжал председательствовать на судебных слушаниях, теперь на них предпочитали собираться в его части комплекса на Палатине, нежели в общественных зданиях. На выборах он более не присутствовал и не показывал, что поддерживает угодных ему кандидатов, но просто письменно излагал свои рекомендации и показывал избирателям. Тем не менее нам не следует преувеличивать его слабость, у него сохранялись следы прежней

решительности. В 8 г. н. э. – а может быть, и в остальные годы – он совершил путешествие в Аримин (ныне Римини) на границе с Иллириком, так что мог находиться поблизости от театра военных действий (Dio Cass. LV. 33. 5–34. 3).

В 7 г. н. э. опять случился недостаток продовольствия, который привел к еще большим беспорядкам. Выборы на следующий год были столь недостойным образом сорваны творившимися бесчинствами, что Август сам назначил всех магистратов. Насколько мы можем утверждать, вызвано это было соперничеством между кандидатами, не зависевшими от какой-либо фракции, поддерживавшей либо Тиберия и его семейство, либо скомпрометировавшего себя Постума. К тому же в 8 г. н. э. Юлия, дочь Агриппы и Юлии, была публично осуждена за прелюбодеяние и, как ранее ее мать, сослана на остров. В этом случае назван только один любовник, Децим Юний Силан, которому сообщили о том, что он потерял дружбу Цезаря, и сказали, что ему следует отправиться в «добровольную» ссылку. Судьба мужа Юлии неясна, но так как имело место обвинение в прелюбодеянии, он, вероятно, еще был жив. Несмотря на консульство в 1 г. н. э., Луций Эмилий Павел не получил никакого крупного военного поста и включен Светонием в список заговорщиков, злоумышлявших против Августа. И хотя не приведена ни дата, ни подробности того, что он делал, но если он еще не был в ссылке, значит, это случилось во время опалы его жены. В следующие месяцы Юлия родила, но Август отказал в позволении поднять ребенка и бросил его – жестокое напоминание о власти главы семейства, а равно и принцепса.[691]

Втянутым во все эти дела оказался поэт Овидий, который столкнулся не с официальным обвинением или судебным разбирательством, а получил распоряжение удалиться в город Томы на Черном море и оставаться там до тех пор, пока не прикажут иное. Это была самая окраина империи – и конечно, самого ареала греко-римской культуры, – и оттуда он написал ряд стихотворений, прося о прощении и возвращении. Печально, но как того можно было ожидать, стихотворения Овидия, где представлена чувственная природа этого дела, ничтожно мало прибавляют к нашей картине этого скандала. Овидия обвиняли в некоторой нескромности, так как он, вероятно, видел то, что ему не следовало знать, а в более общем смысле, в развращающем влиянии его «Науки любви» – поэма тогда уже была известна аудитории по крайней мере в течение десяти лет и, следовательно, вряд ли это было актуально. Престарелый Август, чувствовавший недостаток сил, недавно испытавший страх и теперь склонный к внезапным приступам гнева, весьма возможно,

считал, что это веселое воспевание внебрачных любовных связей имело дурное влияние на молодежь, но вероятно, что был еще один, более серьезный проступок.[692]

В общем и целом, все это происшествие остается неясным; понятно, что ученые склонны предполагать, будто под сексуальным скандалом скрыт политический заговор, особенно потому, что Павел назван заговорщиком. Предположения относительно природы этой интриги различны, и зависят от того, допускается или нет тот факт, что он по-прежнему находился в Риме; но неизменно это происшествие рассматривается как попытка поставить под сомнение превосходство Тиберия и его родственников в отношении будущего руководства государством. Интригующее предположение состоит в том, что Юлия и Силан задумали вступить в брак – возможно, даже совершили обряд, свидетелем которого мог быть Овидий – и некоторым образом принудить принцепса продвинуть нового мужа его внучки на высшую должность. Однако это только догадка, и как она ни привлекательна, другие сценарии могли равным образом хорошо согласовываться с имеющимися у нас немногочисленными фактами. Если имел место заговор, то он ничего не достиг, и, вероятно, с самого начала его замысел был наивным. Весьма возможно, Юлия считала, что к ней относятся с пренебрежением, но это ли привело ее к тому, что она затеяла любовную интригу, или неосторожный разговор о политике – либо и то, и другое – сказать невозможно. В последние годы Август упоминал об обеих Юлиях и Постуме как о своих «трех болячках» или «трех язвах», и, возможно, их преступления действительно должны были скорее иметь отношение к их неспособности жить и поступать так, как он бы желал, нежели к честолюбивым домогательствам власти.[693]

Результат был тот же, и члены семьи по линии Ливии как преемники возобладали и, возможно, столь же случайно, как случайна победа в тайной борьбе за власть. В 9 г. н. э. Тиберий вернулся в Рим и был награжден заслуженным триумфом за подавление восстания на Балканах. Он вполне справился со своей задачей, хотя и медленно, и на последних этапах, быть может, столько же искал компромисса, сколько применял силу. В конечном счете, одного из главных вождей восстания пощадили, а это была редкость в любой войне, не говоря уже о восстании. Наиболее верным доказательством этого является тот факт, что восстания вновь нигде не повторялись и что эти края в будущие столетия оставались спокойными и все более процветающими частями Римской империи. Кризис, казалось, завершился, и мир благодаря победе мог снова воцариться. Потом пришли известия

об ужасной военной катастрофе в Германии.

XXII Августов мир

Распространившись до восточных и западных пределов, достигнув самого севера и юга, Августов мир сохранил самые отдаленные уголки всего мира свободными от разбоя.

***Веллей Патеркул, начало I века н. э. Пер. А. И. Немировского** [694]*

Арминий представлял собой блестящий образчик римского духа, которым пропитывались завоеванные народы; они или по крайней мере их вожди убеждались, что им куда выгоднее поддерживать римское владычество и объединяться с завоевателями. Родившись около 18–15 г. до н. э., он принадлежал к королевской семье одного германского народа, называемого херусками, чьи земли лежали к востоку от Рейна недалеко от реки Везер. В жилах многих других аристократов тоже текла королевская кровь, и в любом случае она играла лишь второстепенную роль в условиях аморфной социальной и политической структуры племен, поэтому королевское происхождение не гарантировало превосходства. Отец Арминия, Сегимер, был просто одним из влиятельных людей своего народа, соперничавших за власть. Возможно, он сражался с римлянами в войнах последних лет I века до н. э. Если так, то вскоре он покорился захватчикам, и в равной степени возможно, что сначала Сегимер смотрел на союз с Римом как на средство взять верх над соперниками из среды местной знати. Множество вождей в разных краях поступало таким же образом, видя в мощи легионов скорее нечто такое, что поможет им достичь собственных целей, нежели угрозу.

Впервые молодой Арминий появляется в качестве предводителя вспомогательного войска, набранного из среды его народа, чтобы сражаться бок о бок с римлянами, а его младший брат Флав вскоре последовал за ним, чтобы нести военную службу вместе с римской армией. Быть может, оба они провели некоторое время в Риме в качестве заложников, проживая в комплексе Августа на Палатине и получая образование вместе с детьми из семейства принцепса, хотя прямых свидетельств на сей счет нет. Разумеется, оба свободно говорили на латинском, что, без сомнения, облегчило им получение римского гражданства, ибо Август предпочитал даровать эту привилегию лишь тем, кого полагал достойными имени римлян. Арминий считал важной военную службу бок о бок с римской армией и, вероятно, участвовал в военной кампании в Германии, а равно и в Иллирике во время того грандиозного восстания. В какой-то момент ему был пожалован всаднический ранг, и к 7 г. н. э. он вернулся к себе на родину, чтобы сделаться одной из ключевых фигур среди вождей херусков – даже минимальный всаднический имущественный ценз в 400 000 сестерциев являлся по меркам новой провинции Германии большим богатством. Состоятельный, с репутацией проверенного союзника и привыкший к манерам римской элиты, Арминий был частым гостем за столом императорского легата в Германии Публия Квинтилия Вара.[695]

В то время Вару было за пятьдесят, и он являлся опытным правителем, прослужив проконсулом в Африке, а затем легатом в Сирии. Коллега Тиберия по консульству 13 г. до н. э., он поочередно был женат на дочери Агриппы, а затем на двоюродной племяннице Августа Клавдии Пульхре, и принцепс явно считал его преданным и надежным. В 7 г. н. э. ему предоставили командование в Германии, включавшей в себя рейнскую границу и развивающуюся провинцию, протянувшуюся до Эльбы; его задачей было сохранение спокойствия в этой области, пока все внимание и все ресурсы империи были посвящены борьбе с восстанием паннонцев и далматов. Вар для поддержания своей власти располагал пятью легионами и значительным числом вспомогательных войск, хотя более чем вероятно, что эти силы уменьшились вследствие отправки части войск в Иллирик. Кроме того, серьезная нехватка ресурсов для армии делает маловероятным прибытие новых контингентов новобранцев в Германию. Без сомнения, в то же время многие честолюбивые и способные офицеры добивались скорейшей отправки на большую войну, нанимаясь на службу на Балканах в надежде заслужить награду. Тот факт, что Вара также не отправили туда или в одну из провинций, непосредственно

граничившую с беспокойным краем, говорит в свою очередь о том, что Август считал его скорее способным, нежели выдающимся, по крайней мере как военачальник. В 4 г. до н. э., будучи легатом в Сирии, он вступил в Иудею и продемонстрировал силу, подавив беспорядки, последовавшие за смертью Ирода Великого, но в ходе этой операции произошло лишь небольшое сражение, и, насколько мы можем утверждать, Вар никогда участия в бою не принимал.[696]

Однако положение в Германии, судя по всем приметам, было обнадеживающим, и в значительной степени потому, что местные аристократы, подобно Арминию, принимали римское правление. Отец его, кажется, к этому времени умер, но дядя его являлся еще одним частым гостем за столом Вара, как и Сегест, аристократ из херусков, чей юный сын был жрецом вновь установленного культа Ромы и Августа, обосновавшийся в основанной Агриппой гражданской столице племени убиев (современный Кёльн). Последнее крупномасштабное столкновение произошло в Германии в 5 г. н. э., и с тех пор мир прерывался лишь незначительными вспышками восстаний против Рима и периодическим межплеменным насилием. При Варе германские вожди все больше стали разрешать споры путем обращения к суду легата, нежели набегов друг на друга. Росли недавно основанные романизированные гражданские поселения, зачастую на месте прежних военных лагерей или недалеко от них.[697]

В последующие годы Вара критиковали за его отношение к провинции скорее как к уже благоустроенной и мирной, нежели находящейся в процессе завоевания, и за презрение к жителям, так как он смотрел на германцев как на «не имеющих ничего человеческого, кроме голоса и тела, которых не мог укротить меч, но сможет умиротворить правосудие». Однако во многом это убеждение было основано на устаревшем опыте, и отсюда не следует, что Вар все делал разумно и умело. Он начал облагать племена регулярным налогом, хотя наиболее вероятно, что в прошлом, когда в завершение конфликта с Римом они покорились, с них требовали лишь поставок скота и зерна. Взимание могло быть или не быть строгим, но тот налог был новым, и как знак того, что германцы являлись не союзниками, но подданными Рима, неизбежно вызвал негодование. На протяжении всей долгой истории римского провинциального управления слишком частой проблемой была коррупция, и очень может быть, что она ухудшила положение дел. Веллей Патеркул утверждает, что Вар отличался жадностью и что во время своего пребывания в Сирии «он вступил бедным в богатую страну, а вернулся богатым, оставив ее бедной».[698]

Возмущение римским владычеством, чему способствовали введенные римлянами налоги, росло и, как в Паннонии, было особенно сильным у более молодых воинов, которые никогда не сталкивались с легионами в битве. В то же время боязнь римского могущества уменьшалась после их отступления под натиском Маробода и длительной и трудной борьбы с целью подавить восстание в Иллирике. Казалось, что римляне могут потерпеть поражение, и даже некоторые из тех, кто очень сильно преуспел благодаря союзу с Римом, начали задаваться вопросом, является ли такая политика на будущее самой мудрой. Арминий был одним из них, и в какой-то момент римский всадник решил отказаться от своего нового гражданства и восстать против империи. Мы не знаем, когда он принял такое решение и что его вызвало. Возможно, для этого достаточно было гнева за утрату независимости своей собственной и других племен, и весьма вероятно, что наряду с этим присутствовала и ненависть за их отношение к ним по праву завоевателей. Хотя он и сделался римлянином, возможно, он обнаружил, что его сограждане относятся к нему в лучшем случае снисходительно. Имя его брата, Флав, переводится как «Блондин» или «Белокурый», и трудно сказать, предполагать ли в этом имени что-то обидное, или более нежное, подобное таким прозваниям, как «Румяный», «Рыжий» или «Голубоватый». С другой стороны, мы также должны принимать во внимание простое честолюбие. Арминий высоко поднялся благодаря связям с римлянами, став одним из самых значительных людей своего племени, но, возможно, он решил, что теперь перспектива какого-либо дальнейшего укрепления своего статуса, обусловленного лояльностью римлянам, невелика. Недавние события позволяли думать, что Рим не является непобедимым, и человек, который ведет собственное и другие племена к свободе, непременно приобретет столь огромный престиж, что сможет завоевать более значительную и более долговременную власть с перспективой стать столь же могущественным вождем, как Маробод. Личное честолюбие и жажда свободы вполне совместимы, и более поздние события подтвердили, что Арминий стремился властвовать.[699]

Пока, однако, он проявлял осмотрительность, планируя восстание с осторожностью и втайне. Весной и летом 9 г. н. э. Вар начал объезд провинции между Рейном и Эльбой, взяв с собой три из своих легионов, *Семнадцатый, Восемнадцатый* и *Девятнадцатый*, усиленных шестью когортами пехоты и тремя алами кавалерии вспомогательных войск. Скорее это была демонстрация римской мощи, нежели боевая операция, так как никакого серьезного сопротивления не ожидалось. Когда

начались волнения, Вар разослал небольшие отряды войск во многие селения и другие общины, жители которых утверждали, что им угрожают, и хотели защиты. Во время своего путешествия он встречался в каждой области со знатью, выслушивая их просьбы и разрешая их долгие и сложные споры в обычной манере римского правителя. К концу лета легат и его солдаты готовились вернуться на зимние квартиры к Рейну, когда пришли известия о восстании на территориях дальше к востоку. Очень может быть, что Арминий рассказал ему о мятеже, который он тайно помог подготовить. Вар отреагировал обыкновенным для римлян образом, точно так же, как он это сделал в 4 г. до н. э. в Иудее, и незамедлительно повел свою армию против восставших, и – опять-таки как в Иудее – открытое сопротивление провалилось, как только появились легионы.[700]

Решив с виду эту проблему, Вар в сентябре начал обратный поход на запад, в этом году более поздний и более дальний, чем он планировал. Припасы его, разумеется, истощались, и это значило, что он вынужден был несколько поторопиться, но так как никакой причины ожидать беспокойства в дальнейшем не было, то это не казалось серьезной проблемой. Допуская, что отряды его войска, вероятно, были в значительной степени достаточно немногочисленны, эта колонна насчитывала самое большее около 10–15 тысяч боеспособных солдат. Также там находились тысячи рабов, включая тех, которые принадлежали армии и исполняли работу конюхов, погонщиков мулов и тому подобное, равно как и слуги офицеров из рабов и отпущенных на свободу. Приблизительно в таком виде двигалась армия Вара (нам известно, что по крайней мере один офицер имел в своем багаже изящно украшенное инкрустацией из слоновой кости ложе) и, таким образом, была обременена большим количеством груженых мулов и повозок. Там также находились гражданские лица, некоторые из них, вероятно, являлись торговцами, снабжавшими солдат, а другие просто радовались возможности воспользоваться их защитой после проведенного среди этих племен времени, а равно и большое число женщин и детей. В какой-то момент Август запретил солдатам вступать в брак, но мы не знаем, являлось ли это частью более широких военных реформ 13 г. до н. э. или 6 г. н. э., либо это произошло в другое время. Наиболее вероятно, что причиной этого было столько же нежелание помогать семьям солдат или платить вдовам и сиротам, сколько и желание сохранять легионы достаточно подвижными, чтобы они были готовы переместиться из одного конца империи в другой. В зависимости от даты этой реформы некоторые солдаты, вступившие в брак до запрета, возможно, еще

находились на службе вместе с женами. Другие просто его игнорировали, оформляли свои отношения и растили детей (это было тем, на что власти закрывали глаза).[701]

Там, в глубине Германии, отсутствовали широкие, подобающим образом мощенные римские дороги, и длинная колонна растянулась на десять или более миль, извиваясь как змея вдоль старых проезжих троп через перемешанные друг с другом леса, обработанные поля, луга и болота. Путь ее был предсказуем по той простой причине, что римлян вынуждали не отклоняться от этого маршрута. Местные проводники, предоставленные Арминием и другими племенными вождями, помогали римлянам найти дорогу, и колонна тяжело двигалась вперед, соблюдая лишь самые элементарные меры безопасности, а ее командир был уверен в том, что он в дружественной стране, и главным образом настойчиво стремился проделать путешествие до того времени, пока осенние дожди не превратили дорогу в болото. Вар не рассчитывал столкнуться с какой-либо опасностью, и потому не ждал ее; он надеялся, что разведчики, данные ему херусками и другими племенами, в достаточной мере предупредят его в случае, притом маловероятном, каких-либо волнений. Когда Сегест вдруг рассказал ему, что Арминий замышляет восстание, императорский легат не сделал ничего, без колебаний отбросив эту историю как попытку одного честолюбивого вождя дискредитировать другого. Арминий все отрицал и, в конце концов, он был римский гражданин и всадник, испытанный в своей преданности. Бóльшая часть римлян, как и большинства имперских держав, старалась верить, что никто не станет отвергать очевидные преимущества объединения со своими завоевателями и пользования благами их «высшей» культуры и господства.[702]

Немного позже Арминий оставил колонну, пойдя якобы за тем, чтобы привести еще вспомогательные отряды, проводников или другую помощь. Вместо этого он отправился за тем, чтобы присоединиться к армии, собравшейся для нападения на римлян. В последующие дни небольшие группы членов племени начали совершать набеги на уязвимые части колонны, отходя прежде, чем римляне могли организовать какую-нибудь оборону. Археологические раскопки в Калькризе, возле Оснабрюка, позволяли выявить место, где, вероятно, была устроена главная засада в ходе серии атак, предпринятых на расстоянии приблизительно двадцати или около того миль, и указывают на тщательные приготовления Арминия. Он выбрал узкий проход в качестве естественного места для закупоривания, там, где путь проходил через луга с лесистыми холмами по одну сторону и

болотистой местностью по другую. Используя природные условия, германцы валили деревья, чтобы замедлить движение колонны, копали траншеи, чтобы помешать римлянам свернуть на другую тропу и избежать засады, и обносили еще с одной стороны дорогу наклонным валом среди деревьев длиной в 500 ярдов. Сделан он был частью из дерна, а частью из грунта, и явно эти оборонительные сооружения вселяли мысль о возведении таковых легионами в силу установившийся практики.[703]

Арминий многое изучил благодаря своей службе в римской армии и теперь использовал эти знания с беспощадной ловкостью. Он обеспечил избрание Варом этого пути, а приготовления к засаде должны были занять дни или, что более вероятно, недели. Обстоятельства складывались далеко не в пользу римлян, и сделались еще хуже, когда полил сильный дождь, затормозивший все, потому что дорога превратилась в месиво, и управляться со снаряжением стало затруднительно. Вар совершенно не справлялся в этих критических обстоятельствах. Сначала он приказал поджечь бóльшую часть обоза с багажом – поступок, который, вероятно, посеял нервозность. Предпринимаемые быстрые атаки продолжали терзать колонну, воинов все больше охватывало ощущение безнадежности. Когда они достигли тщательно подготовленного места для засады в проходе, атаки стали сильнее – стена германцев имела несколько устроенных в ней проходов для вылазок, чтобы дать возможность воинам бросаться вперед, а затем отходить в свое убежище. Хотя она была не более пяти футов высоты, этого оказалось достаточно, чтобы улучшить условия для нападения, поскольку давало воинам, сражавшимся на ней, значительное превосходство в высоте. Окруженные в узком проходе и атакованные сразу с нескольких сторон, римляне изо всех сил старались действовать в этом сражении согласованно.[704]

Возможно, незаурядный полководец еще и нашел бы выход из такой ситуации, установив в достаточной степени порядок среди этого хаоса, чтобы предпринять согласованную атаку на неприятеля. Вар был не таким человеком, притом он с самого начала утратил самообладание. Один из его подчиненных увел кавалерию, которую окружили и перебили в другом проходе. Самого Вара ранили (насколько серьезно – мы не знаем), и вскоре после этого он вместе с несколькими другими старшими командирами совершил самоубийство. Таким же образом убил себя его отец после битвы при Филиппах, но в то время, как римская аристократия могла приходить в восхищение от самоубийства тех, кто оказался на стороне побежденных в гражданской войне, такое было недопустимо для полководца,

ведущего армию против чужеземного врага. Если командующий впадал в отчаяние, то это вовсе не поддерживало у его людей желания продолжать битву. Некоторых оказавшихся в окружении, включая нескольких старших командиров, пока другие спасались бегством, германцы перебили, не встречая сопротивления. Немногие еще сражавшиеся предпринимали отчаянные попытки прорваться через стену и ускользнуть из западни. Во время битвы участки вала обрушились, и раскопки дают красноречивую картину последних тяжелых схваток. Был обнаружен скелет мула, и тот факт, что висящий на его хомуте колокольчик был набит свежевырванной с корнем травой, чтобы заглушить его звук, намекает на попытки произвести атаку в тишине под покровом темноты. Останки еще одного мула нашли там, где он перелез через стену и затем, упав на другую сторону, сломал себе шею.[705]

Попытки бежать не удались, и люди Вара гибли один за другим. Множество пленных вскоре присоединились к ним, будучи в благодарность богам за победу принесены ликующими германцами в жертву. Остальных обратили в рабов – позднее некоторые из них убежали или были освобождены за выкуп и стали рассказывать истории об ужасных событиях тех дней. Вара подвергли спешной, но безрезультатной кремации, и его захороненные останки выкопали и осквернили. Были захвачены три легионных орла, а равно и много других штандартов, и большая добыча в виде доспехов, оружия и другого снаряжения. Трофеи, доставшиеся германцам в результате победоносного сражения, были разделены между племенами или отправлены другим, чтобы побудить их присоединиться к восстанию. Голову Вара послали Марободу; король маркоманов предпочел сохранить мир с Римом, но испугался Арминия как соперника и потому послал этот ужасный предмет римлянам. В конце концов, его доставили в Рим, должным образом кремировали и подобающим образом похоронили.[706]

Известия о катастрофе в Германии достигли Рима только через пять дней после официального объявления о победе в Иллирике, и это означало как минимум то, что со временем было бы возможно переместить войска с Балкан на рейнскую границу. Это, однако, было гораздо более тяжелое поражение, нежели любое из тех, которые римляне претерпели со стороны паннонских и далматских мятежников, и его сравнивали с несчастьями, подобными поражению при Каррах в 53 г. до н. э. или даже величайшим поражениям, нанесенным Ганнибалом. Три легиона погибли – более десяти процентов всей армии исчезло за считаные дни – и до тех пор, пока не пришли еще новости,

отсутствовало всякое знание о том, не уничтожены ли также и другие войска в Германии, и не грабят ли германские орды Галлию, переправившись через Рейн. Серьезное само по себе, это обстоятельство еще больше бросало тень сомнения на принцепса и его режим, который гордился внушительными победами, основанными на надлежащих отношениях с богами. Еще хуже было то, что одна из его армий лишилась драгоценных орлов. На римскую честь вновь легло пятно позора, особенно порочившее ее после того, как император Цезарь Август разрекламировал возвращение утраченных в прошлом штандартов. Страх и ужас быстро охватили Рим (Velleius Paterculus II. 117. 1).

Август был потрясен, но, кажется, в это время он пребывал скорее в гневе, чем в отчаянии. По словам Диона Кассия, некоторые источники сообщают о том, что расстроенный принцепс рвал на себе одежды. Он усилил патрули в четырнадцати кварталах города для предотвращения любых беспорядков, особенно в том случае, если бы рабам варварского происхождения взбрело в голову взбунтоваться. Это было маловероятно, но видимое присутствие войск подчеркивало, что государство все еще находится под контролем, успокаивало робкого и устрашало потенциально непокорного. Еще меньшую опасность представляли германцы, служившие в качестве конных телохранителей самого принцепса – отряд, который в какой-то момент заменил испанских телохранителей его молодости. Этих людей публично выслали из Рима. Другим, более впечатляющим жестом, явилось принесение обета устроить особые игры в честь Юпитера Всеблагого Величайшего, «если положение государства улучшится» – вполне в духе Августа возрождение ритуала, к которому не прибегали более ста лет. В то же время он увеличил срок пребывания в должности провинциальных правителей, чтобы обеспечить по всей империи стабильность и надзор опытных людей. Был отдан приказ о проведении новой кампании по набору в армию, но, как и следовало ожидать, обнаружилось, что новобранцев оказалось еще меньше, чем в 6 г. н. э. Был введен призыв на военную службу граждан, выбранных по жребию, несмотря на непопулярность этого. Кое-кто, к тому же, старался уклониться от призыва, и некоторое количество таковых казнили в виде предупредительной меры. Тем временем, увеличили срок службы солдатам, уволив при этом большее число призванных ветеранов. И снова выкупили рабов, предоставили им свободу и сформировали из них особые части.[707]

Вскоре Тиберия отправили в прирейнские земли принять командование. Август тем временем отказывался в продолжение нескольких месяцев бриться и стричь волосы, повторяя то

траурное действо, которое он принял, чтобы чтить убитого Юлия Цезаря. В это время ни на монете, ни на другом изображении не появляется его бородатое лицо, а вместо нечесаного, страшно заросшего старика на его портретах продолжал присутствовать нестареющий и невозмутимый принцепс. Он гневно жаловался на Вара и иногда у себя дома бился головой о двери, вопя: «Квинтилий Вар, верни мои легионы!» Из мертвого командующего сделали козла отпущения, а самые ранние источники также изображали Арминия как изменника. Ни одну из точек зрения нельзя считать безосновательной, но каждая основывалась на каком-либо эпизоде, вырванном из контекста. В будущем принцепс отмечал дату этой трагедии как день траура. Ни один легион не был набран с целью заменить три погибших. Это само по себе указывает на то, что рекрутов едва хватало для пополнения уже существовавших частей. Даже в последние годы, когда формировали новые легионы, номера «семнадцать», «восемнадцать» и «девятнадцать» не использовали.[708]

В последующие месяцы из Германии пришли немного более приятные новости. Как это присуще нерегулярным армиям всех времен, люди Арминия после одержанной ими победы разошлись, забрав на зиму домой свою добычу. На этот момент только немногие оставались в действующей армии, к которым присоединились другие, вдохновленные их успехом и жаждавшие завоевать для себя славу и добычу. Большинство небольших отрядов, разбросанных Варом по этой области, погибли, но когда вооруженный отряд воинов Арминия атаковал военный лагерь в Ализоне (вероятно, это место обнаружили в результате раскопок в Хальтерне), атаки были отражены. После доблестной обороны гарнизон и большое число гражданских лиц ушли под покровом темноты и сумели совершить потрясающий побег в безопасное место на рейнской границе. Все переправы на реке удерживались – и, в самом деле, они, кажется, не подвергались серьезному нападению. Два оставшихся легиона Вара и некоторое количество вспомогательных войск в значительной степени уцелели, и их командиры делали все возможное, чтобы организовать устойчивую оборону.[709]

Последние годы

Тем не менее в настоящее время провинция между Рейном и Эльбой была потеряна – каждое раскопанное римское военное и гражданское поселение в этой области указывало на то, что его в то время внезапно покинули. Четыре следующие военные кампании Тиберий, к которому позже присоединился Германик, провел или на Рейне, или в карательных экспедициях на востоке. Подробностей этих кампаний известно немного, но римляне,

кажется, постепенно продвигались все дальше от служившего им защитой Рейна, сжигая деревни, истребляя посевы, угоняя стада рогатого скота и отары овец и убивая или захватывая в плен всякого, кого могли поймать. Римляне называли это *vastatio* (опустошение) и занимались им весьма успешно, но пока еще сталкивались с серьезным сопротивлением. Власть Арминия, как человека, который уничтожил легионы, росла, и он командовал не только множеством херусков, но в равной мере и воинами из других племен. Поражение Вара совершенно развеяло ореол римской непобедимости точно так же, как быстрое завоевание японцами Гонконга, Малайи и Бирмы в 1941–1942 гг. подорвало репутацию Британской империи на всем Дальнем Востоке. В высшей степени трудно, быть может, невозможно, прийти в себя после таких унизительных провалов.[710]

В последние годы жизни Августа военные кампании в Германии продолжались, и ясно, что он все еще надеялся вернуть обратно потерянную провинцию. Однако многие достижения носили скорее символический характер. В 11 г. н. э. Тиберий и Германик объединили свои силы для первой большой экспедиции за Рейн, но смогли заставить противника дать лишь небольшое сражение. Арминий и другие германские вожди были слишком благоразумны, чтобы рисковать биться на условиях римлян, а римские военачальники в равной степени проявляли осторожность и поэтому не оттесняли германцев слишком далеко. 23 сентября, все еще находясь на вражеской территории, они отпраздновали день рождения Августа рядом конных ристаний, организованных центурионами до отхода к Рейну. До сих пор не удалось одержать победу, которую можно было бы считать возмездием за поражение, или возвратить утраченные штандарты, но уверенное наступление римлян говорило по крайней мере о том, что в ход идет все, чтобы убедить в том, что в конечном счете римляне вышли победителями (Dio Cass. LVI. 25. 2–3).

Продолжение войны давало Тиберию дополнительную возможность доказать свои способности и продемонстрировать готовность трудиться на пользу государства. Каждую зиму он продолжал возвращаться в Рим и с 9 или 10 г. н. э. обычно занимал место в сенате либо в других публичных собраниях, садясь, наряду с Августом, между двух консулов. Очень может быть, что несколько посланий, написанных принцепсом Тиберию и позднее цитируемых Светонием, относятся к этим годам. Выдержки из них рассчитаны на то, чтобы доказать любовь к нему Августа, например, такие: «Я могу только похвалить твои действия в летнем походе, милый Тиберий; я отлично понимаю,

что среди стольких трудностей и при такой беспечности солдат невозможно действовать разумнее, чем ты действовал», «Когда я читаю или слышу о том, как ты исхудал от бесконечных трудов, то разрази меня бог, если я не содрогаюсь за тебя всем телом. Умоляю, береги себя: если мы с твоей матерью услышим, что ты болен, это убьет нас, и все могущество римского народа будет под угрозой», «Здоров я или нет, велика важность, если ты не будешь здоров». Как обычно, имелось множество цитат и остроумных греческих цветистых фраз, предназначенных подкрепить его суждения.[711]

В январе 10 г. н. э. Тиберий от собственного имени и от имени своего брата Друза освятил восстановленный на Форуме храм Согласия, оплатив работу из германской добычи – скорее, вероятно, от более ранних успешных военных кампаний, нежели от недавних. Триумф, присужденный ему за Иллирик, отсрочили до 12 октября 12 г. н. э., и событие это ознаменовали распространением его проконсульского империя на всю империю, а не просто на западные провинции, где он уже прилагал усилия, чтобы победить в войне. Августа также провозгласили императором до разгрома восстания, но он, как обычно, предпочел не праздновать триумфа. К концу жизни он был провозглашен императором не менее двадцати одного раза – совершенно беспримерное количество, подобного которому никогда в будущем не было. Германику присудили знаки отличия триумфатора за подавление балканского восстания, и на 12 г. н. э. он в возрасте двадцати шести лет стал консулом. Он перескочил претуру, а родной сын Тиберия, Друз, в 11 г. н. э. был квестором, и тоже был намечен на преждевременное получение консульства.[712]

До того, как Рима достигли новости о несчастье в Германии, одной из главных забот Августа в 9 г. н. э. стали вспышки недовольства его законодательством, побуждавшим вступать в брак и растить детей. Хотя большинство соглашалось с тем, что цель эта превосходная, им не нравились наказания, налагавшиеся за безбрачие и бездетность, которые среди прочего ограничивали право наследования имущества от любого лица, не являющегося близким родственником. В прошлом богатые бездетные мужчины и женщины считали делом нетрудным приобрести друзей среди тех, кто надеялся после того, как они умрут, получить по завещательному отказу недвижимое имущество. Теперь не только это сделалось более трудным, но если не оставалось членов семьи для принятия наследства, то деньги и имущество могли перейти к государству. Поощряемое законом воспитание троих или более детей требовало значительных затрат, в особенности если

требовались средства, чтобы дать им всем достаточно средств для всаднического или сенаторского ранга, не говоря уже об обеспечении их средствами на спокойную жизнь.[713]

Эти законы неизбежно затрагивали большинство богатых людей, и во время проведения каких-то игр группа всадников была особенно настойчива в своих требованиях отменить эти законы. Август ответил народным собранием, на котором выставил в качестве примера растущее семейство Германика, а затем будто бы разделил собравшихся всадников на тех, у кого есть дети, и на тех – гораздо большее число – у кого детей нет. На этом ли собрании, или на другом, в сенате, он представил речь, зачитанную, вероятно, кем-то другим. В продолжение некоторого времени назначаемый ему каждый год квестор выполнял это задание, и известно, что Германик тоже делал это для него в течение тех лет. Он повторял свои аргументы в пользу необходимости растить будущие поколения, пространно цитируя известную речь, произнесенную во II в. до н. э. и предостерегающую сенаторов против нежелания вступать в брак и растить достаточное число детей.[714]

Одна-единственная уступка, сделанная Августом, состояла в смягчении варианта закона, который представили в конце года консулы-суффекты – вызывает ироническую улыбку то, что оба они были холостыми и бездетными. Трудно понять, в чем заключались точные различия между законом Папия – Поппея и более ранним законом, так как юристы более позднего времени объединяли эти два закона, но ясно, что элита все еще считала его слишком суровым. В конечном счете, они не могли воспрепятствовать тенденции к пресечению старых аристократических фамилий, которая, в конце концов, была связана скорее с высоким уровнем детской смертности, нежели с чем-то таким, что государство могло контролировать. Закон этот приносил некоторый доход, а также подчеркивал, что Август считал послушание и нравственное поведение присущими римлянам – вероятно, нечто особенно уместное в тревожные месяцы после гибели Вара и его легионов.[715]

Это были трудные годы, омраченные к тому же сильным наводнением в 12 г. н. э., из-за которого сорвалось одно из больших празднеств. Цезарь Август был стар, и контуры мира без него вырисовывались все явственнее. Составление гороскопов – занятие, которым давно были одержимы многие римляне, особенно принадлежавшие к аристократии, – стало еще более популярным. Август запретил кому бы то ни было лично обращаться к провидцам и астрологам за предсказаниями, и даже если посоветоваться с кем-то из них приходила группа лиц, то им

было запрещено осведомляться по поводу чьей-либо смерти. В то же время принцепс обнародовал подробности своего рождения и расположение звезд в тот момент, позволяя тем, кто может, составлять его гороскоп, если они этого пожелают. Также он годом раньше ослабил запрет на бои всадников в качестве гладиаторов после того, как несколько всадников проигнорировали его и появились на арене. Казалось, толпа любит выступления богатых людей, которые предпочитали рисковать таким образом жизнью и телом, и даже Август наблюдал за этим, всячески выражая удовольствие.[716]

Принцепс, однако, не всегда был расположен к такой искренности, великодушию и готовности оставлять без внимания случаи, когда пренебрегали законами. Приблизительно в это же время были конфискованы и публично сожжены сочинения, написанные Титом Лабиеном. Внук человека, являвшегося заместителем Юлия Цезаря в Галлии, но в 49 г. примкнувшего к Помпею, он имел обыкновение на публичных чтениях своих сочинений говорить, что пропустит следующий отрывок и позволит прочесть его лишь после своей смерти. Столь темные намеки казались тем более мрачными, когда их сравнивали со злобными нападками, которые он открыто позволял себе в отношении многих важных государственных лиц, хотя трудно сказать, поносил ли он их или напоминал им о прошлых деяниях, которые теперь казались нескромными или неподобающими. Со свойственным римлянам пристрастием к сочинению каламбуров современники прозвали его Рабиеном, или «неистовым» (от *rabies* – неистовство). Насколько мы можем судить, он не нападал на Августа или его близких родственников, но с благосклонностью писал о Помпее и других врагах Юлия Цезаря. Лабиен совершил самоубийство в знак гневного протеста против уничтожения своего сочинения.[717]

В равной степени пылкий оратор Кассий Север хвастался, что он знал наизусть это уничтоженное сочинение. Он был известен своими решительными и в высшей степени агрессивными обвинительными речами в суде, но также любил писать памфлеты, оскорблявшие в духе старой «доброй» традиции римской брани по всем правилам ораторского искусства видных мужчин и женщин. И опять маловероятно, чтобы Август являлся одной из его мишеней, но приблизительно в 12 г. н. э. позволил обвинить его по закону об оскорблении величия, измененному и дополненному в 6 г. н. э. и связанному с неопределенным понятием преступлений, причиняющих ущерб «величию» римского государства и народа.[718] Кажется, это был первый случай его применения в ответ на письменные и устные нападки

на отдельных лиц. Кассий был признан виновным и отправлен в изгнание в относительно роскошные условия Крита. При Тиберии и его преемниках понятие «оскорбление величия» стали связывать с бесконечно широко понимаемой нелояльностью по отношению к императору, и такого рода судебные преследования делались все более частыми, будто в самом деле действовала цензура. При ретроспективном взгляде такое развитие событий выглядит особенно зловеще, но, возможно, более важно отметить, что все эти обиды и оскорбления являлись также признаком продолжавшейся вражды между представителями элиты. Это имело очень малое или даже не имело никакого отношения к принцепсу. Соперничество из-за должности и почестей тоже продолжалось. В 11 г. до н. э. шестнадцать кандидатов на должность претора получили равное количество голосов, так что Август позволил им всем занять эту должность, хотя после того он вернулся к прежнему нормальному числу двенадцать в год.[719]

Были приняты дальнейшие меры, чтобы облегчить престарелому Августу бремя государственных трудов и церемоний. В 12 г. н. э. Германик зачитал в сенате речь, в которой принцепс просил, чтобы более сенаторы официально не приветствовали его и не прощались с ним, когда он приходил на Форум и уходил с него. Он также просил, чтобы они реже приходили с приветствиями к нему домой, и извинялся за то, что более не может обедать у них столь часто, как в прошлом. В следующем году совет принцепса, который в течение долгого времени действовал как совещание, занимавшееся вынесением сенатских судебных решений, претерпел основательные изменения. Вместо формирования его из числа сенаторов, набиравшихся по жребию и исполнявших обязанности в течение шести месяцев, членство в нем сделалось постоянным, и все члены избирались принцепсом. Ему также предоставили большую власть, так что решения его теперь считались как бы постановлениями всего сената в целом. Без сомнения, престарелому Августу было легче успешно вести дела в спокойной обстановке собственного дома – Дион Кассий сообщает, что иногда он полулежал на ложе при заседаниях этого органа.[720]

Еще одним последствием этой перемены стал дальнейший рост влияния Тиберия и его сыновей, приготовлявшего путь к тому, чтобы стать преемником принцепса после его смерти. Однако было бы ошибочно видеть в Августе лишь марионетку. Ясно, что он по-прежнему нес немалое бремя государственных трудов и принимал важные решения, хотя бы и направляемый

советниками и членами семьи. Он отнюдь не утратил многих навыков опытного и ловкого политика. В 13 г. н. э. увеличились жалобы на пятипроцентный налог на наследство, взимаемый ради финансирования военной казны. В ответ Август пригласил сенаторов, чтобы те предложили свои варианты надежного и стабильного пополнения военной казны – крайне необходимое во всякое время, но особенно в условиях продолжавшейся войны в Германии. Тиберий отсутствовал, а Германику и Друзу было приказано не выражать никакого мнения по этому предмету на том основании, что его рассматривают как точку зрения их деда. Сенат обсуждал этот вопрос и представил в письменной форме несколько предложений на рассмотрение принцепсу. Ни одно из них не казалось удачным, и по существу они представляли собой полный отказ от действующей системы, взамен которой не предлагалось жизнеспособной альтернативы финансированию военной казны. Тогда Цезарь Август объявил, что он предпочитает обложить податью имущество, и в целях введения нового налога отправил людей начать процесс поголовной переписи. Обеспокоенный этим сенат быстро согласился с тем, что более благоприятным для них будет оставить прежний налог на наследство, нежели столкнуться со столь неясной перспективой. Принцепс заявил, что он в равной степени счастлив согласиться со столь благоразумным решением.[721]

В 13 г. н. э. императору также вотировали продление всех его полномочий еще на десять лет. Одновременно таковые наконец были в полной мере предоставлены Тиберию, и в последние годы его голова начала появляться на реверсе монет, у которых на аверсе присутствовал Август. Обоим коллегам также была дана консульская власть для заведывания цензом, который завершился к маю 14 г. н. э., и в списки было внесено 4 937 000 граждан – почти на 900 000 больше, чем было указано при первом цензе в 28 г. до н. э., проходившем под надзором принцепса. Для Августа это увеличение являлось видимым признаком его успеха в деле восстановления мира и процветания римского народа. К тому времени минуло сорок три года, как Антоний совершил самоубийство, а Цезарю Августу исполнилось семьдесят шесть лет. Дион Кассий рассказывает о знамениях, предвещавших последующую перемену. Одно случилось, когда сумасшедший выбежал к процессии богов и символов, шествовавшей во время игр, и сел в магистратское кресло, принадлежавшее Юлию Цезарю; другое произошло, когда молния ударила в букву Ц (C) в слове ЦЕЗАРЬ (CAESAR) на подножии статуи Августа на Капитолийском холме – ЕЗАРЬ (AESAR) было этрусским словом, означавшим «бог», и истолковали его как намек на

приближающееся обожествление. Светоний утверждает, что когда обычной церемонией отмечали завершение ценза, то над Августом несколько раз пролетел орел и затем сел на фронтон храма как раз над первой буквой в имени Агриппы. Принцепс собирался произнести официальный обет о благополучии римского народа на пятилетие до следующего ценза, но вместо этого заставил Тиберия сделать это за него, объяснив, что его не будет уже, чтобы исполнить обещанное.[722]

Последние поездки

В какой-то момент этого года принцепс предположительно отправился в продолжительную поездку, отплыв на остров, где содержался Постум Агриппа, находившийся недалеко от Сардинии. Из аристократов его сопровождал лишь один-единственный спутник, бывший консул Павел Фабий Максим, который в том же году умер. Многие ученые отвергают этот рассказ как вымысел, направленный на то, чтобы поставить под сомнение истинные чувства Августа к своему преемнику. Трудно поверить, однако, что могли ходить слухи, согласно которым он на столь длительный период оставил Рим, если по крайней мере это не было бы правдоподобно, а посему такое и впрямь могло случиться. Возможно также, что между Августом и его внуком – некогда его сыном – действительно состоялась печальная встреча. Ясно одно: для его планов это значения не имело. В предыдущем году принцепс составил завещание, отдал его на хранение весталкам и ни разу не попытался изменить его. Главными наследниками назначались Тиберий в размере двух третей его имущества и Ливия, получавшая оставшуюся треть. Агриппа Постум упоминался только в оговорке, чтобы его и обеих Юлий не хоронили в Мавзолее Августа.[723]

Заботы, связанные с проведением ценза, задержали Тиберия в Италии бóльшую часть года, но в конце лета ему потребовалось совершить короткую поездку в Иллирик, чтобы выяснить, сохраняются ли спокойствие и безопасность в этой провинции. Без сомнения, ему пришлось имело дело с множеством прошений и местных споров, которые было необходимо разбирать, но никакого намека на угрозу общему миру в этих краях не наблюдалось. Сама протяженность этого путешествия позволяла ему в продолжение всего пути решать различные вопросы, от чего во многом зависел его престиж, при этом он тем не менее еще обладал возможностью на зиму возвратиться в Рим. От начала пути Август и Ливия сопровождали его, намереваясь добраться до Беневента, отчасти потому, что принцепс хотел присутствовать на играх в его честь, проводившихся в Неаполе. Компания путешествовала на юго-запад к порту Астура, где они сели на

корабль, отказавшись от привычки плавать только в дневное время, так как ветер был попутный. Внезапно Цезарь Август заболел желудком, что проявилось в виде диареи.[724]

Болезнь показалась не особенно серьезной, и корабль плыл вдоль побережья на юг к Капри, где у него была вилла – та самая, с собранием ископаемых. Когда они приближались к большому порту Путеолы, мимо них проплыл торговый корабль из Александрии, команда и пассажиры которого приветствовали его почти так, как будто воздавали почести божеству. Одетые в белое, с венками на головах, они воскурили фимиам – возможно, уже приступив к принесению жертвы в ознаменование своего благополучного прибытия. Они восторженно кричали Цезарю Августу, что «в нем вся их жизнь, весь их путь, их свобода и богатство». Принцепс был доволен и дал каждому из своих спутников по сорок золотых ауреев (сумма, равная 1000 денариев, или 4000 сестерциев) с указанием, чтобы они их потратили только на товары из Александрии.[725]

Четыре дня он, отдыхая, провел на Капри, и теперь, казалось, оправился от болезни. Его веселая натура и любовь к компаниям и шуткам побудили раздать греческое платье своим римским спутникам, а римское – греческим друзьям. Затем ему заблагорассудилось приказать им всем надеть их. Как часть игры, римляне должны были говорить по-гречески, а греки – по-латыни. В течение этих дней он с интересом смотрел на упражнения местных эфебов, наследие давнишней греческой колонизации и влияния в этой области. Это молодые люди, прошедшие общую военную физическую и строевую подготовку прежде, чем их признавали полностью совершеннолетними гражданами своих общин. Август устроил им пиршество, во время которого бросал толпе билетики на призы, такие как фрукты и деликатесы, а затем побуждал их шутить, даже на его счет. На другой день он шутил с кем-то из окружения Тиберия, прося этого человека отгадать автора двух строчек из стихотворения, только что им сочиненного, как если бы эти строки были цитатами.[726]

Несмотря на беспокоившие его периодические приступы диареи, Август чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы переехать в Неаполь и посмотреть устраиваемые в его честь игры. После этого он пропутешествовал с Тиберием до Беневента и там с ним простился. Возвращаясь домой, Цезарь Август, прежде чем болезнь вернулась к нему в еще более тяжелой форме, успел проделать лишь небольшую часть пути до своей виллы в Ноле. Это был загородный дом, где умер его отец, и, возможно, это совпадение еще быстрее убедило его в том, что конец близок. Тиберию отправили письмо с призывом возвратиться обратно, и

наиболее вероятно, что он направился по Аппиевой дороге к большому порту Брундизия. Наши источники не согласны между собой в вопросе о том, добрался ли приемный сын принцепса до своего отца прежде, чем тот умер, или нет, но Светоний, который приводит наиболее подробный и убедительный рассказ, утверждает, что добрался. Они вместе провели долгое время одни, обсуждая государственные дела. Однако говорили, что когда Тиберий ушел, слуги слышали, как Август пробормотал: «Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!»[727]

После этой встречи принцепс не говорил ни о каких государственных делах, но вновь похвалялся, что принял Рим кирпичным, а оставил его мраморным: без сомнения, он произвел значительную реконструкцию города, отражавшую прочность мира и процветания. Мы не знаем, сколько еще дней Август протянул. Дион Кассий говорит, что ел он только фиги с дерева, которое вырастил в саду, а также сообщает о ходивших слухах, будто Ливия намазывала некоторые фиги ядом и давала их Августу, тогда как сама ела только ненамазанные. Такие рассказы, многие из которых похожи на упомянутую им насмешку над Тиберием, относятся, вероятно, к тем годам, когда Тиберий был очень непопулярен, и имеют мало значения. Смерть человека, который никогда не отличался крепким здоровьем и теперь был очень стар по меркам античного мира, нет необходимости объяснять какими бы то ни было иными причинами, кроме естественных. Наиболее вероятно, что сердце принцепса, ослабевшего от невозможности принимать пищу, попросту износилось.[728]

Светоний вдается в некоторые подробности его последнего дня, 19 августа 14 г. н. э., и хотя мы не знаем его основных источников, рассказ звучит правдоподобно. По меньшей мере, он дает представление о том, как хороший император должен был встретить свой конец. Несколько раз Цезарь Август спросил, нет ли беспорядков на улице, беспокоясь, по-видимому, как бы не выказать свою болезнь, или из страха, как бы не распространились волнения, которые могли угрожать стабильности в государстве и спокойствию его преемника. Понимая, как он выглядит, принцепс потребовал зеркало и приказал рабу причесать его и поправить ему челюсть – более сдержанный вариант рассказа о смерти Юлия Цезаря, который натягивал тогу, чтобы покрыть себе голову. Таким образом приготовившись, он велел впустить некоторых своих друзей, спросив их мнение насчет того, хорошо ли он сыграл свою роль в миме или комедии жизни. Затем он перешел на греческий и

произнес несколько строк, которые, быть может, являлись непосредственной цитатой, либо, возможно, представляли собой его собственное сочинение вроде того, что говорит покидающий сцену в конце представления актер:

Коль хорошо сыграли мы, похлопайте И проводите добрым нас напутствием.[729]

Тон рассказа дает понять, что Август ожидал одобрения и аплодисментов. Нет никакого намека на возникшие у него в последнюю минуту сомнения, но Дион Кассий, быть может, прав, что видит здесь легкую иронию и признание того, что даже самая удачная жизнь заканчивается могилой. Затем Август отпустил друзей, но прежде, чем они ушли, попросил некоторых, недавно прибывших из Рима, сообщить известия о Ливилле, жене Друза, которая последнее время была нездорова.[730]

После того как он остался с Ливией и ее ближайшими спутниками, был один волнующий момент, когда Август закричал, что его уносят сорок молодых людей. Светоний отмечает, что таково было число преторианцев, которые должны были нести его труп, но так как принцепс оставил подробный план собственных похорон, то эта мысль, возможно, уже пребывала в его голове. Скончался он в девятом часу (что значит девять часов после рассвета, следовательно, поздно днем или рано вечером по нашему счислению) на руках у Ливии и целуя ее в последний раз. Его последними словами к ней были: «Ливия, помни, как жили мы вместе! Живи и прощай!»

Император Цезарь Август, сын божественного Юлия и «отец отечества» умер. Возможно, Ливия отложила объявление о его смерти до тех пор, пока не подтвердили приготовлений к тому, что за этим следовало, хотя данное утверждение, может быть, просто часть более широкого вымысла о заговоре, окружавшем смерть принцепса.[731]

Имело место еще одно путешествие за телом принцепса, в основе которого лежали приготовления к похоронам Агриппы, Друза и всех прочих членов его семьи, умерших во время своего отсутствия в Риме. В начале этого путешествия в Рим, в которое отправились ночью, чтобы можно было избежать жары августовских дней, труп торжественно несли члены городского совета Нолы. Каждый день тело помещали в прохладное место в базиликах, расположенных по пути городов, первые лица которых принимали на себя обязанность нести его до следующей крупной общины. Повсюду имели место публичные выражения скорби и почтения – немногие могли помнить времена, когда Август еще не встал во главе государства. Группа ведущих видных всадников встречала кортеж в Бовиллах, к югу от Рима и того места, где

находилась древняя Альба Лонга, и внесла тело в город. Там его положили в сенях дома в комплексе Августа на Палатине.[732]

Сенат обсуждал, каким образом лучше всего почтить его, и, как и в прошлом, большинство предложений сенаторов отвергли как неумеренные. Близкие родственники Августа делали немногочисленные приготовления к его похоронам, относительно которых он уже решений не принимал. Начались они с собрания на Форуме, как то всегда делалось при похоронах знатных лиц. Предполагаемая дата 8 сентября является правдоподобной, но подтвердить это нельзя. Хотя были они гораздо более организованными, чем похороны Юлия Цезаря, но тесная связь с этим местом, без сомнения, приходила всем на память по мере того, как они приходили, чтобы почтить память его сына. По обычаю актеры надели похоронные маски предков Августа, а прочие – изображения и инсигнии других, не находившихся с ним в родственных отношениях, великих людей из римской истории. Среди них был Помпей, и многие – возможно, все – выдающиеся люди с Форума Августа присутствовали там для отдания последних почестей величайшему из них всех римлянину. Цезарь Август был больше, чем просто еще один из аристократов – он являлся вторым основателем города, человеком, который возвратил Риму мир, процветание и истинное родство с богами, а потому по смерти, как и при жизни, претендовал на связь со всеми великими деяниями и героическими вождями прошлого.

Изображение Юлия Цезаря представлено не было, так как теперь он являлся богом, а не простым человеком, но это не значило, что им пренебрегли или что память о нем ослабела. Тиберий поднялся на ростры с наружной стороны храма Божественного Юлия, чтобы произнести первую надгробную речь. Он был одет в темную тунику и траурную тогу, как и его сын Друз, произнесший вторую надгробную речь, на этот раз со «старых» ростр, которые поочередно реконструировали Юлий Цезарь и Август. Кругом со всех сторон на памятниках и строениях имелись символы Августа. Присутствовал сенат, а избранные на следующий год магистраты, облаченные только в туники, без тог, несли его тело на Марсово поле. Вдоль всего пути было еще больше того, что напоминало о славе и строительных проектах принцепса. Тело Августа сокрыли в гробу, по той причине, без сомнения, что по прошествии нескольких недель в конце лета оно пребывало не в лучшем состоянии; вместо этого на крышке гроба находилось изготовленная без наималейшего изъяна его восковая фигура в виде празднующего триумф полководца, возлежавшего на ложе из слоновой кости и золота. В процессии имелись также два золотых его изображения, одно

принесенное сенаторами из восстановленной им Юлиевой курии, а другое везли на триумфальной колеснице.[733]

Погребальный костер ждал на Марсовом поле, и на него поместили гроб. Затем старшие жрецы прошествовали вокруг него. После них вокруг погребального костра пробежали избранные всадники, за которыми следовали преторианцы. Многие из них побросали на гроб свои воинские награды точно так же, как это сделали солдаты Юлия Цезаря на его похоронах. Затем центурионы преторианцев бросили зажженные факелы в поленницу, тщательно приготовленную и быстро охваченную огнем. В этот момент из этого сооружения выпорхнул орел и взмыл ввысь, символизируя восхождение души принцепса на небеса, чтобы наряду со своим отцом занять место среди богов. Один бывший претор позднее заявил, что ясно видел образ Августа, восходившего на небо.[734]

В течение пяти дней престарелая Ливия оставалась возле этого места, возможно, в каком-то временном жилище. Присутствовали при ней некоторые ее слуги и видные всадники. В конце указанного периода времени эти люди, сняв пояса со своих туник, так что те спустились до лодыжек, собрали в урну пепел и останки. Урну отнесли и поместили в Мавзолей, монументальную гробницу, сооружение которой Август начал почти пятьдесят лет тому назад.

Заключение Торопись медленно

Действительно, демократия по видимому пользуется доброй славой… «Монархия» звучит неприятно, но является самой практичной формой правления. Ибо легче найти одного прекрасного человека, нежели многих… ибо большинству людей не пристало приобретать силу… В самом деле, даже если демократия преуспела, в любом случае в своем наилучшем виде она пребывала лишь в продолжение короткого периода.

Дион Кассий, начало III в. н. э. *[735]*

[Август] покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба – толпу и всех вместе – сладостными благами мира, а затем, набираясь мало-помалу силы, начал подменять собою сенат, магистратов и законы, не встречая в этом противодействия, так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций.

Тацит, начало II в. н. э. *[736]* ***Пер. А. С. Бобовича***

На то время, пока кортеж двигался к Риму, и в продолжение самих похоронных церемоний общественная деятельность в значительной степени приостановилась, хотя сенат и собрался

для заслушивания завещания Августа. Тиберий и Ливия назначались его главными наследниками, несмотря на то, что по принятому у римлян порядку другие, более отдаленные по степени родства члены семьи, назначались наследниками второй очереди на тот случай, если бы те умерли раньше них. Он также завещал огромную сумму в 43 миллиона сестерциев государству, а также отдельные подарки каждому гражданину и армии. Простой солдат-преторианец получал 1000 сестерциев, служащие военизированных городских когорт и ночной стражи – 500 сестерциев каждый, в то время как легионеры и солдаты из вольноотпущенников, набранные во время чрезвычайных обстоятельств в 6 г. н. э. и 9 г. н. э., получили каждый по 300 сестерциев. В каждом случае размер суммы, назначенной командирам, должен был быть намного выше, и эта щедрость являлась очевидным подтверждением того, что в конечном счете для обеспечения господства было необходимо поддерживать исключительную преданность армии. В этом отношении Август не изменился с тех пор, как стал военачальником в девятнадцать лет (Tacitus, *Ann*. I. 8. 3).

Тиберий уже обладал всеми важными полномочиями Августа, включая высший империй и трибунскую власть. Сначала он, естественно, отдал приказы преторианским когортам и другим частям, находившимся в Риме, и послал письма командующим армиями в провинциях. Фактически государство перешло от двух принцепсов снова к одному. И дело заключалось не в том, что Тиберий в качестве приемного сына или наследника приобрел полномочия Августа, а потому что ими он обладал сам по себе. Тем не менее соблюсти внешние приличия было важно, и так же, как Август в январе 27 г. до н. э. «сложил» полномочия и в июле 23 г. до н. э. отказался от консульства только для того, чтобы сенат убедил его снова принять на себя управление государством, так и Тиберий пожелал, чтобы его призвали на эту роль. Эти два человека были очень разными по характеру, и на этот раз представление прошло не столь гладко или, возможно, оказалось хуже срежиссировано. Неуклюжие манеры и слишком сложный для понимания высокопарный стиль Тиберия многих приводили в замешательство относительно его истинных намерений, но в конце концов сенаторы сумели «убедить» его взять на себя обязанности своего бесконечно оплакиваемого отца.

17 сентября сенат провозгласил Августа Богом, и поэтому теперь Тиберий был собственно Тиберий Юлий Цезарь Август, сын Бога. В завещании оговаривалось, что он должен принять имя «Август», но новый принцепс отказал сенату в позволении утвердить данный пункт с помощью голосования. Вместо этого он

заявлял, что пользуется данным именем, только сообразуясь с пожеланиями своего отца и с целью почтить его. Равным образом он отказался от автоматического присуждения ему титула отца отечества. Однако такая умеренность, как и выраженные им в сенате помянутые отказы, не особенно маскировали его готовность взять на себя высшую роль, на что он решился уже в то время, когда Август жаловал ему различные полномочия, каждое по отдельности.[737]

Серьезная альтернатива отсутствовала. Известия о смерти Августа вызвали вспышки бунтов в некоторых легионах на Дунае, а впоследствии и на Рейне. Причинами являлись скука, значительная задержка с увольнением тех, кто завершил срок службы, и все лишения, налагаемые суровой дисциплиной вкупе с неуверенностью в завтрашнем дне в отсутствие того человека, который им платил и которому они принесли присягу на верность. В основном участники мятежа желали только улучшения условий и получения других, непосредственно их касавшихся привилегий. На Рейне короткое время поговаривали о провозглашении принцепсом вместо Тиберия их командующего Германика, но эти разговоры быстро кончились ничем. Приемный сын был предан так, как следовало быть преданным сыну римлянина, а никакого желания вновь разжечь гражданскую войну не наблюдалось.

Почти сразу после того как умер Август одного центуриона преторианской гвардии отправили на остров, где пребывал в заточении Агриппа Постум. И там в один прекрасный момент этот офицер убил внука Августа, хотя, как утверждают, не без борьбы, ибо тот был молод и силен. Когда этот центурион со своими воинами возвратился в Рим и доложил об этом Тиберию как своему командиру, последний энергично отрицал, что отдал подобный приказ. У нас нет возможности узнать, говорил ли новый принцепс правду или нет. И в то время, и впоследствии одни выдвигали предположение, что он лгал, или же вместо него возлагали всю вину на Ливию. Другие считали ответственным Августа, так что этот, чуть не последний его приказ, мог воскресить в памяти образ безжалостного триумвира, каким он некогда являлся, вместе с одним случаем в прошлом, когда он произнес: «ты должен умереть». Тацит выразил сомнение, заметив, что ни в каком другом случае он никого из своих близких родственников не убивал. Очевидно, что Тиберий получал самую непосредственную выгоду от этой смерти, так как в результате устранялся потенциальный соперник, но мы никогда не сможем узнать, кто на самом деле отдал такой приказ. До конца этого года скончалась также его бывшая жена, Юлия, и

конец ее ускорили условия существования, которые Тиберий своими распоряжениями сделал еще более суровыми.[738]

Чрезвычайно высокая смертность в обширном семействе Августа сохранялась и в последующие годы. В 19 г. н. э. во время пребывания в восточных провинциях умер Германик, и хотя ходили слухи об отравлении его ревнивым Тиберием или Ливией, он, возможно, явился еще одной жертвой несчастной судьбы. В 23 г. н. э. умер Друз, и на сей раз наиболее вероятно, что это было преднамеренное убийство, а виновниками являлись его жена (сестра Германика и Клавдия и двоюродная сестра Друза) и ее любовник, честолюбивый префект преторианских когорт Луций Элий Сеян. Интриги этого последнего помогли скомпрометировать вдову и сыновей Германика. Агриппина, последний ребенок Юлии, и двое ее старших сыновей впоследствии были арестованы и сосланы, но, находясь в неволе, все отрицали. Ливия пережила своего супруга на пятнадцать лет, хотя ее отношения со своим сыном становились все более и более натянутыми. В конце концов, в 29 г. н. э. в возрасте восьмидесяти шести лет она умерла, но получила некоторые почести от Тиберия, а обожествлена была лишь во время правления ее внука Клавдия.

В первые недели Тиберий много говорил о своем желании, чтобы сенаторы играли более значительную роль в делах государства, помогая ему в управлении, но на практике его действия вели к дальнейшей централизации власти. Одним из первых его решений был перенос выборов из народных собраний в сенат, что превратило септу не более чем в декоративный парк и место для общественных увеселений. Хотя и правда, что Август всегда мог обеспечить избрание угодных ему кандидатов, история его принципата продемонстрировала множество случаев настоящего – по временам нечистого и даже сопровождавшегося насилием – соперничества за оставшиеся посты, а также стремление избирателей голосовать не так, как он хотел. Тем не менее реального общественного противодействия этой перемене не было, а сенаторы предпочитали по необходимости уговаривать равных себе вместо более широкого круга избирателей. Магистраты в результате этой реформы, похоже, не стали ни лучше, ни хуже (Tacitus, *Ann.* I. 15. 1–2).

Тиберий отличался от Августа и тем, что был не склонен предпринимать поездки по провинциям, а со временем его утомили даже повседневные встречи с сенаторами и прочими лицами в самом Риме. В 26 г. н. э. он оставил Рим, в следующем году уединился на своей вилле на Капри и в оставшиеся десять лет своей жизни в город более не возвращался. В 14–16 гг. н. э.

Германик продолжал командовать армией на Рейне, но затем его отозвали и отправили на Восток. Друз главным образом оставался в Риме, а после смерти Германика не было ни одной попытки отправлять его в важные поездки по провинциям. Вместо этого в них оставили на своих постах прежних правителей, многие из которых пребывали в должности в течение необыкновенно длительного периода времени, но ни один из них не получал приказа вести наступательные войны. Август оставил после себя совет повсюду сохранять империю в сложившихся границах, и даже если это означало лишь временную паузу, чтобы прийти в себя после тревог 6 и 9 гг. н. э., Тиберий предпочел следовать ему как доктрине в продолжение всей своей жизни. В противоположность принципату Августа, при нем было меньше военных кампаний и гораздо меньше триумфов, а также отсутствовали новые памятники, сооруженные на средства от военной добычи. Тиберий тратил гораздо меньше средств на строительные проекты и устройство зрелищ в Риме, нежели он это делал в то время, когда Август был жив.[739]

Основными нашими источниками по истории тех лет являются Тацит и Светоний, и оба изображали Тиберия мстительным и жестоким и предполагали наличие у него склонности к тайным извращениям – короче говоря, лишь немного меньшим чудовищем, чем Калигула и Нерон. Современные ученые в общем отвергли это предвзятое мнение, и если немногие склонны относиться к нему слишком великодушно, то справедливо указывают на то, что в основном властвование Тиберия было временем мира и стабильности, особенно в провинциях. Хотя наступательных войн велось немного, вообще внешняя политика была успешной. Арминий, потерпевший в битве поражение от Германика,[740] уцелел, но когда его оставили в покое, он предпочел обратить свою агрессивность против Маробода, а не против римлян. Короля маркоманов разгромили, и он спасся бегством и жил в империи как изгнанник, а руководимый им союз племен распался. Приблизительно в то же время, когда умер Германик, Арминий был убит несколькими своими военачальниками, возмущавшимися его властью, а народы, объединенные им, раскололись на разрозненные и враждующие друг с другом группы. Должны были народиться несколько поколений, прежде чем на рейнской или дунайской границе появился еще один вождь, обладавший похожим обаянием, и таким образом была устранена угроза для римлян.

В продолжение двадцати трех лет в империи повсеместно сохранялась стабильность, проблемы на границах и

в беспокойных провинциях находились под контролем, и в этом отношении решения Тиберия кажутся благоразумными. Большинство его преемников последует его примеру, они не станут совершать объездов империи, как это делал Август, и подобно Тиберию не будут посылать вместо себя старших членов семьи для выполнения такого задания. Для многих причина этого заключалась в том, что у них не было никого из близких или родственников, которым они могли бы доверять. Мысль Августа о более чем одном принцепсе возникала лишь от случая к случаю и все реже поддерживалась. Сама по себе она, казалось, не имела значения, хотя отсюда не следовало, что на будущее ее развитию положили предел. Несмотря на то, что все это свидетельствовало о глубоких изменениях по сравнению с римским прошлым, трудно сказать, к лучшему или к худшему оказалось такое изменение в политической системе, экономике и общественном строе.

Намного более серьезным было постепенное удаление Тиберия от общественной жизни: он общался с сенаторами и посланцами из провинций и из-за рубежа, если они сами приезжали к нему и дожидались своей очереди на Капри. Даже во время его пребывания в Риме в начале своего правления он стал все в большей степени зависеть от Сеяна, доверяя ему так, как никому другому. Отчасти это произошло потому, что тот был всадником и по этой причине не считался человеком, питавшим слишком большие честолюбивые замыслы. Агриппа имел такое же происхождение, но с помощью Августа начал сенаторскую карьеру и последовательно проявил себя как весьма способный военачальник и администратор. Сеян не обнаруживал никакого интереса к карьере такого рода, но тем не менее его роль быстро возрастала, и из «просто» командующего преторианскими когортами он сделался самым важным советчиком принцепса. Когда Тиберий уехал из города, Сеян успешно держал под контролем доступ к нему. Друза и его сыновей устранили, что обескуражило других, потому что они были людьми довольно заметными. В значительной мере стали применять закон об оскорблении величия, который теперь широко толковался и строго применялся за малейшее проявление неуважения к принцепсу.[741] В 31 г. н. э. Тиберий получил консульство, хотя в Рим не приехал, взял в коллеги Сеяна, присвоив ему впоследствии проконсульский империй, и таким образом всячески демонстрировал, что возвышает его до положения товарища и наследника принцепса. В последний момент он изменил свое решение, Сеяна арестовали и казнили в ходе кровавой чистки, стоившей римской элите много жертв.

Принципат Тиберия создал атмосферу страха среди сенаторов и наиболее видных всадников, который пробудил старые воспоминания о гражданских войнах и проскрипциях и который никогда не исчезал при его преемниках. Настроение в обществе сильно отличалось от того, что господствовало в эпоху Августа, и отличалось оно отчасти потому, что во время триумвирата Август возбудил достаточный страх, чтобы напугать всех, за исключением самых дерзких или неблагоразумных заговорщиков. Важнее то, что Август проявлял осторожность в манере держаться с наиболее значительными людьми государства, дружески общаясь с ними и относясь к ним с уважением. Непредвиденные последствия неуклюжего обращения Тиберия с обществом и окончательный его уход из города привели к тому, что последующим принцепсам стало куда труднее прибегать к такому невзыскательному образу действий. Сын Ливии, возможно, был дурным человеком, каким его изображают наши источники, но, по крайней мере, он оказался плохим принцепсом. При нем монархия стала менее замаскированной, а существование двора и придворных все более бросалось в глаза. Сеян поднялся столь высоко исключительно благодаря расположению принцепса, так и не проявив талантов воина или магистрата.[742]

Октавий, Цезарь и Август

Эта книга не о преемниках Августа и не об изменениях, которые они совершили в природе принципата, ибо таковые сами по себе являются значительными предметами для обсуждения. По мнению самих римлян, Август был лучше почти всех своих преемников, и намного позже вошло в обычай выражать надежду, что каждый император будет «лучше, чем Траян, и счастливее, чем Август» (если вспомнить о преждевременной утрате им столь многих своих близких родственников). Несмотря на ностальгию по аристократическому правлению времен республики, которая чаще всего проявлялась в восхвалении Брута и Кассия, сенаторы не выражали возмущения и, разумеется, не оказывали серьезного противодействия существующим реалиям принципата. Только последующее убийство Калигулы заставило сенат на короткое время заговорить о возврате к республике, но от этой мысли скоро отказались, и вместо этого сенаторы обратились к решению вопроса о том, кого следует избрать принцепсом. Все признавали, что принципат функционирует, хотя и воспринимали это достаточно сдержанно. Значение имело то, был или не был император хорошим человеком и хорошим правителем, о чем судили на основании успехов во внутренней и внешней политике, а также то, чтобы он относился к сенаторскому сословию с

подобающим уважением. В этом отношении система правления Августа не вызывала возражений, а сам Август стал выдающимся образцом хорошего принцепса. И здесь смогли проявиться несколько более явные признаки его успеха.[743]

О самом этом человеке тогда и теперь судить намного труднее, ибо он проявлял себя очень по-разному, чтобы можно было легко выносить о нем вердикт. В какой-то момент – возможно, не ранее убийства Юлия Цезаря, но утверждать этого мы не можем – он принял решение стать первым в государстве, и все, что он делал, было направлено к этой цели. Для ее достижения он без колебаний прибегал к насилию, и поэтому в последующие годы убивал и устрашал, меняя союзников сообразно с требованиями момента. Честолюбие было в крови у любого римского аристократа, но никогда прежде не случалось так, чтобы честолюбие это не ограничивали некоторые условности и чтобы оно столь явно было нацелено на завоевание постоянной, не предполагающей соперников, верховной власти – но, с другой стороны, никогда прежде никто не являлся наследником Юлия Цезаря, пожизненного диктатора и обремененного почестями бóльшими, нежели те, которые когда-либо в прошлом оказывались кому бы то ни было из римлян. Положение, в котором находился молодой Август, было столь же беспримерным, как и его деяния, но по меньшей мере мотивы его поведения коренились в традициях того класса общества, к которому он принадлежал.

При всем своем явном и безмерном честолюбии Август становился более великодушным к своим врагам по мере того, как приближался к окончательному успеху. Милосердие его было более продуманным, чем у Юлия Цезаря, но тем не менее истинным, и в особенности во время войны с Антонием, когда он убивал противников только в том случае, когда это казалось необходимым (разумеется, по его мнению) и миловал всякий раз, когда чувствовал, что это для него не опасно. Такого, кажется, не случалось раньше, когда он проявлял мало снисхождения к любому врагу или не проявлял его вообще. Странным образом сдержанность убийцы, прекратившего убивать, может восприниматься с большей благодарностью, нежели механическое милосердие со стороны кого-либо, решившего миловать всегда, когда возможно, – противники Юлия Цезаря совершенно не знали, что возбуждает его жалость. После Акция Август почти прекратил убивать других римлян, не считая немногочисленных исключений, следовавших за действительными или мнимыми заговорами, но даже в этих случаях не было крупномасштабных чисток. Нет никаких оснований предполагать, что такой

сдержанностью он обязан кому-то другому, кроме самого себя. С политической точки зрения это имело большое значение, так как, конечно, легче иметь дело с доверяющей и благосклонной элитой, однако некоторые его преемники прибегали к казням куда более охотно, чем Август, и тем не менее умудрялись оставаться у власти в течение длительного времени. Был ли Август человеком практическим или нет, но, в конечном счете, его поведение являлось его собственным выбором, и нам следует восхищаться Августом за это так же, как мы осуждаем его за жестокость, проявленную им в начале карьеры.

Нет признаков того, что в те ранние годы он руководствовался детальными планами и проектами, и, конечно, никаких намеков на то, что идея относительно того режима, который он в один прекрасный день создаст, у него уже сформировалась. Вместо этого он свою деятельность посвятил исключительно достижению ближайшей цели – завоеванию власти и разгрому врагов – и вероятно, он вовсе не оставил времени на что-либо еще. В продолжение этих лет он афишировал свою связь с Юлием Цезарем, превозносил достижения последнего, жаждал отомстить за его убийство, и в то же время приобретал власть для себя. Позднее, в 30-е годы до н. э., он начал заботиться об общей пользе, приступив к восстановлению и увеличению числа памятников и объектов инфраструктуры Рима, а также регулированию снабжения города продовольствием. И это также была благоразумная политика, но тот факт, что принцепс продолжал так поступать после Акция, означает гораздо больше, чем желание незамедлительно приобрести популярность. Август добивался власти жестокими методами, но однажды достигнув ее, он обнаружил величайшее желание, чтобы все функционировало должным образом, будь то снабжение продовольствием или водой, дорожная сеть, различные магистратуры или администрация самого Рима, Италии и провинций. То, какие средства расточались на восстановление старых и сооружение новых храмов, указывало на намерение возродить надлежащую связь с богами, которые однажды возвеличили Рим и могли сделать это снова. Как и многие глубоко личные вещи, мы не можем знать его подлинных убеждений, лежавших в основе такой согласованной политики, но Август по меньшей мере хотел, чтобы люди видели – в этом отношении он что-то делает, и более чем вероятно, что это его стремление было искренним. Равным образом попытки принцепса исправить поведение и нравственный облик римской элиты основывались на его глубокой вере в то, что своими дурными поступками она и заслужила, и породила смуту, терзавшую Рим в

конце республиканской эпохи, и что чем лучше они будут, тем соответственно лучшая судьба ожидает государство.

Август упорно добивался власти и затем держался за нее, притворяясь на публике как только мог. Такие амбиции, конечно, являются признаком любого преуспевающего политического лидера и, без сомнения, множества менее удачливых. Однако в его случае он использовал эту власть на общее благо. Он усердно трудился для того, чтобы государство снова стало исправно выполнять свои функции, и мы не можем отрицать, что он сумел это сделать, так как мир и стабильность, принесенные им, способствовали процветанию. Базовый уровень благосостояния большинства людей при принципате стал выше, чем он был в течение нескольких поколений. Принцепс занимался вопросами, с которыми сталкивались и до него, хотя некоторые из его методов оказывались новыми. Юлий Цезарь, как и другие, пытался взять на себя решение кое-каких из этих дел, но ни у кого не было возможности заниматься ими столь же тщательно, как Август. По ходу дела он убедился, что все знают – он трудится ради общего блага, но любой римский политик на его месте разрекламировал бы свои усилия. Поддерживая отдельных лиц и целые общины, он ставил их в положение своих должников, и, таким образом, личная выгода, как часто случается, сочеталась с общей пользой. И это не меняет того факта, что правил он хорошо, каковы бы ни были его мотивы.

Его собственное положение менялось постепенно. С 30 г. до н. э. он фактически сосредоточил в своих руках контроль над вооруженными силами и таким образом стал, выражаясь современным языком, военным диктатором, однако самого диктаторского титула он благоразумно избегал. Изменения его правового положения, кажется, не составляли часть какого-либо последовательного плана. Каждое такое изменение тщательно обдумывалось и искусно подготовлялось, а затем методом проб и ошибок видоизменялось. В то же время с каждым годом его имя и образ все больше и больше проникали во все сферы публичной, а в значительной мере и частной, жизни. Август присутствовал повсюду – то, чего не удавалось никому прежде. Как первому человеку в государстве ему помимо прочего приходилось принимать непрерывную череду чужеземных посольств и прошений из провинций. Занимаясь многими из них лично или через ближайшего помощника и родственника, он обеспечил себе лояльность многих отдельных лиц и общин, особенно тех, к которым благоволил. Ради этого ему приходилось усердно трудиться, час за часом, день за днем, чтобы понять и разрешить вопросы, имевшие зачастую лишь местное значение.

Цезарь Август являлся военным диктатором, захватившим контроль над государством, и его окончательная популярность никогда не скроет истины. Его карьера стала возможной только благодаря хаосу в Римском государстве в I в. до н. э., ее невозможно представить в более ранние времена. Не имеет особого смысла строить предположения относительно того, что могло случиться, если бы Брут и Кассий одержали победу при Филиппах, или если бы Август погиб, сражаясь с Секстом Помпеем или Антонием, а также от одного из многочисленных приступов своих болезней. Такими рассуждениями могут развлекаться энтузиасты во время послеобеденных бесед, но, чтобы признать какое-либо их историческое значение, надо учесть, что они основываются на слишком многих неясных деталях. Август победил и дожил до старости, и мы никогда не сможем узнать, что могло быть, если бы этого не случилось или если бы он правил совершенно иначе, нежели это имело место на практике.

В равной степени нам следует быть осторожными, прежде чем поспешно проводить параллели с нашим временем и эпохой. Явная исходная инертность, лежащая в основе многих западных демократий, является отзвуком последних десятилетий республики, когда вожди сената были слишком заняты своим соперничеством, чтобы заняться серьезными проблемами, которые, как все признавали, существовали. Если внешне то и другое кажется схожим, то отличие между ними весьма большое: Рим эпохи республики находился в гораздо худшем положении, так как его политическая жизнь стала слишком бурной. Судьба Рима периода республики – напоминание о том, что ни одна система, даже та, которая успешно функционировала в течение такого длительного времени, не свободна от угрозы разложения и крушения, но требуется очень много времени, чтобы дойти до столь тяжелого состояния. Несмотря на то что такая участь, конечно, возможна, нет ничего, что заставит нас поверить в ее неизбежность; мы еще не дошли до такого положения дел, при котором могли бы появиться Юлий Цезарь или Август, и должны быть этому очень рады. Каковы бы ни были таланты этих людей, каждый из них отдавал приказы, приведшие к смерти тысяч людей в гражданских войнах, и если только мы не намерены говорить про цели, оправдывающие любые средства, то всегда следует помнить об этой цене, когда мы говорим об их достижениях. По сравнению с другими военачальниками и диктаторами наши герои также были необыкновенно деятельны и великодушны, хотя иногда оказывались не слишком привлекательными.

Август был человеком, который подписывал проскрипции, и человеком, чья сдержанность отвергла чрезмерные почести, за которые проголосовал сенат. Он похитил чужую жену, и его брак с ней, длившийся всю жизнь, омрачался многочисленными прелюбодеяниями, хотя он превозносил старомодную мораль и добродетели брака. Принцепс отправил в ссылку свою дочь, внучку и внука, но говорил другим, что им следует заводить побольше детей. В молодости он нарушил закон, первым набрав личную армию против должным образом выбранного консула, но впоследствии издавал законы и согласился связать себя ими. Если и имеется какая-то характеризующая его основная черта, так это та, что его поведение становилось лучше по мере того, как он старел.

Непреложным остается тот факт, что он был полководцем, который с боем прокладывал себе дорогу к верховной власти, убивая сограждан, и сохранил превосходство, потому что никто не мог соперничать с ним в военной силе. Зрелого государственного мужа, державшего под своим контролем армию и сохранившего ее преданной себе одному, провозгласили «отцом отечества», и престарелого принцепса приветствовали одобрительными возгласами александрийские моряки за то, что они могут плавать и жить в мире. Все, чего он достиг в своей жизни, основывалось на его успехах как военачальника, и нам никогда не следует об этом забывать, но не следует отрицать и того, что, поступая как военные диктаторы, Цезарь Август был не так плох по крайней мере в том, что, однажды укрепившись у власти, он хорошо управлял государством. Несмотря на все противоречия, его образ, конечно, заслуживает внимания и интереса.

Приложения

Приложение 1 Сенаторская карьера, или cursus honorum

Публичная карьера сочетала исполнение гражданских и военных обязанностей по мере того, как человек принимал ряд выборных магистратур. Августу пришлось изменить эти обязанности и их значение, и, следовательно, полезно будет взглянуть на таблицу, изображающую ступени этой карьеры на момент рождения Августа и его смерти.

Карьера сенатора в 63 г. до н. э

Минимальный возраст	Должность	Число должностей	Обязанности
			В теории — десятилетняя военная служба. Обычно эту службу проходили в качестве военного трибуна или в свите наместника, являвшегося родственником или другом семьи.
30	квестор	20	Управление финансами в Риме и провинциях. Каждому наместнику провинции назначался квестор в качестве заместителя командующего. Квестор автоматически включался в список сенаторов.
–	плебейский трибун	10	Доступна только плебеям и не являлась обязательной. Трибуны были священны и неприкосновенны, и на них возлагалась обязанность защищать народ. Они могли наложить veto на действие любого магистрата и представлять на рассмотрение народного собрания (собрания плебеев) законопроекты.

36	эдил	4	Необязательная должность, две из которых предназначались для плебеев. Административные функции в Риме, включающие организацию некоторых ежегодных празднеств и надзор за снабжением зерном и государственными архивами.
39	претор	8	Судебные и административные функции в Риме, где претор председательствовал во всех главных судах. По истечении годичного срока службы претор обычно посылался в качестве наместника (пропретора, а зачастую проконсула) в провинцию.
42	консул	2	Самые старшие должностные лица, представлявшие исполнительную власть в эпоху республики. В продолжение года своей магистратуры они оставались в Риме, чередуясь в старшинстве каждый месяц. По большей части они представляли законопроекты народному собранию. По истечении годичного срока их магистратуры они обыкновенно становились проконсулами важной провинции.
–	цензор	2 каждые пять лет	Престижный пост, занимаемый обычно бывшими консулами, на который возлагалось заведывание цензом граждан и их имущества, а равно и пересмотр списка сенаторов.

Сулла видоизменил этот порядок и установил другие возрастные требования. Установленный возраст, необходимый для того, чтобы добиваться избрания, являлся для каждой магистратуры минимальным. Для всех магистратов, за исключением плебейских трибунов, годичный срок их службы начинался 1 января и заканчивался 31 декабря. Трибуны вступали в должность 10 декабря.

Карьера сенатора в 14 г. н. э. [744]

Минимальный возраст	Должность	Число должностей	Обязанности
Около 20	вигинтивир	20	Второстепенные административные функции в Риме.
21–24	военный трибун	24	Один старший трибун из сенаторской семьи служил в каждом легионе, за исключением расположенных в Египте. Для командования кавалерийской алой Август на время назначал двух таких командиров.
25	квестор	20	Его роль в управлении финансами сократилась и в это время ограничивалась провинциями во главе с проконсулами из сенаторов. В Риме он содействовал консулам в организации заседаний сената. Также заведовал государственными архивами в Риме.
–	эдил[1]	6	Перестал заведовать играми, снабжением зерном и государственными архивами. Продолжал исполнять другие административные функции.
–	плебейский трибун	10	Лишился права veto и права представлять законопроекты народному собранию. Продолжал принимать жалобы от граждан и мог вмешиваться в судебные дела.
30	претор	12	Исполнял судебные функции в главных судах. Также в это время заведовал празднествами и играми.
–	легат легиона	Ок. 22	Командование легионом, кроме расположенных в Египте.

42 (33)[1]	консул	2[2]	Старшие должностные лица, представлявшие исполнительную власть в государстве и имевшие право представлять законопроекты народному собранию и председательствовать в собраниях сената. На практике их заслонили собой Август и Тиберий, сидевший с ними в сенате.
–	провинциальный легат	Ок. 9	Наместник императорских провинций, за исключением Египта и незначительных провинций, таких как Иудея. Каждому предоставлялся гарнизон в составе одного или более легионов.

Плебеи были обязаны занимать или эдильство, или трибунат. Патрициям разрешалось пропускать эти должности.

Приложение 2 Дата рождения Иисуса

Данные о дате и обстоятельствах рождения Иисуса из Назарета основываются исключительно на евангельских рассказах. Никакие другие источники до гораздо более поздних об этом не упоминали, а более поздние рассказы, разумеется, испытали на себе влияние или даже целиком зависели от Евангелий. Эти сведения отличаются от известий о распятии Христа, которое упоминается в других, ранних источниках, но это нас никоим образом не должно удивлять, так как для упоминания о рождении кого бы то ни было в провинциях у греков и римлян не было никакого основания. Сведения даже о знаменитых римлянах также часто отсутствуют или весьма неопределенны. Мы не можем быть уверены в дате рождения Юлия Цезаря. Вероятно, это случилось в 100 г. до н. э., но так как в обеих его биографиях, написанных Светонием и Плутархом, начальные разделы отсутствуют, то указанная дата представляет собой наиболее подходящую догадку, и некоторые ученые предположили, что датой его рождения является 102 г. до н. э. Все истории, связанные с рождением Августа, написаны много позже после того, как осознали его историческое значение.[745]

Из евангелистов только Матфей и Лука описывают рождение Христово. Сочинения эти традиционно относят к последней четверти первого столетия н. э., хотя для этого имеется мало прямых свидетельств. Более или менее ясно, что их Евангелия не могли появиться позднее, но, возможно, что они написаны ранее. Считают, что Евангелие от Марка написано раньше – быть может, на десятилетие – и в его рассказе не описывается рождение

Иисуса, как не описывается оно и в повествовании Иоанна, которое признают написанным позже всех из четырех евангельских рассказов. Важно помнить, что евангелисты не собирались составлять историю того времени, но передавали библейскую проповедь. Поэтому они описывали те стороны жизни Иисуса, которые являлись важными в этом отношении, и упоминали о других событиях только в тех случаях, когда это соответствовало поставленной цели – например, у них очень мало говорится о его детстве и совсем ничего о его взрослой жизни до того, как он начал свою проповедь. Историк (или биограф) требует деталей такого рода и насколько возможно контекста и подоплеки событий, а это попросту не интересовало евангелистов. При сравнении нам следует обратить внимание на то, что мы мало знаем о жизни выдающихся римлян до того, как они приобретали важный политический статус. Пока стоит заметить, что мы должны проявлять осторожность, прежде чем строить строгие теории на побочных фактах, приводимых авторами Евангелий, которые, возможно, никогда не считались вполне точными.

Матфей (2:1) решительно относит рождение Христа ко времени царствования Ирода Великого. Евангелист Лука (1:5) определенно приурочивает рождение Иоанна Крестителя ко времени жизни Ирода и по смыслу относит рождение Иисуса к тому же самому периоду времени. Ирод скончался в 4 г. до н. э. Посему вполне правдоподобно, что Иисус родился в какой-то момент за год или за два до этого, приблизительно в 6–5 г. до н. э. или в первые месяцы 4 г. до н. э. Также полагают, что расположение звезд в 7 г. до н. э. имело особый смысл для зороастрийских астрологов, с наибольшей вероятностью отождествляемых у Матфея с волхвами с Востока, и поэтому указывают на этот год. Я не считаю себя достаточно компетентным в таких вопросах, чтобы давать оценку этому утверждению, но любой из названных годов должен быть увязан с распятием, случившимся во время префектуры Понтия Пилата, с 26 по 36 г. н. э.

Текст Луки (2:1–2) ставит перед нами проблему, когда мы узнаем из него, что «в те дни вышло от Кесаря Августа повеление сделать перепись по всей земле. (Эта перепись была первая в правление Квириния Сириею)». Как ранее установлено, никакой другой источник не упоминает о единичном постановлении, предписывавшем проведение ценза и переписи всех провинций. Это не значит, что мы с полной уверенностью можем утверждать, что Август никогда не издавал подобного декрета, но это значит, что нам следует с осторожностью принимать на веру эти сведения

лишь на основании одного свидетельства. У Луки нет причины заботиться о точном описании административного механизма налогообложения в Римской империи, и даже допуская, что он разбирался в таких вещах, известно, как мало людей сегодня на самом деле понимают все стороны системы налогообложения своих собственных стран. Что ясно, так это то, что при Августе система налогообложения империи была упорядочена – подобно многим другим отраслям управления. Как часть этого процесса большинство – быть может, все – провинции подвергались одному или более цензам, в ходе которых устанавливался размер налога, подлежащего безусловной уплате. Во многих случаях это происходило впервые, по крайней мере при прямом римском управлении. Такого рода оценка имущества для взимания налога отличалась от традиционного римского ценза, который касался исключительно римских граждан и их имущества.

Ценз, проводившийся под надзором Публия Сульпиция Квириния, согласно авторизованному переводу Библии, и вызвавший вспышки сопротивления, население Иудеи долго помнило и возмущалось им. Наиболее существенно для нашего вопроса то, что начался он в 6 г. н. э., когда Архелай, сын Ирода, был низложен и Иудея сделалась напрямую управляемой римской провинцией – это осуществлялось под надзором Квириния как легата Сирии. Таким образом, у нас, кажется, имеется явное несоответствие между датами, приводимыми Матфеем и Лукой – да и между тем, что говорит Лука в одном месте (1:5) и что он говорит в другом месте (2:1–2). С целью согласовать между собой указанные отрывки предлагалось много тщательно разработанных теорий, но ни одна из них не оказалась вполне удовлетворительной. Предположение о том, что ценз проводился десятилетием или около того ранее, пока Ирод был еще жив и когда Квириния назначили на его прежнюю должность легата в Сирии, что иным образом не подтверждается, основывается на многочисленных догадках. Легатом Сирии, когда умер Ирод, был Публий Квинтилий Вар, и уже в 6 г. н. э. он пребывал в должности, преемником в которой был ему Гай Сентий Сатурнин, находившийся там с 9 г. н. э. Эти даты представляются точно установленными, хотя частично выпадают на плохо подтвержденные документами годы временного пребывания Тиберия на Родосе. Несмотря на то, что при Августе было возможным вновь занимать ту же самую командную должность – что позднее станет большой редкостью, – трудно понять, каким образом Квириний мог быть легатом Сирии при жизни Ирода Великого, если только срок его пребывания в должности не составлял всего несколько месяцев, что кажется невероятным.

Возможно, приблизительно в это время он находился в более отдаленной области, и кажется вероятным, что в этот период он был легатом Галатии и немного позже, конечно, оказался в окружении Гая Цезаря – но нет никакого свидетельства о его вмешательстве в какой-либо ценз.[746]

Согласно иудейскому историку Иосифу Флавию, ценз 6 г. н. э., проводившийся под надзором Квириния, был первым римским цензом в Иудее и упомянут как событие, болезненное для нее. Более ранний ценз, прямо предписанный римлянами, кажется маловероятным. Нам известно о нескольких цензах в Галлии во время принципата Августа, например, в 27 г. до н. э., 12 г. до н. э. и 14 г. н. э., но Галлия являлась напрямую управляемой провинцией, а не зависимым царством. К сожалению, мы в действительности очень мало знаем о том, как в зависимых царствах вообще и в Иудее в частности действовала система налогообложения и каковы были взаимоотношения этих царств с Римом в этой части. Ирод мог регулировать размер подати, который он налагал, что подразумевает наличие механизма переписи населения и имущества, который с наибольшей вероятностью основывался на некоего рода цензе. Как часто их проводили и каким образом осуществляли – например, требовалось ли, чтобы люди заносились в списки в тех общинах, где они проживали, – неизвестно.[747]

У Луки (2:3–5) необходимость занесения в списки при проведении цензa оказывается причиной того, почему Иосиф и та, которая с ним обручилась, перешли из Назарета в Галилее в Вифлеем в Иудее, где у Марии родился Сын. Для Мессии было важно родиться в Вифлееме, и Матфей (2:1) просто констатирует, что Иисус там родился, не объясняя, был ли он обычным местом жительства Иосифа и Марии или нет и ничего не упоминая о цензе. Указанная необходимость не является противоречием, потому что, как упоминалось ранее, авторы Евангелия не приводили вполне подробно изложенного контекста тех событий, которые они описывали, но сообщали своим читателям то, что они считали важным. Возможно, от Иосифа и Марии требовалось быть в Вифлееме для занесения их в списки при проведении в той или иной форме чиновниками царства Ирода Великого и связанного с налогообложением цензa. В равной степени возможно, что в это время люди могли некоторым образом решить, что они в конечном счете платят налог, установленный Цезарем Августом, который, в конце концов, поставил над ними царя Ирода и который помогал ему удерживать власть. Какова бы ни была в точности природа правовых отношений между Римским государством, принцепсом и зависимым правителем вроде Ирода

– тема, по поводу которой ученые потратили немало чернил, достигнув в действительности немногого, так как данные об этом попросту отсутствуют – не было бы неблагоразумным представить себе все таким образом, особенно через поколение или больше после данных событий.[748]

Все возможно, но все остается не более чем догадкой. Вполне вероятно, что у человека конца I века н. э. упоминание о цензе автоматически вызывало воспоминания об известном цензе Квириния. Намного труднее поверить, что на самом деле существовала какая-либо прямая связь между каким-то более ранним цензом и цензом 6 г. н. э., кроме разве той, что при проведении последнего почти непременно обращались к уже созданной системе налогообложения, введенной в период Ирода, который в свою очередь обращался к системе Хасмонеев и т. д. В римском Египте в значительной степени сохранялась преемственность между римским и птолемеевским периодами, и маловероятно, чтобы таковая была в своем роде единственной. Оба евангелиста уверены в рождении Иисуса в последние годы жизни Ирода, и это возвращает нас к тому, что оно произошло примерно в 6–5 г. до н. э. Иосиф, возможно, пришел в Вифлеем, чтобы его внесли в списки при проводившемся в это время цензе, и возможно, был вынужден – или сам предпочел – взять с собой свою невесту. В рассказе Матфея, как кажется, содержится намек на то, что они пробыли там некоторое время. Появление волхвов с Востока – что наводит на мысль о прибытии их из-за границы империи и, вероятно, из внутренних областей Парфянского царства – вполне возможно, так как множество торговцев совершало такое путешествие. Равным образом, имеет смысл утверждение Матфея, что семья Иосифа бежала из Иудеи в Египет. В Египте, и особенно в Александрии, имелась очень большая еврейская община.[749]

Правдоподобно не значит непременно, и в конечном счете у нас имеются лишь незначительные подробности из двух коротких евангельских рассказов и скудные дополнительные сведения об Иудее в те годы и ее отношениях с Римом, чтобы их подтвердить или опровергнуть. Важно об этом помнить, и неразумно быть догматиком, но такого рода предмет неизбежно вызывает гораздо более эмоциональную реакцию, нежели просто подробности о жизни кого-либо вроде Августа, но к библейским рассказам склонны применять иные критерии доказательств. Таким образом, неоднократно констатировалось, что избиение младенцев – распоряжение Ирода убивать детей мужского пола, присутствующее у Матфея (2:16–18) – выдумка. Правильнее было бы нам утверждать, что во всех других источниках упоминание об

этом отсутствует. Эпизод этот не изложен ни Лукой, ни Иосифом Флавием, писавшим в 70-е и 80-е годы н. э., хотя этот последний достаточно подробно повествует о царствовании Ирода. А Иосиф Флавий свидетельствует, что связанных с убийствами эпизодов было множество в жизни царя, включая убийство членов его собственной семьи и представителей иерусалимской аристократии. В этом смысле история, изложенная Матфеем, не должна представляться чем-то нетипичным, но другие предпочитают считать, что мысль о ней внушили действительные казни его сыновей, обвиненных в заговоре против него. Эти теории, во многом сходные с другими, авторы которых отмечают теологическую значимость Вифлеема как места рождения Христа, заслуживают рассмотрения, но им не хватает доказательной базы. Равным образом констатация того, что нечто выглядит правдоподобным, не значит, будто мы можем говорить об этом как о несомненно случившемся. Как и в остальном в этой книге, важно сознавать ограниченность наших свидетельств, и для нас нет никакого вреда в том, чтобы напомнить самим себе об имеющихся в равной степени сторонах жизни Августа и античной истории вообще, которые не могут быть установлены с почти полной (и уж тем более абсолютной) уверенностью.[750]

Словарь терминов

Авгур. Пятнадцать авгуров являлись членами одной из важнейших жреческих коллегий в Риме и назначались пожизненно. Их главнейшей обязанностью был надзор за правильным наблюдением и толкованием ауспиций, совершавшихся регулярно как часть римской государственной жизни. Юлий Цезарь во время своего диктаторства добавил коллегии шестнадцатого члена.

Алтарь Мира Августа. Алтарь Мира – одно из величайших произведений искусства эпохи Августа. Решение о его строительстве было принято в 13 г. до н. э. в честь ознаменования возвращения Августа в Рим, и в 9 г. до н. э. алтарь освятили. Тема мира служила к прославлению как окончания гражданской войны, так и мира, достигнутого победами над иноземными врагами.

Баллиста. Орудие, способное производить стрельбу стрелами или камнями со значительной точностью. Они могли быть различных размеров и чаще всего использовались при осадах.

Великий понтифик. Глава коллегии из пятнадцати понтификов, одна из трех главных жреческих должностей, которые занимали исключительно представители римской аристократии. Понтифики контролировали выбор времени для многих государственных праздников и мероприятий. Великий понтифик был скорее председателем, чем руководителем, но пост этот являлся очень престижным.

Военный трибун. Во время республики для каждого легиона избирались или назначались шесть военных трибунов, одна пара которых осуществляла командование в одно и то же время. [751] При Августе они оставались в числе шести, но один из них делал сенаторскую карьеру и был старшим. Этот последний, известный как *tribunus laticlavius*, от широкой полосы, окаймляющей его панцирь, был заместителем легата легиона. Другие пять трибунов, *tribuni angusticlavii*, носившие узкую полосу, были всадниками и обычно уже командовали когортой вспомогательных войск.

Городские когорты. Три городские когорты были набраны Августом в качестве полувоенного полицейского отряда непосредственно для Рима. Они состояли под командованием городского префекта. Возможно, что при Августе была набрана четвертая когорта для охраны императорского монетного двора в Лугдуне в Галлии, потому что при Тиберии это соединение, несомненно, существовало.

Диктатор. Диктатор назначался в чрезвычайных обстоятельствах на шестимесячный срок, в продолжение которого он осуществлял высшую гражданскую и военную власть. Позже победители в гражданских войнах, такие как Сулла и Юлий Цезарь, использовали этот титул как основу для своей более долговременной власти.

Империй. Власть военачальника, которой обладали магистраты и промагистраты в продолжение срока своей службы. Августу предоставили то, что позже назвали *maius imperium proconsulare* – т. е. проконсульскую власть, превосходившую власть всех прочих проконсулов. Впоследствии ею облекли Агриппу и Тиберия.

Кандидат. Человек, добивавшийся участия в выборах, носил специально выбеленную (*candidatus*) тогу с целью подать знак согражданам о своем намерении, благодаря чему в наш язык вошло слово «кандидат».

Катафракт. Облаченный в тяжелую броню кавалерист, зачастую ездивший на закованном в броню коне. Катафракты образовывали важную составную часть парфянской армии.

Квестор. Будучи магистратами, чья деятельность в основном была финансовой, квесторы действовали как помощники наместников консульского ранга и часто как их подчиненные осуществляли военное командование.

Когорта. Главная тактическая единица легиона, состоявшая из шести центурий по восемьдесят человек с общей численностью 480.

Консул. Два ежегодных консула являлись высшими выборными магистратами Римской республики и осуществляли командование армией во время важных кампаний. Иногда по истечении годичного срока их должности сенат продлевал им полномочия, и в этом случае они известны как **проконсулы**.

Курия (и Юлиева курия). Курия, или здание сената, располагалось в северной части римского Форума и, согласно традиции, построено одним из царей. Сулла восстановил его, но оно сгорело дотла во время похорон Клодия. Будучи диктатором, Юлий Цезарь начал работу по сооружению новой курии, а завершил ее Август. Даже когда строение находилось в хорошем состоянии, сенат в некоторых случаях мог созываться на собрания в другие здания.

Легат. Подчиненный командир, обладавший скорее делегированным империем, чем осуществлявший власть своим собственным правом. Легаты, вероятнее всего, подбирались магистратами, нежели избирались. При Августе их разделили на два вида, позже известные как *legatus legionis*, командовавший

легионом, и *legatus Augusti*, руководивший провинцией.

Легион. Первоначально этот термин означал количество новобранцев, затем легионы стали основной операционной единицей римской армии на протяжении большей части ее истории. В эпоху Августа теоретически численность легиона составляла приблизительно 4800–5000 человек, разделенных на 10 когорт по 480 человек каждая. Действительная численность легиона во время важных военных кампаний часто была намного меньше указанной, особенно в период гражданских войн.

Ликтор. Официальные служители при магистрате, которые несли фасции, символизировавшие его право отправлять правосудие и приговаривать к смертной казни и телесному наказанию. Консула сопровождали двенадцать ликторов, тогда как диктатору полагалось двадцать четыре.

Мавзолей. Монументальная гробница Августа, начатая до Акция и получившая название по знаменитой гробнице карийского царя Мавсола, считавшейся одним из «семи чудес света».

Меч. Обозначавшее меч латинское слово *gladius* обыкновенно употреблялось для описания *gladius hispaniensis*, испанского меча. Он был обычным оружием римлян до самого конца III в. н. э., которое носили на поясе. Изготавливавшееся из высококачественной стали, это оружие употреблялось как рубящее, но первоначально предназначалось для нанесения колющих ударов.

Номенклатор. Специально обученный раб, обязанностью которого было нашептывать имена приближающихся граждан, позволяя своему господину по-приятельски приветствовать их. Такой раб обычно сопровождал политика, собирающего перед выборами голоса.

Ночная стража. Сформированные Августом в 6 г. н. э. семь когорт ночной стражи выполняли функции пожарной бригады и ночной полиции Рима. В ведение каждой когорты передали два из четырнадцати кварталов города.

Овация. Малый триумф; при овации полководец должен был ехать по городу верхом, а не в колеснице.

Отец отечества. Титул «отец отечества», или *pater patriae*, был пожалован Августу во 2 г. до н. э.

Пантеон. Храм всех богов, построенный Агриппой. Хотя его имя до сих пор видно на сохранившейся надписи, здание храма, которое мы сегодня знаем, было заново выстроено Адрианом во II в. н. э.

Плебейский трибун. Несмотря на то, что десять плебейских трибунов занимали должность политическую, без прямых

военных обязанностей, они ежегодно избирались и могли законодательствовать по любому вопросу. В продолжение последних лет республики многие честолюбивые полководцы, такие как Марий, Помпей и Юлий Цезарь, заручались поддержкой трибунов с целью обеспечить себе важные командные должности. Августу пожаловали неприкосновенность трибунов, а равно и полномочия этой должности.

Претор. Преторы являлись ежегодно избираемыми магистратами, которые во время республики управляли менее значительными провинциями и руководили боевыми действиями при небольших военных кампаниях Рима.

Преторианские когорты. Преторианцами в этот период были тщательно отобранные и отлично экипированные солдаты, взятые из легионов. Каждый военачальник имел право набрать одну преторианскую когорту, но в ходе гражданских войн каждый из триумвиров стал руководить несколькими такими формированиями, принимая на себя от своих подчиненных командование ими. После Акция Август учредил девять постоянных преторианских когорт для образования своей гвардии. В этот период они не имели постоянных казарм в Риме, и только три когорты все время находились в городе.

Префект. Должностное лицо из сословия всадников с рядом обязанностей, включая командование отрядами союзников или вспомогательными войсками.

Префект города. Старинная должность, возрожденная Августом и обычно занимаемая бывшим консулом. Этот префект согласовывал работу администрации Рима и командовал тремя городскими когортами.

Принцепс. Первый гражданин и предводитель сената, народа и государства; принцепс – термин, которым Август предпочитал обозначать свое положение. В прошлом список сенаторов возглавлял принцепс сената, которого выбирали цензоры как якобы самого влиятельного и уважаемого члена сената. Ни в каком контексте этот термин не указывал на наличие особых полномочий, но являлся знаком почтения и уважения.

Принципат. Современный термин для обозначения созданного Августом режима и обозначающий правление принцепса, иногда менее точно называемого императором.

Ростры. Ораторская трибуна на римском Форуме. Была перестроена Августом как часть задуманной Юлием Цезарем реконструкции курии и окружающего пространства для соединения со своим новым Форумом. Другие ростры были сооружены на противоположной стороне римского Форума по соседству с храмом Божественного Юлия. Название свое

получили от обычая выставлять напоказ на постаменте носы захваченных неприятельских военных кораблей.

Септа. Место для голосования на Марсовом поле, где для проведения выборов собирались разного вида собрания. Задуманная реконструкция ее, начатая Юлием Цезарем, завершена Агриппой.

Скорпион. Легкая баллиста для метания стрел, использовавшаяся римской армией как в полевых условиях, так и при осадах. Она обладала большой дальностью стрельбы, а равно значительной точностью и способностью пробивать любые виды доспехов.

Столетние игры. «Столетние», или «Циклические» игры праздновались Августом в 17 г. до н. э. Предполагалось, что цикл продолжительнее жизни человека.

Субура. Долина между холмами Виминал и Эсквилин, печально известная своими узкими улицами и убогими жилищами.

Талант. Фактическая величина этой греческой меры веса, распространявшейся и на деньги, значительно разнилась от приблизительно 57 фунтов (25,85 кг) до 83 фунтов (37,65 кг). Из наших источников, которые используют этот термин, редко бывает ясно, какой стандарт действительно использовали.

Трибунская власть. Полномочия трибуната, включавшие право созывать заседания сената и представлять законопроекты народному собранию, и предоставленные Августу, а затем Агриппе и Тиберию.

Триумвир. В 43 г. до н. э. по закону Тиция, внесенному трибуном и принятому собранием плебеев, Антония, Лепида и Октавиана назначили *triumviri rei publicae constituendae* (коллегия трех для восстановления государства). Триумвирам предоставили диктаторские полномочия, изначально на пять лет.

Триумф. Большое торжество, жалуемое сенатом успешному военачальнику, которое приобретало вид шествия вдоль Священной дороги, главной церемониальной дороги Рима, при котором выставлялись напоказ захваченные благодаря его победе военная добыча и пленные, а кульминацией которого являлась ритуальная казнь плененного неприятельского вождя. Полководец ехал в колеснице, облаченный подобно статуе Юпитера, и раб держал над его головой лавровый венок победителя. Этот раб будто бы шептал на ухо военачальнику напоминание о том, что тот смертен.

Фасции. Служившая украшением связка прутьев длиной приблизительно в пять футов (1,52 м), в середине которой находился топор. Их носили **ликторы**, и они являлись самыми

явными символами власти и положения магистрата.

Форум Августа. Форум, сооруженный Августом вместе с находившимся в центре его храмом Марса Мстителя.

Форум Юлия (или Форум Цезаря). Форум, задуманный и начатый Юлием Цезарем и завершенный Августом. В центре его находился храм Венеры Прародительницы.

Хасмонеи. Во II столетии до н. э. Иудея восстала против Селевкидов и стала независимой. Образовалось независимое царство, которым управляла династия Хасмонеев. В конце концов Антоний и Октавиан поставили на место древней царской фамилии Ирода Великого.

Центуриатные комиции. Собрание римского народа, избиравшее самых старших магистратов, включая консулов и преторов. Оно делилось на 193 голосующие центурии, членство в которых основывалось на внесенном в цензовые списки имуществе. Более состоятельные члены общества имели в высшей степени несоразмерное влияние на результат выборов. Считалось, что структура этих собраний основана на организации римской армии раннего периода.

Центурион. Центурионы, бывшие командирами высокого ранга в римской армии на протяжении большей части ее истории, первоначально командовали центурией из восьмидесяти человек. Самым старшим центурионом легиона был примипил, значительная по положению должность, занимаемая лишь на годичный срок.

Центурия. Основное подразделение римской армии, находившееся под командованием центуриона и состоявшее обычно из восьмидесяти человек.

Черепаха. Знаменитое построение «черепахой», при котором римские легионеры соединяли внахлест свои длинные щиты, чтобы обеспечить защиту спереди, по бокам и сверху. Чаще всего оно использовалось во время штурма фортификационных сооружений.

Эдил. Эдилы являлись магистратами, ответственными за различные стороны повседневной жизни Рима, включая устройство многочисленных ежегодных празднеств. Эдилитет обычно занимал место между квестурой и претурой. Эдилов было меньше, чем преторов, и этот пост не являлся обязательным в *cursus honorum*.[752]

Энеида. Эпическая поэма из двенадцати книг, сочиненная поэтом Вергилием и опубликованная после его смерти. Ее тотчас же признали одним из величайших достижений латинской поэзии, и текст ее стал образцом, по которому учились. Поэма повествует о странствованиях троянца Энея после гибели его

отечества до того момента, когда он и его спутники обосновались в Италии, так что потомки Энея, возможно, впоследствии основали Рим.

Эрарные трибуны. Группа лиц, которые в цензовых списках следовали за всадниками. О них известно относительно немного.

Эфебы. Мальчики-подростки в греческих городах, проходившие под надзором государства обучение в гимнастическом зале. В основном оно было связано с общей физической подготовкой, но включало в себя и элементы специальных военных упражнений.

Aerarium militare. Военная казна, основанная Августом в 6 г. н. э. для финансирования армии и в особенности для организации выплат солдатам добавочного вознаграждения. Хотя основная часть первоначальной денежной суммы обеспечивалась им из собственных средств, для поддержания ее в будущем был установлен непопулярный налог на наследство.

Ala. Ала представляла собой вспомогательный кавалерийский отряд, приблизительно равный по составу пехотной когорте.

Aquilifer. Знаменосец, который нес легионное знамя (*Aquila*), серебряное или позолоченное изображение орла, установленное на древке.

Auctoritas. Означала престиж и влиятельность римского сенатора. *Auctoritas* в значительной степени поддерживалась военными успехами.

***Auxilia* (вспомогательные войска)**. Солдаты, набиравшиеся в армию не из числа граждан во время Поздней республики, были вообще известны как вспомогательные войска или обслуга.

Comitia tributa. Собрание всего римского народа, включавшее как патрициев, так и плебеев. Делилось на тридцать пять голосующих триб, членство в которых основывалось на родовом принципе. Оно обладало законодательной властью и проходило под председательством консула, претора или курульного эдила. Это собрание также избирало на ряд должностей, включая магистратуры квестора и курульного эдила.

Concilium plebis. Собрание римских плебеев созывалось с целью законодательствовать или выбирать определенных магистратов, например плебейских трибунов. Патрициям не дозволялось принимать в них участие. Народ голосовал по тридцати пяти трибам, членство в которых основывалось на родовом признаке. Собрание это проходило под председательством плебейских трибунов.

***Cursus honorum*.** Термин, означавший порядок прохождения должностей, который регулировал государственную жизнь.

Законодательство, определявшее возраст и другие условия для выборных магистратов, было заново сформулировано и подкреплено Суллой во время его диктатуры, а впоследствии изменено Августом.

***Equites* (ед. ч. *eques*)**. Всадники (или «рыцари») представляли собой слой населения, обладавший высшим имущественным цензом. Со времени Гракхов стали играть более официальную публичную роль в качестве присяжных заседателей в судах, что стало предметом острых разногласий. Только при Августе было создано отдельное сословие сенаторов как особый класс.

***Forum Romanum*.** Политический и экономический центр города Рима, располагавшийся между Капитолийским, Палатинским, Квиринальским и Велийским холмами. Народные собрания часто проводились или возле ростр, или на восточной стороне Форума. Собрания плебеев и трибутные комиции также обычно с целью законодательствовать собирались на Форуме.

***Magister equitum*.** Будучи во время республики заместителем диктатора, magister equitum, т. е. начальник конницы, согласно традиции командовал кавалерией, так как диктатору запрещалось ездить верхом на лошади.

***Naumachia Augusti*.** Навмахия представляла собой знаменитое морское сражение, инсценированное Августом для развлечения во 2 г. до н. э. В нем участвовало около тридцати военных кораблей и тысячи человек команды, а проходило оно в специально выкопанном озере.

***Ornamenta triumphalia*.** Август ввел триумфальные «украшения», вручаемые в качестве награды вместо самого триумфа. После 19 г. до н. э. никому из тех, кто не принадлежал к его обширному семейству, не жаловали полного триумфа, но наместникам провинций, одержавшим победу, давали вместо него эту награду.

Pilum. Тяжелое метательное копье, служившее обычным вооружением римского легионера на протяжении большей части истории Рима. Его узкий наконечник предназначался для того, чтобы пробивать щиты неприятеля, а длинное тонкое древко давало затем возможность ранить стоящего за щитом человека.

***Princeps iuventutis*.** Новый титул «предводителя молодежи» впервые был присвоен Гаю Цезарю, а затем пожалован его брату Луцию. Они стали символическими вождями всаднического сословия.

Senatus consultum ultimum. Окончательное постановление сената, которое призывало магистратов сделать все необходимое для защиты государства. Его использовали против Катилины в 63 г. до н. э., Юлия Цезаря в 49 г. до н. э., а в последний раз его

употребили в 19 г. до н. э. для подавления заговора Эгнация Руфа.

Signifer. Знаменосец, носивший флаг (*signum*) центурии.

Vexillum. Четырехугольное знамя, устанавливавшееся на перекладине древка, которое использовалось для обозначения местонахождения военачальника, а также этот штандарт носили отдельные отряды войска. *Vexillum* военачальника, кажется, обычно было красным.

Персоналии

АВГУСТ (63 до н. э. – 14 н. э.). Родившись Гаем Октавием, он стал Гаем Юлием Цезарем, а позже Цезарем Августом. Внучатый племянник Юлия Цезаря, он вышел победителем из гражданских войн и сделался единоличным хозяином республики.

Марк Випсаний АГРИППА (ок. 63–12 до н. э.). Старинный друг и самый преданный и способный помощник Августа, Агриппа был с ним, когда узнал о вероломном убийстве Юлия Цезаря. Его талант сыграл главную роль в победах над Секстом Помпеем и Антонием, он также показал себя с лучшей стороны как администратор и строитель. В 21 г. до н. э. женился на овдовевшей Юлии и имел от нее трех сыновей и двух дочерей. Агриппа занял положение соправителя принцепса.

АГРИППИНА (ок. 14 до н. э. – 33 н. э.). Дочь Агриппы и Юлии, бывшая замужем за Германиком и имевшая от него пятерых детей. После его смерти в 19 г. н. э. навлекла на себя подозрения Тиберия и, как и двое ее сыновей, умерла в изгнании.

Луций АНТОНИЙ (ок. 80? – 40/39 до н. э.). Один из двух младших братьев Марка Антония, Луций в 41 г. до н. э. восстал против Августа, но под Перузией потерпел поражение. Его пощадили и отправили в Испанию в качестве наместника, но вскоре после этого он скончался.

Марк АНТОНИЙ (86/83–30 до н. э.). Представитель преуспевающего аристократического рода, Антоний унаследовал огромные долги, которые быстро увеличил. Он служил вместе с Юлием Цезарем в последние годы Галльской войны и поддерживал его во время гражданской войны. В качестве награды он получил консульство на 44 г. до н. э., и, следовательно, когда убили диктатора, занимал руководящее положение. Его отношения с Августом вначале складывались плохо, однако после первых столкновений они заключили союз с Лепидом с целью создания второго триумвирата. Вместе они разгромили «Освободителей», но впоследствии неудача в войне с Парфией роковым образом ослабила мощь Антония, в то время как роман с Клеопатрой подорвал его репутацию в Риме. Потерпев поражение в битве при Акции в 31 г. до н. э., он на следующий год покончил с собой.

АТИЯ (ум. 43 до н. э.). Дочь Юлии, сестры Юлия Цезаря, и Марка Атия Бальба, Атия вышла замуж за Гая Октавия и стала матерью Августа. Овдовев, вышла замуж за Луция Марция Филиппа. Скончалась Атия вскоре после того, как ее сын в возрасте девятнадцати лет впервые стал консулом.

Тит Помпоний АТТИК (ок. 106–32 до н. э.). Многолетний друг и корреспондент Цицерона, Аттик остался всадником и открыто не принимал участия в политической жизни, но тем не менее сумел сохранить добрые отношения со всеми виднейшими деятелями республики. Он также состоял в переписке с Августом, в то время как его дочь вышла замуж за Агриппу. Аттик совершил самоубийство, когда понял, что неизлечимо болен.

Марк Юний БРУТ (ок. 85–41 до н. э.). Сын человека, казненного в 78 г. до н. э. вместе с отцом Лепида, [753] и Сервилии, бывшей долгое время любовницей Юлия Цезаря, Брут считался одним из активных членов сената, когда в 49 г. до н. э. вспыхнула гражданская война. Он сражался против Юлия Цезаря при Фарсале, но был помилован и назначен претором. Это не помешало ему сделаться вождем «Освободителей» – заговорщиков, вероломно убивших диктатора, – и после того, как он потерпел поражение при Филиппах, лишил себя жизни.

ВЕРГИЛИЙ (Публий Вергилий Марон, ок. 70–19 до н. э.). Несмотря на то, что Вергилий, кажется, лишился некоторых родовых земель во время конфискаций, устроенных во время второго триумвирата, позже он стал другом Мецената и Августа, создавая произведения, согласные с новым режимом. Его «Энеида» осталась неоконченной к моменту его смерти, но, несмотря на пожелания поэта, Август привел ее в порядок и к большому одобрению разрешил опубликовать.

ВИПСАНИЯ (36 до н. э. – 20 н. э.). Дочь Агриппы и дочери Аттика, Помпонии, Випсания была замужем за Тиберием. Он развелся с ней, чтобы жениться на Юлии, но, как утверждают, горько об этом сожалел. Она вышла замуж за одного сенатора[754] и подарила ему много детей.

ГАЙ ЦЕЗАРЬ (20 до н. э. – 4 н. э.). Старший сын Агриппы и Юлии, Гай в 17 г. до н. э. был усыновлен Августом и пользовался большим его расположением. В 1 г. до н. э. ему предоставили важные командные должности в провинции, но в 3 г. н. э. он получил тяжелое ранение и в начале следующего года скончался.

ГЕРМАНИК (15 до н. э. – 19 н. э.). Сын Друза и Антонии, Германик, пользовавшийся популярностью, начал получать все более и более важные командные должности вследствие восстаний в Паннонии в 6 г. н. э. и Германии в 9 г. н. э. Его смерть в 19 г. н. э. считали очень подозрительной.

ГОРАЦИЙ (Квинт Гораций Флакк, 65–8 до н. э.). Сын преуспевающего вольноотпущенника, Гораций получил хорошее образование и сражался при Филиппах на стороне «Освободителей». Несколько лет спустя его приняли в

литературный кружок Мецената, где он познакомился с Августом, который предоставил ему дорогое поместье[755] и позволил ему таким образом посвящать свое время сочинительству. Август предложил поэту работу секретаря, но даже после того, как тот отверг это предложение, между ними сохранились весьма дружеские отношения.

ДРУЗ (38–9 до н. э.). Младший сын Ливии и ее первого мужа Тиберия Клавдия Нерона. Друзу позволили сделать быструю карьеру, и он стяжал военную славу в Альпах, а затем кампаниями в Германии, дойдя до Эльбы. Был женат на Антонии, дочери Октавии и Марка Антония, от которой имел троих детей, включая Германика и Клавдия. Скончался Друз в 9 г. до н. э. от увечий, полученных в результате несчастного случая на ристаниях.

ДРУЗ Младший (13 до н. э. – 23 н. э.). Сын Тиберия и Випсании и внук Ливии, Друз Младший стал внуком Августа после того, как его отец в 4 г. н. э. был усыновлен им.

Гай КАССИЙ Лонгин (ок. 85–41 до н. э.). Квестор при Крассе в 53 г. до н. э., он уцелел после случившейся в Парфии катастрофы. Он также сражался против Юлия Цезаря, но после Фарсальской битвы сдался, и Юлий Цезарь предоставил ему претуру. Как он, так и Лепид, были женаты на сестрах Брута. Вместе с Брутом он возглавил «Освободителей», но после первого сражения при Филиппах убил себя.

КАТИЛИНА (Луций Сергий Катилина, ок. 108/106–62 до н. э.). Представитель древнего, но ничем себя на тот момент не проявившего, патрицианского рода; отвратительное и требующее больших затрат домогательство Катилиной высокой должности привело его в конце концов к попытке переворота. Попытка эта была пресечена Цицероном.

Марк Порций КАТОН Младший (95–46 до н. э.). Известный своей строгой нравственностью, Катон являлся злейшим противником Юлия Цезаря и предпочел убить себя, нежели принять помилование от последнего. Его единокровной сестрой была Сервилия, а ее сын Брут впоследствии женился на овдовевшей дочери Катона.

КЛАВДИЙ (10 до н. э. – 54 н. э.). Слабого и подозреваемого в наличии проблем с умственным развитием Клавдия, Август и Ливия держали в стороне от общественной жизни, и только в царствование своего племянника Калигулы он занял общественную должность. Вслед за убийством Калигулы преторианская гвардия провозгласила его принцепсом.

КЛЕОПАТРА VII (ок. 70/69–30 до н. э.). Последняя представительница македонского рода Птолемеев, правившего

Египетским царством, Клеопатра всю свою жизнь была верной союзницей римлян. Несчастье ее заключалось в том, что она жила в то время, когда Римскую республику раздирала гражданская война, и в конечном счете царица оказалась слишком тесно связанной с потерпевшим поражение Марком Антонием. Как только стало ясно, что Август не позволит ни ей, ни кому-либо из ее детей удержать власть, она лишила себя жизни.

Марк Лициний КРАСС Богатый (ок. 115–53 до н. э.). Известный своим богатством, от которого получил прозвание *dives,* или «богатый»,[756] Красс приобрел при Сулле выдающееся положение и усердно трудился над тем, чтобы упрочить свое политическое влияние. В 59 г. до н. э. он вместе с Помпеем и Юлием Цезарем образовал первый триумвират и в 55 г. до н. э. с Помпеем получил свое второе консульство. После этого он предпринял ничем не вызванное нападение на парфян, но у Карр был остановлен. При последовавшем отступлении он погиб, а бóльшая часть его армии перебита.

Марк Лициний КРАСС (консул 30 до н. э., другие даты неизвестны). Внук Красса, он присоединился к Августу во время борьбы с Антонием, а затем в качестве наместника Македонии одержал ряд побед над соседними народами. В 27 г. до н. э. получил триумф, но после этого о нем ничего не слышно, хотя его приемный сын был консулом в 14 г. до н. э.

ЛИВИЙ (Тит Ливий, возможно 59 до н. э. – 17 н. э. или 64 до н. э. – 12 н. э.). Ливий был величайшим историком эпохи Августа, а его патриотическая и моралистическая «История Рима от основания города», доведенная до смерти Друза в 9 г. до н. э., состояла из 142 книг. Сохранилась лишь меньшая их часть, не считая кратких изложений содержания каждой книги. Хотя Август в шутку бранил его как помпеянца, со стороны Ливия не было ни одного настоящего признака какой-либо враждебности к новому режиму, и во многих отношениях он прославлял добродетели, милые сердцу принцепса.

ЛИВИЯ Друзилла (ок. 58 до н. э. – 29 н. э.). Жена Августа с 38 г. до н. э. до его кончины в 14 г. н. э., эта супружеская пара произвела на свет только одно мертворожденное дитя. Однако два ее сына от первого брака, Тиберий и Друз, будут играть выдающуюся роль в общественной жизни, и оба заслужат почести в качестве полководцев. Тиберий, Калигула, Клавдий и Нерон, все были потомками Ливии. При жизни Августа она временами играла заметную роль в событиях государственной жизни и являлась важным советчиком в жизни частной.

ЛУЦИЙ ЦЕЗАРЬ (17 до н. э. – 2 н. э.). Второй сын Агриппы и Юлии, Луций был усыновлен Августом и пользовался, как и его

старший брат, большим его расположением. Будучи отправлен во 2 г. н. э. в Испанию, он, не доехав до своей провинции, заболел и умер в Массилии.

Гай МАРИЙ (ок. 157–87 до н. э.). Женатый на тетке Юлия Цезаря, Марий стал самым знаменитым полководцем своего времени, получившим последовательно пять консульств, что было беспримерным случаем. Однако его соперничество с Суллой привело к гражданской войне, и овладев Римом, он скончался.

Гай Клавдий МАРЦЕЛЛ (42–23 до н. э.). Сын Октавии, сестры Августа, и бывшего консула Гая Клавдия Марцелла, принцепс оказывал ему значительную поддержку до самой его внезапной кончины.

Луций МАРЦИЙ ФИЛИПП (даты неизвестны, но в 36 до н. э. он был консулом, а последнее свидетельство о нем относится к 43 до н. э.). Второй муж Атии, он стал отчимом Августа и, кажется, помог ему в самом начале его карьеры.

Гай МЕЦЕНАТ (ок. 63–8 до н. э.). Многолетний друг и помощник Августа, Меценат оставался всадником и никогда не занимал государственной должности. Даже в таком положении ему в нескольких случаях поручали фактический надзор за Римом, и он играл центральную роль в политической жизни, особенно в годы второго триумвирата. Впоследствии продолжал давать Августу советы и поощрял в занятиях кружок сочинителей, включавший в себя поэтов Горация и Вергилия.

ОВИДИЙ (Публий Овидий Назон, 43 до н. э. – 17 н. э.). Принадлежа к более молодому поколению, нежели такие люди, как Вергилий и Гораций, Овидий был слишком молод, чтобы гражданская война затронула его, и все свои главные сочинения он написал в мирных условиях принципата. В своем стиле он проявлял очень мало уважения к традиции, а его «Наука любви» особенно не нравилась Августу. Однако только тогда, когда он каким-то образом оказался замешан в опасном деле Юлии Младшей, его в 8 г. н. э. отправили в ссылку на берега Черного моря.

Гай ОКТАВИЙ (ум. 59 до н. э.). Отец Августа, Октавий происходил из богатого всаднического рода, но был первым в роду, кто принимал участие в политической жизни Рима. В 61 г. до н. э. он был избран претором, и в качестве проконсула успешно управлял Македонией, но на обратном пути из провинции скончался на своей вилле в Ноле.

ОКТАВИЯ (ок. 69–11 до н. э.). Старшая сестра Августа, она вышла замуж за Гая Клавдия Марцелла, а затем за Марка Антония, чтобы скрепить прочными узами его союз со своим братом. У нее был сын, Марцелл, от первого брака, и две дочери,

Антония Старшая и Антония Младшая, от второго.

ПОМПЕЙ Великий (Гней Помпей Магн, 106–48 до н. э.). Самый знаменитый римский полководец своего времени, Помпей при Сулле занял выдающееся положение и с нарушением большинства установленных правил сделал потрясающую карьеру. В 50-е годы до н. э. ему поручили командование в испанских провинциях, но он остался снаружи у стен Рима, а на свое место отправил служить подчиненных ему легатов. Во время гражданской войны он сражался с Юлием Цезарем, в 48 г. до н. э. был разгромлен при Фарсале и вскоре после этого убит в Египте.

Секст ПОМПЕЙ (Секст Помпей Магн Пий, ок. 67–35 до н. э.). Младший сын Помпея Великого, Секст набрал войска против Юлия Цезаря как раз перед его вероломным убийством, но только в последующие годы стал представлять действительную силу. Захватив Сицилию для устройства там своей основной базы, он построил сильный флот, позволявший ему держать в блокаде Италию и спасать бежавших от проскрипций. Несмотря на ряд выигранных морских сражений, он в конце концов был разгромлен Августом и его сторонниками.

ПОСТУМ АГРИППА (12 до н. э. – 14 н. э.). Самый младший ребенок Агриппы и Юлии, Постум получил это имя потому, что родился после того, как умер его отец. До своего усыновления Августом в 4 г. н. э. он мало привлекал к себе внимание общества. Но даже после этого он не получил никакой должности, а спустя несколько лет от него отреклись и отправили в изгнание. Вскоре после смерти Августа его убили, но кто отдал этот приказ, неясно.

СКРИБОНИЯ (умерла через некоторое время после 16 н. э.). Жена Августа и мать Юлии. Скрибония сопровождала свою дочь в изгнание.

Тит СТАТИЛИЙ ТАВР (даты неизвестны, но в 37 и в 26 до н. э. был консулом). Один из самых преданных и надежных помощников Августа, Статилий Тавр, вероятно, уступал только Агриппе. В 16 г. до н. э. его назначили городским префектом, но, возможно, вскоре после этого он скончался, так как упоминания о нем исчезают из источников.

Луций Корнелий СУЛЛА Счастливый (138–78 до н. э.). Представитель древнего, но в последние годы ничем не отличившегося, патрицианского рода, Сулла был первым, кто повел в 88 г. до н. э. свои легионы на Рим и силой захватил власть. Позже он вел гражданскую войну против Мария и других врагов, назначив себя диктатором и введя проскрипционные списки, чтобы узаконить убийство противников.

ТИБЕРИЙ (42 до н. э. – 37 н. э.). Старший сын Ливии и ее

первого мужа Тиберия Клавдия Нерона. Тиберию в очень молодом возрасте последовательно поручали важные должности и командные посты в провинциях. Женатый первоначально на дочери Агриппы, Випсании, он развелся с ней, чтобы жениться на Юлии, но брак этот оказался несчастливым для них обоих. В 6 г. до н. э. Тиберий добровольно уединился на Родосе и на десять лет оказался исключен из общественной жизни. Получив в конце концов разрешение вернуться в Италию, он был усыновлен Августом только после смерти Гая и Луция. В последующие годы ему предоставили полномочия, равные тем, которыми обладал принцепс, и Тиберий в 14 г. н. э. благополучно сделался его преемником.

ФУЛЬВИЯ (ум. 40 до н. э.). Жена Марка Антония и мать его двух сыновей-римлян, Антила и Юла; она, до того как выйти за него замуж, уже лишилась двух мужей, умерших насильственной смертью. Антоний, неохотно поддержав неудачное восстание Луция Антония, впоследствии развелся с ней, и этот развод, как говорили, ускорил ее кончину.

Марк Туллий ЦИЦЕРОН (ок. 106–43 до н. э.). Один из самых удачливых «новых людей» своего поколения, Цицерон стал выдающимся оратором в Риме. В качестве консула он в 63 г. до н. э. переиграл Катилину, но впоследствии подвергся нападкам за сомнительную законность своих действий. Во время гражданской войны Цицерон в конечном счете встал на сторону противников Юлия Цезаря, но позже был прощен. После вероломного убийства диктатора он поддерживал «Освободителей», а затем пытался использовать Августа для уничтожения Антония. После образования второго триумвирата стал одной из первых жертв проскрипций.

Луций Эмилий ЛЕПИД[757] **(ок. 86–13/12 до н. э.).** Сын консула, сделавшего попытку переворота в 78 г. до н. э., Лепид поддержал Юлия Цезаря во время гражданской войны, и в награду получал все более и более высокие должности, включая пост начальника конницы (*magister equitum*) в 44 г. до н. э. Это позволило ему командовать войсками, и таким образом он укрепил свое положение после вероломного убийства диктатора. Однако в последующие годы его солдаты утратили энтузиазм. Он присоединился к Марку Антонию и Августу при втором триумвирате, но с течением времени власть его слабела, и в 36 г. до н. э. его карьере был положен конец, и остаток своей жизни он фактически пребывал под арестом.

Гай ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ (100–44 до н. э.). Представитель аристократического, но на тот момент не пользовавшегося громкой славой рода. Начальная карьера Юлия Цезаря была

совершенно обычной. Будучи в 59 г. до н. э. консулом, он присоединился к тайному союзу Помпея и Красса, известному сегодня как первый триумвират. После десяти лет военных успехов в Галлии он столкнулся с Помпеем в гражданской войне и стал диктатором. Был убит в результате заговора, составленного бывшими сторонниками и помилованными врагами.

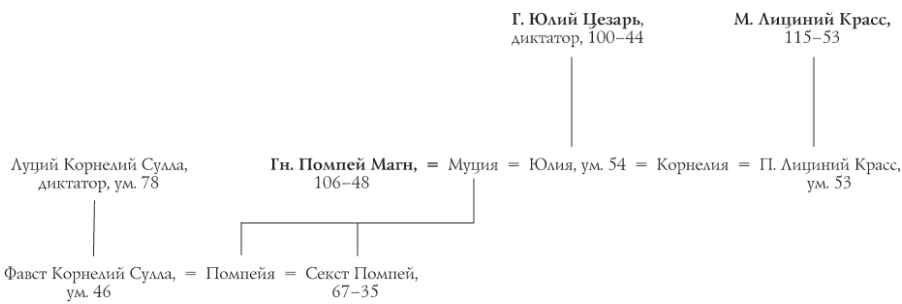
ЮЛИЯ. Сестра Юлия Цезаря и бабушка Августа, она вышла замуж за Марка Атия Бальба и родила от него дочь Атию.

ЮЛИЯ, дочь Августа (39 до н. э. – 14 н. э.). Единственного ребенка Августа, выжившего при родах, Юлию использовали для поддержания преданности главных помощников Августа и последовательно выдавали замуж за Марцелла, Агриппу и Тиберия. От Агриппы у нее было пятеро детей, но только один мертворожденный от Тиберия. Раздражавший обоих брачный союз способствовал добровольному удалению Тиберия на Родос. Во 2 г. до н. э. отец осудил ее за прелюбодеяние и отправил в изгнание.

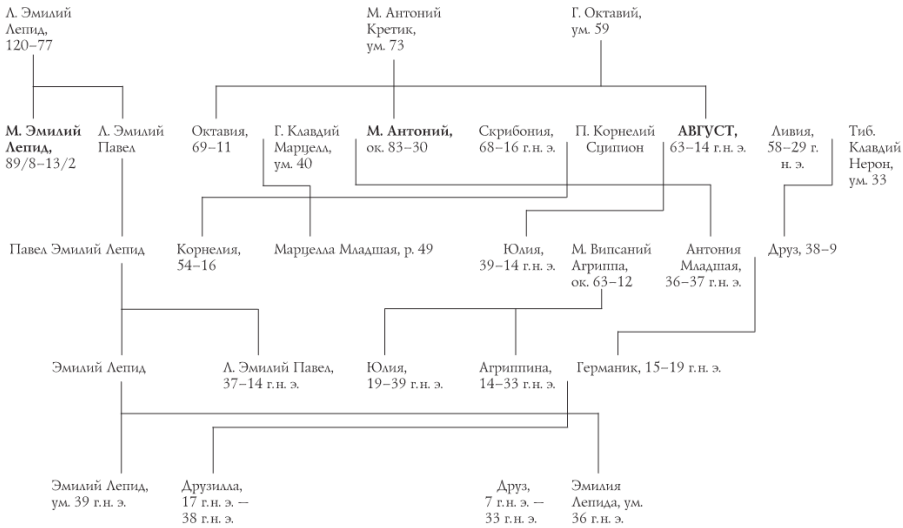
ЮЛИЯ, внучка Августа (ок. 19 до н. э. – 28 н. э.). Дочь Юлии и Агриппы, ее также обвинили в прелюбодеянии и в 8 г. н. э. отправили в изгнание.

Родословные

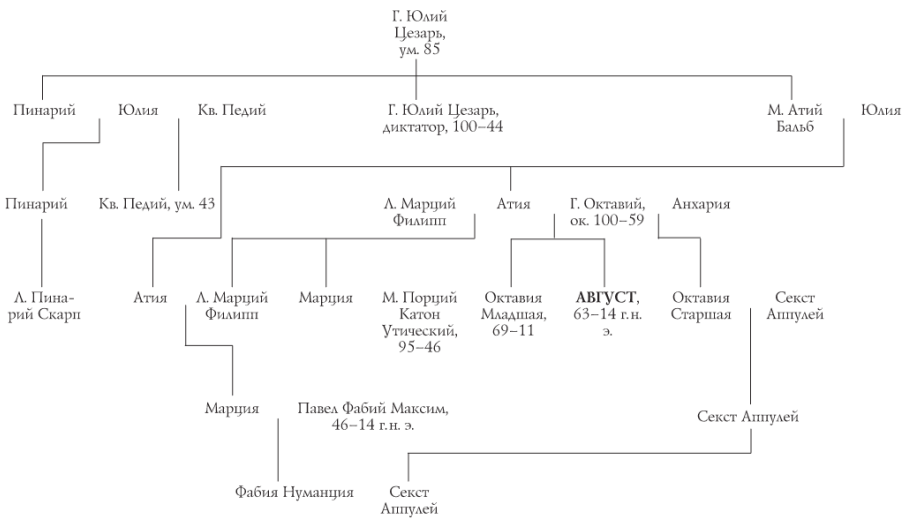
ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ



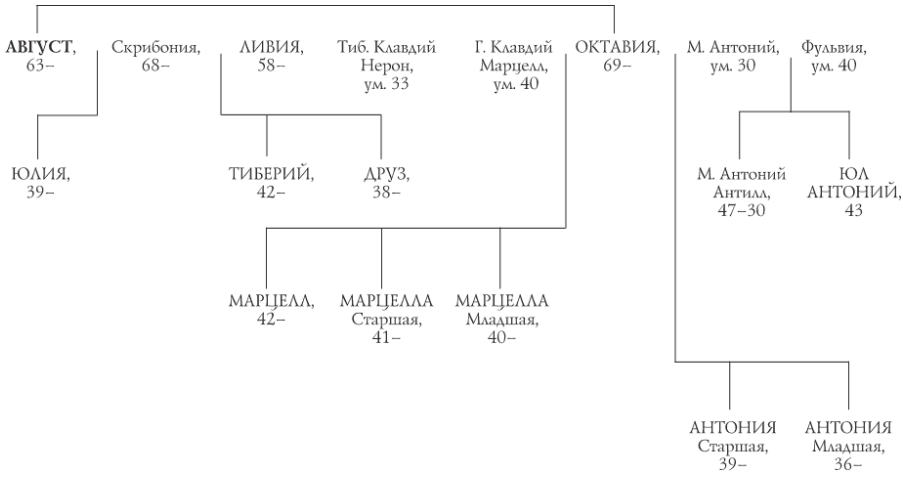
ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ И РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ПОТОМКОВ ЕГО УЧАСТНИКОВ


Л. Эмилий Лепид, 120–77
М. Антоний Кретик, ум. 73
Г. Октавий, ум. 59
М. Эмилий Лепид, 89/8–13/2
Л. Эмилий Павел
Октавия, 69–11
Г. Клавдий Марцелл, ум. 40
М. Антоний, ок. 83–30
Скрибония, 68–16 г.н. э.
П. Корнелий Сципион
АВГУСТ, 63–14 г.н. э.
Ливия, 58–29 г. н. э.
Тиб. Клавдий Нерон, ум. 33
Павел Эмилий Лепид
Корнелия, 54–16
Марцелла Младшая, р. 49
Юлия, 39–14 г.н. э.
М. Випсаний Агриппа, ок. 63–12
Антония Младшая, 36–37 г.н. э.
Друз, 38–9
Эмилий Лепид
Л. Эмилий Павел, 37–14 г.н. э.
Юлия, 19–39 г.н. э.
Агриппина, 14–33 г.н. э.
Германик, 15–19 г.н. э.
Эмилий Лепид, ум. 39 г.н. э.
Друзилла, 17 г.н. э. – 38 г.н. э.
Друз, 7 г.н. э. – 33 г.н. э.
Эмилия Лепида, ум. 36 г.н. э.

РОДСТВЕННИКИ АВГУСТА

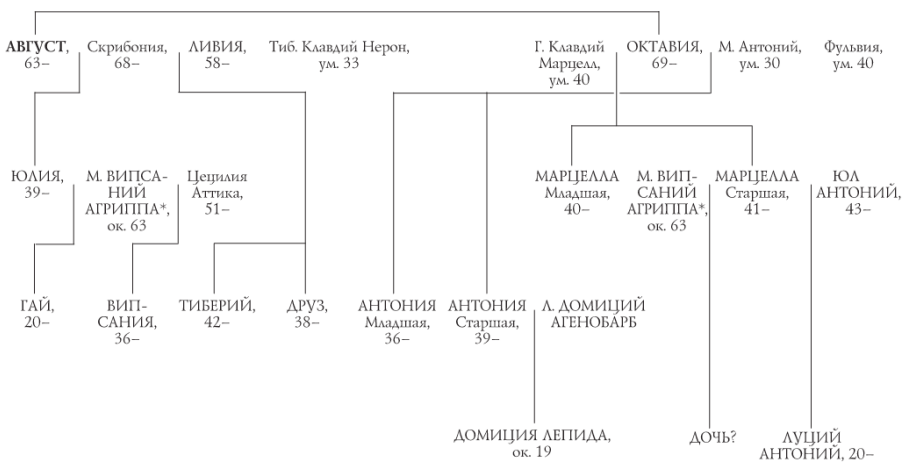


а) СЕМЕЙСТВО АВГУСТА, ЛИВИИ И ОКТАВИИ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАРКА АНТОНИЯ В 30 Г. ДО Н. Э



Бывшие в живых и члены императорской фамилии в указанное на схеме время обозначены прописными буквами; умершие и разведенные обозначены строчными буквами. Все даты до н. э.

СЕМЬИ И ДЕТИ АВГУСТА, ЛИВИИ И ОКТАВИИ В 19 Г. ДО Н. Э



* указывает на то, что Агриппа появляется дважды.

Бывшие в живых и члены императорской фамилии в указанное на схеме время обозначены прописными буквами; умершие и разведенные обозначены строчными буквами. Все даты до н. э.

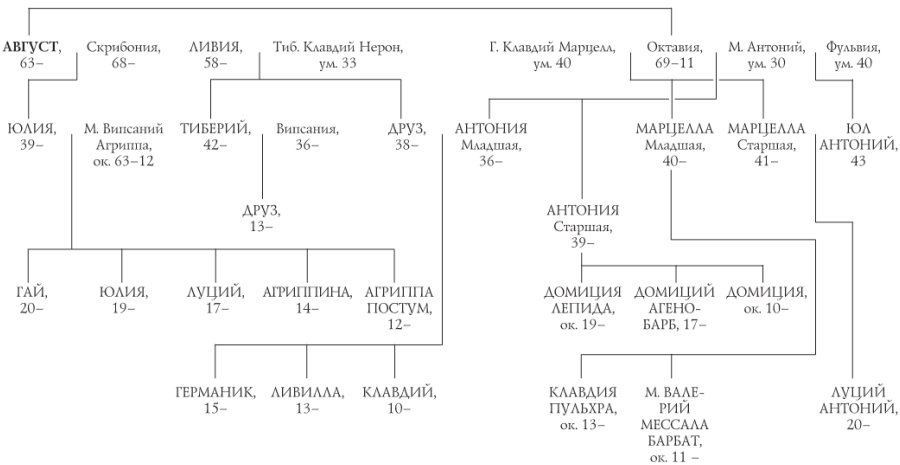
АВГУСТ, 63– | Скрибония, 68– | ЛИВИЯ, 58– | Тиб. Клавдий Нерон, ум. 33 | Г. Клавдий Марцелл, ум. 40 | ОКТАВИЯ, 69– | М. Антоний, ум. 30 | Фульвия, ум. 40

ЮЛИЯ, 39– | М. ВИПСАНИЙ АГРИППА*, ок. 63 | Цецилия Аттика, 51– | МАРЦЕЛЛА Младшая, 40– | М. ВИПСАНИЙ АГРИППА*, ок. 63 | МАРЦЕЛЛА Старшая, 41– | ЮЛ АНТОНИЙ, 43–

ГАЙ, 20– | ВИПСАНИЯ, 36– | ТИБЕРИЙ, 42– | ДРУЗ, 38– | АНТОНИЯ Младшая, 36– | АНТОНИЯ Старшая, 39– | Л. ДОМИЦИЙ АГЕНОБАРБ

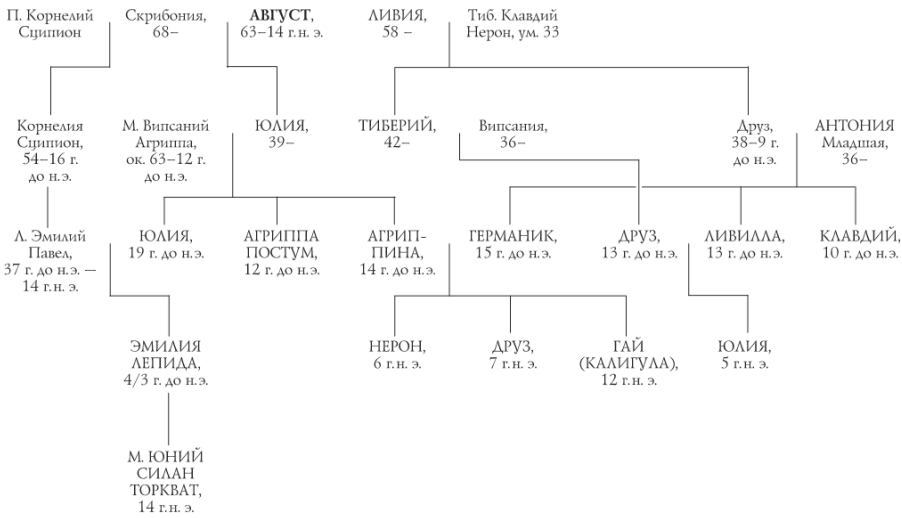
ДОМИЦИЯ ЛЕПИДА, ок. 19 | ДОЧЬ? | ЛУЦИЙ АНТОНИЙ, 20–

СЕМЬЯ АВГУСТА, ЛИВИИ И ОКТАВИИ В 10 Г. ДО Н. Э



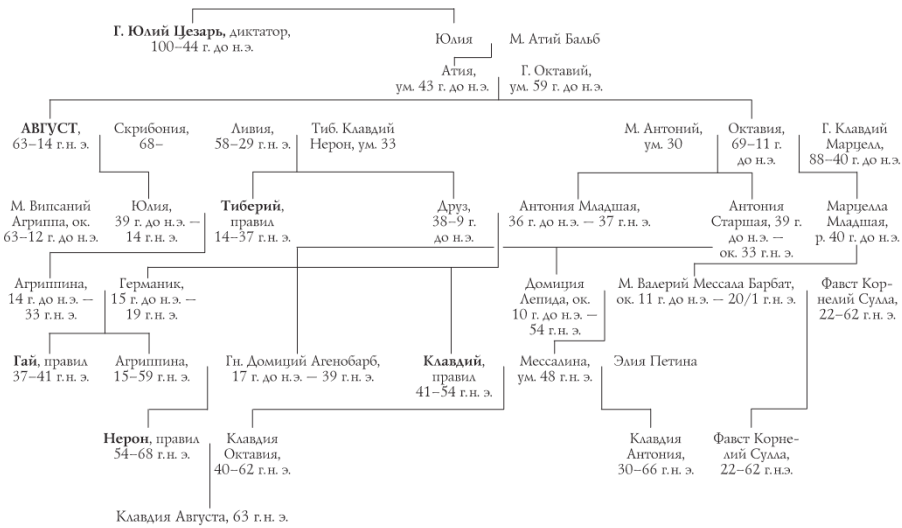
Бывшие в живых и члены императорской фамилии в указанное на схеме время обозначены прописными буквами; умершие и разведенные обозначены строчными буквами. Все даты до н. э.

ПОТОМКИ АВГУСТА К МОМЕНТУ ЕГО СМЕРТИ В 14 Г. Н. Э

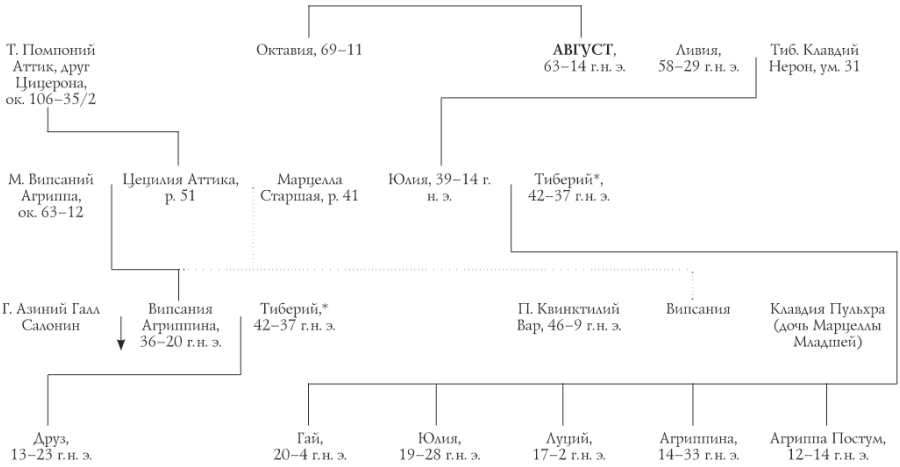

П. Корнелий Сципион
Скрибония, 68–
АВГУСТ, 63–14 г. н. э.
ЛИВИЯ, 58 –
Тиб. Клавдий Нерон, ум. 33
Корнелия Сципион, 54–16 г. до н. э.
М. Випсаний Агриппа, ок. 63–12 г. до н. э.
ЮЛИЯ, 39–
ТИБЕРИЙ, 42–
Випсания, 36–
Друз, 38–9 г. до н. э.
АНТОНИЯ Младшая, 36–
Л. Эмилий Павел, 37 г. до н. э. – 14 г. н. э.
ЮЛИЯ, 19 г. до н. э.
АГРИППА ПОСТУМ, 12 г. до н. э.
АГРИППИНА, 14 г. до н. э.
ГЕРМАНИК, 15 г. до н. э.
ДРУЗ, 13 г. до н. э.
ЛИВИЛЛА, 13 г. до н. э.
КЛАВДИЙ, 10 г. до н. э.
ЭМИЛИЯ ЛЕПИДА, 4/3 г. до н. э.
НЕРОН, 6 г. н. э.
ДРУЗ, 7 г. н. э.
ГАЙ (КАЛИГУЛА), 12 г. н. э.
ЮЛИЯ, 5 г. н. э.
М. ЮНИЙ СИЛАН ТОРКВАТ, 14 г. н. э.

Бывшие в живых и члены императорской фамилии в указанное на схеме время обозначены прописными буквами; умершие и разведенные обозначены строчными буквами.

УПРОЩЕННАЯ РОДОСЛОВНАЯ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ПЕРЕХОД ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В ДИНАСТИИ ЮЛИЕВ – КЛАВДИЕВ


Г. Юлий Цезарь, диктатор, 100–44 г. до н. э.
Юлия
М. Атий Бальб
Атия, ум. 43 г. до н. э.
Г. Октавий, ум. 59 г. до н. э.
АВГУСТ, 63–14 г. н. э.
Скрибония, 68–
Ливия, 58–29 г. н. э.
Тиб. Клавдий Нерон, ум. 33
М. Антоний, ум. 30
Октавия, 69–11 г. до н. э.
Г. Клавдий Марцелл, 88–40 г. до н. э.
М. Випсаний Агриппа, ок. 63–12 г. до н. э.
Юлия, 39 г. до н. э. – 14 г. н. э.
Тиберий, правил 14–37 г. н. э.
Друз, 38–9 г. до н. э.
Антония Младшая, 36 г. до н. э. – 37 г. н. э.
Антония Старшая, 39 г. до н. э. – ок. 33 г. н. э.
Марцелла Младшая, р. 40 г. до н. э.
Агриппина, 14 г. до н. э. – 33 г. н. э.
Германик, 15 г. до н. э. – 19 г. н. э.
Домиция Лепида, ок. 10 г. до н. э. – 54 г. н. э.
М. Валерий Мессала Барбат, ок. 11 г. до н. э. – 20/1 г. н. э.
Фавст Корнелий Сулла, 22–62 г. н. э.
Гай, правил 37–41 г. н. э.
Агриппина, 15–59 г. н. э.
Гн. Домиций Агенобарб, 17 г. до н. э. – 39 г. н. э.
Клавдий, правил 41–54 г. н. э.
Мессалина, ум. 48 г. н. э.
Элия Петина
Нерон, правил 54–68 г. н. э.
Клавдия Октавия, 40–62 г. н. э.
Клавдия Антония, 30–66 г. н. э.
Фавст Корнелий Сулла, 22–62 г. н. э.
Клавдия Августа, 63 г. н. э.

СЕМЕЙСТВО АГРИППЫ


Т. Помпоний Аттик, друг Цицерона, ок. 106–35/2
Октавия, 69–11
АВГУСТ, 63–14 г.н. э.
Ливия, 58–29 г.н. э.
Тиб. Клавдий Нерон, ум. 31
М. Випсаний Агриппа, ок. 63–12
Цецилия Аттика, р. 51
Марцелла Старшая, р. 41
Юлия, 39–14 г. н. э.
Тиберий*, 42–37 г.н. э.
Г. Азиний Галл Салонин
Випсания Агриппина, 36–20 г.н. э.
Тиберий,* 42–37 г.н. э.
П. Квинктилий Вар, 46–9 г.н. э.
Випсания
Клавдия Пульхра (дочь Марцеллы Младшей)
Друз, 13–23 г.н. э.
Гай, 20–4 г.н. э.
Юлия, 19–28 г.н. э.
Луций, 17–2 г.н. э.
Агриппина, 14–33 г.н. э.
Агриппа Постум, 12–14 г.н. э.

* указывает на то, что Тиберий появляется дважды.

Пунктирная линия на приведенной диаграмме означает, что точно не известно, кто был матерью Випсании.

Библиография

В список включены все работы, упоминаемые в примечаниях. Следуя своей обычной практике, я постарался насколько возможно привлекать публикации сравнительно недавнего времени на английском языке, которые могут быть интересны любознательному читателю, если у него возникнет желание почитать по этой теме что-то еще. Идя по ссылкам в книге, можно расширить круг чтения и за счет важнейшей литературы на других языках.[758]

Adcock, F., *The Roman Art of War under the Republic* (1940)

Alföldy, G., *Noricum* (1974)

Badian, E., *Publicans and Sinners* (1972)

Badian, E., '"Crisis Theories" and the beginning of the Principate', in W. Wirth, *Romanitas and Christianitas* (1982), p. 18–41

Balsdon, J., 'Fabula Clodiana', *Historia* 15 (1966), p. 65–73

Barnes, T., 'The victories of Augustus', *JRS* 64 (1974), p. 21–26

Barrett, A., *Caligula. The Corruption of Power* (1989)

Barrett, A., *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002)

Barton, T., 'Augustus and Capricorn: Astrological Polyvalency and Imperial Rhetoric', *JRS* 85 (1995), p. 33–51

Billows, R., 'The religious procession of the Ara Pacis Augustae: Augustus' *supplicatio* in 13 bc', *JRA* 6 (1993), p. 80–92

Billows, R., *Julius Caesar. The Colossus of Rome* (2009)

Bingen, J., *Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture* (2007)

Birch, R., 'The Settlement of 26 June ad 4 and its Aftermath', *Classical Quarterly* 31 (1981), p. 443–56

Boatright, M., 'The Pomerial extension of Augustus', *Historia* 35 (1986), p. 13–27

Bowersock, G., *Augustus and the Greek World* (1965)

Bowersock, G., 'Augustus and the East: The problem of succession', in Millar & Segal (1990), p. 169–88

Bradley, K., 'Wet-Nursing at Rome. A Study in Social Relations', in Rawson (1986), p. 201–229

Brandon, C., 'Cement, concrete and settling barges at Sebastos: comparisons with other Roman harbour examples and the descriptions of Vitruvius', in A. Raban & K. Houm (eds), *Caesarea Maritima. A Retrospective after Two Millennia* (1996), p. 25–40

Brunt, P., *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971)

Brunt, P., 'The administrators of Roman Egypt', *JRS* 65 (1975), p. 124–147

Brunt, P., 'Princeps and equites', *JRS* 73 (1983), p. 42–75

Brunt, P., 'The role of the Senate in the Augustan regime', *Classical Quarterly* 34. 2 (1984), p. 423–44

Camp, J., *The Archaeology of Athens* (2001)

Campbell, B., 'The marriage of soldiers under the Empire', *JRS* 68 (1978), p. 153–166

Campbell, B., 'War and diplomacy: Rome and Parthia, 31 BC—AD 235', in Rich & Shipley (1993), p. 213–240

Campbell, J., *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235* (1984)

Carson, R., 'Caesar and the Monarchy', *Greece & Rome* 4 (1957), p. 46–53

Carter, J., *The Battle of Actium: The Rise and Triumph of Augustus Caesar* (1970)

Cartledge, P., 'The Second Thoughts of Augustus on the res publica in 28/7 bc', *Greece and Rome* 31 (1984), p. 30–40

Champlin, E., 'Tiberius and the Heavenly Twins', *JRS* 101 (2011), p. 73–99

Chilver, G., 'Augustus and the Roman constitution 1939–1950', *Historia* 1 (1950), p. 408–435

Christol, M., *Une Histoire Provinciale. La Gaule narbonnaise av. J. – C. au IIIe siucle ap. J. – C.* (2010)

Clarke, J., 'Augustan domestic interiors: propaganda or fashion?' in Galinsky (2005), p. 264–278

Collins, J., 'Caesar and the corruption of power', *Historia* 4 (1957), p. 445–65

Conlin, D., *The Artists of the Ara Pacis. Studies in the History of Greece and Rome* (1997)

Connolly, P., *Greece and Rome at War* (1981)

Cooley, M. (ed.), *The Age of Augustus. Lactor 17* (2003)

Corbett, J., 'The Succession policy of Augustus', *Latomus* 33 (1974), p. 87–97

Crawford, M., *Roman Republican Coinage* (1974)

Crook, J., 'Some remarks on the Augustan Constitution', *Classical Review* 3 (1953), p. 10–12

Cunliff e, B., *Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction* (1988)

Curchin, L., *The Romanization of Central Spain. Complexity, Diversity and Change in a Provincial Hinterland* (2004)

Delia, D., 'Fulvia Reconsidered', in S. Pomperoy (ed.), *Women's History and Ancient History* (1991), p. 197–217

Dennison, M., *Empress of Rome. The Life of Livia* (2010)

Derks, T., *Gods, Temples and Ritual Practices: The Transformation of Religious Ideas and Values in Roman Gaul* (1998)

Dixon, S., *The Roman Mother* (1988)

Dowling, M., *Clemency and Cruelty in the Roman World* (2006)

Drinkwater, J., *Roman Gaul. The Three Provinces, 58 BC—AD 260* (1983)

Drinkwater, J., 'The Principate – lifebelt, or millstone around the neck of Empire?', in O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes (eds), *Crises and the Roman Empire* (2007), p. 67–74

Durán Cabello, R. M., 'Edificios de espectáculo', in X. Raventys (ed.), *Les capitales provinciales de Hispania 2. Merida: Colonia Augustua Emerita* (2004)

Dyson, S., 'Native Revolt Patterns in the Roman Empire', *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* 2. 3 (1975), p. 38–175

Dyson, S., *The Creation of the Roman Frontier* (1985)

Dyson, S., *Rome. A Living Portrait of an Ancient City* (2010)

Eck, W., 'Senatorial Self-Representation: Developments in the Augustan Period', in Millar & Segal (eds) (1990), p. 129–167

Eck, W., *The Age of Augustus* (2003)

Edmondson, J. (ed.), *Augustus* (2009)

Ehrenberg, V. & Jones, A., *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius* (2nd edn, 1975)

Everitt, A., *Cicero. A Turbulent Life* (2001)

Everitt, A., *Augustus: The Life of Rome's First Emperor* (2006)

Fantham, E., *Julia Augusti, the Emperor's Daughter* (2006)

Ferrary, J., 'The powers of Augustus', in Edmondson (2009), p. 90–136

Ferrill, A., 'Prosopography and the Last Years of Augustus', *Historia* 20 (1971), p. 718–731

Ferrill, A., 'Augustus and his daughter: a modern myth', in C. Deroux (ed.), *Studies in Latin Literature and Roman History* 2 (1980), p. 332–346

Feugère, M. (ed.), *L'Équipment Militaire et L'Armement de la République, Journal of Roman Military Equipment Studies* 8 (1997)

Finley, M. I. (ed.), *Studies in Roman Property* (1976)

Fishwick, D., *The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Roman Empire.*Vol. 3 (2002)

Flory, M., '*Abducta Neroni Uxor*: The Historiographic Tradition on the Marriage of Octavian and Livia', *Transactions of the American Philological Association* 118 (1988), p. 343–59

Flower, H., 'The tradition of the spolia opima: M. Claudius Marcellus and Augustus', *Classical Antiquity* 19 (2000), p. 34–64

Franzen, P., 'The Augustan Legionary Fortress at Nijmegen. Legionary and auxiliary soldiers', in A. Morillo, N. Hanel & E. Martín, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius* 13. Vol. 1 (2009), p. 1257–1269

Gabba, E., 'The Perusine War and Triumviral Italy', *Harvard Studies in Classical Philology* 75 (1971), p. 139–160

Gabba, E. (trans. P. Cuff), *The Roman Republic, the Army and the Allies* (1976)

Galinsky, K., *Augustan Culture* (1996)

Galinsky, K. (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* (2005)

Galinsky, K., *Augustus. Introduction to the Life of an Emperor* (2012)

Gardner, J., 'The Dictator', in Griffin (2009), p. 57–71

Garnsey, P., *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis* (1988)

Gelzer, M. (trans. P. Needham), *Caesar. Politician and Statesman* (1968)

Goldsworthy, A., *The Roman Army at War 100 BC—AD 200* (1996)

Goldsworthy, A., ' "Instinctive genius": the depiction of Caesar the general', in Welch & Powell (1998), p. 193–219

Goldsworthy, A., *In the Name of Rome* (2004)

Goldsworthy, A., *The Complete Roman Army* (2004)

Goldsworthy, A., *Caesar: The Life of a Colossus* (2006)

Goldsworthy, A., *Antony and Cleopatra* (2010)

Goudineau, C., *Cesar et la Gaule* (1995)

Gowers, E., 'Augustus and "Syracuse"', *JRS* 100 (2010), p. 69–87

Grant, M., *Cleopatra* (1972)

Green, P., *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age* (1990)

Greenhalgh, P., *Pompey: The Roman Alexander* (1980)

Griffin, J., 'Augustus and the poets: "Caesar qui cogere posset"', in Millar & Segal (1990), p. 189–218

Griffin, M., 'The Elder Seneca and Spain', *JRS* 62 (1972), p. 1–19

Griffin, M. (ed.), *A Companion to Julius Caesar* (2009)

Grimal, P. (trans. A. Train), *Love in Ancient Rome* (1986)

Gruen, E., *The Last Generation of the Roman Republic* (1974)

Gruen, E., 'Cleopatra in Rome. Fact and Fantasies', in D. Braund & C. Gill (eds), *Myths, History and Culture in Republican Rome: Studies in Honour of T. P. Wiseman* (2003), p. 257–274

Gruen, E., 'Caesar as a politician', in Griffin (2009), p. 23–36

Gwynn, A., *Roman Education* (1926)

Hallett, J., 'Perusinae Glandes and the Changing Image of Augustus', *American Journal of Ancient History* 2 (1977), p. 151–171

Harmand, J., *L'armée et le soldat a Rome de 107 à 50 avant nôtre ère* (Paris, 1967)

Harrington, D., 'The Battle of Actium – a Study in Historiography', *Ancient World* 9. 1–2 (1984), p. 59–64

Hölbl, G. (trans. T. Saavedra), *A History of the Ptolemaic Empire* (2001)

Holder, P., *The Auxilia from Augustus to Trajan* (1980)

Holland, R., *Augustus. Godfather of Europe* (2004)

Huzar, E., 'Mark Antony: Marriages vs. careers', *The Classical Journal* 81 (1985/6), p. 97–111

James, S., *Rome and the Sword. How Warriors and Weapons Shaped Roman History* (2011)

Johnson, J., 'The Authenticity and Validity of Antony's will', *L' Antiquité Classique* 47 (1978), p. 494–503

Jones, A., 'The *Imperium* of Augustus', *JRS* 41 (1951), p. 112–19

Jones, A., 'The elections under Augustus', *JRS* 45 (1955), p. 9–21

Jones, R., 'The Roman Military Occupation of North-West Spain', *JRS* 66 (1976), p. 45–66

Kennedy, D. (ed.), *The Roman Army in the East. Journal of Roman Archaeology Supplements* 18 (1996)

Kennedy, D., 'Parthia and Rome: eastern perspectives', in Kennedy

(1996), p. 67–90

Keppie, L., *Colonisation and Veteran Settlement in Italy: 47–14 BC* (1983)

Keppie, L., *The Making of the Roman Army* (1984)

Keppie, L., 'A centurion of *legio Martia* at Padova?', *Journal of Roman Military Equipment Studies* 2 (1991), p. 115–21 = L. Keppie, *Legions and Veterans: Roman Army Papers 1971–2000* (2000), p. 68–74

King, D., *The Elgin Marbles* (2006)

Kos, M., *Appian and Illyricum* (2005)

Lacey, W., 'Summi Fastigii Vocabulum: The story of a title', *JRS* 69 (1979), p. 28–34

Lacey, W., *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996)

Lange, C., *Res Publica Constituta. Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment* (2009)

Lange, C., 'The Battle of Actium: A Reconsideration', *Classical Quarterly* 61. 2 (2011), p. 608–623

Last, H., 'Imperium Maius: A note', *JRS* 37 (1947), p. 157–164

Le Bohec, Y., *The Imperial Roman Army* (1994)

Leon, E., 'Scribonia and her daughters', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 82 (1951), p. 168–275

Levick, B., 'Abdication and Agrippa Postumus', *Historia* 21 (1972), p. 674–697

Levick, B., 'Julians and Claudians', *Greece and Rome* 22 (1975), p.

29–38

Levick, B., *Tiberius the Politician* (1999)

Levick, B., *Augustus. Image and Substance* (2010)

Lewis, N. Reinhold, M. (eds), *Roman Civilization. Selected Readings* Vol. 1: *The Republic and the Augustan Age* (3rd edn, 1990)

Liebeschuetz, J., 'The settlement of 27 bc', in C. Deroux, *Studies in Latin Literature and Roman History* (2008), p. 345–365

Linderski, J., 'Aphrodisias and the *Res Gestae*: The *Genera Militiae* and the Status of Octavian', *JRS* 74 (1984), p. 74–80

Lintott, A., 'Electoral bribery in the Roman Republic', *JRS* 80 (1990), p. 1–16

Lintott, A., *The Constitution of the Roman Republic* (1999)

Lintott, A., *Cicero as Evidence* (2008)

Lintott, A., 'The assassination', in Griffin (2009), p. 72–82

Lo Cascio, E., 'The Size of the Roman Population: Beloch and the Meaning of the Augustan Census Figures', *JRS* 84 (1994), p. 23–40

Lowe, B., *Roman Iberia. Economy, Society and Culture* (2009)

Luce, T., 'Livy, Augustus, and the Forum Augustum', in Edmondson (2009), p. 399–415

MacMullen, R., *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest and Alienation in the Empire* (1967)

MacMullen, R., *Romanization in the Time of Augustus* (2000)

McNally, M., *Teutoburg Forest AD 9. The Destruction of Varus and His Legions.* Osprey Campaign Series 228 (2011)

Magie, D., 'Augustus' War in Spain (26–25 bc)', *Classical Philology* 15 (1920), p. 323–339

Manley, J., *AD 43 The Roman Invasion of Britain – A Reassessment* (2002)

Marrou, H., *A History of Education in Antiquity* (1956)

Matyszak, P., *Mithridates the Great. Rome's Indomitable Enemy* (2004)

Maxfield, V., *The Military Decorations of the Roman Army* (1981)

Mayor, A., *The Poison King* (2010)

Meier, C. (trans. D. McLintock), *Caesar* (1996)

Mellor, R., *Tacitus* (1993)

Mierse, W., *Temples and Towns in Roman Iberia. The Social Dynamics of Sanctuary Designs from the Third Century BC to the Third Century AD* (1999)

Millar, F., *A Study of Cassius Dio* (1964)

Millar, F., 'Triumvirate and Principate', *JRS* 63 (1973), p. 50–67

Millar, F., *The Emperor in the Roman World* (1977)

Millar, F., 'Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, excuses and status', *JRS* 73 (1983), p. 76–96

Millar, F. & Segal, E. (eds), *Caesar Augustus. Seven*

Aspects (corrected paperback edn, 1990)

Millar, F., 'State and Subject: the impact of monarchy', in Millar & Segal (1990), p. 37–60

Millar, F., *The Roman Near East 31 BC—AD 337* (1993)

Millar, F., *The Crowd in the Late Roman Republic* (1998)

Mitchell, T., *Cicero: The Ascending Years* (1979)

Mitchell, T., *Cicero the Senior Statesman* (1991)

Morillo Cerdán, A., 'The Augustean Spanish Experience: The origin of the *limes* system?', in A. Morillo, N. Hanel & E. Martin, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius* 13. Vol. 1 (2009), p. 239–251

Morrison, J. & Coates, J., *Greek and Roman Oared Warships* (1996)

Mouritsen, H., *Plebs and Politics in the Late Roman Republic* (2001)

Murdoch, A., *Rome's Greatest Defeat. Massacre in the Teutoburg Forest* (2006)

Nicolet, C., 'Augustus, Government, and the Propertied Classes', in Millar & Segal (1990), p. 89–128

North, J., 'Caesar at the Lupercalia', *JRS* 98 (2008), p. 144–160

Oorthuys, J. (ed.), *The Varian Disaster: The Battle of the Teutoburg Forest. Ancient Warfare* Special Issue (2009)

Osgood, J., *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006)

Paget, R., 'The ancient ports of Cumae', *JRS* 58 (1968), p. 152–169

Paget, R., 'The Naval Battle of Cumae in 38 bc', *Latomus* 29 (1970), p. 363–369

Parker, H., *The Roman Legions* (1957)

Patterson, J., 'The City of Rome Revisited: From Mid-Republic to Mid-Empire', *JRS* 100 (2010), p. 210–232

Pelling, C., *Plutarch: Life of Antony* (1988)

Pelling, C., *Plutarch and History* (2002)

Pitassi, M., *The Navies of Rome* (2009)

Platner, S. & Ashby, T., *A Topographical Dictionary of Ancient Rome* (1929)

Pollini, J., 'Appuleii and Some Others on the Ara Pacis', *American Journal of Archaeology* 90 (1986), p. 453–460

Potter, D., 'Emperors, their borders and their neighbours: the scope of imperial *mandata*', in Kennedy (1996), p. 49–66

Powell, A., ' "An island amid the fl ame": The Strategy and Imagery of Sextus Pompeius, 43–36 bc', in Powell & Welch (2002), p. 103–133

Powell, A. & Welch, K. (eds), *Sextus Pompeius* (2002)

Powell, A., *Virgil the Partisan: A Study in the Re-integration of Classics* (2008)

Powell, L., *Eager for Glory. The Untold Story of Drusus the Elder, Conqueror of Germany* (2011)

Price, S., *Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor* (1985)

Purcell, N., 'Livia and the Womanhood of Rome', *Proceedings of the Cambridge Philological Society* (1986), p. 78–105 = Edmondson (2009), p. 165–194

Queseda Sanz, F., '*Gladius hispaniensis*: an Archaeological View from Iberia', *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8 (1997), p. 251–270

Queseda Sanz, F., *Armas de la Antigua Iberia de Tartessos a Numancia* (2010)

Raaflaub, K. & Toher, M. (eds), *Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate* (1990)

Raafl aub, K., 'The political significance of Augustus' military reforms', in Edmondson (2009), p. 203–228

Ramsay, J., 'The Senate, Mark Antony, and Caesar's Legislative Legacy', *Classical Quarterly* 44 (1994), p. 130–145

Ramsay, J. & Licht, A., *The Comet of 44 BC and Caesar's Funeral Games* (1997)

Ramsay, J., 'Did Mark Antony Contemplate an Alliance with His Political Enemies in July 44 B.C.E.?', *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268

Ramsay, J., 'Mark Antony's Judiciary Reform and its revival under the Triumvirs', *JRS* 95 (2005), p. 20–37

Ramsay, J., 'The Proconsular Years: Politics at a Distance', in Griffin (2009), p. 37–56

Rawson, B. (ed.), *The Family in Ancient Rome* (1986)

Rawson, B. (ed.), *Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome* (1991)

Rawson, B., *Children and Childhood in Roman Italy* (2003)

Rawson, E., 'Caesar's Heritage: Hellenistic Kings and their Roman Equals', *JRS* 65 (1975), p. 148–59

Rawson, E., 'The Ciceronian Aristocracy and its properties', in Finley (ed.) (1976), p. 85–102

Rawson, E., *Intellectual Life in the Roman Republic* (1985)

Rea, J., 'Lease of a Red Cow called Thayris', *The Journal of Egyptian Archaeology* 68 (1982), p. 277–282

Reinhold, M., *Marcus Agrippa: A Biography* (1933)

Reynolds, J., *Aphrodisias and Rome* (1982)

Ribera i Lacomba, A. & Calvo Galvez, M., 'La primera evidencia arqueolygica de la destrucciyn de Valentia por Pompeyo', *Journal of Roman Archaeology* 8 (1995), p. 19–40

Rice, E., *Cleopatra* (1999)

Rice Holmes, T., *The Roman Republic.* Vols 1–3 (1923–8)

Rice Holmes, T., *The Architect of the Roman Empire*. Vol. 1 (1928)

Rich, J., *Declaring War in the Roman Republic in the Period of Transmarine Expansion* (1976)

Rich, J. & Shipley, G. (eds), *War and Society in the Roman World* (1993)

Rich, J., 'Augustus and the spolia opima', *Chiron* 26 (1996), p. 85–127

Rich, J., 'The Parthian honours', *Papers of the British School at Rome* 66 (1998), p. 71–128

Rich, J., 'Augustus, War *and* Peace', in Edmondson (2009), p. 137–164 = L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn S. Mols (eds), *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network, Impact of Empire (Roman Empire c.200 BC—AD 476)*. Netherlands Institute in Rome, 20–23 March 2002 (2003), p. 329–357

Rich, J., 'Cantabrian closure: Augustus' Spanish War and the ending of his memoirs', in Smith & Powell (2009), p. 145–172

Richardson, J., 'The triumph, the praetors and the Senate in the early second century BC', *JRS* 65 (1976), p. 50–63

Richardson, J., '*Imperium Romanum:* Empire and the Language of Power', *JRS* 81 (1991), p. 1–9

Richardson, J., *The Romans in Spain* (1996)

Richardson, J., *Augustan Rome 44 BC TO AD 14. The Restoration of the Republic and the Establishment of Empire* (2012)

Richardson, P., *Herod. King of the Jews and Friend of the Romans* (1996)

Rickman, G., *The Corn Supply of Ancient Rome* (1980)

Rihll, T., 'Lead Slingshot (*glandes*)', *JRA* 22 (2009), p. 149–69

Roddaz, J. M., *Marcus Agrippa* (1984)

Rogers, W., *Greek and Roman Naval Warfare* (1937)

Roller, D., *The Building Programme of Herod the Great* (1998)

Rose, C., 'Princes and barbarians on the Ara Pacis', *American Journal of Archaeology* 94 (1990), p. 453–467

Rosenstein, N., *Imperatores Victi* (1993)

Rost, A., 'The Battle between Romans and Germans in Kalkriese: Interpreting the Archaeological Remains from an ancient battlefield', in A. Morillo, N. Hanel & E. Martin, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius* 13. Vol. 3 (2009), p. 1339–145

Roth, J., *The Logistics of the Roman Army at War (264 BC—AD 235)* (1999)

Roymans, N., *Tribal Societies in Northern Gaul: An Anthropological Perspective. Cingula* 12 (1990)

Saddington, D., *The Development of the Roman Auxiliary Forces from Caesar to Vespasian (49 BC—AD 79)* (1982)

Saller, R., 'Anecdotes as historical evidence', *Greece and Rome* 27 (1980), p. 69–83

Salmon, E., 'The Evolution of Augustus' Principate', *Historia* 5 (1956), p. 456–478

Salway, B., 'What's in a Name? A Survey of Roman Onomastic Practice from 700 BC—AD 700', *JRS* 84 (1994), p. 124–145

Scheid, J., 'To honour the Princeps and venerate the gods. Public cult, neighbourhood cults, and imperial cult in Augustan Rome', in Edmondson (2009), p. 275–299

Scheidel, W., 'Emperors, Aristocrats, and the Grim Reaper: Towards a Demographic Profile of the Roman Elite', *Classical Quarterly* 49 (1999), p. 254–281

Schlüter, W., 'The Battle of the Teutoburg Forest: Archaeological Research at Kalkriese near Osnabrück', in J. Creighton & R. Wilson, *Roman Germany. Studies in Cultural Interaction. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series* 32 (1999), p. 125–159

Schürer, E., Vermes, G. & Millar, F., *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ.* Vol. 1 (1973)

Scott, K., 'The Political Propaganda of 44–30 bc', *Memoirs of the American Academy in Rome* 11 (1933), p. 7–49

Seager, R., *Pompey the Great. A Political Biography* (2nd edn, 2002)

Seager, R., *Tiberius* (2005)

Shatzman, I., *Senatorial Wealth and Roman Politics. Collection Latomus.* Vol. 142 (1975)

Sheppard, S., *Philippi 42 BC. The Death of the Roman Republic.* Osprey Campaign Series 199 (2008)

Sheppard, S., *Actium: Downfall of Antony and Cleopatra.* Osprey Campaign Series 211 (2009)

Sherk, R., *Roman Documents from the Greek East* (1969)

Sherwin-White, A., *Roman Foreign Policy in the East, 168 BC—AD 1* (1984)

Siani-Davies, M., 'Ptolemy XII Auletes and the Romans', *Historia* 46 (1997), p. 306–340

Sidebotham, S., 'Aelius Gallus and Arabia', *Latomus* 45 (1986), p. 590–602

Simpson, C., 'The date of the dedication of the Temple of Mars Ultor', *JRS* 67 (1977), p. 91–94

Slater, W., '*Pueri, Turba Minuta*', in *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 21 (1974), p. 133–140

Smith, C. & Powell, A. (eds), *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* (2009)

Smith, R., *Service in the Post-Marian Roman Army* (1958)

Spaul, J., *ALA2* (1994)

Spawforth, A., *Greece and the Augustan Cultural Revolution. Greek Culture in the Roman World* (2012)

Speidel, M., 'The Roman army in Judaea under the Procurators', in M. Speidel, *Roman Army Studies.* Vol. 2, Mavors (1992), p. 224–232

Stavely, E., 'The "Fasces" and "Imperium Maius"', *Historia* 12 (1963), p. 458–84

Stevenson, T., 'The Ideal Benefactor and the Father Analogy in Greek and Roman Thought', *Classical Quarterly* 42 (1992), p. 421–436

Stockton, D., 'Primus and Murena', *Historia* 14 (1965), p. 18–40

Stockton, D., *Cicero. A Political Biography* (1971)

Swan, M., 'The Consular *fasti* of 23 bc and the Conspiracy of Varro Murena', *Harvard Studies in Classical Philology* 71 (1967), p. 235–247

Syme, R., 'Notes on the legions under Augustus', *JRS* 23 (1933), p. 14–33

Syme, R., 'The Spanish War of Augustus', *American Journal of Philology* 55 (1934), p. 293–317

Syme, R., 'The Allegiance of Labienus', *JRS* 28 (1938), p. 113–125

Syme, R., *Tacitus* (2 vols, 1958)

Syme, R., 'Imperator Caesar: A Study in Imperial Nomenclature', *Historia* 7 (1958), p. 172–88 = *Roman Papers.* Vol. 1 (1979), p. 181–96

Syme, R., 'Livy and Augustus', *Harvard Studies in Classical Philology* 64 (1959), p. 27–87

Syme, R., *The Roman Revolution* (paperback edn, 1960)

Syme, R., *History in Ovid* (1978)

Syme, R., 'The conquest of North-West Spain', *Roman Papers.* Vol. 2 (1979), p. 825–854

Syme, R., 'Neglected Children on the *Ara Pacis*', *American Journal of Archaeology* 88 (1984), p. 583–589

Syme, R., *The Augustan Aristocracy* (1986)

Talbert, R., 'Augustus and the Senate', *Greece and Rome* 31 (1984), p. 55–63

Tatum, W., *The Patrician Tribune Publius Clodius Pulcher* (1999)

Taylor, L. Ross, *Party Politics in the Age of Caesar* (1949)

Taylor, L. Ross, 'The rise of Julius Caesar', *Greece and Rome* 4 (1957), p. 10–18

Taylor, L. Ross, *Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar* (1966)

Taylor, L. Ross, 'The dating of major legislation and elections in Caesar's first consulship', *Historia* 17 (1968), p. 173–193

Tchernia, A., 'Italian wine in Gaul at the end of the Republic', in P. Garnsey, K. Hopkins & C. Whittaker (eds), *Trade in the Ancient*

Economy (1983), p. 87–104

Todd, M., *Roman Britain* (3rd edn, 1999)

Todd, M., *The Early Germans* (2004)

Toher, M., 'Augustus and the Evolution of Roman Historiography', in Raafl aub & Toher (1990), p. 139–154

Torelli, M., *Typology and Structure of Roman Historical Reliefs* (1982)

Treggiari, S., *Roman Marriage* (1991)

Treggiari, S., 'Divorce Roman Style: How easy and frequent was it?' in Rawson (1991), p. 131–146

Trillmich, W. (trans. C. Nader), *Colonia Augusta Emerita, Capital of Lusitania* in Edmondson (2009), p. 427–467

Tyldesley, J., *Cleopatra. Last Queen of Egypt* (2009)

Tyrell, W., 'Labienus' departure from Caesar in January 49 BC', *Historia* 21 (1972), p. 424–440

Ullman, B., 'Cleopatra's pearls', *The Classical Journal* 52. 5 (Feb. 1957), p. 193–201

Veyne, P. (trans. B. Pearce), *Bread and Circuses* (1992)

Wallace-Hadrill, A., 'Civilis Principis: between citizen and king', *JRS* 72 (1982), p. 32–48

Wallace-Hadrill, A., 'Image and Authority in the Coinage of Augustus',

JRS 76 (1986), p. 66–87

Wallace-Hadrill, A., *Suetonius* (2nd 1995)

Wallace-Hadrill, A., 'Family inheritance in the Augustan Marriage Laws', in Edmondson (2009), p. 250–74 = *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 27 (1981), p. 58–80

Ward, A., *Marcus Crassus and the Late Roman Republic* (1977)

Wardle, D., 'Valerius Maximus on the Domus Augusta, Augustus, and Tiberius', *Classical Quarterly* 50 (2000), p. 479–493

Wardle, D., 'A perfect send-off: Suetonius and the dying art of Augustus (Suetonius Aug. 99)', *Mnemosyne* 60 (2007), p. 443–463

Watson, G., *The Roman Soldier* (1985)

Webster, G., *The Roman Invasion of Britain* (rev. edn, 1993)

Weigel, R., *Lepidus. The Tarnished Triumvir* (1992)

Weinstock, S., *Divus Julius* (1971)

Welch, K. & Powell, A. (eds), *Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments* (1998)

Welch, K., 'Sextus Pompeius and the *Res Publica* in 42–39 BC', in Powell & Welch (2002), p. 31–63

Wells, C., *The German Policy of Augustus. An Examination of the Archaeological Evidence* (1972)

Wells, C., 'What's New along the Lippe: Recent Work in North Germany', *Britannia* 29 (1998), p. 457–464

Wells, P., *The Barbarians Speak. How the Conquered Peoples Shaped the Roman Empire* (1999)

Wells, P., *The Battle that Stopped Rome* (2003)

White, L., 'Herod and the Jewish experience of Augustan rule', in Galinsky (2005), p. 361–387

White, P., *Promised Verse. Poets in the Society of Augustan Rome* (1993)

Wiedermann, T., 'The political background to Ovid's *Tristia* 2', *Classical Quarterly* 25 (1975), p. 264–271

Wilbers-Rost, S., 'The site of the Varus Battle at Kalkriese. Recent Results from Archaeological Research', in A. Morillo, N. Hanel & E. Martin, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius* 13. Vol. 3 (2009), p. 1347–1352

Williams, C., *Roman Homosexuality. Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity* (1999)

Williams, G., 'Did Maecenas "Fall from favour"? Augustan Literary Patronage', in Raafl aub & Toher (1990), p. 258–275

Wiseman, T., '*Conspicui Postes Tectaque Digna Deo*: the Public Image of aristocratic and imperial houses in the Late Republic and Early Empire', in *L'Urbs. Espace urbain et histoire* (1987), p. 393–413

Wiseman, T., 'The House of Augustus and the Lupercal', *JRA* 22 (2009), p. 527–545

Wolters, R., *Die Schlacht im Teutoburger Wald* (2008)

Woolf, G., 'Roman Peace', in Rich & Shipley (1993), p. 171–94

Yakobson, A., '*Petitio et Largitio*: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic', *JRS* 82 (1992), p. 32–52

Yavetz, Z., *Plebs and Princeps* (1969)

Yavetz, Z., *Julius Caesar and his Public Image* (1983)

Yavetz, Z., 'The *Res Gestae* and Augustus' Public Image', in Millar & Segal (1990), p. 1–36

Yavetz, Z., 'The Personality of Augustus', in Raaflaub & Toher (1990), p. 21–41

Zanker, P. (trans. A. Shapiro), *The Power of Images in the Age of Augustus* (1988)

Zink, S., 'Reconstructing the Palatine Temple of Apollo: a Case Study in early Augustan temple design', *JRA* 21 (2008), p. 47–63

Ziolkowski, J. & Putnam, J., *The Virgilian Tradition. The First Fifteen Hundred Years* (2008)

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Ampelius, *Lib. mem* = Lucius Ampellius, *Liber memorialis* (Луций Ампелий. Памятная книжица)

App. *BC* = Аппиан. Гражданские войны

App. *Bell. Hisp.* = Аппиан. Испанские войны

Broughton, *MRR* 2 = Broughton, T., & Patterson, M. (1951), *The*

Magistrates of the Roman Republic Vol. 2

Caesar, *BC* = Цезарь. Гражданские войны

Caesar, *BG* = Caesar, *The Gallic Wars*

*CAH2*IX = Crook, J., Lintott, A., & Rawson, E. (eds), *The Cambridge Ancient History* 2nd edn. Vol. IX: *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 BC*.

*CAH2*X = Bowman, A., Champlin, E., & Lintott, A. (eds), *The Cambridge Ancient History* 2nd edn Vol. X: *The Augustan Empire, 43 BC—AD 69*.

Cicero, *ad Att.* = Цицерон. Письма к Аттику

Cicero, *ad Fam.* = Цицерон. Письма к близким

Cicero, *ad Quintum Fratrem* = Цицерон. Письма к брату Квинту

Cicero, *Agr.* = Цицерон. Речи об аграрном законе

Cicero, *Cat.* = Цицерон. Речи против Катилины

Cicero, *de reg. Alex F.* = Цицерон. Фрагмент речи по поводу александрийского царя

Cicero, *Verrines* = Цицерон. Речи против Верреса

CIG = *Corpus Inscriptionum Graecarum*

CIL = *Corpus Inscriptionum Latinarum*

Comp. Nic. = Фрагменты «Истории» Николая Дамасского

De vir. ill. = Аноним. О знаменитых мужах (*de viris illustribus*)

Dio Cass. = Дион Кассий. Римская история

Galen, *Comm. In Hipp. Epid., CMG* = Kühn, C., *Galenus Medicus* (1821–33), supplemented by Diels, H. *et alii* (1918–)

Gellius, *NA* = Авл Геллий. Аттические ночи

ILLRP = Degrassi, A. (ed.) (1963–1965), *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Republicae*

ILS = Dessau, H. (1892–1916), *Incriptiones Latinae Selectae*

Ios., *AI* = Иосиф Флавий. Иудейские древности

Ios., *BI* = Иосиф Флавий. Иудейская война

JRA = *Journal of Roman Archaeology*

JRS = *Journal of Roman Studies*

Justin = Justinus, *Epitome*

Livy, *Pers.* = Тит Ливий. История Рима от основания города. Периохи

OGIS = Dittenberger, W., *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae* (1903–1905).

Plin. *NH* = Плиний Старший. Естественная история

Plin. *Epistulae* = Плиний Младший. Письма

Quintilian = Квинтилиан. Воспитание оратора

Sall. *Cat.* = Саллюстий. Заговор Катилины

Sall. *Iug.* = Саллюстий. Югуртинская война

Sall. *Hist.* = Саллюстий. История

SEG. = Roussel, P., Tod, M., Ziebarth, E. & Hondius, J.

(eds), *Supplementum Epigraphicum Graecum* (1923–)

Serv. = Сервий. Комментарий к «Энеиде»

Strabo, *Geogr.* = Страбон. География

Tacitus, *Ann.* = Тацит. Анналы

Valerius Maximus = Valerius Maximus, *Memorable Doings and Sayings*

Velleius Paterculus = Веллей Патеркул. Римская история

Примечания

1

В Древнем Риме – родословное древо. – *Прим. ред.*

2

В недавнем мини-сериале «Рим» *(*2006–2007 гг.) молодой Октавий выглядит несколько более симпатичным персонажем, хотя когда в другом сезоне его играет актер постарше, он становится холоднее и расчетливее. Его садизм очевиден, когда он говорит своей новой любовнице Ливии, что ему доставит наслаждение причинять ей боль, когда они занимаются любовью.

3

На тот момент, разумеется, Цезарь Октавиан (хотя сам себя он этим именем не называл – только Цезарем), Августом он станет только в 27 г. до н. э. (см. ниже). – *Прим. пер.*

4

Шекспир У. Юлий Цезарь. Акт IV. Сцена 1. Пер. П. Козлова.

5

Юлиан. Пир, или Цезари. 309 г. до н. э. Краткую дискуссию по этому поводу см.: K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 373.

6

Dux, dicis *(лат.)* – вождь, предводитель, полководец.

7

Полезный обзор мнений историков см.: Z. Yavetz, 'The *Res Gestae* and Augustus' public imagin F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 1–36, особ. p. 22–26, а также J. Edmondson (ed.) *Augustus* (2009), p. 14–26.

8

Правлению Августа отведено целых восемь книг. – *Прим. пер*.

9

Если быть точнее, в обоих случаях лучше говорить о первой половине, а то и второй трети II и III вв. н. э. – *Прим. пер*.

10

Дискуссии по поводу важнейших источников по данной

тематике см.: F. Millar, *A Study of Cassius Dio* (1964), A. Wallace-Hadrill, *Suetonius* (2nd edn, 1995), C. Pelling, *Plutarch and History* (2002), C. Smith & A. Powell (eds), *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* (2009), R. Syme, *Tacitus* (2 vols,1958) и R. Mellor, *Tacitus* (1993).

11

Здесь и далее Светоний цитируется в переводе М. Л. Гаспарова. – *Прим. пер*.

12

О дате рождения Августа см. Suetonius, *Augustus* 5. 1; об этой сложной картине и о рождении детей в целом см. B. Rawson, *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), *passim*, esp. p. 99–113, S. Dixon, *The Roman Mother* (1988), p. 106–108, 237–240. См. также сборник статей: B. Rawson (ed.), *Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome* (1991); о Юлии Цезаре и его избрании великим понтификом см. A. Goldsworthy, *Caesar: The Life of a Colossus* (2006), p. 124–126, и Suetonius, *Iul.* 59 – об отсутствии у него религиозного чувства; о вопросах астрологического характера в связи с датой рождения Августа и использовании им знака Козерога в дальнейшем см. T. Barton, 'Augustus and Capricorn: Astrological Polyvalency and Imperial Rhetoric', *JRS* 85 (1995), p. 33–51.

13

Сенаторы будто бы помешали тому, чтобы текст закона передали на хранение в казначейство (Suetonius, *Aug.* 94.3). – *Прим. пер*.

14

См. Suetonius, *Aug.* 94.5, где утверждается, что это предсказание сделал знаток религии и мистик Публий Нигидий Фигул. Другие истории такого рода связаны с Цицероном и Квинтом Лутацием Катулом, чтобы придать им больше правдоподобия. О вопросах хронологии дебатов вокруг заговора Катилины см. полезный обзор дискуссии у Д. Стоктона: D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 336–339, особ. 337.

15

См. об этом в целом: Rawson (2003), p. 105–112.

16

В целом о значении римских имен см. B. Salway, ‘What’s in a name? A survey of Roman onomastic practice from 700 BC—AD 700’, *JRS* 84 (1994), p. 124–145, особ. 124–131. Детальный и глубокий анализ имен Августа и соответствующей практики в целом см. R. Syme, ‘Imperator Caesar: A Study in Imperial Nomenclature’, *Historia* 7 (1958), p. 172–188 = *Roman Papers*. Vol. 1 (1979), p. 181–196.

17

Plut. *Cato Maior* 20.3. Более детальный разбор этого вопроса см. K. Bradley, ‘Wet-nursing at Rome. A Study in Social Relations’, in Rawson (1986), p. 201–229.

18

О Митридате см. P. Matyszak, *Mithridates the Great. Rome’s Indomitable Enemy* (2004); A. Mayor, *The Poison King* (2010).

19

Точнее, в 121 г. до н. э. К тому же точно не известно, был ли Гай убит или покончил с собой. – *Прим. пер*.

20

Речь идет о плебейском трибуне 91 г. до н. э. Марке Ливии Друзе, однако он так и не успел предложить законопроект о даровании прав римского гражданства италийцам, как собирался. – *Прим. пер*.

21

Публий Сульпиций, плебейский трибун 88 г. до н. э. – *Прим. пер*.

22

Их возглавлял Квинт Серторий. К ним присоединились многие участники восстания Лепида, которые отнюдь не подверглись репрессиям поголовно, как следует из текста Голдсуорти. – *Прим. пер*.

23

Имеется в виду консул 87–84 гг. до н. э. Луций Корнелий Цинна. – *Прим. пер*.

24

Это был виднейший сулланец, консул 78 г. до н. э. Квинт Лутаций Катул. – *Прим. пер*.

25

Suetonius, *Iul.* 13 (о словах Цезаря матери); также см. Plut. *Caesar* 7; Dio Cass. XXXVII. 1–3, Velleius Paterculus, II. 43. 3; в целом см. Goldsworthy (2006), p. 124–127 = (2007), p. 150–154.

26

О предках Цезаря см. Goldsworthy (2006), p. 31–34 = (2007), p. 37–41; о Катилине см. Stockton (1971), p. 73–78, 96–8, 100–107.

27

Катилина называл Цицерона инквилином, т. е. человеком, у которого нет своего дома в Риме (оратор купил его позднее). – *Прим. пер*.

28

См. T. Mitchell, *Cicero: The Ascending Years* (1979), p. 149–176, 222–225, Stockton (1971), p. 79–84.

29

Описание события в целом см. Sall, *Bell. Cat. II* 6–27, Stockton (1971), p. 105–106, Mitchell (1979), p. 226–232, T. Rice Holmes, *The Roman Republic* Vol. 1 (1928), p. 259–272; о «пришлеце» (*inquilinus civis urbis Romanam*) см. Sall. *Cat.* 31. 9; весьма примечателен также пассаж в речи Цицерона «За Мурену», в которой оратор защищал одного из победителей на выборах, обвиненного затем в подкупе избирателей.

30

Об орле Мариева легиона см. Sall. *Cat.* 59. 3.

31

Senatus consultum против Гая Гракха был принят в 121, а не 122 г. до н. э., а в 88 г. до н. э. таковой вообще в источниках не зафиксирован. – *Прим. пер*.

32

Публий Корнелий Лентул Сура был к тому же консулом 71 г. до н. э. – *Прим. пер*.

33

Автор излагает версию Цицерона, на сомнительность которой не раз указывалось в научной литературе. Не исключено, что улики как минимум частично были сфабрикованы Цицероном.

Голдсуорти может не разделять эту давно и хорошо известную версию, но обязан ее оговорить. – *Прим. пер*.

34

Речь идет о консуле 121 г. до н. э. Луции Опимии. – *Прим. пер*.

35

Cicero, *Pis*. 6 (этим сенатором был Квинт Лутаций Катул. – *Прим. пер*.).

36

Рассказ о событиях, связанных с заговором Катилины, см. Stockton (1971), p. 110–142, Mitchell (1979), p. 219–240; о роли Цезаря в дискуссии по поводу судьбы катилинариев см. M. Gelzer, *Caesar: Politician and Statesman* (1968), p. 50–52; C. Meier, *Caesar* (1996), p. 170–172; Goldsworthy (2006), p. 115–142 = (2007), p. 144–172.

37

Suetonius, *Aug*. 3, 5, Velleius Paterculus, II. 59. 1–2, Dio Cass. XLV. 1. 1, Tacitus, *Ann*. I. 9; о размерах состояния Гая Октавия см. I. Shatzman, *Senatorial Wealth and Roman Politics. Collection Latomus*. Vol. 142 (1975), p. 387, а также прим. 692 и 693, в целом – E. Rawson, 'The Ciceronian Aristocracy and its Properties', in M. I. Finley (ed.), *Studies in Roman Property* (1976), p. 85–102; в ходе раскопок в северо-восточной части Палатина был обнаружен дом аристократа, который подвергли перепланировке во II – I вв. до н. э. (сгорел в I в. н. э. во время пожара при Нероне) – возможно, он принадлежал Октавию. См. J. Patterson, 'The City of Rome Revisited: From Mid-Republic to Mid-Empire', *JRS* 100 (2010), p. 210–232, особ. p. 223, fn. 112, со ссылками на данные недавних итальянских раскопок в этом месте.

38

Досл. «с крупинкой соли» (*лат.)*, т. е. с долей скептицизма. – *Прим. пер*.

39

Suetonius, *Aug*. 2.3–3.1; App. *BC*. III. 23; имя Гая Октавия появляется на долговой табличке банкира, или тессере, и с наибольшею вероятностью ассоциируется с отцом Гая Октавия. Рассмотрение вопроса об участии сенаторов в ростовщической деятельности см. Shatzman (1975), p. 75–79.

40

Такая точка зрения господствовала в старой литературе, однако в настоящий момент ученые все чаще склоняются к мнению, что римская армия в это время по-прежнему состояла в большинстве своем из зажиточных крестьян. – *Прим. пер*.

41

Согласно Ливию (per. 98), общее число граждан по данным ценза 70–69 гг. до н. э. составило 900 тыс. чел., хотя в других источниках общая цифра на 10 тысяч выше, рассмотрение вопроса см. E. Lo Cascio, 'The Size of the Roman Population: Beloch and the Meaning of the Augustan Census Figures', *JRS* 84 (1994), p. 23–40. Общие цифры населения в Древнем мире остаются в высшей степени спорными.

42

О том, что только тот, кто в состоянии содержать армию, может считать себя богатым, см. Plut. *Crass.* 2; о богатстве Красса см. Plin. *NH.* XXXIII. 134, хотя у Плутарха эта цифра несколько ниже (Crass. 2); по этому поводу см. Schatzman, 1975, c. 375–378 (с комментарием); (1975), p. 375–378, и о Помпее, p. 389–93. В целом о карьере каждого из них см. A. Ward, *Marcus Crassus and the Late Roman Republic* (1977), P. Greenhalgh, *Pompey: The Roman Alexander* (1980) и R. Seager, *Pompey the Great. A Political Biography* (2nd edn, 2002).

43

О способах использования Крассом денег см. Plut. *Crass.* 2–3; о сенаторах, которые брали у него в долг, см. Sall. *Cat.* 48.5–6; о публиканах в целом см. E. Badian, *Publicans and Sinners* (1972).

44

См. R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 112; о родстве с Помпеем см. Suetonius, *Augustus* 4.1.

45

Его возраст можно предполагать исходя из того, что он был квестором в 73 г. до н. э. – в том же году, что и Гай Тораний, с которым он был эдилом, см. *ILS* 47. Но если Тораний потерпел поражение от Спартака (Sall. *Hist.* III. 46M, Flor. 2. 8. 5), то его карьера могла таким образом замедлиться, а потому позднее они оказались коллегами. Данные источников собраны у Т. Броутона: Broughton, *MRR 2*, p. 110.

46

О карьере Гая Октавия см. *ILS* 47; о числе легионов в то время см. P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971), p. 446–472, наименьшее их количество (80 г. до н. э.) оценивается в четырнадцать, наибольшее – в тридцать девять (71–70 гг. до н. э.).

47

О квестуре см. Lintott (1999), p. 133–137, о датировке см. прим. 40; о Торании и Спартаке см. Sall. *Hist.* III. 46M, Florus 2. 8. 5.

48

Имеется в виду, что она не была обязательна для тех, кто хотел позднее избираться консулом. – *Прим. пер*.

49

См. Lintott (1999), p. 129–133.

50

См. недавний блестящий обзор ранней карьеры Цезаря: E. Gruen, ‘Caesar as a politician’, in M. Griffin (ed.), *A Companion to Julius Caesar* (2009), p. 23–36, также см. L. Taylor, ‘The Rise of Julius Caesar’, *Greece and Rome* 4 (1957), p. 10–18, Gelzer (1968), p. 22, в целом см. Goldsworthy (2006), p. 82–151 = (2007), p. 61–183, R. Billows, *Julius Caesar. The Colossus of Rome* (2009), p. 56–110, где подчеркивается последовательное отстаивание Цезарем дела народа. О *corona civica* см. Gell. *NA*. 5. 6. 13–14, Plin. *NH*. XVI. 12–13, дискуссию по этому поводу см. V. Maxfield. *The Military Decorations of the Roman Army* (1981), p. 70–74, 119–20.

51

О кандидатах и процессе выборов в целом см. L. Taylor, *Party Politics in the Age of Caesar* (1949), особ. см. p. 50–75, и *Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar* (1966), особ. см. p. 78–106, A. Lintott, ‘Electoral Bribery in the Roman Republic’, *JRS* 80 (1990), p. 1–16, F. Millar, *The Crowd in the Late Roman Republic* (1998), H. Mouritsen, *Plebs and Politics in the Late Roman Republic* (2001), особ. см. p. 63–89, A. Yakobson, ‘*Petitio et Largitio*: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic’, *JRS* 8 (1992), p. 32–52.

52

Q. Cicero, *Comment. Pet.* 35. Существует общее согласие по

поводу того, что автором данного сочинения является Квинт Цицерон. (Отнюдь, авторство Квинта Цицерона многими учеными ныне оспаривается. – *Прим. пер*.) Написал он довольно много, хотя мало что из этого сохранилось. Во время участия в галльских походах Юлия Цезаря он писал брату, что сочинил четыре трагедии всего за шестнадцать дней: Cicero, *Ad Quintum Fratrem* 3. 5/6. 8.

53

См. Plut. *Cato the Younger* 8. 2; см. Q. Cicero, *Handbook on Electioneering* 41–42 о важности того, чтобы кандидат знал имена, а если и пользовался подсказками, чтобы это выглядело естественно.

54

Речь идет о процессе Гая Рабирия, обвинявшегося, помимо прочего, в убийстве плебейского трибуна Луция Апулея Сатурнина, чья личность считалась священной и неприкосновенной. – *Прим. пер*.

55

О позиции Цезаря см. Goldsworthy (2006), p. 119–145, особенно p. 121–124 о процессе Рабирия Постума (в действительности просто Рабирий. Рабирий Постум – другое лицо, финансист, в защиту которого Цицерон также произнес речь, дошедшую до нашего времени. – *Прим. пер*.). О постоянной борьбе Цезаря за интересы народа как одной из важнейших причин его успеха см. аргументацию Р. Биллоуза: Billows (2009), p. 56–110.

56

Речь идет о легате Марке Петрее, одном из видных помощников Помпея. – *Прим. пер*.

57

О карьере Помпея в целом см. A. Goldsworthy, *In the Name of Rome* (2004), p. 152–80, более подробно см. Seager (2002), p. 20–38; о его прозвище сообщается у Валерия Максима (VI. 2. 8).

58

В действительности никакого покаяния Цезарь не приносил, он лишь уговорил разойтись толпу, которая готова была применить силу, чтобы не дать сенату лишить его преторской власти. – *Прим. пер*.

59

Suetonius, *Iul.* 15, Dio Cass. XXXVII. 43. 1–4; Plut. *Cato Minor* 26. 1–29. 2.

60

Q. Cicero, *Comment. pet.* 45, 47–48 (пер. В. О. Горенштейна, в некоторых случаях с уточнениями).

61

Этот вопрос хорошо рассмотрен у Р. Биллоуза: Billows (2009), p. 104–105.

62

По этому вопросу см. L. Ross Taylor, *Roman Voting Assemblies* (1966), p. 84–106.

63

Velleius Paterculus, II. 59. 2 (о том, что Гай Октавий шел первым в списке избирателей), также см. E. Gruen, *The Last Generation of the Roman Republic* (1974), p. 118–119.

64

У А. Голдсуорти ошибочно дана ссылка на I. 21. В переводе В. О. Горенштейна, в котором письма Цицерона цитируются и далее, речь идет о консуле 75 г. до н. э. Гнее Октавии. – *Прим. пер*.

65

Сам по себе уход в добровольное изгнание еще не означал отказа от гражданских прав. – *Прим. пер*.

66

Suetonius, *Iul.* 11, Dio Cass. XXXVII. 10. 1–3; Plutarch *Cato the Younger* 17. 4–5.

67

Подразумевается наместник Сицилии в 73–71 гг. до н. э. Гай Веррес. – *Прим. пер*.

68

См. Catull. 10; Cicero, *Verrines* I. 40.

69

По поводу историчности этого закона в науке высказывались обоснованные сомнения. – *Прим. пер*.

70

Suetonius, *Augustus* 3. 2, 94. 5, Velleius Paterculus, II. 59. 2, *ILS* 47; о требовании уничтожить в битве 5000 неприятелей см. Val. Max. II. 8. 1, дискуссию по этому поводу см. J. Richardson, 'The Triumph, the Praetors and the Senate in the Early Second Century BC', *JRS* 65 (1976), p. 50–63, особ. 61–62.

71

Tacitus *Ann.* 1. 9, Cicero, *Philippicae* III. 15; Gruen (1974), p. 143, fn. 96.

72

Письмо Целия в составе переписки Цицерона (*ad fam.* VIII. 8. 9).

73

Suetonius, *Aug.* 8. 1, 27. 1; Nic. Dam. *Vita Aug.* 2; App. *BC.* IV. 12.

74

Nicolaus Damascus *Vita Aug.* 3; R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 127–128; 'Neglected children on the *Ara Pacis*', *American Journal of Archaeology* 88 (1984), p. 583–589, 586, fn. 17.

75

Cicero, *Or.* 120 (пер. И. П. Стрельниковой).

76

О *paedogogus* Октавия Dio Cass. LVIII. 33. 1 (правильно – XLVIII. 33. 1. — *Прим. пер*.): упоминание о том, что Сфер в 40 г. до н. э. удостоился общественных похорон за счет воспитанника; о детстве у римлян в целом см. B. Rawson (ed.), *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), особ. p. 99–113; о римском воспитании см. H. Marrou, *A History of Education in Antiquity* (1956), p. 229–291, A. Gwynn, *Roman Education* (1926), особ. 1–32; Cicero, *De re publica* IV. 3; «древний и богатый всаднический род»: Suetonius, *Aug.* 2. 3.

77

Это выражение приводит Аппиан: *BC* II. 9.

78

Обсуждение этого вопроса см. R. Seager, *Pompey the Great. A Political Biography* (2002), p. 72–79; T. Wiseman in *CAH2,* IX, p. 358–367.

79

Seager (2002), p. 79–82, M. Gelzer (trans. P. Needham), *Caesar* (1968), p. 65–68; что касается жалованья воинов, то стоит заметить, что Юлий Цезарь смог удвоить им плату, но они отнюдь не стали богатыми: Suetonius, *Iul.* 26, более подробно о римской армии того времени см. R. Smith, *Service in the Post-Marian Roman Army* (1958).

80

Луций Афраний, консул 60 г. до н. э. – *Прим. пер*.

81

О проконсульстве Цезаря в Дальней Испании в целом см. Gelzer (1968), p. 61–70, A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 148–159 = (2007), p. 179–195, Gruen, 'Caesar as a Politician', in M. Griffin (ed.), *A Companion to Julius Caesar* (2009), p. 23–36, особ. 29–31; о методе обструкции, примененном Катоном, см. App. *BC* II. 8, Dio Cass. XXXVII. 54. 1–2, Suetonius, *Iul.* 18. 2; Plut. *Cato the Younger* 31. 2–3, *Caesar* 13. 1.

82

См. Syme (1960), p. 34–35.

83

О консульстве Юлия Цезаря в целом см. L. Ross Taylor, 'The Dating of Major Legislation and Elections in Caesar's First Consulship', *Historia* 17 (1968), p. 173–193, Gruen (2009), p. 31–35, Gelzer (1968), p. 71–101, C. Meier (trans. D. McLintock), *Caesar* (1996), p. 204–223, Goldsworthy (2006), p. 161–181 = (2007), p. 196–220, R. Billows, *Julius Caesar. The Colossus of Rome* (2009), p. 111–129, Seager (2002), p. 86–100; об аресте Катона см. Dio Cass. XXXVIII. 2. 1–3. 3. Suetonius, *Julius Caesar* 20. 4; Plut. *Cato the Younger* 33. 1–2 предлагают несколько различающиеся версии случившегося, явно относя арест Катона к другому эпизоду, а не к обсуждению земельного закона.

84

Точное название – вигинтивиры, т. е. члены комиссии двадцати. – *Прим. пер*.

85

Об Атии Бальбе как об одном из комиссии двадцати говорится у Светония (*Aug.* 1).

86

О схватках на Форуме см. Dio Cass. 38. 6. 4–7. 2, App. BC. II. 11, Plut. *Cato the Younger* 32. 2–6; Suetonius, *Iul.* 20. 1; о попытках Бибула воспрепятствовать принятию законов см. Suetonius, *Julius Caesar* 20. 2; Dio Cass. XXXVIII. 8. 2 с комментариями Л. Р. Тэйлор: Taylor (1968), p. 177–179.

87

Suetonius, *Iul.* 21; 50. 1–2; Plut. *Pomp.* 47–48, *Caesar* 14; Dio Cass. XXXVIII. 9. 1; о Цезаре как «муже всех жен и жене всех мужей» см. Suetonius, *Iul.* 52. 3.

88

Плебейский трибун 59 г. до н. э. Публий Ватиний. – *Прим. пер*.

89

Рассмотрение закона Ватиния (*lex Vatinia*) о даровании Цезарю командования см.: Taylor (1968), p. 182–188.

90

Римляне называли фамильное имя когномен, родовое (в данном случае Клавдий) – номен. – *Прим. пер*.

91

О Клавдии во время Первой Пунической войны: Suetonius, *Tib.* 2–3, Cicero, *de natura deorum* II. 7. О Клодии в целом см. W. Tatum, *The Patrician Tribune Publius Clodius Pulcher* (1999) *passim*, о скандале на празднике *Bona Dea* и начавшейся с этого времени вражды с Цицероном см. J. Balsdon, ‘Fabula Clodiana’, *Historia* 15 (1966), p. 65–73; по вопросу о позициях этой фамилии в I в. до н. э. см. E. Gruen, *The Last Generation of the Roman Republic* (1974), p. 97–100.

92

Dio Cass. XXXVIII. 12. 1–3, Cicero, *De domo* 41, *ad Att.* 8. 3, Suetonius, *Iul.* 20. 4, Plut. *Caesar* 14; см. также Gelzer (1968), p. 76–78, Seager (2002), p. 91–99.

93

Добротный обзор политики тех лет см. J. Ramsay, ‘The Proconsular Years: Politics at a Distance’, in Griffin (2009), p. 37–56; Wiseman in *CAH2*IX, p. 366–381, 385–408.

94

Никакими источниками подобное утверждение не подкрепляется. Наместник не мог лишь возвращаться в Рим до срока, ибо тогда должен был сложить полномочия. Проконсул Дальней Испании Метелл Пий, например, зиму 75/74 г. до н. э. провел в Цизальпинской Галлии. – *Прим. пер*.

95

О «конференции в Луке» и укреплении союза между Помпеем, Крассом и Юлием Цезарем см. Suetonius, *Iul.* 24. 1; App. *BC*. II. 17; Plut. *Pompey* 50, *Caesar* 21, *Crassus* 14; также см. Gelzer (1968), p. 120–124; Seager (2002), p. 110–119; Meier (1996), p. 270–273; A. Ward, *Marcus Crassus and the Late Roman Republic* (1977), p. 262–288.

96

Плебейский трибун 55 г. до н. э. Гай Атей Капитон. – *Прим. пер*.

97

О выкидыше у Юлии см. Plut. *Pompey* 53; об отъезде Красса из города см. Cicero, *ad Att.* 4. 13, Plut. *Crassus* 16.

98

Юлия умерла во второй половине 54 г. до н. э. – *Прим. пер*.

99

Suetonius, *Iul*. 27. 1; главными источниками о битве при Каррах и гибели Красса являются Плутарх и Дион Кассий: Plut. *Crassus* 17–33, Dio Cass. XL. 12–30.

100

Консулами стали Марк Валерий Мессала и Гней Домиций Кальвин. – *Прим. пер*.

101

О Клодии и Милоне см. Gelzer (1968), p. 145–152; Meier (1996), p. 297–301; Seager (2002), p. 126–135.

102

О Помпее как консуле без коллеги см. Plut. *Pompey* 54, *Cato* 47, Dio Cass. XL. 50. 4, App. *BC*. II. 23; о новом статусе Помпея и его новом браке см. Syme (1960), p. 36–40, о Корнелии см. Plut. *Pompey* 55.

103

Речь идет о племенах гельветов. Насколько они угрожали римским владениям и союзникам, вопрос спорный. – *Прим. пер*.

104

Более подробный рассказ о кампаниях Юлия Цезаря в Галлии см. Goldsworthy (2006), p. 184–356 = (2007), p. 222–431; о «Записках о галльской войне» Цезаря см. сборник статей: K. Welch & A. Powell (eds), *Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments* (1998).

105

Cicero, *ad Fam.* VIII. 8. 9; о сползании к гражданской войне см. Gelzer (1968), p. 169–194, Seager (2002), p. 138–151, Wiseman in *CAH2*IX, p. 414–423, Goldsworthy (2006), p. 358–379 = (2007), p. 434–460.

106

Этим трибуном был Гай Скрибоний Курион. – *Прим. пер*.

107

App. *BC* II. 28, несколько иную версию см. у Плутарха: *Pompey* 58, ср. Dio Cass. 60. 64. 1–4.

108

Декрет сената о защите республики (специальное постановление сената, наделявшее магистратов чрезвычайными полномочиями). – *Прим. ред.*

109

Квинт Кассий Лонгин. – *Прим. пер*.

110

Претор 49 г. до н. э. Марк Фавоний. – *Прим. пер*.

111

О том, как Помпей обещал топнуть ногой, см. Plut. *Pompey* 57, 60; «Сулла смог» – см. Cicero, *ad Att.* IX. 10. 3; изложение и анализ

этих кампаний см. A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 380–471 = (2007), p. 461–574.

112

Cicero, *ad Att.* IX. 7C. 1 (пер. В. О. Горенштейна).

113

Об этих кампаниях см. Goldsworthy (2006), p. 380–431 = (2007), p. 461–524.

114

Фарнак, сын Митридата VI, был разгромлен Цезарем в битве при Зеле в августе 47 г. до н. э. – *Прим. пер*.

115

О поведении римских командующих см. N. Rosenstein, *Imperatores Victi* (1993), p. 114–151; более подробно о смерти Помпея и пребывании Юлия Цезаря в Египте см. A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 167–181.

116

Suetonius, *Augustus* 8. 1, Nic. Dam. *Vita Aug.* 3; о похоронах аристократов см. знаменитый рассказ Полибия: VI. 53. 1–54. 6.

117

Tacitus *Dial.* 28. 4–7 (пер. А. С. Бобовича).

118

Nic. Dam. *Vita Aug.* 4; О виллах Филиппа упоминает Цицерон: *ad Att.* 12. 16, 12. 18, 14. 11; о нейтралитете Марцелла см. R. Syme. *The Roman Revolution* (1960), p. 62.

119

Suetonius, *Augustus* 8. 1; 94. 10; Dio Cass. XLV. 1. 5–6; Nic. Dam. *Vita Aug.* 4; о церемонии, связанной с надеванием *toga virilis* см. B. Rawson, *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), p. 142–144, о жертвоприношении Ювентуте см. у Дионисия Галикарнасского (IV. 15. 5).

120

Имеется в виду консул 54 г. до н. э. Луций Домиций Агенобарб. – *Прим. пер*.

121

О выборах понтифика см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 4, Cicero, *Philippicae* V. 17. 46, Velleius Paterculus, II. 59. 3.

122

Sall. *Cat.* 25. Пер. В. О. Горенштейна.

123

О внешности Юлия Цезаря см. Suetonius, *Iul.* 45. 1, о глазах Октавия см. Suetonius, *Augustus* 79. 2. О сексуальных нравах и Октавии см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 5, 15; литература о сексе в античном Риме необозрима, все время пополняется и слишком часто является отражением современных воззрений, полезное введение в вопрос см. P. Grimal (trans. A. Train), *Love in Ancient Rome* (1986); об Антонии и Кифериде см. Cicero, *ad Att.* X. 10, *Philippicae* II. 58, *ad fam.* IX. 26. Serv. On E 10; *de vir. ill.* 82. 2, Plut. *Ant.* 6, 9. Отвращение к ней Цицерона находит публичное выражение в «филиппиках»: 2. 58, 69, 77; в целом см. Grimal (1986), p. 222–237; об идентификации Лесбии с одной из сестер Клодия см. у Апулея: *Apologia.* 10.

124

См. в целом: E. Rawson, 'Civil War and dictatorship' in *CAH2*IX, p. 438–467; Syme (1960), p. 61–96 о «партии» Цезаря и его новых сенаторах.

125

Ограда на Форуме или на Марсовом поле для предвыборных собраний. – *Прим. ред.*

126

Cicero, *ad Att.* IV. 16. 3, 8, 17. 7, Suetonius, *Iul.* 26. 2, Plin. *NH.* XXXVI. 103, а также Rawson in *CAH2*IX, p. 453–454.

127

Suetonius, *Iul.* 44. 2; Plin. *NH.* XVIII. 211; Plut. *Caesar* 59; Macr. *Saturnalia* I. 14. 2–3; T. Rice Holmes, *The Roman Republic.* Vol. III (1923), p. 285–287; Gelzer (1968), p. 289; Z. Yavetz, *Julius Caesar and his Public Image* (1983), p. 111–114.

128

О триумфах Цезаря см. Dio Cass. XLIII. 19. 1–21. 4, 42. 3, 44. 1–3; App. *BC.* II. 101–102, Plut. *Caesar* 55; Suetonius, *Iul.* 37; Plin. *NH.* VII. 92; Cicero, *Philippicae* XIV. 23; комментарии по этому поводу см. M. Gelzer, *Caesar* (1968), p. 284–286, Holmes (1923), p.

279–281, в целом см. S. Weinstock, *Divus Julius* (1971), особ. p. 76–77.

129

Замечание Юлия Цезаря о том, что он вознаградит и разбойника, если тот будет предан ему, см. Suetonius, *Augustus* 72; в целом см. Goldsworthy (2010), p. 183–190 о долгах и наградах его сторонникам.

130

Suetonius, *Augustus* 8. 1, 41. 1, Nic. Dam. *Vita Aug.* 6–15, Dio Cass. XLIII. 47. 3, Tacitus, *Ann.* 11. 25. 2, см. также замечания Р. Биллоуза (R. Billows, *Julius Caesar: The Colossus of Rome* (2009), p. 256–258) о его отношении к Октавию и своим племянникам.

131

В сущности, Сулла был диктатором всего год с небольшим, с ноября 82 по декабрь 81 г. до н. э., в 80 г. он уже стал консулом. – *Прим. пер.*

132

В том, что Цезарь страдал этой болезнью, позволительно усомниться, поскольку словоохотливый Цицерон ни разу не упоминает об этом. – *Прим. пер.*

133

Кресло без спинки с Х-образными загнутыми ножками. В Древнем Риме могло принадлежать только высшим магистратам. Юлий Цезарь был первым человеком, получившим золотое курульное кресло. – *Прим. ред.*

134

Рассмотрение вопроса о планах Цезаря см. E. Rawson, ‘Caesar’s Heritage: Hellenistic Kings and their Roman Equals’, *JRS* 65 (1975), p. 148–159, R. Carson, ‘Caesar and the monarchy’, *Greece & Rome* 4 (1957), p. 46–53, J. Collins, ‘Caesar and the corruption of power’, *Historia* 4 (1957), p. 445–465.

135

Плебейские трибуны 44 г. до н. э. Луций Цезетий Флав и Гай Эпидий Марулл. – *Прим. пер.*

136

О фразе «Не царь, но Цезарь» см. Suetonius, *Iul.* 79. 2;

о празднике Луперкалий в 44 г. до н. э. см. Dio Cass. XLIV. 11. 1–3, App. *BC*. II. 109, Plut. *Caesar* 61, *Ant.* 12, Cicero, *Philippicae* II. 84–87, *de divinatione* 1. 52, 119, Suetonius, *Iul.* 79. 2–3, рассмотрение этих событий с современной точки зрения см. J. North, 'Caesar at the Lupercalia', *JRS* 98 (2008), p. 144–160, где резонно доказывается, что Юлий Цезарь не мог проводить это мероприятие в надежде стать царем, а отказ от короны был запланирован изначально; также см. Weinstock (1971), p. 318–341.

137

Квинт Фабий Максим. Его коллегой был Гай Требоний. – *Прим. пер*.

138

Консулом в последний день года стал Гай Каниний Ребил. – *Прим. пер*.

139

Suetonius, *Iul.* 41. 2, 76. 2, 80. 3, Dio Cass. XLIII. 46. 2–4, Plut. *Caesar* 58, Plin. *NH.* VII. 181, Cicero, *ad Fam.* VII. 30. 1–2, Gelzer (1968), p. 309, 310–311, Holmes (1923), p. 328–330.

140

Suetonius, *Iul.* 77; о неожиданной благодарности Цицерону от провинциалов см. Cicero, *ad Fam.* IX. 15. 4; о поведении во время игр см.: Suetonius, *Augustus* 45. 1.

141

Лектика – носилки для знатных особ в Древней Греции и Риме. – *Прим. ред.*

142

«Я прожил достаточно долго», Cicero, *pro Marcello* 8, 25; «он ненавидит меня»: Cicero, *ad Att.* XIV. 1. 2.

143

О заговорщиках в целом см. Gelzer (1968), p. 323–9, Syme (1960), p. 44–45, 56–60, 64, 95, A. Lintott, 'The Assassination', in Griffin (2009), p. 72–82, источники – Suetonius, *Iul.* 83. 2, Dio Cass. XLIII. 47. 3, 44. 11. 4–14. 4; App. *BC*. II. 111–114, 3. 98; Plut. *Ant.* 13, *Brutus* 6–13; *Caesar* 62; Suetonius, *Iul.* 80. 1, 3–4; Velleius Paterculus, II. 58. 1–4; О самоубийстве Катона Младшего см. Dio Cass. XLIII. 10. 1–13. 4, App. *BC*. II. 98–99, Plut. *Cato Min.* 56. 4, 59. 1–73. 1.

144

Имеется в виду сын Помпея Великого. – *Прим. пер*.

145

Цит. по: Cicero, *ad Fam.* XV. 19. 4; о сочинениях, где восхвалялся Катон Младший, и «Антикатоне» Цезаря см. Cicero, *ad Att.* XII. 21. 1, XIII. 40. 1; 46; 51. 1, *Orator* 10, 35, Plut. *Cato Min.* 11. 1–4, 25. 1–5, 73. 4, *Cicero* 39. 2, *Caesar* 3. 2, Suetonius, *Iul.* 56. 5; из современной историографии – Gelzer (1968), p. 301–304; Holmes (1923), p. 311; D. Stockton, *Cicero* (1971), p. 138; о том, что сенаторы поклялись защищать Юлия Цезаря, см. Suetonius, *Iul.* 84. 2; заговорщики не связывали друг друга клятвой, Plut. *Brutus* 12, в отличие от катилинариев: Sall. *Cat.* 22. 1–2.

146

Гай (?) Сервилий Каска. – *Прим. пер*.

147

Стиль, стилус, стилос – заостренный металлический стержень для письма. – *Прим. ред.*

148

‘Об убийстве Цезаря см. Plut. *Caesar* 66; *Brutus* 17; *Ant.* 13, Dio Cass.44. 19. 1–5; App. *BC*. II. 117, Suetonius, *Iul.* 82. 1–3.

149

Матия цитирует Цицерон в письме к Аттику (XIV. 1. 1).

150

‘Suetonius, *Augustus* 9. 2, App. *BC*. III. 9; Velleius Paterculus, II. 59. 4; Dio Cass. XLV. 3. 1; Николай Дамасский (*Vita Aug.* 16) пишет о пребывании Октавия в Аполлонии; примеры поездок в страны эллинистического мира для обучения риторике являют собой путешествия Цицерона и Юлия Цезаря, см. Cicero, *Brutus* 316; Suetonius, *Iul.* 4. 2; Plut. *Caesar* 2.

151

Аппиан (*BC*. III. 9) подчеркивает его участие в тренировках вместе с кавалеристами.

152

О Сальвидиене и Агриппе см. R. Syme, *The Roman*

Revolution (1960), p. 129, fn. 2–3.

153

О новостях про убийство Цезаря и реакции на них см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 16; комментарии современных ученых: J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 31, об ожидании легионами возможности пограбить см. ibid., p. 47. 6; Nic. Dam. *Vita Aug.* 17–18; App. *BC*. III. 10–11.

154

Nic. Dam. *Vita Aug.* 17–18; App. *BC*. III. 10–11.

155

О последствиях мартовских ид и о погребении Юлия Цезаря см. Rawson in *CAH2*IX, p. 468–470, Syme (1960), p. 97–105, Osgood (2006), p. 12–14, A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 204–214, T. Mitchell, *Cicero the Senior Statesman* (1991), p. 289–291; App. *BC*. II. 120–123, 120 – об иронии Аппиана по поводу подкупа народа при восстановлении свободы.

156

О завещании Юлия Цезаря см. Suetonius, *Julius Caesar* 83. 2, полезный обзор вопроса см. R. Billows, *Julius Caesar: The Colossus of Rome* (2009), p. 256–258, Osgood (2006), p. 31, fn. 71 со ссылками на литературу; об утверждении Цицерона, будто Юлий Цезарь не вернется из восточного похода, см. Cicero, *ad Att.* XV. 2. 3.

157

Антоний отказался от своей части отцовского имущества: Cicero, *Philippicae* II. 44 (очевидно, II. 42. — *Прим. пер.*); о власти над вольноотпущенниками см. App. *BC*. III. 94.

158

Nic. Dam. *Vita Aug.* 18; App. *BC*. III. 11–13, Suetonius, *Augustus* 9. 2; Цицерон о кампании Филиппа: Cicero, *ad Fam.* XII. 2. 2; слова Ахиллеса у Аппиана: *BC*. III. 13, цитата из «Илиады» (XVIII. 98): «О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга спасти от убийцы!» (пер. Н. И. Гнедича).

159

Стремление Октавия к господству с самого начала подчеркивается в работе: B. Levick, *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 23–24.

160

О его имени см. важную статью Р. Сайма: R. Syme, ‘Imperator Caesar: A Study in Imperial Nomenclature’, *Historia* 7 (1958), p. 172–188.

161

Nic. Dam. *Vita Aug.* 18, App. *BC*. III. 13–21, Cicero, *ad Att.* XIV. 6. 1; Osgood (2006), p. 31, fn. 73; Cicero, *ad Att.* XIV. 5. 3 (вопрос Аттику о прибытии молодого Цезаря в Рим).

162

Во время Серторианской войны 80–71 гг. до н. э. – *Прим. пер*.

163

Cicero, *ad Att.* XIV. 10. 3; о происхождении Бальба и его службе Юлию Цезарю см. Syme (1960), p. 71–73. Цицерон однажды защищал его в суде, речь *pro Balbo* («За Бальба») сохранилась; о Цицероне как свидетеле в целом см. A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), особ. p. 339–373.

164

Цитата из Цицерона: Cicero, *ad Att.* XIV. 11. 2; о добрых отношениях Марцелла с заговорщиками см. *ad Att.* XV. 12. 2; о поведении двух первых консулов см. Syme (1960), p. 114, 128. Сайм был склонен говорить о Цезарианской и Помпеянской партиях, но не представлял их как устойчивые или постоянные группы.

165

О Долабелле см. Syme (1960), p. 69, fn. 2, 97, 150–151; о его прошлом конфликте с Антонием см. Goldsworthy (2010), p. 186–191.

166

Plut. *Ant.* 4 о подражании Геркулесу и стереотипе хвастливого воина; об Антонии в целом см. Goldsworthy (2010), *passim*.

167

О роде Антониев см. Goldsworthy (2010), p. 52–65.

168

Cicero, *Philippicae* II. 44 (отказе от части отцовского состояния), 44–46 (о его молодости); в целом см. Goldsworthy

(2010), p. 81–104.

169

Cicero, *Philippicae* II. 58, *ad Att.* Ч. 10, 13, *ad Fam.* IX. 26, Serv. Ad E 10; *de vir. ill.* 82. 2. Цицерон публично выразил свое возмущение в одной из «филиппик»: II. 58, 69, 7; также см. Plut. *Ant.* 6, 9, Plin. *NH.* VIII. 55.

170

Cicero, *Phil.* II. 64–69, 72–74, 78; Plut. *Ant.* 10; Dio Cass. XLV. 28. 1–4; Плутарх (*Ant.* 10) пишет о разрыве между Цезарем и Антонием. М. Гельцер склонен рассматривать это сообщение всерьез (M. Gelzer (trans. P. Needham)), *Caesar* (1968), p. 261–262), тогда как Р. Сайм относится к нему с сомнением (Syme (1960), p. 104); о поездке в одной с Юлием Цезарем колеснице см. Plut. *Ant.* 11.

171

См. R. Weigel, *Lepidus. The Tarnished Triumvir* (1992), p. 44–51, and Syme (1960), p. 97–111; великолепный анализ позиции Антония см. у Дж. Рамсея: J. Ramsay, 'Did Mark Antony contemplate an alliance with his political enemies in July 44 B.C.E.?', *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268, хотя основное внимание сосредоточено на летних месяцах, рассматривается и его позиция в интересующее нас время.

172

Об Аматии и алтаре Цезаря см. App. *BC.* III. 2–3, 36, Cicero, *ad Att.* XIV. 15, Syme (1960), p. 99; о его попытке получить поддержку молодого Октавия см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 14.

173

J. Ramsay, 'The Senate, Mark Antony, and Caesar's Legislative Legacy', *Classical Quarterly* 44 (1994), p. 130–145. Дж. Рамсей не без основания проявляет осторожность, говоря об оценках Цицерона в целом, и проводит блестящий анализ некоторых особенно спорных мер и контекста, в котором они осуществлялись. Детали не могут изменить главного – одобрение таких законов и пожалований было чрезвычайно выгодно для Антония, независимо от того, являлись они действительно решениями диктатора или нет.

174

Территория нынешней Центральной, Северной Франции

и Бельгии. Названа так из-за обычая тамошних воинов – кельтов для устрашения идти в бой со вздыбленными волосами. – *Прим. ред.*

175

App. *BC*. III. 27, 30; также см. Syme (1960), p. 115–116; P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971), p. 477–483, Osgood (2006), p. 33–34.

176

Cicero, *ad Att.* XVI. 1, 2. 3, 4. 1, 5. 1, App. *BC.* III. 24; Plut. *Brutus* 21. 2–3; цитата из: Cicero, *ad Att.* XV. 4.

177

Цицерон сообщает о своем решении предать гласности отказ Долабеллы вернуть приданое: Cicero, *ad Att.* XVI. 15. 1.

178

App. *BC*. III. 21–22, Suetonius, *Augustus* 10. 1–2, 95, Dio Cass. XLV. 3. 4–7. 2, Nic. Dam. *Vita Aug*. 28, см. также: R. Syme (1960), p. 114–117, 116, fn. 3 с цитатой из Т. Райса Холмса (T. Rice Holmes, *The Architect of the Roman Empire*. Vol. 1 (1928), p. 191), с доводами в пользу того, что *ludi Ceriales* праздновались в конце мая, а не в апреле, как обычно делалось.

179

О военной казне Юлия Цезаря: Nic. Dam. *Vita Aug*. 18.

180

App. *BC*. III. 23–4, 28, Suetonius, *Augustus* 10. 1, Dio Cass. XLV. 6. 4, Cicero, *ad Att.* XV. 2. 3; Syme (1960), p. 131; J. Ramsay, 'Did Mark Antony Contemplate an Alliance with His Political Enemies in July 44 B.C.E.?', *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268, особ. 253, fn. 3 о продолжительности празднеств и их датировке в этот период. В статье представлен полезный анализ хронологии событий летних месяцев 44 г. до н. э.

181

Suetonius, *Julius Caesar* 88, Plin. *NH*. II. 93–94; J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 40–41, детальный анализ см. J. Ramsay & A. Licht, *The Comet of 44 BC and Caesar's Funeral Games* (1997), p. 135–153.

182

О выборах в плебейские трибуны см. App. *BC*. III. 31 – наиболее подробный рассказ, где говорится, что молодой Цезарь поддерживал кандидата (Фламиния. – *Прим. пер*.), однако толпа «потребовала» объявить его трибуном, однако этому воспрепятствовал Антоний, также см. Plut. *Ant.* 16, Dio Cass. XLV. 6. 2, Suetonius, *Augustus* 10. 2; Syme (1960), p. 120; Z. Yavetz, *Plebs and Princeps* (1969), p. 73–75; комета как символ будущего величия, Plin. *NH*. II. 93.

183

По вопросу о реформе судов см. J. Ramsay, 'Mark Antony's Judiciary Reform and its revival under the Triumvirs', *JRS* 95 (2005), p. 20–37, хотя стоит обратить внимание на с. 31, где говорится о сумме в 40 000 или 50 000 сестерциев, необходимой для занесения в списки *prima classis* в *comitia centuriata*, как «ничтожно малой» по сравнению со всаднического цензом, превышавшим названный в восемь раз. Это было примерно вдвое больше того щедрого дара, который вскоре обещал Цезарь своим воинам. Это было, напомним, минимальной суммой, и не приходится сомневаться, что собственность частных лиц охватывала все состояния до всаднического ценза.

184

Cicero, *ad Fam.* XI. 28. 6–7 – о письме Матия Цицерону с объяснением того, почему он оказывает финансовую поддержку молодому Цезарю, поскольку его обязывает к этому дружба с Юлием Цезарем. App. *BC*. III. 28–30 – о примирении Антония и Цезаря и голосовании по поводу Цизальпинской Галлии; 32–40 – об их отношениях и предполагаемом заговоре, также см. Cicero, *ad Att.* XVI. 8. 1–2, *ad Fam.* XII. 3, Dio Cass. XLV. 7–3–9.5, 12. 1–6, Plut. *Ant.* 16. О статусе добровольцев на стороне Цезаря и воинов, которые присоединились к нему, см. J. Linderski, 'Aphrodisias and the *Res Gestae*: The *Genera Militiae* and the Status of Octavian', *JRS* 74 (1984), p. 74–80, где доказывается, что клятва, данная людьми Цезаря, являлась частью процедуры чрезвычайного набора, будучи не обычной воинской присягой, *sacramentum*, а *coniuratio*, там же см. о ее последствиях для данного статуса.

185

О мыслях и действиях Цицерона в этот период см. D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 292–297; Ramsay (2001), особ. см. p. 265–267.

186

Osgood (2006), p. 41–42, Stockton (1971), p. 292–293, 297–9, A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), p. 375–382; App. *BC*. III. 5 об отрядах Антония из 6000 человек; Cicero, *ad Fam.* XII. 2. 1, 3. 1, Plut. *Cicero* 43 о царивших тогда страхах.

187

App. *BC*. III. 40; Cicero, *ad Att.* XVI. 8. В этом послании, написанном 4 ноября 44 г. до н. э., сообщается, что у Цезаря было 3000 ветеранов, и упоминается о его надежде привлечь на свою сторону македонские легионы.

188

Цитата из «Илиады» (VII. 93. Пер. Н. И. Гнедича). – *Прим. пер*.

189

Беспокойство по поводу Цезаря: Cicero, *ad Att.* XVI. 14. 1, цитата из Аттика: 16. 15. 3, ср. Plut. *Cicero* 44–46; Stockton (1971), p. 295–296.

190

Плебейский трибун 44 г. до н. э. Тиберий Кануций. – *Прим. пер*.

191

Cicero, *ad Att.* XVI. 15. 3 (цитата), также см. App. *BC*. III. 41–42; Dio Cass. XLV. 12. 3–6.

192

Cicero, *Philippicae* III. 20 (утверждение о том, что Антоний собирался объявить молодого Цезаря врагом народа).

193

О неизбежном «хвосте» из купцов и их нахождении за пределами зимнего лагеря Квинта Цицерона в Галлии в 53 г. до н. э. см. Caesar, *BG*. VI. 37. 2.

194

О назначении Юлием Цезарем центурионов из закаленных в походах соединений во вновь создаваемых легионах см. Caesar, *BG*. VI. 40. 7.

195

App. *BC*. III. 31, 40–44, Dio Cass. XLV. 12. 1–13. 5, Cicero, *Philippicae* III. 4, 6, 38–39, 4. 5–6; Osgood (2006), p. 47–50; дискуссия по поводу *Legio Martia* и предполагаемого надгробного камня одного из центурионов см. L. Keppie, 'A centurion of *legio Martia* at Padova?', *Journal of Roman Military Equipment Studies* 2 (1991), p. 115–121 = L. Keppie, *Legions and Veterans: Roman Army Papers 1971–2000* (2000), p. 68–74, A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 219–221.

196

App. *BC*. III. 46, Dio Cass. XLV. 13. 5; Syme (1960), p. 126–127.

197

О нападках на Цезаря см. Cicero, *Philippicae* III. 20, App. *BC.* III. 44–46, Dio Cass. XLV. 13. 5; о легионе «Жаворонки» в ноябре см. Cicero, *ad Att.* XVI. 8, хотя возможно, что Цицерон просто хотел изобразить Антония и его сторонников как варваров и потому использовал это слово.

198

Слова Иосифа Флавия – из «Иудейской войны» (III. 5. 1); об армии этого периода в целом см. H. Parker, *The Roman Legions* (1957), p. 47–71, особ. см. p. 55–56, F. Adcock, *The Roman Art of War under the Republic* (1940), P. Brunt, *Italian Manpower, 225 BC—AD 14* (1971), P. Connolly, *Greece and Rome at War* (1981), M. Feugère (ed.), *L'équipment Militaire et L'Armement de la République, JRMES 8* (1997), E. Gabba (trans. P. J. Cuff), *The Roman Republic, the Army and the Allies* (1976), L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), Y. Le Bohec, *The Imperial Roman Army* (1994), J. Harmand, *L'armée et le soldat a Rome de 107 a 50 avant nótre ére* (Paris, 1967); см. недавнее отличное исследование более общего характера: S. James, *Rome and the Sword. How Warriors and Weapons Shaped Roman History* (2011), а также: A. Goldsworthy, *The Complete Roman Army* (2004).

199

Цитата из Цицерона, *ad Att.* XVI. 5. 3 (в действительности XVI. 15. 3. — *Прим. пер.*); Osgood (2006), p. 49; Stockton (1971), p. 299–306; мнение Квинта Цицерона о консулах: *ad Att.* XVI. 27. 2; Децим Брут в Цизальпинской Галлии: Cicero, *ad Fam.* XI. 6, 6a. 2.

200

Оба фрагмента – из третьей «филиппики» Цицерона, первый – из § 2, второй – из § 6.

201

«Мальчишка, который всем обязан своему имени»: Cicero, *Philippicae* XIII. 24; о заискивании Цезаря перед Цицероном см. Plut. *Cicero* 45–46; о тактике Цицерона см. Stockton (1971), p. 300–302, 326–328.

202

App. *BC*. III. 48, 50–51, Dio Cass. XLVI. 29. 2–6, Cicero, *ad Brutum* I. 12, *Philippicae* V. 3–4, 25, 31; Rawson in *CAH2*IX, p. 479–481.

203

Cicero, *ad Fam*. XI. 20. 1.

204

Поднять означает устранить: умершего украшали, затем поднимали на носилках. – *Прим. ред.*

205

App. *BC*. III. 27, 49; J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 50.

206

У Гая Антония был всего лишь один легион (App. *BC*. III. 79). – *Прим. пер*.

207

App. *BC*. III. 3. 63, 79; R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 171–172, 183.

208

Caesar, *BG*. VIII. *praef,* где утверждается, что Бальб побуждал его написать восьмую книгу «Записок о Галльской войне»; Osgood (2006), p. 51, fn. 133, где отмечается особое положение Седьмого и Восьмого легионов.

209

Cicero, *ad Fam.* X. 6. 3, ср. *Philippicae* XIII. 7–9, также см. A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), p. 399.

210

App. *BC*. III. 3. 50, 65; Dio Cass. XLVI. 35. 1–37. 3, в том числе и о переходе воинов вспомогательной конницы молодого Цезаря на

сторону Антония, Plin. *NH*. X. 110 (об использовании голубиной почты).

211

О двух битвах при Галльском Форуме см. Cicero, *ad Fam.* X. 30 (рассказ очевидца Сервия Сульпиция Гальбы); App. *BC*. III. 66–70, Dio Cass. XLVI. 37. 1–7, современная литература: Osgood (2006), p. 51–55; L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 115–118; A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 225–227. Аппиан обращает внимание на драматизм битвы – ветераны сражались молча, убивая, словно машины, но возможно, что это не более чем риторика самого Аппиана. Стоит учитывать, что настоящие ветераны входили в состав только преторской когорты. Рядовой же состав македонских легионов имел малый опыт воинской службы.

212

App. *BC*. III. 71–72, Dio Cass. XLVI. 38. 1–7, Cicero, *ad Fam.* XI. 13. 2, Suetonius, *Augustus* 10. 4 о поведении молодого Цезаря, акцент на отваге и молодости делает Веллей Патеркул: II. 61. 4; о вызовах на битву см. A. Goldsworthy, *The Roman Army at War 100 BC—AD 200* (1996), p. 143–145.

213

App. *BC*. III. 73–75, Plut. *Ant.* 17–18; о нехватке животных у Децима Брута см. Cicero, *ad Fam*. XI. 13. 2.

214

Сервий Сульпиций Гальба. – *Прим. пер*.

215

Cicero, *ad Brutum* I. 6. 2 – о ходивших в то время слухах, в достоверности которых Брут на самом деле сомневался, поскольку лично знал врача Пансы, Suetonius, *Augustus* 11 – о более поздних историях о причастности молодого Цезаря к смерти Гирция и Пансы; ср. Tacitus, *Ann.* 1. 10. 1, где говорится, что Пансу отравили, а Гирция убили его же люди; о командире, при Галльском Форуме, чуть не схваченном антонианцами, а затем едва не убитом своими, см. Cicero, *ad Fam.* X. 30. 3.

216

Cicero, *ad Brutum* I. 3. 4; *ad Fam.* X. 21. 4; XI. 19. 1; 21. 2, App. BC. III. 74, Dio Cass. XLVI. 40. 1; Rawson in *CAH*2IX, p. 483–485, Syme (1960), p. 176–178; D. Stockton, *Cicero. A Political*

Biography (1971), p. 318–323 – о реакции сената и последствиях битвы при Мутине; письмо Азиния Поллиона, дошедшее до нас в составе переписки Цицерона: *ad Fam.* X. 33. 1.

217

Cicero, *ad Fam.* XI. 11. 4 – цитата (в действительности XI. 10. 4. — *Прим. пер.*), *ad Fam.* XI. 19. 1 (о разочаровании Децима Брута из-за неудачных попыток поставить под свое командование Четвертый и Марсов легионы); о поведении армии Лепида см. Plut. *Ant.* 18, App. *BC*. III. 80–84, Dio Cass. XLVI. 38. 6–7; Syme (1960), p. 178–179; Brunt (1971), p. 481–484.

218

Stockton (1971), p. 319–330.

219

Cicero, *Philippicae* XIII. 22–25.

220

App. *BC*. III. 82; Cicero, *ad Brutum* I. 3. 2, 4. 3–6; *Philippicae* XIV. 15; Plut. *Cicero* 45; Stockton (1971), p. 325–328, Lintott (2008), p. 416–421; Cicero, *ad Brutum* I. 10. 3 – о родственниках молодого Цезаря, добивавшихся для него консулата.

221

App. *BC*. III. 88, Suetonius, *Augustus* 26. 1, Dio Cass. XLVI. 42. 3–43. 6; Syme (1960), p. 185, fn. 7, где выражается скептицизм по поводу некоторых деталей этой истории.

222

Квинт Галлий, претор по делам перегринов (чужеземцев). – *Прим. пер.*

223

App. *BC*. III. 88–95, Dio Cass. XLVI. 44. 1–49. 5, Velleius Paterculus II. 65. 2, *Res Gestae* 1, а также Syme (1960), p. 185–188; о легионах в этот период см. P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971), p. 481–484.

224

J. Ramsay, 'Did Mark Antony contemplate an alliance with his political enemies in July 44 B.C.E.?', *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268. Этот автор доказывает, что Антоний стремился лишь усилить свои позиции и ни в коей мере не стремился к

долговременному соглашению с заговорщиками.

225

О создании триумвирата см. Plut., *Ant.* 19–21, App. *BC*. III. 96–94; Dio Cass. XLVI. 50. 1–56. 4, а также Syme (1960), p. 188–191, Osgood (2006), p. 57–61; Rawson in *CAH2*IX, p. 485–486; Goldsworthy (2010), p. 228–231.

226

См. App. *BC*. IV. 6. Здесь говорится о том, что одни источники сообщают о двенадцати человеках, убитых сразу же, другие – о семнадцати.

227

Ростры – в Древнем Риме ораторская трибуна на Форуме. – *Прим. ред.*

228

В целом о проскрипциях см. App. *BC*. IV. 6–31, Dio Cass. XLVII. 1. 1–15. 4, Plut. *Cicero* 46, *Ant.* 19, содержательный обзор событий см. в работе: J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 62–82, и R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 190–194; об интересной дискуссии по поводу последствий проскрипций, их изображения и роли в них юного Цезаря см. A. Powell, *Virgil the Partisan: A Study in the Re-integration of Classics* (2008), p. 55–62, 68–69; как указывает этот автор, существует опасность того, что особая жестокость этих убийств может забыться из-за привычности термина «проскрипции»; о размерах войск, приведенных каждым триумвиром в Рим, см. App, *BC*. IV. 7; слова о нежелании писать против триумвиров Азинию Поллиону приписывает Макробий (*Sat.* II. 11. 1; в действительности II. 4. 21. — *Прим. пер.*).

229

App. *BC*. IV. 8–11 приводит версию документа об объявлении проскрипций, который, вполне возможно, является подлинным. О включении в проскрипции Торания см. Suetonius, *Augustus* 27. 1.

230

Plut. *Ant.* 19–20, App. *BC*. IV. 5–30, 37, Dio Cass. 57. 1. 1–14. 5, а также см. Syme (1960), p. 190–196; Osgood (2006), p. 62–82; цитата – из Plut. *Ant.* 20.5 (пер. С. П. Маркиша).

231

Homo novus *(лат.)* – новый человек, человек незнатного рода, получивший высшие магистратуры, «выскочка». – *Прим. ред.*

232

См. Plut. *Cicero* 47–48, App. *BC*. IV. 19–20; также см. Osgood (2006), p. 78, по поводу обсуждения этих событий в историографии и источников, см. D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 331–332, T. Mitchell, *Cicero. The Senior Statesman* (1991), p. 322–324, A. Everitt, *Cicero. A Turbulent Life* (2001), p. 304–310.

233

Dio Cass. XLVII. 8. 3–4, Plut. *Cicero* 48–49, *Ant.* 20, App. *BC*. IV. 19, также см. Cornelius Nepos, *Atticus* 9. 3–7; A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 245–246.

234

Suetonius, *Augustus* 27. 1–2, где делается акцент на преследовании им жертв, иначе см. Velleius Paterculus II. 66–67, где ответственность возлагается на Антония и Лепида. Также см. K. Scott, 'The Political Propaganda of 44–30 BC', *Memoirs of the American Academy in Rome* 11 (1933), p. 7–49, особ. p. 19–21, Powell (2008), p. 63–68 об отношении источников к молодому Цезарю и его изображении в них; Goldsworthy (2010), p. 246–247.

235

О коринфских вазах см. Suetonius, *Augustus* 70. 2, о том, как Антоний проскрибировал Верреса из-за его коллекции предметов искусства, см. Plin. *NH*. XXXIV. 2. 6, Scott (1933), p. 20–21; об Антонии и Фульвии см. App. *BC*. IV. 40, Dio Cass. XLVII. 7. 4–5, 8. 5.

236

App. *BC*. IV. 30 о жертвах среди детей, IV. 23–24 – история о вдовах; о роли женщин в этих событиях см. Osgood (2006), p. 74–82.

237

App. *BC*. IV. 23, также см. Osgood (2006), p. 64–65, 79; история с избиением женщины слугами Лепида сохранилась в надгробной надписи, поставленной женщине ее мужем и обычно известной под названием *Laudatio Turiae*, см. Osgood (2006), p. 67–74 (рассмотрение вопроса со ссылками на литературу).

238

Это был некто Тит Виний. – *Прим. пер*.

239

Вольноотпущеннику Филопемену, в доме которого укрывался Виний, молодой Цезарь даровал за это всадническое достоинство. – *Прим. пер*.

240

App. *BC*. IV. 31–34; Dio Cass. XLVII. 14. 2–3; также см. Osgood (2006), p. 84–88.

241

Dio Cass. XLVII. 18. 3–19; также см. S. Weinstock, *Divus Julius* (1971), p. 386–398.

242

О смерти Атии см. Suetonius, *Augustus* 61. 2, Dio Cass. XLVII. 17. 6; о более ранней помолвке и последующем браке с Клавдией см. Suetonius, *Augustus* 62. 1, Velleius Paterculus, II. 65. 2, Plut. *Ant.* 20; Клавдия была девственницей, когда они развелись, Dio Cass. XLVIII. 5. 3.

243

Рассмотрение вопроса см. R. Weigel, *Lepidus. The Tarnished Triumvir* (1992), p. 69–70, 77–79.

244

Dio Cass. XLVII. 25. 3, App. *BC*. IV. 100–101; также см. App. *BC*. V. 17, где подробно рассказывается о поведении солдат, и Cornelius Nepos, *Eumenes* 8. 2 – сравнение македонских ветеранов с современными Корнелию Непоту воинами – алчными и готовыми сражаться в гражданских войнах; о монетах Брута см. M. Crawford, *Roman Republican Coinage* (1974), p. 498–508.

245

App. *BC*. IV. 101–108, Plut. *Brutus* 37–40.

246

Очевидная ошибка – речь должна идти об 11 годах. – *Прим. пер*.

247

О вызове на битву см. A. Goldsworthy, *The Roman Army at War*

100 BC—AD 200 (1996), p. 141–145.

248

О первой битве при Филиппах см. App. *BC*. IV. 109–114, Plut. *Brutus* 40–45, Dio Cass. XLVII. 42. 1–47. 1, хорошо иллюстрированный рассказ см. в книге: S. Sheppard, *Philippi 42 BC. The Death of the Roman Republic* (2008); о потере обоза как причине упадка духа см. Caesar, *BG*. V. 33. 3–6, что контрастировало с куда лучшей дисциплиной в другом легионе: *BG* V. 43.

249

О различных версиях поведения Октавиана при Филиппах см. Plut. *Brutus* 41, *Ant.* 22, Dio Cass. XLVII. 41. 3–4, 46. 2; Velleius Paterculus II. 70. 1, Suetonius, *Augustus* 13. 1; Plin. *NH*. VII. 147, краткое рассмотрение вопроса см. Syme (1960), p. 204–205, Osgood (2006), p. 95–96, Stark (1933), p. 21–22; Powell (2008), p. 106.

250

App. *BC*. IV. BC. 125–131; Plut. *Brutus* 49–52, *Ant.* 22 (единственный источник, где дело подано так, что молодой Цезарь был болен во время второй битвы при Филиппах); Dio Cass. XLVII. 48. 1–49. 4.

251

App. *BC*. IV. 129–131, 135; Suetonius, *Augustus* 13. 1–2; Dio Cass. XLVII. 49. 2; Plut. *Brutus* 53. 3; *Ant.* 22, 92. 1; Stark (1933), p. 22–23. (Относительно игры автор излагает дело неточно: «Отцу и сыну, просившим о пощаде, [молодой Цезарь] приказал решить жребием или игрою на пальцах, кому остаться в живых, и потом смотрел, как оба они погибли – отец поддался сыну и был казнен, а сын после этого сам покончил с собой» (Suetonius, *Augustus* 13. 2. Пер. М. Л. Гаспарова). – *Прим. пер*.).

252

Более подробно о действиях Антония в последующие полтора года см. Goldsworthy (2010), p. 261–271, с особым акцентом на том, что Клеопатра оказалась под выбором как правитель-клиент.

253

App. *BC*. V. 3, 12; Dio Cass. XLVIII. 1. 2–3. 6; Weigel (1992), p. 79–80.

254

О Перузинской войне см. App. *BC*. V. 12–51, Dio Cass. XLVIII. 5. 1–14. 6; Plut. *Ant.* 30, Velleius Paterculus II. 74–76, из современных работ – E. Gabba, 'The Perusine War and Triumviral Italy', *Harvard Studies in Classical Philology* 75 (1971), p. 139–160, Syme (1960), p. 207–212, Osgood (2006), p. 152–172, C. Pelling in *CAH2*X, p. 14–17.

255

См. об этом: J. Hallett, 'Perusinae Glandes and the Changing Image of Augustus', *AJAH* 2 (1977), p. 151–171, а также: T. Rihll, 'Lead Slingshot (*glandes*)', *JRA* 22 (2009), p. 149–169, где приводятся солидные аргументы в пользу того, что эти свинцовые пули могли выстреливаться с помощью очень легких, возможно, ручных механизмов, а не пращи. Это не влияет на сам факт существования упомянутых надписей; о том, как молодого Цезаря едва не убили во время вылазки, см. Suetonius, *Augustus* 14, где сообщается, что нападение совершили отпущенные на волю гладиаторы, ср. App. *BC*. V. 33; о побеге из осажденного города, который позднее закончился трагедией, см. Propertius, *Eleg.* I. 21.

256

Об окончании осады и обращении с пленными см. App. *BC*. V. 46–49, Dio Cass. XLVIII. 14. 3–6; Suetonius, *Augustus* 15; Velleius Paterculus II. 74. 4; об истории, что город поджег кто-то из его жителей, также см. Stark (1933), p. 27–28; о человеческом жертвоприношении, совершенном Ахиллесом, см. Hom. Il. XXIII. 21–22.

257

Сын бога (лат.).

258

Verg. *Eclogae*. I. 67–72, IV. 4–12.

259

Mart. XI. 20. 3–8; K. Scott, 'The Political Propaganda of 44–30 BC', *Memoirs of the American Academy in Rome* 11 (1933), p. 7–49.

260

App. *BC*. V. 7, Dio Cass. XLIX. 32. 3 (о Глафире), о Мании см. R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 208–209; App. *BC*. V. 19.

261

App. *BC*. V. 13, особ. см. V. 15–17 о двух случаях бунта солдат

против Цезаря, второй из которых сопровождался убийством центуриона Нония; Dio Cass. XLVIII. 8. 1–10. 1; Suetonius, *Augustus* 104. 12–106. 2, где сообщается о его безграничной уверенности в собственном предназначении.

262

Suetonius, *Augustus* 62. 1, Dio Cass. XLVIII. 5. 3 о Клавдии. О Фуфии Калене см. Dio Cass. XLVIII. 20. 3; App. *BC*. V. 51, 54, 59–61.

263

App. *BC*. V. 55; Velleius Paterculus II. 76.

264

О матери Антония, Юлии, см. App. V. 52; о Лабиене Старшем R. Syme, 'The Allegiance of Labienus', *JRS* 28 (1938), p. 113–125, и W. Tyrell, 'Labienus' departure from Caesar in January 49 BC', *Historia* 21 (1972), p. 424–440; о его сыне см. Dio Cass. XLVIII. 24. 4–25. 1; о парфянском вторжении см. Dio Cass. XLVIII. 26. 5, Syme (1960), p. 223, рассмотрение этой кампании и ее контекста см. D. Kennedy, 'Parthia and Rome: eastern perspectives', in D. Kennedy (ed.), *The Roman Army in the East. Journal of Roman Archaeology Supplements* 18 (1996), p. 67–90, особ. 77–81, J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 185, 225–228.

265

Dio Cass. XLVIII. 12. 1–5, App. *BC*. V. 20–24.

266

Полное имя – Гай Цильний Меценат. – *Прим. пер*.

267

Правильнее – Кокцей Нерва. – *Прим. пер*.

268

App. *BC*. V. 56–66, Dio Cass. XLVIII. 28. 1–30. 2, также см. Syme (1960), p. 129, 216–217, 242, 253–255; Pelling in *CAH2*X, p. 17–20; о Меценате см. Syme (1960), p. 129, 341–342, 359.

269

См. критический анализ источников о Фульвии: D. Delia, 'Fulvia Reconsidered', in S. Pomperoy (ed.), *Women's History and Ancient History* (1991), p. 197–217, о ее смерти см. Plut. *Ant.* 30; App. *BC*. V. 59, Dio Cass. XLVIII. 28. 3–4.

270

О браке Антония и Октавии: Plut. *Ant.* 31, App. *BC*. V. 64; Dio Cass. XLVIII. 28. 3–31. 3, Velleius Paterculus II. 78. 1; Osgood (2006), p. 188–201; Syme (1960), p. 217–220, E. Huzar, 'Mark Antony: Marriages vs. careers', *The Classical Journal* 81 (1985/6), p. 97–111, особ. 103–111.

271

Plut. *Ant.* 57, в целом см. Osgood (2006), p. 193–200 по поводу дискуссии о четвертой эклоге Вергилия контексте событий тех лет. Высказывались другие мнения относительно идентификации ребенка, включая вариант, согласно которому речь шла о ребенке Азиния Поллиона. В христианскую эпоху мессианский тон стихотворения и время его написания (I в. до н. э.) позволили считать, что речь шла о Христе.

272

App. *BC*. V. 53; Suetonius, *Augustus* 52. 2, Dio Cass. XLVIII. 16. 3, Syme (1960), p. 213.

273

См. G. Rickman, *The Corn Supply of Ancient Rome* (1980), p. 60–61.

274

P. Garnsey, *Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World. Responses to Risk and Crisis* (1988), p. 202, 206–208.

275

См. K. Welch, 'Sextus Pompeius and the *Res Publica* in 42–39 BC', in A. Powell & K. Welch (eds), *Sextus Pompeius* (2002), p. 31–63.

276

Суждения Кассия по поводу Секста Помпея см. Cicero, *ad Fam.* XV. 19. 4.

277

Великий почтительный *(лат.)*.

278

App. *BC*. IV. 25, 36, 85, 5. 143, Dio Cass. XLVII. 12. 1–13. 1, Velleius Paterculus II. 72. 5, 77. 2, также см. Welch (2002), p. 45–46; о демонстративном сбривании Цезарем бороды Dio Cass. XLVIII.

34. 3, см. комментарии к этому: M. Flory, '*Abducta Neroni Uxor*: The historiographic tradition on the marriage of Octavian and Livia', *Transactions of the American Philological Association* 118 (1988), p. 343–359, особ. 344.

279

App. *BC*. V. 67–68; Dio Cass. XLVIII. 31. 1–6.

280

Это был вольноотпущенник Мена, о котором пойдет речь ниже. – *Прим. пер*.

281

App. *BC*. V. 69–74, Dio Cass. XLVIII. 36. 1–38. 3, Velleius Paterculus II. 77, Plut. *Ant.* 32; Syme (1960), p. 221–222, Osgood (2006), p. 205–207; Powell (2008), p. 190–191; особо см. работу: Welch (2002), p. 51–54, где доказывается, что изгнанники, возможно, принуждали Секста пойти на соглашение.

282

Летом 38 г. до н. э. Вентидий Басс наголову разгромил парфян в битве при Гиндаре, в бою погиб командовавший ими сын царя Орода Пакор. – *Прим. пер*.

283

Plut. *Ant.* 33, App. *BC*. V. 76, Dio Cass. XLVIII. 39. 2, Seneca, *Suasoriae* 1. 6; также см. M. Grant, *Cleopatra* (1972), p. 129–130; краткий рассказ о кампании Вентидия Басса см.: A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 286–288 со ссылками на античные источники.

284

См.: Dio Cass. LIV. 7. 2, Suetonius, *Tiberius* 6. 2–3, также см.: A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 10–11, 16–18.

285

Barrett (2002), p. 3–10, 15–16; о смерти ее отца см.: Dio Cass. XLVIII. 44. 1; Velleius Paterculus II. 71. 2.

286

Suetonius, *Tiberius* 6. 1–3, *Augustus* 27. 4.

287

Ulixes stolatus, Suetonius *Caius* 23; в целом см.: Flory (1988);

Barrett (2002), p. 11–14.

288

Suetonius, *Augustus* 53. 1, 69. 1–2, с позднейшими обвинениями, датируемыми предположительно временем, когда Антоний находился в Риме, см. также: Flory (1988), p. 352–353; Barrett (2002), p. 24–25 – обсуждение версии, согласно которой в истории с уводом жены из-за пиршественного стола подразумевается Ливия, хотя Клавдий Нерон был только преторием, а не консуляром.

289

По мнению М. Флори (Flory (1988), p. 345–346), «его желание отпраздновать свадьбу до рождения сына Ливии показывает, что он получил практические преимущества от этого накануне непопулярной войны. Только этим можно объяснить ту поспешность, которая, как он понимал, неизбежно приведет к скандалу в связи с еще не родившимся ребенком и прежними отношениями Цезаря с Ливией». Тем не менее невозможно обнаружить каких-либо очевидных признаков непосредственных политических выгод, и такой взгляд, вероятно, обусловлен стремлением увидеть в каждом поступке Цезаря действия расчетливого и холодного мастера политических комбинаций. Гораздо проще и правдоподобнее видеть в этом поступок возомнившего о себе юнца.

290

Barrett (2002), p. 11–26, Flory (1988), p. 348; в целом о разводе у римлян см.: S. Treggiari, *Roman Marriage* (1991), p. 435–482; 'Divorce Roman Style: How Easy and Frequent was it?' in B. Rawson (ed.), *Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome* (1991), p. 131–146; объяснения Цезаря по поводу развода со Скрибонией см.: Suetonius, *Augustus* 62. 2; Светоний (*Claudius* 1) утверждает, что Друз родился на третьем месяце брака Цезаря и Ливии, однако речь может идти лишь об обручении, а не о свадьбе.

291

Suetonius, *Augustus* 70. 1–2 (пер. М. Л. Гаспарова); о свадебном торжестве Цезаря и Ливии см.: Suetonius, *Augustus* 70. 1, Dio Cass. XLVIII. 43. 4–44. 5; также см.: Barrett (2002), p. 24–27 (этот автор ассоциирует упомянутое празднество скорее с помолвкой, нежели с женитьбой); Flory (1988) (автор склоняется в пользу того, что это была именно свадьба); о *deliciae* см.: Dio Cass. XLVIII. 44. 3; в целом см.: W. Slater, '*Pueri, Turba Minuta*', in *BICS* 21 (1974), p.

133–140.

292

Dio Cass. XLVIII. 45. 5–46. 1; App. *BC*. V. 78–80, который пишет о Менодоре, подразумевая Мену.

293

Об этой кампании см.: App. *BC*. V. 81–92; Dio Cass. XLVIII. 46. 1–48. 4; J. Morrison& J. Coates, *Greek and Roman Oared Warships* (1996), p. 149–152, M. Pitassi, *The Navies of Rome* (2009), p. 186–191, W. Rogers, *Greek and Roman Naval Warfare* (1937), p. 496–516, R. Paget, 'The Naval Battle of Cumae in 38 BC', *Latomus* 29 (1970), p. 363–369.

294

Suetonius, *Augustus* 16. 2 (о Нептуне); 70. 2 (о стихах); также см.: App. *BC*. V. 100, Dio Cass.48. 48. 6–49. 1; Powell (2002), p. 120–126, (2008), p. 97–98.

295

О неудачной попытке Октавиана встретиться с Антонием см.: App. *BC*. IV. 78–80, о встрече в 37 г. до н. э. – см.: App. *BC*. V. 93–95, Plut. *Ant.* 35; Pelling in *CAH2*X, p. 24–27; P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971), p. 502 о числе воинов, обещанных Антонию; о завершении первых пяти лет срока полномочий триумвиров см.: F. Millar, 'Triumvirate and Principate', *JRS* 63 (1973), p. 50–67, особ. 51, 53; Pelling in *CAH2* X, p. 67–68.

296

В 55 г. до н. э. Цезарь, преследуя вторгшиеся германские племена, переправился на правый берег Рейна с помощью 400-метрового моста, построенного всего за десять дней. – *Прим. ред.*

297

Об Агриппе в Галлии см.: Dio Cass. XLVIII. 49. 2–3, App. *BC*. V. 92; обсуждение в историографии см.: J. M. Roddaz, *Marcus Agrippa* (1984), p. 70–72; Pelling in *CAH2*X, p. 25, Syme (1960), p. 231.

298

App. *BC*. V. 96–122, Dio Cass. XLIX. 1. 1–16. 2, Suetonius, *Augustus* 16. 1–3, Velleius Paterculus II. 79. 1–6, Liv. *Per.* 128–129; также см.: Osgood (2006), p. 298–303, Morrison &

Coates (1996), p. 154–157, Pitassi (2009), p. 187–191, Roddaz (1984), p. 87–138, M. Reinhold, *Marcus Agrippa: A Biography* (1933), p. 29, где отмечается отсутствие у Агриппы опыта морской войны, когда он принял командование в 37 г. до н. э.; о гавани, оборудованной Агриппой, см.: R. Paget, 'The Ancient Ports of Cumae', *JRS* 58 (1968), p. 152–169, особ. 161–169; о *corona navalis* см.: V. Maxfield, *The Military Decorations of the Roman Army* (1981), p. 74–76.

299

Об этом эпизоде см.: Velleius Paterculus II. 28. 3–4, App. V. 123–126, Dio Cass. XLIX. 11. 1–12. 4, об обсуждении вопроса в современной историографии см.: R. Weigel, *Lepidus. The Tarnished Triumvir* (1992), p. 88–92.

300

Dio Cass. XLIX. 17. 1–18. 7, 50. 1. 4, App. *BC*. V. 127, 133–144, Velleius Paterculus II. 79. 5.

301

Подробное описание парфянской кампании Антония см.: A. Goldsworthy, Antony and Cleopatra (2010), p. 304–320; о потерях римской армии см.: Plut. *Ant.* 49–51, Velleius Paterculus II. 82. 3. Dio Cass. XLIX. 31. 1–3, также см.: A. Sherwin-White, *Roman Foreign Policy in the East, 168 BC—AD 1* (1984), p. 320–321. Ливий (Per. 130) утверждает, что помимо прочего 8000 человек погибло во время «бури», когда войско двигалось через Армению, но общая цифра потерь не приводится; о едва не совершившемся самоубийстве Антония см.: Plut. *Ant.* 48; современные ученые склонны к снисходительности в оценке действий Антония, см., например, R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 264: «это было поражение, но не разгром или катастрофа»; Пеллинг дает более реалистическую оценку и замечает, что Плутарх считает поражение в этом походе поворотной точкой в жизни Антония: C. Pelling, *Plutarch: Life of Antony* (1988), p. 220–224.

302

App. *BC*. V. 130–131; *Res Gestae divi Augusti* 4; см.: 25.1, где утверждается, что 30 000 рабов было возвращено их господам; об использовании рабов во флоте Октавиана см.: Suetonius, *Augustus* 16. 1, Dio Cass. XLVII. 17. 4; 48. 49. 1, 49. 1. 5, последний пассаж подразумевает, что они получили свободу в результате отпуска на волю; о почестях, вотированных Цезарю, см.: P. Zanker (trans. A. Shapiro), *The Power of Images in the Age of*

Augustus (1988), p. 40–42; B. Levick, *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 40.

303

Об этих кампаниях в целом см.: App. *Illyr.* 16–29; Dio Cass. XLIX. 34. 2–38. 1, 43. 8; E. Gruen in *CAH2*X, p. 172–174, особ. M. Kos, *Appian and Illyricum* (2005), p. 393–471.

304

Об осаде Метулы и поведении Цезаря см.: App. *Illyr.* 19–21, Suetonius, *Augustus* 20.

305

Речь идет, очевидно, о проконсуле Гнее Домиции Кальвине, который приказал забить насмерть центуриона примпила за бегство с поля боя. – *Прим. пер*. J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 325–326.

306

Dio Cass. XLVII. 15. 2–3; XLVIII. 43. 2; 43. 6–7; XLIX. 39. 1; Osgood (2006), p. 257–267.

307

Dio Cass. XLVII. 15. 2–3, 48. 43. 2, 49. 43. 6–7, 49. 39. 1, также см.: Osgood (2006), p. 257–267. Osgood (2006), p. 252–253, 326–331.

308

О политической карьере Клеопатры в целом см.: Goldsworthy (2010), M. Grant, *Cleopatra* (1972), J. Tyldesley, *Cleopatra. Last Queen of Egypt* (2009); интересный пересмотр важности ее отношений с Юлием Цезарем см.: E. Gruen, 'Cleopatra in Rome. Fact and Fantasies', in D. Braund & C. Gill (eds), *Myths, History and Culture in Republican Rome: Studies in honour of T. P. Wiseman* (2003), p. 257–274, об отношениях ее отца с римлянами см.: M. Siani-Davies, 'Ptolemy XII Auletes and the Romans', *Historia* 46 (1997), p. 306–340; упоминания Клеопатры Цицероном см.: Cicero, *ad Att.* XIV. 8, XV. 15, комментарии см.: Goldsworthy (2010), p. 234, иначе см.: Grant (1972), p. 95–97; об Арсиное см. Strabo, *Geogr.* XIV. 6. 6; также см.: P. Green, *Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age* (1990), p. 669; Goldsworthy (2010), p. 235–236; о смерти Птолемея XIV см.: Ios. Fl. *AI.* XV. 39, *Contra Ap.* 2. 58, Porphyr. *FGrH* 260.

309

О смерти Арсинои и другого потенциального соперника см.: Ios. Fl. *AI.* XV. 89, App. *BC*. V. 9, Dio Cass. XLVIII. 24. 2; о встрече на ливанской земле см.: Plut. *Ant.* 51, Dio Cass. XLIX. 31. 4.

310

Plut. *Ant.* 53–54, App. *BC*. V. 95, 138; Dio Cass. XLIX. 33. 3–4; Grant (1972), p. 150–153, Osgood (2006), p. 336, Syme (1960), p. 265.

311

Октавия продолжала действовать от имени Антония в Риме: Plut. *Ant.* 54; *tribunicia sacrosanctitas*, Dio Cass. XLIX. 15. 5–6, 38. 1, обсуждение вопроса см. у Пеллинга (*CAH2 X*, p. 68–69) и Баррета (A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 31–32); о том, как личные связи помогли смягчить последствия земельных конфискаций, см. e. g., Verg. *Ecl.* I. 40–47, Osgood (2006), p. 121–122.

312

Plut. *Ant.* 54, Dio Cass. XLIX. 40. 3–4, Velleius Paterculus II. 82. 3–4, см. комментарии современных историков: Grant (1972), p. 161–162; Pelling in *CAH2*X, p. 40. (Утверждение сомнительное: лишь у Плутарха говорится о том, что это вредило репутации Антония, но ни о какой пропаганде Октавиана по поводу «триумфа» Антония сведений нет. – *Прим. пер*.)

313

Plut. *Ant.* 54, Dio Cass. XLIX. 41. 1–6, Pelling in *CAH2*X, p. 40–41, Osgood (2006), p. 338–339, Grant (1972), p. 162–175, J. Bingen, *Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture* (2007), p. 78–79, G. Hölbl, *A History of the Ptolemaic Empire* (2001), p. 244–345; о сокрытии сообщений Антония см.: Dio Cass. XLIX. 41. 4.

314

Horat. *Epod.* IX. 11–16. Пер. Н. С. Гинцбурга.

315

Plut. *Comp. Ant. et Demetr.* 4; Grant (1972), p. 188, Pelling in *CAH2*X, p. 43. О Геркулесе и Омфале см.: Zanker (1988), p. 57–65, особ. 58–60; о волшебных зельях см.: Dio Cass. XLIX. 34. 1, Ios. Fl. *AI.* XV. 93.

316

Дискуссию о пропаганде времен войны см.: K. Scott, 'The Political Propaganda of 44–30 BC', *Memoirs of the American Academy in Rome* 11 (1933), p. 7–49, особ. 33–49, Osgood (2006), p. 335–349, Pelling in *CAH2*X, p. 40–48, и Syme (1960), p. 276–278.

317

Plut. *Ant.* 55–56; Dio Cass. XLIX. 44. 3, 50. 1. 1–2. 2.

318

Dio Cass. XLIX. 41. 4, 50. 2. 2–7; Osgood (2006), p. 252–253; об истечении полномочий триумвиров см. превосходное резюме: Pelling in *CAH2*X, p. 67–68.

319

Velleius Paterculus II. 83. 1–2, Plin. NH IX. 119–121, ср. Horat. *Sat.* II. 3. 239–242, Valerius Maximus IX. 1. 2, Plin. *NH* IX. 122; Suetonius, *Caligula* 37. 1, B. Ullman, 'Cleopatra's Pearls', *The Classical Journal* 52. 5 (Feb. 1957), p. 193–201, Osgood (2006), p. 276–280; Goldsworthy (2010), p. 337–339; цитата взята из Веллея Патеркула (II. 83. 3. Пер. А. И. Немировского).

320

Plut. *Ant.* 58; Suetonius, *Augustus* 17. 1; Dio Cass. L. 3. 1–4. 1; J. Johnson, 'The Authenticity and Validity of Antony's Will', *L' Antiquité Classique* 47 (1978), p. 494–503.

321

См.: Zanker (1988), p. 72–77.

322

Velleius Paterculus II. 86. 3 (слова Азиния Поллиона). О клятве см.: *Res Gestae Divi Augusti* 25. 2–3, Suetonius, *Augustus* 17. 2, обсуждение вопроса см.: Osgood (2006), p. 357–368; Syme (1960), p. 278, fn. 3 (утверждается, что к Антонию отправилось более 300 сенаторов, и его авторитет стал одной из главных причин того, что эта цифра часто повторяется как факт, а не как предположение.

323

Dio Cass. L. 4. 1–6. 1; Liv. I. 32 (подробный рассказ о церемонии, составленный уже после того, как Октавиан возродил ее); также см.: J. Rich, *Declaring War in the Roman Republic in the Period of Transmarine Expansion* (1976), p. 56–58, 104–107.

324

Dio Cass. L. 9. 3, Plut. *Ant.* 56; Pelling (1988), p. 259–260; *CAH2*X, p. 52, 55, M. Grant, *Cleopatra* (1972), p. 197–198; R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 294–295.

325

О кампании в целом см.: Goldsworthy (2010), p. 360–364; о сидении на мешалке см.: Plut. *Ant.* 62; также см.: Pelling (1988), p. 271–272; о бегстве от Антония к Цезарю см.: Plut. *Ant.* 59, 63; Velleius Paterculus II. 84. 2; Dio Cass. L. 13. 6, 14. 3; также см.: Osgood (2006), p. 372–373 и Syme (1960), p. 296.

326

О битве при Акции см.: Plut. *Ant.* 64–66, 68; Dio Cass. L. 14. 4–35. 6; J. Carter, *The Battle of Actium: The Rise and Triumph of Augustus Caesar* (1970), p. 203–213; S. Sheppard, *Actium: Downfall of Antony and Cleopatra.* Osprey Campaign Series 211 (2009), Osgood (2006), p. 374–375, 380–382, Grant (1972), p. 206–215; Pelling (1988), p. 278–289, Goldsworthy (2010), p. 364–369, D. Harrington, 'The Battle of Actium – a Study in Historiography', *Ancient World* 9. 1–2 (1984), p. 59–64; C. Lange, 'The Battle of Actium: A Reconsideration', *Classical Quarterly* 61. 2 (2011), p. 608–623.

327

К. Ланге доказывает, что ученые ошибаются, когда считают, что битва была легко выиграна; о капитуляции легионов Антония см.: Plut. *Ant.* 68; Dio Cass. LI. 1. 4–3. 1; Velleius Paterculus II. 85. 5–6; L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 134–136.

328

Dio Cass. LI. 3. 1–4. 8; Pelling in *CAH2*X, p. 61–62.

329

Dio Cass. LI. 6. 4–8. 7, Plut. *Ant.* 72–73; Pelling (1988), p. 297–300; об очевидной помощи Клеопатры Цезарю при его вторжении в Египет см.: Dio Cass. LI. 10. 4–5, Plut. *Ant.* 76; см.: Grant (1972), p. 222–223 – ученый сомневается в совершении предательства и считает, что дезертирство было обусловлено безвыходностью ситуации.

330

В целом см.: Goldsworthy (2010), p. 376–387, о встрече Клеопатры с Цезарем см.: Dio Cass. LI. 11. 3, 5–13, Plut. *Ant.* 82–83;

Pelling (1988), p. 313–316, Florus II. 21. 9–10; о ее смерти см.: Strabo, *Geogr.* XVII. 1. 10, Dio Cass. LI. 13. 4–14. 6; Plut. *Ant.* 84–86; Pelling (1988), p. 316–322; Velleius Paterculus II. 87. 1; см. также: Grant (1972), p. 224–228; Tyldesley (2009), p. 189–195; E. Rice, *Cleopatra* (1999), p. 86–91, P. Green, *Alexander to Actium* (1990), p. 679–682; G. Hölbl (trans. T. Saavedra), *A History of the Ptolemaic Empire* (2001), p. 248–249; об Арсиное во время триумфа Юлия Цезаря см.: Dio Cass. LIII. 19. 1–20. 4; App. *BC*. II. 101.

331

Dio Cass. LI. 15. 5–6, Plut. *Ant.* 81. Дион Кассий утверждает, что Цезарь произнес речь на греческом, однако, по-видимому, проигнорировал пользование услугами местного оратора.

332

Теперь пируем! *(лат.)*

333

Horat. *Carm.* I. 37 (пер. Г. Ф. Церетели).

334

Либурна – военное судно Древнего Рима.

335

Трещотка, использовавшаяся при священнодействиях в честь египетской богини Исиды.

336

Verg. *Aen.* VIII. 678–681, 685–688, 696, 698–699 (пер. С. В. Шервинского).

337

Хороший обзор дискуссии об этом описании битвы со ссылками на важнейшую литературу по вопросу см.: C. Lange, *Res Publica Constituta. Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment* (2009), p. 75–90, также см.: J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 370–372, 375–383.

338

Horat. *Epod.* VII. 1–10 (пер. Н. С. Гинцбурга). О распространенных настроениях в пользу разгрома Парфии и завоевания Британии см.: J. Rich, 'Augustus, War *and* Peace', in

J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 137–164, esp. 143–146 = L. de Blois, P. Erdkamp, G. de Kleijn and S. Mols (eds), *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network, Impact of Empire (Roman Empire c. 200 BC—AD 476)* (2003), p. 329–357.

339

Horat. *Epod.* XVI. 1–9 (пер. А. П. Семенова-Тян-Шанского). (Упоминаемый автором здесь и ниже призыв в XVI эподе Горация отсутствует. – *Прим. пер*.)

340

Horat. *Epod.* 1, где говорится о желании Мецената отправиться с флотом Цезаря и что поэт считал своим долгом последовать с ним несмотря на слабое здоровье, см.: Osgood (2006), p. 362–363; об участии Горация в битве при Филиппах см.: Horat. *Carmina.* II. 7, там сообщается о его бегстве с поля битвы, ср. *Epistulae* II. 2. 46–51.

341

Suetonius, *Augustus* 51. 1; ср. Velleius Paterculus II. 86. 1–3; подробное обсуждение вопроса о милосердии Августа по отношении к бывшим врагам см.: M. Dowling, *Clemency and Cruelty in the Roman World* (2006), p. 29–75. См, например, Tacitus, *Ann.* I. 1–2, 4; W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 1–16.

342

Dio Cass. LI. 19. 1–7; Lange (2009), p. 125–148 (подробное рассмотрение вопроса); Lacey (1996), p. 182–183; о стремлении к миру см.: Osgood (2006), p. 389–398.

343

Dio Cass. LI. 20. 4–5, Suetonius, *Augustus* 22, *Res Gestae Divi Augusti* 13; Lange (2009), p. 140–148; J. Crook in *CAH2*X, p. 74–75; Dio Cass. LI. 19. 7 о судебных полномочиях, которые он сравнивает с голосом Афины в Афинах, позволив ему голосовать при любом судебном разбирательстве. Возможно, он мог теперь выступать в качестве высшей апелляционной инстанции, однако детали неясны; об *augurium salutis* см.: Lacey (1996), p. 41, fn. 92.

344

Suetonius, *Augustus* 63. 1 (о рождении мертвого ребенка), в целом см.: A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 28–

34, 118–22; M. Dennison, *Empress of Rome. The Life of Livia* (2010), p. 89–96.

345

Dio Cass. LV. 7. 2–3; об Афинодоре см.: у Плутарха: *Moralia* 207C. 7.

346

Corn. Nepos, *Atticus* 20.1 (пер. Н. Н. Трухиной).

347

Об одеянии царей Альбы Лонги см.: Dio Cass. XLIII. 43. 2; S. Weinstock, *Divus Julius* (1971), p. 324; об интересе к старине в среде нобилитета в тот период см.: E. Rawson, *Intellectual Life in the Roman Republic* (1985), p. 102–103, 233–249.

348

См.: Corn. Nepos, *Atticus* 20, рассмотрение вопроса в статье: J. Rich, 'Augustus and the spolia opima', *Chiron* 26 (1996), p. 85–127, особ. 113–116.

349

Dio Cass. LI. 16. 3–17. 8; также см.: A. Bowman in *CAH2*X, p. 676–689, P. Brunt, 'The Administrators of Roman Egypt', *JRS* 65 (1975), p. 124–147; *idem*. 'Princeps and equites', *JRS* 73 (1983), p. 42–75, особ. 62–63; о Галле см.: R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 252–253, 300.

350

Dio Cass. LI. 18. 1, Suetonius, *Augustus* 18. 2.

351

Suetonius, *Augustus* 18. 1, Dio Cass. LI. 16. 5; об изображениях, в том числе того периода, когда Цезарь старался походить на Александра, см.: K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 164–179, особ. 167–168.

352

Suetonius, *Augustus* 17. 4, Plut. *Ant.* 86, Dio Cass. LI. 15. 1 о погребении Антония и Клеопатры; Dio Cass. LI. 19. 3–5 о публичном осуждении памяти Антония и уничтожении его изображений; также см.: Lange (2009), p. 136–140; историю об Александре и гордиевом узле см.: Plut. *Alex.* 18.

353

Dio Cass. LI. 18. 1–3; Syme (1960), p. 300–302; F. Millar, *The Roman Near East 31 BC—AD 337* (1993), p. 27–34.

354

Ios. Fl. *AI*. XIV. 314–316? 14. 301–312 (цит. в пер. Г. Г. Генкеля); также см.: J. Osgood, *Caesar's Legacy: Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 105–106; о храмах и культе см.: Dio Cass. LI. 20. 6–8; об имперском культе в целом см.: S. Price, *Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor* (1985); J. Scheid, 'To Honour the Princeps and Venerate the Gods. Public Cult, Neighbourhood Cults, and Imperial Cult in Augustan Rome', in Edmondson (2009), p. 275–299, особ. 288–299.

355

Suetonius, *Augustus* 41. 1; Dio Cass. LI. 21. 5.

356

Ios. Fl. *AI* XV. 161–178, 183–236; *BJ* I. 386–97, 431–444; E. Schürer, G. Vermes & F. Millar, *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ.* Vol. 1 (1973), p. 301–303; Ios. Fl. *BJ* I. 397 (об отряде телохранителей).

357

Dio Cass. LI. 18. 2–3; A. Sherwin-White, *Roman Foreign Policy in the East, 168 BC—AD 1* (1984), p. 324–341, Rich (2009), p. 143–148.

358

Dio Cass. LI. 19. 2–3, 20. 4; также см.: Lacey (1996), p. 39–41, об отказе от венков см.: Dio Cass. LI. 21. 4.

359

Историю о вороне рассказывает Макробий (Sat. II. 4. 29).

360

Strabo, *Geogr.* XII. 35 о казни одного из предводителей и его сына.

361

О триумфе см.: Dio Cass. LI. 21. 4–9, Plut. *Ant.* 86; *Res Gestae Divi Augusti* 4 о пленниках царского статуса; Lange (2009), p. 148–157, Lacey (1996), p. 41; О Марцелле и Тиберии, ехавших на пристяжных, см.: Suetonius, *Tiberius* 6. 4.

362

Сын бога *(лат.)*. – *Прим. пер*.

363

Точная формулировка варьировалась, и его могли называть и Цезарем, и Августом. Иногда говорилось о Августе Цезаре, а иногда – о Цезаре Августе.

364

Dio Cass. LI. 21. 3–4, *Res Gestae Divi Augusti* 15. Дион Кассий сообщает, что Агриппа получил в награду синее знамя. Неясно, был ли это тот же самый штандарт или еще один в дополнение к тому, что ему вручили после победы над Секстом Помпеем. См. Suetonius, *Augustus* 25. 3; о колонизации см.: P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC—AD 14* (1971), p. 332–344; также см. L. Keppie, *Colonisation and Veteran Settlement in Italy 47–14 BC* (1983), особ. p. 58–86.

365

Dio Cass. 51. 22. 1–4, Crook in *CAH2*X, p. 75–76, также см.: P. Zanker (trans. A. Shapiro), *The Power of Images in the Age of Augustus* (1988), p. 79–82.

366

Dio Cass. LIII. 1. 1–2, также см. E. Stavely, 'The "Fasces" and "Imperium Maius"', *Historia* 12 (1963), p. 458–484, особ. см. 466–468, F. Millar, 'Triumvirate and Principate', *JRS* 63 (1973), p. 50–67, особ. см. 62.

367

Римляне, в отличие от галлов, штанов не носили. – *Прим. ред.*

368

Cicero, *ad Fam.* VI. 18. 1, *Philippicae* XI. 5. 12, XIII. 13. 27; Dio Cass. XLIII. 47. 3; Suetonius, *Caesar* 76. 2–3, 80. 2; подробное рассмотрение вопроса о происхождении лиц, введенных в сенат Юлием Цезарем, см. R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 78–96; о периоде после смерти Юлия Цезаря см. J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 257–260, 283–288; о беглом рабе, разоблаченном во время пребывания в должности, см. Dio Cass. XLVIII. 34. 5.

369

В действительности избранные на 70–69 гг. до н. э. цензоры

Л. Геллий Попликола и Гн. Корнелий Лентул Клодиан перепись населения провели, именно она стала последней в истории республики. – *Прим. пер*.

370

Dio Cass. LII. 42. 1–5, Suetonius, *Augustus* 35. 1–2, *Res Gestae Divi Augusti* 8.

371

Если верить античным авторам, то Марк Фурий Камилл справил даже четыре триумфа. – *Прим. пер*.

372

В действительности пять. – *Прим. пер*.

373

Триумфы Гая Кальвизия Сабина над Испанией 26 мая, Гая Каррината над Галлией 6 июля и Луция Автрония Пета 16 августа.

374

Tacitus, *Ann.* III. 28. 2: *non mos, non ius*; о роли триумвиров в восстановлении государства в целом см.: C. Lange, *Res Publica Constituta. Actium, Apollo and the Accomplishment of the Triumviral Assignment* (2009), *passim*.

375

Dio Cass. LIII. 2. 3; также см. W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 83–86, Crook in *CAH2*X, p. 76–77; J. Liebeschuetz, 'The Settlement of 27 BC', in C. Deroux, *Studies in Latin Literature and Roman History* (2008), p. 345–365.

376

О выборах см. A. Jones, 'The elections under Augustus', *JRS* 45 (1955), p. 9–21, особ. 11; о казне см. Dio Cass. LIII. 2. 1, 3.

377

Имеется в виду только официальная черта Рима, померий, тогда как значительная часть города уже находилась за ее пределами. В частности, храм Исиды позднее был построен на Марсовом поле. – *Прим. пер*.

378

О строительной деятельности см. *Res Gestae Divi Augusti* 20, Dio Cass. LIII. 2. 4–6, также см. Lacey (1996), p. 83–84, в целом см. Zanker (1988), p. 101–136.

379

Dio Cass. LIII. 1. 3, также см.: Zanker (1988), p. 65–71, 240–254; T. Wiseman, '*Conspicui Postes Tectaque Digna Deo*: the Public Image of Aristocratic and Imperial Houses in the Late Republic and Early Empire', in *L'Urbs. Espace urbain et histoire* (1987), p. 393–413, особ. 399–407; о недавнем исследовании храма Аполлона см.: S. Zink, 'Reconstructing the Palatine Temple of Apollo: a Case Study in early Augustan Temple Design', *JRA* 21 (2008), p. 47–63.

380

Purcell in *CAH2*X, p. 787–788; Zanker (1988), p. 66–71; Velleius Paterculus II. 86. 2.

381

Dio Cass. LI. 23. 2–27. 3, Liv. *Per.* 134.

382

Dio Cass. LI. 25. 2, также см. J. Rich, 'Augustus and the spolia opima', *Chiron* 26 (1996), p. 85–127, особ. см. 95–97, в целом см. T. Barnes, 'The Victories of Augustus', *JRS* 64 (1974), p. 21–26.

383

Аусппции – (здесь) толкование воли богов, которая проявлялась в сакральных знамениях. Красс не имел права ауспиций, поэтому не мог считаться самостоятельным главнокомандующим, а подчинялся основанному на высших ауспициях приказу лица, наделенному высшей военной властью. – *Прим. ред.*

384

Liv. IX. 20. 5–7; дискуссию по поводу *spolia opima* см. H. Flower, 'The Tradition of the *spolia opima*: M. Claudius Marcellus and Augustus', *Classical Antiquity* 19 (2000), p. 34–64.

385

В действительности Лициннии Крассы были патрициями. – *Прим. пер.*

386

Об этой фамилии см. Syme (1960), p. 424, 496–497.

387

По поводу предположения о том, что Красс добивался права совершить посвящение *spolia opima* и получил отказ, см. Syme (1960), p. 308–309; *idem.* 'Livy and Augustus', *Harvard Studies in Classical Philology* 64 (1959), p. 27–87, особ. 43–47, Crook in *CAH2*X, p. 80, Lacey (1996), p. 87–88, Millar (1973), p. 62, J. Richardson, '*Imperium Romanum:* Empire and the Language of Power', *JRS* 81 (1991), p. 1–9, особ. 8; я придерживаюсь чрезвычайно убедительной аргументации Э. Бэдиана: E. Badian, ' "Crisis Theories" and the Beginning of the Principate', in W. Wirth, *Romanitas and Christianitas* (1982), p. 18–41, особ. 24–27; Rich (1996) по этому вопросу.

388

Suetonius, *Augustus* 28. 1; спор между Агриппой и Меценатом см. Dio Cass. LII. 1. 2–41. 2; F. Millar, *A Study of Cassius Dio* (1964), p. 102–118.

389

О предполагаемом контрасте с Юлием Цезарем см., например, P. Cart ledge, 'The Second Thoughts of Augustus on the *res publica* in 28/7 BC', *Greece and Rome* 31 (1984), p. 30–40, особ. 34–35, Syme (1960), p. 317–318, E. Salmon, 'The Evolution of Augustus' Principate', *Historia* 5 (1956), p. 456–478, особ. 459–462, Galinsky (2012), p. 63, 152–153. Это предположение также лежит в основе большей части работ, в которых рассматриваются последние дни диктатора и мотивы заговорщиков.

390

По поводу окончания гражданской войны см. Macrobius, *Saturnalia* I. 12. 35, в целом см. Lacey (1996), p. 81–82.

391

Suetonius, *Augustus* 84, Dio Cass. LIII. 2. 7; 11. 1 (о зачитывании речей); 53. 3. 1–10. 8 (версия Диона Кассия).

392

Dio Cass. LIII. 8. 1–2. Пер. А. В. Махлаюка (с уточнениями).

393

Гражданский венок *(лат.)*. – *Прим. пер*.

394

Res Gestae Divi Augusti 34.2; Lacey (1996), p. 86–88; Zanker (1988), p. 91–94.

395

Dio Cass. LIII. 12. 2–16. 3; также см. Lacey (1996), p. 89–95, Liebeschuetz (2008), p. 346–353, Salmon (1956), p. 459–67, Cartledge (1984), p. 31–38, J. Ferrary, 'The Powers of Augustus', in J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 90–136, особ. 90–99, A. Jones, 'The imperium of Augustus', *JRS* 41 (1951), p. 112–119, esp. 112–14, G. Chilver, 'Augustus and the Roman constitution 1939–1950', *Historia* 1 (1950), p. 408–435; полезный обзор научных дискуссий по данному вопросу и о роли провинций и военного аспекта в оправдании Цезарем своей позиции см. J. Rich,

‘Augustus, War and Peace’, in Edmondson (2009), p. 137–164, особ. 153–157; о продолжении соперничества аристократов между собой см. W. Eck, ‘Senatorial Self-Representation: Developments in the Augustan Period’, in F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 129–167.

396

Dio Cass. LIII. 11. 5; также см. G. Watson, *The Roman Soldier* (1985), p. 97–98 (о жалованьи преторианцев, где доказывается, что упоминаемая Дионом Кассием «двойная плата» должна пониматься как очень грубое округление); о контроле над армией см. J. Campbell, *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235* (1984), *passim*.

397

См. Horat. *Epodes* VII. 17–20 (относящееся к тому времени утверждение, что римляне прокляты из-за братоубийства, жертвой которого стал Ромул); о Ромуле и его смерти см. Liv. I. 16. 1–4.

398

«Деяния божественного Августа» (*лат.)*.

399

Res Gestae Divi Augusti 34, Suetonius, *Augustus* 7, Dio Cass. LIII. 16. 7, Velleius Paterculus II. 91, Lacey (1996), p. 92–5, Zanker (1988), p. 95–100, Syme (1959), p. 59; ‘Imperator Caesar, a study in nomenclature’, *Historia* 7 (1958), p. 172–188; подробное обсуждение вопроса об ассоциациях, вызываемых добродетелями щита Августа, и доказательства в пользу того, что все они прежде приписывались Юлию Цезарю, см. S. Weinstock, *Divus Julius* (1971), p. 228–259.

400

Suetonius, *Augustus* 24. 1 – о том, что он с неохотой разрешил женам наместников сопровождать своих мужей в провинции (у Светония в действительности сказано, что Август позволял наместникам свидания с женами только в зимнее время. – *Прим. пер.*); о Ливии см. A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 34–37.

401

Эти волнения (Великое галльское восстание) начались тогда же, в 54 г. до н. э. – *Прим. пер*.

402

Dio Cass. LIII. 28. 1–3; *Res Gestae Divi Augusti* 15. 1, также см. Crook in *CAH2* X, p. 83–84.

403

В целом о проблеме см. M. Todd, *Roman Britain* (3rd edn, 1999), p. 15–22, G. Webster, *The Roman Invasion of Britain* (rev. edn, 1993), p. 41–74; J. Manley, *AD 43 The Roman Invasion of Britain – A Reassessment* (2002), p. 37–50; о плавании вокруг берегов Британии см. Tacitus, *Agricola* 38.

404

Dio Cass. LIII. 22. 5, Orosius VI. 21.1–11, Florus II. 33. 46–59.

405

Имеется в виду битва при Валентии (нынешняя Валенсия) 75 г. до н. э., когда войска Помпея разгромили армию военачальников Сертория Перперны и Геренния. – *Прим. пер*.

406

О суровых свидетельствах из Валенсии см. A. Ribera i Lacomba & M. Calvo Galvez, 'La primera evidencia arqueolygica de la destrucción de Valentia por Pompeyo', *Journal of Roman Archaeology* 8 (1995), p. 19–40, Caesar. *Hisp*. 32; об изучении развития римской приграничной зоны в Испании и испанских провинций Рима см. S. Dyson, *The Creation of the Roman Frontier* (1985), esp. p. 199–236, и J. Richardson, *The Romans in Spain* (1996), p. 41–126; об истоках *gladius hispaniensis см.* F. Queseda Sanz, '*Gladius hispaniensis*: an Archaeological View from Iberia', *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8 (1997), p. 251–270; *Armas de la Antigua Iberia de Tartessos a Numancia* (2010) (детальное исследование испанского вооружения и образа войны).

407

Помпея Страбона. Речь идет о так называемой Аскуланской надписи Помпея Страбона, поскольку испанские воины отличились при осаде Аскула – одного из центров восстания италийцев во время Союзнической войны. Она является одним из самых информативных эпиграфических памятников по истории Римской республики, а также истории провинции Ближняя Испания того времени. – *Прим. пер*.

408

О Бальбе см. Cicero, *pro Balbo*, Richardson (1996), p. 103, 106, 117, 119, 126, цитируется в: Cicero, *ad Fam.* X. 32. 3, где Азиний Поллион язвительно отзывается о поведении Бальба Младшего в Гадесе; о римских гражданах испанского происхождения, стремившихся сделать политическую карьеру, см. M. Griffin, 'The Elder Seneca and Spain', *JRS* 62 (1972), p. 1–19; о числе всадников в Гадесе см. Strabo,*Geogr*. III. 5. 3; об экономике и обществе испанских провинций см. Richardson (1996), p. 149–178.

409

Полезный обзор бесконечных археологических дискуссий по поводу кельтиберов см. The Romanization of Central Spain. Complexity, Diversity and Change in a Provincial Hinterland (2004), особ. p. 69–143.

410

Представления римлян об Испании зачастую отличались примитивностью (в особенности это касалось тех, кто там не бывал). См. анализ приводимых Страбоном позднейших описаний, принадлежащих чужестранцам и включающих в себя немало более новой информации, у Ричардсона (J. Richardson, *The Romans in Spain* (1996), p. 150–68), а также упоминание Дионом предводителя разбойников, который впоследствии сдался Августу и получил от него прощение и награду: Dio Cass. LVI. 43. 3.

411

Об императоре и армии в целом см.: J. Campbell, *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235* (1984).

412

О новой армии Августа в целом см.: L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 132–154; H. Parker, *The Roman Legions* (1957), p. 72–92 и R. Syme, 'Notes on the legions under Augustus', *JRS* 23 (1933), p.14–33. Не вполне очевидна дата создания *Legio XXI Rapax* и *Legio XXII Deiotariana*. Последний сформировали из солдат царя галатов; они прошли обучение у римлян и получили римское гражданство по призыве в армию. Вероятно, это случилось после смерти царя галатов в 25 г. до н. э.

413

О цифре 120 000 ветеранов, получивших землю, в 29 г. до н. э. см. *Res Gestae Divi Augusti* 15.

414

Ала – вспомогательный кавалерийский отряд (до 500 всадников), состоявший обычно из союзников Рима. – *Прим. ред.*

415

Вспомогательное войско, которое римляне набирали из подвластных им народов. – *Прим. ред.*

416

Центурион Суллы Манлий набирал армию не для Катилины, а имея собственные цели, просто позднее Катилина присоединился к ней и возглавил ее. – *Прим. пер*.

417

См.: Sall. *Cat*. 24. 2, 28. 4, 30. 1, 56. 1–2, 59. 3 о Манлии, бывшем центурионе, набиравшем армию для Катилины, ср. 59. 6 о Петрее, командире из армии противника, служившем в течение тридцати лет и занимавшем должности трибуна, префекта, легата и претора; Dio Cass. LIV. 27. 4–5. См. также главу 6 о том, как Антоний в 44 г. до н. э. набирал в армию бывших центурионов. О роли центурионов пишут Кэмпбелл (Campbell, 1984, p. 101–9) и Р. Смит (R. Smith, Service in the Post-Marian Roman Army (1958), p. 59–69).

418

См. Keppie (1984), в особ. p. 134–140, 142–143.

419

О легионах в Испании см. новейшее сочинение A. Morillo Cerdán, ‘The Augustean Spanish Experience: The origin of the Limes system?’ в издании: A. Morillo, N. Hanel & E. Martín, Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius 13 Vol. I (2009), p. 239–251, 240, R. Syme, ‘The Spanish War of Augustus’, *American Journal of Philology*, 55 (1934), p. 293–317, 298–301, и R. Jones ‘The Roman Military Occupation of North-West Spain’, *JRC* 66 (1976), p. 45–66, 48–52; о Caesar’s *Legio X Equestris* см. BG I. 42 и Keppie (1984), p. 137.

420

Suetonius, *Augustus* 24. 2–25; о *commilitones* и об обращении с солдатами см. книгу Дж. Кэмпбелла: Campbell (1984), p. 32–93.

421

Обсуждение проблем, связанных с командованием у римлян,

см. в работе: A. Goldsworthy. “Instinctive Genius”: the Depiction of Caesar the General, in: K. Welch& A. Powell (eds), Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments (1998), p. 193–219; об ответственности за поражения см.: Suetonius, *Augustus* 23, где неудачи в Галлии и Германии расцениваются как его поражения, несмотря на то что непосредственным командующим являлся не он.

422

Вряд ли Дион Кассий (164–230 гг. до н. э.) мог хорошо знать Корнелия Галла (69–27 гг. до н. э.), но в оригинале именно так. – *Прим. ред.*

423

Dio Cass. LIII. 23. 5–7, *ILS* 8995, il. 4 ff., а также Crook (*CAH2* X, p. 80–81); о соблазнении дочери Аттика Помпонии см. Suetonius, *Gram.* 16.

424

Suetonius, *Augustus* 66, 2; см. также R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 309–310. Сайм связывает упомянутое происшествие с более ранним инцидентом с участием Красса на том основании, что Галл «мог» быть отозван из Египта еще в 28 г. до н. э. Однако представляется, что оспаривать более позднюю датировку Диона Кассия нецелесообразно.

425

Самую современную дискуссию о кампаниях 26–25 гг. до н. э. со ссылками на данные археологии см.: Morillo Cerdán (2009), о ситуации в более широком контексте Gruen in *CAH2*X, p. 163–166. Полезную дискуссию о литературных источниках см. Syme (1934) и ‘The Conquest of North-West Spain’, *Roman Papers.* Vol. 2 (1979), p. 825–854, и D. Magie, ‘Augustus’ War in Spain (26–25 BC), *Classical Philology* 15 (1920), p. 323–339; об автобиографии Августа см. Suetonius, *Augustus* 85. 1, а также J. Rich, ‘Cantabrian closure: Augustus’ Spanish War and the ending of his memoirs’, in C. Smith & A. Powell (eds), *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* (2009), p. 145–72; о болезни Августа см. Dio Cass. LIII. 25. 6–7.

426

Orosius VI. 21. 1–11, Florus II. 33. 46–59.

427

Morillo Cerdán (2009), p. 243.

428

Morillo Cerdán (2009), p. 243–244; о легионе см. Dio Cass. LIV. 11. 5, а также Keppie (1984), p. 138, 157.

429

e. g. Orosius VI. 21. 19–20, Strabo, *Geogr.* XII. 8. 18, также см. Crook in *CAH2*X, p. 82 и J. Richardson, *Augustan Rome 44 BC to AD 14. The Restoration of the Republic and the Establishment of Empire* (2012), p. 93–94, где подчеркивается, что на время пребывания Августа в Тарраконе этот город фактически превратился в центр всего римского мира.

430

Дискуссию о роли Ливии см. A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 127–129.

431

Dio Cass. LIII. 28. 1–3, *Res Gestae* 15. 1. Также см. J. A. Crook in CAH2, X, p. 83–84.

432

R. Syme, *The Roman Revolution* (1960). На с. 372 цитирует надпись из *ILS* 7448–449 о телохранителях.

433

Dio Cass. LIII. 23. 1–4. См. также P. Zanker, *The Power of Images in the Age of Augustus* / Trans. by A. Shapiro (1988), p. 139–143.

434

Dio Cass. LIII. 26. 1–5, 27. 1–2. Комментарий см. T. Barnes, 'The Victories of Augustus', *JRS* 64 (1974), p. 21–26.

435

Об экспедиции Элия Галла в Аравию см. Dio Cass. LIII. 29. 3–8, Strabo. *Geogr.* 16. 4. 23–24, 17. 1. 53–54, *Res Gestae* 26. 5, а также S. Sidebotham '*Aelius Gallus and Arabia*', *Latomus* 45 (1986), p. 590–602 и E. Gruen in *CAH2*, X, p. 148–151.

436

О Мессалле Корвине см. Titus, *Ann.* VI. 11. 4, а также Syme (1960), p. 403 и Crook in *CAH*2, X, p. 81–842.

437

Dio Cass. LIII. 27. 5–6, 30. 1, Suetonius, *Augistus* 81. 1. Цитата приводится по E. Badian '"*Crisis Theories"and the beginning of the Principate'*, in W. Wirth *Romanitas and Christianitas* (1982), p. 18–41.

438

Эргастул – в Древнем Риме помещение для опасных или провинившихся рабов. – *Прим. ред.*

439

Dio Cass. LIII. 26. 1–2, 28. 3–4, 31. 2–3, Suetonius, *Tiberius* 8–9. 3. Также см. B. Levick, *Tiberius the Politician* (1999), p. 19–24 и R. Seager, *Tiberius* (2005), p. 12–13.

440

Res Gestae 15.1. Об отказе Пизона принимать участие в выборах см. Tacitus, *Ann.* II. 43.

441

О поставках зерна см. *Res Gestae Divi Augusti* 15.1.

442

Suetonius, *Augustus* 59 и 81. 1–2, Dio Cass. LIII. 30. 1–3.

443

Об отставке и Сестии см. Dio Cass. LIII. 32. 3–4, а также Syme (1960), p. 335.

444

Абсолютной неприкосновенностью сакрального характера. – *Прим. ред.*

445

Dio Cass. LIII. 32. 5–6.

446

Дискуссию об этом см.: W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 100–116, A. Jones, 'The imperium of Augustus', *JRS* 41 (1951), p. 112–119, E. Stavely, 'The "Fasces" and "Imperium Maius"', *Historia* 12 (1963), p. 458–484, E. Salmon, 'The Evolution of Augustus' Principate', *Historia* 5 (1956), p. 456–78, особ. 464–473, J. A. Crook, 'Some remarks on the Augustan Constitution', *Classical Review* 3. 1953, p. 10–12, W. Lacey, Summi Fastigii Vocabulum: The story of a title, *JRS* 69 (1979), p. 28–

34, H. Last, 'Imperium Maius: A note, *JRS* 37 (1947), p. 157–164, J. Ferrary, 'The powers of Augustus' in J. Edmondson (ed.) *Augustus* (2009), p. 90–136, особ. 99–103, Syme (1960), p. 335–338 и B. Levick, *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 84–87.

447

О попытках представить события 23 г. до н. э. как ответ на коллективное противодействие см. Syme (1960), p. 335–336, где высказывается мнение о том, что Августа побуждали к этому его союзники, и Levick (2010), p. 84–87, где приводится более взвешенное суждение. Однако Э. Бэдиан убедительно опровергает главные аргументы в защиту данной точки зрения и полагает, что этот шаг был тщательно подготовлен и в гораздо большей степени являлся следствием его болезни: E. Badian, '"Crisis Theories" and the beginning of the Principate' in Wirth (1982), p. 28–38. О повторявшихся попытках снова избрать Августа консулом см. Dio Cass. LIV. 6. 1–2, 10. 1, а также Jones (1951), p. 9–21, особ. 13.

448

Titus, *Ann.* III. 56. Также см. Lacey (1979).

449

T. Wiseman, 'Conspicui Postes Tectaque Digna Deo: the public image of aristocratic and imperial houses in the Late Republic and Early Empire', *L'Urbs. Espace urbain et histoire* (1987), p. 393–413, особ. 401–412.

450

Dio Cass. LIII. 32. 1. Дискуссию о полномочиях Агриппы в эти годы см. Lacey (1996), p. 117–131, особ. 127–131.

451

Dio Cass. LIII. 31. 4–32. 1, Velleius Paterculus II. 93. 1–2, Ios. Fl. *AI*. 15. 350, Suetonius, *Augustus.* 66. 3.

452

Dio Cass. LIII. 30. 4, 33. 4, Velleius Paterculus II. 93. 1.

453

Дион Кассий упоминает о том, что Ливию обвиняли в смерти Марцелла: Dio Cass. LIII. 33. 4–5; Тацит пишет, что она была ответственна за смерть и других членов семьи: Tacitus, *Ann*. I. 3. 3. О смертности в среде знати см. W. Scheidel, 'Emperors, Aristocrats,

and the Grim Reaper: Towards a Demographic Profile of the Roman Elite', *CQ* 49 (1999), p. 254–281.

454

Vergilius, *Aen*. VI. 860–865; 870–871. Пер. С. А. Ошерова.

455

Dio Cass. LIV. 1. 1–3. Также см. G. Rickman, *The Corn Supply of Ancient Rome* (1980), p. 60–66, 179–186.

456

Dio Cass. LIV. 1. 4–2. 1, *Res Gestae Divi Augusti* 5.

457

Речь идет о Павле Эмилии Лепиде. – *Прим. пер*.

458

О Цезаре в аналогичной ситуации см. Caes. *BG*. IV. 11–16; о нападках на него в сенате см. Plut. *Cato Minor* 51. 1–2.

459

О процессе Прима см. Dio Cass. LIV. 3. 2–4. О сомнениях в суждениях Марцелла см. Dio Cass. LIII. 31. 4.

460

Фактически так обычно и случалось, но юридически человек лишался гражданских прав лишь в том случае, если сам от них отказывался. – *Прим. пер*.

461

О заговоре см. Dio Cass. LIV. 3. 4–8, а также Syme (1960), p. 333–334, Levick (2010), p. 83–84 и D. Stockton, 'Primus and Murena', *Historia* 14 (1965), p. 18–40, где делается акцент на процессе и заговоре как главных факторах, заставивших Августа провести реорганизацию собственных полномочий, причем оба события датируются годом раньше – 24 г. до н. э. вместо 23 г. до н. э. M. Суон (M. Swan, 'The Consular Fasti of 23 BC and the Conspiracy of Varro Murena', *Harvard Studies in Classical Philology* 71 (1967), p. 235–247) и Э. Бэдиан (Badian in Wirth (1982)), напротив, ясно показывают, что заговорщик не был консулом 23 г. до н. э. и что процесс и заговор произошли после отставки Августа с поста консула. Dio Cass. LIII. 19 – о трудностях понимания описываемого периода из-за того, что все решения принимаются тайно. Suetonius, *Domitianus* 21 – реплика Домициана о заговоре.

Об оппозиции императорам и связи с Брутом и Кассием см. R. MacMullen, *Enemies of the Roman Order. Treason, Unrest and Alienation in the Empire* (1967), p. 1–45.

462

О *mandata* Августа см. F. Millar, 'State and Subject: the impact of monarchy'. – F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 37–60, особ. 46–48, а о природе *mandata* см. D. Potter, 'Emperors, their borders and their neighbours: the scope of imperial *mandata', The Roman Army in the East. JRA Supplementary Series* 18 (1996), p. 49–66.

463

Dio Cass. LIV. 6. 1–4, *Res Gestae Divi Augusti*. 5.

464

Dio Cass. LIV. 7. 1, Strabo, *Geogr*. VI. 2. 4–5, Plin. *NH*. III. 90. См. также: Wilson in CAH² X, p. 437–439.

465

Относительно права сенаторов ездить на Сицилию, не имея на то официального разрешения, см. Tacitus, *Ann.* XII. 23. 1; Dio Cass. LII. 42. 6. Дион Кассий приписывает введение этой меры Августу, и оба автора утверждают, что, помимо Сицилии, подобные льготы делались лишь в одном случае, а именно – для посещения имений в Нарбоннской Галлии.

466

См. A. Wallace-Hadrill, 'Image and authority in the coinage of Augustus', *JRS* 76 (1986), p. 66–87.

467

Матф. 22: 20–21. Комментарий см.: F. Millar, 'State and Subject: the impact of monarchy', in Millar & Segal (eds.) (1990), p. 44–45.

468

J. Rea, 'Lease of a Red Cow called Thayris', *The Journal of Egyptian Archaeology* 68 (1982), p. 277–282.

469

Такая формулировка не могла появиться в 29 г. до н. э., поскольку сенат наделил его титулом «Август» только 16 января 27 г. до н. э. – *Прим. ред.*

470

Inscriptiones Graecae (1893–) II² 3173, комментарий см. J. Camp, *The Archaeology of Athens* (2001), p. 187–188.

471

Camp (2001), p. 188–193. Более подробно о дискуссии об отношении римлян к Греции и грекам – к Риму в контексте Августовской эпохи см. G. Bowersock, *Augustus and the Greek World* (1965), особ. p. 42–61, 85–100, а также A. Spawforth, *Greece and the Augustan Cultural Revolution. Greek Culture in the Roman World* (2012), passim, особ. p. 59–86, 106–117 – об Афинах.

472

О проблеме в общем см. F. Millar, 'Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, excuses and status', *JRS* 73 (1983), p. 76–96 и P. Veyne, *Bread and Circuses* (1992), а особ. Spawforth (2012).

473

О проблеме в целом см. B. Levick in *CAH2*X, p. 649–650. О войсках для Элия Галлия см. Ios. Fl. *AI*. XV. 317. Об Ироде и его праве выбирать наследника см. Ios. Fl. *AI*. XV. 343, XVI. 129. Комментарий см. Gruen in *CAH2* X, p. 155–157.

474

Dio Cass. LIV. 9. 3, Ios. Fl. *AI*. XV. 343–348, 360, *BI*. I. 398–400.

475

О проблеме в целом см. D. Roller, *The Building Programme of Herod the Grea*t (1998), а относительно гавани – C. Brandon, 'Cement, Concrete and Settling Barges at Sebastos: Comparisons with Other Roman Harbour Examples and the Descriptions of Vitruvius', in A. Raban & K. Houm (eds), *Caesarea Maritima. A Retrospective after Two Millennia* (1996), p. 25–40.

476

Греческая калька с латинского Augusta – святейший, величайший. – *Прим. ред.*

477

О себастианцах в римской армии см. M. Speidel, 'The Roman Army in Judaea under the Procurators', in M. Speidel, Roman Army Studies. Vol. 2, Mavors (1992), p. 224–232.

478

Иосиф Флавий пишет, что это происходило раз в пять лет. – *Прим. пер*.

479

О правлении Ирода см. E. Schürer, G. Vermes & F. Millar, *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ*. Vol. 1 (1973), p. 287–329, особ. прекрасное введение на с. 309–315. Об Олимпийских играх см. Ios. Fl. *AI*. XVI. 149, *BI*. I. 427, о состязаниях – XV. 268–271; о покушении – XV. 280–291. О дарах Ирода греческим общинам см. G. Bowersock, *Augustus and the Greek World* (1965), p. 54–56, а также Spawforth (2012), p. 84–86.

480

Ios. Fl. *AI*. XV. 217; XVII. 198, *BI*. I. 672. Также см. Schürer (1973), p. 315.

481

R. MacMullen, *Romanization in the Time of Augustus* (2000), p. 1–29.

482

L. Jalabert, R. Mouterde et al., *Inscriptiones grecques et latines de la Syrie* (1929 —) 3. 718 = R. Sherk, *Roman Documents from the Greek East* (1969), no. 58, doc. iii; J. Reynolds, *Aphrodisias and Rome* (1982), no. 13.

483

Dio Cass. LIV. 7. 1–6; Suetonius, *Augustus* 82. 1 – о том, что Август носил шляпу, чтобы защититься от солнца.

484

Dio Cass. LIV. 5. 4–6, Strabo, *Geogr*. XVII. 1. 54; о беспорядках в Риме см. Dio Cass. LIV. 6. 1.

485

Последнее сенатское постановление. – *Прим. ред.*

486

См. Velleius Paterculus II. 91. 3–4, Suetonius, *Augustus* 19. 1 и Dio Cass. LIII. 24. 4–6, который ошибочно датирует этот инцидент 26 г. до н. э., а также Crook in *CAH2*X, p. 89, R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 371–372; W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 148–149.

487

Dio Cass. LIV. 9. 4–6, Velleius Paterculus II. 94. 4, также см. Levick (1999), p. 25–27, R. Seager,*Tiberius* (2005), p. 13–14.

488

Уилфред Оуэн (1893–1918) – английский поэт, автор антивоенного стихотворения «Прекрасна за родину смерть», название которого заимствовано у Горация. Погиб за неделю до окончания Первой мировой войны. – *Прим. ред.*

489

Dio Cass. LIV. 8. 1–2, *Res Gestae Divi Augusti* 29. 2, Velleius Paterculus II. 91. 1, Suetonius, *Auguistus*. 21.3, *Tiberius* 9. 1, Ovid. *Fasti.* V. 579–584, также см. D. Kennedy, 'Parthia and Rome: eastern perspectives', in Kennedy (1996), p. 67–90, особ. 82–83 и B. Campbell, 'War and Diplomacy: Rome and Parthia, 31 BC—AD 235', in J. Rich & G. Shipley (eds), *War and Society in the Roman World* (1993), p. 213–240, особ. 220–228. Dulce et decorum est pro patria mori – Гораций. Оды. 3. 2. 13.

490

Подробную дискуссию о чествованиях и их условиях см. J. Rich, 'The Parthian honours', *Papers of the British School at Rome* 66 (1998), p. 71–128. О слонах и триумфах см. Plut. *Pomp.* 14. 4; Plin. *NH* VIII. 4 – о триумфе Помпея, и Suetonius, *Julius Caesar* 37 – о слонах-факелоносцах.

491

Об арке см. Rich *(*1998), p. 97–115, а о почестях в целом – Gruen in CAH^2 X, p. 159–160 и Levick (1996), p. 235–237.

492

Lacey (1996), p. 138–140, Syme (1960), p. 367 и Crook in CAH^2 X, p. 91.

493

Dio Cass. LIV. 9. 8–10, *Res Gestae Divi Augusti* 31–32. См. также Rich, 'Augustus, War, and Peace', in L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn & S. Mols (eds), *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network, Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 BC—AD 476)* (2003), p. 329–357 = J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 137–164, особ. 145–146.

494

Здесь и далее цитаты из «Энеиды» приводятся в переводе С. А. Ошерова.

495

Светоний пишет, что Вергилий поехал в Малую Азию не отдыхать, а «собираясь придать “Энеиде” окончательный вид» (*Verg.* 35). – *Прим. пер.*

496

Donatus, *Vita Verg.* 31–32, 35 (вместо Доната явно имеется в виду Светоний. Та же ошибка повторяется и ниже. – *Прим. пер.*).

497

Suetonius, *Augustus* 85, 2; *Horat*, passim – о том, что герой «бросился на свою губку» (губкой обычно стирали неудачные места в рукописях. – *Прим. пер.*). Дискуссию см. P. White, *Promised Verse. Poets in the Society of Augustan Rome* (1993), особ. p. 3–34, 112–155, J. Griffin, ‘Augustus and the poets: “Caesar qui cogere posset”’, in F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 189–218 и K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 225–279. Все эти исследования содержат ссылки на обширную литературу о поэтах эпохи Августа.

498

Suetonius, *Horat.*; Horat. *Epistulae* II. 1. 156–157 (пер. Н. С. Гинцбурга). О том, что на них оказывалось давление, см., например, предисловие Гирция к «Запискам о Галльской войне» Цезаря (*BG* VIII); дискуссию см.: White (1993), p. 112–142; A. Powell, *Virgil the Partisan* (2008), особ. p. 3–30.

499

Donatus, *Vita Verg.* 20–24, 34. См. также Galinsky (1996), p. 246–253.

500

J. Ziolkowski & J. Putnam, *The Virgilian Tradition. The First Fifteen Hundred Years* (2008), p. 44–45.

501

Galinsky (1996), p. 229–231; Powell (2008), особ. p. 11–12; 151; 153–155; 159–161.

502

О Дидоне и «маленьком Энее» см. Vergil, *Aen.* IV. 328–329. О Клеопатре: 8. 685–714.

503

Описания битв см.: Verg, *Aen.* X. 510–605. 12. 291–305. Цитата взята из XII. 295. О тени Дидоны – VI. 450–476.

504

Дискуссию по поводу отношения римлян к врагам см.: G. Woolf, 'Roman Peace', in J. Rich & G. Shipley (eds), *War and Society in the Roman World* (1993), p. 171–194, особ. 178–185.

505

О том, как Эней издевался над своими противниками перед тем, как их убить, см. Verg. *Aen.* X. 510–605.

506

Verg. *Aen.* I. 286–294. Если считать, что речь идет об Августе, то это, возможно, намек на его будущее обожествление; VI. 666–670. См. также Powell (2008), p. 42–43; 133. О Цезаре и Помпее – VI. 828–835.

507

Dio Cass. LIV. 10. 1–7. О назначении консула см. P. Brunt, 'The Role of the Senate in the Augustan Regime', *Classical Quarterly* 34. 2 (1984), p. 423–444, особ. 429–430.

508

Suetonius, *Augustus* 37; B. Levick, *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 89–90; Salmon (1956), p. 456–478; A. Jones, 'The Imperium of Augustus', *JRS* 41 (1951), p. 112–119, особ. 117. О власти символов см. E. Stavely, 'The "Fasces" and "Imperium Maius"', *Historia* 12 (1963), p. 458–484.

509

Dio Cass. LIV. 13. 1–14. 5; Suetonius, *Augustus* 54. См. также Crook in *CAH2*X, p. 91–93.

510

Dio Cass. LIV. 15. 1–8; Suetonius, *Augustus* 35, 54. См. также R. Talbert, 'Augustus and the Senate',*Greece and Rome* 31 (1984), p. 55–63, особ. 61.

511

Dio Cass. LIV. 15. 1–4, 16. 1, 17. 3; Suetonius, *Augustus* 35. Также см. *Jones* (1955).

512

Dio Cass. LIV. 6. 4–6, 8. 5, 10. 4, 12. 4–5.

513

О кантабрийской кампании см. Dio Cass. LIV. 11. 1–6.

514

Dio Cass. LIV. 12. 4–5. О провинции Агриппы см. W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 117–131.

515

Suetonius, *Augustus* 55.1 (об усыновлении). (Правильно – 64, а не 55. — *Прим. пер*.)

516

О доступности Августа см. Suetonius, *Augustus* 53. 2–3.

517

Macrobius, *Saturnalia* IV, 2. 4. 31. Пер. В. Т. Звиревича. (У Макробия, на которого ссылается автор, Август посылает к нему своего человека, а не подходит сам. – *Прим. пер*.)

518

Закон, ограничивающий браки между различными сословиями. – *Прим. ред.*

519

Dio Cass. LIV. 10. 5–7, 16. 1–2, *Res Gestae* 6. 2. См. также Crook in *CAH2*X, p. 92–93.

520

Dio Cass. LIV. 16. 6. См. также A. Wallace-Hadrill, ‘Civilis Principis: between Citizen and King’,*JRS* 72 (1982), p. 32–48.

521

Dio Cass. LIV. 23, Plin. *NH*. IX. 77, Seneca, *de ira* III. 40. 2, *de clementia* I. 18. 2, а также R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 410; о Ведии см. R. Syme, ‘Who was Vedius Pollio?’, *Roman Papers* Vol. 2 (1979), p. 518–529.

522

Suetonius, *Augustus* 45. 4, 55; Dio Cass. LIV. 17. 4–5.

523

О ludi saeculari см. Galinsky (1996), p. 100–106; Levick (2010), p. 152; Price in *CAH2*X, p. 834–837.

524

Отсюда и название коллегии: quindecem в переводе с латыни означает 15.

525

Horat. *Carmen Saeculare* 17–20, 50–52. Пер. А. А. Фета. Перевод надписи о *ludi saeculares* см.: N. Lewis & M. Reinhold (eds), *Roman Civilization. Selected Readings*. Vol. 1: *The Republic and the Augustan Age* (3rd edn, 1990), p. 612–616. Цитаты в немного измененном виде даются по их переводу.

526

Suetonius, *Augustus* 86. 2, Donatus, *Vita Verg.* 9, Dio Cass. LV. 7. 1–6. См. также C. Williams, *Roman Homosexuality. Ideologies of Masculinity in Classical Antiquity* (1999), p. 157–9.

527

Dio Cass. LIV. 19. 2.

528

Res Gestae Divi Augusti. 26.

529

Dio Cass. LIV. 20. 4–6, Suetonius, *Augustus* 23. 1. Страбон (*Geogr*. VII. 1. 4) пишет, что сугамбры во главе со своим вождем Мелоном положили начало войне Августа с германцами, но, возможно, он имел в виду более поздние события.

530

Dio Cass. LIV. 19. 3. О храме Квирина см. Price in *CAH2*X, p. 822.

531

R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 369.

532

Crook in *CAH2*X, p. 94–95.

533

Dio Cass. LIV. 19. 6, Suetonius, *Tiberius* 12. 2, Levick (1999), p. 27, Syme (1960), p. 403–404.

534

Dio Cass. LIII. 12. 7; LIV. 4. 1. О развитии Нарбонской Галлии в целом см. C. Goudineau in *CAH2*X, p. 471–487; M. Christol, *Une Histoire Provinciale. La Gaule narbonnaise av. J. – C. au IIIe siècle ap. J. – C.*(2010), особенно 'La municipalisation de la Gaule narbonnaise' (p. 105–128) и J. Drinkwater, *Roman Gaul. The Three Provinces, 58 BC—AD 260* (1983), p. 20–21.

535

О Трансальпийской Галлии в последние десятилетия республики см. Dyson (1985), p. 65–73; Plin. *NH.* III. 31.

536

Дискуссию по данному вопросу см.: Drinkwater (1983), p. 17–25; Goudineau in *CAH2*X, p. 487–502.

537

О кампаниях Юлия Цезаря см. A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 205–292. = (2007), p. 248–353.

538

Dio Cass. LIV. 20. 1–2, 22. 1–2, Florus. II. 22, Strabo, *Geogr.* IV. 6. 7–8.

539

Dio Cass. LIV. 22. 2–5, Velleius Paterculus II. 95. 1–2, Strabo, *Geogr.* IV. 6. 9, *Res Gestae Divi Augusti*26, Horat *Od.* IV. 4 и 14. См. также Gruen in *CAH2*X, p. 169–171; C. Wells, *The German Policy of Augustus. An Examination of the Archaeological Evidence* (1972), p. 59–89; G. Alföldy, *Noricum* (1974), p. 52–61.

540

Wolff in *CAH2*X, p. 535–541.

541

Drinkwater (1983), p. 12, 21, 119–140; Wells (1972), p. 93–148.

542

Укрепленное место, крепость *(лат.)*.

543

О торговле вином см. A. Tchernia, ‘Italian wine in Gaul at the end of the Republic’, in P. Garnsey, K. Hopkins & C. Whittaker (eds), *Trade in the Ancient Economy* (1983), p. 87–104. О Галлии в целом см. хороший обзор галльского общества: Roymans, *Tribal Societies in Northern Gaul: An Anthropological Perspective. Cingula* 12 (1990), особ. p. 17–47, а также B. Cunliffe, *Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction* (1988), особ. p. 38–58 и 80–105.

544

R. MacMullen, *Romanization in the Time of Augustus* (2000), p. 85–120, P. Wells, *The Barbarians Speak. How the Conquered Peoples Shaped the Roman Empire* (1999), p. 49–78, Cunliffe (1988), p. 48–49, 86–87, 96–97, 132–134, Dyson (1985), p. 137–139, 154 и C. Goudineau, *César et la Gaule* (1995), p. 141–143.

545

Drinkwater (1983), p. 18–27, 93–118, 141–159.

546

О том, что могущество аристократа определялось количеством подначальных ему воинов, см. Caesar, *BG* VI. 15. О запрете гражданам участвовать в друидических культах см. Plin. *NH*. XXX. 4. 13. О проблеме в целом см. Drinkwater (1983), p. 38–39, 44, 179–181, 206–207 и T. Derks, *Gods, Temples and Ritual Practices: The Transformation of Religious Ideas and Values in Roman Gaul* (1998), passim.

547

О проблеме в целом см. Alföldy in *CAH2*X, p. 449–463, J. Richardson, *The Romans in Spain* (1996), p. 41–126 и B. Lowe, *Roman Iberia. Economy, Society and Culture* (2009), Особенно p. 87–115; об армии см. A. Morillo Cerdán, ‘The Augustean Spanish Experience: The origin of the *limes* system?’, in A. Moirillo, N. Hanel & E. Martín, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius* 13. Vol. 1 (2009), p. 239–251, особ. p. 244–247.

548

См. W. Mierse, *Temples and Towns in Roman Iberia. The Social Dynamics of Sanctuary Designs from the Third Century BC to the Third Century AD* (1999), p. 54–127, Lowe (2009), p. 87–115, и MacMullen

(2000), p. 50–84; W. Trillmich (trans. C. Nader), *Colonia Augusta Emerita, Capital of Lusitania* in J. Edmondson (ed.), Augustus (2009), p. 427–467, и R. M. Durán Cabello, 'Edificios de espectáculo', in X. Raventós (ed.), *Les capitales provinciales de Hispania 2. Merida: Colonia Augustua Emerita* (2004), p. 55–61.

549

Dio Cass. LIV. 25. 5–6. См. также K. Raaflaub, 'The Political Significance of Augustus' Military Reforms', in Edmondson (2009), p. 203–228.

550

Относительно *ala Scaevae* см. CIL X. 6011; комментарий см. J. Spaul, *ALA2* (1994), p. 20–21. О вспомогательных войсках в целом см. D. Saddington, *The Development of the Roman Auxiliary Forces from Caesar to Vespasian (49 BC—AD 79)* (1982), p. 15–26, 77–82 и P. Holder, *The Auxilia from Augustus to Trajan* (1980), p. 5–13; Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 25 и – менее детально – Dio Cass. LV. 4. 2 (о суде); об отношениях с солдатами и ветеранами см. J. Campbell, *The Emperor and the Roman Army 31 BC—AD 235* (1984), p. 32–59, 243–281.

551

Dio Cass. LIV. 15. 4–7, 27. 2–3; *Res Gestae Divi Augusti* 10; Suetonius, *Augustus* 16. 4; 31. 1, Ovid. *Fasti* III. 415–428.

552

Res Gestae Divi Augusti 10. См. также и Price in *CAH2*X, p. 825–827 и S. Weinstock, *Divus Iulius* (1971), p. 276–281.

553

Dio Cass. LIV. 27. 1; Suetonius, *Augustus* 56.

554

Dio Cass. LIV. 27. 4, Syme (1960), p. 377, 379.

555

Dio Cass. LIV. 26. 3–9 и R. Talbert, 'Augustus and the Senate', *Greece and Rome* 31 (1984), p. 55–63 о проблемах, связанных с проведением по-настоящему свободных дебатов.

556

Относительно пословицы *nam concordia parvae res crescunt, discordia maximae dilabuntur* см. Seneca, *Epistulae* 94. 46 (ср.: Sall. *Iug.*

10. 6 и Syme, p. 343, n. 1).

557

Dio Cass. LIV. 28. 2–29. 8, Suetonius, *Augustus* 64. 1, Velleius Paterculus 2. 96, Tacitus, *Ann.* 1. 3.

558

Dio Cass. LIV. 29. 4–5, Suetonius, *Augustus* 42. 1.

559

Dio Cass. LIV. 2. 5 (ссылка неправильная, вероятнее, LIV. 6. 5).

560

Dio Cass. LIV. 25. 3, *Res Gestae Divi Augusti* 4, 12. Об Ara Pacis см. D. Conlin, *The Artists of the Ara Pacis. Studies in the History of Greece and Rome* (1997), M. Torelli, *Typology and Structure of Roman Historical Reliefs* (1982), p. 27–61, P. Zanker (trans. A. Shapiro), The *Power of Images in the Age of Augustus* (1988), особ. p. 158–160, 179–183, 203–204; K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 141–155. О предположении, что это может быть изображение *supplicatio* 13 г. до н. э., см. R. Billows, 'The Religious Procession of the Ara Pacis Augustae: Augustus' supplicatio in 13 BC', *JRA* 6 (1993), p. 80–92. М. Торелли (Torelli (1982), p. 54) – один из тех, кто доказывает, что это воображаемая сцена, «собрание, которое должно было произойти», а не подлинное событие.

561

О реставрациях см. Conlin (1997), p. 47–56.

562

О различных точках зрения на вопрос о том, кем были некоторые из детей, см. R. Syme, 'Neglected children on the Ara Pacis', *American Journal of Archaeology* 88 (1984), p. 583–589, J. Pollini, 'Appuleii and Some Others on the Ara Pacis', *American Journal of Archaeology* 90 (1986), p. 453–460, C. Rose, 'Princes and barbarians on the Ara Pacis', *American Journal of Archaeology* 94 (1990), p. 453–467.

563

О фризах Парфенона см. D. King, *The Elgin Marbles* (2006), особ. p. 137–138 о влиянии на Ara Pacis и отношении Августа к Афинам в целом.

564

Levick (1999), p. 28–30 приводит аргументы в пользу того, что наследовать должны были несколько пар.

565

О разводе с Випсанией и женитьбе на Юлии см. Dio Cass. LIV. 31. 1–2, 35. 4, Suetonius, *Augustus* 63. 2, *Tiberius* 7. 2, а также Levick (1999), p. 31, Seager (2005), p. 19–20.

566

Дискуссию об этом см.: Gruen in *CAH2*X, p. 178–181, C. Wells, *The German Policy of Augustus* (1972), p. 246–50; J. Rich, 'Augustus, War and Peace', in L. de Blois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn & S. Mols (eds), *The Representation and Perception of Roman Imperial Power: Proceedings of the Third Workshop of the International Network, Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 BC—AD 476)* (2003), p. 329–357 = J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 137–164, особ. p. 149–162, A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 205–214 = (2007), p. 248–257.

567

Suetonius, *Augustus* 71.3. О популярности Друза у толпы см. Tacitus, *Ann.* II. 41. 5.

568

Suetonius, *Augustus* 71. 2 – о письме; о проблеме в целом см. A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 38–44.

569

Luke. 2:1. См. также F. Millar, 'State and subject: the impact of monarchy', in F. Millar & E. Segal (eds),*Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 37–60, особ. p. 41–42.

570

Liv. *Per.* 137–138, Dio Cass. LIV. 32. 1.

571

О Неймегене см. P. Franzen, 'The Augustan Legionary Fortress at Nijmegen. Legionary and Auxiliary Soldiers', in A. Morillo, N. Hanel & E. Martín, *Limes XX: Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies. Anejos de Gladius 13*. Vol. 1 (2009), p. 1257–1269; о проблеме в целом см. Wells (1972), p. 93–148 и C. Wells, 'What's New Along the Lippe: Recent Work in North Germany', *Britannia* 29 (1998), p. 457–464.

572

Имеется в виду британский вождь Калгак. Эти слова звучат в его речи перед битвой при Гравпии. – *Прим. пер*.

573

Dio Cass. LIV. 32. 1–3, Tacitus, *Agricola* 30.6.

574

Dio Cass. LIV. 33. 1–2, Florus. II. 30. 24. Л. Пауэлл пытается в деталях воспроизвести кампании Друза, относительно этого года, см. L. Powell, *Eager for Glory. The Untold Story of Drusus the Elder, Conqueror of Germany* (2011), p. 81–92.

575

О проблеме в целом см. M. Todd, *The Early Germans* (2004), p. 17–47, P. Wells, *The Barbarians Speak. How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe* (1999), p. 3–93.

576

О действиях Цезаря в Галлии см. Caes. *BG* I. 23, а также, в общих чертах, – J. Roth, *The Logistics of the Roman Army at War (264 BC—AD 235)* (1999), p. 117–155.

577

Dio Cass. LIV. 33. 2–4. Дискуссию о войсках германцев и их ограниченности см. A. Goldsworthy,*The Roman Army at War 100 BC —AD 200* (1996), p. 42–53.

578

Dio Cass. LIV. 32. 1, 36. 2, Suetonius, *Claudius* 2. 1, Liv. *Per.* 139, Caes. *BG* VI. 13. О ежегодных собраниях друидов см. D. Fishwick, *The Imperial Cult in the Latin West: Studies in the Ruler Cult of the Western Roman Empire.* Vol. 3 (2002), p. 9–20.

579

Suetonius. *Tiberius* 50. 1, *Claudius* 1. 4, а также Levick (1999), p. 34; *Seager* (2005), p. 21–22.

580

Dio Cass. LIV. 36. 3–55. 1. 5, Suetonius, *Claudius* 1. 2–3, Liv. *Per.* 142, а также о завоеваниях – Wells (1972), p. 163–211.

581

Dio Cass. LV. 2. 1–7, Valerius Maximus V. 5. 3, Plin. *NH*. VII. 84,

Seneca, *ad Marciam* 3.2, а также Seager (2005), p. 22 и E. Champlin, ‘Tiberius and the Heavenly Twins’, *JRS* 101 (2011), p. 73–99, особ. p. 76–81.

582

Macrobius. *Saturnalia* II. 5. 4.

583

Анонимное сочинение «Утешение к Ливии» (349–356). Это сочинение намеревались адресовать Ливии вслед за смертью Друза, но возможно, что это риторическое упражнение, написанное несколько десятилетий спустя, в правление Клавдия. Основательное рассуждение о роли Ливии и связанной с этим проблемой см: N. Purcell, ‘Livia and the Womanhood of Rome’, *Proceedings of the Cambridge Philological Society* (1986), p. 78–105 = J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 165–194.

584

Dio Cass. LV. 2. 3, 5–7; Suetonius, *Claudius* 1. 4–5, Seneca, *de consolation ad Marciam*. 4, 3; см. также: A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 44–45, 108–109.

585

Dio Cass. LVIII. 2. 4; Suetonius, *Augustus* 71, 1; рассуждения по этому вопросу см.: Barrett (2002), p. 122–126, Purcell (2009), p. 167–172.

586

Suetonius, *Augustus* 83, Plin. *NH* VII. 75; Barrett (2002), p. 103–106, 180–181, 364, n. 7 со ссылками на многочисленные надписи, где перечислены те, кто составлял челядь Ливии, с указанием их специальных занятий, например, занимающиеся туалетом госпожи, или *ornatrices*, и мастера по жемчугу, или *margaritarius*.

587

Dio Cass. LV. 2. 4, а также: Purcell (2009), p. 165–168, 177–180.

588

Suetonius, *Tiberius* 7. 2–3, а также: Levick (1999), p. 31–32, R. Seager, *Tiberius* (2003), p. 20, и E. Fantham, *Julia Augusti, the Emperor’s Daughter* (2006), p. 79–82.

589

Tacitus, *Ann*. I. 14. 3, 53. 2, а также: Levick (1999), p. 37.

590

Dio Cass. LV. 6. 2–3, ср.: Caesar, *BG*. 4. 7–9 по поводу ареста Юлием Цезарем послов от германских племен, а также: Plutarch, *Cato the Younger* 51. 1–2 по поводу критических замечаний относительно такого нарушения клятвы.

591

Dio Cass. LV. 6. 4–5, а также: Fantham (2006), p. 97–98.

592

Dio Cass. LV. 6. 6–7, Suetonius, *Augustus* 31. 2, Macrobius, *Saturnalia* 1. 12. 35, *Res Gestae* 8, а также M. Boatright, 'The Pomerial Extension of Augustus', *Historia* 35 (1986), p. 13–27.

593

Dio Cass. LV. 7. 16, Suetonius, *Horace*, где он говорит, что поэт умер 27 ноября 8 г. до н. э., через пятьдесят дней после кончины Мецената (в действительности у Светония сказано, что поэт умер через пятьдесят девять дней после смерти Мецената. – *Прим. пер.)*; о влиянии последнего см. G. Williams, 'Did Maecenas "Fall from favour"? Augustan Literary Patronage', и в K. Raaflaub & M. Toher (eds.), *Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate* (1990), p. 258–275.

594

В соответствии с законом Августа о сенате такое решение не имело юридической силы. – *Прим. пер.*

595

Dio Cass. LIV. 30. 2, LV5. 3. 1–4. 2, 5. 3.

596

Зевс предоставил бессмертному Поллуксу на выбор: или вечно пребывать на Олимпе одному или вместе со смертным братом проводить один день на Олимпе, а другой – в подземном царстве. Верный брат выбрал последнее, и с тех пор Диоскуры один день были бессмертными, другой – смертными. – *Прим. ред.*

597

Рассуждения по этому поводу см.: E. Champlin, 'Tiberius and the Heavenly Twins', *JRS* 101 (2011), p. 258–275.

598

Dio Cass. LV. 8. 3–4, Plin. *NH* XVI. 20.

599

Dio Cass. LV. 8. 6–7, надпись см.: *CIL* VI. 50705 = *ILS* 3090, а также: Purcell в *CAH2*X, p. 800–802.

600

Suetonius, *Tiberius* 9. 3, 11. 3, Velleius Paterculus II. 99. 1; Tacitus, *Ann*. III. 56. 3; Dio Cass. LV. 9. 4; см. также: Levick (1999), p. 35–36.

601

Dio Cass. LV. 9. 1–5, см. также: Levick (1999), p. 37–38, и 'Julians and Claudians', *Greece and Rome* 22 (1975), p. 29–38.

602

Dio Cass. LV. 9. 5–8, Suetonius, *Tiberius* 10. 1–2, Velleius Paterculus II. 99. 1–4.

603

Рассуждения об этом см.: Crook в *CAH* 2X, p. 100–101, Levick (1999), p. 37–40 и *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 182–183, Seager (2005), p. 23–27, Fantham (2006), p. 83–84, Barrett (2002), p. 48–49, J. Corbett, 'The Succession policy of Augustus', *Latomus* 33 (1974), p. 87–91, и R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 391–392, 413–414.

604

По поводу жалоб Августа на тяжесть его обязанностей см.: Seneca, *De brevitate vitae* 4. 2–5.

605

Dio Cass. LV. 9. 9, 10a. 2–3, а также: Gruen в *CAH* 2X, p. 182–183, и Fantham (2006), p. 99.

606

О налогах в Азии см.: Dio Cass. LIV. 30. 3.

607

Ej 312 = *SIG* 780 (перевод текста взят из книги: M. Cooley (ed.), *The Age of Augustus. Lactor*17[2003], p. 197–198).

608

Ios. Fl. *BJ* 1. 538–551, а также: E. Shürer, G. Vermes &

F. Millar, *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ.* Vol. 1 (1973), p. 320–329, Goodman в *CAH*²X, p. 741–742, и L. White, 'Herod and the Jewish experience of Augustan rule', in K. Galinsky (ed.), *The Cambridge Companion to the Age of Augustus*(2005), p. 361–387, относительно последних лет Ирода особ. см. p. 375–376.

609

О шутке Августа см.: Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 11; о казнях: Ios. Fl. *BJ* 1. 648–653, о вмешательстве сирийской армии: *BJ* 2. 45–79.

610

Точнее, в культе богини Ромы, олицетворявшей город Рим – повелитель Вселенной. Впервые стала предметом почитания у греков и особенно в Малой Азии. Первый храм в честь Ромы был построен еще в 195 г. до н. э. в Смирне. – *Прим. пер.*

611

См.: R. Sherk, *Roman Documents from the Greek East* (1969), no. 65 по поводу нового календаря, V. Ehrenberg & A. Jones, *Documents Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius* (2nd. edn, 1975), 311, V.

612

Слова «Да сопутствует счастье и удача сенату и народу римскому» являлись обычным началом выступлений консулов перед сенатом, которые Мессала применительно к случаю изменил. – *Прим. пер.*

613

Suetonius, *Augustus* 58. 2, где он утверждает, что приводит точные слова, сказанные Мессалой и Августом; см. также: Crook в *CAH*²X, p. 101–102, и Levick (2010), p. 91–92, 204–205; подробное обсуждение разных одобрений и прославления присуждения этого титула см.: W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System* (1996), p. 193–197, и исчерпывающее обсуждение значения этого термина и понятия об отце государства см.: T. Stevenson, 'The Ideal Benefactor and the Father Analogy in Greek and Roman Thought', *CQ* 42 (1992), p. 421–436, который считает, что и Цицерон и Юлий Цезарь были названы отцом отечества, и M. Gelzer (trans. P. Needham), *Caesar, Politician and Statesman* (1968), p. 315, fn. 2 (о Юлии Цезаре).

614

Suetonius, *Tiberius* 7. 3, утверждает, что пара после потери

ребенка прекратила спать вместе; об образе жизни Юлии вообще см.: Fantham (2006), особ. p. 81–84.

615

«Назон был [нашим] учителем» (*Naso magister erat)*, Ovid. *Ars Amatoria* 2. 744, 3. 812, см. также: K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 261–269, который сосредотачивает внимание на «Метаморфозах», но причисляет Овидия к окружению Августа.

616

Macrobius, *Saturnalia* II. 6–7, 9, Suetonius, *Augustus* 54. 2.

617

Dio Cass. LV. 9. 11–16, Suetonius, *Augustus* 65. 1; *Tiberius* 11. 4; Velleius Paterculus II. 100. 2–5, Seneca, *Brevitate Vitae* 4. 6, *de Beneficiis* 6. 32, Plin. *NH* XXI. 8–9, Tacitus, *Ann*. I. 53. 3; 24. 3, 4–44; о личностях заговорщиков и их связях см.: A. Ferrill, 'Prosopography and the Last Years of Augustus', *Historia* 20 (1971), p. 718–731, особенно 729, 'Augustus and his daughter: a modern myth', в C. Deroux (ed.), *Studies in Latin Literature and Roman History* 2 (1980), p. 332–346, и Barrett (2002), p. 48–51.

618

Plin. *NH* VII. 149 заявляет, что Юлия замышляла вероломное убийство своего отца, а Dio Cass. LV. 10. 15 утверждает, что Юл вынашивал замыслы по захвату власти и что некоторые неназванные лица также были казнены.

619

Tacitus, *Ann*. 3. 24, 4. 44, Dio Cass. LV. 10. 15.

620

Suetonius, *Augustus*, 65. 2 по поводу Фебы, а по поводу бесчестья и изгнания вообще см.: Fantham (2006), p. 84–91, и E. Leon, 'Scribonia and her daughters', *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 82 (1951), p. 168–175, особ. p. 173–174; Ferrill (1980) представляет обоснованный, подвергающий сомнению современные теории политического заговора, анализ; Lacey (1996), p. 202–209 полагает, что главной заботой являлась защита легитимности Гая и Луция.

621

Seneca, *de Beneficiis,* 6. 32.

622

Ovid. *Fasti* V. 550–554, 567–568.

623

См.: Dio Cass. LV. 10. 6; Velleius Paterculus II. 100. 2; Suetonius, *Augustus* 31. 5; Ovid. *Fasti* V. 545–598; о дате см.: C. Simpson, 'The Date of the Dedication of the Temple of Mars Ultor', *JRS* 67 (1977), p. 91–94. Альтернативная дата 1 августа возможна, но аргументы в пользу 12 мая более убедительны.

624

Suetonius, *Augustus* 56. 2 об отказе принуждать земельных собственников продавать свои участки, необходимые для Форума.

625

В действительности Эрехтейон был построен уже после смерти Перикла, в конце Пелопоннесской войны. – *Прим. пер*.

626

Plin. *NH* XXXVI. 11, 102; об Эрехтейоне см.: J. Camp, *The Archaeology of Athens* (2001), p. 93–100; о Форуме Августа и его скульптурных изображениях см.: P. Zanker (trans. A. Shapiro), *The Power of Images in the Age of Augustus* (1988), p. 81–82, 113–114, 193–215, S. Dyson, *Rome. A Living Portrait of an Ancient City* (2010), p. 128–131, и W. Lacey, *Augustus and the Principate. The Evolution of the System*(1996), p. 193, 197–202.

627

Ср.: Dio Cass. LVI. 34. 2–3 о подобной процессии великих людей прошлого на похоронах Августа; термин «выдающиеся люди» происходит из позднего источника, *Scriptores Historia Augusta, Alexander Seuerus* 28. 6; обсуждение этого вопроса см.: T. Luce, 'Livy, Augustus and the Forum Augustum', in J. Edmondson (ed.), *Augdtus* (2009), p. 399–415, 493–496; фрагменты надписей см.: *CIL* 1, p. 186–202 об элогиях, и полезный сборник, переведенный в издании: M. Cooley (ed.), *The Age of Augustus. Lactor* 17 (2003), p. 238–239; о вмешательстве Августа в составление элогиев см.: Plin. *NH* XXII. 6. 13; о Корнелии см. CIL. I. 39.

628

О неясности в отношении личности Юла см.: Liv. I. 3; о Марии см.: Luce (2009), p. 406–407 с переводом текста Cooley (2003), p. 238.

629

Suetonius, *Augustus* 31. 5, *Res Gestae Divi Augusti* 35.

630

Dio Cass. LV. 10. 6–8, Suetonius, *Augustus* 43. 2. Возможно, Дион Кассий включил похоронные игры в честь Агриппы в состав более широких празднеств.

631

Античное название озера Алцетинус. – *Прим. ред.*

632

Res Gestae 32, Velleius Paterculus II. 100. 1, Dio Cass. LV. 10. 7.

633

См.: Zanker (1988), p. 105–106; о великолепии всех значительных Августовых храмов; о требованиях изменения стиля в смысле отхода от явных царских форм эллинизма см.: Purcell в *CAH*²X, p. 788–790; более убедительную точку зрения см.: K. Galinsky, *Augustus Culture* (1996), p. 197–213.

634

Как пример предположения, что Август дистанцировался от Юлия Цезаря, см.: Z. Yavetz, 'The Personality of Augustus', in K. Raaflaub & M. Taher (eds.), *Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate* (1990), p. 21–41, 32; "Gradually but Consistently He Distanced Himself from the Memory of Julius Caesar"; о храме Марса Мстителя см.: Ouid., *Fasti,* p. 570–583, и Galinsky (1996), p. 208 о преднамеренном напоминании о Юлии Цезаре в замысле Форума Августа.

635

Tacitus, *Ann.* I. 1. 4, Suetonius, *Claudius* 41. 2; общие рассуждения см.: M. Toher, 'Augustus and the Evolution of Roman Historiography', in Raaflaub & Toher (1990), p. 139–154.

636

См.: R. Syme, 'Livy and Augustus', *Harvard Studies of Classical Philology* 64 (1959), p. 27–87; Galinsky (1996), p. 280–287.

637

В 88 г. до н. э. Марий бежал из Рима, вернулся же он туда в 87 г. до н. э. после осады города, учинив расправу над

неугодными ему сенаторами и всадниками.

638

См.: Luce (2009), p. 406–415.

639

Согласно легенде, второй женой Энея была дочь царя Латина Лавиния. – *Прим. пер*.

640

Tacitus, *Ann*. IV. 34. 4; Seneca, *Quaestiones Naturales* V. 18. 4; о рассмотрении Ливием того, во благо ли было рождение Юлия Цезаря; о рассуждении и дальнейшем подчеркивании факта предполагаемого дистанцирования Августа от Юлия Цезаря см.: Syme (1959), p. 58.

641

Dio Cass. LV. 10. 17–18, Ovid. *Ars Amatoria* I. 177–186, 203–204 и более обобщенно 177–229.

642

О Тиберии в те годы см.: Levick (1999), p. 39–42, 44–46, R. Seager, *Tiberius* (2005), p. 23–29; разводное письмо Августа к Юлии от имени Тиберия см. Suetonius, *Tiberius* 11. 4–5; о посещении больных см.: Suetonius, *Tiberius* 11. 2; о философе см.: Suetonius, *Tiberius* 11. 3.

643

Dio Cass. LV. 10. 19, Velleius Paterculus II. 101. 1, Suetonius, *Tiberius* 11. 1, 12. 2, 13. 1, рассказ которого о поведении Тиберия и о месте, где произошла встреча, отличается от других. (Статуи и портреты Тиберия уничтожили жители города Немавса (современный Ним). – *Прим. пер.)*; интересную дискуссию о тех годах см.: G. Bowersock, ‘Augustus and the East: The problem of succession’ in F. Millar & E. Segal (eds.), *Caesar Augustus, Seven Aspects* (1990), p. 169–188.

644

Bowersock (1990), p. 172.

645

Bowersock (1990), p. 172–173; дискуссию о спорах вокруг этого см.: Camp (2001), p. 116–117; о Гае и его советниках см.: R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 425, 428–429.

646

Suetonius, *Augustus* 64. 3; 89. 2, *de Grammaticus et rhetoribus* 17. 2.

647

Полезный и глубокий обзор литературных свидетельств о резиденции Августа на Палатине см.: P. Wiseman, 'The House of Augustus and the Lupercal', *JRA* 22 (2009), p. 527–545, особ. 527–536.

648

Suetonius, *Augustus* 72. 1, 73, 78. 1–2, Plin. *NH* XXXIII. 49.

649

Suetonius, *Augustus* 72. 3 о костях; 82. 1 о сне при открытых дверях или на улице; о стиле жизни Августа вообще см.: Yavetz (1990), p. 21–41, а также поучительную заметку в R. Saller, 'Anecdotes as historical evidence', *Greece and Rome* 27 (1980), p. 69–83; о настенной живописи см.: J. Clarke, 'Augustan domestic interiors: propaganda or fashion?' in Y. Galinsky, *The Cambridge Companion to the Age of Augustus* (2005), p. 264–278, и Galinsky (1996), p. 179–197; о критических замечаниях архитектора о современных стилях, которые появляются на Палатине см.: Vitruvius, *De architectura* VII. 5. 3–4.

650

Suetonius, *Augustus* 74, считает, что единственным вольноотпущенником, которого приглашали к нему за стол, был адмирал Мена, перебежчик во время войны с Секстом Помпеем; о шутках см.: Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 8.

651

Этого сенатора звали Церриний Галл. – *Прим. пер.*

652

Macrobius, *Saturnalia* II. 4. 20, Suetonius, *Augustus* 53. 3; о действенности юмора см.: Yavetz (1990), p. 36–38.

653

Suetonius, *Augus*tus 29. 3, 86. 1–88, 95, 97. 1–2; Gellius, *NA* X. 11. 5, 24. 2.

654

Suetonius, *Aug*ustus 72. 2, 80–83, а также: E. Gowers, ‘Augustus and “Syracuse”’, *JRS* 100 (2010), p. 69–87.

655

Suetonius, *Augustus* 52. 2 о рекомендации своих родственников избирателям; о Гае на востоке см.: Dio Cass. LV. 10. 20; 10a. 4–5, Velleius Paterculus, II. 101. 1–3, а также: A. Sherwin-White, *Roman Foreign Policy in the East, 168BC to AD 1* (1984), p. 325–341.

656

Марк Лоллий в 27 г. до н. э. был консулом; до 1 г. до н. э. был воспитателем и руководителем Гая Цезаря. – *Прим. пер.*

657

Август посадил на армянский престол Ариобарзана, сына царя Мидии. Гай был ранен при осаде крепости Артагеры. – *Прим. пер.*

658

Dio Cass. LV. 10a. 5–10, Velleius Paterculus, II. 102. 1–3. Suetonius, *Augustus* 65. 1–2, Tacitus, *Ann*. I. 3.

659

Velleius Paterculus, II. 103. 1–2; Suetonius, *Augustus* 65. 2.

660

Надпись из Пизы (ILS 140) дает понять, что о смерти Гая там стало известно ко 2 апреля, и новости должны были достичь Рима раньше; рассуждения о решениях этого года см.: R. Birch, ‘The Settlement of 26 June AD 4 and its Aftermach’, *Classical Quarterly* 31 (1981), p. 443–456; об имени Цезарь, фамильных связях и фамильном жилище см.: D. Wardle, ‘Valerius Maximus on the Domus Augusta, Augustus and Tiberius’, *Classical Quarterly* 50 (2000), p. 479–493.

661

Suetonius, *Caligula* 4. 1; общие рассуждения см.: Levick (1999), p. 47–52, R. Seager, *Tiberius* (2005), p. 29–32; об Эмилии Павле и его большом семействе см.: R. Syme, *The Augustan Aristocrasy* (1986), p. 104–127.

662

Suetonius, *Tiberius* 12. 2–3, 15. 1, Velleius Paterculus, II. 102, Tacitus, *Ann*. 3. 48.

663

Dio Cass. LV. 13. 1a-2, Velleius Paterculus, II. 103. 1–104. 1, Suetonius, *Tiberius,* 15. 2, а также рассуждения об этом: Birch (1981), особенно p. 444–448.

664

Цитата из Веллея Патеркула II. 104. 1; рассуждения см.: Crook в *CAH*²X, p. 105, Levick (1999), p. 49–50, Seager (2005), p. 19–32; о письмах от Августа к Тиберию см.: Suetonius, *Tiberius* 21. 2–6.

665

О вмешательстве Ливии см.: Dio Cass. LV. 10a. 10, Plin. *NH* VII. 1 4 9, Tacitus, *Ann*. 1. 3, Suetonius, *Augustus* 65. 1 (Светоний здесь ничего не говорит о каком-либо вмешательстве Ливии. – *Прим. пер.)*, а также: A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 52–59, 241–242; об утверждении об остром соперничестве между семействами см.: B. Levick, 'Julians and Claudians', *Greece and Rome* 22 (1975), p. 29–38.

666

Dio Cass. LV. 13. 2; Suetonius, *Tiberius* 16. 1 утверждает, что продление полномочий было пожаловано ровно на три года, но в *Res Gestae* 6 из слов Августа вытекает, что гораздо более вероятный срок был десятилетний.

667

О серьезности, с которой Тиберий смотрел на свое усыновление, см.: Suetonius, *Tiberius* 15. 2.

668

Dio Cass. LV. 13. 1, 14. 1–22. 2; Seneca, *de clementia* 1. 9. 1–10, а также Levick (1999), p. 54; Birch (1981), p. 447; Barrett (2002), p. 131–133, Syme (1986), p. 266.

669

Dio Cass. LV. 12. 4–5, Tacitus, *Ann*. 1. 53.

670

Dio Cass. LV. 13. 4–7, а общие рассуждения см.: C. Nicolet, 'Augustus Government, and the Propertied Classes', in F. Millar & E. Segal (eds.), *Caesar Augustus. Seven Aspects*. (1990), p. 89–128; о Гортензии Гортале и его четырех сыновьях в 16 г. н. э. см.: Tacitus, *Ann*. I. 37–38 (в действительности – II. 37–38. — *Прим.*

пер.), а также: Nicolet (1990), p. 95–96; о выборах см.: Levick (1999), p. 51–54.

671

О полезном нововведении см.: Treggiari в *CAH* X², p. 893–897.

672

Dio Cass. LV. 13. 1a, 29. 5–7, Velleius Paterculus II. 104. 2–107. 3; сводку находок в Ланау-Вальдгирме см.: R. Wolters, *Die Schlacht im Teutoburger Wald* (2008), p. 65–69.

673

Velleius Paterculus II. 108. 1–109. 4; о маркоманнах и свевах вообще см.: Tacitus, *Germania* 38–41, Strabo, *Geog*. 7. 1. 3.

674

Velleius Paterculus II. 109. 4–110. 2, Dio Cass. LV. 28. 6; в весьма напыщенной речи, приписываемой Марободу, утверждается, что против него было развернуто двенадцать легионов, см.: Tacitus, *Ann*. II. 46.

675

Dio Cass. LV. 29. 1–30. 6, Velleius Paerculus II. 110. 2–6; о реакции римской армии на восстание см.: A. Goldsworthy, The Roman Army at War 100 BC—AD 200 (1996), p. 79–95.

676

Dio Cass. LV. 27. 6–28. 4; Ios. Fl. *BJ* 2. 111–118, *AJ* 17. 314.

677

О попытке самоубийства см.: Plin. *NH* VII. 149.

678

Dio Cass. LV. 24. 9–25. 6, *Res Gestae Divi Augusti* 17, а также: L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 147–148.

679

См.: Suetonius, *Augustus* 25. 2, Velleius Paterculus II. 110. 6–111. 2, а также: Keppie (1984), p. 168–169, где цитируется V. Ehrenberg & A. Jones, *Documents illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius*(2nd edn., 1975), p. 368 о воинской повинности граждан.

680

Suetonius, *Augustus* 24. 1, а общие рассуждения см.: Nicolet

(1990), p. 99–101.

681

О vigilis (стража) см.: Dio Cass. LV. 26. 4–5, а также: G. Watson, *The Roman Soldier* (1985), p. 19–20; о других проблемах см.: Dio Cass. LV. 28. 1–27. 3.

682

Suetonius, *Augustus* 19. 1, Dio Cass. LV. 27. 1–2, а также: Birch (1981), p. 450–452, Levick (1999), p. 55–59, и T. Wiedermann, 'The political background to Ovid's *Tristia* 2'. *Classical Quarterl* 25 (1975), p. 264–271, особенно 265–268.

683

Dio Cass. LV. 26. 2–3, 27. 3–5, Suetonius, *Claudius* 2. 2.

684

Dio Cass. LV. 32, 1–2, Suetonius, *Augustus* 51. 1, 65. 1, *Claudius* 2. 2, Velleius Paterculus II. 112. 7, Tacitus, *Ann*. 1. 5–6, а также: Birch (1981), p. 446–452, и B. Levick, 'Abdication and Agrippa Postumus'. *Historia* 21 (1972), p. 674–697, особ. 690–693.

685

Dio Cass. LV. 32. 1, а также: Levick (1999), p. 51–52, A. Jones, 'The Elections under Augustus', *JRS* 45 (1955), p. 9–21, особ. 13–17.

686

Dio Cass. LV. 32. 1, а также: Levick (1972), p. 690–697, Birch (1981), p. 448–451, 455–456, и Barrett (2002), p. 57–65.

687

Tacitus, *Ann*. 1. 3.

688

Velleius Paterculus II. 111. 3–4; о войне вообще см.: Dio Cass. LV. 29. 1–32. 4, 34. 4–7, LVI. 11. 1–17. 1, Velleius Paterculus II. 110. 1–116. 5.

689

Velleius Paterculus II. 113. 1–2, Suetonius, *Tiberius* 16. 1, а также: Goldsworthy (1996), p. 35–37, 116–125.

690

Dio Cass. LV. 31. 1 об утверждении, что Август верил, что

Тиберий не настаивал на проведении кампании достаточно быстро – заметный контраст с его более ранним побуждением своих полководцев к осторожности: Suetonius, *Augustus* 25. 4.

691

Suetonius, *Augustus* 65. 1, 4, 72. 3, 101. 3, Tacitus, *Ann*. 3. 24, 4. 71, Plin. *NH* VII. 75, а также: Birch (1981), p. 452–454, R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 432, 468, и (1986), p. 115–127, 188–199.

692

Ovid., *Tristiae* 2. 207 говорит о «двух преступлениях, песне и ошибке»; рассуждения см.: R. Syme, *History in Ovid* (1978), p. 206–229.

693

Suetonius, *Augustus* 65. 4, а также: Levick (1999), p. 55–62, Crook в *CAH*^{2}X, p. 108–109: и тот и другой обсуждают этот вопрос с благоразумной осмотрительностью.

694

Velleius Paterculus, II. 127. 3. (В действительности II. 126. 3. — *Прим. пер.)*

695

Об Арминии и его прежней жизни см. в особенности: Velleius Paterculus, II. 118. 1–3, Tacitus, *Ann.* II. 9–10, 88, а также: P. Wells, *The Battle That Stopped Rome* (2003), p. 105–110 и A. Murdoch, *Rome's Greatest Defeat. Massacre in the Teutoburg Forest* (2006), p. 75–97, особ. 83–86; о нежелании Августа предоставлять гражданство см.: Suetonius, *Augustus* 40. 3.

696

О Варе см.: Wells (2003), p. 80–86, Murdoch (2006), p. 49–74 и R. Syme, *The Roman Revolution*(1960), p. 401, 424–425, 434–437.

697

Tacitus, *Ann*. I. 57–59; Velleius Paterculus, II. 118. 4.

698

Velleius Paterculus II. 117. 2–4 (пер. А. И. Немировского); Dio Cass. LVI. 18. 1–5.

699

Общие суждения на эту тему см.: S. Dyson, 'Native Revolt

Patterns in the Roman Empire', *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 3 (1975), p. 38–175.

700

О его армии см.: Velleius Paterculus II. 117. 1; о восстании см.: Dio Cass. LVI. 18. 5–19. 4.

701

Dio Cass. LVI. 20. 1–2, и обратите внимание на вольноотпущенника на кенотафе центуриона Марка Целия, *CIL* 138648 = *ILS* 2244; о ложе см.: W. Schlüter, 'The Battle of the Teutoburg Forest: archaeological research at Kalkriese near Osnabrück', in J. Greighton & R. Wilson, *Roman Germany. Studies in Cultural Interaction. Journal of Roman Archaeology Supplementary Series* 32 (1999), p. 125–159, особ. 148–149; о солдатских браках см.: B. Campbell, 'The marriage of soldiers under the Empire', *JRS* 68 (1978), p. 153–166.

702

Velleius Paterculus, II. 118. 4; Dio Cass. LVI. 19. 2–3; Tacitus, *Ann*. I. 58.

703

О раскопках и ряде различных реконструкций сражения см.: A. Rost, "The Battle between Romans and Germans in Kalkriese. Interpreting the Archaeological Remains from an Ancient Battlefield" и S. Wilbers-Rost, 'The site of the Varus Battle at Kalkriese. Recent Results from Archaeological Research', обе статьи в: A. Morillo, N. Hanel & E. Martin, *Limes XX. Estudios sobre la frontera romana. Roman Frontier Studies, Anejos de Gladius* 13. Vol. 3 (2009), p. 139–145, 1347–1352, Schlüter (1999), p. 125–159, Wells (2003), Murdoch (2006); M. McNally, *Teutoburg Forest AD 9. The Destruction of Varus and his Legions* (2011) – хорошо иллюстрирован, как и легкодоступный сборник статей в J. Oorthuys (ed.), *The Varian Disaster: The Battle of the Teutoburg Forest. Ancient Warfare*: специальный выпуск (2009); основные античные источники: Dio Cass. LVI. 19. 1–22. 2, Velleius Paterculus II. 119. 1–5, Tacitus, *Ann*. I. 61–62. Приводимый рассказ основан на всех указанных источниках, а более подробные рассуждения можно найти в цитируемых работах.

704

Стоит обратить внимание на реакцию некоторых легионеров Юлия Цезаря на гибель их вещевого обоза, см.: *BG* V. 33. 3–6, хотя

есть противоположные данные: V. 43. 4 (у автора ошибочно V. 44. —*Прим. пер.*).

705

О пристойном поведении командиров см.: Goldsworthy (1996), p. 163–165.

706

Tacitus, *Ann*. I. 57–58, 71; Velleius Paterculus II. 119. 5.

707

Dio Cass. LVI. 23. 1–4, Suetonius, *Augustus* 23. 1–2.

708

Suetonius, *Augustus* 23. 2; о легионах см.: I. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 163–169.

709

Dio Cass. LVI. 22. 2–4, Velleius Paterculus II. 120. 1–6, а также: Wells (2003), p. 200–212, Mundoch (2006), p. 121–128.

710

О разорении см.: J. Roth, *The Logistics of the Roman Army at War, 264BC—AD 235* (1999), p. 148–155, 298–305.

711

Dio Cass. LVI. 25. 2–3. (Цитаты из писем Августа Тиберию взяты из: Suetonius, *Tib*. 21. 5 и 7. Пер. М. Л. Гаспарова. – *Прим. пер.*)

712

Dio Cass. LVI. 17. 1–3, 25. 1, Suetonius, *Tiberius* 17. 2, *Res Gestae* 4, а также: Levick (1999), p. 61–64 и T. Barnes, “The victories of Augustus”, *JRS* 64 (1974), p. 21–26.

713

Основательное рассуждение о влиянии этих законов см.: A. Wallace-Hadrill, ‘Family inheritance in the Augustan Marriage Laws’, in J. Edmondson (ed.), *Augustus* (2009), p. 250–274 = *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 27 (1981), p. 58–80.

714

Dio Cass. LVI. 1. 2–10. 3, Suetonius, *Augustus* 34. 2, 89. 2. (Речь идет о сочинении Квинта Цецилия Метелла Македонского,

консула 143 и цензора 131 г. до н. э., «Об умножении потомства», в котором поощрялось вступление в брак. – *Прим. пер.*).

715

См.: Tacitus, *Ann*. III. 25–28, где подчеркивается суровость даже восстановленных законов, а также: S. Treggiari, *Roman Marriage* (1991), особ. p. 60–80; см. также рассуждение у K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 128–140, который связывает эти заботы с более глубокими опасениями за то, что нравственные недостатки могут привести к несчастьям, подобным разгрому Вара. Возможно, что закон приняли после того, как об этом разгроме стало известно, но представляется правдоподобным, что в основной своей форме он уже был составлен.

716

Dio Cass. LVI. 25. 7–8, 27. 4; Suetonius, *Augustus* 43. 3.

717

О Лабиене см.: R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 486, и B. Levick, *Augustan Image and Substance* (2010), p. 190–191.

718

Вопрос о дате принятия Августом закона об оскорблении величия является дискуссионным в науке. – *Прим. пер.*

719

Dio Cass. LVI. 25. 4, 27. 1, Tacitus, *Ann*. 1. 72, а также: Syme (1960), p. 486–487.

720

См.: Dio Cass. LVI. 26. 1–3; 28. 2–3.

721

Dio Cass. LVI. 28. 4–6, о положении Тиберия в эти годы см.: Levick (1999), p. 61–67.

722

Dio Cass. LVI. 29. 1–6, Suetonius, *Augustus* 97. 1–3, *Res Gestae* 8.

723

Tacitus, *Ann*. I. 5, Dio Cass. LVI. 30. 1 о путешествии; Suetonius, *Augustus* 101. 1–3 о завещании, в котором он ставит условие, что обе Юлии не должны быть помещены в мавзолее, но

подобный запрет в отношении Постума представляется правдоподобным; Syme (1960), p. 433 – Р. Сайм отрицает этот эпизод, в то время как Levick (1999), p. 64–65, приводит убедительные доказательства совершенного путешествия.

724

Dio Cass. LVI. 29. 2. Гораздо более подробный рассказ о последних днях жизни Августа приведен Светонием, передавшим большинство подробностей, представленных ниже: *Augustus* 97. 3–100. 1. Обстоятельное рассуждение присутствует у D. Wardle, 'A Perfect Send-Off: Suetonius and the Dying Art of Augustus (Suetonius Aug. 99)', *Mnemosyne* 60 (2007), p. 443–463.

725

Цитаты: Suetonius, *Augustus* 98. 2.

726

Спутника Тиберия звали Фрасилл. Он был астрологом, и Август посмеялся над его неспособностью разгадать эту нехитрую загадку. – *Прим. пер.*

727

Про «челюсти» см.: Suetonius, *Tiberius* 21. 2; Dio Cass. LVI. 31. 1, где он заявляет, что большинство его источников утверждало, что Тиберий не прибыл до тех пор, пока Август не умер.

728

Dio Cass. LVI. 30. 1–4, а также: A. Barrett, *Livia. First Lady of Imperial Rome* (2002), p. 242–247.

729

Suetonius, *Augustus* 99.

730

Dio Cass. LVI. 30. 4.

731

Цитата из Светония: *Augustus* 99. 1; Dio Cass 31. 1: по поводу утверждения, что его смерть скрывали в течение нескольких дней.

732

Suetonius, *Augustus* 100. 2; Dio Cass. LVI. 31. 2.

733

Основные сведения о похоронах исходят от Светония: Suetonius, *Augustus* 100. 2–4, Dio Cass. LVI. 34. 1–42. 4; в отличие от Светония, Дион Кассий заставляет Друза говорить с ростра у храма Божественного Юлия, а Тиберия произносить свою хвалебную речь со старых ростр.

734

Suetonius, *Augustus* 100. 4, Dio Cass. LVI. 42. 3. (Этого бывшего претора звали Нумерий Аттик, который получил от Ливии в виде награды миллион сестерциев. – *Прим. пер.)*

735

Dio Cass. XLIV. 2. 1–3.

736

Tacitus, *Ann*. I. 2. 1.

737

Об имени см.: Levick, *Tiberius the Politician* (1999), p. 217, n. 11 по поводу ссылок и рассуждения.

738

О вступлении Тиберия во власть и первых месяцах его принципата см.: Levick (1999), p. 68–81 и R. Seager, *Tiberius* (2005), p. 40–59.

739

По поводу совета Августа см.: Tacitus, *Ann*. I. 11. 7.

740

Имеется в виду сражение при Идиставизо в 16 г. н. э. – *Прим. пер*.

741

Следует заметить, что имеются основания считать суждения современных Тиберию писателей о последних годах его жизни недостаточно беспристрастными. – *Прим. пер.*

742

Более подробно о принципате Тиберия см.: Levick (1999) и Seager (2005).

743

Eutropius, *Breviarium* VIII. 5; по поводу спора о том, что

наследие Августа представляло собой систему, которая непременно должна была рухнуть, см.: J. Drickwater, 'The Principate – lifebelt, or millstone the neck of Empire?', in O. Hekster, G. Kleijn & D. Slootjes (eds.), *Crises and the Roman Empire*(2007), p. 67–74; о последствиях убийства Калигулы см.: A. Barrett, *Caligula. The Corruption of Power*(1989), p. 172–176.

744

Плебеи были обязаны занимать или эдильство, или трибунат. Патрициям разрешалось пропускать эти должности.

745

Упоминания о казни Иисуса в ранних источниках см.: Tacitus, *Ann*. XV. 44, Ios. Fl. *AJ* 18. 63–64. 20. 200, и рассуждения в E. Schürer, G. Vermes & F. Millar, *The History of the Jewish People in the Age of Jesus Christ*. Vol. 1 (1973), p. 430–441 и введение в обширную литературу о *testimonium Flavianum*, так как некоторые, но, вероятно, не все, эти пассажи являются более поздними интерполяциями; о рождении Юлия Цезаря см.: A. Goldsworthy, *Caesar: The Life of a Colossus* (2006), p. 30.

746

Ios. Fl. *BJ* 2. 117–118, *AJ* 17. 355, 18. 1, 26, *ILS* 2683; рассуждения см.: Schürer (1973), p. 258–259, который указывает на надпись *ILS* 918, где упоминается безымянный сенатор, дважды занимавший должность императорского легата и по крайней мере один раз в Сирии. Возможно, здесь речь идет о Квиринии, а возможно, и нет. Дополнительные сложности вносит христианский апологет конца II – начала III в. н. э. Тертуллиан, который относит рождение Иисуса ко времени цензa, проводимого сирийским легатом Копонием, см.: Tertullian, *Against Marcium* 4. 19; Strabo, *Geog*. XII. 5. 6, Tacitus, *Ann*. III. 48. 2, который упоминает о победе, одержанной Квиринием на границах Киликии, что, вероятно, произошло где-то около 4–3 г. до н. э., возможно, в продолжение того времени, когда он был легатом Галатии и Памфилии.

747

По поводу цензов в Галлии см.: Goudineau в *CAH*²X, p. 499.

748

Весьма разумные рассуждения см.: Schürer (1973), p. 399–427, и более кратко: P. Richardson, *Herod. King of the Jews and Friend of the Romans* (1996), p. 295–298.

749

О Египте см.: A. Bowman в *CAH*[2]X, p. 679–686, 689–693.

750

Об избиении см.: Richardson (1996), p. 297–298, по поводу сомнительного события, которое может быть представлено как факт даже в таких, явно не касающихся этого книгах, как A. Murdoch, *Rome's Greatest Defeat. Massacre in the Teutoburg Forest* (2006), p. 59.

751

Командование военных трибунов было разделено таким образом, что двое из них ежедневно в продолжение двух месяцев чередовались, так что каждому приходилось исполнять службу по два раза в год в течение двух месяцев. – *Прим. пер.*

752

«Путь чести» – последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера древнеримских политиков сенаторского ранга. – *Прим. ред.*

753

В действительности отец триумвира Лепида, консул 78 г. до н. э., умер от болезни на Сицилии, а не был казнен вместе с Брутом. – *Прим. пер.*

754

Это был Гай Азиний Галл, сын Азиния Поллиона. – *Прим. пер.*

755

В действительности свое сабинское поместье Горацию подарил Меценат, а не Август. – *Прим. пер.*

756

В действительности это прозвище носили еще предки Красса-триумвира. – *Прим. пер.*

757

В действительности триумвира Лепида звали Марком. – *Прим. пер.*

758

Остается лишь сожалеть, что себя от чтения на других языках

автор почти полностью освободил, в свойственной многим английским антиковедам традиции практически не используя иноязычную литературу и пренебрегая важнейшими исследованиями В. Гардтхаузена, К. Фицлера, О. Зеека, Ж. Каркопино, М. А. Леви, Н. А. Машкина (имеется его немецкий вариант), Д. Киназа и многих других ученых. – *Прим. пер*.

notes

Примечания

1

В Древнем Риме – родословное древо. – *Прим. ред.*

2

В недавнем мини-сериале «Рим» *(*2006–2007 гг.) молодой Октавий выглядит несколько более симпатичным персонажем, хотя когда в другом сезоне его играет актер постарше, он становится холоднее и расчетливее. Его садизм очевиден, когда он говорит своей новой любовнице Ливии, что ему доставит наслаждение причинять ей боль, когда они занимаются любовью.

3

На тот момент, разумеется, Цезарь Октавиан (хотя сам себя он этим именем не называл – только Цезарем), Августом он станет только в 27 г. до н. э. (см. ниже). – *Прим. пер.*

4

Шекспир У. Юлий Цезарь. Акт IV. Сцена 1. Пер. П. Козлова.

5

Юлиан. Пир, или Цезари. 309 г. до н. э. Краткую дискуссию по этому поводу см.: K. Galinsky, *Augustan Culture* (1996), p. 373.

Dux, dicis *(лат.)* – вождь, предводитель, полководец.

7

Полезный обзор мнений историков см.: Z. Yavetz, ‘The *Res Gestae* and Augustus’ public imagin F. Millar & E. Segal (eds), *Caesar Augustus. Seven Aspects* (1990), p. 1–36, особ. p. 22–26, а также J. Edmondson (ed.) *Augustus* (2009), p. 14–26.

8

Правлению Августа отведено целых восемь книг. – *Прим. пер*.

Если быть точнее, в обоих случаях лучше говорить о первой половине, а то и второй трети II и III вв. н. э. – *Прим. пер.*

10

Дискуссии по поводу важнейших источников по данной тематике см.: F. Millar, *A Study of Cassius Dio* (1964), A. Wallace-Hadrill, *Suetonius* (2nd edn, 1995), C. Pelling, *Plutarch and History* (2002), C. Smith & A. Powell (eds), *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* (2009), R. Syme, *Tacitus* (2 vols,1958) и R. Mellor, *Tacitus* (1993).

11

Здесь и далее Светоний цитируется в переводе М. Л. Гаспарова. – *Прим. пер*.

12

О дате рождения Августа см. Suetonius, *Augustus* 5. 1; об этой сложной картине и о рождении детей в целом см. B. Rawson, *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), *passim*, esp. p. 99–113, S. Dixon, *The Roman Mother* (1988), p. 106–108, 237–240. См. также сборник статей: B. Rawson (ed.), *Marriage, Divorce and Children in Ancient Rome* (1991); о Юлии Цезаре и его избрании великим понтификом см. A. Goldsworthy, *Caesar: The Life of a Colossus* (2006), p. 124–126, и Suetonius, *Iul.* 59 – об отсутствии у него религиозного чувства; о вопросах астрологического характера в связи с датой рождения Августа и использовании им знака Козерога в дальнейшем см. T. Barton, 'Augustus and Capricorn: Astrological Polyvalency and Imperial Rhetoric', *JRS* 85 (1995), p. 33–51.

13

Сенаторы будто бы помешали тому, чтобы текст закона передали на хранение в казначейство (Suetonius, *Aug.* 94.3). – *Прим. пер*.

14

См. Suetonius, *Aug.* 94.5, где утверждается, что это предсказание сделал знаток религии и мистик Публий Нигидий Фигул. Другие истории такого рода связаны с Цицероном и Квинтом Лутацием Катулом, чтобы придать им больше правдоподобия. О вопросах хронологии дебатов вокруг заговора Катилины см. полезный обзор дискуссии у Д. Стоктона: D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 336–339, особ. 337.

15

См. об этом в целом: Rawson (2003), p. 105–112.

16

В целом о значении римских имен см. B. Salway, ‘What’s in a name? A survey of Roman onomastic practice from 700 BC–AD 700’, *JRS* 84 (1994), p. 124–145, особ. 124–131. Детальный и глубокий анализ имен Августа и соответствующей практики в целом см. R. Syme, ‘Imperator Caesar: A Study in Imperial Nomenclature’, *Historia* 7 (1958), p. 172–188 = *Roman Papers*. Vol. 1 (1979), p. 181–196.

17

Plut. *Cato Maior* 20.3. Более детальный разбор этого вопроса см. K. Bradley, ‘Wet-nursing at Rome. A Study in Social Relations’, in Rawson (1986), p. 201–229.

18

О Митридате см. P. Matyszak, *Mithridates the Great. Rome's Indomitable Enemy* (2004); A. Mayor, *The Poison King* (2010).

19

Точнее, в 121 г. до н. э. К тому же точно не известно, был ли Гай убит или покончил с собой. – *Прим. пер*.

20

Речь идет о плебейском трибуне 91 г. до н. э. Марке Ливии Друзе, однако он так и не успел предложить законопроект о даровании прав римского гражданства италийцам, как собирался. – *Прим. пер*.

21

Публий Сульпиций, плебейский трибун 88 г. до н. э. – *Прим. пер.*

22

Их возглавлял Квинт Серторий. К ним присоединились многие участники восстания Лепида, которые отнюдь не подверглись репрессиям поголовно, как следует из текста Голдсуорти. – *Прим. пер*.

23

Имеется в виду консул 87–84 гг. до н. э. Луций Корнелий Цинна. – *Прим. пер*.

24

Это был виднейший сулланец, консул 78 г. до н. э. Квинт Лутаций Катул. – *Прим. пер.*

25

Suetonius, *Iul.* 13 (о словах Цезаря матери); также см. Plut. *Caesar* 7; Dio Cass. XXXVII. 1–3, Velleius Paterculus, II. 43. 3; в целом см. Goldsworthy (2006), p. 124–127 = (2007), p. 150–154.

26

О предках Цезаря см. Goldsworthy (2006), p. 31–34 = (2007), p. 37–41; о Катилине см. Stockton (1971), p. 73–78, 96–8, 100–107.

27

Катилина называл Цицерона инквилином, т. е. человеком, у которого нет своего дома в Риме (оратор купил его позднее). – *Прим. пер*.

28

См. T. Mitchell, *Cicero: The Ascending Years* (1979), p. 149–176, 222–225, Stockton (1971), p. 79–84.

29

Описание события в целом см. Sall, *Bell. Cat. II* 6–27, Stockton (1971), p. 105–106, Mitchell (1979), p. 226–232, T. Rice Holmes, *The Roman Republic* Vol. 1 (1928), p. 259–272; о «пришлеце» (*inquilinus civis urbis Romanam*) см. Sall. *Cat.* 31. 9; весьма примечателен также пассаж в речи Цицерона «За Мурену», в которой оратор защищал одного из победителей на выборах, обвиненного затем в подкупе избирателей.

30

Об орле Мариева легиона см. Sall. *Cat.* 59. 3.

31

Senatus consultum против Гая Гракха был принят в 121, а не 122 г. до н. э., а в 88 г. до н. э. таковой вообще в источниках не зафиксирован. – *Прим. пер.*

32

Публий Корнелий Лентул Сура был к тому же консулом 71 г. до н. э. – *Прим. пер*.

33

Автор излагает версию Цицерона, на сомнительность которой не раз указывалось в научной литературе. Не исключено, что улики как минимум частично были сфабрикованы Цицероном. Голдсуорти может не разделять эту давно и хорошо известную версию, но обязан ее оговорить. – *Прим. пер.*

34

Речь идет о консуле 121 г. до н. э. Луции Опимии. – *Прим. пер.*

35

Cicero, *Pis*. 6 (этим сенатором был Квинт Лутаций Катул. – *Прим. пер*.).

36

Рассказ о событиях, связанных с заговором Катилины, см. Stockton (1971), p. 110–142, Mitchell (1979), p. 219–240; о роли Цезаря в дискуссии по поводу судьбы катилинариев см. M. Gelzer, *Caesar: Politician and Statesman* (1968), p. 50–52; C. Meier, *Caesar* (1996), p. 170–172; Goldsworthy (2006), p. 115–142 = (2007), p. 144–172.

37

Suetonius, *Aug.* 3, 5, Velleius Paterculus, II. 59. 1–2, Dio Cass. XLV. 1. 1, Tacitus, *Ann.* I. 9; о размерах состояния Гая Октавия см. I. Shatzman, *Senatorial Wealth and Roman Politics. Collection Latomus.* Vol. 142 (1975), p. 387, а также прим. 692 и 693, в целом – E. Rawson, 'The Ciceronian Aristocracy and its Properties', in M. I. Finley (ed.), *Studies in Roman Property* (1976), p. 85–102; в ходе раскопок в северо-восточной части Палатина был обнаружен дом аристократа, который подвергли перепланировке во II – I вв. до н. э. (сгорел в I в. н. э. во время пожара при Нероне) – возможно, он принадлежал Октавию. См. J. Patterson, 'The City of Rome Revisited: From Mid-Republic to Mid-Empire', *JRS* 100 (2010), p. 210–232, особ. p. 223, fn. 112, со ссылками на данные недавних итальянских раскопок в этом месте.

38

Досл. «с крупинкой соли» (*лат.)*, т. е. с долей скептицизма. – *Прим. пер*.

39

Suetonius, *Aug.* 2.3–3.1; App. *BC*. III. 23; имя Гая Октавия появляется на долговой табличке банкира, или тессере, и с наибольшею вероятностью ассоциируется с отцом Гая Октавия. Рассмотрение вопроса об участии сенаторов в ростовщической деятельности см. Shatzman (1975), p. 75–79.

40

Такая точка зрения господствовала в старой литературе, однако в настоящий момент ученые все чаще склоняются к мнению, что римская армия в это время по-прежнему состояла в большинстве своем из зажиточных крестьян. – *Прим. пер*.

41

Согласно Ливию (per. 98), общее число граждан по данным ценза 70–69 гг. до н. э. составило 900 тыс. чел., хотя в других источниках общая цифра на 10 тысяч выше, рассмотрение вопроса см. E. Lo Cascio, ‘The Size of the Roman Population: Beloch and the Meaning of the Augustan Census Figures’, *JRS* 84 (1994), p. 23–40. Общие цифры населения в Древнем мире остаются в высшей степени спорными.

42

О том, что только тот, кто в состоянии содержать армию, может считать себя богатым, см. Plut. *Crass.* 2; о богатстве Красса см. Plin. *NH.* XXXIII. 134, хотя у Плутарха эта цифра несколько ниже (Crass. 2); по этому поводу см. Schatzman, 1975, с. 375–378 (с комментарием); (1975), p. 375–378, и о Помпее, p. 389–93. В целом о карьере каждого из них см. A. Ward, *Marcus Crassus and the Late Roman Republic* (1977), P. Greenhalgh, *Pompey: The Roman Alexander* (1980) и R. Seager, *Pompey the Great. A Political Biography* (2nd edn, 2002).

43

О способах использования Крассом денег см. Plut. *Crass.* 2–3; о сенаторах, которые брали у него в долг, см. Sall. *Cat.* 48.5–6; о публиканах в целом см. E. Badian, *Publicans and Sinners* (1972).

44

См. R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 112; о родстве с Помпеем см. Suetonius, *Augustus* 4.1.

45

Его возраст можно предполагать исходя из того, что он был квестором в 73 г. до н. э. – в том же году, что и Гай Тораний, с которым он был эдилом, см. *ILS* 47. Но если Тораний потерпел поражение от Спартака (Sall. *Hist.* III. 46M, Flor. 2. 8. 5), то его карьера могла таким образом замедлиться, а потому позднее они оказались коллегами. Данные источников собраны у Т. Броутона: Broughton, *MRR 2*, p. 110.

46

О карьере Гая Октавия см. *ILS* 47; о числе легионов в то время см. P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC–AD 14* (1971), p. 446–472, наименьшее их количество (80 г. до н. э.) оценивается в четырнадцать, наибольшее – в тридцать девять (71–70 гг. до н. э.).

47

О квестуре см. Lintott (1999), p. 133–137, о датировке см. прим. 40; о Торании и Спартаке см. Sall. *Hist.* III. 46M, Florus 2. 8. 5.

Имеется в виду, что она не была обязательна для тех, кто хотел позднее избираться консулом. – *Прим. пер*.

См. Lintott (1999), p. 129–133.

50

См. недавний блестящий обзор ранней карьеры Цезаря: E. Gruen, ‘Caesar as a politician’, in M. Griffin (ed.), *A Companion to Julius Caesar* (2009), p. 23–36, также см. L. Taylor, ‘The Rise of Julius Caesar’, *Greece and Rome* 4 (1957), p. 10–18, Gelzer (1968), p. 22, в целом см. Goldsworthy (2006), p. 82–151 = (2007), p. 61–183, R. Billows, *Julius Caesar. The Colossus of Rome* (2009), p. 56–110, где подчеркивается последовательное отстаивание Цезарем дела народа. О *corona civica* см. Gell. *NA.* 5. 6. 13–14, Plin. *NH.* XVI. 12–13, дискуссию по этому поводу см. V. Maxfield. *The Military Decorations of the Roman Army* (1981), p. 70–74, 119–20.

51

О кандидатах и процессе выборов в целом см. L. Taylor, *Party Politics in the Age of Caesar* (1949), особ. см. p. 50–75, и *Roman Voting Assemblies: From the Hannibalic War to the Dictatorship of Caesar* (1966), особ. см. p. 78–106, A. Lintott, 'Electoral Bribery in the Roman Republic', *JRS* 80 (1990), p. 1–16, F. Millar, *The Crowd in the Late Roman Republic* (1998), H. Mouritsen, *Plebs and Politics in the Late Roman Republic* (2001), особ. см. p. 63–89, A. Yakobson, '*Petitio et Largitio*: Popular Participation in the Centuriate Assembly of the Late Republic', *JRS* 8 (1992), p. 32–52.

52

Q. Cicero, *Comment. Pet.* 35. Существует общее согласие по поводу того, что автором данного сочинения является Квинт Цицерон. (Отнюдь, авторство Квинта Цицерона многими учеными ныне оспаривается. – *Прим. пер.*) Написал он довольно много, хотя мало что из этого сохранилось. Во время участия в галльских походах Юлия Цезаря он писал брату, что сочинил четыре трагедии всего за шестнадцать дней: Cicero, *Ad Quintum Fratrem* 3. 5/6. 8.

53

См. Plut. *Cato the Younger* 8. 2; см. Q. Cicero, *Handbook on Electioneering* 41–42 о важности того, чтобы кандидат знал имена, а если и пользовался подсказками, чтобы это выглядело естественно.

54

Речь идет о процессе Гая Рабирия, обвинявшегося, помимо прочего, в убийстве плебейского трибуна Луция Апулея Сатурнина, чья личность считалась священной и неприкосновенной. – *Прим. пер*.

55

О позиции Цезаря см. Goldsworthy (2006), p. 119–145, особенно p. 121–124 о процессе Рабирия Постума (в действительности просто Рабирий. Рабирий Постум – другое лицо, финансист, в защиту которого Цицерон также произнес речь, дошедшую до нашего времени. – *Прим. пер.*). О постоянной борьбе Цезаря за интересы народа как одной из важнейших причин его успеха см. аргументацию Р. Биллоуза: Billows (2009), p. 56–110.

56

Речь идет о легате Марке Петрее, одном из видных помощников Помпея. – *Прим. пер*.

57

О карьере Помпея в целом см. A. Goldsworthy, *In the Name of Rome* (2004), p. 152–80, более подробно см. Seager (2002), p. 20–38; о его прозвище сообщается у Валерия Максима (VI. 2. 8).

58

В действительности никакого покаяния Цезарь не приносил, он лишь уговорил разойтись толпу, которая готова была применить силу, чтобы не дать сенату лишить его преторской власти. – *Прим. пер.*

59

Suetonius, *Iul*. 15, Dio Cass. XXXVII. 43. 1–4; Plut. *Cato Minor* 26. 1–29. 2.

60

Q. Cicero, *Comment. pet.* 45, 47–48 (пер. В. О. Горенштейна, в некоторых случаях с уточнениями).

61

Этот вопрос хорошо рассмотрен у Р. Биллоуза: Billows (2009), p. 104–105.

62

По этому вопросу см. L. Ross Taylor, *Roman Voting Assemblies* (1966), p. 84–106.

63

Velleius Paterculus, II. 59. 2 (о том, что Гай Октавий шел первым в списке избирателей), также см. E. Gruen, *The Last Generation of the Roman Republic* (1974), p. 118–119.

У А. Голдсуорти ошибочно дана ссылка на I. 21. В переводе В. О. Горенштейна, в котором письма Цицерона цитируются и далее, речь идет о консуле 75 г. до н. э. Гнее Октавии. – *Прим. пер*.

65

Сам по себе уход в добровольное изгнание еще не означал отказа от гражданских прав. – *Прим. пер*.

66

Suetonius, *Iul.* 11, Dio Cass. XXXVII. 10. 1–3; Plutarch *Cato the Younger* 17. 4–5.

67

Подразумевается наместник Сицилии в 73–71 гг. до н. э. Гай Веррес. – *Прим. пер.*

См. Catull. 10; Cicero, *Verrines* I. 40.

По поводу историчности этого закона в науке высказывались обоснованные сомнения. – *Прим. пер*.

70

Suetonius, *Augustus* 3. 2, 94. 5, Velleius Paterculus, II. 59. 2, *ILS* 47; о требовании уничтожить в битве 5000 неприятелей см. Val. Max. II. 8. 1, дискуссию по этому поводу см. J. Richardson, 'The Triumph, the Praetors and the Senate in the Early Second Century BC', *JRS* 65 (1976), p. 50–63, особ. 61–62.

71

Tacitus *Ann.* 1. 9, Cicero, *Philippicae* III. 15; Gruen (1974), p. 143, fn. 96.

72

Письмо Целия в составе переписки Цицерона (*ad fam.* VIII. 8. 9).

73

Suetonius, *Aug.* 8. 1, 27. 1; Nic. Dam. *Vita Aug.* 2; App. *BC.* IV. 12.

Nicolaus Damascus *Vita Aug.* 3; R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 127–128; 'Neglected children on the *Ara Pacis*', *American Journal of Archaeology* 88 (1984), p. 583–589, 586, fn. 17.

Cicero, *Or*. 120 (пер. И. П. Стрельниковой).

76

О *paedogogus* Октавия Dio Cass. LVIII. 33. 1 (правильно – XLVIII. 33. 1. – *Прим. пер.*): упоминание о том, что Сфер в 40 г. до н. э. удостоился общественных похорон за счет воспитанника; о детстве у римлян в целом см. B. Rawson (ed.), *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), особ. p. 99–113; о римском воспитании см. H. Marrou, *A History of Education in Antiquity* (1956), p. 229–291, A. Gwynn, *Roman Education* (1926), особ. 1–32; Cicero, *De re publica* IV. 3; «древний и богатый всаднический род»: Suetonius, *Aug.* 2. 3.

Это выражение приводит Аппиан: *BC* II. 9.

Обсуждение этого вопроса см. R. Seager, *Pompey the Great. A Political Biography* (2002), p. 72–79; T. Wiseman in *CAH2,* IX, p. 358–367.

Seager (2002), p. 79–82, M. Gelzer (trans. P. Needham), *Caesar* (1968), p. 65–68; что касается жалованья воинов, то стоит заметить, что Юлий Цезарь смог удвоить им плату, но они отнюдь не стали богатыми: Suetonius, *Iul.* 26, более подробно о римской армии того времени см. R. Smith, *Service in the Post-Marian Roman Army* (1958).

Луций Афраний, консул 60 г. до н. э. – *Прим. пер.*

81

О проконсульстве Цезаря в Дальней Испании в целом см. Gelzer (1968), p. 61–70, A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 148–159 = (2007), p. 179–195, Gruen, ‘Caesar as a Politician’, in M. Griffin (ed.), *A Companion to Julius Caesar* (2009), p. 23–36, особ. 29–31; о методе обструкции, примененном Катоном, см. App. *BC* II. 8, Dio Cass. XXXVII. 54. 1–2, Suetonius, *Iul.* 18. 2; Plut. *Cato the Younger* 31. 2–3, *Caesar* 13. 1.

См. Syme (1960), p. 34–35.

83

О консульстве Юлия Цезаря в целом см. L. Ross Taylor, ‘The Dating of Major Legislation and Elections in Caesar’s First Consulship’, *Historia* 17 (1968), p. 173–193, Gruen (2009), p. 31–35, Gelzer (1968), p. 71–101, C. Meier (trans. D. McLintock), *Caesar* (1996), p. 204–223, Goldsworthy (2006), p. 161–181 = (2007), p. 196–220, R. Billows, *Julius Caesar. The Colossus of Rome* (2009), p. 111–129, Seager (2002), p. 86–100; об аресте Катона см. Dio Cass. XXXVIII. 2. 1–3. 3. Suetonius, *Julius Caesar* 20. 4; Plut. *Cato the Younger* 33. 1–2 предлагают несколько различающиеся версии случившегося, явно относя арест Катона к другому эпизоду, а не к обсуждению земельного закона.

84

Точное название – вигинтивиры, т. е. члены комиссии двадцати. – *Прим. пер.*

85

Об Атии Бальбе как об одном из комиссии двадцати говорится у Светония (*Aug.* 1).

86

О схватках на Форуме см. Dio Cass. 38. 6. 4–7. 2, App. BC. II. 11, Plut. *Cato the Younger* 32. 2–6; Suetonius, *Iul.* 20. 1; о попытках Бибула воспрепятствовать принятию законов см. Suetonius, *Julius Caesar* 20. 2; Dio Cass. XXXVIII. 8. 2 с комментариями Л. Р. Тэйлор: Taylor (1968), p. 177–179.

87

Suetonius, *Iul.* 21; 50. 1–2; Plut. *Pomp.* 47–48, *Caesar* 14; Dio Cass. XXXVIII. 9. 1; о Цезаре как «муже всех жен и жене всех мужей» см. Suetonius, *Iul.* 52. 3.

88

Плебейский трибун 59 г. до н. э. Публий Ватиний. – *Прим. пер.*

89

Рассмотрение закона Ватиния (*lex Vatinia*) о даровании Цезарю командования см.: Taylor (1968), p. 182–188.

Римляне называли фамильное имя когномен, родовое (в данном случае Клавдий) – номен. – *Прим. пер*.

91

О Клавдии во время Первой Пунической войны: Suetonius, *Tib.* 2–3, Cicero, *de natura deorum* II. 7. О Клодии в целом см. W. Tatum, *The Patrician Tribune Publius Clodius Pulcher* (1999) *passim*, о скандале на празднике *Bona Dea* и начавшейся с этого времени вражды с Цицероном см. J. Balsdon, 'Fabula Clodiana', *Historia* 15 (1966), p. 65–73; по вопросу о позициях этой фамилии в I в. до н. э. см. E. Gruen, *The Last Generation of the Roman Republic* (1974), p. 97–100.

92

Dio Cass. XXXVIII. 12. 1–3, Cicero, *De domo* 41, *ad Att.* 8. 3, Suetonius, *Iul.* 20. 4, Plut. *Caesar* 14; см. также Gelzer (1968), p. 76–78, Seager (2002), p. 91–99.

93

Добротный обзор политики тех лет см. J. Ramsay, ‘The Proconsular Years: Politics at a Distance’, in Griffin (2009), p. 37–56; Wiseman in *CAH2* IX, p. 366–381, 385–408.

Никакими источниками подобное утверждение не подкрепляется. Наместник не мог лишь возвращаться в Рим до срока, ибо тогда должен был сложить полномочия. Проконсул Дальней Испании Метелл Пий, например, зиму 75/74 г. до н. э. провел в Цизальпинской Галлии. – *Прим. пер*.

95

О «конференции в Луке» и укреплении союза между Помпеем, Крассом и Юлием Цезарем см. Suetonius, *Iul.* 24. 1; App. *BC*. II. 17; Plut. *Pompey* 50, *Caesar* 21, *Crassus* 14; также см. Gelzer (1968), p. 120–124; Seager (2002), p. 110–119; Meier (1996), p. 270–273; A. Ward, *Marcus Crassus and the Late Roman Republic* (1977), p. 262–288.

Плебейский трибун 55 г. до н. э. Гай Атей Капитон. – *Прим. пер.*

97

О выкидыше у Юлии см. Plut. *Pompey* 53; об отъезде Красса из города см. Cicero, *ad Att.* 4. 13, Plut. *Crassus* 16.

Юлия умерла во второй половине 54 г. до н. э. – *Прим. пер.*

99

Suetonius, *Iul*. 27. 1; главными источниками о битве при Каррах и гибели Красса являются Плутарх и Дион Кассий: Plut. *Crassus* 17–33, Dio Cass. XL. 12–30.

100

Консулами стали Марк Валерий Мессала и Гней Домиций Кальвин. – *Прим. пер*.

101

О Клодии и Милоне см. Gelzer (1968), p. 145–152; Meier (1996), p. 297–301; Seager (2002), p. 126–135.

102

О Помпее как консуле без коллеги см. Plut. *Pompey* 54, *Cato* 47, Dio Cass. XL. 50. 4, App. *BC*. II. 23; о новом статусе Помпея и его новом браке см. Syme (1960), p. 36–40, о Корнелии см. Plut. *Pompey* 55.

103

Речь идет о племенах гельветов. Насколько они угрожали римским владениям и союзникам, вопрос спорный. – *Прим. пер*.

104

Более подробный рассказ о кампаниях Юлия Цезаря в Галлии см. Goldsworthy (2006), p. 184–356 = (2007), p. 222–431; о «Записках о галльской войне» Цезаря см. сборник статей: K. Welch & A. Powell (eds), *Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments* (1998).

105

Cicero, *ad Fam.* VIII. 8. 9; о сползании к гражданской войне см. Gelzer (1968), p. 169–194, Seager (2002), p. 138–151, Wiseman in *CAH2* IX, p. 414–423, Goldsworthy (2006), p. 358–379 = (2007), p. 434–460.

Этим трибуном был Гай Скрибоний Курион. – *Прим. пер*.

107

App. *BC* II. 28, несколько иную версию см. у Плутарха: *Pompey* 58, ср. Dio Cass. 60. 64. 1–4.

108

Декрет сената о защите республики (специальное постановление сената, наделявшее магистратов чрезвычайными полномочиями). – *Прим. ред.*

109

Квинт Кассий Лонгин. – *Прим. пер.*

Претор 49 г. до н. э. Марк Фавоний. – *Прим. пер*.

111

О том, как Помпей обещал топнуть ногой, см. Plut. *Pompey* 57, 60; «Сулла смог» – см. Cicero, *ad Att.* IX. 10. 3; изложение и анализ этих кампаний см. A. Goldsworthy, *Caesar. The Life of a Colossus* (2006), p. 380–471 = (2007), p. 461–574.

112

Cicero, *ad Att.* IX. 7C. 1 (пер. В. О. Горенштейна).

113

Об этих кампаниях см. Goldsworthy (2006), p. 380–431 = (2007), p. 461–524.

114

Фарнак, сын Митридата VI, был разгромлен Цезарем в битве при Зеле в августе 47 г. до н. э. – *Прим. пер*.

115

О поведении римских командующих см. N. Rosenstein, *Imperatores Victi* (1993), p. 114–151; более подробно о смерти Помпея и пребывании Юлия Цезаря в Египте см. A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 167–181.

116

Suetonius, *Augustus* 8. 1, Nic. Dam. *Vita Aug.* 3; о похоронах аристократов см. знаменитый рассказ Полибия: VI. 53. 1–54. 6.

117

Tacitus *Dial.* 28. 4–7 (пер. А. С. Бобовича).

118

Nic. Dam. *Vita Aug.* 4; О виллах Филиппа упоминает Цицерон: *ad Att.* 12. 16, 12. 18, 14. 11; о нейтралитете Марцелла см. R. Syme. *The Roman Revolution* (1960), p. 62.

119

Suetonius, *Augustus* 8. 1; 94. 10; Dio Cass. XLV. 1. 5–6; Nic. Dam. *Vita Aug.* 4; о церемонии, связанной с надеванием *toga virilis* см. B. Rawson, *Children and Childhood in Roman Italy* (2003), p. 142–144, о жертвоприношении Ювентуте см. у Дионисия Галикарнасского (IV. 15. 5).

120

Имеется в виду консул 54 г. до н. э. Луций Домиций Агенобарб. – *Прим. пер*.

121

О выборах понтифика см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 4, Cicero, *Philippicae* V. 17. 46, Velleius Paterculus, II. 59. 3.

Sall. *Cat.* 25. Пер. В. О. Горенштейна.

123

О внешности Юлия Цезаря см. Suetonius, *Iul.* 45. 1, о глазах Октавия см. Suetonius, *Augustus* 79. 2. О сексуальных нравах и Октавии см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 5, 15; литература о сексе в античном Риме необозрима, все время пополняется и слишком часто является отражением современных воззрений, полезное введение в вопрос см. P. Grimal (trans. A. Train), *Love in Ancient Rome* (1986); об Антонии и Кифериде см. Cicero, *ad Att.* X. 10, *Philippicae* II. 58, *ad fam.* IX. 26. Serv. On E 10; *de vir. ill.* 82. 2, Plut. *Ant.* 6, 9. Отвращение к ней Цицерона находит публичное выражение в «филиппиках»: 2. 58, 69, 77; в целом см. Grimal (1986), p. 222–237; об идентификации Лесбии с одной из сестер Клодия см. у Апулея: *Apologia.* 10.

124

См. в целом: E. Rawson, ‘Civil War and dictatorship’ in *CAH2* IX, p. 438–467; Syme (1960), p. 61–96 о «партии» Цезаря и его новых сенаторах.

125

Ограда на Форуме или на Марсовом поле для предвыборных собраний. – *Прим. ред.*

126

Cicero, *ad Att.* IV. 16. 3, 8, 17. 7, Suetonius, *Iul.* 26. 2, Plin. *NH.* XXXVI. 103, а также Rawson in *CAH2* IX, p. 453–454.

127

Suetonius, *Iul.* 44. 2; Plin. *NH.* XVIII. 211; Plut. *Caesar* 59; Macr. *Saturnalia* I. 14. 2–3; T. Rice Holmes, *The Roman Republic.* Vol. III (1923), p. 285–287; Gelzer (1968), p. 289; Z. Yavetz, *Julius Caesar and his Public Image* (1983), p. 111–114.

128

О триумфах Цезаря см. Dio Cass. XLIII. 19. 1–21. 4, 42. 3, 44. 1–3; App. *BC*. II. 101–102, Plut. *Caesar* 55; Suetonius, *Iul.* 37; Plin. *NH*. VII. 92; Cicero, *Philippicae* XIV. 23; комментарии по этому поводу см. M. Gelzer, *Caesar* (1968), p. 284–286, Holmes (1923), p. 279–281, в целом см. S. Weinstock, *Divus Julius* (1971), особ. p. 76–77.

129

Замечание Юлия Цезаря о том, что он вознаградит и разбойника, если тот будет предан ему, см. Suetonius, *Augustus* 72; в целом см. Goldsworthy (2010), p. 183–190 о долгах и наградах его сторонникам.

130

Suetonius, *Augustus* 8. 1, 41. 1, Nic. Dam. *Vita Aug*. 6–15, Dio Cass. XLIII. 47. 3, Tacitus, *Ann.* 11. 25. 2, см. также замечания Р. Биллоуза (R. Billows, *Julius Caesar: The Colossus of Rome* (2009), p. 256–258) о его отношении к Октавию и своим племянникам.

131

В сущности, Сулла был диктатором всего год с небольшим, с ноября 82 по декабрь 81 г. до н. э., в 80 г. он уже стал консулом. – *Прим. пер*.

132

В том, что Цезарь страдал этой болезнью, позволительно усомниться, поскольку словоохотливый Цицерон ни разу не упоминает об этом. – *Прим. пер*.

133

Кресло без спинки с Х-образными загнутыми ножками. В Древнем Риме могло принадлежать только высшим магистратам. Юлий Цезарь был первым человеком, получившим золотое курульное кресло. – *Прим. ред.*

134

Рассмотрение вопроса о планах Цезаря см. E. Rawson, ‘Caesar’s Heritage: Hellenistic Kings and their Roman Equals’, *JRS* 65 (1975), p. 148–159, R. Carson, ‘Caesar and the monarchy’, *Greece & Rome* 4 (1957), p. 46–53, J. Collins, ‘Caesar and the corruption of power’, *Historia* 4 (1957), p. 445–465.

135

Плебейские трибуны 44 г. до н. э. Луций Цезетий Флав и Гай Эпидий Марулл. – *Прим. пер.*

136

О фразе «Не царь, но Цезарь» см. Suetonius, *Iul.* 79. 2; о празднике Луперкалий в 44 г. до н. э. см. Dio Cass. XLIV. 11. 1–3, App. *BC*. II. 109, Plut. *Caesar* 61, *Ant.* 12, Cicero, *Philippicae* II. 84–87, *de divinatione* 1. 52, 119, Suetonius, *Iul.* 79. 2–3, рассмотрение этих событий с современной точки зрения см. J. North, 'Caesar at the Lupercalia', *JRS* 98 (2008), p. 144–160, где резонно доказывается, что Юлий Цезарь не мог проводить это мероприятие в надежде стать царем, а отказ от короны был запланирован изначально; также см. Weinstock (1971), p. 318–341.

137

Квинт Фабий Максим. Его коллегой был Гай Требоний. – *Прим. пер*.

138

Консулом в последний день года стал Гай Каниний Ребил. – *Прим. пер*.

139

Suetonius, *Iul.* 41. 2, 76. 2, 80. 3, Dio Cass. XLIII. 46. 2–4, Plut. *Caesar* 58, Plin. *NH.* VII. 181, Cicero, *ad Fam.* VII. 30. 1–2, Gelzer (1968), p. 309, 310–311, Holmes (1923), p. 328–330.

140

Suetonius, *Iul.* 77; о неожиданной благодарности Цицерону от провинциалов см. Cicero, *ad Fam.* IX. 15. 4; о поведении во время игр см.: Suetonius, *Augustus* 45. 1.

141

Лектика – носилки для знатных особ в Древней Греции и Риме. – *Прим. ред.*

142

«Я прожил достаточно долго», Cicero, *pro Marcello* 8, 25; «он ненавидит меня»: Cicero, *ad Att.* XIV. 1. 2.

143

О заговорщиках в целом см. Gelzer (1968), p. 323–9, Syme (1960), p. 44–45, 56–60, 64, 95, A. Lintott, ‘The Assassination’, in Griffin (2009), p. 72–82, источники – Suetonius, *Iul*. 83. 2, Dio Cass. XLIII. 47. 3, 44. 11. 4–14. 4; App. *BC*. II. 111–114, 3. 98; Plut. *Ant.* 13, *Brutus* 6–13; *Caesar* 62; Suetonius, *Iul*. 80. 1, 3–4; Velleius Paterculus, II. 58. 1–4; О самоубийстве Катона Младшего см. Dio Cass. XLIII. 10. 1–13. 4, App. *BC*. II. 98–99, Plut. *Cato Min.* 56. 4, 59. 1–73. 1.

Имеется в виду сын Помпея Великого. – *Прим. пер*.

145

Цит. по: Cicero, *ad Fam.* XV. 19. 4; о сочинениях, где восхвалялся Катон Младший, и «Антикатоне» Цезаря см. Cicero, *ad Att.* XII. 21. 1, XIII. 40. 1; 46; 51. 1, *Orator* 10, 35, Plut. *Cato Min.* 11. 1–4, 25. 1–5, 73. 4, *Cicero* 39. 2, *Caesar* 3. 2, Suetonius, *Iul.* 56. 5; из современной историографии – Gelzer (1968), p. 301–304; Holmes (1923), p. 311; D. Stockton, *Cicero* (1971), p. 138; о том, что сенаторы поклялись защищать Юлия Цезаря, см. Suetonius, *Iul.* 84. 2; заговорщики не связывали друг друга клятвой, Plut. *Brutus* 12, в отличие от катилинариев: Sall. *Cat.* 22. 1–2.

Гай (?) Сервилий Каска. – *Прим. пер*.

147

Стиль, стилус, стилос – заостренный металлический стержень для письма. – *Прим. ред.*

148

‘Об убийстве Цезаря см. Plut. *Caesar* 66; *Brutus* 17; *Ant.* 13, Dio Cass.44. 19. 1–5; App. *BC*. II. 117, Suetonius, *Iul.* 82. 1–3.

149

Матия цитирует Цицерон в письме к Аттику (XIV. 1. 1).

150

‘Suetonius, *Augustus* 9. 2, App. *BC*. III. 9; Velleius Paterculus, II. 59. 4; Dio Cass. XLV. 3. 1; Николай Дамасский (*Vita Aug.* 16) пишет о пребывании Октавия в Аполлонии; примеры поездок в страны эллинистического мира для обучения риторике являют собой путешествия Цицерона и Юлия Цезаря, см. Cicero, *Brutus* 316; Suetonius, *Iul*. 4. 2; Plut. *Caesar* 2.

151

Аппиан (*BC*. III. 9) подчеркивает его участие в тренировках вместе с кавалеристами.

152

О Сальвидиене и Агриппе см. R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 129, fn. 2–3.

153

О новостях про убийство Цезаря и реакции на них см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 16; комментарии современных ученых: J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 31, об ожидании легионами возможности пограбить см. ibid., p. 47. 6; Nic. Dam. *Vita Aug.* 17–18; App. *BC*. III. 10–11.

Nic. Dam. *Vita Aug.* 17–18; App. *BC*. III. 10–11.

155

О последствиях мартовских ид и о погребении Юлия Цезаря см. Rawson in *CAH2* IX, p. 468–470, Syme (1960), p. 97–105, Osgood (2006), p. 12–14, A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 204–214, T. Mitchell, *Cicero the Senior Statesman* (1991), p. 289–291; App. *BC*. II. 120–123, 120 – об иронии Аппиана по поводу подкупа народа при восстановлении свободы.

156

О завещании Юлия Цезаря см. Suetonius, *Julius Caesar* 83. 2, полезный обзор вопроса см. R. Billows, *Julius Caesar: The Colossus of Rome* (2009), p. 256–258, Osgood (2006), p. 31, fn. 71 со ссылками на литературу; об утверждении Цицерона, будто Юлий Цезарь не вернется из восточного похода, см. Cicero, *ad Att.* XV. 2. 3.

157

Антоний отказался от своей части отцовского имущества: Cicero, *Philippicae* II. 44 (очевидно, II. 42. – *Прим. пер.*); о власти над вольноотпущенниками см. App. *BC*. III. 94.

158

Nic. Dam. *Vita Aug.* 18; App. *BC*. III. 11–13, Suetonius, *Augustus* 9. 2; Цицерон о кампании Филиппа: Cicero, *ad Fam.* XII. 2. 2; слова Ахиллеса у Аппиана: *BC*. III. 13, цитата из «Илиады» (XVIII. 98): «О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга спасти от убийцы!» (пер. Н. И. Гнедича).

159

Стремление Октавия к господству с самого начала подчеркивается в работе: B. Levick, *Augustus. Image and Substance* (2010), p. 23–24.

160

О его имени см. важную статью Р. Сайма: R. Syme, ‘Imperator Caesar: A Study in Imperial Nomenclature’, *Historia* 7 (1958), p. 172–188.

161

Nic. Dam. *Vita Aug.* 18, App. *BC*. III. 13–21, Cicero, *ad Att.* XIV. 6. 1; Osgood (2006), p. 31, fn. 73; Cicero, *ad Att.* XIV. 5. 3 (вопрос Аттику о прибытии молодого Цезаря в Рим).

Во время Серторианской войны 80–71 гг. до н. э. – *Прим. пер.*

163

Cicero, *ad Att.* XIV. 10. 3; о происхождении Бальба и его службе Юлию Цезарю см. Syme (1960), p. 71–73. Цицерон однажды защищал его в суде, речь *pro Balbo* («За Бальба») сохранилась; о Цицероне как свидетеле в целом см. A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), особ. p. 339–373.

164

Цитата из Цицерона: Cicero, *ad Att.* XIV. 11. 2; о добрых отношениях Марцелла с заговорщиками см. *ad Att.* XV. 12. 2; о поведении двух первых консулов см. Syme (1960), p. 114, 128. Сайм был склонен говорить о Цезарианской и Помпеянской партиях, но не представлял их как устойчивые или постоянные группы.

165

О Долабелле см. Syme (1960), p. 69, fn. 2, 97, 150–151; о его прошлом конфликте с Антонием см. Goldsworthy (2010), p. 186–191.

166

Plut. *Ant.* 4 о подражании Геркулесу и стереотипе хвастливого воина; об Антонии в целом см. Goldsworthy (2010), *passim*.

167

О роде Антониев см. Goldsworthy (2010), p. 52–65.

168

Cicero, *Philippicae* II. 44 (отказе от части отцовского состояния), 44–46 (о его молодости); в целом см. Goldsworthy (2010), p. 81–104.

169

Cicero, *Philippicae* II. 58, *ad Att.* Ч. 10, 13, *ad Fam.* IX. 26, Serv. Ad E 10; *de vir. ill.* 82. 2. Цицерон публично выразил свое возмущение в одной из «филиппик»: II. 58, 69, 7; также см. Plut. *Ant.* 6, 9, Plin. *NH.* VIII. 55.

170

Cicero, *Phil.* II. 64–69, 72–74, 78; Plut. *Ant.* 10; Dio Cass. XLV. 28. 1–4; Плутарх (*Ant.* 10) пишет о разрыве между Цезарем и Антонием. М. Гельцер склонен рассматривать это сообщение всерьез (M. Gelzer (trans. P. Needham)), *Caesar* (1968), p. 261–262), тогда как Р. Сайм относится к нему с сомнением (Syme (1960), p. 104); о поездке в одной с Юлием Цезарем колеснице см. Plut. *Ant.* 11.

171

См. R. Weigel, *Lepidus. The Tarnished Triumvir* (1992), p. 44–51, and Syme (1960), p. 97–111; великолепный анализ позиции Антония см. у Дж. Рамсея: J. Ramsay, ‘Did Mark Antony contemplate an alliance with his political enemies in July 44 B.C.E.?’, *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268, хотя основное внимание сосредоточено на летних месяцах, рассматривается и его позиция в интересующее нас время.

172

Об Аматии и алтаре Цезаря см. App. *BC.* III. 2–3, 36, Cicero, *ad Att.* XIV. 15, Syme (1960), p. 99; о его попытке получить поддержку молодого Октавия см. Nic. Dam. *Vita Aug.* 14.

173

J. Ramsay, ‘The Senate, Mark Antony, and Caesar’s Legislative Legacy’, *Classical Quarterly* 44 (1994), p. 130–145. Дж. Рамсей не без основания проявляет осторожность, говоря об оценках Цицерона в целом, и проводит блестящий анализ некоторых особенно спорных мер и контекста, в котором они осуществлялись. Детали не могут изменить главного – одобрение таких законов и пожалований было чрезвычайно выгодно для Антония, независимо от того, являлись они действительно решениями диктатора или нет.

174

Территория нынешней Центральной, Северной Франции и Бельгии. Названа так из-за обычая тамошних воинов – кельтов для устрашения идти в бой со вздыбленными волосами. – *Прим. ред.*

175

App. *BC*. III. 27, 30; также см. Syme (1960), p. 115–116; P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC–AD 14* (1971), p. 477–483, Osgood (2006), p. 33–34.

176

Cicero, *ad Att.* XVI. 1, 2. 3, 4. 1, 5. 1, App. *BC.* III. 24; Plut. *Brutus* 21. 2–3; цитата из: Cicero, *ad Att.* XV. 4.

177

Цицерон сообщает о своем решении предать гласности отказ Долабеллы вернуть приданое: Cicero, *ad Att.* XVI. 15. 1.

178

App. *BC*. III. 21–22, Suetonius, *Augustus* 10. 1–2, 95, Dio Cass. XLV. 3. 4–7. 2, Nic. Dam. *Vita Aug*. 28, см. также: R. Syme (1960), p. 114–117, 116, fn. 3 с цитатой из Т. Райса Холмса (T. Rice Holmes, *The Architect of the Roman Empire*. Vol. 1 (1928), p. 191), с доводами в пользу того, что *ludi Ceriales* праздновались в конце мая, а не в апреле, как обычно делалось.

179

О военной казне Юлия Цезаря: Nic. Dam. *Vita Aug.* 18.

180

App. *BC*. III. 23–4, 28, Suetonius, *Augustus* 10. 1, Dio Cass. XLV. 6. 4, Cicero, *ad Att.* XV. 2. 3; Syme (1960), p. 131; J. Ramsay, 'Did Mark Antony Contemplate an Alliance with His Political Enemies in July 44 B.C.E.?', *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268, особ. 253, fn. 3 о продолжительности празднеств и их датировке в этот период. В статье представлен полезный анализ хронологии событий летних месяцев 44 г. до н. э.

181

Suetonius, *Julius Caesar* 88, Plin. *NH*. II. 93–94; J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 40–41, детальный анализ см. J. Ramsay & A. Licht, *The Comet of 44 BC and Caesar's Funeral Games* (1997), p. 135–153.

182

О выборах в плебейские трибуны см. App. *BC*. III. 31 – наиболее подробный рассказ, где говорится, что молодой Цезарь поддерживал кандидата (Фламиния. – *Прим. пер*.), однако толпа «потребовала» объявить его трибуном, однако этому воспрепятствовал Антоний, также см. Plut. *Ant.* 16, Dio Cass. XLV. 6. 2, Suetonius, *Augustus* 10. 2; Syme (1960), p. 120; Z. Yavetz, *Plebs and Princeps* (1969), p. 73–75; комета как символ будущего величия, Plin. *NH*. II. 93.

183

По вопросу о реформе судов см. J. Ramsay, ‘Mark Antony’s Judiciary Reform and its revival under the Triumvirs’, *JRS* 95 (2005), p. 20–37, хотя стоит обратить внимание на с. 31, где говорится о сумме в 40 000 или 50 000 сестерциев, необходимой для занесения в списки *prima classis* в *comitia centuriata*, как «ничтожно малой» по сравнению со всаднического цензом, превышавшим названный в восемь раз. Это было примерно вдвое больше того щедрого дара, который вскоре обещал Цезарь своим воинам. Это было, напомним, минимальной суммой, и не приходится сомневаться, что собственность частных лиц охватывала все состояния до всаднического ценза.

184

Cicero, *ad Fam.* XI. 28. 6–7 – о письме Матия Цицерону с объяснением того, почему он оказывает финансовую поддержку молодому Цезарю, поскольку его обязывает к этому дружба с Юлием Цезарем. App. *BC*. III. 28–30 – о примирении Антония и Цезаря и голосовании по поводу Цизальпинской Галлии; 32–40 – об их отношениях и предполагаемом заговоре, также см. Cicero, *ad Att.* XVI. 8. 1–2, *ad Fam.* XII. 3, Dio Cass. XLV. 7–3–9.5, 12. 1–6, Plut. *Ant.* 16. О статусе добровольцев на стороне Цезаря и воинов, которые присоединились к нему, см. J. Linderski, 'Aphrodisias and the *Res Gestae*: The *Genera Militiae* and the Status of Octavian', *JRS* 74 (1984), p. 74–80, где доказывается, что клятва, данная людьми Цезаря, являлась частью процедуры чрезвычайного набора, будучи не обычной воинской присягой, *sacramentum*, а *coniuratio*, там же см. о ее последствиях для данного статуса.

185

О мыслях и действиях Цицерона в этот период см. D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 292–297; Ramsay (2001), особ. см. p. 265–267.

186

Osgood (2006), p. 41–42, Stockton (1971), p. 292–293, 297–9, A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), p. 375–382; App. *BC*. III. 5 об отрядах Антония из 6000 человек; Cicero, *ad Fam.* XII. 2. 1, 3. 1, Plut. *Cicero* 43 о царивших тогда страхах.

187

App. *BC*. III. 40; Cicero, *ad Att.* XVI. 8. В этом послании, написанном 4 ноября 44 г. до н. э., сообщается, что у Цезаря было 3000 ветеранов, и упоминается о его надежде привлечь на свою сторону македонские легионы.

Цитата из «Илиады» (VII. 93. Пер. Н. И. Гнедича). – *Прим. пер*.

189

Беспокойство по поводу Цезаря: Cicero, *ad Att.* XVI. 14. 1, цитата из Аттика: 16. 15. 3, ср. Plut. *Cicero* 44–46; Stockton (1971), p. 295–296.

190

Плебейский трибун 44 г. до н. э. Тиберий Кануций. – *Прим. пер.*

191

Cicero, *ad Att.* XVI. 15. 3 (цитата), также см. App. *BC*. III. 41–42; Dio Cass. XLV. 12. 3–6.

192

Cicero, *Philippicae* III. 20 (утверждение о том, что Антоний собирался объявить молодого Цезаря врагом народа).

193

О неизбежном «хвосте» из купцов и их нахождении за пределами зимнего лагеря Квинта Цицерона в Галлии в 53 г. до н. э. см. Caesar, *BG*. VI. 37. 2.

194

О назначении Юлием Цезарем центурионов из закаленных в походах соединений во вновь создаваемых легионах см. Caesar, *BG*. VI. 40. 7.

195

App. *BC*. III. 31, 40–44, Dio Cass. XLV. 12. 1–13. 5, Cicero, *Philippicae* III. 4, 6, 38–39, 4. 5–6; Osgood (2006), p. 47–50; дискуссия по поводу *Legio Martia* и предполагаемого надгробного камня одного из центурионов см. L. Keppie, 'A centurion of *legio Martia* at Padova?', *Journal of Roman Military Equipment Studies* 2 (1991), p. 115–121 = L. Keppie, *Legions and Veterans: Roman Army Papers 1971–2000* (2000), p. 68–74, A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 219–221.

App. *BC*. III. 46, Dio Cass. XLV. 13. 5; Syme (1960), p. 126–127.

197

О нападках на Цезаря см. Cicero, *Philippicae* III. 20, App. *BC.* III. 44–46, Dio Cass. XLV. 13. 5; о легионе «Жаворонки» в ноябре см. Cicero, *ad Att.* XVI. 8, хотя возможно, что Цицерон просто хотел изобразить Антония и его сторонников как варваров и потому использовал это слово.

198

Слова Иосифа Флавия – из «Иудейской войны» (III. 5. 1); об армии этого периода в целом см. H. Parker, *The Roman Legions* (1957), p. 47–71, особ. см. p. 55–56, F. Adcock, *The Roman Art of War under the Republic* (1940), P. Brunt, *Italian Manpower, 225 BC–AD 14* (1971), P. Connolly, *Greece and Rome at War* (1981), M. Feugère (ed.), *L'équipment Militaire et L'Armement de la République, JRMES 8* (1997), E. Gabba (trans. P. J. Cuff), *The Roman Republic, the Army and the Allies* (1976), L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), Y. Le Bohec, *The Imperial Roman Army* (1994), J. Harmand, *L'armée et le soldat a Rome de 107 a 50 avant nótre ére* (Paris, 1967); см. недавнее отличное исследование более общего характера: S. James, *Rome and the Sword. How Warriors and Weapons Shaped Roman History* (2011), а также: A. Goldsworthy, *The Complete Roman Army* (2004).

199

Цитата из Цицерона, *ad Att.* XVI. 5. 3 (в действительности XVI. 15. 3. – *Прим. пер.*); Osgood (2006), p. 49; Stockton (1971), p. 299–306; мнение Квинта Цицерона о консулах: *ad Att.* XVI. 27. 2; Децим Брут в Цизальпинской Галлии: Cicero, *ad Fam.* XI. 6, 6a. 2.

200

Оба фрагмента – из третьей «филиппики» Цицерона, первый – из § 2, второй – из § 6.

201

«Мальчишка, который всем обязан своему имени»: Cicero, *Philippicae* XIII. 24; о заискивании Цезаря перед Цицероном см. Plut. *Cicero* 45–46; о тактике Цицерона см. Stockton (1971), p. 300–302, 326–328.

202

App. *BC*. III. 48, 50–51, Dio Cass. XLVI. 29. 2–6, Cicero, *ad Brutum* I. 12, *Philippicae* V. 3–4, 25, 31; Rawson in *CAH2* IX, p. 479–481.

203

Cicero, *ad Fam*. XI. 20. 1.

Поднять означает устранить: умершего украшали, затем поднимали на носилках. – *Прим. ред.*

205

App. *BC*. III. 27, 49; J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 50.

206

У Гая Антония был всего лишь один легион (App. *BC*. III. 79). – *Прим. пер*.

207

App. *BC*. III. 3. 63, 79; R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 171–172, 183.

208

Caesar, *BG.* VIII. *praef,* где утверждается, что Бальб побуждал его написать восьмую книгу «Записок о Галльской войне»; Osgood (2006), p. 51, fn. 133, где отмечается особое положение Седьмого и Восьмого легионов.

209

Cicero, *ad Fam.* X. 6. 3, ср. *Philippicae* XIII. 7–9, также см. A. Lintott, *Cicero as Evidence* (2008), p. 399.

210

App. *BC*. III. 3. 50, 65; Dio Cass. XLVI. 35. 1–37. 3, в том числе и о переходе воинов вспомогательной конницы молодого Цезаря на сторону Антония, Plin. *NH*. X. 110 (об использовании голубиной почты).

211

О двух битвах при Галльском Форуме см. Cicero, *ad Fam.* X. 30 (рассказ очевидца Сервия Сульпиция Гальбы); App. *BC.* III. 66–70, Dio Cass. XLVI. 37. 1–7, современная литература: Osgood (2006), p. 51–55; L. Keppie, *The Making of the Roman Army* (1984), p. 115–118; A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 225–227. Аппиан обращает внимание на драматизм битвы – ветераны сражались молча, убивая, словно машины, но возможно, что это не более чем риторика самого Аппиана. Стоит учитывать, что настоящие ветераны входили в состав только преторской когорты. Рядовой же состав македонских легионов имел малый опыт воинской службы.

212

App. *BC*. III. 71–72, Dio Cass. XLVI. 38. 1–7, Cicero, *ad Fam.* XI. 13. 2, Suetonius, *Augustus* 10. 4 о поведении молодого Цезаря, акцент на отваге и молодости делает Веллей Патеркул: II. 61. 4; о вызовах на битву см. A. Goldsworthy, *The Roman Army at War 100 BC–AD 200* (1996), p. 143–145.

213

App. *BC*. III. 73–75, Plut. *Ant.* 17–18; о нехватке животных у Децима Брута см. Cicero, *ad Fam*. XI. 13. 2.

Сервий Сульпиций Гальба. – *Прим. пер*.

215

Cicero, *ad Brutum* I. 6. 2 – о ходивших в то время слухах, в достоверности которых Брут на самом деле сомневался, поскольку лично знал врача Пансы, Suetonius, *Augustus* 11 – о более поздних историях о причастности молодого Цезаря к смерти Гирция и Пансы; ср. Tacitus, *Ann.* 1. 10. 1, где говорится, что Пансу отравили, а Гирция убили его же люди; о командире, при Галльском Форуме, чуть не схваченном антонианцами, а затем едва не убитом своими, см. Cicero, *ad Fam.* X. 30. 3.

216

Cicero, *ad Brutum* I. 3. 4; *ad Fam.* X. 21. 4; XI. 19. 1; 21. 2, App. BC. III. 74, Dio Cass. XLVI. 40. 1; Rawson in *CAH2* IX, p. 483–485, Syme (1960), p. 176–178; D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 318–323 – о реакции сената и последствиях битвы при Мутине; письмо Азиния Поллиона, дошедшее до нас в составе переписки Цицерона: *ad Fam.* X. 33. 1.

217

Cicero, *ad Fam.* XI. 11. 4 – цитата (в действительности XI. 10. 4. – *Прим. пер.*), *ad Fam.* XI. 19. 1 (о разочаровании Децима Брута из-за неудачных попыток поставить под свое командование Четвертый и Марсов легионы); о поведении армии Лепида см. Plut. *Ant.* 18, App. *BC*. III. 80–84, Dio Cass. XLVI. 38. 6–7; Syme (1960), p. 178–179; Brunt (1971), p. 481–484.

Stockton (1971), p. 319–330.

219

Cicero, *Philippicae* XIII. 22–25.

220

App. *BC*. III. 82; Cicero, *ad Brutum* I. 3. 2, 4. 3–6; *Philippicae* XIV. 15; Plut. *Cicero* 45; Stockton (1971), p. 325–328, Lintott (2008), p. 416–421; Cicero, *ad Brutum* I. 10. 3 – о родственниках молодого Цезаря, добивавшихся для него консулата.

221

App. *BC*. III. 88, Suetonius, *Augustus* 26. 1, Dio Cass. XLVI. 42. 3–43. 6; Syme (1960), p. 185, fn. 7, где выражается скептицизм по поводу некоторых деталей этой истории.

222

Квинт Галлий, претор по делам перегринов (чужеземцев). – *Прим. пер*.

223

App. *BC*. III. 88–95, Dio Cass. XLVI. 44. 1–49. 5, Velleius Paterculus II. 65. 2, *Res Gestae* 1, а также Syme (1960), p. 185–188; о легионах в этот период см. P. Brunt, *Italian Manpower 225 BC–AD 14* (1971), p. 481–484.

J. Ramsay, ‘Did Mark Antony contemplate an alliance with his political enemies in July 44 B.C.E.?’, *Classical Philology* 96. 3 (2001), p. 253–268. Этот автор доказывает, что Антоний стремился лишь усилить свои позиции и ни в коей мере не стремился к долговременному соглашению с заговорщиками.

225

О создании триумвирата см. Plut., *Ant.* 19–21, App. *BC*. III. 96–94; Dio Cass. XLVI. 50. 1–56. 4, а также Syme (1960), p. 188–191, Osgood (2006), p. 57–61; Rawson in *CAH2* IX, p. 485–486; Goldsworthy (2010), p. 228–231.

226

См. App. *BC*. IV. 6. Здесь говорится о том, что одни источники сообщают о двенадцати человеках, убитых сразу же, другие – о семнадцати.

Ростры – в Древнем Риме ораторская трибуна на Форуме. – *Прим. ред.*

228

В целом о проскрипциях см. App. *BC*. IV. 6–31, Dio Cass. XLVII. 1. 1–15. 4, Plut. *Cicero* 46, *Ant.* 19, содержательный обзор событий см. в работе: J. Osgood, *Caesar's Legacy. Civil War and the Emergence of the Roman Empire* (2006), p. 62–82, и R. Syme, *The Roman Revolution* (1960), p. 190–194; об интересной дискуссии по поводу последствий проскрипций, их изображения и роли в них юного Цезаря см. A. Powell, *Virgil the Partisan: A Study in the Re-integration of Classics* (2008), p. 55–62, 68–69; как указывает этот автор, существует опасность того, что особая жестокость этих убийств может забыться из-за привычности термина «проскрипции»; о размерах войск, приведенных каждым триумвиром в Рим, см. App, *BC*. IV. 7; слова о нежелании писать против триумвиров Азинию Поллиону приписывает Макробий (*Sat.* II. 11. 1; в действительности II. 4. 21. – *Прим. пер*.).

229

App. *BC*. IV. 8–11 приводит версию документа об объявлении проскрипций, который, вполне возможно, является подлинным. О включении в проскрипции Торания см. Suetonius, *Augustus* 27. 1.

230

Plut. *Ant.* 19–20, App. *BC*. IV. 5–30, 37, Dio Cass. 57. 1. 1–14. 5, а также см. Syme (1960), p. 190–196; Osgood (2006), p. 62–82; цитата – из Plut. *Ant.* 20.5 (пер. С. П. Маркиша).

231

Homo novus *(лат.)* – новый человек, человек незнатного рода, получивший высшие магистратуры, «выскочка». – *Прим. ред.*

232

См. Plut. *Cicero* 47–48, App. *BC*. IV. 19–20; также см. Osgood (2006), p. 78, по поводу обсуждения этих событий в историографии и источников, см. D. Stockton, *Cicero. A Political Biography* (1971), p. 331–332, T. Mitchell, *Cicero. The Senior Statesman* (1991), p. 322–324, A. Everitt, *Cicero. A Turbulent Life* (2001), p. 304–310.

233

Dio Cass. XLVII. 8. 3–4, Plut. *Cicero* 48–49, *Ant.* 20, App. *BC*. IV. 19, также см. Cornelius Nepos, *Atticus* 9. 3–7; A. Goldsworthy, *Antony and Cleopatra* (2010), p. 245–246.

234

Suetonius, *Augustus* 27. 1–2, где делается акцент на преследовании им жертв, иначе см. Velleius Paterculus II. 66–67, где ответственность возлагается на Антония и Лепида. Также см. K. Scott, 'The Political Propaganda of 44–30 BC', *Memoirs of the American Academy in Rome* 11 (1933), p. 7–49, особ. p. 19–21, Powell (2008), p. 63–68 об отношении источников к молодому Цезарю и его изображении в них; Goldsworthy (2010), p. 246–247.

235

О коринфских вазах см. Suetonius, *Augustus* 70. 2, о том, как Антоний проскрибировал Верреса из-за его коллекции предметов искусства, см. Plin. *NH*. XXXIV. 2. 6, Scott (1933), p. 20–21; об Антонии и Фульвии см. App. *BC*. IV. 40, Dio Cass. XLVII. 7. 4–5, 8. 5.

App. *BC*. IV. 30 о жертвах среди детей, IV. 23–24 – история о вдовах; о роли женщин в этих событиях см. Osgood (2006), p. 74–82.

237

App. *BC*. IV. 23, также см. Osgood (2006), p. 64–65, 79; история с избиением женщины слугами Лепида сохранилась в надгробной надписи, поставленной женщине ее мужем и обычно известной под названием *Laudatio Turiae*, см. Osgood (2006), p. 67–74 (рассмотрение вопроса со ссылками на литературу).

Это был некто Тит Виний. – *Прим. пер*.

239

Вольноотпущеннику Филопемену, в доме которого укрывался Виний, молодой Цезарь даровал за это всадническое достоинство. – *Прим. пер*.

240

App. *BC*. IV. 31–34; Dio Cass. XLVII. 14. 2–3; также см. Osgood (2006), p. 84–88.